

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Институт филологии
Крымское отделение Союза переводчиков России
ГБУК РК «Крымская республиканская универсальная научная библиотека
им. И. Я. Франко»

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы VIII международной научно-практической конференции

*Симферополь
25–26 апреля 2024 года*

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2024

УДК 81'25
ББК 81.2–7
П 27

Главный редактор д. филол. н., доц. М. В. Норец

Редакционная коллегия

д. филол. н., проф. А. Д. Петренко (Симферополь, Россия)
д. филол. н., проф. С. А. Кочетова (Горловка, Россия)
д. филос. н., проф. О. Р. Демидова (Санкт-Петербург, Россия)
д. филол. н., проф. Г. И. Лушникова (Ялта, Россия)
д. филол. н., проф. О. В. Резник (Симферополь, Россия)
д. филол. н., проф. М. Г. Меркулова (Москва, Россия)
д. филол. н., доц. О. А. Джумайло (Ростов-на-Дону, Россия)
д. культурологии, доц. О. Б. Элькан (Санкт-Петербург, Россия)

П 27 Переводческий дискурс: междисциплинарный подход:
материалы VIII международной научно-практической конференции,
Симферополь, 25-26 апреля 2024 г. / гл. ред. М. В. Норец. –
Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2024. – 434 с.
ISBN 978-5-907819-38-2

В сборнике представлены статьи по докладам участников VIII международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», которая проводилась в г. Симферополь 25-26 апреля 2024 г. На конференции рассматриваются актуальные проблемы теории и практики перевода, современного литературоведения, прикладные аспекты и жанровые стратегии перевода, перевод и межкультурная коммуникация, а также вопросы методики преподавания иностранных языков и переводоведческих дисциплин и научно-библиографической деятельности библиотек; добавлена секция культурологические и философские аспекты перевода, а также творчество А. С. Пушкина в современных традициях перевода.

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность данных, цитат, имен и названий ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

УДК:81'25
ББК:81.2–7

© Коллектив авторов, текст, 2024
© Н. К. Норец, верстка, дизайн, 2024
© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2024
ISBN 978-5-907819-38-2

УДК 81

**СПЕЦИФИКА АНГЛО-РУССКОГО ПЕРЕВОДА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ Д. ТРАМПА)**

Д. Р. Абдульмянова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва

К. М. Леванчук,

обучающийся бакалавриата, кафедра языкознания и переводоведения

Аннотация. В работе представлен анализ особенностей перевода политической метафоры с английского на русский язык на материале публичных выступлений Дональда Трампа.

Ключевые слова: политическая метафора; политический дискурс; перевод.

Summary. The paper analyzes the peculiarities of translation of political metaphor from English into Russian on the material of Donald Trump's public speeches.

Key words: political metaphor; political discourse; translation.

Коммуникации, осуществляемые в рамках политического дискурса, представляют собой важнейшую составляющую современной общественной жизни, поскольку политический дискурс обладает определенным потенциалом для воздействия на массовое сознание и привлечения внимания целевой аудитории.

Среди продуктивных языковых инструментов, используемых политиками в своей речевой деятельности, выделяют метафору, представляющую собой один из наиболее распространенных тропов, служащую для создания яркой образности, экспрессивности речи и, вне всякого сомнения, применяемую для усиления речевого воздействия на сознание участника социального взаимодействия.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ параметров функционирования метафоры как продуктивного инструмента воздействия на адресата. Для достижения поставленной цели были применены описательный, компонентный и контекстуальный методы анализа. Материалом исследования послужили политические метафоры, отобранные в ходе публичных выступлений Дональда Трампа.

Тенденция активного воспроизведения метафоры в контексте политических выступлений обусловлена тем, что представленный троп ввиду своей экспрессивности оказывает манипулятивный эффект на реципиентов, тем самым позволяя политическому деятелю действовать в рамках собственных интересов и целей.

На первом этапе исследования были проанализированы функциональные аспекты метафорического выражения на примере публичных выступлений Д. Трампа. В работе А. П. Чудинова основными функциями метафор выступают когнитивная, коммуникативная, прагматическая и эстетическая функции, в каждой из которых в дальнейшем выделяются разновидности [11, с. 59].

Когнитивная функция метафоры представляет собой подход, при котором метафора рассматривается как способ мышления и произведения оценки различным явлениям и предметам, при помощи нахождения им соответствий с не имеющими с ними связи объектами и процессами действительности [11, с. 59]. Таким образом, когнитивный функционал метафоры позволяет давать экспрессивную характеристику явлениям и предметам действительности посредством сравнения их с объектами и процессами иной области, не соприкасающейся с их первоначальным значением («*Our great African American President hasn't exactly had a positive impact on the **thugs** who are so happily and openly destroying Baltimore!*») / «*Наш великий афроамериканский президент однозначно не оказал положительного влияния на **головорезов**, которые так открыто и с удовольствием разрушают Балтимор!*»). В представленном примере *thugs* (головорезы) являются протестующими людьми, вызвавшими волну массовых беспорядков в Балтиморе в период с 25 апреля – 3 мая 2015 года, в результате которых сожжению подверглись 15 зданий и 144 машин, а более 200 человек было арестовано.

Рассмотрим коммуникативную функцию, в которой наиболее важным аспектом является способ передачи информации. Политическим деятелям зачастую приходится применять такие языковые приемы, благодаря которым они способны выразить собственное отношение или мнение об определенном кандидате, партии или сложившейся ситуации в стране, косвенно указывая на представленные элементы или вовсе не упоминая их («*So if you want to hear **the corporate spin, the carefully-crafted lies, and the media myths, the Democrats are holding their convention next week, go there***») / «*Те из вас, кто хочет услышать **корпоративный сговор тщательно продуманной лжи и мифов СМИ, съезд демократов проходит на следующей неделе, идите туда***»). Посредством популяризаторской разновидности данной функции метафора позволяет передавать в доступной форме сложную идею. Отметим, что политическая речь зачастую ориентирована на широкую аудиторию, поэтому политические деятели обосновывают свою точку зрения как с помощью статистических данных, ссылок, так и выражая свои мысли в понятной и доступной форме («*In our nation's capital, killings have risen by **50%**. They are up nearly **60%** in nearby Baltimore*») / «*В столице нашей страны, количество убийств повысилось на **50%**. В Балтиморе оно выросло практически на **60%***»; «*In 2009, pre-Hillary, **ISIS was not even on the map**. Libya was stable. Egypt was peaceful. Iraq was seeing and really a big reduction in violence. Iran was **being choked** by sanctions. Syria was **somewhat under control***») / «*В 2009 году, до Хиллари, ИГИЛ даже не было на карте, Ливия была стабильной, Египет был мирным, в Ираке наблюдалось сокращение насилия, Иран душили санкции, Сирия была в какой-то степени под контролем*»).

Рассмотрим прагматическую функцию метафоры, представляющую собой мощный инструмент воздействия на адресата, формирования в его

сознании некой картины мира, тем самым побуждая его к определенным действиям («*Together, we will lead our party back to the White House, and we will lead our country back to safety, prosperity, and peace*» / «*Вместе мы поведем нашу партию обратно в Белый дом, вернем безопасность, процветание и мир в стране*»); «*Another humiliation came when president Obama drew a “red line” in Syria – and the whole world knew it meant absolutely nothing*» / «*Еще одно унижение имело место, когда президент Обама прочертил “красную черту” в Сирии, и весь мир знал, что она ничего не значила*»).

Рассмотрим эстетическую функцию, не менее релевантную для политической сферы общения. Данная функция направлена на передачу образности и экспрессивности высказывания. Образность речи способна сделать высказывание более эффективным. Следует отметить, что речь политических деятелей наполнена различными языковыми приемами, позволяющими расположить к себе реципиента красивыми и приятными фразами, за которыми в большинстве случаев стоят обещания и не реализующиеся в дальнейшем планы и перспективы («*I have a message to every last person threatening the peace on our streets and the safety of our police: when I take the oath of office next year, I will restore law and order to our country*» / «*У меня есть послание всем до последнего, кто угрожает миру на наших улицах и безопасности нашей полиции: когда я приму присягу в следующем году, я восстановлю закон и порядок в нашей стране*»).

Так, проанализировав функции метафоры, включающие в себя как воспроизведение экспрессивного высказывания для выстраивания доверительных отношений между политическим деятелем и адресатом, нахождение различных соответствий между явлением и предметом действительности, способ донесения информации до принимающей стороны речь наиболее эффективным способом, так и упрощение речи политического деятеля ввиду учета способностей широкой аудитории воспринимать информацию, представляется крайне актуальным на втором этапе исследования описать специфику англо-русского перевода политической метафоры. Как известно, потребность в выборе грамотного подхода к изучению способов перевода метафоры определяется значимостью соответствующей передачи образной информации и воссоздания в переведенном тексте стилистического эффекта исходного текста.

В ходе исследования в качестве опоры была выбрана классификация В. Н. Комиссарова, в которой представлены такие лексические трансформации, как калькирование, конкретизация и генерализация, что при передаче политических метафор в речи Дональда Трампа с английского на русский язык в одних случаях позволило сохранить полный метафорический образ высказывания, в других – снизить экспрессивность оригинальной метафоры:

1. воспроизведение равноценного по воздействию и идентичного по

созданию образу имеющегося эквивалента в языке перевода при передаче политической метафоры позволяет добиться полного сохранения метафоричности высказывания, иными словами, при переводе метафоры экспрессивная окраска высказывания остается равноценной оригинальному тексту («*They were sent by God to save my life. For me, my family and the Druze people of Israel. I thank God **from the bottom of my heart***» / «Они были посланы Богом, чтобы спасти мою жизнь. Для меня, моей семьи и дружеского народа Израиля. Я благодарю Бога **от всего сердца**»);

2. использование метафоры-аналога как адекватного способа передачи политической метафоры, при котором передается только схожий образ метафоры исходного языка, то есть при переводе политической метафоры утрачивается эмоционально-экспрессивная окраска и метафоричность высказывания («*Vote with all of your **heart and soul** to Make America Great Again*» / «Голосуйте, вкладывая в это всю свою душу для того, чтобы Америка снова стала великой»);

3. калькирование, представляющее собой передачу экспрессивности авторской метафоры посредством копирования структуры метафоры исходного текста средствами языка перевода («*The only thing she's got going is the **woman's card**, and the beautiful thing is, women don't like her*» / «**Женская карта** – единственное, что у нее есть, и самое удивительное – женщинам она все равно не нравится»);

4. деметафоризация как способ передачи политической метафоры, подразумевающий замену метафоры исходного языка на слово или словосочетание языка перевода, которое не является метафорой («*I'm with you all the way. Okay? All right? In America, **the very heart** of the university's mission is preparing students for life as citizens in a free society*» / «Я всегда с вами. Хорошо? В Америке **суть** миссии университета заключается в подготовке студентов к жизни в качестве граждан в свободном обществе»).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реализация ряда различных функций политической метафоры в тексте перевода напрямую зависит от адекватного способа передачи политической метафоры, поскольку правильно выбранная переводческая трансформация позволяет полностью сохранить эффект эмоционального воздействия на адресата.

Список используемых источников

1. Абдульмянова Д. Р. Моделирование межличностного взаимодействия в интернет-коммуникации: экспериментальное исследование: дис. ... кандидата филол. наук. – Москва, 2015. 215 с.
2. Абдульмянова Д. Р. Моделирование как метод исследования коммуникативного взаимодействия: динамическая модель интернет-коммуникации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 30-43.
3. Абдульмянова Д. Р. Языковая способность как фактор коммуникативного поведения в интернет-пространстве: экспериментальное исследование // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 166-176.

4. Викулова Л. Г., Новиков Н. В. Формирование негативного образа политика в массмедийных дискурсе: предметная сфера спорт // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 3 (19). – С. 42–49.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие студентов институтов и факультетов иностранных языков. – Москва: Высш. шк. – 1990. – 253 с.
6. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / перевод с английского А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под редакцией и с предисловием А. Н. Баранова. – Москва: УРСС. – 2004. – 256 с.
7. Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / О. А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н. В. Лягушкина [и др.]. – Москва: Ленанд, 2015. – 272 с.
8. Основы межкультурной коммуникации: Государственные и национально-культурные символы / Л. А. Борботько, Л. Г. Викулова, Л. А. Воробьева [и др.]. – 2-е издание, стереотипное. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2019. – 277 с.
9. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: монография. Москва: Международные отношения. – 1974. – 237 с.
10. Фельдблюм Полный текст и перевод речи Дональда Трампа на Съезде Республиканской партии в Кливленде 21 июля 2016 г. // Alternativy: [сайт]. – URL: <https://alternativy.ru/ru/node/14769> (дата обращения: 29.01.2024).
11. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ. – 2003. – 248 с.
12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивные исследования политической метафоры: монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. – 2001. – 238с.
13. Donald Trump – Republican Convention Speech – URL: <https://genius.com/Donald-trump-republican-convention-speech-annotated> (дата обращения: 29.01.2024).
14. Sides, John Why is Donald Trump declining in the polls? The media strike again // The Washington Post. 2015. Sept. 29. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2015/09/29/why-is-donald-trump-declining-in-the-polls-the-media-strike-again/> (дата обращения: 29.01.2024).

УДК 81

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИДЕОИГР

Д. Р. Абдульмянова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва

Н. А. Любашев,

обучающийся магистратуры, кафедра языкознания и переводоведения

Аннотация. В статье рассматриваются отличительные особенности локализации и перевода, специфика локализации в рамках рекламного дискурса, особенности манипулятивной функции рекламы, а также проводится анализ локализации рекламных текстов видеоигр с учетом использования релевантных лексических и грамматических трансформаций. В результате исследования предлагается алгоритм локализации видеоигр, направленный на повышение качества локализации и сокращения количества переводческих ошибок.

Ключевые слова: Интернет, реклама, дискурс, видеоигры, манипулятивная функция, адаптация, локализация, перевод.

Summary. The paper focuses on the distinctive features of localization and translation, the specifics of localization of advertising discourse texts, the peculiarities of the manipulative function of advertising, and analysis of the localization of video game advertising texts in accordance with some relevant lexical and grammatical transformations. The study facilitated creation of an algorithm for video game localization aimed at improving the quality of localization and reducing the number of mistakes made by translators.

Key words: Internet, advertising, discourse, video games, manipulative function, adaptation, localization, translation.

Известно, что видеоигры впервые появились в конце 1950-х годов. С тех пор игровая индустрия продолжает активно развиваться наряду с компьютерными технологиями [1, с. 12]. Однако в игровой индустрии все еще существует огромное количество малоизученных областей, одной из которых является локализация видеоигр на разные языки и ее адаптация для различных культур. В последние годы наблюдается значительный рост популярности видеоигр. Данный факт свидетельствует о том, что игры стали неотъемлемой частью современной культуры и развлечения. В связи с ростом популярности возникает острая необходимость в грамотном подходе к локализации видеоигр – процессу адаптации игрового контента к языку и культуре конкретной аудитории. Вместе с тем, качественная локализация способствует улучшению игрового опыта и укреплению репутации разработчиков игр. Так, в настоящем исследовании предпринимается попытка разграничения понятий *локализация* и *перевод*, а также изучения специфики локализации рекламных текстов видеоигр с учетом переводческих трансформаций.

Как представляется, перевод и локализация текста не являются тождественными процессами, и изучение их отличительных характеристик представляет актуальную исследовательскую задачу [4]. Можно говорить о переводе как о части локализации, коммуникативном средстве, с помощью которого на языке перевода создается коммуникативно-равноценный текст, соответствующий содержанию оригинала сообщения [9, с. 5]. При этом перевод представляет собой именно часть локализации, поскольку не предполагает обязательную адаптацию текста. Так, качественно локализованный текст определяется понятной для аудитории адаптацией приведенных в тексте реалий [6; 7, с. 29].

Вместе с тем, рекламный дискурс представляет собой перспективную и одновременно нетривиальную для локализации сферу ввиду того, что перевод рекламы подразумевает сохранение не только содержания исходного сообщения, но и манипулятивного воздействия на аудиторию [8, с. 40]. Это представляет собой особенную функцию рекламы как типа коммуникации, в то время как в других типах функция воздействия рассматривается как периферийная [5, с. 437]. В рамках интернет-канала как основного способа передачи рекламы видеоигр существуют некоторые особенности восприятия рекламы пользователем: возможность критически

оценивать достоверность и релевантность рекламы и оставлять отзывы на странице продукции с целью публичного обмена опытом пользования тем или иным товаром [2, с. 33; 3, с. 167]. Как показывает практика, нередко в сфере видеоигр отобранные разработчиками отзывы становятся частью рекламной кампании продукта, а именно транслируются в видеороликах или указываются непосредственно в рекламном тексте. Следует отметить то, что такие отзывы также переводятся. Это свидетельствует о том, что перед переводчиком стоит непростая задача, состоящая в умении качественно перевести и адаптировать текст, используя актуальный инструментарий и широкий спектр возможностей современных технологий [13, с. 102]. Кроме того, важным фактором выступают и компетенции, связанные с интернет-каналом, посредством которого передается информация. Переводчик должен обладать знаниями и умениями в подготовке информации для ее дальнейшего размещения в соответствующем формате, умением очистить форматирование, а также работать с закрепленным текстом (тегами) [12].

С целью изучения вышеперечисленных особенностей был проведен анализ частотно используемых переводческих трансформаций для локализации [10, с. 74; 11]. Эмпирическую базу составили англоязычные рекламные тексты и их официальные переводы (94411 знаков) для игр *Ark: Survival Evolved*, *Age of Wonders III*, *Assassin's Creed Odyssey*, *Baldur's Gate 3*, *Crusader Kings III*, *Darkest Dungeon*, *Deep Rock Galactic*, *Destiny 2*, *Dota 2*, *Divinity: Original Sin 2*, *Dragon Age II: Ultimate Edition*, *Fallout 4*, *Hogwarts Legacy*, *Magicka*, *Mass Effect™*, *Mordheim: City of the Damned*, *Path of Exile*, *Remnant 2*, *SpellForce 3*, *Spore*, *Star Wars Jedi: Fallen Order*, *POSTAL 4: No Regerts*, *Terraria*, *The Elder Scrolls III: Morrowind® Game of the Year Edition*, *Vampire: The Masquerade® - Bloodlines™ 2*, *Warframe*, *Warhammer 40,000: Armageddon – Da Orks*, *Warhammer 40,000: Darktide*, *Warhammer 40,000: Chaos Gate – Daemonhunters*, *XCOM 2* и их утвержденные переводы на русский язык с соответствующих страниц игровой платформы Steam. Анализ эмпирического материала и интерпретация данных были проведены с учетом используемых лексических и грамматических трансформаций, а именно изменения порядка слов, структуры предложения и замены частей речи и членов предложения

Отметим, что изменение порядка слов связано с тема-рематическими отношениями и крайне часто встречается в случае с моноремами: *Your pursuit of power begins now. / Здесь начинается ваш путь к могуществу*. В приведенном фрагменте все предложение представляет собой принципиально новую информацию для реципиента, что делает его моноремой. Это свидетельствует о том, что изменение порядка слов при переводе можно выстраивать с учетом стилистических особенностей. Поскольку в оригинальном сообщении присутствует инверсия, не являющаяся распространенным стилистическим приемом в русском языке, был восстановлен прямой порядок слов.

Изменение структуры предложения (полное и частичное): *The rebellion of the renegade mages, known as the Mage Wars, has been quashed by the Crown.* / Так называемые Войны Магов. Восстание магов в конце концов было подавлено войсками Короны. В приведенном фрагменте наблюдается полное изменение структуры предложения, что объясняется тем фактом, что структура *known as the mages wars* стала отдельным безличным предложением.

Carry over battle-hardened veterans from scenario to scenario, using their experience and upgrading their equipment and weaponry. / Переносите закаленных ветеранов от сценария к сценарию, **используйте** их опыт и модернизируйте свои подразделения. В рассматриваемом примере используется частичное изменение структуры, при котором полупредикативная структура *using* трансформируется в предикативную *используйте*, что служит примером частичного изменения структуры предложения.

Замена частей речи и членов предложения: *Little do they know that a huge Ork invasion force is **hidden** within, ready to bring death and destruction upon the unsuspecting Imperial world...* / Они не знают, что огромная орда Орков, **скрывающаяся внутри**, готова принести смерть и разрушение на ничего не подозревающий мир Империи ... В анализируемом фрагменте предикативная структура с глаголом *to be* преобразовывается в причастный оборот.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно отметить, что предложенная классификация, включающая изменение порядка слов, структуры предложения и замену частей речи и членов предложения представляет собой актуальную задачу для процесса локализации видеоигр. Полученные результаты могут быть использованы в алгоритмизации перевода рекламных текстов с учетом синтаксических особенностей английского и русского языков.

Список использованных источников

1. Абдульмянова Д. Р. Интернет как новая платформа межличностного взаимодействия // Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, Москва, 29 марта 2022 г. – С. 12-17.
2. Абдульмянова Д. Р. Моделирование как метод исследования коммуникативного взаимодействия: динамическая модель интернет-коммуникации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 30–43.
3. Абдульмянова Д. Р. Языковая способность как фактор коммуникативного поведения в интернет-пространстве: экспериментальное исследование // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 166–176.
4. Бирюкова Е. В. Маркетинговая лингвистика: проблемы и перспективы развития // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 3 (43). – С. 160–164.
5. Борисова Е. Г. Рекламный дискурс: в чем его особенности? // Медиа лингвистика. – 2018. – Т. 5, № 4. – С. 436–444.

6. Газиева Д. Р. Анализ восприятия целостного коммуникативного события носителями английского и русского языков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – Т. 12, № 2. – С. 21–26.

7. Епифанова А. Б., Комиссарова А. Б., Ремизова С. В. Локализация и роль перевода в процессе локализации // Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация, дискурс травелога: Материалы XVIII научно-практической конференции, Екатеринбург, 30 сентября 2016 г. – С. 28–32.

8. Карачина Т. И., Курмаева И. И. Локализация при переводе рекламных текстов (на примере рекламы спортивных брендов) // Научные исследования: проблемы и перспективы: сборник научных трудов по материалам XV Международной научно-практической конференции, Анапа, 23 марта 2020 г. – С. 39–44.

9. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Курс лекций. – Москва: ЭТС, 2007. – 190 с.

10. Петрова И. М. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях: учеб. пособие. – Москва: ООО "Языки Народов Мира", 2022. – 259 с.

11. Сулейманова О. А. Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – № 2(12). – С. 60–68.

12. Сулейманова О. А. Технологический аспект подготовки современного переводчика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 7. – С. 313–317.

13. Tivyaeva I. V., Abdulmianova D. R. Digital politeness in online translator and interpreter training: The lessons of the pandemic // Training, Language and Culture. – 2023. – Vol. 7, No. 1. – P. 101–115.

УДК 81

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРУДНОСТЕЙ В УСТНОМ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

Д. Р. Абдульмянова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва

М. Миконяги,

обучающийся бакалавриата, кафедра языкознания и переводоведения

Аннотация. Настоящее исследование посвящено проблеме классификации переводческих ошибок в устном последовательном переводе. В статье проанализированы различные теоретические подходы к изучению специфики устного последовательного перевода. Авторы рассматривают различные аспекты, влияющие на качество перевода, такие как лингвистические, культурные и контекстуальные. В ходе исследования проводится анализ переводческих трудностей. Источником отбора эмпирического материала послужила база МГПУ «Переводческий корпус – синхронный и последовательный перевод – тексты и видеозаписи». В результате проведенного исследования представлена классификация переводческих трудностей в устном последовательном переводе.

Ключевые слова: перевод, переводчик, переводческие ошибки, устный последовательный перевод, классификация.

Summary. The present study is devoted to the issue of the translation errors'

classification in consecutive interpretation. The paper analyzes various theoretical approaches to the study of the specifics of consecutive interpretation. The authors consider various aspects that affect the quality of translation, such as linguistic, cultural and contextual. The study analyzes translation difficulties. The empirical material is based on the Moscow State Pedagogical University "Translation Corps – simultaneous and sequential translation – texts and videos". In the final analysis, we classify the translation difficulties in consecutive interpretation.

Keywords: translation, translator, translation errors, consecutive interpretation, classification.

Специфика устного последовательного перевода (далее УПП) состоит в том, что данный вид перевода представляет собой посредническую речевую деятельность при участии не менее трех субъектов и включает, как минимум, три вида и формы речевой деятельности, а именно: слушание, думание/переформулирование, говорение. Так, слушание направлено на понимание, осмысление поступающего речевого сообщения. «Думание» в работе И. А. Зимней выделяется как один из видов речевой деятельности, который предшествует говорению и предполагает переформулирование чужой мысли [6, с. 126].

Рассмотрим подробнее данное высказывание. Три субъекта – это говорящий, т.е. лицо, передающее первоначальное сообщение на исходном языке; переводчик (специалист), который осуществляет перевод исходного сообщения и целевой слушатель – лицо, которому предназначено переведенное сообщение. К трем видам и формам речевой деятельности относится слушание, думание/переформулирование, говорение. Следует отметить, что переводчик активно слушает говорящего и обрабатывает полученную аудиальную информацию. Далее он анализирует полученное сообщение и интерпретирует его с целью передачи смысла, контекста, культурно-специфических особенностей и других аспектов [4]. Вместе с тем, переводчик находит соответствующие эквиваленты в целевом языке, сохраняя при этом смысл оригинала. В конечном итоге переводчик озвучивает переведенное сообщение.

Как представляется, переводчик осуществляет несколько когнитивных операций (осмысление, анализ, переформулирование, произнесение). Отметим, устный последовательный перевод требует высокого уровня концентрации и когнитивной гибкости [5]. Переводчик активно работает на пересечении двух культур и языков с целью сделать сообщение понятным и релевантным для целевой аудитории.

Ожидается, что устный переводчик «должен владеть методикой поиска адекватных средств выражения заданной мысли, техникой нахождения нестандартных решений, особенно в трудных проблемных ситуациях... В процессе перевода он должен принять наиболее точные, стилистически верные решения» [8, с. 46]. Отметим, что словесные и стилистические средства могут существенно варьироваться между языками и культурными контекстами. Переводческий процесс часто включает в себя выбор между буквальным переводом и тем, чтобы передать «дух» текста,

сохраняя его замысел, стиль и эмоциональную окраску.

Одна из проблемных ситуаций состоит в том, что переводчик может столкнуться с выражениями, идиомами или культурно-специфическими реалиями, для которых нет прямых аналогов в целевом языке. В таких случаях ему необходимо находить креативные решения, чтобы максимально точно и естественно передать смысл в контексте целевого языка.

Под «проблемными ситуациями» также могут подразумеваться случаи с амбивальностью, многозначностью слов, культурными ситуациями, когда переводчику нужно быстро принимать решения без возможности глубокого анализа текста.

Стилистическая адекватность в переводе означает, что переводчик стремится сохранить не только смысл, но и стиль оригинального текста. Иными словами, она может включать сохранение тона, стиля, уровня формальности и других характеристик оригинального текста, которые могут быть критически важны для понимания контекста и коммуникативной цели текста.

Как правило, лексические трудности в УПП возникают при отсутствии точных эквивалентов слов или выражений в целевом языке. Например, рассмотрим слово *почемучка*. Лексическая трудность при переводе данной единицы заключается в том, что в английском языке отсутствует прямой эквивалент. Отметим, что данная лексическая единица эмоциональна окрашена, соответственно, переводчику следует наиболее точно и близко к оригиналу передать стилистику данного слова. Приведем пример перевода: *почемучка* – это уникальное комплексное развивающее приложение... *Whats and Whys is a unique complex educational application...* Данный вариант перевода вполне точно передает лексическое значение единицы на русском языке, но утрачивает часть эмоциональной окраски, характерной для оригинала. Интересно отметить, что переводчик использует прием аллитерации при переводе на английский язык – *w/w*. Следует предложить другие варианты перевода, которые сохраняют, как лексическое значение, так и стилистическую окраску предложенной единицы *Curiosity Explorer* или *Question Enthusiast*.

Целью исследования является изучение и анализ переводческих трудностей. Настоящее исследование выполнено с опорой на материалы базы данных МГПУ «Переводческого корпуса (синхронный и последовательный перевод – тексты и видеозаписи)». Эмпирическую базу составляют скрипты выступлений отечественных и зарубежных политиков, а также видеозаписи последовательного перевода их речей на русский или английский язык.

Так, рассмотрим синтаксические трудности, с которыми сталкиваются переводчики. Синтаксические трудности связаны с различиями в построении предложений между исходным и целевым языком. Проанализируем пример перевода предложения с английского на

русский язык в УПП с изменением структуры оригинального предложения (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Оригинал	Перевод
The impact of these conflicts risks to destabilize further international relations and therefore it is important that we have an opportunity to define cooperation which works against these destabilizing effects of the conflicts.	Последствия этих конфликтов могут иметь дополнительный дестабилизирующий эффект на международные отношения. Именно поэтому очень важно, что у нас есть эта возможность дополнительно поговорить о формировании сотрудничества, позволяющего нам бороться с дестабилизацией.

В английском языке предложение одно, но оно разделено на два смысловых компонента. В устном последовательном переводе переводчик прибегает к актуальному членению предложения и при переводе на русский язык ему удается сохранить смысл исходного сообщения, а также полноту высказывания. Переводчик делит оригинальный текст на два предложения.

Среди других переводческих трудностей можно выделить контекстуальные. Иными словами, переводчику необходимо не только точно передать смысл произнесенного, но и учесть контекст, в котором происходит общение. Рассмотрим подробнее на примере. Говоря о культурном контексте, важно учесть, что слова и фразы могут иметь разные значения в разных культурах. Переводчик должен понимать культурные особенности обеих языковых групп, чтобы избежать недопонимания или неправильной интерпретации (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Оригинал	Перевод
We're gonna begin our study in the book of genesis.	Мы начнем следующую проповедь с книги «Бытие».

Рассматривая ситуационный контекст, следует учесть обстоятельства, при которых происходит общение. Они также могут отразиться на качестве перевода. Например, формальная (деловая) встреча требует формального переводческого дискурса (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Оригинал	Перевод
Уважаемый г-н Генеральный секретарь, Уважаемые коллеги, Мы рады вас приветствовать в Москве. Ценим, что, прибыв в нашу столицу для участия в Московской конференции по международной безопасности, вы нашли возможность провести эту двустороннюю встречу.	Mr Secretary General, Colleagues, We highly appreciated that you've come to Moscow, you've come to attend the Moscow conference on International Security and we are grateful to you for having found an opportunity to hold this bilateral meeting. Welcome to Moscow.

Обратимся к эмоциональному компоненту высказывания. Переводчику необходимо учитывать стилистически окрашенные единицы в речи и передавать их на целевой язык, сохраняя эмоциональный контекст

сообщения (см. Таблицу 4).

Таблица 4

Оригинал	Перевод
We are very happy that Russia has long history with Africa and that is now strengthened once more through our regular dialogue.	Мы рады , что нас связывает долгая история отношений России и Африки. Надеемся, что это станет возможностью дальнейшего укрепления нашего диалога.

Рассмотрим индивидуальные особенности речи. Уникальные особенности речи говорящего, такие как акцент, скорость речи, или использование идиом, могут затруднять перевод (см. Таблицу 5).

Таблица 5

Оригинал	Перевод
So, let me be crystal clear . They were very pleased with the pace of what has happened with respect to chemical weapons.	Я хотел с самого начала сказать совершенно четко , что я очень доволен теми темпами, которыми этот процесс, которые характерны для этого процесса.

Таким образом, представляется возможным классифицировать переводческие трудности в УПП следующим образом:

а) лингвистические трудности подразумевают анализ способов перевода идиоматических выражений, специфической терминологии, а также синтаксических и фонетических особенностей исходного языка;

б) стилистические трудности включают стилистическую адекватность, которая в переводе означает, что переводчик стремится сохранить не только смысл, но и стиль оригинального текста, сохраняя эмоциональный компонент высказывания;

в) культурные трудности возникают из-за необходимости передачи слов или выражений, уникальных для культуры источника, что требует от переводчика не только знаний языка, но и понимания культурного контекста;

г) контекстуальные трудности представляют собой сложность в интерпретации смысла сказанного в зависимости от конкретной ситуации общения, включая учет эмоциональной окраски, интонации и ситуативных факторов;

д) психологические аспекты включают стрессовые факторы, такие как ограничение по времени и эмоциональное напряжение.

Следует отметить важность комплексного подхода к подготовке и обучению переводчиков, включающего не только развитие лингвистических навыков, но и умение адаптироваться к разнообразным культурным и контекстуальным условиям и развитие психологической устойчивости и стрессоустойчивости [11]. Это позволит обеспечить более высокий уровень качества устного последовательного перевода и эффективное межкультурное общение.

В заключение, отметим, что значимость устного последовательного перевода, как глубоко осмысленной деятельности, которая требует от переводчика не только лингвистической экспертизы, но и культурной

осведомленности, состоит в необходимости транслирования сообщений и идей таким образом, чтобы они были доступными для потенциальной аудитории с разным культурным фоном. Анализ представленных примеров позволяет лучше понять, как такие трудности могут проявляться на практике и каким образом их можно преодолеть.

Список использованных источников

1. Абдульмянова Д. Р. Языковая способность как фактор коммуникативного поведения в интернет-пространстве: экспериментальное исследование // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 166-176.
2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – Издательский центр: «Академия». – 2004. – 352 с.
3. Викулова Л. Г., Макарова И. В., Новиков Н. В. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2016. – Т. 15, № 3. – С. 54–65.
4. Газиева Д. Р. Анализ восприятия целостного коммуникативного события носителями английского и русского языков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – Т. 12, № 2. – С. 21-26.
5. Газиева Д. Р. Исследование динамических параметров интернет-коммуникации: языковая способность (по результатам эксперимента) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3-1(63). – С. 142-147.
6. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. – Воронеж: НПО «МОДЭК». – 2001. – 432 с.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебное пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк. – 1990. – 253 с.
8. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. Очерки по профессиональному переводу. – М.: Международные отношения. – 1976. – 192 с.
9. Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / О. А. Сулейманова, К. С. Карданова-Бирюкова, Н. В. Лягушкина [и др.]. – Москва: Ленанд. – 2015. – 272 с.
10. Межкультурная коммуникация в современном мире / А. В. Жукоцкая, С. В. Черненко, С. Б. Кожевников [и др.]. – Москва: Московский городской педагогический университет. – 2018. – 100 с.
11. Сулейманова О. А. Нерсесова Э. В., Вишневская Е. М. Технологический аспект подготовки современного переводчика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 7. – С. 313–317.
12. Tivyaeva I. V., Abdulmianova D. R. Digital politeness in online translator and interpreter training: The lessons of the pandemic // Training, Language and Culture. – 2023. – Vol. 7, No. 1. – P. 101-115.

УДК 81

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО УБЕЖДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**Д. Р. Абдульмянова,***кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения, институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва***В. В. Пиксаева,***обучающийся бакалавриата, кафедра языкознания и переводоведения*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с выявлением особенностей функционирования политической метафоры в современном общественно-политическом дискурсе. В работе описываются универсальные метафорические модели англоязычного и русскоязычного политического дискурса на материале СМИ, анализируются типичные сферы-источники и сферы-мишени каждой модели. В результате сопоставительного анализа обозначается специфика употребления и восприятия однотипных метафорических образов в русскоязычном и англоязычном политическом дискурсе.

Ключевые слова: метафора; концептуальная метафора; политический дискурс; метафорическая модель; речевое воздействие; убеждение.

Summary. The paper deals with the issues related to the identification of the peculiarities of political metaphor in modern socio-political discourse. The paper defines universal metaphorical models of English- and Russian-language political discourse on the material of mass media, analyzes the typical source and target spheres of each model. As a result of comparative analysis, the specifics of the use and perception of similar metaphorical images in Russian and English-language political discourse are identified.

Key words: metaphor; conceptual metaphor; political discourse; verbal impact; metaphorical model; persuasion.

Средства массовой информации, вместе с быстрым развитием Интернета, претерпели значительные изменения и стали еще более мобильными. Сегодня средства массовой информации являются самой динамичной сферой общения [3]. Одним из заметных изменений стало увеличение процента цитирования информации, представленной в СМИ. Интересным представляется то, что для большинства людей информация, полученная из СМИ, несет объективный характер и считается истиной. Однако принципиально важно помнить, что СМИ также являются субъективными источниками информации, подверженными влиянию различных факторов, таких как политические убеждения, коммерческие интересы и личные предпочтения журналистов. Более того, в настоящее время средства массовой информации сталкиваются с вызовами и проблемами, связанными с манипулятивным воздействием информации, что может существенно повлиять на общественное мнение и принятие важных решений [1]. Кроме того, с развитием социальных сетей и блогов возникло множество новых платформ, где люди могут самостоятельно публиковать свои мнения и идеи [2]. Это привело к дальнейшему расширению медиапространства и возможности для каждого человека выразить свою точку зрения. В целом, развитие СМИ и Интернета привело

к увеличению доступности информации и ускорению ее распространения.

Современный язык средств массовой информации продолжает эволюционировать, приобретая все больше выразительности и образности. В текстах новостных и информационных ресурсов можно наблюдать разнообразные стилистические приемы, которые делают информацию более привлекательной для целевой аудитории. Как представляется, одним из наиболее мощных инструментов создания образности является метафора. Она позволяет передать сложные идеи и концепции, используя знакомые образы и ассоциации.

Современные исследователи отмечают, что метафора принадлежит к числу языковых средств, которые наиболее активно используются в политическом тексте, поскольку метафора во всем ее многообразии доказала свою эффективность как основное средство убеждения. Многие ученые дают явлению метафоризации собственные определения, например, Дж. Лакофф и М. Джонсон представляют понятие концептуальной метафоры в виде перекрещивания двух понятийных областей, их взаимопроникновения, в процессе которого осуществляется перемещение семантического значения и когнитивных элементов из области-источника (исходной понятийной сферы) в область-цели (новой понятийной сфера) [7]. Отношение между этими компонентами понимается не как прямое отождествление, а как подобие. Необходимо подчеркнуть, что в процессе конструирования политической действительности ведущую роль играют не разрозненные метафоры, а целые системы взаимосвязанных метафор. В связи с этим, в центре внимания настоящего исследования оказывается метафорическая модель как «устойчивое соотношение между областью-источником и областью-целью, зафиксированное в национальной языковой картине мира и ментальности, тесно связанная с историей соответствующего народа и современной социально политической ситуацией» [10, с. 133]. Так, неоспоримое преимущество политической метафоры заключается в возможности представлять абстрактную и сложную политическую сферу в более конкретных, привычных и незамысловатых образах.

Вместе с тем, необходимо отметить, что А. П. Чудинов выделяет в понятийном поле *политика* следующие фреймы: «субъекты политической деятельности (политические лидеры, политические активисты, избиратели и др.), организации, связанные с политикой, политические учреждения (парламент, правительство, муниципальные органы власти), политическая деятельность, отношения между субъектами политической деятельности и так далее» [10, с. 134]. Известно, что политический дискурс характеризуется наличием универсальных метафорических моделей. Существуют различные классификации метафор. Так, в ходе настоящего исследования в качестве опоры была выбрана классификация А. П. Чудинова, в которой политическая жизнь представляется как *здание (дом), механизм, живой организм, растение*. Как представляется, метафора играет немаловажную

роль в текстах политического дискурса, выступая способом систематизации и интерпретации нового знания об окружающем мире, ключевой моделью познания [4]. Анализ метафорических процессов позволил определить универсальные метафорические модели, которые используются в российских и американских политических выступлениях и агитационно-политических текстах:

Рассмотрим метафорическую модель **политика – здание (дом)**. Нередко для создания необходимых ассоциаций политики прибегают к бытовым образам, связанным со строительством, кулинарией и другими областями повседневного опыта. Так, метафорическое сближение между политической системой и сооружением может быть обусловлено рядом общих признаков: прочность, устойчивость, иерархичная система, созидательность. Строение может быть представлено как несущая конструкция, которая воспринимает все нагрузки от вышележащих конструкций и демонстрирует нечто устойчивое и непоколебимое: *В целом, в общих интересах сформировать **прочный** военно-политический фундамент, который бы способствовал урегулированию и предотвращению конфликтов [С. В. Лавров / «ТАСС» МОСКВА, 15.12.23]*. Таким образом, автор убеждает аудиторию в необходимости укрепить взаимоотношения военно-политического характера с помощью *прочного фундамента*, который способен выдерживать возможные потрясения и конфликты, создавая условия для мирного разрешения разногласий.

Примечательно, что в составе модели с исходной понятийной сферой *дом (строение)* может быть выделена своего рода «подмодель» с исходной понятийной сферой *кухня*. Например, метафорические обозначения, связанные с исходной понятийной сферой *приготовление пищи*, можно рассматривать и как относящиеся к понятийной сфере *кухня*, а *кухню* рассматривать как часть *дома*: *We need policy as the **magic sauce** to go through those four sectors in the biggest countries, in all countries [Джон Дюерр, Хэл Харви / TED Talks, 10.10.20]. / Нам нужна управленческая политика – **волшебный соус**, позволяющий пройти по всем четырем секторам в крупнейших странах, во всех странах*. Внедрение управленческой политики уподобляется соусу, который придает блюду особенный вкус, делает его более привлекательным и завершенным, и, тем самым, повышает эффективность процесса развития сектора электроэнергетики. Так, простой образ, выведенный в сферу привычного для «обывателей», то есть для большинства адресатов, не только отражает серьезные общественно-политические проблемы, но и позволяет достигать желаемого персуазивного эффекта.

Рассмотрим метафорическую модель **политика – механизм** в текстах политической тематики. Наличие технических метафор в политических текстах могут свидетельствовать о стремлении автора придать политическому субъекту или явлению качества технических средств – слаженность, организованность и маневренность, но иногда создается

намеренно их отрицательный образ: *For the countries of Central and Eastern Europe, it is clear that the Alliance that they are joining is not the **well-oiled machine** they thought it was [Sir Timothy Garden, Tom Donnelly. In the wake of Iraq / «NATO Review» 2003]. / Странам Центральной и Восточной Европы уже ясно, что Североатлантический союз, в который они вступают, не является, как они думали, **слаженным механизмом***. Так, стремясь подчеркнуть разрыв между ожиданиями и реальностью в отношении данного союза, автор убеждает аудиторию в том, что вступление в альянс, вероятнее всего, не обеспечит политическую безопасность и стабильность.

Для иллюстрации скорости протекания политических процессов и темпов развития экономики в качестве понятийной сферы может использоваться работа транспортных средств: *But to accomplish our goals at home and abroad, we must **restart the engine** of the American economy – making it easier for companies to do business in the United States, and much, much harder for companies to leave our country [President Trump’s first address to Congress / 3.03.17]. / Чтобы достичь наших целей в стране и за рубежом, мы должны **перезапустить двигатель** американской экономики – сделать так, чтобы компаниям было проще вести бизнес в США и гораздо сложнее покинуть нашу страну*. В этом примере Дональд Трамп прибегает к образу двигателя как главной части любого механизма с целью продемонстрировать то, что решение экономических проблем Америки лежит в основе ее политики.

Рассмотрим метафорическую модель **политика – живой организм**. В основе данной модели заложены аналогии с жизнедеятельностью живого организма (как правило, человеческого), частями тела, физиологическими процессами и функционированием его отдельных органов. Государство может представляться как огромный живой организм, которому «угрожает болезнь». Вместе с тем, необходимые социально-политические проблемы обозначаются как зараза, недуг, гнойник и др.: *Бацилла националистических амбиций никуда не делась, а изначально заложенная мина, подрывающая государственный **иммунитет** против **заразы** национализма, только ждала своего часа [В. В. Путин, 22.02.22]*. Так, в терминах болезни, которая распространяется и разрушает организм, осмысляется национализм. Для профилирования нужного смысла автор актуализирует смысл «боль» и убеждает аудиторию противостоять подобной деструкции, вызывая негативные базовые эмоции (страх).

Существование организма также характеризуется слаженной работой всех его частей, что невозможно без полной свободы движения: *That in turn ensures that U. S. politics will **be tied in conspiracy knots** right up until Election Day 2020, when Trump (and perhaps the Kremlin) believes he can win by prevailing with his conspiracy theory over that of the Democrats – and smear his most formidable Democratic rival, Joe Biden, in the process [Michael Hirsh / “Why Putin Is Smiling” / Foreign Policy, 10.12.2019]. / А это, в свою очередь, сулит нам то, что американская политика по крайней мере до выборов 2020 года будет **связана по рукам и ногам** небылицами, ведь Трамп (а*

возможно, и Кремль) считает, что ему по силам одолеть демократов, попутно очернив Джо Байдена, самого грозного из своих соперников.

Рассмотрим метафорическую модель **политика – растение**. Концептуализация политической действительности в терминах растениеводства и земледелия получила широкое распространение как в русскоязычном, так и в англоязычном политическом дискурсе. Политические процессы также моделируются в образах других частей растений. Например, фрейм *семена* может использоваться для описания истоков какого-либо явления: *Убежден, что все попытки **посеять** между нами **семена вражды, недоверия и ксенофобии, любые провокации и агрессивные действия, направленные против России, обречены на провал. Потому что мы – единый народ, связанный общей историей, братскими узами дружбы и взаимопонимания*** [В. В. Путин, 3.11.23].

Как подчеркивает следующий пример, концептуальные метафоры, обозначающие способность растений к размножению, росту и плодоношению нередко описывают жизнестойкость и состоятельность политических объединений: *As autumn comes to Europe, it is time to **reap the fruits** of months of hard diplomatic work across the Balkan Peninsula* [Javier Solana “Fresh Momentum for the Balkans” / Project Syndicate, 20.09.18]. / *В Европе наступает осень, пришло время **пожинать плоды** многомесячной, трудной дипломатической работы на Балканском полуострове*. Так, концепт *плоды* может служить символом долгожданных результатов как индивидуальной, так и коллективной политической деятельности.

Метафоры, связанные с увяданием растений, часто характеризуют снижение уровня гражданской активности или отхода от демократических ценностей в странах, которым ранее это не было присуще: *Europe should make sure that such **rot does not take hold in its democratic foundation, which cannot hold firm without a robust protection of free speech*** [Jacob Mchangama / “Europe’s Freedom of Speech Fail”, 07.07.16]. / *Европа не должна позволить подобной **гнили завестись в самой сердцевине демократии; ведь демократия немыслима без свободы слова***.

При сопоставлении метафорического отражения политических событий англоязычными и русскоязычными СМИ, было отмечено, что в политических дискурсах названных народов восприятие однотипных метафорических образов может существенно отличаться, что обусловлено, в первую очередь, культурными особенностями стран. Несмотря на идентичные концепты, та или иная метафорическая модель может иметь противоречивые коннотации. Так, например, модель *политика – живой организм* в русскоязычных СМИ эксплицировала в основном дискредитацию, в то время как в американских политических текстах чаще встречались концепты с положительной оценочной коннотацией. Аналогичным образом, для описания схожих политических ситуаций в США и России апеллируют к совершенно разным метафорическим

моделям. Согласно рассмотренным материалам, можно прийти к заключению, что метафора используется в политическом дискурсе как действенный инструмент речевого воздействия, тем самым конструируя образы с негативной или положительной оценкой, которые в конечном итоге прочно закрепляются в сознании аудитории.

Список использованных источников

1. Абдульмянова Д. Р. Моделирование межличностного взаимодействия в интернет-коммуникации экспериментальное исследование: автореф. ... кандидата филол. наук. Москва, 2015. – 22 с.
2. Абдульмянова Д. Р. Моделирование межличностного взаимодействия в интернет-коммуникации: экспериментальное исследование: дис. ... кандидата филол. наук. Москва, 2015. – 215 с.
3. Абдульмянова Д. Р. Интернет как новая платформа межличностного взаимодействия // Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, Москва, 29 марта 2022 г. – С. 12-17.
4. Абдульмянова Д. Р. Моделирование как метод исследования коммуникативного взаимодействия: динамическая модель интернет-коммуникации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 30-43.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. – Москва: ООО "ФЛИНТА", 2008. – 248 с.
6. Викулова Л. Г., Новиков Н. В. Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера спорт // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 3 (19). – С. 42–49.
7. Лакофф Дж., Джонсон М., Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / перевод с английского А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под редакцией и с предисловием А. Н. Баранова. – Москва: УРСС, 2004. – 256 с.
8. Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / О. А. Сулейманова, К. С. Карданова-Бирюкова, Н. В. Лягушкина [и др.]. – Москва: Ленанд, 2015. – 272 с.
9. Основы межкультурной коммуникации: Государственные и национально-культурные символы / Л. А. Борботько, Л. Г. Викулова, Л. А. Воробьева [и др.]. – 2-е издание, стереотипное. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2019. – 277 с.
10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
11. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
12. Чупрына О. Г., Кригер Е. И. Языковая репрезентация социополитической реальности в дискурсе американских СМИ // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 1 (41). – С. 42–52.

УДК 81`25

**АНАЛИЗ СПОСОБОВ ПЕРЕДАЧИ СИНТАКСИЧЕСКИХ
ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Д. КИЗА
«ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА» НА РУССКИЙ ЯЗЫК*****М. В. Баканова,****кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Перевод и переводоведение», Пензенский государственный университет, Пенза*

Аннотация: В статье проведен анализ способов передачи синтаксических средств выразительности на русский язык на материале произведения Д. Киза «Цветы для Элджернона». Рассмотрены способы перевода синтаксических средств выразительности, а также предложены свои варианты перевода. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что идиостиль автора не всегда удачно передается в тексте перевода.

Ключевые слова: асиндетон, полисиндетон, риторический вопрос, антитеза, повтор, эллипсис, умолчание, переводческие трансформации.

Summary. The article analyzes the ways of transferring syntactic means of expressiveness into Russian on the material of D. Keyes' work «Flowers for Algernon». The ways of transferring syntactic means of expressiveness are considered; the author's ways of translation are suggested. On the basis of the analysis, it is concluded that the author's idiosyle is not always successfully conveyed in the translation.

Key words: asyndeton, polysyndeton, rhetorical question, antithesis, repetition, ellipsis, break-in-the-narrative, translation transformations.

Создание аутентичного текста является одной из главных задач, стоящих перед переводчиком. Различия в языковых картинах мира писателя и переводчика должны быть максимально сглажены через тщательный подбор языковых эквивалентов между текстом оригинала и перевода, путем создания особой эмоционально-экспрессивной стилистики текста, схожей с той, что в нее закладывал автор оригинала. Языковые средства выразительности в художественных текстах способствуют выражению идиостиля писателя, так как они используются исходя из индивидуальных предпочтений автора.

Материалом для исследования послужило произведение Дэниела Киза «Цветы для Элджернона». Исследуя крайности человеческой природы путем воображения измененной версии нашего мира, Киз создал работу, которая привела в восторг как людей, равнодушных к научной фантастике, так и фанатов этого жанра.

Широкое использование языковых средств выразительности – ключевая черта идиостиля Дэниела Киза. В тексте произведения были найдены различные приемы на всех уровнях языка: от небольших вкраплений аллитерации, ассонанса, многочисленных метафорических образов и сравнений до риторических вопросов, асиндетона, полисиндетона, умолчания, повторения и других.

Проанализируем способы передачи синтаксических выразительных средств на русский язык. Асиндетон употребляется Кизом в тексте довольно редко, несмотря на возможное заблуждение в том, что неграмотная речь главного героя должна содержать множество таких примеров. Однако,

автор использует асиндетон избирательно, с целью демонстрации красоты бессоюзной письменной речи.

– «I wanted to overcome my emotional and sexual fears, to marry, have children, settle down» [2, с. 88] – «Я мечтал любить Алису, превозмочь эмоциональные и сексуальные страхи, завести детей, дом» [1, с. 191].

Перевод выполняется дословно, первая часть предложения появляется в результате объединения двух предложений. Перечисление также, как в оригинале передано запятыми.

– «Each person had an assigned task, the putting away of chalk, erasers, papers, books, pencils, note paper, paints and demonstration material» [2, с. 84] – «Дел было много – убрать мел, ластики, тетради, учебники, карандаши, краски и тому подобное. Каждый знал, что от него требуется...» [1, с. 191]. Здесь применено членение предложения и выполнен дословный перевод. Однородные члены предложения также выделены запятыми.

Полисиндетон часто употребляется Кизом, как средство акцентирования внимания на эмоциональном состоянии Чарли, когда он чем-то взволнован или огорчен:

– «It's exciting to hear them talking about poetry and science and philosophy-about Shakespeare and Milton; Newton and Einstein and Freud; about Plato and Hegel and Kant, and all the other names...» [2, с. 49] – «Интересно послушать, как они спорят о поэзии, науке и философии – о Шекспире и Мильтоне, Ньютоне, Эйнштейне, Фрейде; Платоне, Гегеле и Канте, и о других...» [1, с. 92].

Мы видим, что при переводе не используется многосоюзие и их число в переводе опускается с восьми до четырех. Таким образом переводчик не придерживается стиля, заданного Кизом. Герой с энтузиазмом перечисляет, услышанные им темы и при переводе следовало сохранить ту же степень эмоциональности.

– «I'm a person - a man - and I can't live with just books and tapes and electronic mazes» [2, с. 65] – «Я – личность, человек, мужчина, я не могу ограничивать себя книгами, кассетами и электронными лабиринтами.» [1, с. 191].

В данном примере, снова наблюдается потеря полисиндетона при переводе. Вместо трех раз, союз употребляется всего лишь один. Этот прием, изначально, используется Кизом в том числе, чтобы продемонстрировать «живую речь», ведь когда человек разговаривает под эмоциями, он склонен дублировать союзы при перечислении чего-либо, поэтому важно было сохранить это выразительное средство при переводе.

Прием антитезы наблюдается, в основном, в ходе описания умственного развития Чарли, его самоанализа в обеих стадиях его жизни.

– «It's Charlie exploding forward so quickly that it makes it appear as if you're slipping backwards» [2, с. 86] – «Это Чарли – он идет вперед так быстро, что тебе только кажется, будто ты катишься назад!..» [1, с. 157]

В целом, перевод выполнен с сохранением структуры антитезы. Два

противоположных явления соединяются: «идти вперед» – «катиться назад». Подбор лексического выражения этих двух событий можно было подобрать ближе к оригиналу: «нестись/мчаться вперед» – «скользнуть назад», так как данные глаголы ярче выражают противоположность названных действий.

– «I wander through the streets alone – not the relaxing stroll of the summer night, but the tense hurry...» [2, с. 88] – «Это не легкая прогулка летним вечером, а вечная спешка...» [1, с. 160].

Здесь опускается первая часть предложения, вторая переведена при помощи синтаксического уподобления. По нашему мнению, перевод начала предложения необходимо было сохранить, в нем содержится важное примечание героя: «Я брожу по улицам в одиночестве...». При этом, подбор лексических соответствий для передачи антитезы выполнен удачно.

Риторический вопрос – частое явление в исследуемом романе, который применяется автором для демонстрации того, что даже будучи на порядок умнее большинства людей, Чарли не перестает ставить под вопрос свои ощущения, сомневаться в принятых решениях, в окружающих его людях. За неимением собеседника он задает вопросы своему подсознанию, так читатель понимает, что его тревожит.

– «How many great problems have gone unsolved because men didn't know enough, or have enough faith in the creative process and in themselves, to let go for the whole mind to work at it?» [2, с. 168]. – «Интересно, сколько загадок остались нерешенными только из-за того, что ученые или слишком мало знали, или слишком верили в себя и возможности управления процессом созидания?» [1, с. 296]. В переводе данного предложения используется добавление слова «Интересно», которое указывает на то, что герой небезосновательно задумывается над этим вопросом. Вместо дословного перевода “problems” как «проблемы» переводчик применяет лексическую замену и использует «загадок», что не совсем логично, так как герой в отрывке рассуждает именно о мировой проблеме. Выражение “creative process” («творческий процесс») моделируется в «процесс созидания», что является допустимым, так как само слово «созидать» означает «творить». Также во второй части происходит перестановка членов предложения и опущение окончания вопроса “to let go for the whole mind to work at it”. Считаем, что этот отрывок необходимо было сохранить, так как он определяет всю суть вопроса: почему люди не могут использовать свои интеллектуальные возможности на 100%, и герой в первой части приводит свои догадки. Приведем свой вариант перевода: «Сколько же глобальных проблем остались нерешенными только потому, что человек знал недостаточно, или имел недостаточно веры в творческий процесс и в себя, чтобы использовать возможности своего мозга на полную?».

– «...what about the more than five million mentally retarded in the United States? What about countless millions all over the world, and those yet

unborn destined to be retarded?» [2, с. 139] – «... что тогда говорить о пяти миллионах слабоумных в одних только Соединенных Штатах? О бесчисленных миллионах во всем мире? О тех, кто еще не родился, но уже обречен?» [1, с. 246]. В данном примере применяется членение предложения, и вторая часть риторического вопроса делится на две части. Данный пример – индивидуальный выбор самого переводчика. Однако, как кажется, без этого средства перевод получился бы более выразительным. Также наблюдаем добавление слов «говорить» в начале вопроса, опущение повторного “*what about*” и “*to be retarded*”, которое восполняется из контекста.

Повтор, как средство усиления эффекта, акцентирующего внимание на какой-либо детали-приеме, использует Чарли-гений. Не менее часто повтор встречается в ранних отчетах главного героя, который еще не имеет богатый словарный запас и не умеет правильно строить предложения. Рассмотрим примеры повторения:

– «I was so absorbed in what was happening to me that I never thought about what was happening to her» [2, с. 87] – «Я был слишком поглощен происходящим со мной и забыл о ней» [1, с. 157]. Здесь наблюдается прием модуляции, который в итоге имплицитно предпологает предложение. Вторая часть, в дословном переводе – «мне некогда было думать о том, что происходит с ней», поддается смысловой трансформации и заменяется на глагол «забыл», что приводит к потере авторского выразительного средства. Приведем пример нашей адаптации с сохранением повтора: «Я был настолько поглощен происходящим со мной, что и не думал о том, что может происходить с ней».

Использование эллипсиса, так же, как и умолчания, схоже по функциям: писатель побуждает читателя к самостоятельному восстановлению контекста и индивидуальному осмыслению событий. Эллипсис в тексте не такое частое явление, как умолчание и, в основном, используется в разговорной речи, диалогах.

– «Standing right here. Watching us» [2, с. 71] – «Он стоял здесь. Подсматривал» [1, с. 130]. В этом примере добавляется местоимение «он» и русский перевод теряет краткость оригинала. Также происходит грамматическая замена времени глаголов: *standing* («стоя») и *watching* («подсматривая»), на «стоял» и «подсматривал».

– «Hey, you all right?» [2, с. 130] – «Эй, мистер, что с вами?» [1, с. 230]. Здесь также происходит добавление, которым можно было пренебречь и перевести фразу ближе к оригиналу как: «Эй, вы в порядке?».

Умолчание в романе служит важной цели выражения противоречивых чувств главного героя, погружения в себя, его постоянных сомнениях, болезненных воспоминаниях:

– «I wander into the streets at all hours of the day or night, not knowing what I'm looking for... walking until I'm lost... finding myself outside the

bakery» [2, с. 77] – «Я бесцельно брожу по улицам, пока не заблужусь... и обнаруживаю, что вернулся к пекарне» [1, с. 141].

В переводе наблюдается значительное опущение: никак не адаптируется фраза “*all hours of the day, not knowing what I’am looking for...*”. Прием умолчания используется только единожды, при этом в переводе оно не выполняет функции недосказанности, многоточие не выполняет необходимой функции. Пробуем перевести предложение с сохранением авторского выражения: «*Я брожу по улицам в любое время дня и ночи, не зная, что ищу... брожу, пока не потеряюсь... но снова нахожу себя у пекарни*».

– «...endless corridors of myself... looking at myself...looking at myself...looking at myself... looking...» [2, с. 130] – «...бесконечного коридора меня самого, смотрящего на самого себя... на себя... на себя...» [1, с. 229].

Данный пример вызывает особую трудность передачи на русский язык, при этом наблюдаем частичное сохранение оригинального приема при помощи опущения излишне часто повторяющегося глагола *looking*, так как дословный перевод получился бы нагроможденным и трудно читаемым: «*смотрящего на себя... смотрящего на себя... смотрящего на себя...*».

– «Anxiety all out of proportion to the situation... so it must be something... what?... flying up into and trough dark clouds... fasten your seatbelts... strapped down... straining forward... odor of sweaty leather... vibrations and a roaring sound in my ears» [2, с. 94] – «Степень волнения не соответствует серьезности ситуации... Что-то тут есть... что? Летим вверх в черные облака... Пристегните ремни... Ты привязан... напрягаешься... запах кожи... дрожь и рев в ушах.» [1, с. 169].

В этом предложении прием умолчания при переводе также сохранен. Присутствуют малозначительные опущения: “*trough*”, “*sweaty*”, “*sound*”. Перевод “*so it must be something... what?*”, на наш взгляд, можно было выполнить так, чтобы оно больше сочеталось с первой частью предложения: «*Степень волнения не соответствует серьезности ситуации... значит, что-то меня все-же беспокоит... но что?*».

Таким образом, подводя итог можно отметить, что несмотря на то, что, в большинстве примеров возможно подобрать аналогичное средство выражения, переводчик нередко пренебрегает структурой оригинала и передачей выразительного средства, использованного автором.

Перевод художественного текста всегда должен выполняться с учетом включенных в него средств выразительности, так как они являются главным инструментом при воссоздании авторского стиля оригинала. Сложность состоит также в том, что переводчик стоит перед выбором – либо безусловно следовать оригиналу, либо стать «вторым автором» произведения. Тем не менее, всегда важно суметь найти компромисс между двумя крайностями, так как безусловное следование только по одному пути может привести к неравенству предпосылок для достижения адекватного

коммуникативного эффекта у реципиентов перевода.

Список использованных источников

1. Киз Д. Цветы для Элджернона, [пер. с англ. С. Шарова]. – М.: Эксмо, 2020. – 384 с.
2. Keyes D. Flowers for Algernon. Orion Publishing Group, 2002. – 216 p.

УДК 811.112

ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ ИОСИФА БРОДСКОГО И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Е. А. Бармина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института филологии, КФУ имени В. И. Вернадского,

Симферополь

А. Р. Тарасевич,

обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода

Аннотация. В данной статье рассматриваются уникальные черты идиостиля Иосифа Бродского и приемы их передачи при переводе на английский язык. Поэзия автора характеризуется метафизическими концепциями, многозначностью слов, научной направленностью мыслей, которые формулируются с помощью использования риторических приемов. Поэт уделяет внимание взаимосвязи между языковыми элементами, которые несут в себе смысловое содержание. Стихотворения Бродского выделяются особым интонационным строем и структурой предложений, которые могут включать синтаксические сдвиги, ранее нехарактерные для поэзии.

Ключевые слова: поэзия, идиостиль, перевод, адекватность перевода.

Summary. The article examines the unique features of Joseph Brodsky's idiolect and techniques used to render them in English translation. The author's poetry is characterized by metaphysical concepts, polysemy of words, and a scientific orientation of thoughts rendered by rhetorical devices. The poet also focuses on the interrelation of linguistic elements carrying significant meaning. Brodsky's poems stand out with a distinct intonational structure and sentence construction, which may include syntactic shifts uncommon in poetry.

Keywords: poetry, idiolect, translation, translation adequacy.

Творчество Иосифа Бродского всегда привлекало интерес как лингвистов, так и литературоведов. Поэтические произведения нобелевского лауреата богаты различными средствами художественной выразительности, что делает их крайне сложными и интересными. Однако, с увеличением лексического и стилистического разнообразия произведения, также возрастает и сложность переводческого процесса, так как перед переводчиком стоит задача не только в передаче смысла и основных фактов произведения, но и в сохранении той особенности, авторского посыла, тех чувств, что вызывает произведение у читателя. Другими словами, переводчик также должен стремиться к сохранению идиостиля автора.

Для рассмотрения приемов, направленных на реализацию особенностей авторского идиостиля при переводе, необходимо начать с уточнения самого понятия. Данный термин часто встречается в стилистике художественной литературы и описывает либо авторский слог, либо стиль

конкретного произведения. Определения, более точно и емко объясняющие суть понятия, включают трактовку Ю. Н. Караулова, который подчеркивает, что идиостиль «...выдвигает на передний план интеллект личности. Но интеллектуальные свойства человека отчетливо проявляются не на всяком уровне использования языка, в частности на уровне структурно-языковом, отражающем степень владения обыденным языком, а лишь на сложных уровнях организации языковой личности – лингвокогнитивном и мотивационном» [6, с. 126]. А по мнению А. И. Ефимова, идиостиль представляет собой «систему построения речевых средств» [5, с. 88]. Под «языком» писателя исследователь подразумевает словарный и грамматический фонд, ту «сокровищницу национального языка» [5, с. 88], из которой автор черпает материал при создании своего художественного произведения.

Основной задачей исследования является выявление особенностей идиостиля и приемов передачи его элементов при переводе. Для выявления элементов идиостиля можно применить статистический метод, а также сопоставительный анализ уже существующих переводов и текста оригинального произведения. Для подтверждения объективности классификации необходимо обращать внимание на многократно повторяющиеся элементы. В некоторых случаях, при наличии обширного корпуса текстов автора или лексикографических исследований, можно получить статистические данные об искомым элементах. Сохранение авторского идиостиля или же его интерпретация в переводе влияет на восприятие произведения читателем: будет ли оно воспринято как аналог оригинала или же как самостоятельное произведение.

Изначальная стратегия переводчика включает в себя максимально точное воспроизведение лексических и структурных особенностей оригинального текста произведения. При этом перевод должен оставаться в рамках культурного контекста как адаптированное произведение. Элементы идиостиля автора не могут существовать изолированно, поскольку они взаимосвязаны в рамках художественного текста и отражают индивидуальное творческое воздействие автора на читателя. Два ключевых аспекта – наличие таких элементов и их взаимосвязь – обосновывают рассмотрение идиостиля как семиотической системы. Идиостиль определяется взаимодействием между элементами на языковом и концептуальном уровнях, которые можно распознать через их организацию. Данные элементы должны быть характерными для стиля автора либо в определенный период его творчества, либо во всей его творческой деятельности.

Кроме того, важно отметить, что выявление индивидуального стиля каждого автора становится возможным, когда читатель или исследователь использует так называемую «программу прочтения» [8, с. 34] текста, описанную С. М. Шакировым. Он утверждает, что «автор, создавая текст, тем самым создает и «программу» для его прочтения, т.е. техники

понимания явно присутствуют в текстовых средствах выражения, и задача интерпретатора заключается в том, чтобы, «увидев» эти техники, описать их» [8, с 34]. Эта программа изначально находится в самом тексте и выражается через стилистические фигуры, выразительные приемы, грамматические конструкции и конкретные слова, выбранные автором.

Далее необходимо ознакомиться с основными особенностями идиостиля Иосифа Бродского и рассмотреть приемы, используемые для их реализации при переводе на английский язык. Для начала, необходимо обратить внимание на метрические особенности стихотворений Бродского. Так, наиболее часто используемым размером у автора является пятиударный, шестиударный и семиударный дольник. Такая вариация дольника является не самой распространенной, так как более популярной в русской поэзии является вариация двух-, трех- и четырехударного дольника. Данная ситуация незначительно облегчает задачу переводчика, так как этот стихотворный размер был равно распространен как в русской, так и в англоязычной поэзии, а следовательно, может быть сохранен и при переводе. Во многих стихотворениях Иосифа Бродского можно наблюдать тенденцию к опущению метрических ударений, что приводило к преобразованию дольника в тактовик.

Однако следует отметить, что уже сложный стихотворный размер Бродского часто загружен множеством однородных членов и осложнителей. Бродский проявляет склонность к использованию осложнителей не только в устной речи, но и в своей поэзии. В текстах Иосифа Бродского с высокой частотой встречаются вводные, уточняющие, условные и уступительные придаточные предложения. Лирика этого поэта уникальна тем, что она включает в себя конструкции, выражающие мысли и сомнения автора. Это обусловлено тем, что лирика, по своей природе, отражает внутренние чувства и переживания героя, а не подразумевает выражение различных мнений, что само по себе исключает их полярность.

Стихотворение «Ломтик медового месяца» [1, с. 21] представляет собой описание счастливого периода любви лирического героя и его возлюбленной. Оно очень ритмично, само по себе похоже на шум прибоя, на удары волн о берег. Оно всё состоит из движения – быстрого, страстного, тревожного. Обратимся к переводу стихотворения, выполненному Дж. Клайном:

И. Бродский «Ломтик медового месяца»	Перевод Дж. Клайна «A Slice of Honeymoon»
М. Б. Не забывай никогда, как хлещет в пристань вода и как воздух упруг как спасательный круг.	To M. B. Never, never forget: how the waves lashed the docks, and the wind pressed upward like submerged life-buoys.

Первая строка стихотворения «не забывай никогда» [1, с. 21], особое напряжение которой достигается за счет императива и двойного отрицания,

требует в переводе передачи данной интонационно-логической нагрузки. В английском языке невозможно использовать двойное отрицание, поэтому переводчик прибегает к повтору: «Never, never forget» [9, с. 53]. Данный прием усиливает звучание просьбы и подчеркивает важность того переживаемого.

Интерес для анализа представляет реализация в переводе индивидуально-авторского сравнения «воздух упруг как спасательный круг». При переводе Дж. Клайн сохраняет сравнительный оборот, однако заменяет его составляющие. Он расшифровывает примененным И. Бродским перифраз, представляя «упругий воздух» в изначальном его значении «ветер». А «упругость» спасательного круга в переводе показана тем, что он приобретает это свойство, поднимаясь из-под воды, преодолевая ее сопротивление. Таким образом, для сохранения атмосферы «упругости», давления и напряженности переводчик прибегает к приему компенсации.

Пусть слышится устриц хруст, пусть топорщится куст. И пусть тебе помогает страсть, достигшая уст понять без помощи слов,	May the bushes bristle. May the oysters snap. May the passion cresting at your lips make you grasp without words
--	--

В следующем примере переводчик поддерживает нарастающее напряжение, подводящее читателя к кульминации, сохраняя анафору, примененную Бродским в оригинале: «Пусть... пусть... И пусть...» [1, с. 21] («May... May... May...») [9, с. 53]. Дж. Клайн сохраняет индивидуальные стилистические особенности творчества Бродского и добивается того, что слова в переводе играют красками образов оригинала.

Другой особенностью идиостиля автора является использование синтаксического переноса, который представляет собой намеренное несовпадение структуры поэтического стиха с синтаксической структурой предложения. У Иосифа Бродского этот прием выходит за рамки того, что ранее было характерно для русской литературы. Так, например, одно предложение может состоять из нескольких строф. Бродский доходит даже до применения составной рифмы, связывая ее с союзами и предлогами. Бродский отрывал то предлог от существительного, то отрицательную частицу от глагола, то союз от присоединяемого предложения, а в редких случаях делил слово между стихами или даже строфами.

Например, при переводе стихотворения И. Бродского «Любовь» [2, с. 248] с русского на английский язык Дэниэлу Вайсборту удалось сохранить эту особенность:

И. Бродский «Любовь»	Перевод Д. Вайсборта «Oh love»
Я дважды пробуждался этой ночью и брел к окну, и фонари в окне, обрывок фразы, сказанной во сне, сводя на нет, подобно многоточью не приносили утешенья мне	Twice I woke up tonight and wandered to the window. And the lights down on the street, like pale omission points, tried to complete the fragment of a sentence spoken through sleep, but diminished darkness, too

Важно отметить, что переводчик постарался максимально приблизить структуру и синтаксис перевода к индивидуальной манере автора оригинала, сохраняя также синтаксические переносы частей фразы, которые являются отличительной чертой идиостиля И. Бродского.

Также стоит обратить внимание на игру слов, примененную переводчиком: так, под «*pale omission points*» (что можно дословно перевести как «бледное многоточие») Д. Вайсборт подразумевает лучи света от фонарей, уходящие вдаль. Переводчик применяет калькирование с добавлением эпитета. Данная игра слов отсутствует в оригинале, однако весьма характерна для идиостиля Бродского, который многократно применяет перифраз в своих произведениях. Следовательно, изменив структуру оригинального стихотворения для благозвучия и корректности, переводчику все же удалось передать и стиль автора оригинала, и особую атмосферу неясности и безутешности.

Поэзия Иосифа Бродского отличается глубокой философичностью, его поэтический стиль характеризуется метафизическими концепциями, многозначностью слов, научной направленностью мыслей, которые формулируются с помощью использования риторических приемов. Также поэт уделяет внимание взаимосвязи между языковыми элементами, которые несут в себе смысловое содержание. Стихотворения Бродского выделяются особым интонационным строем и структурой предложений, которые могут включать синтаксические сдвиги, ранее нехарактерные для поэзии.

Для понимания стратегии перевода необходимо изучить идиостиль автора, так как при переводе важно сохранить не только смысл, но и общий стиль произведения, ведь он оказывает эмоционально-эстетическое воздействие на читателя. Проанализированные нами переводы сохраняют как содержание, так и форму оригинала. При переводе нужно стремиться как можно более последовательно и естественно воссоздать все звенья системы подлинника, в том числе художественные образы, форму и ритмику.

Список использованных источников

1. Бродский И. А. Осенний крик ястреба: стихотворения. – СПб.: Азбука-классика, 2012. – 640 с.
2. Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского. – СПб.: Пушкинский фонд, 1998. – 480 с.
3. Бродский И. А. Новые стансы к Августе: Стихотворения. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 160 с.
4. Глухенькая Л. Н. Лирика Кэрл Энн Даффи: стратегии интерпретации и перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы VII международной научно-практической конференции, Симферополь, 27–28 апреля 2023 г. – С. 51-57.
5. Ефимов А. И. О языке художественных произведений. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин. прос. РСФСР, 1954. – 288 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
7. Коломиец Л.А., Норец М.В. Особенности перевода авторского стиля Джоан

Роулинг «Гарри Поттер и орден феникса» // I научно-практической конференции "Переводческий дискурс: междисциплинарный подход" 27-29 апреля 2017 года, г. Симферополь. – С. 206-210.

8. Шакиров С. М. Текст и его интерпретация. [Электронный ресурс] // Университетская набережная. – 2006. – №735 –http://un.csu.ru/gazeta/74/1227_1.html (дата обращения: 23.10.2023).

9. Joseph Brodsky: Selected Poems. Translated and introduced by George L. Kline, with a foreword by W. H. Auden. Penguin Books, 1973. – 168 p.

УДК 1751 82

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПЕРСОНАЖА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. МИТЧЕЛЛА
«ОБЛАЧНЫЙ АТЛАС»)**

Е. А. Бармина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт филологии, КФУ имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

О. А. Чеченева,

*обучающийся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Институт филологии, КФУ имени В.И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении речевого портрета одного из ключевых персонажей романа Д. Митчелла «Облачный Атлас», Адама Юинга, в переводческой проблематике. При анализе использовался метод лингвостилистического анализа и метод сравнительно-сопоставительного анализа. С помощью этих методов были выявлены особенности перевода некоторых лексических единиц, таких как морская лексика, юридические термины, архаизмы.

Ключевые слова: речевой портрет, перевод, Адам Юинг, архаизмы, морская лексика.

Summary. The purpose of the article is to consider the speech portrait of one of the key characters in the novel by D. Mitchell "Cloud Atlas", Adam Ewing, as a translation problem. The methods of linguo-stylistic analysis and comparative analysis highlighted translation techniques used to render some lexical units, such as marine vocabulary, legal terms, and archaisms.

Key words: speech portrait of a character, translation, Adam Ewing, archaisms, marine vocabulary.

Введение. В данной статье будет рассматриваться речевой портрет одного из ключевых персонажей романа Д. Митчелла «Облачный атлас» – Адама Юинга. Данное произведение характерно наличием сразу нескольких главных героев, которые находятся в разных временных отрезках, начиная с 1849 года и заканчивая далеким постапокалиптическим будущим. Нами был выбран именно Адам Юинг (герой первой истории), так как он является ярким представителем 19-го века, его речь стилизовалась автором именно под эту эпоху. Его речевой портрет представляет интерес, так как при его создании автор мастерски использовал целый арсенал лингвистических средств, чтобы наиболее достоверно показать соответствующий временной фон, а также отразить социальное положение и профессиональную

деятельность данного персонажа.

Целью данного исследования является выявление особенностей передачи речевого портрета одного из ключевых персонажей романа Д. Митчелла «Облачный Атлас» – Адама Юинга – для достижения адекватности перевода.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью рассмотрения особенностей отбора языковых средств для достоверной репрезентации образа персонажа в оригинале и переводе, а также конструирования языков разных эпох в аспекте сопоставительно-переводческого анализа.

Материалом для исследования послужил роман Д. Митчелла «Cloud Atlas», а также его русскоязычный перевод «Облачный атлас», выполненный Г. Яропольским.

В ходе исследования нами были использованы следующие **методы**: лингвостилистический анализ и сравнительно-сопоставительный анализ.

Результаты исследования. В художественной литературе речевой портрет литературного героя является ключом к пониманию его характерных особенностей и личности в целом. Чтобы достичь этой цели, необходимо проанализировать стиль речи героя, так как в речи человека находят свое отражение его социальное происхождение и положение, гендерные характеристики, образование и уровень культуры, характер и индивидуальность, психологическое состояние [8, с. 94]. Для того чтобы в полной мере погрузиться в материал исследования, следует сначала ознакомиться с основным понятием – речевой портрет. Т. П. Тарасенко характеризует речевой портрет как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [9, с. 26].

Немаловажным аспектом в анализе речевого портрета персонажа являются средства его создания. Под речевым портретом М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова понимают «функциональную модель языковой личности». Они выделяют параметры анализа этой модели [3, с.128].

Первый уровень характеризуется анализом персонажа (личности) владеть лексико-грамматическим фондом языка. Второй уровень отражает запас слов, словосочетаний, которые использует языковая личность. Следует также отметить, что при описании речевого портрета акцентируется внимание на использовании разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, которая делает личность узнаваемой. Третий уровень (прагматикон) включает в себя цели, мотивы, коммуникационные роли, которых придерживается личность в процессе коммуникации.

Для начала, следует отметить, что в рассматриваемой главе повествование ведется от первого лица, в форме дневника. Данный аспект позволяет нам более детально рассмотреть речь изучаемого персонажа – Адама Юинга. Его речь соответствует представителю XIX-го века, она

изобилует различными архаизмами, такими как: *billow*, *fie*, *shirker*, *miscreant*, *quoth* и многими другими. Кроме этого, в речи персонажа также присутствует литературная лексика: *peregrination*, *atrabilious*, *dolorous*, *spume* и официальная лексика: *condign*, *denizen*, *ministration*.

Данная глава является наиболее сложной для прочтения для англоязычной аудитории в виду обилия устаревшей лексики, происхождение которой датируется первой половиной XIX века: *moniker* – прозвище, *bronco* – полудикая лошадь, *uniped* – одноногий [11]. Переводчик задействует более нейтральные соответствия, потому что, во-первых, в русском языке не всегда можно подобрать устаревшие слова в подобном значении, а во-вторых, обилие устаревшей лексики в тексте перевода может значительно усилить его прагматический эффект и снизить степень адекватности перевода.

Далее мы рассмотрим второй уровень функциональной модели языковой личности по Китайгородской и Розановой. Речь Адама соответствует речи образованного, начитанного человека. В подтверждение этого можно привести пример из книги:

«...to wit, Mr. Boerhaave's ursine buttocks astraddle his Blackamoor Goldilocks in my bed *in flagrante delicto!*» [1, с. 7]. Здесь герой использует латинское выражение «*in flagrante delicto*», что характеризует его как человека способного внедрять латинские выражения в обыденный разговор и олицетворять его начитанность.

«...широко раскинутые медвежьи ягодицы мистера Бурхаава, оседлавшего свою Черномазку-Златовласку на моей постели *in flagrante delicto!*[1 - Зд.: не скрываясь (лат.).]» [5, с. 8].

Анализируя перевод Г. Яропольского, несложно заметить переводческий комментарий с переводом латинского выражения, что упрощает читателю понимание текста. Также в этом примере мы наблюдаем изменение порядка слов и изменение частей речи. Г. Яропольский для благозвучия соединит два слова в словосочетание «Черномазку-Златовласку».

Характерной чертой узнаваемости персонажа также служит употребление им особой лексики, такой как термины и морская лексика. Являясь нотариусом по образованию, герой употребляет юридические термины (даже для описания обыденных ситуаций):

«Another statute book named Conscience is observed *lex loci* wherever God sees» [1, с. 34].

«Другой устав, именуемый Совестью, соблюдается как *lex loci* [8 - Местный закон (лат.).], где только видит Бог, отозвался я» [1, с. 35].

Также персонаж часто употребляет морскую лексику:

«When not playing chess in Henry's cabin or the mess room, I rest in my coffin until Homer lulls me into dreams *a-billow* with sails of Athenians» [5, с. 37].

«Когда не играю в шахматы с Генри в его каюте или кают-компани,

то отдыхаю в своем гробу, пока Гомер не убаюкивает меня, навевая сны под вздутыми афинскими парусами» [5, с. 38].

В первом примере Г. Яропольский также использует переводческий комментарий для разъяснения латинского выражения и инверсию «где только видит Бог, отозвался я». Во втором примере переводчик не передает устаревшее «a-billow», компенсируя эффект архаичности за счет выбора соответствий высокого стиля не только в рамках данного предложения («навевать»), но и по всему тексту главы: «ибо», «возымел склонность», «с молодых ногтей» и т.п.

Адам Юинг престаает перед нами как человек образованный и воспитанный, как пример этому может служить то, что он «шифрует» ненормативную лексику других моряков в своем дневнике:

«So this d – d Blackamoor wants us to be grateful to him?» [1, с. 34].

«Так что, этот д-ый черномазый хочет, чтобы мы его отблагодарили?» [5, с. 34].

В приведенном выше примере, переводчик заменяет «d – d» на более конкретное «д-ый». Кроме того, его речь звучит по-особенному поэтично:

«If there be any eyrie so desolate, or isle so remote, that one may there resort unchallenged by an Englishman, 'tis not down on any map I ever saw» [1, с. 3].

«Если где-нибудь имеется орлиное гнездо столь уединенное или островок столь удаленный, что можно не столкнуться с англичанином, то они не обозначены ни на единой из виденных мной карт» [5, с. 4]. В данном случае Г. Яропольский использует литературные слова «имеется», «столь», «единой» для передачи поэтичности в речи Адама Юинга.

Благодаря анализу речи литературных персонажей мы можем сделать вывод относительно речевого портрета героя. Он наделен особенными чертами, продемонстрированными с помощью различных языковых средств, используемых автором. Среди лингвистических средств исторической стилизации можно выделить использование лексики высокого стилистического регистра, а именно книжной лексики, архаизмов, историзмов. Используется лексика, возникшая в начале-середине XIX века, то есть новейшие слова на момент событий главы.

Переводчик стремится наиболее достоверно воссоздать историческую атмосферу, созданную автором. Он подбирает соответствующие устаревшие, книжные лексические единицы, использует стилистические средства художественной выразительности для сохранения степени экспрессивности и «высокопарности» речи главного героя. Автор и переводчик используют средства исторической стилизации, чтобы оживить на страницах романа колониальный XIX век.

Список использованных источников

1. Mitchell D. Cloud atlas / D. Mitchell. – NY: Random House Trade Paperbacks, 2004. – 520 с.
2. Кислицына Н. Н. Коннотативное значение в аспекте перевода // Русский язык и

культура в зеркале перевода. – 2012. – № 1. – С. 247-251.

3. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. – М., 1995. – 128 с.

4. Лукинова М. Ю., Матюх Д. Н. Речевая характеристика как стилистический прием создания образов персонажей и проблемы перевода в романе Дэвида Митчелла "Лужок черного лебедя" // Научные горизонты. – 2018. – № 11-1(15). – С. 199-206.

5. Митчелл Д. Облачный Атлас. Пер. с англ. Г. Б. Яропольского. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. – 640 с.

6. Норец М.В. Жанр как отражение «бытийности» текста: переводческий аспект // Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского: II науч. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. – Симферополь, 26-28.10. 2016. – С. 167-169.

7. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

8. Сорокина И. Г. Речевая характеристика как средство создания художественного образа персонажа и проблема исполнения текста // Лингвистические аспекты образности: сб. научных трудов. Вып. 174. М., 1981. – С. 93-98.

9. Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 26 с.

10. Толковый словарь английского языка «Merriam-Webster» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/jibboom>

11. Циркунова С. А. Передача внутриязыковых значений слова в переводе: дис. ... кандидата филол. наук. М., 2002. – 143с.

УДК 882

ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ В. БРЮСОВА «МЕРНЫЙ ШУМ КОЛЁС» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

К. Г. Беджанян,

кандидат филологических наук, заведующая отделом иностранной литературы, литературных связей и теории литературы института литературы имени М. Абегамяна НАН РА, доцент кафедры зарубежной литературы Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, Ереван, Республика Армения

Аннотация. В статье представлен перевод стихотворения Валерия Брюсова, выполненный Алексом Сигалом. Причиной исследования послужило 100-летие со дня смерти поэта, а предметом – стихотворение «Мерный шум колёс» и его английский перевод. Проведен сравнительно-семантический анализ как оригинала, так и английского текста, в ходе которого рассматривались композиция, стилистика, рифмы и рифмовка подлинника и их отражение в английском переводе.

Ключевые слова: переводчик, Брюсов, рифма, аллитерация, повтор, оригинал.

Summary. This article deals with the translation of Valery Brusov's poem, translated by Alex Cigale. The reason for the study is the 100th anniversary of the poet's death, and the subject is the poem «The Measured Noise of Wheels» and its English translation. A comparative and semantic analysis of both the original and the English text was carried out, during which the composition, stylistics, rhymes and rhyming of the original and their reflection in the English translation were examined.

Key words: translator, Brusov, rhyme, alliteration, repetition, original.

The name of Valerey Brusov, one of the outstanding translators of the last century (and this is just one of his numerous hypostases – a poet, a writer, a playwright, a critic, a philologist, a publisher, a scientist, etc.) is well known not only in Russia, but also far beyond it. He started to translate European poets while studying in the gymnasium to improve his French, German, English, and later he began to learn Armenian before getting to the translation of the Armenian poetry. But the aim of this research is to study the translation of Brusov's poem into English. However let us seriatim.

On the 12th of April in 1896 Brusov wrote a short poem for his second book «*Me eum esse*»¹ which was entitled «Мерный шум колёс...» («The measured noise of the wheels...») and inserted it in the cycle «The Wanderings». Here is the poem with the word-for-word translation:

Мерный шум колёс, Поле, ряд берёз, Много мутных грёз; Мчимся, мчимся, мчимся...	The measured noise of wheels, A field, a row of birch-trees, A lot of hazy dreams; Rushing, rushing, rushing...
Мерный шум и шум, Свод небес угрюм, Много мутных дум; Дальше! Дальше! Дальше! [3, с. 110]	Measured noise and noise, The dome of heaven's morose, A lot of hazy thoughts; Farther! Farther! Farther! ²

Alex Cigale³ has translated it into English (as we can consider) recently, because when ten years ago we presented his translations of five Brusov's poems⁴ into English⁵ there were no other English translations from his poetry.

The measured sound of wheels,
The field, the row of birches,
And many muddled feelings;
Race past, race past, race past.

The measured noise and hum,

¹ Latin «This is Me»

² The word-for-word translation is mine – **K. B.**

³ Alex Cigale was born in Chernovtsy, a city of Ukraine, in 1966, but later he lived in Leningrad until 1972. After emigrating to the USA, he studied at Ann Arbor College, then he studied poetry at the University of Michigan. Since 1990, he has lived in New York. Many of his poems have been published in various American magazines, as well as in separate books. His translation activity is quite multifaceted: Ivan Akhmetiev, Mikhail Nilin, Mikhail Sukhotin, Balmont, Vvedensky, Mandelstam, Tsvetaeva and, of course, Brusov. [8] or [9]

⁴ They were written for the cycle «Danse Macabre» from the book «The Dreams of the Mankind», translated into English by Alex Cigale. Judging by the subtitle the author created them on the motives of the German artist Hans Golbane J.'s paintings «The images of Death». The translation first appeared in «Danse Macabre International» magazine. [10] or [11]

⁵ You may find our research *Bejanyan Kristine Henry V. Y. Brusov's five poems translated by A. Sigal.* [1] or [5] Besides, two other new translation have been found and their comparative analysis was presented at the international scientific-practical conference last year (See «Two poems from the cycle "Wanderings" of V. Brusov in A. Cigale's translation» (**in Russian**) // *Collection of scientific articles (materials of the international scientific-practical conference).* Yerevan. Stepanyan print. 2023. P. 18-39.) [2]

The sky's impending horizon,
And many muddled thoughts;
Further! Farther! Distant! [5]

In the original three-syllable meter feet trochee creates the illusion of wheels clattering. The stresses in the lines create a driving, forward momentum. Both quatrains of the original end with a blank verse, which forms a kind of refrain: aaaB – cccD. Compare with the translation:

lines	Brusov	Cigale
1	A	A
2	A	B
3	A	C
4	B	D
5	C	E
6	C	F
7	C	G
8	D	H

Full male rhymes (**колес / wheels – берез / birch-trees – грез / dreams; шум / noise – угрюм / morose – дум / thoughts**) suggest associations with musical pointillism. But this is not reflected in the translation (see below). And it should be noted that Brusov initially emphasized the melody in this poem where the sense of cohesion and rhythm was supported by alliterations. Let's compare: in the original we have sounds [m – n – s – z – ʃ – tʃ] – *мерный, шум, колёс, берёз, много, мутных, грёз, мчимся, свод, небес, угрюм, дум, дальше*. Cigale kept this sound scheme almost word-to-word. Here we see *measured, sound, wheels, birches, and, many, muddled, feelings, race, past, noise, hum, sky's, impending, horizon, thoughts, distant*. Thus, only one sound [ʒ] was added in the *measured*.

The original text contains numerous repetitions. For example, three times «шум», «мчимся» and «дальше» are used, twice – «мерный» and «много мутных». It should be stated that the translator did not always keep the repetitions of the original. Instead of the thrice used «шум» we see «sound» in the first line, «noise and hum» in the fifth, and in the last line three different words (we can't even say “synonyms” as the semantics of these words differs and they are not of the same grammatical category of the comparative degree of adjective). To do the translator credit, he reflected all the rest: twice «the measured», «many muddled» and «race past». But the addition of the conjunction «and» in the beginning of the third and seventh lines extended the line and this in its turn impacted the melody of the poem.

In particular, the compositional level of the original is structured; it is divided into two symmetrical parts: the first and the fifth lines depicted the sound of wheels; the second and the sixth ones – the landscape outside the window; the third and the seventh – the reflections of the lyrical hero; and, at last, the concluding lines of each quatrain describes the traveler's feelings, his thoughts

and inferences. The suggestiveness (as A. N. Veselovsky⁶ would say [4]) turns out to be all-encompassing, large-scale. That means that the imaginative/figurative series is subordinate to the acoustic/ sound one. First we come across the «field, a row of birch-trees» and a gloomy «dome of heaven». This use of imagery helps to create a vivid picture of the surroundings. These are followed by the generalized thoughts of the lyrical hero («a lot of hazy dreams...», «a lot of hazy thoughts...») which is so peculiar for the symbolism poetry. The central idea of the poem is the passing of time and the fleeting nature of life. The subject matter revolves around the experience of traveling and the emotions that arise during the journey where the imagery of movement, distance, and the fleeting nature of emotions and thoughts are conveyed. And as the poetical «road» tradition context would suggest the final lines should be perceived not only in their direct, everyday meaning, but also as philosophical conclusions: «Rushing, rushing, rushing...», «Farther! Farther! Farther! ».

If we turn back to the translation we have to state that Cigale chose the simple and straightforward language which effectively conveys a sense of urgency, impermanence and transience. The word choice emphasizes the speed and movement, with phrases like «race past» and «Further! Farther! Distant!». However, as it has already been mentioned above, the use of repetitions contributed the poet to create a sense of rhythm and urgency, which was also supported by the use of enjambment. The latter as well as the punctuation of the poem suggests a sense of movement and momentum, mirroring the theme of the poem and contributes to the overall sense of urgency in the poem.

Thus, concluding the structural and semantic analysis of the translation and the original, we have to state that Alex Cigale had done an adequate translation notwithstanding the avoidances which we have pointed out above. However, one should remember that the poetic translation, even a very good one, is like a rose⁷ «...under the glass. It is almost impossible for the translator to pass the inherent flavor and charm of the original. But it is always obligatory for the translator to be faithful to the thoughts of the original and give comprehensible interpretation for the reader. This requirement greatly increases when such a work is translated in which every word and sentence, being measured and weighed, have their profound significance and a certain place» [12]. In addition to these words of one of the greatest Armenian poets (while evaluating the Armenian translations of Shakespeare) we could state that not only the talent is needed, the language knowledge and craft, but the love to the original text and its author. This is the most important ground where the translator should stand.

Список использованных источников

1. Беджаниян К. Г. Пять стихотворений В. Я. Брюсова в переводе А. Сигала // Брюсовские чтения 2013 года. Ереван.: Лингва. – 2014. – С. 403-416. – 598 с.

⁶ See Alexander Veselovsky «From the Introduction to Historical Poetics: Questions and Answers» (1894) Translated and edited by Boris Maslov. // https://lucian.uchicago.edu/blogs/historicalpoetics/files/2011/07/Veselovsky_IzvedeniiaFINAL.pdf

⁷ The word-for-word translation from Armenian is mine – **К. В.**

2. Беджаниян К. Г. Два стихотворения В. Я. Брюсова из цикла “Скитания” в переводе А. Сигала // Сборник научных статей. Ереван.: Степанян принт. – 2023. – С. 18-39.
3. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в 7-ми т. / В. Я. Брюсов. М.: «Художественная литература». – 1973. – Т. 1.: Стихотворения. Поэмы 1892-1909. 389 с.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа. – 1989. – 408 с.
5. Беджаниян К. Г. Пять стихотворений В. Я. Брюсова в переводе А. Сигала [Электронный ресурс] // Брюсовские чтения 2013 года. – 2014: <https://pubHTML5.com/lxhe/cxnu/> (дата обращения 01.01.2024).
6. Anthology of Russian Minimalist and Miniature Poems; Part I, The Silver Age. Translated by Alex Cigale. [Electronic Resource] – Mode of access: URL: https://www.albany.edu/offcourse/issue41/cigale_frontpage.html (Date of access: 10.01.2024)
7. Brusov V. Ya. Poems. [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <http://intranslation.brooklynrail.org/archive/Russian> (Date of access: 19.12.2013)
8. Brusov V. Ya. Poems. [Electronic Resource] – Mode of access: URL: http://www.pw.org/content/alex_cigale (Date of access: 19.12.2023)
9. Brusov V. Ya. Poems. [Electronic Resource] – Mode of access: URL: http://www.mptmagazine.com/author/alex_cigale (Date of access: 19.12.2023)
10. Brusov V. Ya. Poems. [Electronic Resource] – Mode of access: URL: http://www.albany.edu/offcourse/author_bios/alex_cigale (Date of access: 19.12.2023)
11. Brusov V. Ya. Poems. [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <http://dansemacabre.art.officelive.com/RussiaDesk5.aspx> (Date of access: 19.12.2023)
12. Tumanyan H. Complete Works in ten volumes. Yerevan. – 1994. – Vol. VI. P. 124. (in Armenian). // [Electronic Resource] – Mode of access: URL: https://commons.wikimedia.org/w/index.php?title=File%3A%D4%B9%D5%B8%D6%82%D5%B4%D5%A1%D5%B6%D5%B5%D5%A1%D5%B6%D5%AB_%D4%B5%D4%BC%D4%BA_%D5%B06.djvu&page=126 (Date of access: 19.01.2024)

УДК 811.12

КАРРИКАТУРЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ: В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ И ПЕРЕВОДУ

Т. А. Болдова,

доктор педагогических наук, профессор кафедры МОП-1 (международные образовательные программы), Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы перевода текстов современной карикатуры, решение которых требует сложных форм работы в ходе интерактивного общения для освоения техники перевода. Текст карикатуры рассматривается как единица семантического представления смысла и готовый блок вхождения в базу знаний определенной предметной области. В статье рассматривается проблема влияния новых технологий на обучение иностранному языку и переводу.

Ключевые слова: мультимедийные технологии, образовательная парадигма, сетевая коммуникация, иностранный язык, интерактивные проекты

Summary. The article discusses the issues of translating texts of modern cartoons, the solution of which requires complex forms of work during interactive communication to master the translation technique. The text of a cartoon is considered as a unit of semantic representation of meaning and a ready-made block of entry into the knowledge base of a certain subject area. The article examines the problem of the influence of new technologies on teaching a foreign

language and translation.

Key words: multimedia technologies, educational paradigm, network communication, foreign language, interactive projects, network communication

В последнее время задаче перевода и извлечения из текста информации, построению психолингвистической модели понимания смыслов карикатур и их перевода посвящаются многие научные исследования, подчеркивающие нарастание доли виртуальных электронных текстовых форматов, которое воплощается в интеграции различных способов коммуникации в мультимедийных формах текстов и рисунков. Одним из наиболее продвинутых направлений современной науки являются междисциплинарные исследования, в основании которых лежат экспериментальные практики с особыми техническими параметрами (цифровыми инструментами). С точки зрения философии науки их специфика напрямую связана с проблемой достижения результатов, где различаются языки.

Учебные занятия рассматриваются как сценарии, как имитация развития процесса понимания и перевода карикатур на начальной стадии. В моделях сценариев применяются аддитивные технологии (от англ. to add – добавлять, плюсовать) для полноты раскрытия темы, когда объекты, факты, события и другие элементы сценария связаны с интерактивными действиями для понимания смысла карикатуры [3, с. 39]. В текстах карикатур закодирована не только мыслительная задача или комплекс проблем, но и ключ к их переводу, который, необходим по дешифровке авторского коммуникативного намерения в условиях разных языков.

С помощью цифровых инструментов можно смоделировать любой процесс и оценить правильность перевода содержания карикатуры. Современный переводческий процесс, когда важен лексический компонент текстов, предполагает использование различных форм наглядности. Это поможет при формировании навыков использования наглядности как языковой и изобразительной (анимация, демонстрация виртуальных действий), так и зрительной и слуховой (текстовый материал, образцы инструкций в интерактивном режиме, музыка, звучащая речь, ритмическое оформление текстов) компетенции.

Работа с такими текстами понимается как система восприятия, адекватного понимания и перевода множества иноязычных текстов в культурном пространстве, которая заключена в специфический технологический каркас, где есть сообщения как представленный динамический элемент межкультурного диалога на различные темы [2, с. 47].

Текст карикатуры – это единица семантического представления смысла и готовый блок вхождения в базу знаний определенной предметной области. В текстах карикатур закодирована не только мыслительная задача или комплекс проблем, но и ключ к их переводу, который, необходим по дешифровке авторского коммуникативного намерения в условиях

иноязычного социума.

Текст карикатуры – это сложное динамическое и многомерное текстовое и коммуникативное пространство, где реализуется язык через обмен информацией. Текст – представляет собой комплексную вариативную интеграцию возможностей различных носителей (условный вербально-письменный текст, рисунок, фото, видео и т.п.), формирующий принципиально новый тип текста и коммуникаций на иностранном языке. Текст карикатуры – это и полноценный генератор коммуникации, на основе которого можно комбинировать художественные формы и различные техники перевода для создания гибридной формы выразительности в творческой деятельности. При этом объективной становится и сама оценка знаний и умений перевода, появляется возможность выведения себе перманентной оценки знаний и умений. Такая работа по переводу способствует решению лингвистических и профессиональных задач, способствует проведению многокритериального и многопозиционного оценивания информации текстов, которая переводится с иностранного языка. При этом формируются собственные понятия о культурно-тематическом содержании карикатур. Поэтому, нельзя работая с текстами перевода, пренебрегать проблемами нового явления – измененной средой коммуникации и появлением новых смыслов из текстов современных карикатур.

При переводе важна и интроспекция, то есть внутреннее наблюдение, внутренний взор за своим переводом. Переводчик не должен быть дальтоником и видеть мир соответствующим образом. Например, в Китае есть иероглифы, и нет прямой понятийной системы. Если вы переводите, например, китайский стих, вы должны рядом еще рисовать картинку, потому что иероглиф – это еще и визуальный образ. В ходе работы постепенно происходит насыщение предметного содержания текстов страноведческим материалом, используется структурно-функциональный подход к отбору и организации языкового материала на основе карикатур, а также использование моделирования в сети на уровне предложений, словосочетаний и сверхфразовых единств. При этом перевод идет от фактов языка к фактам культуры.

Культурная информация извлекается из самих единиц языка, а объектом рассмотрения смыслов таких текстов становятся особенности отражения в языке культуры его носителей. Понятие «protean self», само слово «protean» в английском языке имеет значения «многообразный, изменчивый, разносторонний, многогранный», а в применении к театральным действиям, реалиям может означать актера, играющего несколько ролей в одной и той же пьесе [3, с. 9].

Таким образом, перевод с иностранного языка происходит при выделении в качестве целевой доминанты точной передачи смысла карикатуры. При этом работа ориентирует на межкультурное общение, когда появляется интерес к культуре и образу жизни носителя языка как

отражение социокультурной реальности, национальной и общечеловеческой, как диалога культур. Диалог подразумевает как раскрытие одной культуры для понимания другой. Поэтому не всегда возможно простое заимствование или пересаживание культурных явлений на почву другой культуры при переводе.

При переводе текста карикатуры, мы входим в различные интерактивные диалоги как в специфическую языковую среду, стимулирующую к обретению нового языкового опыта. Это доказывает важность обеспечения связи между языком и национальной культурой той области, где используется данный язык. Тогда мы получаем правильный перевод, точное понимание значений формальных структур изучаемого языка, что позволяет определить, какая из них может быть использована в данном речевом сообщении, в данной конкретной ситуации межкультурного дискурса. Это включает в себя процесс перевода гуманитарных целей в технические цели, связывающие разные дискурсивные универсумы. Литература как коммуникативная система всегда вступает в структурные сопряжения с другими коммуникациями охватывающей ее системы (с политикой, религией и т.д.). Проблема социальной комплексности как междисциплинарного вида науки заключается в ее влиянии на структурные сопряжения литературы с другими социальными системами [3, с. 12].

Это объясняет пересечение разных форм или областей знания, когда в эмерджентном интерфейсе возникают свойства, феномены или объекты, которые ведут себя как объекты, не имеющие, отчетливо распознаваемой границы. Они порождают рост сложности работы с ними вследствие трудностей интерпретации, поскольку находятся между двумя взаимно несоизмеримыми языками.

Общим контекстом для возникновения эмерджентного интерфейса является ситуация «неожиданной встречи» разных областей знания. Когда интерфейс представлен в многообразии лингвистических, семиотических средств, через которые мир реальный или виртуальный выходит к переводчику, тогда он применяет приёмы перевода по принципу стратиграфии (от лат. *statum*-слой) [1, с. 31].

Иностранная, как «другая культура» – есть закодированный текст, с которым переводчик ведёт диалог, и постепенно он даёт полную расшифровку этого диалога. Здесь важна интуиция переводчика, которая складывается из собственного знания иностранного языка, образного мышления, умения работать с информационным полем. Мы имеем дело с личностным знанием, внутренним пониманием переводчика, который как мастер чувствует материал. Чем более сложной является переводческая деятельность, тем в большей степени ее результаты определяются личностными знаниями переводчика, его креативностью.

Профессиональный переводчик обладает глубинными, внутренними знаниями. Он размышляет о предмете литературного перевода, что ему

позволяет точно зафиксировать касающееся его знание, попросту говоря, обратить на него особое внимание, запомнить пришедшую в голову мысль. Это и есть имплицитное знание, неявное, латентное, его можно назвать личностным знанием, которое неразрывно связано со своим носителем. Это знание называют интуитивным.

В структуру перевода входит все то, что делает его фактом культуры, который сжат в литературном произведении до определённых признаков содержания; до современных ассоциаций; оценок, новых слов, которые не просто приплюсовываются, а встраиваются в живую функциональную речь. Такие образные ассоциации и аналогии, которые делают язык перевода живым, «привязывают» читателя к переводу. Например,

-Was steht da auf Ihrer Weste? -Abstand halten! Masken auf!

Переводчик должен быть готовым и способным к отбору литературных средств, соответствующих коммуникативному контексту и поставленным профессиональным задачам. Тогда происходит процесс диффузии дискурсов науки, культуры, литературы и общества, который расширяет культурологический, лингвистический и коммуникативный опыт переводчика, и который позволяет организовать работу по переводу через повышение уровня владения иностранным языком, уровень профессиональной подготовки переводчика как самостоятельной формы, через энергию языков, культуры и искусств, постигаемой переводчиком. При этом, когда идет работа переводчика в так называемых «прогностических ячейках» и во временных сетевых формированиях, то такая работа становится научным сотрудничеством [2, с. 29]. Работа в мультимедийном пространстве требует овладения гипертекстовой компетенцией, которая способствует развитию умений «достраивать» знания от любой первоначальной базы, поднимаясь на методологический уровень, что соответствует современному уровню обучения переводу, когда необходимы разработки по овладению мультимедийной интерактивной гипертекстовой деятельностью и сетевой коммуникацией [1, с. 197].

При этом запускается в действие механизм мотивирования на дальнейшее научное и практическое взаимодействие. В сети, где говорят на разных языках, переводчик вынужден овладеть не одним, а 2-3 языками, т.к. иноязычные сайты вынуждают пользоваться несколькими языками в ограниченных рядовых ситуациях, как специализированным тезаурусом.

Таким образом, расширяется культурологический, лингвистический и коммуникативный опыт переводчика, который позволяет организовать работу по переводу, повышая уровень владения языком и профессиональной подготовки переводчика как самостоятельной формы и как части общей системы обучения этому процессу.

Список использованных источников

1. Болдова Т. А. Монография. Дорожная карта для изучения иностранных языков в гипертекстовой сети. Киров, 2016. – 446с.
2. Dietmar Gensicke. Grundwissen Philosophie. N. Luhmann. Philipp Reclam jun.

Stuttgart. 2008, s.137.

3. P. Landow, Hypertext 3. 0. Critical Theory and New Media in an Era of Globalization. Hopkins University Press. 2000, p. 135.

УДК 141.72

ПОНЯТИЕ ФЕМИНИЗМА, ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЕГО ТОЛКОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ

Л. Р. Велилаева,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,*

Симферополь

Э. А. Асанова,

обучающийся магистратуры, кафедра английской филологии

Аннотация. Исследование обращено к гендерному подходу в современном литературоведении. Прочтение художественных текстов с учетом гендерного измерения позволяет по-новому взглянуть на известные произведения, интерпретировать их с учетом полоролевой дифференциации, зачастую деконструировать незыблемые категории.

Ключевые слова: британская литература XX века, психоаналитическая критика, гендер, гендерный подход, принципы реализации гендерного подхода

Summary. The study focuses on the gender approach in modern literary criticism. Reading literary texts with a gender dimension in mind allows you to take a fresh look at well-known works, interpret them taking into account gender-role differentiation, and often deconstruct unshakable categories.

Key words: British literature of the 20th century, psychoanalytic criticism, gender, gender approach, principles of gender approach implementation

Феминизм – это философское, социальное и политическое движение, направленное на устранение неравенства полов, дискриминации и подавления женщин, а также на установление равенства прав и возможностей для обоих полов. Это термин также используется для описания теорий, идеологий и культурных движений, охватывающих широкий спектр проблем, связанных с гендерным равенством и освобождением женщин.

Истоки феминистского движения можно проследить в различных социальных и политических движениях, а также философских и общественных дискуссиях в разные исторические периоды. О неравенстве полов и важности борьбы за права женщин говорилось ещё в древности, но официально сам термин «феминизм» появился в конце XVIII – начале XIX века, когда женщины в различных странах начали бороться за политические и гражданские права.

Первые волны феминизма были направлены на освобождение женщин от политической, экономической и социальной дискриминации. Работы таких феминисток, как Эмили Дэвидсон, Сюзан Б. Энтони и Маргарет Сэндерс, имели значительное влияние на формирование идеологии и целей феминистического движения.

В современной гуманитарной науке феминизм рассматривается в контексте гендерных исследований, социологии, психологии и культурологии. Феминистские теории, такие как теория интеграции, теория радикального феминизма, постколониальный и культурный феминизм, активно исследуются и обсуждаются.

Одним из ключевых аспектов исследований феминизма является анализ патриархата, гендерных стереотипов и доминирования в рамках культуры и общества. Феминисты исследуют влияние гендерных ролей на формирование личности, а также рассматривают вопросы политической власти, экономического неравенства и репродуктивных прав женщин.

Феминизм активно исследуется и обсуждается в контексте современных общественных проблем, включая дискуссии о гендерном равенстве, сексизме, домашнем насилии, репродуктивных правах и насилии в отношении женщин. Он также становится предметом активного анализа и обсуждения в рамках киноискусства, литературы, искусства и поп-культуры.

Позднее, в конце XIX – начале XX века, термин «феминизм» начал активно использоваться в западноевропейских странах и США, становясь символом борьбы за политические, экономические и социальные права женщин.

В современной гуманитарной науке феминизм рассматривается как интердисциплинарная область исследования, которая анализирует социальные, политические, экономические и культурные аспекты неравенства полов. Феминистская теория и методология используются для изучения гендерных отношений, влияния гендера на различные аспекты общества, и конструкций пола в культуре и языке.

Современное толкование феминизма в гуманитарной науке предлагает несколько подходов, включая:

✓ Либеральный феминизм: фокусируется на равенстве прав и свобод для женщин в рамках существующих социальных и политических структур.

✓ Радикальный феминизм: выдвигает идею о структурном подавлении и доминировании мужчин в обществе и экономике.

✓ Марксистский феминизм: анализирует гендерное неравенство в контексте экономических и классовых отношений.

В современной науке универсального определения для такого многоликого и внутренне противоречивого явления как феминизм не существует. В «Энциклопедии феминизма» Л. Таттл говорится о существовании более чем 300 определений понятия «феминизм». Автор отмечает, что «в настоящее время имеется лишь множество индивидуальных определений феминизма, а его фундаментальное определение находится еще в стадии обсуждения».

Современные западные теоретики феминизма вкладывают разнообразные значения в это слово, поскольку феминизм имеет множество

направлений и подходов. Вообще, феминизм стремится к искоренению дискриминации на основе пола, социальной несправедливости и неравенства. Однако, различные ветви феминизма фокусируются на различных аспектах этих проблем.

Например, радикальные феминистки обращают внимание на коренные изменения в общественной структуре, чтобы преодолеть дискриминацию пола, в то время как либеральные феминистки акцентируют внимание на индивидуальных правах и свободах, а феминистский постструктурализм изучает, как половая идентичность формируется в языке и социальных структурах. Таким образом, современные западные теоретики феминизма акцентируют на разнообразных аспектах таких явлений, как сексизм, гендерное неравенство, насилие в отношении женщин и других проблем, связанных с полом.

Этель Кляйн, в своей книге «Гендерная политика. От сознания до массовой политики» (1984), представляет интересную характеристику феминизма. Она описывает феминизм как движение, направленное на достижение равенства полов и устранение дискриминации, основанной на гендерной принадлежности. Кляйн подчеркивает, что феминизм не означает превознесение женщин над мужчинами, а скорее идет о борьбе за справедливость и равные возможности для всех людей вне зависимости от их пола. Она также указывает на то, что феминизм имеет множество различных направлений и подходов, отражающих разные социокультурные и политические контексты [10, с. 207].

Одним из ключевых аспектов, на которые Кляйн обращает внимание, является использование феминизма в качестве инструмента анализа и критики существующих неравных социальных, экономических и политических структур. Она подчеркивает важность осознания того, что неравенство и дискриминация основаны на гендерных стереотипах и социокультурных ожиданиях, и что смена этих представлений исключительно ценна для достижения полноценного гендерного равенства. Этель Кляйн также подчеркивает, что феминизм должен быть инклюзивным и учитывать разнообразные гендерные идентичности и опыты, а не только фокусироваться на бинарном разделении на мужчин и женщин. Она поддерживает концепцию интерсекционального феминизма, который анализирует взаимодействие множества категорий неравенства, таких как класс, раса, сексуальная ориентация, и гендер, и призывает к солидарности и сотрудничеству между всеми людьми, борющимися за равенство и справедливость.

Концепция многообразия феминизма признаёт, что женщины не являются однородной группой с одинаковыми потребностями и опытом. Феминизм должен учитывать широкий спектр факторов, влияющих на жизнь женщин, включая их этническое происхождение, культурную идентичность, внешний вид, гендерную ориентацию, возраст, классовую принадлежность и многое другое.

Многообразие феминизма подразумевает признание существования различных форм гнетущего воздействия на женщин, а также сознание того, что решения и стратегии борьбы за равенство и права должны быть адаптированы к уникальным нуждам исключенных групп женщин.

К признакам многообразия феминизма можно отнести: интерсекциональный феминизм (исследование пересечения общественных категорий, таких как род, раса, класс, ориентация и гендерная идентичность), феминизм, ориентированный на борьбу с культурным и религиозным подавлением, постколониальный феминизм (изучение воздействия колониализма и постколониальных структур на женщин), квир-феминизм (исследование гендерного многообразия) и другие направления.

Учет многообразия феминизма подчеркивает важность инклюзивности, гарантирует, что феминистские идеи и действия учитывают различные жизненные реалии женщин, и способствует формированию более эффективных и солидарных стратегий борьбы за равенство полов.

Что касается феминизма в отечественной социокультурной традиции, то оно трактуется как движение, направленное на достижение гендерного равенства, уважения прав женщин и признания их значимости в обществе. Особенности трактовки феминизма в отечественной социокультурной традиции связаны с историческими, культурными и социальными особенностями России и других стран бывшего Советского Союза.

В контексте отечественной социокультурной традиции феминизм подчеркивает важность борьбы за права женщин в условиях социальной несправедливости, дискриминации и неравенства. Общественные активисты и активистки осуждают насилие в отношении женщин, борются за равные возможности в сфере образования, трудоустройства и политического участия, выступают за признание и уважение женского труда и роли в семье и обществе.

Феминистские движения в России активно поддерживают права женщин, борются с гендерным насилием и стереотипами, выступают за свободу самовыражения и выбора жизненного пути. Весьма значимо также и то, что российские феминистки осознают традиционные ценности, в которых укоренилась сама традиция.

Однако стоит отметить, что представления о феминизме могут различаться в зависимости от социального положения, возраста и образования. В современной России феминистское движение оказывает значительное влияние на социальные и политические процессы, призывая к изменению отношения к женщинам и достижению полной гендерной равноправия.

В отечественной историографии, феминизм долгое время считался частью рабочего и социалистического движения. В советское время феминизм понимался как буржуазное женское движение за уравнивание в правах женщин с мужчинами при сохранении основ капиталистического строя, все проявления которого, в отличие от пролетарской борьбы за

женское равноправие, носят печать реакционности и ограниченности. В позднесоветское время (1980-е гг.) в энциклопедических изданиях этот термин просто пропускали. В постперестроечных философских словарях феминизм рассматривается в трех плоскостях: социальное движение <+>, жизненные принципы, целостная система взглядов, при которой человек не имеет предубеждений по поводу пола <+> и философско-культурологическая концепция анализа понятия пола <+>. И лишь в последние десятилетия XX века феминистская тематика получила отражение в публикациях ряда гендерных центров.

Современные отечественные исследователи феминизма трактуют его по-разному. С. Г. Айвазова, автор многочисленных исследований по теории и истории женского движения, определяет феминизм как «философию или идеологию даже не столько собственно женского равноправия, сколько освобождение личности от репрессивной власти рода, отделения, автономизации индивида от родового начала». [11, с. 25].

Также обращают внимание на взаимосвязь между феминизмом и различными социокультурными и политическими процессами, исследуя влияние феминистской мысли на формирование современного общества и культуры.

Феминистский активизм и арт-активизм являются важными компонентами современного феминизма, использующими искусство и культуру в качестве средства для передачи сообщений, активизации общественной дискуссии и борьбы за права и равенство женщин.

Активизм в рамках феминизма часто включает создание сообществ, проведение митингов и демонстраций, публичные выступления и кампании, направленные на сбор средств и благотворительность, а также лоббирование за законодательные изменения. Арт-активизм, с другой стороны, использует искусство и творческие выражения для достижения феминистических целей.

Многие феминисты и феминистки-активисты используют культурные выражения, такие как книги, фильмы, музыку, живопись, театр, и даже уличное искусство, чтобы привлекать внимание к вопросам гендерного неравенства и дискриминации. Например, в массовых митингах, демонстрациях и акциях протеста часто используются арт-элементы, такие как плакаты, костюмы, театральные постановки и художественные инсталляции, чтобы усилить эмоциональное воздействие и привлечь внимание общественности.

В культурной сфере, феминистические идеи активно проникают в искусство и литературу. Многие феминистки-художницы, писательницы, режиссеры и музыкантки используют свои творческие работы, чтобы выражать свои взгляды на гендер и общество, а также для поддержки борьбы за права женщин. Например, женский рок и панк, как музыкальные жанры, часто ассоциируются с феминистическими идеями и активизмом.

Арт-активизм также может включать в себя проведение мастер-

классов, выставок и культурных мероприятий, направленных на создание сообщества, образование и мотивацию к действию. В целом, феминистский активизм и арт-активизм играют огромную роль в распространении феминистических идей и воздействии на общественное мнение. Эти инструменты позволяют перенести борьбу за равенство и права женщин в сферу культуры и искусства, что создает новые возможности для привлечения внимания к важным вопросам и вдохновляет о большее участие в процессе создания справедливого и равноправного общества.

Таким образом тенденции развития феминизма включают в себя более широкую глобальную мобилизацию для борьбы за гендерное равенство и права женщин.

Современный феминизм стремится включить в себя голоса женщин с различными экономическими, социокультурными, этническими, сексуальными и гендерными идентичностями, а также учитывает иные факторы, которые могут влиять на гендерное неравенство.

Современный феминизм стремится к сотрудничеству и взаимоподдержке между женщинами по всему миру, чтобы бороться с уникальными и общими проблемами, связанными с гендерным неравенством.

Феминистические движения в настоящее время активно используют социальные сети и технологии для организации, активизации общественного разговора, и привлечения внимания к вопросам гендерного равенства.

Многие феминистские инициативы все больше используют искусство, литературу, музыку и другие формы творчества как средства активистской работы и борьбы за права женщин.

Список использованных источников

1. Алексеева А. П. Краткий философский словарь. М., 1997.
2. Айвазова С. Г. Гендерные аспекты политической социологии. Учебное пособие / Отв. ред. С.Г. Айвазова, С.Г. Хасбулатова. – Москва, 2004.
3. Большакова А. Ю. Гендер // Западное литературоведение XX в.: Энциклопедия. – Москва. Intrada, 2004.
4. Васильева Л. Женщина. Жизнь. Литература: Вступ. слово на учредит. конф. Федерации писательниц при СП СССР. Литературная газета. – Москва, 1989. – 20 дек. (№ 51).
5. Джери Д. Большой толковый социологический словарь (Collins). / пер. Н. Н. Марчук. – М.: Вече, 1991. – 494 с.
6. Костикова А. А. Гендерная философия и феминизм: история и теория // Общество и гендер: материалы Летней школы в Рязани 1–12 июля 2003 года. – Рязань: Издательство «Поверенный», 2003.
7. Кляйн Э. Гендерная политика: от сознания к массовой политике. Кембридж: Издательство Гарвардского университета, 1984. – 207 с.
8. Скороспелова Т. В. Вторая международная научная конференция «Гендер: язык, культура, коммуникация» // Филологические науки. – 2002. – № 1.
9. Социологический энциклопедический словарь. М., 2000.
10. Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». – Москва: МЦГИ,

2000.

11. Эллиот П., Менделл Н. Теории феминизма // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. Под ред. Жеребкина С. – М., 2001.

УДК 81'255.2:82

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Л. Р. Велилаева,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь*

У. Ю. Болтабоева,

обучающийся магистратуры, кафедра английской филологии

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос перевода художественных текстов. Подчеркивается, что художественный текст обладает высокой степенью образности и может содержать информацию, которая передается неявно. Также отмечается, что перевод художественных произведений требует не только грамматической правильности, но и передачи авторского стиля. В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается переводчик при работе с художественными текстами, такие как передача фразеологических единиц и сохранение смысловых связей.

Ключевые слова: перевод, художественный перевод, проблема перевода

Summary. This article discusses the translation of literary texts. It emphasizes that literary texts possess a high degree of imagery and may contain information that is conveyed implicitly. It is also noted that the translation of literary works requires not only grammatical correctness but also the conveyance of the author's style. The article examines the problems faced by translators when working with literary texts, such as conveying idiomatic expressions and preserving semantic connections.

Keywords: translation, fiction translation, the problem of translation

Художественный текст характеризуется высокой степенью образности, часть информации художественного текста может быть передана имплицитно, за счет особого свойства художественной литературы, называемого «смысловой емкостью». «Это свойство проявляется в способности писателя сказать больше, чем говорит прямой смысл слов в их совокупности, заставить работать и мысли, и чувства, и воображение читателя» [6, с. 38].

Автор не только создает текст для своих читателей, но и для самого себя – это средство самовыражения. В то же время, любой человек может стать его адресатом. Какую информацию выделит читатель из этого текста, зависит от его индивидуальности и способности к восприятию.

Научные работы этой проблеме посвятили такие русские исследователи как Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Т. А. Казакова, Л. Л. Нелюбин. Качество переводного издания во многом зависит от работы переводчика. В XIX веке переводами часто занимались известные писатели. Например, Анна Ахматова перевела на русский язык поэзию Древнего

Египта, Китая, Борис Пастернак создал русского Шекспира [10, с. 344-345].

Сегодня переводная литература становится все более популярной. Современные издательства стремятся первыми перевести и издать зарубежные бестселлеры. Например, в российском издательстве «Азбука-Аттикус» вышла книга Ричарда Матесона «Я – легенда» на русском языке, который на сегодняшний день считается одним из лучших.

При работе с текстами возникают различные проблемы, такие как перевод фразеологических единиц, передача авторского стиля и т.д.

Качество перевода может ухудшиться по ряду причин, среди которых:

- изменение смысла текста;
- неточности в переводе;
- прямой перевод;
- нарушение смысловых связей.

В качестве общего требования к переводу необходимо подчеркнуть следующие моменты:

- соответствие переводного текста литературному жанру исходного текста;

- текст должен полностью соответствовать оригиналу;
- текст должен быть свободен от грамматических ошибок и понятен
- быть ясным и свободным от грамматических ошибок; и – перевод не должен нарушать языковые нормы [5, с. 223-224].

Аналогичное мнение высказывает и А. Т. Казакова в своей книге «Практические основы перевода», утверждая, что перевод должен полностью соответствовать оригинальному тексту. Казакова также утверждает, что при «переводе» текст качественно переведен, если переводчик обращает внимание на языковые нормы. Если переводчик сосредоточен на передаче общих и универсальных понятий, а не на предварительном переводе текста, то перевод является качественным. Вместо того чтобы преувеличивать непереводаемость стилистических и эмоциональных элементов текста, переводятся универсальные понятия, стилистические и эмоциональные элементы текста [2, 6]. В. Н. Комиссаров рекомендует использовать альтернативные языковые средства и языковые конструкции [3, с. 69-70].

Этих требований все же недостаточно для работы с художественными текстами. Они не только правильно передают содержание с точки зрения грамматики. Важно не только правильно передать содержание с точки зрения грамматики, но и донести до читателя его художественные особенности.

Это связано с тем, что требуется не только грамматическая правильность, но и авторский стиль. Несмотря на то, что искусство перевода существует уже давно, единых правил работы с такими текстами не существует. Каждое произведение имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать при переводе текста. Поэтому общие требования к произведению не всегда способствуют созданию качественного перевода.

Существует «теория непереводаемости». Предполагается, что полноценный перевод с одного языка на другой в принципе невозможен вследствие существенного расхождения выразительных средств разных языков; любой перевод является лишь слабым и несовершенным отражением оригинала.

Таким образом, переводчик поэзии ставит перед собой заведомо нерешаемую задачу: «поэтическая речь отличается от всякой другой тем, что высказанное ею не может быть высказано никакими другими словами и сочетаниями слов, кроме тех самых, какими оно было высказано. Пересказ, перевод, меняя звук, уже (не говоря обо всём другом) меняет и смысл. Не только к звуку, но и к смыслу оригинала возможны поэтому только приближения» [1, с. 89].

Главной задачей для переводчика при этом становится выбор его переводческой стратегии и прагматической направленности переводческой рецепции. Выбор прагматической направленности перевода зависит от социальных, культурных, психологических характеристик личности самого переводчика и потенциальных читателей. Существует мнение, что принципы перевода зависят от типа поэтического текста. Действительно, для перевода поэтического текста первостепенной является передача ключевых образов произведения и звукового рисунка [3].

Творческий аспект, или собственно искусство художественного перевода, складывается из личного литературного мастерства переводчика, его способностей, психологической готовности к этому виду творчества, а также от умения предвидеть литературные потребности своего времени и отвечать на непоставленные вопросы в межлитературном, и шире – в межкультурном общении [2, с. 123].

Другая точка зрения, которой придерживается большинство исследователей, заключается в том, что любой развитый национальный язык безусловно и обязательно является достаточным средством общения во всех культурных и языковых стратах. Концепцией, которая в определённой мере представляет собой синтез указанных подходов, является концепция динамической эквивалентности. Понятие динамической эквивалентности, которое впервые ввёл в научный оборот Юджин Найда [7], близко понятию функциональной эквивалентности, предложенному исследователем А. Д. Швейцером [13]. Суть этого понятия в том, что для достижения высокой степени адекватности эстетического воздействия художественного перевода на читателя или слушателя необходимо прежде всего глубоко постичь интенции автора и тематическую направленность оригинала [7, с. 73].

С появлением в XX веке жанра научной фантастики, что было связано со скачком в развитии технологий и началом космических исследований, процесс художественного перевода осложнился еще и тем, что в произведениях начали в большем количестве появляться авторские неологизмы для описания необычных технологий будущего и космических

монстров, создавались целые новые миры, что не могло не повлиять на специфику переводческого процесса.

В заключении можно отметить, что перевод художественных текстов представляет собой сложную задачу, требующую не только грамматической точности, но и передачи авторского стиля. Художественные тексты содержат высокую степень образности и могут включать информацию, которая передается имплицитно. Качество перевода зависит от способности переводчика передать не только языковые конструкции, но и художественные особенности оригинала. При работе с художественными текстами необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого произведения и стремиться к передаче не только смысловой, но и стилистической и эмоциональной составляющей оригинала. Переводчик обречён сталкиваться с разнообразными сложностями при переводе художественного текста. Может быть, как писал Мориц Гаупт, перевод есть «смерть понимания», но, по замечанию Иосифа Бродского, «ничто не может быть увлекательней, чем невозможное».

Список использованных источников

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. – М.: Флинта, 2002. – 384 с.
2. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 123 с.
3. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 208 с.
4. Казакова Т. А. Практические основы перевода: учеб. СПб.: Лениздат; Издательство «Союз», 2002. – 320 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
6. Назин А. С. Сопоставительное исследование метафор в романе Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или туда и обратно» и его переводах на русский язык: дис. ... канд. фил. наук. Екатеринбург, 2007.
7. Найда Ю. Я. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 2008. – 73 с.
8. Иваниченко А. Ю., Норец М. В. Влияние на перевод художественного текста языковой личности переводчика и ценностей эпохи (на материале произведения Д. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и трех переводов данного текста) // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 26-27 апреля 2021г. – С. 117-123.
9. Норец М. В. Жанр как отражение «бытийности» текста: переводческий аспект // Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского: II науч. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. – Симферополь, 26-28.10. 2016. – С. 167-169.
10. Научная фантастика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/FANTASTIKA_NAUCHNA_YA.html (дата обращения: 03.02.2024.)
11. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учебное пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2006. – 416 с.
12. Тимошик М. Книга для автора, редактора, 2006. – С. 344-345.
13. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988.

– 215 с.

УДК 81.13

**ТЕКСТЫ ФОЛЬКЛОРА КАК НОСИТЕЛИ РУССКОГО
КУЛЬТУРНОГО КОДА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ*****И. В. Вихриева,***

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-
Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь подходов, принципов и приемов обучения иностранных магистров, осваивающих программу «Русская культура», русскому языку в его письменной и устной разновидностях в том числе через тексты фольклорных произведений. Предполагается чтение фольклорных текстов, выполнение заданий слушателями, имеющими подготовку по русскому языку на уровне А2- В1. С этой целью предлагаются тексты разных фольклорных жанров: сказки, былины, песни, загадки, шутки, считалочки, скороговорки, заклички, потешки, небылицы, пословицы. Фольклорные тексты каждого тематического раздела содержат комментарий и краткий словарик, задания для освоения определенных лексико-грамматических трудностей, дописывание и составление предложений для уверенного владения русским языком и понимание русского культурного кода через произведения устного народного творчества.

Ключевые слова: произведения фольклора, русский культурный код, текст, изучение русского языка как иностранного.

Summary: The article examines the relationship between the approaches, principles and techniques of training foreign master degree students at “Russian Culture” program with the Russian language in its written and oral varieties, through the texts of folklore works inclusively. It is expected that students who have training in the Russian language at level A2- B1 will read folklore texts and complete assignments. For this purpose, texts of different folklore genres are offered: fairy tales, epics, songs, riddles, jokes, counting rhymes, tongue twisters, chants, nursery rhymes, fables, proverbs. Folklore texts of each thematic section contain a commentary and a short dictionary, tasks for mastering certain lexical and grammatical difficulties, completing and composing sentences for skillful mastering of the Russian language and understanding the Russian cultural code through works of folklore.

Key words: Works of folklore, Russian cultural code, text, Russian as a foreign language studying.

На протяжении многих веков фольклор играл и продолжает играть важную роль в русской культуре, являясь носителем ее культурного кода. Фольклорные тексты служили не только средством передачи знаний, но и способом сохранения, бережного отношения и приумножения культурного наследия. В них заключена мудрость, символы и призывы, которые отражают особенности русского характера, являются исторической памятью народа. В фольклорных произведениях сохраняются коллективные представления о прошлом, знания о культуре и привычках предков. Они отражают величие народа, его умение преодолевать трудности и сохранять свою уникальность.

Тексты устного народного поэтического творчества являются

словесной составляющей русской традиционной культуры. Разнообразные произведения фольклора, передаваемые из поколения в поколение, в виде сказок, былин, песен, загадок, шуток, считалок, скороговорок, закличек, потешек, небылиц, пословиц, во многом не сохранили авторства. Однако многие русские народные сказки можно прочитать в обработке русских писателей. Вот, некоторые из них: Гуси-лебеди, Колобок, Морозко, Репка, Теремок, Сестрица Алёнушка и братец Иванушка А. Толстого; Аленький цветочек С. Аксакова; Серебряное копытце П. Бажова; Руслан и Людмила, Сказка о мёртвой царевне, Сказка о рыбаке и рыбке А. Пушкина; Снегурочка, Три медведя, как мужик гусей делил Л. Н. Толстого. Русские писатели и поэты, композиторы, художники, режиссеры часто использовали фольклорные сюжеты в своих произведениях, которые являются узнаваемыми и любимыми многочисленной аудиторией читателей, слушателей, зрителей в России и за ее пределами.

Знакомство с текстами фольклора (чтение, понимание, интерпретация) видится особенно актуальным, познавательным и интересным в том числе для иностранных студентов, осваивающих программу «Русская культура», в контексте изучения русского языка как иностранного. Обратимся к жанру сказки. Фундаментальные исследования происхождения сказки как особого вида и строения текста принадлежит советскому ученому-фольклористу В. Я. Проппу. Он утверждал, что генетически фольклор сближается не с литературой, а с языком. Отсюда и своеобразный способ возникновения фольклорного произведения. Фольклор «возникает и изменяется совершенно закономерно, независимо от воли людей, везде там, где для этого в историческом развитии народов создались соответствующие условия» [3, с. 22].

Одной из любимых героинь волшебной сказки «Снегурочка» является девочка Снегурочка «сперва снежно – холодная, а потом неудержимо страстная» (Римский-Корсаков). Эта сказка знакома читателям в обработке Л. Толстого, а пьеса-сказка «Снегурочка» была написана русским драматургом А. Островским. Этимология имени девочки восходит к слову «снег». Она является на землю зимой и должна растаять от солнечных лучей весной, уйти в «мир иной», когда обретет любовь. Весна открывает девушке богатство чувств и красок окружающего мира. Она исчезает во время праздника. Подруги быстро забывают о ней и продолжают веселиться. В сказке прославляются животворные силы матушки-природы, противопоставляются реальный и фантастический миры. Русский композитор Н. А. Римский-Корсаков и живописец В. М. Васнецов были захвачены этой удивительной поэтической сказкой. Впоследствии были написаны одноименная опера и картина, режиссерами И. Ивановым-Вано и П. Кадочниковым созданы мультипликационный и художественный фильмы. Такой интермедиаальный срез изучаемого материала дает всестороннее понимание и осмысление фольклорного текста на занятиях по русскому языку как иностранному. Обратимся к фрагменту сказки:

"Жили-были на свете дед и баба. Жили они, жили и состарились. А детей у них не было. И очень они об этом горевали. Вот раз зимой выпало снегу по колено. Пошли они погулять по снежку и вылетели из снега дочку Снегурочку. И вдруг усмехнулась Снегурочка, бровью повела, ручку подняла, шагнула разок-другой и пошла себе тихонько по снегу к избе.

Тут-то обрадовались дед и баба, побежали за ней в избу, не знают, куда посадить, чем угостить.

Так и осталась жить у деда с бабой дочка Снегурочка. Растет Снегурочка не по дням, а по часам. Что ни день - все умнее да милее становится. Дед и баба на нее не нарадуются. День и ночь-сутки прочь. Вот и миновала зима, пришла весна. Стало солнышко пригревать. Потекли из-под снега ручьи, закапало с крыши. Все ребята рады-радёшеньки. Одна Снегурочка невесела-сидит в уголке, на свет не глядит. Молчит Снегурочка, а у самой по белым щекам слезы катятся. Тут и лето настало. Солнышко печёт, земля цветёт. Собрались девушки в лес гулять и Снегурочку зовут. Пошла Снегурочка с ними. Развеселились девушки, развели костер, сами стали через огонь прыгать и Снегурочку уговаривать прыгнуть через огонь. Собралась Снегурочка с духом, разбежалась и прыгнула. Смотрят девушки, где же Снегурочка? Нет её. Только над костром белый пар вьется. Растаяла Снегурочка».

Комментарий, полезный словарик:

Жили- были – зачин (начало) русской народной сказки.

Они состарились – стали старыми, они постарели.

Они горевали - тяжело переживали.

Вылетели из снега – создали фигурку из снега.

Дочка Снегурочка - дочь, ребенок-девочка.

Снегурочка усмехнулась – зд. улыбнулась недоверчиво.

Повела бровью – удивилась.

Шагнула разок-другой – зд. начала идти.

Тут-то обрадовались – были очень рады.

Не нарадуются на неё – все время радуются.

Растет Снегурочка не по дням, а по часам – растет очень быстро.

День и ночь - сутки прочь – день за днем.

Миновала зима – прошла зима.

Все ребята рады-радёшеньки – все ребята радуются.

Солнышко печёт, земля цветёт – солнце согревает землю, растут и цветут растения.

Собралась Снегурочка с духом – поборолла страх.

Разбежалась Снегурочка – стала быстро-быстро бежать, чтобы потом прыгнуть.

Самый любимый в народе образ героя-богатыря Ильи Муромца русских былин в истории России, защитника земли Русской, вдов и сирот, всегда восхищал русскую художественную элиту. Огромное множество разножанровых произведений искусства было создано по мотивам былин.

Ограничимся упоминанием отдельных «художников», чьи произведения представляются слушателю во время чтения текста. Это писатели Н. М. Карамзин и А. Н. Толстой, художники В. Васнецов, В. Верещагин, Н. Рерих, И. Билибин, композиторы Р. Глиэр, В. Серова, Б. Феоктистов, режиссеры А. Птушко и И. Аксенчук. Приведем фрагмент текста былины Илья Муромец и Соловей Разбойник. Текст написан поэтическим языком, для которого характерны метафоры, эпитеты при воспроизведении ситуации, картин и образов «эпически возвышенных, грандиозных либо, при изображении врага, страшных, безобразных» [5, с. 17].

Собрался Илья Муромец в славный Киев-град к князю Владимиру. Доехал он до города Чернигова, а дороги от Чернигова до Киева не знает. Спрашивает он мужичков черниговских:

- Где тут дорожка прямоезжая до Киева?

Отвечают ему мужички черниговские:

- Дорога- то, добрый молодец, до Киева прямая, да по ней нельзя проехать – по пути у речки Смородины сидит на дубу Соловей Разбойник. Он кричит, злодей, по-звериному, а свищет по-соловьиному. От его покрика, от его посвиста цветы и травы осыпаются, леса к земле приклоняются, люди замертво падают. Поезжай ты в Киев лучше сторонкою. Хоть и дальше, да безопаснее.

Не испугался Илья рассказа страшного. Прямой дорогой поехал.

..... Тут сел Илья Муромец на своего добра коня, отвёз он Соловья в чисто поле, да и срубил ему там буйну голову.

Комментарий, полезный словарик.

Илья Муромец. Богатырь, герой древнерусского и русского былинного эпоса. Приехал на службу в Киев, к князю Владимиру чтобы возглавить оборону Древней Руси.

Соловей Разбойник – страшный противник Ильи Муромца, который поражает врага страшным посвистом.

Град – город.

Мужички – мужчины.

Дорожка прямоезжая – дорога от города Суздаля до реки Москвы, продлена до Киева. Имела огромное экономическое, культурное и военное значение.

Покрик – крик.

Посвист – свист.

Ехать сторонкою – не ехать по прямой дороге.

Буйна голова – большая, сильная голова.

В русской народной песне отражен быт, традиции и история русского народа. Их пели, передавая из поколения в поколение. [4, с. 8]. Песни исполняли плавно, выделяя голосом повторяющиеся слова. Крестьянские песни и былинный эпос были истоком народного творчества древнерусской эпохи. Поэтическое строение песен представляет собой восклицательные конструкции, открытость структуры, что дает исполнителю возможность

бесконечно продолжать петь. Например, крестьянская песня:

*Я с горы на гору шла,
Я серых гусей знала,
Ой-ли, ой-ли, ой-люли,
Я серых гусей знала.
Я знала, знала, знала,
Приговаривала,
Ой-ли, ой-ли, ой-люли,
Приговаривала:
- Привыкайте, мои гуси,
Ко холодной, ко воде,
Ко шелковой, ко траве,
Ой-ли, ой-ли, ой-люли,
Ко шелковой, ко траве.*

Комментарий и полезный словарик:

Я с горы на гору шла, я серых гусей знала – зд. девочка пасла гусей с заботой.

Ой-ли, ой-ли, ой-люли – зд. заботливое отношение девочки к гусям, приобщение к их жизни.

Шелковая трава – зд. нежная, сочная, молодая травка.

Загадки – это фольклорные произведения, в которых не называется предмет, но при описании сообщаются такие признаки и особенности, по которым можно легко угадать, что это. В основе их текста лежит языковая образность. Существуют разнообразные загадки: о семье, труде, природе, животных, о доме, домашнем быте. Приведем некоторые из них:

Стоит Егорка
В красной ермолке;
Кто ни пройдёт,
Всяк поклон отдаёт.

(земляника)

Комментарий и полезный словарик:

Егорка – ермолка: рифма

Пройдёт – отдаёт: рифма

Егорка – мужское имя Егор (ласково Егорка).

Ермолка – маленькая мягкая круглая шапочка. Тут созревшую землянику сравнивают с красной ермолкой. Она как будто надевает ее на себя летом, а кустик земляники обычно низкий, поэтому чтобы сорвать ягоду нужно нагнуться за ней, т.е. "поклониться".

Чёрный Ивашка-
Деревянная рубашка,
Где носом проведет,
Там заметку кладёт.

(карандаш)

Комментарий и полезный словарик:

Ивашка-рубашка: рифма

Ивашка- мужское имя Иван (ласково Ивашка).

«Чёрный Ивашка» означает, что грифель у карандаша чёрного цвета, который вставлен в дерево. "Носом заметку кладёт" значит пишет заострённой частью. Вот таким представлен языковой образ карандаша.

Не портной,

А всю жизнь с иголками ходит.

(ёжик)

Комментарий и полезный словарик:

Языковая образность небольшого зверька, спина и бока которого покрыты острыми иглами представлена портным, у которого главные инструменты иглы/иголки.

Считалка – это небольшое фольклорное произведение, с помощью которого дети могут распределить роли в играх.

Шла бабка с заморья,

Несла кузовок.

В том кузовочке

Лежали грибочки,

Кому – гриб,

Кому-два,

А тебе, дитятко,

Весь кузовок.

Комментарий и полезный словарик:

Бабка – зд. старая женщина.

Шла с заморья – зд. шла издалека.

Кузовок – маленькая корзинка, корзиночка.

Дитятко – зд. с любовью ребенок.

Потешка-это короткое веселое стихотворение, которое произносится быстро и громко, чтобы развеселить и развлечь маленьких детей.

Шла лисичка по мосту,

Несла вязанку хворосту.

Вытопила баньку,

Выкупала Ваньку,

Посадила в уголок,

Дала сладкий пирожок.

Комментарий и полезный словарик:

Несла вязанку хворосту – несла связку сухих палочек, чтобы положить их в печку.

Голосом выделяют рифму: *по мосту – хворосту; баньку-Ваньку; уголок-пирожок.*

Небылицы – это шуточные произведения. В них рассказывается о событиях, которые не могут произойти в реальной жизни.

Ехала деревня

Мимо мужика,

Вдруг из-под собаки

Лают ворота.

Выскочила палка

С бабкою в руке

И давай дубасить

Коня на мужике.

Лошадь ела сало,

А мужик овёс.

Лошадь села в сани,

А мужик повёз.

Комментарий и полезный словарик:

Мужик- мужчина.

Бабка-зд. старая женщина.

Давай дубасить- начала бить.

Сани – санки.

Изучение пословиц остается актуальным при обучении русскому языку как иностранному, так как их понимание дается в лингвокультурологическом аспекте. Такое изучение паремии позволяет глубже и точнее отразить ее содержательный аспект, проследить источники, а также рассмотреть вопрос о фоновых знаниях [2, с. 28]. Пословицы, как произведения устного народного творчества, имеют поучительный смысл и охватывают разные темы:

О Родине

Нет земли краше, чем Родина наша.

Береги землю родимую, как мать любимую.

О человеке

Человека украшает ум, а не одежда.

Доброе имя дороже богатства.

О труде

Труд человека кормит, а лень портит.

У лентяя Федорки, всегда отговорки.

Делу время, потехе час.

О дружбе

Нет друга- ищи, а найдёшь- береги.

Человек без друга похож на дерево без корней.

Кто друг прямой, тот брат родной.

О семье

Добрая семья прибавит ума- разума.

Кто родителей почитает, то вовеки не погибает.

Человек без семьи, что дерево без плодов.

Изучение текстов устного народного творчества на занятиях по русскому языку как иностранному в интермедиальном аспекте усиливает интерес слушателей, осваивающих программу «Русская культура», к обучению языка, знакомит их с богатым миром русского фольклора,

подразумевает овладение системой предметных фоновых знаний [1, с. 186]. по русской культуре и понимание русского культурного кода через произведения устного народного творчества.

Список использованных источников

1. Вихриева И. В. Изучение русской литературы на подготовительном отделении: фольклор как устное поэтическое творчество. Проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе: материалы докладов и сообщений XXVIII международной научно-методической конференции 14 апреля 2023. – С.180-186.
2. Краснокутская М. А. Пословицы и поговорки как объект изучения в лингвистике // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. [Филологические науки. 11-5 \(74\), 2022 года.](#) – С. 153.
3. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. (Специфика фольклора). (Серия Исследования по фольклору и мифологии Востока). – М.: Наука, 1976. – 328 с.
4. Сахаров И. П. Песни русского народа. Ч. 1-5. – СПб., 1839. - 415 с.
5. Селиванов Ф. М. Богатырский эпос русского народа // Былины. Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. – М.: Сов. Россия, 1988. – (Б-ка русского фольклора; Т. 1). – С. 5–24.

УДК 821.111

РУСАЛКИ VERSUS УНДИНЫ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ С. ПЛАТ «LORELEI»

А.Э. Воротникова,

доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей, Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

Аннотация. В статье анализируются особенности перевода стихотворения С. Плат «Lorelei». Акцентируется национально-культурная специфика оригинала, передача которой требует актуализации знаний из области мировой литературы, мифологии, фольклора. Особое внимание уделяется расхождениям в переводном и оригинальном названиях стихотворения, аллюзивно связанного с одноименным лирическим шедевром Г. Гейне. Отмечается роль приема компенсации в воссоздании индивидуальных авторских образов. Делается вывод о допустимости неизбежных при переводе лексико-семантических отклонений от оригинального текста и о необходимости сохранения концепции художественного произведения.

Ключевые слова: перевод, семантика, образ, лирическая героиня, ундина, филистер, компенсация, олицетворение, метафтонимия, антитеза.

Summary. The article analyzes the peculiarity of the translation of the poem «Lorelei» by S. Plath. The national and cultural specificity of the original is emphasized, the transfer of which requires updating knowledge from the field of world literature, mythology, folklore. Special attention is paid to the discrepancies in the translated and original titles of the poem, which is allusively associated with the lyrical masterpiece of the same name by H. Heine. The role of the compensation technique in recreating individual author's images is noted. The conclusion is made about the permissibility of lexical and semantic deviations from the original text that are inevitable in translation and about the need to preserve the concept of an artistic work.

Keywords: translation, semantics, image, lyrical heroine, mermaid, undine, philistine, compensation, personification, metaphthony, antithesis.

Стихотворение «Lorelei» (1958) показательно для творчества американской поэтессы Сильвии Плат, поскольку в нем сопрягаются ключевые в ее художественной концепции темы одиночества, неприятия земного существования, поисков инобытия, эскапизма и смерти. Сразу обращает на себя внимание название стихотворения, прямо отсылающее к одноименному лирическому шедевр Гейне «Лорелея». В дневниковой записи Плат от 4 июля 1958 года, посвященной истории возникновения «Lorelei», в качестве одного из источников поэтического вдохновения указывается детское воспоминание о жалобной немецкой песне, часто напеваемой матерью: «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...» (первая строка гейневского стихотворения) [2, с. 266].

В. П. Бетаки, перевод которого анализируется в предлагаемой статье, отказывается от оригинального заголовка, предлагая в качестве русского аналога название «Рейнские русалки». Действительно, лексемы «русалка» и «ундина» (к последним принадлежит Лорелея) часто употребляются как синонимичные и взаимозаменяемые, однако между ними существуют и определенные отличия, обусловленные национальной спецификой славянской и германской мифологий. При том что оба персонажа принадлежат водной стихии, ундины чаще наделены хвостами, в отличие от своих восточных родственниц, а также певческим даром, которым они пользуются, когда желают завлечь людей, обычно рыбаков или лодочников, на речное дно, последняя особенность сближает их с греческими сиренами. Именно эта способность ундин акцентируется в стихотворении Плат.

Кроме того, в оригинальном названии используется имя собственное, подчеркивающее единичность и индивидуальную неповторимость фольклорного персонажа, отчетливо соотносимого с лирической героиней в стихотворении Плат. Множественное число существительного «русалки» призвано, напротив, подчеркнуть собирательный, обобщенно-обезличенный характер их образа. Речные девы, поднимающиеся на поверхность Рейна, – сестры лирической героини («sisters» [3, р. 94]). Однако лишённые индивидуальной определенности и даже антропоморфных черт, ундины подвергаются метафтонимическому преобразению в камни, один из которых должен утащить на дно испытывающую суицидальный порыв протагонистку. В этой связи ундины воспринимаются не только как образ, родственный лирической героине, но и как заряженный темной, враждебной и разрушительной энергией. В танатологическом дискурсе фигуры каменных дев символизируют холод безлюбования и смерти, не случайно их образы встраиваются в ассоциативный ряд, лейтмотивный для платовской поэзии: каменный истукан/статуя – надгробие – небытие. Образ ундин в подобной трактовке перерастает свою национальную культурную ипостась, сближаясь с хтоническими двойниками греческих сирен – гарпиями и керами, которые «воспринимались ... как музы иного мира – их изображали на надгробных памятниках» [1, с. 438].

Отношения лирической героини и ундины с их опасным смертельным призывом воспринимаются в этом контексте амбивалентно. Даже с точки зрения хронологической организации стихотворения, они могут расцениваться как антагонистические: находящаяся на берегу протагонистка принадлежит еще миру живых и настоящему, тогда как речные девы существуют в водных глубинах – аналоге преисподней – и в вечности, стирающей индивидуальные черты. Отсюда и закономерная отнесенность образов ундины к мифу с его топографической размытостью и безвременьем.

В русском переводе названия момент противостояния лирической героини каменным девам и, соответственно, противопоставления жизни и смерти нивелируется: протагонистка оказывается включенной в обезличенную массу других самоубийц, ушедших из жизни до нее и превратившихся в русалок. В английском же названии концептуально значимо сложное соотношение общности трагического женского удела и уникальности личности незаурядной героини, наделенной к тому же поэтическим видением и отождествляющей себя с романтическим образом гейневской Лорелеи.

Заметим, что традиционный для немецкой легенды мотив любовной драмы отсутствует в платовском стихотворении, разрабатывающем глобальную тему экзистенциального неблагополучия, неприятия земной профанной жизни и бегства из нее в смерть. То есть Плат не только вступает в диалог с предшествующей литературной традицией, но и переосмысляет ее с позиций нового, в значительной степени феминистски нагруженного, видения судьбы творчески одаренной и страдающей женщины.

Итак, использование более привычного для русского слуха слова «русалка» разрушает национальную и культурную ауру, окружающую аллюзивно нагруженный и концептуально значимый для проникновения в авторский замысел образ Лорелеи – лирической героини.

Несомненно определенные расхождения в оригинале и переводе самого текста стихотворения. Как уже отмечалось выше, в названии «Lorelei», соотносимом с основным содержанием, прослеживается принцип антитезы, задающий концепцию произведения в целом. С первых его строк очевидно противопоставление таких смежных понятий, как сон, статика, с одной стороны, и бодрствование, движение, с другой. Атмосферу покоя и тишины создают выражения, включающие лексические единицы из семантического поля «ночь»: «bland mirror-sheen», «fishermen are sleeping», «all stillness», «the face of quiet» [3, p. 94]. В первом словосочетании прилагательное «bland» переводится как «мягкий, ласковый», а также «слабый» и «успокаивающий», то есть данный эпитет может восприниматься и как визуальная характеристика блеска речной поверхности в ночи, и как психологически нагруженная: свечение воды воспринимается как приглушенное, неяркое, умиротворяющее. Туман над водой, скрадывающий краски и звуки и создающий романтически

таинственный антураж происходящего, сравнивается с рыбацкими сетями, («Scrim after scrim like fishnets» [3, p. 94]), при этом подчеркивается, что сами рыбаки спят, то есть пейзаж предстает безлюдным. Всеохватность тишины и всеобщая погруженность в сон подчеркиваются местоимением «all». В олицетворении «the face of quiet» – «лицо тишины» существительное «face» может интерпретироваться как часть лексемы «surface» – «поверхность», отнесенной к образу зеркальной речной глади. Первые строки «Lorelei» одушевлены присутствием мистической силы, разлитой в окружающем мире и воплощенной в природных образах: зеркало реки метонимически связано с отражающимся в нем человеческим лицом, туман раскидан над водой рукой невидимого рыбака.

В поэтической версии В. П. Бетаки прием олицетворения используется в первых трех строфах применительно только к башням замка, которые «с холма любят себя» [2, с. 88], в то время как Плат говорит лишь об удвоении их отражения в реке. В данном случае имеет место прием частичной компенсации остальных персонифицированных образов, которые не были воссозданы в переводе.

В русском варианте стихотворения акустическая сторона ночного пейзажа отходит на второй план перед его визуализацией. Ограничиваясь лексемой «сонный» как характеристикой тумана, В. П. Бетаки дает ряд лексем, задающих колористический рисунок платовского ландшафта: «ясные ночи», «туман прозрачный, синий», «над прикрытой зеркалом чернотой», «сквозь лунное, сквозь голубое» [2, с. 88]. Примечательно, что в шестой строфе при характеристике пения ундин в переводе наблюдается компенсаторное использование слова «тишина» [2, с. 88], которое отсутствовало в начале стихотворения.

Образы пения вербализованы по-разному в оригинале и переводе. Плат, верная принципу антитезы, противопоставляет тяжелый и легкий, глухой и звонкий, низкий и высокий звуки голосов ундин и немецких обывателей: «Sisters, your song // Bears a burden too weighty // For the whorled ear's listening»; «You lodge // On the pitched reefs of nightmare» – «By day, descant from borders // Of hebetude, from the ledge // Also of high windows» [3, p. 94]. Примечательно, что данный акустический контраст находит топографический коррелят в антитезе верха–низа. Филистеры, не ведающие духовных метаний, поют дискантом, то есть высоким, свойственным прежде всего детям голосом, сидя у высоких окон. Высота в данном случае служит указанием не на духовное величие, а на самодовольное ощущение мнимого превосходства устроившегося в жизни инфантильно-недалекого мещанина перед мятущейся лирической героиней, терзающейся неразрешимыми проблемами глобального бытийного несовершенства, лишенной внутреннего покоя. Филистерам не свойственна тонкость душевной организации, о чем свидетельствует образ «закрученных ушей» («the whorled ear's listening» [3, p. 94], невосприимчивых к песне русалок, которым заказан домашний уют и которые вынуждены расположиться на

метафорических «острых рифах кошмара» («On the pitched reefs of nightmare» [3, p. 94]), грозящих низвержением в пропасть.

В русском варианте вновь наблюдаются определенные потери в передаче уникальной платовской образности, но и вполне удачные попытки их компенсации. Так, сема «складка», присутствующая в оригинальном выражении «the whorled ear's listening», передается концептуально точно в образе приглаженного и упорядоченного филистерского существования: «Ваши голоса для них западня, // Для тех, У кого ни на рубашке, // Ни в мозгах – ни складки...» [2, с. 88]. Идея обывательской ограниченности воплощается также в переводном словосочетании «тупое пенье» [2, с. 88], соотносимом с платовской лексемой «hebetude» [3, p. 94] – «тупоумие».

Образ Германии как «благополучной страны» [2, с. 88] и в английском, и в русском вариантах в целом един. Платовскому определению «a well-steered country, under a balanced ruler» [3, p. 94], то есть «хорошо управляемая страна», соответствует характеристика: «где все на месте и все в порядке» [2, p. 88]. Традиционный немецкий порядок, акцентируемый Бетаки, приобретает у Плат более широкий смысл, не замкнутый в национальных границах: она пишет о «земном порядке» – «the mundane order» [3, p. 94], которому противопоставляет высшую гармонию – «harmony beyond» [3, p. 94]. В переводе «о мире гармонии и тишины» [2, с. 88] поют каменные девы, что вновь сближает их с античными сиренами, только в иной – не хтонической, а светлой аполлонической ипостаси, которая была сообщена им в классической античности. Сладкоголосые мудрые сирены представляются сидящими на одной из восьми небесных сфер и создающими «своим пением величавую гармонию космоса» [1, с. 438]. Подобную метаморфозу претерпевает образ ундины и в стихотворении «Lorelei», где они из темных обитательниц подводного мира преображаются в финале в «великих богинь покоя» [2, с. 88] – «great goddesses of peace» [3, p. 95], что утверждает незыблемость их высокого статуса как представительниц инобытийной сферы.

Подводя итоги, следует отметить, что лексико-семантические расхождения между оригиналом стихотворения Сильвии Плат и его русской версией Василия Бетаки в большинстве случаев не носят концептуального характера и компенсируются благодаря мастерству переводчика, которое предполагает не механическое воспроизводство содержания исходного текста, но его творческое перевоссоздание.

Список использованных источников

1. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах) / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 2. К – Я. 720 с.
2. Плат С. Собрание стихотворений / Под ред. Т. Хьюза; подгот. В. П. Бетаки [и др.]. – М.: Наука, 2008. 410 с.
3. Plath S. The Collected Poems / Ed. by T. Hughes. – New York: Harper&Row, Publishers, 1981. 351 p.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ КЭРОЛ ЭНН ДАФФИ – КАК ПОНЯТЬ И КАК ПЕРЕВОДИТЬ?

Л. Н. Глухенькая,

кандидат филологических наук, ассистент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается детская лирика Кэрол Энн Даффи и анализируются стратегии ее интерпретации и перевода, что необходимо для оценки адекватности воспроизведения образно-стилистических особенностей художественного текста. Особое внимание привлекает языковая игра, зачастую требующая компенсационных техник.

Ключевые слова: К. Э. Даффи, детская поэзия, художественный перевод, языковая игра, переводческая стратегия.

Summary. The article deals with C. A. Duffy's poetry for children and analyzes strategies for its interpreting and translation that is necessary to evaluate how adequate stylistic reproduction of a literary text is. Special attention is drawn to language play, which often requires using compensatory techniques.

Key words: C. A. Duffy, poetry for children, literary translation, language play, translation strategy.

Кэрол Энн Даффи – знаменитая на родине и за ее пределами британская поэтесса шотландского происхождения, известная, прежде всего, благодаря предложенной ею концепции «женского взгляда», нашедшей отражение в интимной и феминистской лирике. Лучшие образцы «женской поэзии» Даффи вошли в поэтический альманах «Вечная жена» – собрание интерпретаций на тему традиционной патриархальной мифологии и истории.

Выросшая в рабочей среде, Кэрол Энн Даффи как Поэт-лауреат (2009-2019) и активный общественный деятель пишет преимущественно на социальную тематику. Поэтессу волнуют вопросы стратификации и неравенства в обществе, насилия и утраты гуманизма, коммерциализации культуры и безнаказанности политиков. В молодости поэтесса увлекалась политическими памфлетами. «Зрелая» лирика автора подчеркивает ее связь с направлением «поэзии свидетельства». Конечно, в активизации общественной повестки можно увидеть тенденцию популизма: выражать свои политические взгляды или недовольство в гневных поэтических декламациях опять стало модно. Однако, «новые» авторы, к числу которых относим К. Э. Даффи, выступают не в роли судей, они выступают в защиту жертв войн, геноцидов, репрессий, и критически анализируют как глобальный исторический, так и личный опыт, что роднит их лирику с политической сатирой.

Помимо этого, ко времени вступления на пост Поэта-лауреата К. Э. Даффи сформировалась не только как автор-феминистка, в творчестве которой преобладает сатирическое изображение общественной повестки, но и как автор детской поэзии. Нишу детской литературы К. Э. Даффи заняла наравне с такими современными английскими детскими писателями и

поэтами, как Джон Фостер, Джулия Дональдсон, Андре Джайлз.

По собственному признанию, поэтесса начала писать для детей, в первую очередь, потому что стала матерью: в 1995 году у нее родилась дочь Элла. Сборник *New and Collected Poems for Children* открывает эпитафию-посвящение дочери: «for Ella with love from Mummy». Позже Даффи обратится к детской литературе за утешением: в 2005 году поэтесса таким образом нашла отдохновение после смерти собственной матери.

В творчестве писательницы есть как адаптации известных европейских народных сказок: *Grimm Tales* (1996), *More Grimm Tales* (1997), *Rumpelstiltsken and other Grimm Tales* (1999), *Beasts and Beauties: Eight Tales from Europe* (2004), *Rats' Tales* (2012), так и рассказы для детей собственного сочинения: *Queen Munch and Queen Nibble* (2002), *Underwater Farmyard* (2002), *Doris the Giant* (2004), *Moon Zoo* (2005), *The Lost Happy Endings* (2006), *The Tear Thief* (2007), *The Gift* (2009), *Faery Tales* (2014).

Особой популярностью пользуются поэтические сборники для детей *Meeting Midnight* (1999), *The Oldest Girl in the World* (2000), *The Good Child's Guide to Rock N Roll* (2003), *The Hat* (2007). Ежегодной традицией для поэтессы стала публикация рождественской поэмы. А поскольку Даффи знаменита своей любовью ко всякого рода интерпретациям, за вдохновением писательница часто обращается к текстам, ставшим метанарративами. Это может быть и популярный сюжет о скряге Эбenezере Скрудже, вышедшем из-под пера Чарльза Диккенса, и Рождественское перемирие 1914 года в окопах Первой мировой войны, и англиканский гимн, посвященный чешскому королю Вацлаву (Венцеславу), и конечно же, Библейское предание о рождении Иисуса Христа в Вифлееме.

Для детской поэзии Кэрол Энн Даффи характерна, с одной стороны, простота классических английских *nursery rhymes*. Главными героями становятся сказочные персонажи, природные стихии, животные, наконец сами дети, открывающие для себя этот полный загадок и опасностей мир. С другой стороны, автор чутко «прислушивается» к тому, что действительно волнует ее юных читателей: «Duffy engages the child by not infantilizing them» [1, с. 193]. Более того, Джанет Уинтерсон описывает поэтический язык детской лирики Даффи как «always as tight and fires with thought as her adult work» [3].

Среди тем, которые поэтесса поднимает, познание окружающего мира во всем его разнообразии, отношения в семье, между ее старшими и младшими родственниками, привязанность к дому, ощущение малой родины, отношения со сверстниками, дружба, школьная жизнь, первая любовь.

Интересно отметить, что исследователи часто объединяют детскую поэзию (*poetry for children*) Даффи с ее поэзией о детстве (*poetry about childhood*) «to illustrate how both kinds protect childhood as a distinct space and phase» [1, с. 189]. При этом, тема детства во взрослой поэзии автора, как правило, связана с болезненными личными воспоминаниями и

противоречивыми эмоциями, которые обусловлены тяжелым опытом внутренней миграции и осмыслением процесса самоидентификации (в частности, национальной идентификации). Анализируя первые сборники поэтессы, Шон О'Брайен отмечает структурообразующую силу воспоминаний из детства в творчестве поэтессы [4]. Так, альманах «Другая страна» (1989) предлагает взглянуть на ментальную эволюцию автора в социально-политических условиях послевоенной Британии. Одно из стихотворений сборника – *Originally* – Даффи посвящает переживанию в юном возрасте одиночества и изолированности, отождествляя само детство с эмиграцией, которая в ее случае повлекла за собой потерю безопасности, комфорта и родственных связей. Фактически автор раскрывает ситуацию, когда ребенок оказывается в чужеродном обществе и сталкивается с проблемой инаковости.

В вопросе формы поэзия К. Э. Даффи вполне соответствует общему представлению о потенциально высоком уровне игризации детской литературы и согласуется с общим идиостилем поэтессы, о котором Дж. Доусон пишет так: «it forms a large part of her oeuvre and involves the same Duffyesque aesthetics» [1, с. 189].

Лирику Даффи отличает ассонансная внутренняя рифма, отлично передающая мелодику свободного стиха, экспериментальная графика, обилие стилистических средств выразительности, прекрасное попеременное «жонглирование» юмором и сатирой, экспрессивность игры слов.

Языковая игра (*language play or pun*) в детской поэзии К. Э. Даффи часто сводится к обыгрыванию омонимии, полисемии (лексический регистр) или же звукоподражания (фонетический регистр). Возьмем, к примеру, стихотворение *Irish Rats Rhymed to Death*, которое также является образцом т.н. *national jokes*, когда автор обращается к юмору, который строится на распространенных стереотипах, преследующих те или иные народы. Кроме ирландской крысы, автор предлагает «избавиться» и от других анималистических «представителей» Великобритании, среди них *Scottish mouse, English fish, Welsh cow*.

Игра слов в стихотворении представлена обыгрыванием глаголов *demise* и *de-mouse*. Оказиональное *de-mouse* (рус. избавлять от мышей) как бы используется вместо *demise* (рус. передавать в аренду или по наследству): «Do you want to get rid of a Scottish mouse?/ I can advise how to de-mouse your house./ Take a deep breath/ and rhyme it to death» [2, с. 170]. Впрочем, если расценивать *demise* как существительное (рус. кончина), то его значение будет более сопоставимо с контекстом.

Приведем возможный перевод данного отрывка:

Хочешь избавиться от мышки ты?

Ты ей шотландке тогда откажи
в доме по улице жить-поживать.

Зубы ей заговори,

в гости ты ее не жди. (Здесь и далее перевод мой – Л.Г.)

Языковая игра в переводе отсутствует, выбор сделан в пользу буквального перевода и лексического расширения (избавиться, откажи, в гости не жди). Таким образом, прагматический эффект достигнут без создания компенсационной языковой игры.

Важно отметить, что само обращение, пусть и юмористическое, к национальной тематике, представляется крайне важным в творчестве поэтессы, и находит продолжение в других «шотландских» стихотворениях для детей: *The Scottish Prince*, *Spell*, *The Loch Ness Monster's Husband* (последнее посвящено дочери Даффи – Элле и ее отцу, английскому писателю Питеру Бенсону).

Пример обыгрывания полисемии можно увидеть в стихотворении *Late*. Так, английское *late* имеет несколько значений: основное – *after the usual time or the time that was arranged*, т.е. поздний (опаздывающий), или же *not now alive* (рус. покойный, мертвый). Конечно, игра слов, построенная на такой «мрачной» коннотации, демонстрирует характерный для многих англоязычных писателей «черный юмор».

Героиня стихотворения – восьмилетняя девочка – задерживается допоздна на прогулке, хотя ее предупреждали не делать этого (*She'd been warned. She'd been told. It grew cold*). Непослушание (как это часто бывает в отношении вредных привычек или увлечений детей) приводит к тому, что ребенок попадает в опасную ситуацию, которая угрожает ее жизни. По дороге домой девочке приходится идти через кладбище (*She took a shortcut through the churchyard*), она падает в разрытую могильную яму и погибает: «She was eight. She was out late./ <...> / And her, she was eight, going on nine./ She was late» [2, с. 4].

При том, что общий тон стихотворения – поучительный, Даффи не ставит себя в позицию «патрона» – *never patronizing* [3], – нет ни покровительственного, ни снисходительного отношения к юному читателю. Напротив, поэтесса ведет «взрослый» разговор, и тем ярче его аксиологический эффект, ведь автор приводит примеры неправильных жизненных стратегий, не отказывая ребенку в реалистичном представлении последствий ложного выбора в пользу безопасности (*The church bells tolled sadly. Shame. Shame*).

Переведем небольшой отрывок данного стихотворения:

Ей было всего восемь. Ушла гулять без спроса.

<...>

Ей было всего восемь, и не вернется к девяти.

Ушла гулять без спроса.

Для того, чтобы воссоздать требуемый стилистический эффект, вынуждены обратиться к перевыражению игры слов за счет создания компенсационной языковой игры, взяв за основу другие элементы – в данном случае это числительные «восемь» и «девять», символизирующие возраст героини и поздний час прогулки.

Неожиданный юмористический контраст в поэзии Даффи также создается при появлении в англоязычном тексте макаронической речи. Интересно, что макаронизмы можно увидеть, по большей мере, в «школьных» стихотворениях (*Elvis! Shakespeare! Picasso! Virginia Woolf!, Your School, The Laugh of Your Class*), когда персонажи знакомятся с культурами и обычаями других народов и открывают для себя разнообразие иностранных языков. Среди иноязычных вставок – фразы на итальянском, французском, латыни: «No problemo in my youth;/ ça va? Merci. Fermez la bouche./ Sic transit gloria; amo, amas,/ I barked the answer, best in class, woof-/ Elvis! Shakespeare! Picasso! Virginia Woolf!» [2, с. 242], а также хинди, панджаби, арабском: «Your school knows the language of the world-/ hello, namaskar, sat sri akal, as-salaam-o-aleykum, salut-/ it knows the homes of faith,/ the certainties of science,/ the living art of sport» [2, с. 116].

Работая с макаронизмами, переводчику придется выбирать между двумя стратегиями, либо оставить текст в оригинальной орфографии, либо воспользоваться транскрипцией или транслитерацией.

Также в стихотворениях Даффи о школьной жизни часто появляются герои с различными иностранными именами: на британской школьной скамье рядом с Энни, Эмили и Эллой оказываются *Amarachi, Devashree, Sharvari*. И вот уже перед нами не просто стихотворение *Mrs Hamilton's Register*, а манифест мультикультурализму, политике, которая по-прежнему вызывает ожесточенные споры внутри самого британского общества.

Конечно, Даффи не ограничивается языковой игрой в рамках лексических регистров и путем их смены. Фонематическое обыгрывание встречается в стихотворении *Johann Sebastian Baa*. Языковая игра в данном случае представлена ономатопеей.

В центре стихотворения традиционный для детской литературы анималистический образ – музыкально одаренный барашек, приковывающий внимание других животных на ферме. Мало того, герой обладает необычным именем, в котором угадывается аллюзия на известного немецкого композитора Иоганна Себастьяна Баха.

Фамилия «Бах» происходит от нем. *der Bach* – ручей. В немецком языке буквосочетанием *ch* после гласных *a, o, u* и дифтонга *ai* передается увулярный фрикатив */χ/*. В немецкой традиции его называют *ach-Laut*. Он не встречается в начальной позиции. Английский звук */h/*, напротив, в языке встречается только перед гласными и на слух представляет собой лёгкий выдох. Язык в момент произнесения звука принимает положение для производства последующего гласного. Таким образом, по-английски конечный звук фамилии *Bach* произносится едва ли слышно. Отсюда и родилось звукоподражание овечьему бляению *Baa*.

Главная проблема переводчика в данном случае состоит в том, что звукоподражание в русском языке несколько отличается от английского: овца блеет «бе-е-е-е». Для того, чтобы воссоздать требуемый стилистический эффект, переводчик опять вынужден обратиться к

перевыражению игры слов за счет создания компенсационной языковой игры, меняя либо механизм создания словесного каламбура – Иоганн *Барашек* Бах, Иоганн Себастьян *Бээ*, либо обыгрываемый элемент. Возьмем, к примеру, фамилию «Бетховен», которая будет служить гипонимом по отношению к общим понятиям «музыкант», «композитор» и получим: Людвиг ван Бе-е-етховен.

Детской поэзии Даффи также свойственны традиционные жанровые элементы – персонификации и аллегии, когда автор наделяет человеческими свойствами силы природы и окружающего нас субъектного мира и его измерений. Часто встречаются говорящие имена, например, в стихотворении *Meeting Midnight*: «I met Midnight/ Her eyes were sparkling pavements after frost. <...> I saw a girl in purple on the bridge./ It was One o’Clock. <...> The next day I bumped into Half-Past Four./ He was a bore» [2, с. 3]. Ономастика всегда требует особо тщательного внимания, так как за именем собственным нередко стоит полноценный художественный образ, и переводчику желательно его воссоздать, соблюдая при этом род, которым наделены те или иные явления, предметы или объекты, аллегорично одухотворенные: *Midnight* [her] – (Мисс) Полночь (форенизация), *One o’Clock* (a girl) – (Мистер?) Полдень (доместикация, несогласованность рода), *Half-Past Four* [he] – Четвертый час (прагматически адекватный, но неэквивалентный перевод).

Графическое устройство лирики Даффи также подвергается «игровым» преобразованиям. Автор то искажает слова, то прибегает к мультипликации букв, то нарушает нормы написания заглавных и строчных букв. Всегда усиливает юмористический эффект появление новых слов (т.н. *graphological humour*). Например, в детском акrostихе *The Alphabest* обыгрывается слог *bet* и превосходная степень сравнения прилагательного *good*.

Проведенный анализ демонстрирует, что сохранение «игрового» арсенала стилистических средств в детской поэзии К. Э. Даффи представляет немалую сложность при переводе. С другой стороны, для переводчика это возможность проявить себя как соавтор. Адекватное образно-стилистическое воспроизведение, в свою очередь, возможно, когда переводчик предлагает альтернативную или компенсационную игру, если путь создания каламбура отличается в русском и английском языках. Помимо этого, важно передать звуковой образ художественного произведения, в особенности если его также затрагивает «игра». Впрочем, не всегда представляется возможным сохранить эту игру со звуком, а потому в работе с поэтическим произведением, для которого принципиально важно сохранить юмористический эффект или дидактическое начало (и во избежание буквализма), наблюдаются те или иные переводческие потери. Оправданность таких мер остается оценивать лишь по тому, каким будет прагматический эффект полученного художественного текста на языке перевода и сходен ли он с тем эффектом,

который оказывает на англоязычного читателя оригинал.

Список использованных источников

1. Dowson J. Carol Ann Duffy: poet for our times. – Palgrave Macmillan, 2016. 253 p.
2. Duffy C. A. New and Collected Poems for Children. London: Faber & Faber, 2014. 280 p.
3. Jeanette Winterson interviews Carol Ann Duffy, the Poet Laureate [Electronic Resource] // Jeanette Winterson. – Mode of access: URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/jeanette-winterson-interviews-carol-ann-duffy-the-poet-laureate-x2w0gp350x6> (дата обращения: 29.01.2024).
4. O'Brien S. The Deregulated Muse: Essays on Contemporary British and Irish Poetry. Newcastle upon Tyne, England: Bloodaxe, 1988. 320 p.
5. Кислицына Н. Н., Орлова М. И. Сопоставительный анализ параллельных текстов в аспекте формирования переводческих навыков (на материале стихотворения Э. Дикинсон "Success" и его переводов на русский язык) // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 255. – С. 198-201.

УДК 81-13'25

ПРИНЦИПЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ ПО ПЕРЕВОДУ

О. Н. Голубкова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), Институт языка и литературы, Удмуртский государственный университет, Ижевск

Аннотация. В статье рассматривается понятие методологической состоятельности выпускной квалификационной работы, которое выражается в следующих параметрах: наличие исчерпывающих формулировок обязательных методологических компонентов во введении, таких как актуальность, объект, предмет, цель, задачи, материал, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, теоретическая и методологическая база, методы, положения, выносимые на защиту, апробация; достаточный уровень теоретической обоснованности проблемы; представление эмпирического материала в логике разрабатываемой авторской концепции, обеспечивающего ее достоверность; дифференциация типов представления конечного продукта исследования в виде описания результатов и выводов; соответствие текста ВКР нормам научной речи, которое заключается в соответствии определенного вербального познавательного инструмента выполняемой им функции в каждой части ВКР.

Ключевые слова: выпускная квалификационная работа, перевод, методологическая состоятельность

Summary. The article discusses the concept of methodological consistency of the diploma paper, which is expressed in the following parameters: the presence of comprehensive formulations of obligatory methodological components in the introduction, such as relevance, object, subject, purpose, objectives, material, scientific novelty, theoretical and practical significance of the study, theoretical and methodological basis, research methods, provisions submitted for defense, approbation; a sufficient level of theoretical validity of the problem; presentation of empirical material in the logic of the author's concept, ensuring its reliability; differentiation of types of presentation of the final product of research in the form of a description of results and conclusions; the correspondence of the text of the research paper to the norms of scientific speech, which consists in the compliance of a certain verbal cognitive

tool with the function it performs in each part of the research paper.

Key words: a diploma paper, translation, methodology consistency

Актуальность. В связи с появлением значительного количества электронных переводческих сервисов возникает необходимость их эффективного интегрирования в работу переводчика, а также анализа качества конечного продукта, в связи с чем растет потребность в совершенствовании как переводческого процесса, так и в системном исследовании текста перевода. Очевидно, что формируемые на старших курсах и в магистратуре компетенции студентов-переводчиков нуждаются в актуализации в связи с возникающими потребностями.

Цель статьи – проанализировать возможности интенсификации научно-исследовательской работы студентов старших курсов переводческих специальностей и направлений, направленных на написание выпускной квалификационной работы, за счет углубления методологических знаний обучающихся.

Системное исследование текста-перевода в его сопоставлении с оригиналом осуществляется в переводческих образовательных программах на этапе подготовки выпускной квалификационной работы. В связи с потребностью в интенсификации исследовательской составляющей подготовки переводчиков в образовательную программу интегрируются дисциплины и практики, нацеленные на совершенствование методологической подготовки будущих выпускников, включая курсы основ исследовательской деятельности, что является оправданным и необходимым, так как «развитие навыков самостоятельного творческого мышления являются важным фактором, определяющим интеллектуальный научный потенциал», что «обеспечивает возможность и потребность для постоянного самостоятельного обновления своих знаний и быструю адаптацию в дальнейшем к изменяющимся условиям деятельности и развитию нового в науке» [1, с.5].

Очевидно, что студенты старших курсов должны обладать системными знаниями и навыками основных способов получения качественных результатов исследования, обладающих новизной, и иметь методологическую готовность отразить их в тексте ВКР. Такие сведения могут быть представлены в виде понятия методологической состоятельности или «выдержанности» [4, с. 178-179] выпускной квалификационной работы.

Методологическая состоятельность предполагает представление в тексте работы ряда системообразующих параметров, характеризующих как собственно квалификационные характеристики ее автора, так и исследовательский потенциал. Анализ научной литературы по методологии научных исследований показал, что такими принципиально необходимыми параметрами ВКР являются исчерпывающие формулировки всех методологических компонентов во введении, таких как актуальность, объект, предмет, цель, задачи, материал, научная новизна, теоретическая и

практическая значимость исследования, теоретическая и методологическая база исследования, методы исследования, положения, выносимые на защиту, а также сведения об апробации работы. Именно эти компоненты обеспечивают эффективность научной коммуникации за счет обоснования базовых методологических категорий, которые позволяют оценить сформированность исследовательских компетенций и увидеть объем полученного «нового знания», являющегося целью ВКР.

Вторым системообразующим принципом является достаточный уровень теоретической обоснованности изучаемой проблемы. Теоретическая часть исследования, которая представлена в тексте первой главы ВКР, представляет аналитический обзор предпринятых ранее исследований по заданной проблематике, а также показывает имеющиеся лакуны в осмыслении изучаемой проблемы. На основе такого анализа формулируется авторская концепция в виде системной классификации, с максимальной полнотой представляющая специфику изучаемого объекта и обладающая необходимым и достаточным объемом нового знания.

Особенность переводоведческих исследований заключается в обосновании достоверности авторской теоретической концепции с помощью анализа системно-организованных иллюстративных примеров, устанавливающих соответствие микроконтекста оригинала и микроконтекста перевода. Поэтому третьим принципом обеспечения методологической состоятельности работы является алгоритмизация описания примеров в эмпирической главе в соответствии с логикой и структурой разрабатываемой авторской концепции. Обязательным элементом переводоведческой ВКР является представление сопоставительного аспекта эмпирического материала, где рассматриваются языковые и речевые особенности анализируемых переводческих решений с иностранного языка на русский или с русского на иностранный. Сопоставительный аспект, отражаемый в эмпирическом материале ВКР по переводу, дает возможность углубить представления об анализируемом переводческом решении и вывести его на новый аналитический уровень, обладающий высокой степенью наукоемкости, что позволяет избежать поверхностных субъективных описаний.

Практический материал главы ВКР, представляющей результаты эмпирического исследования обладает не меньшей наукоемкостью, чем теоретическая глава, и нередко составляет трудность для начинающих исследователей, которые уделяют недостаточно внимания логике представления иллюстративного эмпирического материала. Эмпирический материал в практической главе должен в полной мере соответствовать логике разрабатываемой авторской концепции и только в таком случае он может служить подтверждением достоверности и обоснованности теоретических положений.

Методологическая состоятельность выпускной квалификационной работы также обусловлена системой результатов и выводов,

представленных в специальных разделах ВКР «выводы по главам» и в заключении. В ряде исследований по методологии выпускных квалификационных работ и диссертаций разделяются способы представления результатов и выводов, что кажется оправданным и для работ по переводу: в переводоведческом исследовании заметны отличительные признаки конечного продукта в виде полученных результатов и выводов. [2, с. 205; 3 с. 61, 63] Результаты, как правило, представляют собой конкретные факты, полученные в ходе исследования, такие как количественные показатели, свидетельствующие о частотности анализируемого явления, сведения о типах принимаемых переводческих решений, наблюдаемые закономерности в передаче явления оригинала определенными средствами языка перевода.

Выводы могут быть сформулированы в виде умозаключений, выдвигающих аргументы в защиту собственной авторской концепции и объясняющих результаты. Как в представлении результатов, так и в выводах отражаются факты достижения цели и задач введения и приводятся описания нового знания, полученного в исследовании.

Общее восприятие текста ВКР, представляемого к защите, зависит и от качества научной речи, которое заключается в соответствии определенного познавательного инструмента (познавательного приема, категории, типа речи, применяемого метода) выполняемой им функции в каждой части ВКР. [5, с. 33] Так, например, для теоретической главы характерен анализ материала в виде рассуждения и аргументации, результаты исследования представляют собой описание фактов, а выводы формулируются в виде суждений и умозаключений. Как показывают практические наблюдения, такая функциональная обусловленность вербальных средств способствует эффективности научной коммуникации.

Следование вышеперечисленным базовым принципам методологической состоятельности выпускной квалификационной работы способствует как интенсификации процесса исследования, так и улучшает ее качество по критерию наукоемкости за счет системного представления полученного нового знания.

Список использованных источников

1. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высш. шк. – 1991. 140 с.
2. Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях). М.: Инфра-М. – 2023. – 227 с.
3. Емельянова И. Н. Основы научной деятельности студента. Магистерская диссертация: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт. – 2023. – 115 с.
4. Селетков С. Г. Методология диссертационного исследования: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. – 2023. – 281 с.
5. Сладкова О. Б. Основы научно-исследовательской работы: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт. – 2023. 154 с.

УДК 81.25

**КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ ПЕРЕВОДА В СВЕТЕ
СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ****В. Е. Горшкова,**

доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск

В. Е. Коростелева,

обучающийся магистратуры, кафедра перевода и переводоведения

Аннотация. В статье представлен краткий обзор различных классификаций видов перевода, существующих в современном переводоведении. Особая роль отводится классификациям Р. О. Якобсона и У. Эко. Обосновывается значимость интерсемиотического перевода для современных исследований.

Ключевые слова: виды перевода, классификация, устный перевод, письменный перевод, художественный перевод, интерсемиотический перевод.

Summary. The article is devoted to the brief review of different types of translation classifications relevant to the present times. R. O. Jacobson and Umberto Eco's classifications are being emphasized specifically. The importance of intersemiotic type of translation for modern study researches is pointed out.

Keywords: types of translation, classification, oral translation, written translation, literary translation, intersemiotic translation.

В наше время, когда глобализация все глубже проникает во все сферы жизни человека, а межкультурная коммуникация стирает границы между культурами и национальностями, перевод становится неотъемлемой частью нашей жизни. Проблема видов перевода изучалась и продолжает изучаться многими переводоведами. Исследователи в области лингвистики и теории перевода рассматривают вопрос классификации переводов с разных сторон и применяет разные подходы. Тексты на исходном языке (далее – ИЯ), подлежащие переводу, крайне разнообразны по форме изложения, жанрам, объему, функциям, которые они призваны выполнять. Многообразие видов перевода в исследованиях разных авторов можно объяснить параметрами или критериями, в соответствии с которыми эти виды выделяются.

Двум основным классификациям перевода мы обязаны Л. С. Бархударову и В. Н. Комиссарову.

Л. С. Бархударов различает перевод по критерию формы существования языка: перевод устный и перевод письменный. Письменный перевод делится на: 1. Письменно-письменный перевод – письменный перевод письменного текста, когда оба языка употребляются в письменной форме. Наиболее распространенный вид перевода, который может делиться на подвиды в зависимости от характера исходного текста (далее – ИТ). 2. Устно-письменный перевод – устный текст на ИЯ переводится письменно на языке перевода (далее – ПЯ). Применяется крайне редко, формой такого перевода может быть диктант-перевод – тренировочное упражнение для учащихся-переводчиков.

Устный перевод делится на: 1. Устно-устный перевод – устный

перевод устного текста, когда оба языка употребляются в устной форме. Две разновидности такого перевода: последовательный и синхронный переводы. Последовательный перевод осуществляется после произнесения всего ИТ (речи на ИЯ), либо после произнесения его фрагмента (чаще всего это абзац). Синхронный перевод осуществляется практически одновременно с произнесением речи «в идеале», но чаще с минимальным отставанием от нее или забеганием вперед. 2. Письменно-устный перевод – письменный текст на ИЯ переводится устно на ПЯ. Сюда относятся две формы этого перевода: перевод с листа, когда перевод осуществляется одновременно с чтением ИТ, и перевод с подготовкой, когда перевод осуществляется после прочтения фрагмента или всего ИТ [2, с. 47].

В. Н. Комиссаров немного перерабатывает эту классификацию и делит виды перевода, основываясь на жанрово-стилистических особенностях текстов и на способе восприятия оригинала и создания текста перевода. Жанрово-стилистическая классификация имеет дело, если говорить в терминах Л. С. Бархударова, с письменно-письменным переводом и включает два вида перевода: 1. Художественный перевод (перевод художественной литературы). 2. Перевод информативных текстов (научного, технического, политического и др. характеров).

Вторая, так называемая психолингвистическая классификация, делит перевод на: 1. Письменный перевод. 2. Устный перевод, который, как и у Л. С. Бархударова, включает синхронный и последовательный перевод [4, с. 94]. Перевод «с листа» у В. Н. Комиссарова является особенным видом использования письменного текста в устной форме перевода.

Вслед за В. Н. Комиссаровым, И. С. Алексеева рассматривает устный последовательный и устный синхронный переводы. В рамках последнего она отдельно выделяет синхронизированный перевод видеотекста, который напоминает дублирование или закадровый перевод. Синхронизация видеотекста отличается от дублирования тем, что озвучание заранее переведенного текста происходит в момент показа видеоматериала. Еще один подвид устного перевода – перевод в медицинских и административных учреждениях (коммунальный перевод), который предполагает преодоление межкультурного барьера и облегчение для иностранного гражданина коммуникации с административными органами и другими представителями социальной сферы [1, с. 13–20].

Однако, в отличие от классификации В. Н. Комиссарова, в письменный перевод И. С. Алексеевой входят машинный перевод, а также виды перевода, основанные на способах обработки текста, а именно:

- адаптация, состоящая в том, чтобы перевести текст таким образом, чтобы он был максимально соотнесен с компетенцией реципиента, упростить его в формальном и содержательном планах;
- стилистическая или литературная обработка, состоящая в том, чтобы привести ИТ к стилистическому единообразию и восстановить

логику содержания;

- авторизованный перевод и соавторство. Первый подразумевает изменение ИТ в соответствии с целью перевода и с согласия автора (изменение сюжета, состава героев и др.). В случае второго вида перевода сам автор постоянно общается с переводчиком и признает его вклад в измененный им ИТ, то есть переводчик становится вторым автором текста;
- выборочный перевод, рассматриваемый, как перевод отдельных фрагментов или смыслов и «собрание» их в единый текст в соответствии с запросом заказчика;
- резюмирующий перевод, отмечаемый И. С. Алексеевой как самый трудоемкий вид обработки текста. Это краткое изложение ИТ согласно поставленным задачам перевода [1, с. 22–26].

Анализу проблемы классификации перевода Р. К. Миньяр-Белоручев посвящает целую главу. Ученый считает необходимым принять за основу классификации существенные для перевода умственные механизмы, которые могут работать в разных условиях, а не условия восприятия и оформления перевода, как другие авторы. Анализируя отобранные наиболее распространенные виды перевода (письменный перевод, синхронный перевод, перевод с листа, последовательный перевод, абзацно-фразовый перевод, двусторонний перевод) в соответствии с обозначенными им условиями, Р. К. Миньяр-Белоручев приходит к выводу, что абзацно-фразовый перевод и двусторонний перевод выделяются не в соответствии с умственными механизмами переводчика, а с используемыми языковыми средствами и стилем, поэтому самостоятельными видами перевода не являются [6, с. 137].

Р. К. Миньяр-Белоручев классифицирует и анализирует письменный перевод, взяв за основу классификации критерий вида семасиологических связей языковых средств, определяющих характер исходных текстов. Таким образом, выделяются следующие виды перевода: 1. Художественный перевод, насыщенный художественными образами и тропами. 2. Научно-технический перевод, в котором превалирует терминология. Подвиды научно-технического перевода: военный, медицинский, радиотехнический и другие. 3. Общественно-политический перевод, состоящий из клише и штампов [6, с. 139].

Помимо наиболее частотной классификации устного и письменного перевода, предлагаемой, как мы увидели, многими учеными, существует классификация видов перевода, основанная на оценке качества перевода и соотносящаяся с понятиями эквивалентности и адекватности. Ее предлагает В. Н. Комиссаров в разделе, посвященном норме перевода:

1. Адекватный перевод – перевод «хороший», отвечающий прагматическим задачам перевода и требованиям нормы и узуса ПЯ с соблюдением жанрово-стилистической и конвенциональной нормы.

2. Эквивалентный перевод – перевод, который воспроизводит

информацию во всей полноте ее денотативного и коннотативного значения на одном из уровней эквивалентности.

3. Точный перевод – перевод, передающий только предметно-логическую часть и игнорирующий нормы узуса языка перевода и жанрово-стилистические нормы.

4. Буквальный перевод – «неадекватный» перевод, когда воспроизводятся смысловые элементы более высоких уровней эквивалентности без передачи их на предыдущих уровнях.

5. Свободный перевод – перевод более низкого уровня эквивалентности, но, если он обеспечивает другие требования нормы перевода, может считаться адекватным [4, с. 233].

Специалист по немецкому языку Л. К. Латышев исследует виды перевода в историческом контексте. В разные времена и в разных культурах релевантными оказывались разные виды перевода. Основываясь на трех основных исторических направлениях перевода, он делит перевод на вольный перевод, дословный перевод, собственно перевод:

1. Вольный перевод «приспосабливает создаваемый вторичный текст к коммуникативной компетенции потребителя», но является непригодным к всякого рода договоров, соглашений, требующим точности.

2. Дословный перевод самый объективный, копирующий источник, но игнорирующий упомянутую выше коммуникативную компетенцию потребителя.

3. Собственно перевод является соединением вольного и дословного переводов [5, с. 17]. (Сравните также [2, с. 186]).

Классификация Дж. Кэтфорда в корне отличается от рассмотренных нами выше. Ученый предлагает различать виды или категории (categories) перевода в зависимости от:

1. Объемов переведенной части текста: полный/частичный перевод. При полном переводе переводу подвергается весь текст, а при частичном некоторые части ИТ переносятся в текст перевода (далее – ТП) для придания «местного колорита» в переводе или потому что признаются неподдающимися переводу.

2. Уровней языка (фонологического, графологического, грамматического, лексического): тотальный/ограниченный перевод. Первый – это перевод на всех языковых уровнях. Второй – только на одном из языковых уровней.

3. Рангов (классов) грамматических единиц: перевод, ограниченный рангом/перевод, свободный от ограничения рангом. Первый – это установление эквивалентности между единицами одного и того же ранга, в основном, «слово-слово», «морфема-морфема». В связи с этим, выделяются переводы: а) свободный – эквивалентность устанавливается между различными рангами, но тяготеет к более высоким, чем предложение, рангам; б) пословный перевод – это и есть перевод, ограниченный рангом, когда эквивалентность устанавливается на рангах «слово-слово» или реже

«морфема-морфема»); в) буквальный перевод является чем-то средним между свободным и пословным переводами, он может допускать установление на уровнях дословного перевода, а может и выходить на более высокие ранги, как пословный [10, с. 21].

Особым видом перевода в настоящее время признан киноперевод. Особенности киноперевода в рамках процессоориентированного подхода исследует В. Е. Горшкова. По мнению исследователя, киноперевод не может рассматриваться ни как собственно устный, ни как собственно письменный. В терминах «специальности» и «художественности» вопрос киноперевода тоже неоднозначный, поскольку кинодиалог нельзя рассматривать как самостоятельную художественную единицу без его опоры на визуальный ряд. Кроме того, в текст кинодиалога иногда входят части и элементы специальных текстов. Основные виды киноперевода точно определены в современном переводоведении:

1. Дублирование. Это вид киноперевода, заключающийся в подготовке текста на ПЯ и обеспечивающий синхронизм слоговой артикуляции актеров с видеорядом с соблюдением темпа речи и продолжительности реплик.

2. Перевод субтитрами. Это вид киноперевода, заключающийся в сокращении диалогов фильма, но отражающий основное содержание и сопровождающий видеоряд в виде печатного текста в нижней части кинокадра.

3. Перевод «голосом за кадром». Это вид киноперевода, звучащий на фоне приглушенной оригинальной звуковой дорожки. Закадровый перевод не обеспечивает точного совпадения в артикуляции, темпе речи и продолжительности реплик [3, с. 19].

Принципиально новое направление в переводоведении – развитие интерсемиотического перевода, идея которого была заложена Р. О. Якобсоном. В статье «О лингвистических аспектах перевода» автор рассуждает о значении лингвистического знака, а также о том, что вербальный знак интерпретируется (переводится) в другие знаки того же языка, в знаки другого языка и в другие невербальные системы. В связи с этим он различает: 1. Внутриязыковой перевод или переименование – вербальные знаки интерпретируются другими знаками одного и того же языка. Например, синонимы или парафраза. 2. Межъязыковой перевод – перевод с ИЯ на ПЯ, когда вербальные знаки одного языка интерпретируются вербальными знаками другого. 3. Межсемиотический (интерсемиотический) перевод или трансмутация – вербальные знаки интерпретируются невербальными знаковыми системами [9; 8; 7, с. 416-417].

Идея интерсемиотического перевода развивается в трудах У. Эко. Однако, ученый склонен называть результаты интерсемиотического перевода мутацией или адаптацией. У. Эко глубоко исследует природу такого типа перевода и предлагает следующую классификацию, используя

вслед за Р. О. Якобсоном понятие интерпретации:

1. Интерпретация через транскрипцию.
2. Интрасистемная интерпретация:
 - интрасемиотическая (в рамках той же семиотической системы);
 - интралингвистическая (в рамках того же естественного языка);
 - исполнение.
3. Интерсистемная интерпретация:
 - с осязательными изменениями субстанции (интерсемиотическая интерпретация; интерлингвистическая интерпретация; переработка);
 - с изменением материи (парасинонимия; адаптация, или трансмутация [8, с. 283].

Таким образом, можно сделать вывод, что к данному периоду развития переводоведения, существуют самые разнообразные классификации типов перевода. Разнообразие обусловлено критериями или параметрами, в соответствии с которыми конкретные виды перевода выделяются, а именно критерий формы существования языка, жанрово-стилистический критерий, психолингвистический критерий, критерий способа обработки текста, критерий задействования умственных механизмов, критерий нормы перевода, исторический критерий, критерий объема переведенного текста, рангов и классов языка, критерий вербальности и невербальности языковой системы. Кроме того, в последние годы особое внимание уделяется кинопереводу, который может рассматриваться в рамках интерсемиотического перевода, задействующего различные семиотические системы для выражения смысла исходного сообщения.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
3. Горшкова В. Е. Перевод в кино. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. 278 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник. – М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
5. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
6. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. – М.: Московский Лицей, 1996. 208 с.
7. Щурик Н. В., Горшкова В. Е. Волшебные сказки в свете интерсемиотического перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 2. – С. 415–434.
8. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / перев. с итал. А. Н. Коваля. – СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.
9. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 16–24.
10. Catford J. C. A linguistic theory of translation: an essay in applied linguistics. – Oxford: Oxford University Press, 1965. 103 p.

УДК 81'25

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПЕРЕВОДА**Е. Б. Гришаева,**

доктор филологических наук, профессор научно-учебной лаборатории поведенческой экономики и развития коммуникаций, Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирский федеральный университет, Красноярск

Аннотация. Статья представляет собой осмысление роли перевода в ходе межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Отдельное внимание уделяется личности переводчиков не только как носителей определенной культуры, осуществляющих прагматическую адаптацию подлинника произведения, приспособлявая его к условиям иноязычной культуры, но и как «социальных и этических агентов, погруженных в саморефлексию» [7, с. 94]. Одним из базовых теоретико-методологических постулатов выступают идеи французского исследователя и философа А. Лефевра, поместившего в свое время перевод в социальный, идеологический и культурный контексты. Результаты исследования свидетельствуют о сложности адекватной передачи содержания оригинального произведения в контексте переводящего языка и культуры. Одним из условий достижения адекватности перевода является установка переводчика придерживаться стратегии форенизации.

Ключевые слова: перевод и политика, перевод и идеология, адекватность перевода, доместикация, форенизация.

Summary. The paper features comprehension of the role of translation in interlingual and intercultural interaction. A particular attention is focused on the translators' individuality not only as owners of the culture, who deal with a pragmatic adaptation of the original text and fit it into a different culture, but also as «social and ethical agents immersed in self-reflection» [7, p. 94]. One of the basic theoretical and methodological postulates belongs to a French researcher and philosopher, André Lefevere, who embedded translations in social and ideological as well as cultural contexts. Results of the study evidence the difficulty to attain adequacy while translating an original text to another language and culture. One of the conditions for achieving translation adequacy is the translator's intention to adhere to the foreignization strategy.

Key words: translation and policy, translation and ideology, adequacy of translation, domestication, foreignization.

В последнее время довольно широкая палитра переводоведческой тематики пополнилась рассмотрением политических и идеологических аспектов перевода. По свидетельству некоторых авторов, переводчики погружаются в ситуативный контекст и под его влиянием прибегают к субъективным выводам и суждениям на основе политического, а зачастую, и морального выбора [8; 11]. Т. Херманс отмечает в этой связи, что, начиная с 1980-х гг., у переводчиков оформилась тенденция в результате контекстуализации перевода выполнять роль так называемых «социальных» и «этических» агентов, погруженных в саморефлексию» [7, с. 94]. Иными словами, в результате их концентрации на материале языка оригинала возрастает критическое отношение к переводимым текстам, вызванное, в том числе, эмоциональной тематической заряженностью переводческого процесса (интервью с видными политическими деятелями, например, или переводческая деятельность, осуществляемая в муниципальных или других

административных учреждениях). Как правило, подобная работа требует от переводчика придерживаться норм конвенционального поведения в процессе коммуникации с имеющими всю полноту власти и контроля официальными лицами: таможенными службами, полицейскими, докторами, с одной стороны, и рабочими-мигрантами или беженцами, не имеющими опыта участия в переговорном процессе. В подобной обстановке по вполне понятным личным идеологическим или этическим причинам переводчик может испытывать чувство эмпатии по отношению к тем, кто задействован в интервью и переговорах.

Начало развитию так называемого описательного подхода в переводе было заложено французским теоретиком перевода Андре Лефевром, поместившем перевод в социальный, идеологический и культурный контексты. Лефевр разработал идею перевода как формы переписывания, что означает, что любой текст, созданный на основе другого, имеет намерение адаптировать этот другой текст к определенной идеологии или определенной поэтике. Вместе с Сьюзен Баснетт он предвидел, что «ни слово, ни текст, а культура станет оперативной «единицей» перевода». Эдвин Гентцлер, один из ведущих синтезаторов теории перевода, назвал такой подход «настоящим прорывом в области исследований перевода», поскольку он олицетворял «взросление» дисциплины и крепнущую межкультурную или мультикультурную тенденцию, которую можно назвать постколониальным поворотом [13].

В своих работах Лефевр часто употреблял понятие «патронаж», под которым он понимал институциональную структуру или индивидуума, способных контролировать и оказывать влияние на работу переводчика. Поскольку «патроны» и официальные лица, были заинтересованы преимущественно в экономическом и политическом влиянии, Лефевр утверждал, что для перевода определяющее значение имеет идеология, а только затем поэтика и язык. В коллективном труде «Translation, History and Culture» под редакцией С. Баснетт и А. Лефевра отмечалось, что о переводе, который вплетен в социальный и идеологический контекст эпохи, невозможно думать, как о прозрачном и нейтральном философском процессе. Изучение перевода должно, таким образом, рассматриваться как неотъемлемая часть культурного материализма, пост колониальных и гендерных исследований, которые ознаменовали 1990-е гг. [7, с. 95].

В рамках отмеченных подходов релевантным выступал поиск ответов на вопросы: кто что переводит, для кого, когда, где, как и почему. Принимая во внимание точку зрения практикующего переводчика по вопросам отбора лексики и синтаксических структур в процессе перевода, исследователи обнаружили в понятии переводческих норм некий полезный аналитический инструмент. Нормы стали восприниматься одновременно как социальные, так и психологические по своей природе. Иными словами, нормы отражают социальную реальность и ценности, которые свойственны определенным сообществам. С другой стороны, будучи психологическими, нормы

соотносятся с ожиданиями индивидуумов от их поведенческих стратегий и того выбора, который они делают.

Обращает на себя точка зрения Гидеона Тури, израильского практика и теоретика перевода. Его книга “Descriptive Translation Studies and Beyond” посвящена проблеме норм в языке и культуре, влиянию этих норм на социально значимую деятельность переводчика [12]. Быть переводчиком для него значит быть способным «играть социальную роль». Другими словами, овладение набором норм, которые определяют приемлемость, допустимость поведения специалиста и позволяют ему маневрировать между факторами, которые могут как-то повлиять на деятельность, являются необходимым условием для начинающего переводчика [14]. Таким образом, Тури был первым из исследователей, кто представил перевод как принятие решений, а нормы как ограничители поведения переводчика. Он также увидел, что выбор норм определяет конечный текст перевода. Данная теория была последовательно развита другими исследователями, которые изучали взаимодействие между переводчиком и целевой аудиторией [5; 6; 10]. Существующие нормы определяли степень социальной приемлемости утверждений, сформулированных переводчиком, т.е. переводчик предлагал те варианты перевода, которые были валидны или законодательно обусловлены определенным сообществом и воспринимались им не как переводные, а как культурно освоенные и обусловленные культурой тексты. В этом смысле нормы выступали в качестве инструментария решения проблем. А. Честерман соотносил нормы с профессиональной этикой, которая требовала обеспечения адекватности перевода, полного доверия между всеми участниками переводческого процесса и максимальной точности. Подобно существующей клятве Гиппократу для врачей, А. Честерман предложил клятву Св. Иеронима (the Hieronymic Oath), способствующую формированию этики адекватного профессионального поведения [4, с. 152-153].

В своих многочисленных исследованиях, посвященных этическим аспектам перевода, Э. Пим утверждал, что поскольку перевод представляет собой кросс-культурный процесс, задача переводчика состоит в установлении доверия и плодотворных и взаимовыгодных отношений между всеми участниками переводческого процесса. Именно на переводчика возлагалась обязанность выступать посредником, осуществляющим межязыковую коммуникацию.

Работы Моссопа и Фолкарта утверждали, что переводчику стало позволительно высказывать собственное мнение и видоизменять первоначальные сообщения, превращая их в тексты с новым звучанием. Иными словами, через выстраиваемый переводчиком дискурс устанавливались новые субъект-субъектные отношения, в результате чего переводной текст нес печать субъективного отношения переводчика, создавая сложное сообщение, в котором просматривалась разноголосица

мнений. Предположение, что «голос переводчика обретал свой тембр» был позднее подтвержден судебно-медицинской стилистикой после того, как было проведено исследование компьютеризированного корпуса переводов, выполненных двумя различными переводчиками, оставившими свой заметный лингвистико-идиосинкретичный след [1]. Данное предположение подтверждалось многочисленными маркерами в текстах. По словам М. Бахтина, переводческие диалогизмы и гетероглоссия, личностные предпочтения и идеологические принципы неизбежно вписываются в текст перевода. [2].

В настоящее время продолжает оставаться актуальной дискуссия, в рамках которой решается вопрос о «возвращении к истокам этики». В 1980 х гг. А. Берман связывал перевод литературных произведений с этноцентризмом и инакостью, повторяя за Гердером идеи неразрывной связи языка и культуры и гумбольдианский призыв придерживаться стратегии форенизации при переводе с языка оригинала на немецкий язык [3]. Разделяя данный этический императив, исследователь отмечал, что зачастую происходит своеобразный отход от этноцентризма на языке перевода, когда принимающая культура буквально навязывает импортированному тексту свои ценности, стирая, таким образом, культурные различия. Иными словами, в рамках стратегии доместикации утрачиваются «инакость», жанровые, стилистические и регистровые особенности, что приводит в итоге к чрезмерной гордости за свою культуру. Основным идеологическим следствием данной стратегии является игнорирование культурных различий, которые несет в себе текст на языке оригинала. Для Л. Вентути, например, такой вид непереводимости, граничащий с нивелированием культурно специфических особенностей, порождает изоляционизм со всеми сопутствующими негативными последствиями [15; 16].

В силу данных обстоятельств А. Берман выступал за дословный перевод как за единственно возможный способ показать уважение другой культуре и другому языку. Вентути, напротив, чтобы противостоять разрушительным идеологическим эффектам такого нивелирования, личным примером и собственным переводческим опытом с итальянского языка предложил своеобразную форму сопротивления, которая выражается в приверженности стратегии форенизации или своеобразной «дефамилиризации». Он с готовностью испытывал все возможные регистры английского языка, включая анахронизмы и сленг, чтобы подчеркнуть различия между текстом оригинала и текстом, переведенным на английский язык, и чтобы оставить на переведенном тексте печать работы переводчика. Этот термин был позаимствован у Жана Жака Лесеркля (1990), под которым подразумеваются «те языковые черты, которые не находят себе места в четко структурированной грамматике стандартизованного узуса, кодифицированного языкового стандарта, посредством которого доминирующие социальные классы осуществляют контроль» [7, р. 99; 9].

Венути сформулировал цель перевода следующим образом: изменить языковую и идеологическую гегемонию и способствовать изменению менталитета. Вне всякого сомнения, он отдает отчет, что в целях поддержания читательского интереса к переводному произведению переводчик должен грамотно использовать стратегию дефамилиризации [15].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Baker M. Towards a methodology for investigating the style of a literary translator // *Target*. 2000. – № 12. – P. 241–66.
2. Bakhtin M. *The Dialogic Imagination: Four Essays*. – Ed. M. Holquist, trans. C. Emerson and M. Holquist. – Austin, Texas: University of Texas Press, 1981.
3. Bermann S. and M. Wood (eds.). *Nation, Language, and the Ethics of Translation*. – Princeton, NJ, and Oxford: Princeton University Press, 2005.
4. Chesterman A. Proposal for a Hieronymic oath // *The Translator*. – 2001. – № 7. – P. 139–54.
5. Geest D. de. The notion of “system: its theoretical importance and its methodological implications for a functionalist translation theory // H. Kittel (ed.) *Geschichte, System, literarische Übersetzung [Histories, Systems, Literary Translations]*. – Berlin: Erich Schmidt, 1992. – P. 32–45.
6. Hermans T. Translational norms and correct translations // K. Van Leuven-Zwart and T. Naaijken (eds.) *Translation Studies: The state of the art – proceedings of the First James S. Holmes Symposium on Translation Studies*. – Amsterdam: Rodopi, 1991. – P. 155–69.
7. Hermans T. *Translation, Ethics, Politics // The Routledge Companion to Translation Studies*. Revised edition. Ed. by Jeremy Munday. – Routledge Taylor & Francis Group: London and New York, 2009.
8. Kruger A. The translator as agent of reconciliation: translating an eye-witness report in a historical text // K. Simms (ed.) *Translating Sensitive Texts: Linguistic aspects*. – Amsterdam and Atlanta, GA: Rodopi, 1997. – P. 77–86.
9. Lecerle J.-J. *The Violence of Language*. London and New York: Routledge, 1990.
10. Nord C. *Translating as a Purposeful Activity: Functionalist approaches explained*. Manchester: St Jerome, 1997.
11. Pym A. *Pour une éthique du traducteur*. Arras, France, and Ottawa, ON: Artois Presses Université and Presses de l’Université d’Ottawa, 1997.
12. Toury G. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1998.
13. André Lefevere. [Electronic resource] URL: https://wiki5.ru/wiki/Andr%C3%A9_Lefevere. (дата обращения 30.01.2024).
14. Гидеон Тури [Электронный ресурс] URL: http://englishschool12.ru/publ/vse_dlja_ehkzamena/vse_dlja_ehkzamena/gideon_turi/65-1-0-13753. (дата обращения 30.01.2024).
15. Venuti L. *The Translator’s Invisibility: A history of translation*. London and New York: Routledge, 1995/2008.
16. Venuti L. *The Scandals of Translation: Towards an ethics of difference*. London and New York: Routledge, 1998.

УДК 81'25

**РОЛЬ АНТРОПОМОРФНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ТЕКСТЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА***Л. Ю. Губочкина*

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета,
Государственный университет просвещения,
член Союза переводчиков России, г. Москва*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы перевода антропоморфных персонажей в художественном произведении. Изучаются и анализируются художественные и лингвистические характеристики героев-антропоморфов. Исследуются роль и функции авторских персонажей в первоисточнике и в тексте перевода. Выявляются особенности воссоздания образов антропоморфизма в художественном переводном тексте. Комментируются решения переводчика в отношении применения способов передачи антропоморфных персонажей в литературном переводе.

Ключевые слова: антропоморфизм, антропоморфные персонажи, художественный текст, художественный перевод, переводческие трансформации.

Summary. The scientific paper concerns various issues of interpreting anthropomorphic characters in literary translation. Artistic and linguistic features of anthropomorphic concepts are being studied and analyzed. The major role and functions of anthropomorphic characters are under study in the paper. Some peculiarities of creating characters in the texts and the problems of literary translation are considered, and translators' decisions are commented on.

Kew words: anthropomorphism, anthropomorphic characters, literary text, literary translation, translation techniques.

Поэтический антропоморфизм и художественный текст – неразрывные звенья целостности и выразительности картины в оригинальном творчестве литературного перевода. Мир поэтического антропоморфизма вдохновляет автора на создание неповторимых рисунков и оттенков в художественном произведении [4, с. 247].

Поэтический антропоморфизм и его скрытые смыслы являются уникальной загадкой мироздания не только в научном плане, но и в бытийно-философском аспекте. Антропоморфная мировоззренческая концепция возникла в древности, когда античный народ вкладывал особый смысл в происходящее, создавая формы олицетворения небесных светил и божества, персонифицируя явления природы и наделяя особым значением и функциями окружающий мир растений и животных.

В процессе эволюции человека антропоморфная концепции получает развитие в основном сегменте мышления – в языке – и переходит на другую ступень актуализации в сознании народа. Необходимо признать, что категории антропоморфных образов, сложившихся в сознании народа, определенно отличаются от категорий образов, существующих в сознании иноязычной нации [1, с. 45].

Многочисленные примеры художественной литературы и перевода свидетельствуют об индивидуальности культурно-языковой

антропоморфной традиции. Так, в сознании англоязычного реципиента существуют образы Ласточки (в англ. яз. – м.р.), Соловья (в англ. яз. – ж.р.), Крысы (в англ. яз. – м.р.), Снега (в англ. яз. – ж.р.), Лягушки (в англ. яз. – м.р.), которые по внешним и внутренним характеристикам отличаются от антропоморфных образов, превалирующих в представлениях русскоязычного читателя [3, с. 52].

В художественном пространстве текста оригинала и текста перевода можно найти разные виды и подвиды одного и того же антропоморфного образа. Различные формы перевыражения образа-антропоморфа в процессе его перенесения из одной национальной стихии в другую языковую среду раскрываются в многогранной и многоликой структуре художественного перевода.

Например, в произведении О. Уайлда «Счастливый Принц» перед читателем открывается художественная панорама, в центре которой изображен главный герой сказки, – антропоморфная *Ласточка*. Маленькая *Ласточка* помогает статуе *Счастливого Принца* воплощать в жизнь добрые дела. *Ласточка* в произведении английского автора имеет мужские черты и выполняет функции типично мужского антропоморфного персонажа.

В переводе К. Чуковского появляется новый герой, совсем не похожий на англоязычный прототип персонажа антропоморфной *Ласточки*. В русскоязычном тексте художественного перевода образ *Ласточки* выступает в роли женского персонажа, наделенного качествами жертвенности, чистоты и доброты [7, с. 150]. Гендерные тона оригинала пересекают границы языка перевода, и образ приобретает иные признаки в соответствии с морфологической грамматической нормой русского языка. Мужской род антропоморфного понятия заменится на женский род, в тексте перевода происходит преобразование на основе гендерной замены. Роль и функции англоязычного антропоморфа меняются в переводном произведении в связи с представлениями русскоязычного читателя об образе *Ласточки* как о женском персонаже.

Совершенно неоднозначный подход наблюдаем в тексте А. Грызуновой. В переводе А. Грызуновой *Ласточка* становится *Стрижом* [8, с. 348]. Происходит замена семантического значения существительного «ласточка» на существительное «стриж» и одновременно замена одного биологического вида птицы другим видом, схожим по внешним признакам. В англоязычном словаре значение сущ. «стриж» соотносится с сущ. 'swift' или 'martin'. Соответственно, смыслодержательная часть антропоморфного персонажа перевоплощается в тексте литературного перевода, но при этом сохраняются гендерные признаки образа оригинала. Однако внешние и внутренние качества образов в тексте первоисточника и переводном тексте не совпадают [6, с. 276]. Л. Г. Гаркуша определяет несовпадение семантических связей единиц в тексте, как способность языковых единиц вступать в оппозиционные отношения [2, с. 40].

Роль антропоморфного персонажа *Стрижа* в русскоязычном

переводном произведении определяет стиль переводчика и раскрывает его замысел по отношению к англоязычному антропоморфному герою сказки. В тексте перевода сохраняется признак рода персонажа, но меняется облик и структура.

Резюмируя все вышесказанное, делаем вывод о том, что при переводе антропоморфных понятий происходит ряд неизбежных преобразований образов. Замены лексико-семантического, лексико-стилистического и лексико-грамматического плана необходимы для воссоздания антропоморфных образов в переводном художественном произведении. При этом сложно найти абсолютную замену семантического или грамматического формата для единицы перевода и адекватно передать единицу-антропоморф, не нарушая замысел автора первоисточника [5, с. 202]. Роль антропоморфа меняется в тексте перевода и его функции приобретают новое назначение в иной лингвокультуре.

Список использованной литературы

1. Василевич А. П., Фунтова И. Л., Губочкина Л. Ю. Проблема противоречивости между английской орфографией и произношением // *Язык и культура*. Томск: изд-во Томского государственного университета, 2021. № 56. – С. 44–6.
2. Гаркуша Л. Г. Фразеологическая вариативность в современном английском языке // *Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского: сб. тезисов участников IV научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых, Симферополь, 12–17 октября 2018 года*. Том 2. – С. 40–41.
3. Губочкина Л. Ю. Гендерная и функциональная дифференциация антропоморфических образов в лимнологической лингвопоэтике // *Лингвистическая лимнология: сб. ст. по матер. междунар. науч. конф. М.: ИИУ МГОУ, 2019. – С. 51–54.*
4. Губочкина Л. Ю. Художественный перевод эмотивных характеристик антропоморфизма (на материале английского языка) // *Современное педагогическое образование*. 2021. № 4. – С. 246–250.
5. Губочкина Л. Ю. Трансформационные способы художественного перевода и их роль в развитии лексикографии // *Слово. Словарь. Термин. Лексикограф: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции памяти доктора филологических наук, профессора Юрия Николаевича Марчука, Москва, 01–02 марта 2019 года*. М.: ИИУ МГОУ, 2019. – С. 200–203.
6. Губочкина Л. Ю. Сравнительно-сопоставительный анализ способов перевода антропоморфных понятий (на материале англоязычных художественных текстов) // *М.: Современное педагогическое образование*, 2021. № 4. – С. 275–278.
7. Уайлд О. Сказки. На англ. и русск. яз. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001. 320 с.
8. Уайлд О. Портрет Дориана Грея. Рассказы. Сказки: [пер. с английского]. Москва: Эксмо, 2019. 448 с.

УДК 130.2:314.743

**МУЗЫКА ГОРОДА: ПЕРЕВОД С ЯЗЫКА ЗВУКОВ НА ЯЗЫК
ОБРАЗОВ*****О. Р. Демидова,****доктор философских наук, профессор кафедры философии,
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье представлен культур-философский и эстетический анализ процесса встраивания музыкального текста в образ города, существующий в индивидуальной и коллективной памяти сообщества, механизмов эстетизации и мемориализации, в конечном пределе – перевода музыкального текста на язык образов с присущими тому и другому специфическими особенностями функционального и семиотического порядка. Кроме того, автор статьи предлагает возможные направления исследований проблемы «музыка города» в процедурах философско-культурологической методологии.

Ключевые слова: музыка, музыкальный текст, город, память, образ, эстетизация, мемориализация, перевод.

Summary. The article presents a cultural-philosophical and aesthetic analysis of incorporating of a musical text into a/the city image that exists in the individual and collective memory as well as of aesthetization and memorialization mechanisms and, finally, of translating a musical text into the language of images, with specific functional and semiotic specificity of the both texts. Also, the article offers possible research areas of the “music of a city” problem relying on philosophical and culture studies methodology.

Key words: music, musical text, city, memory, image, aesthetization, memorialization, translation.

На первый взгляд, проблема «музыка города» представляется сугубо музыковедческой, относящейся, главным образом, к области истории музыки. Однако ее вполне возможно рассматривать и в процедурах культур-философской и эстетической методологии, определяя и анализируя эстетические механизмы того, как музыкальный текст вписывается в образ города, существующий в индивидуальной и коллективной культурной памяти сообщества, дополняя и расширяя этот образ и переводя его в более сложный регистр. При подобном подходе музыкальный текст «переводится» на образно-символический язык, становясь объектом культурного перевода, имеющего результатом образование эстетического феномена более высокого порядка. Предлагаемая статья является первым подходом к весьма обширной и практически не исследованной проблемной области, в силу чего текст имеет тезисный характер, намечая возможные направления исследований, их тематический спектр и в самом общем виде – механизмы эстетизации, задействованные в процессе указанного перевода. Следует отметить, что приводимые для иллюстрации основных положений примеры не абсолютны, хотя и достаточно показательны; при необходимости этот ряд вполне может быть существенно расширен или полностью изменен.

Основные положения, значимые для рассмотрения заявленной проблемы и определяющие возможные направления исследований:

1. у каждого города своя музыка;
2. у каждого города в разных бытийных обстоятельствах разная музыка;
3. у каждого горожанина своя музыка города;
4. музыка города различна у его постоянных жителей и визитеров;
5. одна и та же музыка города в разных историко-экзистенциальных обстоятельствах воспринимается по-разному и формирует различные образы города, иными словами, разные обстоятельства ассоциируются с разными вариациями одной и той же музыки и актуализируют эти вариации, выбирая нужную из инварианта, хранящегося в копилке культурной памяти;
6. в сознании каждого человека один и тот же музыкальный текст связан с разными ассоциациями, по-разному переосмыслен, т.е., эмоционально и эстетически окрашен и по-разному переведен на язык образов.

Возможные направления культур-философских исследований, посвященных проблеме «музыка города»:

а) полная парадигма музыкальных текстов различных видов и жанров, а также различного статуса, посвященных музыке города, и специфика эстетизации в каждом отдельном случае;

б) соотношение официальной и неофициальной музыки, т.е., всего многообразия музыкальных текстов, складывающихся вокруг текста города;

в) специфика академической/классической и популярной музыки, рассматриваемая в соответствии с различными критериями (статусность, частотность исполнения, узнаваемость, востребованность представителями различных социокультурных слоев и групп);

г) музыка театра и кино о городе;

д) композиторы города (историография, биобиблиография, дискография).

Тематическая составляющая – чему может быть посвящена музыка города, т.е., с чем именно ассоциативно связана:

1. самому городу или какой-либо его части: наверное, большинству городов посвящен, как минимум, один музыкальный текст, а ряду городов (Москве, Петербургу, Парижу, Лондону, Нью-Йорку, Вене) – огромное их количество самых разных жанров;

2. связанным с историей города событиями: например, «Военный реквием» Б. Бриттена, созданный в 1961 г. к открытию восстановленного собора в г. Ковентри, разбомбленного во время Второй мировой войны;

3. правителям, историческим и/или государственным деятелям;

4. типичным для города природным явлениям: туманам, дождям, снегопаду, листопаду, временам года, рассветам и закатам и пр.;

5. связанным с городом деятелям культуры;

6. и даже музыке города как таковой – например, в телефильме 1982 г. «В старых ритмах» звучит песня под названием «Музыка города»,

написанная композитором О. Хромушиным и поэтом Л. Куклиным и посвященная «Ленинградскому вальсу».

Очевидно, что каждому из перечисленных случаев соответствуют свои жанры, от «высоких» академических до популярных и «низовых» фольклорных.

Механизм эстетизации во всех случаях последовательно действует в двух основных направлениях: сначала от звука / мелодии – к образу, который становится знаком и далее – символом; затем в обратном направлении: от знака/символа – к образу – к мелодии/звуку. Иными словами, музыка выступает как инструмент мемориализации и место памяти, вызывая к жизни тот или иной семиотический конструкт со своими ассоциациями.

Так, «Ленинградская симфония» Д. Шостаковича ассоциируется с блокадой Ленинграда как одной из самых трагических, но и самых героических страниц в истории города; уже упоминавшийся «Военный реквием» Бриттена – не только с событиями Второй мировой войны, но и с послевоенным восстановлением значимого для английской культуры собора и с его новым обликом, сочетающим традиционную готическую архитектуру с архитектурой второй половины двадцатого столетия, и взаимоналожение музыкального и архитектурного текстов создают новый единый образ и закрепляют его в памяти культуры.

Эмигрантский поэт Г. Иванов, воссоздавая в «Петербургских зимах» сохранившийся в памяти облик города, по знакомым местам которого он мысленно проходит, внутренним слухом слышит две взаимоисключающие мелодии, ср.: «И опять – стеклянная мгла, сквозь мглу – Нева и дворцы, проходят люди, падает снег. И куранты играют “Коль славен...”. Нет, куранты играют “Интернационал”» [4, с. 118]. Противопоставление музыкальных текстов становится противопоставлением двух разных по своей сути городов – императорского Петербурга и советского Петрограда, символами которых являются для автора неофициальный гимн канувшей в Лету Российской империи и официальный – возникшей на ее обломках Советской России. Каждому из двух городов присущ свой набор семиотических констант, в «сжатом» виде закрепленный в музыкальном тексте.

А. Блок в статье 1918 г. «Интеллигенция и революция» призывает деятелей культуры слушать музыку революции, ср.: «Дело художника, обязанность художника – видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит “разорванный ветром воздух”. <...> “Мир и братство народов” – вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот та музыка, которую имеющий уши должен слышать» [1, с. 399] (курсив Блока – О.Д.). В восприятии Блока музыка революции («новая музыка») есть продолжающий «диссонансы, <...> ревы, <...> звоны, <...> неожиданные переходы ... в оркестре» предреволюционной эпохи «грозный и оглушительный гул», который «все равно всегда о

великом» [1, с. 398, 399] (курсив Блока – О.Д.). На уровне собственно музыкальных текстов, однако, это – прежде всего «Интернационал» как гимн победившего пролетариата (парадоксальным образом не учитывалось то обстоятельство, что в то же самое время он был официальным гимном буржуазной Французской республики), в мелодию которого неизменно вплеталось «Яблочко» революционных матросов. Для победившего класса оба текста, несомненно, семиотически были окрашены в высшей степени положительно, тогда как для классов побежденных они же ассоциировались с приходом к власти разбушевавшейся черни, концом прежней жизни и установлением жесточайшей диктатуры новой власти. Очевидно, что и образы Петербурга-Петрограда, вызываемые в сознании этими текстами, были различны. В первом случае он представал в идеализированном варианте как город воплотившейся в жизнь светлой мечты и колыбель новой жизни с большим будущим, в соответствии с чем складывался и разворачивался семиотический потенциал этого варианта. Во втором случае образ города формировался на фоне «свирепой экзистенции», как ее неотъемлемая часть и как оскверненный символ великого прошлого, обреченный на гибель, – и именно таким он был впоследствии представлен в письмах, дневниках и воспоминаниях «бывших людей».

Резюмируя, можно утверждать, что музыкальный образ города формируется в бытии, живет в сознании, актуализируется в исполнении и вербализуется в воспоминаниях. Образ этот складывается как культурный палимпсест высокого уровня плотности и суггестивности, входящий в состав единого ассоциативного образа города. При этом он представляет собой явление очень высокого эстетического порядка, поскольку формируется как феномен пограничный в режиме взаимопересечения нескольких областей культуры и жизни. Музыкальный текст сопрягается с текстами визуальным, вербальным и бытийственным, образуя текст экзистенциальный, на уровне символа закрепляющийся в индивидуальной и коллективной культурной памяти, связанной с городом.

Список использованных источников

1. Блок А. А. Интеллигенция и революция. Собрание сочинений: В 6 т. – Т. 5. – М.: Издательство «Правда», 1971. – С. 408–412.
2. Демидова О. Р. Вещи в безбытном быту эмиграции // Изгнание как посланье: эстетизм и этос русской эмиграции. – СПб.: Русская культура, 2015. – С. 18–30.
3. Горный С. Альбом памяти. – СПб.: Гиперион, 2101. 189 с.
4. Иванов Г. В. Петербургские зимы // Собрание сочинений: В 3 т. – Т. 3. – М.: Согласие, 1994. – С. 5–191.

УДК 81'373.46:811.111:811.161.1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В БРИТАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Э. К. Джапарова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь*

Э. С. Зейтуллаев

обучающийся бакалавриата, кафедра английской филологии

Аннотация. Данная работа посвящена сравнению использования терминологии в британском английском языке и русском языке в контексте различных сфер жизни. В работе анализируются основные различия в терминологии, используемой в областях: транспорта, питания, культуры и обычаев, кухни, политики, бухгалтерии и финансов, менеджмента и лидерства, маркетинга и рекламы. Особое внимание уделяется уникальным терминам, специфическим для каждого языка, и их культурным контекстам. Работа также рассматривает влияние этих различий на межкультурное взаимодействие в деловой сфере и предлагает практические рекомендации для успешного общения и ведения бизнеса в международном контексте. Полученные результаты могут быть полезны для специалистов в области международного бизнеса, переводчиков и всех, кто занимается межкультурной коммуникацией.

Ключевые слова: различия терминов, культурный аспект, лексический аспект, политическая терминология.

Summary. This work is devoted to comparing the use of terminology in British English and Russian in the context of various spheres of life. The paper analyzes the main differences in terminology used in the fields of transport, nutrition, culture and customs, cuisine, politics, accounting and finance, management and leadership, marketing and advertising. Special attention is paid to the unique terms specific to each language and their cultural contexts. The work also examines the impact of these differences on intercultural interaction in the business sphere and offers practical recommendations for successful communication and doing business in an international context. The results obtained can be useful for specialists in the field of international business, translators and anyone involved in intercultural communication.

Key words: differences of terms, cultural aspect, lexical aspect, political terminology.

Русский и английский языки являются одними из самых распространенных языков в мире. Однако, несмотря на их схожесть, между ними существует ряд существенных различий, в том числе в области терминологии. Одной из основных причин этих различий является различная историческая и культурная традиция. Россия и Великобритания имеют разные правовые системы, политические системы, социальные институты и культурные особенности. Эти различия находят отражение в терминологии, используемой в этих странах. Например, в России правительство называется «правительством», а в Великобритании – «правительством Ее Величества». В России парламент называется «Государственной Думой», а в Великобритании – «Палата общин». В России президент называется «президентом Российской Федерации», а в Великобритании – «королевой». Различия в терминологии могут привести к путанице и недопониманию, особенно в ситуациях, когда необходимо

взаимодействие между представителями двух стран. Например, если российский бизнесмен встречается с британским адвокатом, ему необходимо быть готовым к тому, что они могут использовать разную терминологию для обозначения одних и тех же юридических понятий. В связи с этим, при переводе юридической документации или при общении с представителями других стран важно учитывать различия в терминологии. Для этого необходимо иметь хорошее знание, как русского, так и английского языка, а также разбираться в специфике правовой системы и культуры каждой из стран.

Для того чтобы разобраться и выявить основные различия употребления терминологии в России и Великобритании, терминологию следует разделить на несколько групп:

1) Лексические различия: английский и русский языки имеют множество слов, которые имеют разные значения или используются в разных контекстах. Лексические различия между русским и британским английскими языками могут быть очень интересными и включать в себя множество примеров.

* Транспорт: Например, в русском языке используется слово «троллейбус» или «трамвай» для обозначения транспортного средства, которое работает от электричества и движется по проводам, в то время как в британском английском это будет «trolleybus», но поскольку в Великобритании нет троллейбусов, а есть трамваи «tramlink», так же этим названием пользуется лондонская сеть в южной части столицы.

* Питание: Некоторые продукты имеют разные названия. Например, в русском языке используется слово «баклажан» для обозначения овоща, который в британском английском называется «aubergine». Также, в русском языке используется слово «клубника» для обозначения ягоды, которая в британском английском называется «strawberry».

* Животные: Некоторые животные также имеют разные названия. Например, в русском языке используется слово «белка» для обозначения мелкого грызуна, который в британском английском называется «squirrel». Также, в русском языке используется слово «сова» для обозначения ночной птицы, которая в британском английском называется «owl».

2) Культурные различия: многие термины отражают культурные особенности и ценности общества. Например, термин «чай» имеет разное значение в России и Великобритании, где он связан с различными традициями и обычаями.

* Праздники: В русском языке существует множество терминов, связанных с русскими национальными праздниками, такими как «День Победы», «День России» и «Масленица». В британском английском такие праздники, как «Guy Fawkes Night» (ночь Гая Фокса) или «Remembrance Day» (День памяти), имеют свои уникальные термины [1].

* Кулинария: Культурные различия также проявляются в терминах, связанных с кулинарией. Например, в русском языке существуют термины

для традиционных русских блюд, таких как «борщ», «пельмени» и «блины». В британском английском существуют свои уникальные термины для блюд, таких как «shepherd's pie» (пирог пастуха), «scones» (булочки) и «black pudding» (кровяная колбаса) [8].

* Традиции и обряды: Различные обычаи и традиции также могут отражаться в терминах. Например, в русском языке существуют термины, связанные с русскими свадебными обрядами, такие как «купиться за венец» и "подвязывание брачной повязки". В британском английском существуют свои уникальные термины, связанные с британскими свадебными обычаями.

3) Политическая терминология: различия в политической системе, истории и правовых нормах могут привести к разным терминам для описания политических процессов и институтов [3, с. 54].

* Формы правления: В английском языке существуют термины, связанные с британской монархией, такие как «monarchy» (монархия), «reigning monarch» (правлящий монарх) и «crown» (корона). В русском языке существуют свои уникальные термины для описания форм правления, такие как «республика», «монархия» и «демократия».

* Политические институты: В английском языке существуют термины для описания британских политических институтов, такие как «Parliament» (парламент), «House of Commons» (палата общин) и «House of Lords» (палата лордов) [5]. В русском языке существуют свои уникальные термины для описания политических институтов, такие как «Государственная Дума», «Федеральное Собрание» и «Совет Федерации».

* Политические процессы: Различные политические процессы также могут отражаться в терминологии. Например, в английском языке существуют термины, связанные с британской избирательной системой, такие как «constituency» (избирательный округ), «voting booth» (избирательная кабина) и «ballot paper» (избирательный бюллетень). В русском языке существуют свои уникальные термины, связанные с российской избирательной системой.

4) Терминология в бизнесе и экономике: многие термины в области бизнеса и экономики могут иметь разные значения или использоваться по-разному в России и Великобритании. Исследование этих и других аспектов может помочь понять различия в использовании терминологии между этими двумя странами.

* Бухгалтерия и финансы: В английском языке существуют уникальные термины для описания бухгалтерских и финансовых процессов, такие как «balance sheet» (баланс), «income statement» (отчет о прибылях и убытках) и «cash flow» (денежный поток). В русском языке существуют свои уникальные термины, такие как «бухгалтерский баланс», "отчет о финансовых результатах" и "денежные потоки».

* Менеджмент и лидерство: В английском языке существуют термины, связанные с управлением бизнесом и лидерством, такие как

«management» (управление), «leadership» (лидерство) и «corporate governance» (корпоративное управление). В русском языке существуют свои уникальные термины для описания этих концепций.

* Маркетинг и реклама: Терминология, связанная с маркетингом и рекламой, также может отличаться. Например, в английском языке существуют термины, такие как «market segmentation» (сегментация рынка), «brand positioning» (позиционирование бренда) и «advertising campaign» (рекламная кампания). В русском языке существуют свои уникальные термины для описания этих концепций.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что различия в терминологии между русским и британским английским языками являются значительными и могут иметь серьезное значение в контексте делового взаимодействия и перевода юридических документов. Для успешного взаимодействия между представителями разных культур необходимо учитывать эти различия и иметь глубокое понимание как русской, так и британской культурной и юридической специфики.

Список использованных источников

1. Герд А. С., Ивашко Л. А., Лутовинова И. С. и др. Лексикография русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / общ. ред. Д. М. Поцепни. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 704 с.
2. Зеленцова М. Г., Козлова А. Т. Управление терминологий и переводческий процесс // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 100-105.
3. Нестерова Н. М. Страноведение: Великобритания [Текст]: учеб. пособие. – М.: Феникс, 2006. – 368 с.
4. Ощепкова В. В., Шустилова И. И. О Британии кратко: кн. для чтения на англ. яз. М.: Иностранный язык; КДУ, 2007. – 256 с.
5. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
6. Элькан О. Б. Интегрализм культурологического подхода в современном гуманитарном знании // Этноисторические, правовые и культурно-языковые основания бытия современного человека: Материалы международной научно-практической конференции, Уфа, 23 апреля 2021. – С. 369-373.
7. Collins A. British Life. – Penguin Readers. Pearson education Limited, 2001. 44 p.
8. Garwood C. Gardani G., Peris E. Aspects of Britain and the USA. Oxford University Press, 1992. 96 p.
9. McDowall D. Britain in Close-up: An in-depth study of contemporary Britain. – Pearson education Limited, 2000. 208 p.
10. O’Driscoll J. Britain for Learners of English. Students’ Book. Oxford University Press, 2009. 224 p.
11. O’Driscoll J. Britain for Learners of English. Workbook. Oxford University Press, 2009. 77 p.
12. Porter D., Prince D. Frommer’s London 2011. A Complete Guide. New Jersey: Wiley Publishing; Hoboken. 458 с.
13. Sheerin S., Seath J., White G. Spotlight on Britain. Oxford University Press, 1997. 140 p.
14. “Kings and Queens of Great Britain”, BBC entertainment, 2003.

УДК 342.95

ТЕРМИНЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА**Э. К. Джанарова,***кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, РВУЗ «Крымский Инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь***А. М. Чурлу,***учитель английского языка, ЧОУ «Симферопольская международная школа», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей терминов в английском языке. Охарактеризованы определения понятия «термин», «терминология», «терминосистема». Указывается, что термины отличаются от слов общей лексики в зависимости от контекста и области применения, а для их перевода необходимо использовать специализированные словари. Подчеркивается, что существование общенаучных, общетехнических и специальных терминов, обусловлено сферой их использования в определенных отраслях науки и повседневной жизни. В результате анализа терминов английского языка авторы приходят к выводу, что термины отличаются от обычной лексики тем, что требуют точный перевод. Термины могут быть классифицированы по отраслям и организованы в терминосистемы.

Ключевые слова: термин, терминология, терминосистема, семантика, категория, перевод.

Summary. The article is devoted to the analysis of the main features of terms in the English language. The definitions of the concept of «term», «terminology», «term system» in the works of famous linguists are characterized. It is indicated that terms differ from words of general vocabulary depending on the context and scope, and specialized dictionaries must be used to translate them. It is emphasized that the existence of general scientific, general technical and special terms is determined by the scope of their use in certain branches of science and everyday life. As a result of the analysis of English language terms, the authors come to the conclusion that terms differ from ordinary vocabulary. Terms require accurate translation and can be classified by branch of science and organized into term systems.

Key words: term, terminology, term system, semantics, category, translation.

Термины являются важной составляющей любого языка, несущие в себе определенную информацию. Они отражают специальные понятия в различных областях науки и таким образом способствуют ее развитию. Отсюда следует, что термины, как и другие компоненты языка, должны тщательно исследоваться лингвистами. Значение терминов мы узнаем в процессе перевода. Поэтому важно понимать семантику термина, его функции как языковой единицы и особенности использования в различных контекстах. Кроме того, в условиях мирового научно-технического прогресса появляются многочисленные отрасли, которые постоянно пополняются новыми терминами.

Существуют различные определения понятия «термин». Толковый словарь дает такое определение термина: «термин» от латинского «Terminus» – «граница, конец, предел» – это специальное слово или словосочетание, принятое в определенной профессиональной сфере и применяется в особых условиях, представляет собой «словесное

определение понятия, которое входит в систему понятий определенной области профессиональных знаний» [3, с. 247]. По определению А. А. Реформатского «Термины – это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей. Это необходимо в науке, технике, политике и дипломатии» [6, с. 61].

Термины кратко характеризуют предмет или явление. В основе каждого термина обязательно лежит определение или дефиниция реалии, которую он обозначает. Поэтому, каждая отрасль знания оперирует собственными терминами, и составляет суть терминологической системы данной науки.

Термин, в то же время, не является обычным словом. Термин сохраняет внешний вид слова, полностью разграничивается с ним по своему содержанию. Из-за этого, зачастую, бывает сложно определить значение термина, если мы не знаем к какой области использования он относится. В отличие от обычного слова, которое обозначается через свою внешнюю форму, в термине на первом месте стоит его содержание. Что касается семантики терминов, они требуют точного перевода и необходимо переводить точно, используя специальные терминологические словари при переводе. Неверный перевод термина может привести к искажению значения. Лучше всего термины надо переводить, определив, что он относится к той или иной области употребления.

Анализ различий термина от слова общей лексики показал, что общая лексика характеризуется тем, что она связывает слова, исходя из их содержания и вещи, которую они называют. Обычная лексика представляется некоторым единством, в то время как в термине такого единства нет. Например, если речь идет о лексической или синтаксической связи термина, то он воспринимается как слово и имеется в виду связь с понятием, то термин противопоставляется слову, а его понятие считается специальным. Это дает нам возможность выделять термин как понятие и термин как слово, так как место, которое занимает термин в рамках теории, касается исключительно термина-понятие, а соответствие определенному лексическому ряду относится только к термину-слова.

Термины отличаются от других разрядов слов, потому что обладают своей большой информативностью. В любой терминологии подается наиболее точное, концентрированное и экономное определение того или иного понятия. Поэтому основное требование, выдвигаемое к термину, – его однозначность. Но однозначность не всегда выполняется при переводе, поэтому необходимо знать категории терминов, чтобы найти более точный перевод термина.

Термины можно разделить на две категории: 1) общенаучные и общетехнические термины и 2) специальные. Общенаучные и общетехнические термины выражают общие понятия науки и техники, тогда как специальные термины выражают частные понятия.

Существуют различные классификации терминов: медицинские термины, строительные, научные, морские, спортивные, экономические и др. Отсюда следует, что термины используются не хаотично, а в соответствии со сферой их употребления.

По своей лингвистической природе термины характеризуются большой информационной насыщенностью, помещая в себе наиболее концентрированное, точное и экономное определение того или иного понятия и существуют в составе различных терминологий. Поэтому следует отличать понятия «термин» и «терминология».

Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии. Термины, в отличие от простых слов не могут быть многозначными. Кроме того, «термин не нуждается в контексте, как обычное слово, так он 1) член определенной терминологии, что и выступает вместо контекста, 2) может употребляться изолированно, например в текстах реестров или заказов в технике, 3) для чего и должен быть однозначным не вообще в языке, а в пределах данной терминологии» [6, с. 62].

Когда рассматривают терминологию, то обычно различают: а) науку о терминах (в этом смысле все больше популярным становится термин «терминоведение»); б) специальную лексику в составе всех слов данного языка «специальная лексика»; в) лексику, обслуживающую определенную область науки или техники «отраслевая».

Формирование терминологии охватывает длительный исторический промежуток времени и является одноразовым и единым процессом. Терминология создается в определенной сфере человеческой деятельности, но для этого необходимы определенные признаки. Затем терминология, являясь инструментом организации и репрезентации специальных знаний в соответствующей научно-профессиональной области, включается в процесс формирования терминологической системы.

После накопления достаточного количества понятий терминология подлежит систематизации, анализу, во время которого выявляются ее недостатки, определяются методы их устранения. Результат этой работы представлен в виде терминосистемы – упорядоченного множества терминов с зафиксированными отношениями между ними.

В свою очередь, одной из характерных черт терминосистемы является лексико-грамматический аспект терминологии, который отображается в ее классификации по частям речи: есть термины-существительные (process – процесс, component – компонент, link – соединение), прилагательные (healthy – здоровый, hard – твердый), глаголы (to accumulate – накапливать, to charge – заряжать), наречия (fast – быстро, at length – детально). Эти термины можно разделить на те, которые обозначают объекты, и такие, которые обозначают признаки и процессы. В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой фигурируют термины-существительные, термины-прилагательные, термины-причастия [1]. Терминов-глаголов

много в терминосистемах, которые отражают те специальные сферы, для которых характерны различные процессы, например, делопроизводство: to address – адресовать, to direct to – направить в ...; to fulfill an order – выполнить приказ, to follow the instruction – следовать инструкции, a date of performance of an order – дата исполнения приказа. Термины–наречия используются тех сферах, где на первый план выдвигаются признаки процессов, например, в терминологии музыковедения: alla marcia – в стиле марша, agitato – оживленно, cantabile – певуче, festive – торжественно. Подсчеты показывают, что терминов названий объектов в процентном соотношении больше, чем терминов названий признаков [1].

Являясь источником терминологии, терминосистема как модель определенной области знаний или деятельности появляется тогда, когда эта отрасль сложилась в определенной степени. Терминосистема имеет свою теорию, обнаруживает и осознала основные свои объекты и связи между этими объектами. То есть, в отличие от терминологии, терминосистема формируется не вместе с возникновением определенной науки, а в соответствии с этапами формирования теории или теорий этой науки. Исследователь Я. В. Жытин пишет, что терминосистема привязана не только к отдельной науке. В одной и той же отрасли, при наличии ряда теорий, может быть несколько терминосистем [4, с. 116].

Термины сами по себе не образуют системы, если не заданы связи между ними. Терминосистема возникает даже при отсутствии определенных ее элементов, но при наличии связей между ее компонентами и общей структуры. Системность терминологии обусловлена двумя типами связей, которые дают большому количеству терминов системный характер:

1) логическими связями (если между понятиями определенной науки существуют системные логические связи – а они есть в каждой науке, – это термины, которые называют эти понятия, должны быть системно связанными);

2) языковыми связями (хотя термины обозначают научные понятия, они остаются единицами человеческой речи, а следовательно, им присущи все те парадигматические связи, которые характерны для общеупотребительных слов: синонимические, антонимические, словообразовательные, грамматические, родовидовые и др.) [4, с. 120].

Терминосистема является более высокой степенью организации лексических единиц, нежели терминология. Имеет более затратный по времени процесс сбора, систематизации и анализа информации.

Таким образом, по своей лингвистической природе термины характеризуются большой информационной насыщенностью, помещая в себе наиболее концентрированное, точное и экономное определение того или иного понятия и существуют в составе различных терминологий.

Терминологией в лингвистике чаще всего называется совокупность терминов, употребляемых в том или ином языке или в определенной сфере деятельности. Формирование терминологии охватывает длительный

промежуток времени и не является одноразовым и единым процессом.

Термины и терминология формируют терминосистему, которая имеет свою теорию. Терминосистема формируется в соответствии с этапами формирования теории науки, которая занимается вопросами изучения терминов.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 321 с.
2. Белозерская Л. П. Терминология и перевод / Л. П. Белозерская, Н. В. Возненко, С. В. Радецкая. // МОНУ, Херсонский нац. техн. ун-т. – Винница: НОВА КНИГА, 2010. 232 с.
3. Даль В. И Толковый словарь русского языка: современное написание. М.: Астрель, 2007. 757 с.
4. Жытин Я. В. Вопрос о различии терминологии и терминосистемы // Научный вестник Волынского национального университета имени Леси Украинки Раздел II. Терминоведение. Лексикография. – Вып. 17. – К.: Зоря, 2009. – С. 116–121.
5. Зеленцова М. Г., Козлова А. Т. Управление терминологий и переводческий процесс // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 100-105.
6. Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

УДК 811.531

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ОНОМАТОПОЭТИЗМОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МАНХВЫ С КОРЕЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК НА ПРИМЕРЕ ВЕБТУНА «ЛЕРИАНА. НЕВЕСТА ГЕРЦОГА ПО КОНТРАКТУ»

Е. В. Диброва,

преподаватель кафедры английского языка как второго

М. Д. Пичушкова,

преподаватель кафедры восточных языков,

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Аннотация: В нашей работе рассматривается проблема передачи оноματοпоэтизмов в комиксах на материале перевода первого тома графического романа: «Лериана, невеста герцога по контракту» авторов Корэ и Мильчха с корейского языка на русский. В результате исследования мы рассмотрели методы решения данной проблемы и предложили стратегию перевода. Актуальность работы заключается в отсутствии единой точки зрения о способах передачи корейского звукоподражательной лексики на русский язык и востребованности переводов произведений жанра «манхва» на российском рынке.

Ключевые слова: корейский язык, лакуна, манхва, оноματοпоэтизм, перевод.

Summary. The article deals with the problem of onomatopoeias in comics translations from Korean to Russian. We have used our translation of the graphic novel called "The reason why Raeliana ended up in duke's mansion" written by Kore and Milchha from Korean into Russian as material for our research. We have looked at the problem solving methods and proposed a translation strategy. This work is relevant because there is still no unified point of

view on the ways of transferring Korean onomatopoeias into Russian and the demand for translations of works of the genre "manhwa" on the Russian market is high.

Key words: Korean language, lacuna, comics, onomatopoeias, translation.

Звукоподражательные и звукосимволические слова или оноματοпозитизмы вызывают неослабевающий интерес у исследователей самых разных языков, о чем свидетельствует большое количество научных работ, посвященных переводу звукоподражательных единиц с корейского, английского, китайского, японского и других языков. Этот интерес вызван как внутриязыковыми особенностями оноματοпов, так и проблемой их передачи на другом языке, а именно отсутствием единого мнения относительно методов их перевода.

Введем определения понятий звукосимволизма и звукоподражания. Звукосимволическая подсистема языка входит (наряду со звукоподражательной подсистемой) в звукоизобразительную систему языка. Поскольку означаемое количество единиц данного класса слов может быть и «звуковым», и «незвуковым», в лингвистике он представлен двумя языковыми явлениями: звукоподражанием и звукосимволизмом (образоподражанием).

Согласно Большому энциклопедическому словарю: «Звукосимволизм – это закономерная, произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым (неакустическим) признаком денотата (мотивом)» [2, с. 166]. Звукосимволические слова, как правило, обозначают различные виды движения, световые явления, форму, величину, удаленность объектов друг от друга, физиологическое и эмоциональное состояния человека.

Далее обратимся к современному определению понятия «звукоподражание». «Звукоподражание (оноματοпея) – это закономерная произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом). Звукоподражание также определяют как условную имитацию звучаний окружающей действительности фонетическими средствами данного языка («плюх», «ж-ж-ж», «мяу», «тик-так»)» [2, с. 165]. При этом следует отметить, что звукоподражания хотя и должны обладать сходством с различными звуками естественными звуками внешнего мира, тем не менее не могут быть полностью идентичны им, поскольку для их оформления используется звуковой состав одного конкретного языка.

Оноματοпозитизмы изучают в рамках фоносемантики, направления лингвистической науки, цели и задачи которого были впервые сформулированы С. В. Ворониным в своих исследованиях. Он же разработал классификацию оноματοпозитизмов и выделил ряд фоносемантических универсалий.

Особенностью корейского языка является наличие, в отличие от русского, богатого пласта оноματοпозитической лексики, которую носители используют как в разговорной речи, так и в литературных произведениях.

Вопросом ономастопов в корейском языке занимались такие известные корееведы как А. А. Холодович, Г. Рамстедт, О. П. Петрова и другие. В корейском языке изобразительные слова при сочетании с определенными суффиксами (거리다 «корида», 하다 «хада», 대다 «тэда») могут употребляться как глаголы [10, с. 182]. Рассмотрим несколько примеров. Так, звукоподражательное слово 두근두근 «тугынтугын» означает непрерывный стук. Образованный от него глагол 두근두근하다 передает тот же звук и при этом не будет иметь пометки разговорного. На русский язык подобное постукивание будет передаваться междометием «тук-тук».

Ещё одной особенностью ономастопов в корейском языке является их вариативность. Так, от одного звукоподражательное слова для усиления качества может быть образовано производное слово при помощи чередования гласных. Для увеличения интенсивности или силы действия слабые согласные заменяются на сильные, светлые гласные (아 «а», 오 «о» нижняя) и производные) на темные (우 «у», 어 «о» боковая) и производные). Также светлые гласные воспринимаются носителями языка как уменьшительные [8, с. 172 –173]. Например, корейское слово 까닥 (ккадак) означает легкий кивок головой, а 꾸벅 (ккубок) означает движение с более широкой амплитудой, например, поклон. И слова 달각 (талкхак) и 덜커덩 (толькхон) означают «стук», но первое, в котором используются светлые гласные, будет означать более легкий стук (например, стук жемчужин или звяканье металлической цепочки), а второе – стук колес по мостовой. Первое слово мы передали как «звяк», а второе как «цок» (поскольку в том примере описывалось движение кареты, запряженной лошадьми).

В. В. Фатюхин предлагает решать проблему передачи ономастопозитивов поиском функционального аналога либо применением переводческих трансформаций, связанных с заменой, конкретизацией, генерализацией, антонимическим переводом, добавлением, опущением или компенсацией [12, с. 18], другими словами, он рекомендует выбирать из всего спектра переводческих инструментов, основываясь на контексте.

Изучение исследований на тему передачи ономастопозитивов, мы увидели, что ономастопы бывают эквивалентными и безэквивалентными.

Анализ примеров употребления ономастопозитивов в «Лериане, невесте герцога по контракту» показал, что значительная часть встреченных звуко- и образоподражательных слов имеет эквиваленты в русском языке. Например, 탕 (тхан) – «бам» (звук удара или выстрела), 획 (хвик) – «вжух» или «шух» (быстрое колебание воздуха), 똑똑 (ттокток) – «тук-тук» или «кап-кап» (легкий стук в дверь или звук капли), 스읍 (сыып) – «хм» (задумчивый вздох, хмыканье). Как правило, такие слова зафиксированы в словарях и поиск аналога не представляет сложности.

Стоит отметить большое количество ономастопозитивов,

изображающих смех или улыбку: 씨익 (ссиик), 쿡쿡 (кхуккхук), 키득 (кхидык), 피식 (пхисик), 헤헤 (хехе), 픽 (пхик), 허허 (хохо), 하하 (хаха). Смех, улыбка, вздохи, хмыканье, стоны – это невербальные реакции, важные для понимания эмоций собеседника, которые могут быть отображены в письменной речи как с помощью знаменательных частей речи, так и посредством оноματοпозитизмов. Смех может передавать различные оттенки эмоций. Например, 헤헤 (хехе) можно использовать, когда речь идет о радостном и искреннем детском смехе, а 허허 (хаха) скорее обозначает злорадство или коварный замысел персонажа. Наиболее нейтральным вариантом среди перечисленных является корейское 하하, которое мы передали как «ха-ха».

Особые трудности при переводе были вызваны многозначностью некоторых корейских оноματοпозитизмов. Например, 픽 (пхик), согласно словарю, имеет около пяти значений, из которых в «Лериане, невесте герцога по контракту» встретилось только одно: «усмешка». Другой оноματοпозитизм 탁 (тхак) может выражать как топот, так стук, хлопок или толчок. В примерах, встретившихся нам в «Лериане, невесте герцога по контракту», контекст позволял использовать все перечисленные значения корейского 탁. Чтобы не исказить смысл, переводчик должен каждый раз обращать внимание на контекст употребления того или иного ономатопа.

Чуть выше мы упоминали теорию фоносемантических универсалий С. В. Воронина [5, с. 190]. Основная идея его теории – наличие у звуков неязыковой самостоятельной коннотации. Он выделил абсолютные и относительные универсалии, например, умножение звукового состава ономатопа как одно из средств интенсификации его значения; предсказуемость моделей звукоподражательных слов, если известны общие особенности структурирования звукоподражательных слов в данном языке; зависимость точности передачи значения от сложности денотата и так далее. В качестве примера относительных универсалий можно привести следующую: обозначения «темного» или «печального» содержат низкий (по тону) гласный [5, с. 191].

При переводе мы неоднократно встретили подтверждения теории Воронина. Например, 저벅 (чобок) – русское «топ» в некоторых местах встречалось в редуплицированном виде 저벅저벅 (чобокчобок), что мы передали таким же удвоением «топ-топ». Неоднократно нам встретилось звукоподражательное слово 수군수군 (сугонсугон), которое происходит от корейского 수군, то есть – «гомон, бормотание, громкий шепот». Мы выбрали вариант «бу-бу», в некоторых случаях «шу-шу».

Практически все исследователи отмечают, что при универсальном характере звукоподражания как явления его конкретная реализация различается в разных языках и «на практике переводчик зачастую сталкивается с отсутствием словарных эквивалентов или с тем, что данные

единицы сопровождаются только описательным переводом» [7, с. 194]. Это верно особенно для корейского языка, в котором содержится большое количество образоподражательных слов. Такие слова зачастую являются ничем иным, как лакуной, при передаче которой необходимо прежде всего ориентироваться на контекст и подобрать такие средства, чтобы читатель перевода смог воспринять описываемое явление и при этом не были нарушены нормы языка перевода.

Например, корейское *팔랑* (пхаллан), который означает «образ предмета, колышущегося в воздухе», мы перевели как «шурх», поскольку данное слово описывало колыхание занавески из ткани на ветру. Другое слово *화사* (хваса), описывающее нечто великолепное, красивое, мы перевели как «сверк», ориентируясь на графику (персонаж, к которому относилось это слово, был изображен в окружении сверкающих искр). Еще одно слово *부스스* (пусысы), описывающее образ человека с растрепанными волосами или человека, неохотно встающего с кровати, мы решили передать с помощью междометия «О-ох», допустив, что именно этот звук издаст невыспавшийся человек в данной ситуации.

В данной работе мы рассмотрели звукоподражательные единицы, встретившиеся в манхве «Лериана, невеста герцога по контракту», и попробовали определить закономерности при их переводе. Проблема перевода оноματοпов представляет собой обширное поле для исследования. Звукоподражательные единицы в русском и корейских языках максимально различны, что делает подборку подходящего эквивалента основной проблемой при переводе, поскольку единой методики перевода оноματοпоэтизмов для данной пары языков не существует. Мы пришли к выводу, что переводчик, работающий с жанром «манхва», в случае обнаружения лакуны должен ориентироваться на контекст употребления каждого конкретного ономатопа (то есть, смотреть на изображение).

Список использованных источников

1. Алиева В. Н. Звукоподражания современного русского языка как развивающийся разряд слов // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2014. №27 (66), № 1. Ч. 2. – С. 26-33.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, – 1998. 685 с.
3. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, – 1980. 176 с.
4. Воробьева Е. В. Проблема передачи оноματοпей на примере перевода комиксов с норвежского языка на русский [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018 – Вып. 8 (799). <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-peredachi-onomatopey-na-primere-perevoda-komiksov-s-norvezhskogo-yazyka-na-russkiy> (дата обращения: 21.12.2023).
5. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та. – 1982. 248 с.
6. Корэ Мильчха. Лериана, невеста герцога по контракту. Том 1 – Москва: Издательство АСТ. – 2022. 264 с.

7. Краснова А. В. Перевод звукоизобразительной лексики турецкого языка средствами английского языка (на материале произведений Ферита Орхана Памука) [Электронный ресурс] // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2015. № 1, Т. 7. <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-zvukoizobrazitelnoy-leksiki-turetskogo-yazyka-sredstvami-angliyskogo-yazyka-na-materiale-proizvedeniy-ferita-orhana-pamuka> (дата обращения: 21.12.2023).
8. Ли Иксоп. Корейский язык / Иксоп Ли, Санок Ли, Ван Чхвэ. – М.: РОО «Первое Марта», – 2005. 484 с.
9. Лим В. Н. Эстетическая функция звукоимовизма и звукоподражания корейского языка в создании художественно-образной речевой конкретизации. Издательство «Грамота», № 5(71), Ч. 3, Тамбов, – 2017. 107с.
10. Пак Г. А. Словообразование на базе изобразительных слов // Корейский язык. Сборник статей. Издательство восточной литературы. Москва – 1961 г. – С. 182–201.
11. Соколова А. В. Ономастопэтика как элемент графической стилистики // Вестник МГЛУ. – 2015. – № 11. – С. 171–188.
12. Фатюхин В. В. Особенности перевода звукоподражаний и междометных глаголов: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2000. 184 с.
13. Naver: Электронный словарь/сайт. – URL: <https://en.dict.naver.com//main> (дата обращения: 20.12.2023).
14. 고래, 밀차. 그녀가 공작저로 가야 했던 시정 1. – 서울: D&C WEBTOON Biz – 2022. 264 p.

УДК 81'255.2

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ В НОВЕЛЛАХ АННЫ ГАВАЛЬДА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Н. В. Дронякина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и методики преподавания, Институт педагогики, психологии и инклюзивного образования, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), КФУ имени В. И. Вернадского, Ялта

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструировать образ современной французской женщины на материале сборника новелл Анны Гавальда «Мне бы хотелось, что бы меня кто-нибудь где-нибудь ждал» и определить приемы его перевода на русский язык.

Ключевые слова: образ, лексическая единица, новелла, вульгаризмы, интерпретационно-текстовый анализ.

Summary. The article deals with the study of the image of a modern French woman on the basis of the collection of the novellas «Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part» by Anna Gavalda. The main means of translation of a modern French woman are determined.

Keywords: image, lexical unit, novella, vulgarisms, interpretation and textual analysis.

В настоящее время актуальной проблемой для переводоведческих исследований выступает взаимодействие языка и культуры, что обусловлено возрастающим интересом к переводу как взаимодействию двух культур [1; 5; 6]. Взаимодействие культур обеспечивается переводом как ключ к пониманию двух культур. Основой изучения признаков передачи

различных текстов в условиях межкультурной коммуникации являются особенности той или иной языковой культуры, типы и механизмы передачи информации не только родного, но и иностранного языка. Такая взаимосвязь заключается не только во владении переводческими приемами и знании лексики, но и в учете индивидуальных качеств переводчика, так как перевод текста подразумевает связь различных языков и культур.

Общеизвестно, что перевод выступает особым видом речевой деятельности, являющимся потенциально или же непосредственно коммуникативным. Прежде всего, перевод нацелен на осуществление межкультурной коммуникации.

В переводоведении выделяют положение о том, что для создания адекватного и полноценного художественного перевода необходимо 1) учитывать особенности авторского сообщения (адресанта) и получателя данного сообщения (адресата), 2) рассмотреть особенности культурного различия и другие аспекты межъязыковой коммуникации, которые влияют на процесс и результат художественного перевода.

Поскольку художественный текст характеризуется многоплановостью, жанровым и стилистическим многообразием, для его перевода используются несколько способов интерпретации. Интерпретация позволяет преобразовать текст на художественном языке. Одним из таких способов является упрощение – сравнение смысла исходного текста с опытом переводчика, так как именно опыт помогает в преобразовании смысла оригинала. При переводе содержание художественного текста становится предметом понимания и толкования. Для успешной реализации коммуникации необходим качественно перекодированный текст, который понятен носителю языка перевода, отражающий основное содержание исходного текста.

Иллюстративным материалом исследования является сборник новелл Анны Гавальда «Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part» [7] («Мне бы хотелось, что бы меня кто-нибудь где-нибудь ждал» [2]), включающий 12 новелл. В статье исследуется образ современной французской женщины, репрезентированный в новеллах Анны Гавальда, а также определяются приемы его перевода на русский язык.

Обращаясь к традиционной теме взаимоотношений мужчины и женщины, облекая ее в каноническую новеллистическую форму, Анна Гавальда творчески, сообразуясь со своим оригинальным художественным видением, использует широкую, разнообразную палитру изобразительно-выразительных средств, создающих в предельно ограниченном текстовом пространстве новеллы полнокровный художественный мир, способный вызвать у читателя глубокие эмоциональные переживания [3, с.828].

Так, интерпретационно-текстовый анализ новелл А. Гавальда позволил реконструировать образ современной французской женщины, который нашел нейтральный и грубый способ словесного выражения в тексте. Отметим, что для французской литературы второй половины

XX века характерны вульгаризмы и обценная лексика, встречающаяся не только в речи персонажей, но и даже в авторской речи как престижной для многих французов формы народно-разговорного языка. Для речи автора и персонажей характерна небрежность – отсутствие подбора приемлемых выражений.

Так, в новеллах Анны Гавальда для выражения образа женщины автор использует два стиля: нейтральный и разговорный. Однако при переводе на русский язык переводчик прибегает к разнообразным приемам, реализующих ласковое обращение к женщине.

Так, например, в исходном тексте стилистически нейтральная номинативная единица *ma fille* – (букв. моя девочка) в переводном тексте передана приемом лексико-семантической замены на стилистически окрашенную лексическую единицу «птичка моя», которая выступает зооморфной метафорой.

Примером употребления разговорных лексических единиц для обозначения образа женщины в новеллах служит *une minette* – (букв. «кошка», «киска» в значении «кокетливая девушка»), которая дословно переведена на русский язык («киска») с сохранением коннотативного значения исходной лексемы. При переводе метафорической единицы *une poule* (букв. «курица») применён прием конкретизации («цыпочка»), изменяя коннотацию исходной лексемы. В новеллах грубое обращение *les lèche-culs* – (букв. «лижи зады» в значении «подхалимы») в переводном тексте передано «угодливые задницы» как результат лексико-семантической замены компонента метафоры *lèche* («лижи») на русское литературное прилагательное «угодливые». Обе лексические единицы передают негативную оценку образа женщины.

Рассмотрим основные характеристики образа современной французской женщины, реконструированного на материале сборника новелл «*Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part*» [7].

1. Флирт, кокетливость:

je le vois me regarder. Je lui décoche un sourire mutin, genre flèche de Cupidon mais en plus réservé. – он на меня смотрит. Выдаю ему кокетливую улыбку типа «стрела Амура», но весьма сдержанно; *En attendant le dessert, mon pied touche sa cheville.* – Когда мы ждем десерта, моя шаловливая ножка прижимается к его ноге. В приведённом примере очевиден приём дословного перевода для передачи коннотативного значения.

2. Рискованность:

Précision: une Parisienne qui se respecte sur le boulevard Saint-Germain ne traverse jamais sur les lignes blanches quand le feu est rouge. Une Parisienne qui se respecte guette le flot des voitures et s'élançe tout en sachant qu'elle prend un risque. – Поясняю: ни одна уважающая себя парижанка на бульваре Сен-Жермен не станет переходить проезжую часть по белой «зебре» на зеленый свет. Уважающая себя парижанка дождетса плотного потока машин и ринетса напрямик, зная, что рискует.

3. Избирательность в мужчинах (выбор настойчивого мужчины):

On se ressaisit ma fille, si tu dois dîner avec tous les hommes auxquels tu souris, tu n'es pas sortie de l'auberge... – Возьми себя в руки, детка, если будешь ужинать со всеми мужчинами, которым улыбаешься, всю жизнь проторчишь в кабаках.

– Donnez-moi une seule raison d'accepter votre invitation.

– Une seule raison... mon Dieu... que c'est difficile... Je le regarde, amusée.

Et puis **sans prévenir, il me prend la main:**

– Je crois que j'ai trouvé une raison à peu près convenable... **Il passe ma main sur sa joue pas rasée.**

– Une seule raison. La voilà: dites oui, que j'aie l'occasion de me raser... Sincèrement, je crois que je suis beaucoup mieux quand je suis rasé.

Et il me rend mon bras.

– Oui, dis-je.

– A la bonne heure! Traversons ensemble, je vous prie, je ne voudrais pas vous perdre maintenant.

Cette fois c'est moi qui le regarde partir dans l'autre sens, il doit se frotter les joues comme un gars qui aurait conclu une bonne affaire...

Je suis sûre **qu'il est drôlement content de lui. Il a raison.**

4. Обязательное опоздание на свидание:

Je ne peux pas décemment arriver la première. Non. Et même, j'arriverai un peu en retard. Me faire un tout petit peu désirer ce serait mieux. – Я, понятное дело, не могу прийти первой. Ни за что. Я даже слегка опоздаю. Долгожданная – более желанная. Пусть чуточку помучается, так будет лучше.

5. Желание иметь ребенка:

Elle se souvient de cette scène épouvantable quand elle avait parlé d'adoption... – Она вспоминает, какую ужасную сцену закатил ей муж, когда она заговорила об усыновлении.

Elles sont bêtes ces femmes qui veulent un bébé. **Elles sont bêtes.**

A peine savent-elles qu'elles sont enceintes qu'immédiatement elles ouvrent grand les vannes: de l'amour, de l'amour, de l'amour. Elles ne les refermeront plus jamais après. **Elles sont bêtes.** – Какой же душой становится женщина, когда хочет ребенка! Какие же все **бабы дуры**. Стоит ей узнать, что она беременна, и готово дело, открываются шлюзы: любовь, любовь, любовь. И все, больше ее не заткнешь. **Дуры.**

В приведенном выше примере дважды употребленная фраза переведена по-разному. В первом случае применена лексико-грамматическая трансформация: в исходном тексте используется повествовательный тип предложения, а в переводном восклицательный. Более того, французская лексема **bêtes** (букв. рассеянный, безголовый, глупый) переведена на русский язык приемом добавления стилистически окрашенной лексемы **бабы** и лексико-семантической замены на русское

грубое слово **дуры**. В конце примера фраза *Elles sont bêtes* («Дуры.») переведена приёмом опущения, в переводном тексте использована всего лишь номинативное однокомпонентное предложение.

Таким образом, в новеллах А. Гавальда изображает особое отношение современной французской женщины к семье, выбору мужчины, её поведение в обществе мужчины, её эксцентричность и непредсказуемость. Основными приёмами перевода образа женщины в новеллах относим дословный перевод, лексические трансформации (конкретизацию, опущение, добавление).

Список использованных источников

1. Борисенко Ю. А. Авторское словотворчество в аспекте перевода (на материале английских литературных сказок // Вестник Удмуртского университета. – 2020. – Т.30. – Вып.5. – С.774-784.

2. Гавальда А. Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал / пер. с фр. Е. Клоковой, Н. Хотинской. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – 224 с.

3. Карпухина Т. П. Жанро-стилевые характеристики новеллы Анны Гавальда «*Petites pratiques Germanoprâtiennes*» («Некоторые особенности Сен-Жермен») // Вестник КемГУ. – 2020. – № 22(3). – С. 821-830.

4. Карпухина Т. П., Чиченина О. М. Особенности идиостиля Анны Гавальда (на материале новеллы «*Le Fait du Jour*» («Происшествие»)) // Вопросы переводоведения, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы: сборник научных статей. Чебоксары: Издательство: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева. – 2020. – С.289-297.

5. Шевченко О. Г. Стилистические трансформации как средство достижения адекватности в художественном переводе (на материале рассказа Мюриэл Спарк «*Портобелло Роуд*») // Научный диалог. – 2018. – № 10. – С.224-241.

6. Цепелева А. Н. Особенности перевода на русский язык социокультурного компонента английских художественных текстов: автореф. ... кандидата филол. наук. Мытищи, 2022. 29 с.

7. Gavalda A. Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part [Electronic Resource]. Paris: J'ai lu, 2001. 158 p. Mode of access: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/306943-15-anna-gavalda-je-voudrais-que-quelqu-un-m-attende-quelque-part.html#text> (дата обращения: 02.12.2023)

УДК 8081:821.111(73):004.421: 34

**СПЕЦИФИКА МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ*****О. В. Ермоленко,****кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранной
филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь****Н. Н. Лукашева,****кандидат юридических наук, доцент, Юридический факультет,
Институт (Таврическая академия), КФУ имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Перевод текстов юридической тематики является востребованным и значимым как для профессиональных юристов, так и для граждан любого государства. Спрос на юридические переводы текстов из области российского и международного права остается высоким. Для решения проблемы перевода текстов юридической тематики исследуются возможности машинного перевода на базе искусственных нейронных сетей благодаря достижениям в области развития искусственного интеллекта. Публикации исследователей последних десятилетий в основном ориентированы на изучение особенностей перевода текстов юридической направленности (И. И. Дубровина, В. В. Калиновская, О. Г. Скворцов, Е. В. Харьков), тогда как количество исследований по вопросам машинного перевода текстов юридической направленности крайне мало (Я. П. Сапач, Э. Ш. Юсубова), что обуславливает актуальность данного исследования. Цель работы – показать специфику текстов юридического дискурса и выявить характерные особенности машинного перевода. Методы исследования: дискурсивный, аналитический и описательный метод. В качестве объекта исследования определены тексты юридической направленности правового дискурса, предметом исследования выступают особенности машинного перевода текстов юридической направленности. Показано, что перевод специализированных юридических текстов является одним из специфических видов перевода, требующего владения как языковым материалом, так и специализированными профессиональными знаниями.

Ключевые слова: юридический дискурс, тексты юридической направленности, машинный перевод, искусственный интеллект, нейронные сети.

Summary. Legal texts translation is in demand and significant both for professional lawyers and for citizens of any state. The demand for legal texts translation of the field of Russian and international law remains high. To solve the problem of legal texts translation, the possibilities of machine translation based on artificial neural networks are being explored due to the advances in the development of artificial intelligence. The recent decades publications are mainly focused on the study of the peculiarities of legal texts (I. I. Dubrovina, V. V. Kalinovskaya, O. G. Skvortsov, E. V. Kharkov), whereas the number of studies on machine translation of legal texts is extremely negligible (Ya. P. Sapach, E. Sh. Yusubova), this fact determines the relevance of the present research. The purpose of the work is to show the specifics of the legal discourse texts and to identify the features of the machine translation. The research methods: discursive, analytical and descriptive method. The texts of the legal themes of legal discourse are identified as the object of the research, the subject of the study is the peculiarities of the machine translation of legal texts. It is shown that the translation of the specialized legal texts is one of the specific types of translation, requiring proficiency in both linguistics and specialized professional knowledge.

Key words: legal discourse, legal texts, machine translation, artificial intelligence, neural networks.

Проблемы перевода профессионально ориентированных текстов различной направленности определяются рядом сложностей, поскольку переводчик должен профессионально владеть не только техникой перевода, но также иметь определенные компетенции в области знаний, к которым относится переводимый текст.

Перевод текстов юридической тематики безусловно обладает рядом особенностей, поскольку юридический дискурс определяется как интегративный феномен юриспруденции и лингвистики, а юрислингвистика основана на взаимодействии языка и права. Юридический дискурс включает в себя тексты законов, указов, судебные тексты (судебные постановления, иски, возражения, заявления, жалобы, нормативно-правовые акты, тексты допросов, адвокатские речи, речи судей, экспертные заключения), нормативно-правовые акты, документы международного права (межгосударственные договоры, законодательные акты, постановления, брачные контракты, договоры и контракты между компаниями, бракоразводные документы и т.п.) и т.д. Следовательно, переводчику важно обладать знаниями не только в области права Российской Федерации, но и других государств.

Необходимость учета переводчиком специфики юридического дискурса определяется его многомерностью. Белорусский исследователь Л. А. Дединкин подчеркивает, что для «юридического (правового) дискурса характерны унифицированные субъекты, процедуры, обстоятельства и т.д. Схожесть основных категорий обуславливает тот факт, что правовые тексты в большинстве своем лишены национальной маркированности, а лексика имеет эквиваленты в других языках. Одной из характерных черт юридического текста является его обезличенность, т.е. отсутствие указаний на адресата и адресанта (на структурно-морфологическом и синтаксическом уровнях, о чем свидетельствуют безличные глагольные формы, безличные и пассивные конструкции, чрезвычайно сложная структура предложений)» [1, с. 222]. Исследователь считает: «В юридических текстах должно обязательно содержаться указание на необходимость выполнения определенных действий или, наоборот, запрещение каких-то действий, а сама иллокуция в юридическом тексте имеет статус правовой нормы, обязательной для исполнения» [там же].

Важным фактором является и то, что юридический текст не может толковаться свободно или индивидуально-лично, как может происходить, например, с текстом художественного дискурса, поскольку законы и нормы права юридического дискурса не могут трактоваться многозначно или свободно, иначе это приведет к негативным правовым последствиям – развалу государства и общества. Данная черта юридического дискурса определяет его консервативность.

Юридический перевод как вид вспомогательной деятельности, осуществляется, как правило, профессиональным переводчиком или юристом, что предполагает также знание нормативного перевода

юридической терминологии с учетом различий языковых и правовых реалий. Переводческая компетенция может рассматриваться как неотъемлемая составляющая профессиональной компетенции современного юриста. Юрист компании, например, работающий с переводом юридических документов, «должен владеть навыками перевода юридических клише, архаизмов, свойственных языку канцелярита, использования юридических оговорок и устойчивых речевых формул, типичных для языка коммерческих договоров и различных видов соглашений» [4, с. 119].

Безусловную сложность перевода текстов правовой тематики в связи со значительным прогрессом в области машинного перевода человек пытается возложить на машину. Разработчики систем машинного перевода утверждают, что системы машинного перевода соответствуют всем требованиям, предъявляемым к переводу юридических текстов. Они предлагают программы с возможностями перевода документов целиком, чтобы специалист мог загрузить юридический документ в машину и получить результат за считанные секунды; перевод выделенного фрагмента текста в офисных приложениях с возможностью внесения изменений и правок и возможностью редактирования результата перевода с сохранением исходного форматирования. В качестве приоритетной позиции такого рода перевода выделяется защита данных от попадания в открытый доступ, что, по нашему мнению, является необычайно важным фактором. Скорость перевода и гарантированное сохранение конфиденциальности пользовательских данных – абсолютное преимущество машинного перевода. Например, компания PROMPT предлагает программы, не требующие подключения к сети Интернет. Тем не менее, полноценное решение задачи машинного перевода не считается реализованным окончательно. К примеру, исследователи пытаются воплотить в жизнь программу устного синхронного машинного перевода или научить нейронные сети самостоятельно пополнять свой словарный запас.

Несколько десятилетий назад базовым способом машинного перевода являлся статистический анализ и использование словаря, вспомним, что отправной точкой машинного перевода считается 1954 г., когда был проведен известный Джорджтаунский эксперимент. Далее зарождается первое поколение машинного перевода (первая половина 1960-х гг.), основанное на технике пословного перевода, второе поколение (вторая половина 1960-х гг., начало 1970-х гг.) было основано на синтаксических структурах и грамматических правилах входного языка, в 1990-х гг. появляются системы семантического типа. «Системы, основанные на правилах, подразделяются на два подтипа: трансферные (например, система PROMT) и интерлингвистические, с общей идеей связи входного и выходного предложения. В конце XX в. преобладающим оказался статистический подход – обучение машины на примере сотен тысяч параллельных текстов на разных языках одинакового содержания («Яндекс. Перевод») с дальнейшим принятием самостоятельных решений.

Правильная «конвертация» грамматических конструкций одного языка средствами другого считается пределом для статистического машинного перевода» [3, с.116-117]. И только в 2016 г. был запущен нейронный машинный перевод, ставший, по мнению специалистов, эпохальным событием в истории машинного перевода.

На сегодняшний день программисты выделяют несколько категорий машинного перевода. Перевод текста с постредактированием, когда исходный текст перерабатывается машиной, а далее требуется вмешательство человека – редактор исправляет полученный результат. Человек адаптирует текст к обработке машиной (машинный перевод текста с предредактированием), исключая возможные неоднозначные прочтения текста машиной, после чего возможна программная обработка текста. Интерредактирование подразумевает вмешательство человека в работу системы машинного перевода. Возможны смешанные системы машинного перевода. Под основными технологиями перевода имеются в виду машинный перевод на основе правил, статистический перевод, машинный перевод на базе нейронных сетей и гибридный перевод.

Следовательно, решение проблем перевода текстов юридической сферы направлено на преодоление профессиональными переводчиками и юристами ряда специфических особенностей юридического дискурса. Несмотря на интенсивное развитие искусственного интеллекта, практика машинного перевода требует дальнейшего совершенства разработок, тогда как использование комбинирования статистического и нейросетевого методов машинного перевода на сегодняшний день является наиболее оптимальным.

Список использованных источников

1. Дединкин А. Л. Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23., №1 – С. 220-228.
2. Дроздова К. А. Машинный перевод: история, классификация, методы // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III междунар. науч. конф., июль 2015 г. СПб.: Свое издательство, 2015. – С.139-141.
3. Ермоленко О. В., Горев И. И. Математические методы в лингвистике: применение модели нейронных сетей в системе машинного перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III междунар. научно-практич. конф., 25–27 апреля 2019 г. Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2019. – С. 115-119.
4. Шрамкова Н. Б. Переводческая компетенция как неотъемлемая составляющая профессиональной компетенции современного юриста // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮЛ). – 2017. – №11. – С.117-121.

УДК 811.111

**ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК****Е. Ф. Жукова,***кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой
иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации,***К. В. Жуков,***кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и
археологии,**Гуманитарный институт, Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению пословиц и поговорок в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и способам их перевода на английский язык. Анализируемые переводы были выполнены К. Гарнетт в 1912 г. и Р. Пивеаром и Л. Волохонской в 1990 г. Самым распространенным способом перевода оказались полный и частичный эквивалент, а также перевод с помощью аналога. Такие переводы сохраняют национальное своеобразие и образность русских пословиц и поговорок. Однако, не всегда возможно найти эквиваленты и аналоги рассматриваемых единиц, поэтому переводчики используют описательный перевод и перевод с помощью «индивидуального» эквивалента.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, перевод, способы перевода, эквивалент, аналог, Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы».

Summary. The article is devoted to the consideration of proverbs and sayings in the novel "The Brothers Karamazov" by F. M. Dostoevsky and ways of translating them into English. The analyzed translations were carried out by K. Garnett in 1912 and by R. Pivear and L. Volokhonskaya in 1990. The most common translation methods were full and partial equivalent, as well as translation using an analogue. Such translations preserve the national originality and imagery of Russian proverbs and sayings. However, it is not always possible to find equivalents and analogues of the units in question, so translators use descriptive translation and translation using an "individual" equivalent.

Key words: proverbs, sayings, translation, translation methods, equivalent, analogue, F. M. Dostoevsky, The Brothers Karamazov.

Пословицы – это закрепленные в языке устойчивые образные суждения, которые имеют назидательный смысл, выражают определенную мораль и часто обладают звуко-ритмической организацией [1, с. 189].

Образное содержание пословиц обычно сохраняет свою значимость, поэтому переводчик сталкивается с проблемой передачи и смысла пословицы, и ее метафорического содержания.

Существует фразеологические и нефразеологические способы перевода пословиц и поговорок [4, с. 192].

Рассмотрим примеры фразеологического способа перевода пословиц и поговорок:

С татарина поганого кто же станет спрашивать, Григорий Васильевич, хотя бы и в небесах за то, что он не христианином родился и кто же станет его за это наказывать, рассуждая, что с одного вола двух шкур не дерут (кн. 3 гл. 7 с. 149) [3] – *Who will hold an unclean Tatar*

responsible, Grigory Vassilyevitch, even in heaven, for not having been born a Christian? And who will punish him for that, considering that you can't take two skins off one ox? [10] – *Who, even in heaven, Grigory Vasilievich, will ask an unclean Tartar to answer for not being born a Christian, and who is going to punish him for that, considering that you can't skin the same ox twice* [11].

При переводе пословицы используются ее частичные фразеологические эквиваленты, которые, хотя и полностью совпадают с русской пословицей по образности и значению, отличаются от нее порядком слов и синтаксической структурой. Русское предложение без подлежащего переводится неопределенно-личными предложениями с местоимением *you* в качестве подлежащего: «*you can't take two skins off one ox*»; «*you can't skin the same ox twice*».

Ум хорошо, а два – лучше... (кн. 12 гл. 3 с. 395). [3] – *One head is good, but two are better.* [10] – *Two heads are better than one* [11]

При передаче пословицы на английский язык используются фразеологические эквиваленты, которые мы относим к частичным, так как они несколько отличаются от оригинала в плане выражения, то есть лексическим составом (*ум* – *head*), а во втором случае ещё и структурной организацией. В данном случае мы отдаем предпочтение переводу К. Гарнетт, так как ее эквивалент передает порядок слов оригинала.

Много знать будешь – скоро состаришься (кн. 7 гл. 3 с. 29). [3] – *If you know too much, you'll get old too soon.* [10] – *Ask me no questions, I'll tell you no lies* [11].

К. Гарнетт переводит пословицу с помощью частичного грамматического эквивалента. Во втором случае переводчики используют английскую фразеологическую единицу «*ask me no questions, I'll tell you no lies*», то есть буквально: «*не спросишь – не совру*». Данная английская пословица является аналогом русской, так как совпадает с ней по смыслу (передает нежелание говорящего отвечать на вопросы) и стилистической окраске (носит разговорный характер).

Да не украдет он, вот что, не сплетник он, молчит, из дому сору не вынесет... (кн. 3 гл. 8 с. 152). [3] – *But he doesn't steal, that's one thing, and he is not a gossip, he holds his tongue, and doesn't wash our dirty linen in public.* [10] – *Yet he doesn't steal, that's the thing, he's not a gossip, he keeps his mouth shut, he won't wash our dirty linen in public.* [11].

В обоих вариантах используется фразеологический аналог русской поговорки «*не выносить сор из избы*» – «*not to wash one's dirty linen in public*». При переводе происходит замена образа, но стилистическая направленность русского оригинала сохраняется.

В чужой монастырь со своим уставом не ходят, – заметил он (кн. 2 гл. 1 стр. 44). [3] – *When you go to Rome you must do as the Romans do.* [10] – *“When in Rome, do as the Romans do,” he remarked* [11].

Пословица переведена при помощи аналогов, которые характеризуются полной заменой образа (букв. *приехав в Рим, делай, как*

римляне).

“Видал ты, какова я теперь, скажу, ну так и оставайся при том, милостивый государь, **по усам стекло, а в рот не попало!**” (кн. 7 гл. 3 с. 39). [3] – “Do you see what I am like now?” I’ll say to him; “well, and that’s enough for you, my dear sir, **there is many a slip twixt the cup and the lip!**” [10] – “Take a good look at me now, my dear sir, because that’s all you’ll get – for **there’s many a slip twixt the cup and the lip!**” [11].

При переводе русской поговорки используется ее английский аналог «*there is many a slip twixt the cup and the lip*» с другой образной основой (букв. «*между чашкой и губами можно много раз пролить*»).

Далее рассмотрим примеры нефразеологического перевода пословиц и поговорок:

Фетюкович был доволен: опять бог на шанку послал (кн. 12 гл. 4 с. 406). [3] – *Fetyukovitch was satisfied: it was another godsend.* [10] – *Fetyukovitch was pleased: once again it was a small godsend.* [11].

Русская поговорка передается описательно, то есть с помощью свободных конструкций, имеющих аналогичный смысл: «*it was another godsend*»; «*it was a small godsend*». Оба варианта перевода содержат лексему *godsend*, которая имеет значение «something good that happens to you when you really need it» [8]. Внутренняя форма этого слова схожа с внутренней формой русского фразеологической единицы (*бог (на шанку) послал – godsend*), что повышает степень адекватности перевода.

Чужая беда не дает ума (кн. 6 гл. 2 с.349). [3] – *No one is wise from another man’s woe.* [10] – *No one is the wiser for another man’s troubles.* [11]

Русская пословица «*чужая беда не дает ума*» не имеет соответствия в английском языке, поэтому переводчики прибегают к описательному переводу, то есть «пересказывают» пословицу, передавая ее смысл: «*no one is wise from another man’s woe*»; «*no one is the wiser for another man’s troubles*». Следует отметить, что оба варианта перевода довольно похожи.

...а ты там убивай себе как угодно, моя изба с краю (кн. 12 гл. 8 с. 438). [3] – *...you may murder him as you like; it’s nothing to me.* [10] – *...and you can go and kill him any way you like, it’s none of my apples.* [11]

Данное выражение является частью пословицы «*моя изба с краю, я ничего не знаю*», которая используется, когда кто-то «подчеркивает свою непричастность к чему-либо, незаинтересованность в чем-либо» [2]. К. Гарнетт передает пословицу описательно, с помощью свободного словосочетания. При таком нефразеологическом переводе адекватность не страдает, так как смысл русской ФЕ в целом передан, но к частичным стилистическим потерям он, безусловно, приводит: фразеологизм утрачивает свою образность, экспрессивность, и исчезает, растворяется сам. Р. Пивеар и Л. Волохонская «изобретают» свой эквивалент, хотя образное содержание пословицы оригинала они не воспроизводят, а лишь передают ее смысл.

Кроме того, в чужой руке лопоть всегда больше кажется (кн. 12

гл. 11 с. 462). [3] – *Besides, in another man's hand a crust always seems larger.* [10] – *Besides, a crust always looks bigger in another man's hand.* [11]

Пословица «в чужой руке ломоть всегда больше кажется» имеет множество вариантов в русском языке: «в чужих руках ломоть больше кажется»; «в чужих руках всегда ломоть велик»; «в чужих руках хлеба крохи большим ломтем кажутся». При переводе данной поговорки переводчики в обоих случаях прибегают к калькированию. К. Гарнетт воспроизводит поговорку почти в дословном виде, сохраняя при этом даже порядок слов оригинала. Единственным отличием является лексическое несоответствие слов *ломоть* и *crust*. Ср. *ломоть* – «срезанный ножом плоский, не слишком толстый, но большой кусок хлеба, пирога, плода» [6]; *crust* – «the tough outer part of a loaf of bread; a hard, dry scrap of bread» [9]. Р. Пивеар и Л. Волохонская калькируют оригинал, меняя при этом порядок слов, вынося на первое место подлежащее: «*a crust always looks bigger in another man's hand*».

Там он служит, там и кутит, и конечно – большому кораблю большое и плавание (кн. 12 гл. 6 с. 423). [3] – *There he led a wild life as an officer.* [10] – *There he serves, there he carouses, and of course a big ship needs a big sea* [11].

К. Гарнетт отказывается от передачи поговорки «большому кораблю большое плавание». Мы считаем, что в данном случае нулевой перевод ФЕ неоправдан, так как переводчица, возможно, не найдя соответствия на английском языке, просто опускает поговорку и ничем не компенсирует ее отсутствие. Во втором случае переводчики используют частичный лексический эквивалент, который совпадает с оригиналом по значению, стилистической направленности, близок с ним по образности, но отличается лексическим составом (*большому кораблю большое плавание* – *a big ship needs a big sea*).

Через три дня гол, но сокол (кн. 3 гл. 5 стр. 137). [3] – *In three days' time I was stripped bare, but a hero.* [10] – *In three days I was broke, but a hero.* [11]

В романе употребляется поговорка «гол, но сокол», который характеризует того, кто «беден, но горд» [6]. Данное выражение употребляется не часто, поэтому не имеет эквивалентов в английском языке. Не найдя полного соответствия данной единицы, переводчики создают «индивидуальные» фразеологические эквиваленты – «*stripped bare, but a hero*»; «*broke, but a hero*».

Слово *сокол*, помимо значения «птица», имел также символическое «обозначение молодого красавца» [6]. Издавна в народе соколом называли красивого, смелого, удалого мужчину (или юношу). При переводе необходимо было сохранить образ хоть и обедневшего, но удалого и гордого мужчины. В обоих переводах используется слово *hero*, которое означает «a man who is admired very much for a particular skill or quality» [9]. Это позволяет отчасти сохранить образ, лежащий в основе оригинала.

«Индивидуальные» эквиваленты, созданные переводчиками, передают значение русской поговорки, но не обладают воспроизводимостью в английском языке.

Ну, отвечаю, это как кто кого обожает, а ты и мала куча, да вонюча” (кн. 4 гл. 6 с. 229). [3] – “*Well*”, *I said, “that’s a matter of taste; but you are a little spitfire*”. [10] – “*Well*”, *I said, “we all have our likes, and you’re a little pile but you smell vile*” [11].

Поговорка «мала куча, да вонюча» является разговорной, шутливой, и переводчики сталкиваются с проблемой, не находя в английском языке полного ее соответствия. К. Гарнетт прибегает к нефразеологическому способу перевода. Она передает русскую поговорку лексически – «*a little spitfire*», где *spitfire* – «a quick-tempered or highly emotional person» [8]. К сожалению, при таком способе перевода теряется образность и эмотивность исходной фразеологической единицы. Следует отметить, что переводчице все же удалось сохранить отрицательную коннотацию оригинала.

Р. Пивеар и Л. Волохонская идут другим путем: используют «индивидуальный» эквивалент, прибегнув к словотворчеству. Они оформляют в духе переводимой единицы свой фразеологизм, при этом им удается не только передать образ, лежащий в основе оригинала, но и сохранить лексический состав ФЕ и рифму (*куча – вонюча, pile – vile*). Мы считаем, что данный перевод настолько удачный, что со временем может стать полноценным фразеологическим эквивалентом рассматриваемой русской ФЕ.

Поделом вору мука (кн. 11 гл. 4 с. 303). [3] – *She deserves what she gets*. [10] – *Let the thief get his beating* [11].

При переводе русской поговорки «поделом вору мука» К. Гарнетт прибегает к нефразеологическому способу. Она использует описательный перевод, передавая смысл фразеологизма обычным предложением: «*she deserves what she gets*». Значение поговорки передается верно, но сама ФЕ перестает существовать в переводе, теряется образность, экспрессивность, выразительность исходного фразеологизма.

Во втором переводе удается сохранить образ вора, лежащий в основе русской поговорки. Р. Пивеар и Л. Волохонская используют оборот, который максимально напоминает оригинал, но не является устойчивым: «*let the thief get his beating*». Переводчикам удалось создать «индивидуальный» эквивалент, который передает значение русской поговорки и лишь частично расходится с ней в лексическом составе (*мука – beating*).

За что купил, за то и продал (кн. 11 гл. 9 с. 361). [3] – *I give it for what it’s worth*. [10] – *Take it for what it’s worth*. [11]

В русском языке есть поговорка «за что купил, за то и продаю», то есть повторяю то, что слышал, «не ручаюсь за достоверность передаваемых слов» [5]. В основе обоих переводов лежит распространенная в английском языке идиома «*for what it’s worth*», которая толкуется в словаре как «used to present a comment, suggestion, or opinion without making a claim as to its

importance or validity» [9]. Данная ФЕ употребляется в разговорной речи, поэтому передает разговорный характер русского фразеологизма. В обоих вариантах переводчики расширяют английскую идиому, добавляя в нее новые компоненты: «*I give it*»; «*take it*». Такой перевод является лексико-фразеологическим, так как выполнен с помощью лексических и фразеологических средств.

В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» нам встретились 19 фразеологических выражений, следовательно, нами было рассмотрено 38 примеров их перевода. Перевод пословиц и поговорок в романе выполнен фразеологическим способом в 55,3 % случаев, нефразеологическим – в 44,7 %. Для передачи фразеологических выражений чаще всего используются следующие способы перевода:

1. перевод с помощью полного фразеологического эквивалента – 18,4 %;
2. перевод с помощью частичного фразеологического эквивалента – 18,4 %;
3. перевод с помощью аналога – 18,4 %;
4. описательный перевод – 15,8 %;
5. перевод с помощью «индивидуального» эквивалента – 13,2 %.

Список использованных источников

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М., 2001. – 224 с.
2. Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И., Федоров А. И. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей. // Под ред. Молоткова А. И. – М., 1978.
3. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы в 4-х ч. с эпилогом. – М., 1981.
4. Жукова Е. Ф., Иванова Л. А. Фразеологические сращения в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и способы их перевода на английский язык // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2022. – № 2(41). – С. 192-195.
5. Тихонов А. Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка в 2 т. – М., 2004.
6. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М., 2000.
7. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge University Press, 2008.
8. Longman Exams Dictionary. Pearson Education Limited, Longman, 2006.
9. Oxford Dictionary of Current English. London, 2006.
10. The Brothers Karamazov by Fyodor Dostoevsky. Introduction by Edward Garnett. Translated by Constance Garnett. Vol. II. London, 1936.
11. The Brothers Karamazov by Fyodor Dostoevsky. Introduction by Malcolm V. Jones. Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. London, 1997.

УДК 811.12

**СПЕЦИФИКА ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ
ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРОДУКТОВ РАЗНОГО ТИПА*****М. Г. Зеленцова,****кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода****А. Т. Козлова,****кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4,
Институт филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью данной публикации является анализ основных переводческих понятий и процессов, с которыми переводчик сталкивается в процессе локализации разных продуктов и услуг. При этом, сопоставляя внутренние формы анализируемых понятий, связанные с «адаптацией» продукта на международной рынке товаров и услуг в эпоху глобализации, выявлены их общие и отличительные черты.

Ключевые слова: локализация, перевод, интернационализация, транскреация, бренд перевод, адаптация при переводе.

Summary. This article analyzes the basic translation concepts and processes that any translator encounters in the process of various products and services localization. At the same time, comparing the internal forms of the analyzed concepts, the common and distinctive features of them associated with the «adaptation» of the product in the international market of goods and services in the era of globalization are revealed.

Key words: localization, translation, internationalization, transcreation, brand translation, adaptation in translation

Сфера перевода в XXI веке, как и большинство других сфер деятельности, испытывает на себе влияние цифровых технологий, которые коренным образом меняют как ее содержание, так и понятийный аппарат, обслуживающий ее. Вступая в цифровую эру, переводчикам приходится осваивать новые понятия, термины, новые процессы необходимые для продвижения всевозможных продуктов и услуг на международном рынке.

Понятие «локализации продукта» возникло довольно давно от английского слова «locale» – место, локация, и связано с программированием, информационными технологиями и означало «адаптация к местным условиям», т.е. когда приложение адаптируют к настройкам конкретного региона: языку, форматам даты и валюты. Дальше данное понятие как «IT локализация» распространилось на такие продукты международного рынка как веб-сайты (веб-разработки), рекламные кампании, фильмы, компьютерные видеоигры, мобильные приложения и др. В результате в терминологическом аппарате переводоведения возникают понятия, которые отражают то понятийное поле, которое используется для номинации процессов адаптации различных продуктов на международном рынке, а именно интернационализация, транскреация, кросс-культурный копирайтинг, культурная кастомизация, адаптивный перевод, языковая локализация и др.

Целью данной публикации является анализ основных переводческих понятий и процессов, которыми используется переводчик в процессе

локализации разных продуктов и услуг, а также, проведенное сопоставление внутренних форм, помогло выявить их общие и отличительные черты.

Как отмечаем А. В. Ачкасов в своей статье «Англоязычная терминология локализации» (2019): «Локализация как индустриальная практика, связанная с выводом цифровых продуктов на новые рынки, и ядро ее терминологического фонда сложились в 1980–1990-е годы» [1, с. 83]. А вот «практика локализации на сегодняшний день пересекается с областями (цифрового) маркетинга, глобального управления информацией, человеко-компьютерного взаимодействия, кросснационального менеджмента и т. д. Процесс конвергенции обусловил вхождение в понятийный фонд локализации терминологии из перечисленных сегментов рынка» [1, с. 84].

И. Мазур считает такое расширение значения термина закономерным. По ее мнению, локализация как практика «переросла границы цифровой среды и включает адаптацию других продуктов» [9, с. 155]. По мнению А. Пима, объем значения этого термина непостоянен и определяется различными практиками локализации: мы «знаем о границах локалей» только через практику локализации, которая «активно определяет локали» [10, с. 23].

Как утверждает А. В. Ачкасов: «Если термины *localization* и *locale* в 2000-е годы существенно расширили семантический объем, то значение термина *translation* (перевод) в рамках дискурса от индустрии было существенно сужено» [1, с. 83]. «Начиная с 1990-х годов, с развитием Всемирной сети и цифровизацией контента, индустрия языковых услуг в целом и локализация как индустриальная практика в частности развивались в направлении конвергенции со смежными сегментами рынка спектр услуг» [1, с. 84]. А вот термины *locale*, *localization*, *internationalization*, *translation*, *globalization* составляют ядро терминологического фонда локализации как практики, реализуемой в рамках индустрии языковых услуг.

«Появление большого количества терминов, обозначающих лингвокультурные трансформации, для которых ранее хватало термина «перевод», свидетельствует не только о концептуальном разрыве, но и о важности коммуникации для разрастающейся глобальной сети» [1, с. 72]. По словам Ива Гамбье: «Создается впечатление, что у термина «перевод» плохая репутация. Его часто заменяют конкурирующими терминами, такими как «локализация», «адаптация», «творческое переписывание» (*versioning*), «перевод-редактирование» (*transediting*), «языковое посредничество» или «творческая адаптация» (*transcreation*)» [2, с. 58].

Действительно, в зависимости от конкретной области этот термин теснят или заменяют другие термины. Как пишет И. Гамбье: «Локализацией называют не только профессиональную процедуру адаптации лингвистического, культурного и технического содержания; в

широком значении термин используется для обозначения всей индустрии, возникшей вокруг локализации» [2, с. 58].

Часто в научной литературе в качестве синонима локализации используется акронимом GILT (globalization internationalization localization translation – глобализация, интернационализация, локализация, перевод) называют четыре взаимосвязанных и взаимозависимых процесса, составляющих эту индустрию. Хотя порядок следования букв в акрониме указывает на то, какой в идеале должна быть последовательность действий, исторически эти термины возникали ровно в обратном порядке. В переводоведении пересекающиеся методы, истории и попытки теоретизирования практики дают разные результаты» [8, с. 61].

Учитывая разные определения понятия локализации, одним из наиболее приемлемым представляется следующее: «Локализация – это процесс адаптации продукта (программного обеспечения, веб-сайта, документации и т.д.) к языковым, культурным и техническим требованиям определенного региона или страны. Локализация позволяет сделать продукт максимально понятным и удобным для пользователей в разных странах» [7].

Определяя важность полноты и точности терминологической проработки, следует помнить об одном из главных свойств понятийного аппарата – системности. Согласно С. Ю. Головиной: «Понятийный аппарат не просто набор терминов и их определений, а совокупность взаимоувязанных, согласованных и соподчиненных понятий, каждое из которых имеет свои место и назначение. При этом он обладает системообразующими признаками, т.е. представляет собой структурно упорядоченное целостное единство отдельных элементов – понятий, категорий и терминов» [4, с. 72].

В ходе анализа существующих понятий по локализации продуктов различного типа, проведено сопоставление внутренних форм, и выявлены общие и отличительные черты того или иного процесса, целевые продукты каждого понятия, которые помогают раскрыть их суть и «облегчить» работу переводчикам.

Итак, наряду с развитой системой вариативных понятий, некоторые имеют и аббревиатуры как локализация = L10n, интернационализация = i18n, где цифра означает количество пропущенных букв в середине слова – это не только технические термины в современной меняющейся корпоративной среде, но и стратегические методы, однако их часто используют как синонимы. Но они служат различным целям.

Итак, вместо локализации используют следующие слова как 1) процесс адаптации приложения, продукта или документа; 2) комбинирование языка и технологии; 3) фактический процесс адаптации к определенному региону или языку.

Под понятием интернационализация понимают основу, которая готовит продукт или услугу к возможной адаптации на любом

международном рынке; сначала происходит интернационализация, которая гарантирует, что хорошая локализация может быть выполнена без серьезных изменений или доработок; обычно необходимо выполнить только один раз, чтобы продукт был готов к использованию на любом рынке.

Вместо интернационализации используются слова 1) адаптация продукта; 2) процесс проектирования и разработки; 3) проактивная стратегия для компаний; 3) перевод текста на другие языки, проверку приемлемости изображений в данной культурной среде и удаление ненужных ссылок. Важным остается тот факт, что локализация без предварительной интернационализации может занять много времени и ресурсов, а без локализации интернационализация может привести к созданию универсального продукта, который не сможет привлечь местную аудиторию.

При этом можно встретить такие понятия как *language localization* (языковая локализация), обозначающий процесс «адаптации уже переведенного продукта к условиям конкретной страны или региона»; *legal localization* (правовые аспекты локализации).

Особое внимание стоит уделить понятию *transcreation* (транскреация), которое имеет вариативные наименования как бренд-перевод или транскреационный перевод, а также *creative translation / localization / adaptation* (творческий перевод / локализация / адаптация), *adaptive translation* (адаптирующий перевод) или адаптированный перевод. При этом этот вид перевода, наиболее близкий к копирайтингу, и, естественно, самый дорогой. Всякий раз, когда ‘запускается’ новый продукт, необходима профессионально локализованная маркетинговая кампания. Отметим, что данный процесс называют еще и маркетинговым переводом. Его целевые продукты: маркетинговый контент, тексты веб-сайта, рекламных кампаний, слоганы, лозунги, интернет-контент для социальных сетей, где внимание уделяется таким элементам, как контекст, стиль, тон, юмор, игра слов и идиоматическая речь.

Необходимо отметить, что транскреация отличается от перевода тем, что последний касается только текста, жестко привязан к оригиналу, адаптации нет, но с точным соответствием оригиналу. В то время как в процессе транскреации могут измениться фотографии, видео и другие элементы оригинальной рекламной кампании и другого контента; есть свобода действий у профессионального переводчика; работа в команде. При этом процесс транскреации регулирует нормативно-правовые вопросы так как каждая страна имеет свой собственный набор законов, регулирующих многие аспекты бизнеса, включая налогообложение, импорт, экспорт и многое другое. Ориентироваться в этой нормативной среде бывает сложно, особенно для предприятий, не обладающих знаниями на местном уровне и должны учитывать региональные различия в законодательстве о защите данных.

В процессе глобализации в понятийный фонд переводчика-локализатора из маркетинга, а попытка объединить локализацию и поисковую оптимизацию привели к появлению ряда новых терминов как: 1) cross-cultural copywriting (кросс-культурный копирайтинг), cross-market copywriting («кросс-рыночный» копирайтинг), cultural customization (культурная кастомизация), content customization (кастомизация контента), search engine optimization (поисковая оптимизация); 2) SEO localization (локализация с учетом поисковой оптимизации), SEO translation (перевод с учетом поисковой оптимизации), multilingual SEO (многоязычная поисковая оптимизация) и др.

«Термины cultural customization (культурная кастомизация) и content customization (кастомизация контента) в области маркетинга имеют широкое значение «адаптация контента в соответствии с предпочтениями и демографическими особенностями пользователей» [11], включая внутриязыковую адаптацию и персонализацию контента» [1, с. 85].

Все вышеперечисленные термины находятся на периферии терминологического фонда локализации и характеризуют отдельные процессы и, в частности, те изменения, которые сейчас проходят в индустрии перевода в целом и с которыми необходимо работать современному переводчику.

Несомненно, цифровые технологии, проникая во все аспекты переводческой деятельности, меняют облик индустрии перевода таковой. Специалисту в области перевода и локализации [6] следует учитывать и тот факт, что залогом ‘правильной’ локализации продуктов разных типов является владение ‘языком’ целевой аудитории, стратегиями предоставления услуг в сегменте B2B и B2C, практикой понимания и применения основных понятий и процессов адаптации новых продуктов и услуг на международном рынке.

Список использованных источников

1. Ачкасов А. В. Англоязычная терминология локализации // Известия РПГУ им. А.И. Герцена. – 2019. – № 194. – С. 52-59.
2. Баблюк Д. А., Лукинова М. Ю. Особенности перевода ненормативной речи, как проблема локализации компьютерных игр // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы VI международной научно-практической конференции, Симферополь, 28–29 апреля 2022 года. – С. 30-34.
3. Гамбье И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2016. – Вып. 4. – С. 56-74.
4. Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – 180 с.
5. Норец М. В., Османова Л. А. Формирование переводческих тактик при локализации имен собственных игровых персонажей в игре «Honkai impact 3rd» // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VII международной научно-практической конференции, Симферополь, 27-28 апреля 2023 г. – С. 263-268.
6. Профстандарт: 04.015 [Электронный ресурс] URL: <https://classinform.ru/profstandarty/04.015-spetcialist-v-oblasti-perevoda.html>

7. Что такое локализация: значение и использование слова [Электронный ресурс] // URL: <https://fb.ru/article/539333/2023-chto-takoe-lokalizatsiya-znachenie-i-ispolzovanie-slova>
8. Gambier Y. Translation and Translation Studies at the Crossroads of Digital Communications / Y. Gambier // Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism, 2016, issue 4. – pp. 56-74.
9. Mazur I. The metalanguage of localization. Theory and practice // The Metalanguage of Translation / ed. by Y. Gambier, L. Doorslaer. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. – P. 145-165.
10. Pym A. The Moving Text. Localization translation, and distribution. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. – 223 p.
11. What is Content Customization // IGI Global. Disseminator of knowledge. – Mode of access: URL: <https://www.igi-global.com/dictionary/effect-user-location-time-access/5535>

УДК 811.112

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОДКАСТОВ

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии КФУ имени В. И. Вернадского,

Симферополь

У. И. Табакова,

обучающийся магистратуры

Аннотация. Данное исследование посвящено проблеме особенностей аудиовизуального перевода подкастов. В связи с непрекращающимся процессом глобализации востребованность аудиовизуального перевода все больше набирает обороты. В статье представлены результаты анализа основных проблем, с которыми может столкнуться переводчик при переводе медицинских подкастов.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, подкаст.

Summary. This study is dedicated to the problem of the peculiarities of audiovisual translation of podcasts. The demand for audiovisual translation is increasing due to the ongoing process of globalization. This article aims to highlight some of the main issues that a translator may face when translating medical podcasts.

Key words: audiovisual translation, podcast.

Аудиовизуальный перевод, являясь одним из наиболее современных видов перевода с каждым годом становится все более и более востребованным. Глобализация ускорила темпы роста благодаря распространению интернета и спросом на контент, в особенности аудиовизуальный, в социальных сетях. Это привело к потребности в качественном переводе аудиовизуальных произведений. Подкаст – является аудиовизуальным материалом, который может быть представлен конечному слушателю с использованием видео ряда или без него. Как форма коммуникации подкасты способствуют вовлечению аудитории и являются новым инструментом организации публичной дискуссии относительно значимых общественных проблем. Став новой формой предъявления общественно значимого контента, подкаст отвечает различным запросам аудитории [2, с. 104-120].

В настоящее время растет число исследований, посвященных проблемам и особенностям перевода подкастов. Исследования в этой области посвящены лингвистическим, культурным и техническим тонкостям, связанным с переводом аудиовизуального контента. В различных научных работах изучается влияние акцента, культурных особенностей, юмористических элементов и идиоматических выражений на процесс перевода. Кроме того, изучаются вопросы адаптации подкастов для различных целевых аудиторий и сложности передачи задуманного в аудиоформате.

По мере того, как переводу подкастов уделяется все больше внимания, исследователи все чаще изучают уникальные проблемы и лучшие методы, применяемые в аудиовизуальном переводе. Такие исследования не только проливают свет на трудности, присущие переводу подкастов, но и дают ценную информацию для переводчиков, создателей контента и ученых, интересующихся этой областью знаний.

Перевод подкастов имеет ряд свойственных ему особенностей, которые необходимо учитывать, чтобы обеспечить качественный и адекватный контент для аудитории реципиента. На основе обзора имеющихся научных трудов, связанных с особенностями перевода подкастов: Е. А. Воинова [2], А. И. Гуськова [3] и др, а также трудов, исследующих проблемы аудиовизуального перевода: К. В. Асеевой [1], А. В. Козуляева [5], Е. Д. Малёновой [6] и др. нами были выделены трудности, с которыми может столкнуться любой переводчик в процессе работы с подкастами, как одного из видов материала подлежащего аудиовизуальному переводу. Ниже представлены основополагающие моменты, на которые стоит обращать внимание при переводе подкастов, чтобы избежать или минимизировать препятствия на пути к качественной передаче материала.

1. Акцентологическая и диалектологическая адаптация. При наличии в подкасте выражений, акцентов или диалектов, характерных для определенной культуры или региона, переводчику важно обнаружить соответствующие аналоги или пояснения на целевом языке. Перевод акцентов и диалектов в аудиовизуальном контенте сопряжен с рядом уникальных проблем, связанных с тонкостями передачи речевых моделей, культурных особенностей и региональной идентичности [3, с. 33-36]. К примеру, при наличии в англоязычном подкасте фраз, связанных с британским акцентом, переводчик может подобрать соответствующие фразы, с тем чтобы сохранить подлинность контента на целевом языке. В некоторых случаях поиск точных языковых эквивалентов некоторых региональных произношений, просторечий или идиоматических выражений может быть затруднен. Акценты и диалекты вносят свой вклад в богатство культурной и региональной идентичности. При их переводе очень важно обеспечить точность и эффективно передать нюансы оригинальной речи на языке перевода. Для этого может потребоваться глубокое понимание

специфики передаваемого акцента или диалекта. Помимо этого, особенности акцентов и диалектов также отражаются и в культуре, что влияет на этическую составляющую переводческого процесса [7]. В данных случаях переводчику важно передать смысл сказанного, не усилив уже имеющуюся коннотацию, в особенности если она является негативной, и не предав контексту дополнительных негативных смыслов. Акценты и диалекты часто несут в себе социолингвистические ассоциации, связанные с социальным классом, образованием или региональной принадлежностью. Учет этих нюансов при переводе требует тщательной проработки, чтобы точно передать социальный и культурный контекст оригинала.

2. Культурологические особенности. В процессе перевода подкаста требуется учитывать культурологические аспекты, присутствующие в исходном языке, и осуществить адаптации, которые будут доступны и соответствующими для целевой аудитории. К. В. Асеева утверждает, что при аудиовизуальном переводе «нормы устной речи важнее, чем письменной» [1, с. 12-14]. Именно в устной речи можно встретить использование безэквивалентной лексики: имен собственных, реалий и некоторых фразеологизмов. Все они относятся к устной речи, поскольку присутствуют в ней чаще, чем в письменной. Среди вариантов их реализации могут быть использованы какие-либо трансформации примеров, аналогий, референций и юмористических элементов с тем, чтобы они стали более актуальными и были способны обеспечить соответствия новому культурному контексту. Помимо этого, качественный перевод культурологических особенностей также требует естественности, которая может стать препятствием при передаче контента, ориентированного на разную целевую аудиторию. Подкаст рассчитанный на подростковую аудиторию будет лексически отличаться от подкаста, рассчитанного на более взрослую аудиторию [1, с. 12-14].

3. Терминология и сленг в подкастах представляют собой специфическую лексику, характерную для определенной тематики или отрасли. При переводе подкастов крайне важно обладать глубоким пониманием этой терминологии и сленга, чтобы гарантировать точные переводы и передать оригинальное значение и контекст контента. В рамках нашего исследования мы столкнулись с использованием терминов и сленговых выражений в области нейробиологии (неврологии). Несмотря на длительное существование и развитие данной сферы, многие термины не имеют точного эквивалента в словарях в паре английский-русский и русский-английский, и поэтому для их перевода важным является наличие у переводчика требуемых знаний в области нейробиологии и/или консультация с соответствующими экспертами. Нейробиология, как и многие другие области медицины, имеет широкий спектр специализированной терминологии, используемой в клинической практике и при обсуждении, связанных с ней вопросов. Многие термины, используемые в неврологии, имеют латинское или греческое

происхождение и широко вошли в медицинскую терминологию на разных языках. Однако существуют термины, имеющие специфическое английское происхождение и уникальные особенности использования в англоязычных нейробиологических сообществах. Например, «Bell's palsy» – паралич Белла, несмотря на имеющийся эпоним, в русской медицине чаще встречается под названиями «парез лицевого нерва» или «прозоплегия». Также, «demyelination» – «демиелинизация» имеет эквивалент в русской медицине, но он не распространён настолько широко, как в английском языке, и чаще можно встретить термины «миелинопатия» и «миелинокластия» относительно обозначения данного заболевания. Сленговые выражения являются отдельным препятствием на пути переводчика, поскольку зачастую не имеют эквивалентов в языке перевода. Например, «brain fart» ставшее идиоматическим выражением, обозначающим «мозговой глюк», «кратковременный склероз» и т.д.

4. Отсутствие визуального ряда. Существуют различные виды подкастов, самое главное их разделение на подкасты аудио-формата и видео-формата. В контексте подкаста аудио-формата может наблюдаться отсутствие визуальных составляющих, характерных для привычных аудиовизуальных материалов и письменных текстов. В процессе перевода такие особенности создают особые трудности для переводчика, который вынужден в полной мере опираться на аудиоинформацию для того, чтобы понять смысл высказывания и аккуратно передать его на языке-переводчике. В подкастах аудио-формата отсутствует визуальный компонент из-за чего переводчику приходится полагаться лишь на вербальную составляющую. Передать эмоции и интонации, отраженные в устной речи, бывает непросто. При переводе такого формата возникает проблема при передаче сарказма, поскольку переводчику необходимо уловить его при помощи тона, интонации и контекста, а при переводе не исказить смысл. Сарказм в значительной степени зависит от контекста. Перевод сарказма предполагает, что целевая аудитория способна распознать саркастический тон и намерение говорящего. Однако аудитория, принадлежащая к разным культурам, может иметь различные ожидания относительно саркастических выражений, что еще больше усложняет процесс перевода. Формулировки и выражения, используемые для выражения сарказма, могут быть весьма идиоматическими и специфичными для разных культур. Очень важно, чтобы переведенное выражение сарказма звучало на языке перевода естественно и непринужденно [7]. Достижение баланса между верностью оригинальному замыслу и естественностью в языке перевода может представлять определенные трудности для переводчика.

5. Отсутствие аудиозаписи, транскрибированной на исходном языке. В данном случае переводчику следует уделить пристальное внимание оригинальной аудио дорожке, поскольку неточно воспринятое слово или выражение способно причинить как второстепенную ошибку, так и

искажение смысла всего подкаста. Хороший пример – слова «lose» и «loose». Говоря «lose change», человек имеет в виду наличие денег, а говоря «lose change», он сообщает прямо противоположное. Таких слов в английском языке сотни. Другие распространенные примеры: hear/here, accept/except, cash/cache и dessert/desert. Особое внимание при переводе требуется уделить словам и выражениям, подразумевающим метафорическое значение или сложным понятиям, требующим дополнительного контекста для того, чтобы достичь точного понимания и соответствующего перевода.

6. Виды перевода подкастов. При локализации подкаста принимается во внимание специфика окончательного продукта. Подкаст может быть представлен в виде транскрибированного текста и/или соответствующего аудио- или видеοформата. При транскрибировании необходимо учитывать, что подкаст обычно состоит из диалога между двумя или более участниками. В таком случае реплики говорящих должны быть идентифицированы с указанием их имен или их роли, например, «ведущий» или «оратор» и «гость». К тому же, подкаст следует относить к материалам, подлежащим аудиовизуальному переводу, поскольку визуальный синтаксис, видеоряд, шумомузыкальный ряд, значимые надписи и пр. – семиотические системы, прочно связанные с текстовой составляющей аудиовизуального контента и восприятие подкаста как перевода письменного, литературного, препятствует пониманию сущности аудиовизуального перевода [6, с. 32-36]. При переводе в аудио- и видеοформаты необходимо уточнить у заказчика, требуется ли озвучка подкаста (звуковая дорожка поверх исходной) или субтитрирование, либо же создание новой аудиозаписи [5, с. 374-381]. Каждый из этих конечных вариантов имеет свои особенности при переводе.

При осуществлении закадрового перевода важно соблюдать длину оригинальной реплики и стройность речи, что в определенной степени ограничивает свободу действий переводчика. Помимо этого, важно согласовать переведенный текст с оригинальными речевыми элементами, такими как скорость речи, паузы и общий темп, чтобы обеспечить естественность и целостность новой звуковой дорожки. Особенности и нюансы речи персонажей, звуковые эффекты или атмосфера оригинальной звуковой дорожки должны быть учтены в закадровом переводе, чтобы сохранить подлинность прежней атмосферы.

При создании субтитров следует учитывать скорость смены реплик и их отображение на экране. Зрителю должно хватать времени прочитать предложение, прежде чем реплика перейдет к следующей. Также, если подкаст изначально представлял собой лишь аудиоформат, то при создании субтитров может потребоваться создание нового видеоряда, который, как правило, представляет собой не сменяющуюся картинку-заставку. Некоторые подкасты имеют свою собственную обложку, которая может быть использована в роли картинку-заставки. При ее отсутствии

следует использовать логотип исходного источника материала и/или заказчика перевода и указывать какую-либо информация о них при имеющихся требованиях. Как правило, при указании данных заказчика должно быть указано кем и для кого выполнен перевод. В редких случаях перевод аудио-подкаста в видеоформат может представлять с собой черный экран со сменяющимися субтитрами. При выборе данного варианта следует учитывать возможное влияние конечного продукта на восприятие контента зрителями.

При записи перевода подкаста, который представляет собой самостоятельную аудиодорожку, переводчик не ограничен временными рамками, что существенно упрощает процесс перевода. При выборе данного варианта перевода, хоть частично и облегчается работа переводчика, могут возникнуть проблемы с авторскими правами. Лицензированный перевод ограничивается требованиями автора материала.

Также переводчик должен принимать во внимание целевую аудиторию, цели и задачи перевода. Например, перевод комедийных подкастов потребует более пристального внимания к сохранению юмористического эффекта, в то время как перевод специализированного подкаста потребует более формального и точного подхода. Успешное выполнение перевода подразумевает учет и адаптацию контента под ожидания и предпочтения целевой аудитории, стремясь сохранить важные аспекты и передать значение и стиль оригинала.

С учетом перечисленных в данной статье особенностей, переводчики подкастов стремятся сохранить подлинность и целостность оригинального контента, адаптируя его для целевой аудитории и поддерживая высокое качество перевода в аудиовизуальном формате.

Список использованных источников

1. Асеева К. В., Пупина Ю. Г. Эквивалентность аудиовизуального перевода. Вестник ММА. – 2022. – № 2. – С. 12-14.
2. Воинова Е. А. Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды. Москва: Социально-гуманитарные знания, 2018. – С. 104-120.
3. Гуськов А. И. Что такое «подкаст» и как с ним работать // Языковое поликультурное образование. Выпуск 3. – Тамбов: ТГУ им Г. Р. Державина, 2009. – С. 33-36.
4. Кислицына Н. Н., Чернявская О. Г. Композиционные, стилистические и лексические особенности интернет-коммуникации (на материале англоязычных блогов профессиональной направленности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 368-373.
5. Козуляев А. В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности // XVII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. – Т. I. – СПб, 2013. – С. 374–381.
6. Малёнова Е. Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 2 (12). – С. 32-36.

7. Норец М.В., Злюфарова Ш.З. Особенности перевода медиатекста интернет-СМИ // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 26-27 апреля 2021г. – С. 220-224.

8. Mikolaj Deckert, Audiovisual Translation: Research and Use [Electronic Resource] // Edited by Barbara Lewandowska-Tomaszczyk, Lukasz Bogucki. – Mode of Access: URL: <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/50109/1/9783631776407.pdf> (дата обращения 06.11.2023)

УДК 811.133.1`25:82

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА УНИВЕРСАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ КРАСОТА В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(на материале русского и французского языков)

В. С. Зибя⁸,

обучающийся аспирантуры, кафедра русский филологии и журналистики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются особенности передачи понятия «красота» при сопоставлении оригинала и перевода на французский язык текстов русской классической художественной литературы на примере романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Описываются стилистические средства репрезентации указанного понятия, выделяются трансформации и приемы перевода с учетом лингвокультурных особенностей.

Ключевые слова: красота, перевод, французский язык, лингвокультурные особенности.

Summary. This article examines the peculiarities of the transmission of the concept of "beauty" when comparing the original and the translation into French of texts of classical literature. The stylistic means of representation of the concept are analyzed, translation techniques are highlighted, taking into account linguistic and cultural characteristics.

Key words: beauty, translation, French language, cultural features.

Одним из ключевых феноменов культуры во все времена являлась красота. Красота как категория эстетики выражает идею совершенства, гармоничного соединения различных элементов и предназначена для эстетического наслаждения. Понятие «красота» входит в число фундаментальных ценностных ориентиров, оказывающих воздействие на человеческую активность и формирующих отношение человека к окружающему миру и другим людям.

Несмотря на универсальность рассматриваемого понятия, перевод объективирующих его языковых единиц является сложным и многогранным процессом, поскольку помимо собственно языковых особенностей необходимо учитывать традиции сложившегося в той или иной культуре восприятия феномена красоты. По мнению А. Д. Швейцера, «перевод может быть определен как однонаправленный и двухфазный процесс

⁸ Научный руководитель: д. филол.н., профессор М. В. Милованова

межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде... Процесс, характеризующийся установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [3, с. 10]. Обратим внимание, что перевод, являющийся эквивалентным в художественном отношении, не обязательно будет эквивалентным в языковом отношении, по меньшей мере в некоторых аспектах. А. В. Федоров утверждает, что «перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [2, с. 11].

Цель данного исследования – провести анализ сравнения исходного текста с его переводом и выявить, насколько переводчику удалось сохранить уникальные особенности оригинала. Объектом исследования являются языковые единицы, репрезентирующие понятие красоты, на материале текста романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир», предметом – способы передачи феномена «красота» в переводе на французский язык.

Понятие «красота» входит в число универсальных лингвокультурных феноменов и представляет собой внутреннюю и внешнюю оценку объектов внешнего мира. Процесс перевод такого понятия, как «красота», обладает своей уникальной спецификой. Это связано с тем, что в таких случаях переводчик сталкивается с сформированной системой значений и авторским индивидуальным толкованием, прибегая к авторской системе толкования для формирования собственного понимания на ее основе.

Рассмотрим следующие примеры:

<p>«Слегка шумя своею белою бальною робой, убранною плющом и мохом, и блестя белизной плеч, глянецом волос и бриллиантов, она прошла между расступившимися мужчинами и прямо, не глядя ни на кого, но всем улыбаясь и как бы любезно предоставляя каждому право любоваться красотою своего стана, полных плеч, очень открытой, по тогдашней моде, груди и спины, и как будто внося с собою блеск бала, подошла к Анне Павловне» [1, с. 3].</p>	<p>Frôlant à peine, de sa toilette blanche garnie de lierre et d'herbages, les hommes, qui se reculaient pour la laisser passer, elle avança toute scintillante du feu des pierreries, du lustre de ses cheveux, de l'éblouissante blancheur de ses épaules, symbole vivant de l'éclat d'une fête. Elle ne regardait personne ; mais, souriant à tous, elle accordait pour ainsi dire à chacun le droit d'admirer la beauté de sa taille, ses épaules si rondes, que son corsage échancré à la mode du jour laissait à découvert, ainsi qu'une partie de la gorge et du dos [5, с. 21].</p>
---	---

Феномен «красота» реализуется в данном примере при помощи метафор «белизной плеч», «глянецом волос», «блеск бала» и эпитета «полных плеч», что демонстрирует совершенную, безмерную красоту, лишённую всяких изъянов. При переводе на французский язык происходит членение предложения для достижения адекватного перевода по причине структурно-семантических различий между языками. Переводчик прибегает к

грамматической трансформации и меняет порядок слов: если в русском языке внимание акцентируется на «белизне плеч» и «глянце волос», то во французском языке красоту героини приравнивают к сиянию драгоценных камней («*toute scintillante du feu des pierreries*»). Прием лексического добавления «белизны плеч» – «*l'éblouissante blancheur de ses épaules*» (ослепительной белизны плеч) усиливает эффект и создает идеальный образ. Особого внимания заслуживает последняя часть «*symbole vivant de l'éclat d'une fête*»: в переводе на французский язык главная героиня благодаря своему прекрасному наряду и удивительной красоте становится живым символом праздничного блеска, в то время как в оригинале она приносит с собою «блеск бала».

В следующем примере также можно наблюдать изменение порядка слов и смещение некоторых акцентов:

<p>В соседний бенуар вошла высокая, красивая дама с огромною косой и очень оголенными, белыми, полными плечами и шеей, на которой была двойная нитка больших жемчугов, и долго усаживалась, шумя своим толстым шелковым платьем [1, с. 149].</p>	<p>Au même moment, <i>une grande et belle personne</i> entra dans la loge voisine ; <i>une magnifique natte de cheveux blonds était posée en diadème sur sa tête</i> ; elle avait autour du cou un collier de grosses perles à double rang, et ses épaules, très décolletées, étaient remarquables par leur blancheur et leur forme irréprochable. Elle mit beaucoup de temps à s'asseoir, et étala avec fracas la riche étoffe de sa robe [5, с. 128].</p>
--	---

Ряды однородных членов, придаточные предложения создают образ идеальной женской красоты того времени. При переводе этот образ удастся сохранить при помощи модуляции. Так, единица «с огромною косой» в тексте на французском языке раскрывается следующим образом: «*une magnifique natte de cheveux blonds était posée en diadème sur sa tête*» – «великолепная копна светлых волос была уложена тиарой на ее голове». В данном случае дается подробное описание: в оригинале не говорится о цвете волос и форме прически. Последняя подчеркивает блеск, величественность и красоту русской дамы.

Заметим, что описание красивого образа не всегда в полной мере передается в переводном тексте. Так, переводчик сохраняет ключевые элементы, однако образ теряет свою привлекательность, как в следующем примере:

<p>Несколько раз, взглянув по тому направлению, он замечал за дверью, в розовом платье и лиловом шелковом платке на голове, полную, румяную и красивую женщину с блюдом, которая очевидно ожидала входа главнокомандующего [1, с. 201].</p>	<p>Le prince André regarda et <i>aperçut une femme, jeune, jolie, habillée de rose, et coiffée d'un mouchoir de soie mauve</i>; elle tenait un plateau [5, с. 507].</p>
---	---

Во французском переводе наблюдается инверсия, которая с первых строк меняет восприятие образа: «в розовом платье и лиловом шелковом платке на голове, полную, румяную и красивую женщину с блюдом» – «*une femme, jeune, jolie, habillée de rose, et coiffée d'un mouchoir de soie mauve; elle tenait un plateau*». В оригинале сначала описывается одежда, затем лицо и

телосложение. Переводчик прибегнул к приему опущения, исключив единицы «полную» и «румяную», сделав образ типичным. Стоит обратить внимание на лексические единицы «красивая» – «*jolie*». В универсальном энциклопедическом словаре Larousse даются следующие варианты перевода: 1) милый, 2) очаровательный, 3) прелестный, 4) прекрасный, 5) красивый. Данная единица обозначает красоту внешнюю, поверхностную, в то время как «красивая» означает красоту эталонную, абсолютную, идеальную [4].

Таким образом, данное исследование позволило выявить некоторые особенности репрезентации понятия «красота» на примере отдельных текстов художественной литературы. В результате анализа были установлены ведущие лексемы и стилистические средства, репрезентирующие данное понятие, а также определены трансформации и переводческие приемы, которые способствуют достижению адекватного перевода с учетом лингвокультурных особенностей.

Список использованных источников

1. Л. Н. Толстой. Война и мир. Том первый. Часть третья. // Интернет Библиотека Алексея Комарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/11/p.52/index.html> (дата обращения: 29.01.2024).
2. Федоров А. В. Основы общей теории перевода: Лингвистические проблемы. – М.: Высш.шк., 1968. – 303 с.
3. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
4. Larousse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.larousse.fr/> (дата обращения 30.01.2024).
5. Tolstoï L. La Guerre et la Paix. Tome 1 // Интернет-библиотека «Классика Книги» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://klassikaknigi.info/vojna-i-mir-na-frantsuzskom-yazyke/> (дата обращения: 29.01.2024).

УДК 811.112.2

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ДИСЦИПЛИН В ДОКУМЕНТАХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ И ФРГ

А. Н. Злобин,

кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск

Т. А. Федькина,

обучающийся специалитета, кафедра перевода и переводоведения

Аннотация. В статье описываются проблемы перевода наименований дисциплин в документах высшего образования ФРГ и РФ. В качестве материала используется выборка документов высшего образования. В статье представлен анализ на соискание эквивалентов и способов перевода учебных дисциплин, сопоставление русского перевода с оригиналом и анализ переводной терминологии.

Ключевые слова: документ, транслатологический анализ, транслатологическая характеристика, реквизит, содержательная часть документа.

Summary. The article describes the problems of translating the names of disciplines in documents of higher education in Germany and the Russian Federation. Modern articles from magazines and online dictionaries are used as material. The article presents an analysis of the search for equivalents and translation methods, a comparison of the Russian translation with the original and an analysis of translation terminology.

Key words: document, translational analysis, translational characteristics, details, content of the document.

Каждый документ имеет определенную структуру, которая диктуется конвенциями. Для документов физических лиц это структура подразделяется на три части: заголовочная, содержательная и оформительская.

В каждой части прикреплены определенные реквизиты.

Реквизит – это обязательные данные, установленные законом или положениями для документов; отсутствие в документе хотя бы одного из реквизитов лишает его держателя возможности использовать документ для той цели, для которой он предназначен [3].

В данной статье будут рассмотрены реквизиты содержательной части, поскольку именно они вызывают больше трудностей перевода с исходного языка на язык перевода.

Содержательная часть документа – это основная часть документа, зачастую имеет линейный и связный текст, либо таблица, либо анкета. Содержательная часть в каждом документе имеет разную форму. К содержательной части документов академической сферы относят следующие реквизиты: текст, таблицы, графы, строки, заголовки таблиц, граф, строк, отметка о наличии приложения [2; с. 89].

Начнем с того, что вузовские документы, как и любые другие документы, – это носители информации, которые нужны для хранения содержащихся в них информации [1; с. 32]. Но в зависимости от органа, места выдающего документ, они могут различаться. Таким образом документы разных стран будут отличаться значительней.

В результате сравнения приложений российских и немецких дипломов были установлены следующие различия: в немецком приложении не указаны сведения о предыдущем образовании, срок обучения, форма обучения и в части дисциплин отсутствует табличная форма заполнения; отсутствует регистрационный номер, сведения о предыдущем образовании, присвоенная степень, количество лет обучения, форма обучения, дополнительные сведения об организации. В российском приложении прописаны виды практик и их количество, что способствует более полному представлению о навыках студента. В немецком приложении названий практик нет. В немецком дипломе в отличие от русского присутствует: диплом, примечание, общие оценки.

Из сравнительно анализа видно, что различий не так много, как по содержанию, так и по структуре.

В ходе сравнительного анализа перечня немецких и российских вузовских дисциплин была выявлена их транслатологическая специфика, то

есть способы перевода дисциплин.

Туда входят следующие способы образования:

- составные существительные;
- словосочетания / словосочетания с интернационализмами;
- интернационализмы;
- дисциплины, которые различаются по своему наименованию, но означают схожие в академической сфере РФ и ФРГ предметы;
- наименования-лакуны.

Не смотря, на сформированную специфику она является обобщенной, поскольку наименования дисциплин могут иметь несколько характеристик одновременно.

На основе транслатологической специфике были подобраны способы перевода для решения проблемы.

Способы перевода:

- **простая подстановка** (полное соответствие эквивалентов в их словарном и семантическом значении с ИЯ на ПЯ), например,

философия – Philosophie;

математика и информатика – Mathematik und Informatik;

- **узуальная подстановка** (применяется при полном отсутствии эквивалента на ПЯ, но при этом употребляется узуальное семантическое значение исходного слова), например,

культурология – Kulturwissenschaft;

правоведение – Rechtswissenschaft;

- **простая альтернативная подстановка** (применяется, если транслеме ИЯ соответствует две и более языковые единицы ПЯ, каждая из которых обозначает лишь некоторую часть из широкого спектра признаков, заключенных в сигнификате языковой единицы ИЯ, например:

экономика / экономическая теория – Wirtschaftslehre /-wissenschaft, Okonomie;

- **сложная альтернативная подстановка или дифференциацией значения** (в этом случае значение исходного слова пересекается с полисемантическим словом на языке перевода и эквивалент может описывать назначение дисциплины), например,

основы безопасности жизнедеятельности – Sicherheit und Selbstschutz in extremalen Lebenssituationen;

Базовые универсальные переводческие умения/приемы, задействованные в переводе наименований дисциплин постоянны, в том числе и комплексные:

- добавление + замена одной части речи другой: *Stahlbau – Возведение стальных конструкций;*

– опущение: *использование современных информационных и коммуникационных технологий в учебном процессе – Moderne Informations- und Kommunikationstechnologien im Unterrichtsprozess;*

- конкретизация: *Wasserwesen – Системы водоснабжения;*

– генерализация: *физическая подготовка, физкультура – Sport;*

– перестановки: *Software Ergonomie – Эргономика программного обеспечения*;

– замена одной части речи другой: *Software Engineering – Программная инженерия*;

– смысловое (логическое) развитие понятия: *Verwaltungswirtschaft – Экономика предприятия и организация производства*.

При выборе способов и приемов перевода наименований дисциплин содержательной части документов о высшем образовании переводчик должен руководствоваться следующими ключевыми мотивами: стремлением избежать буквализмов, стремлением идиоматизировать перевод на уровне способа описания ситуации, приблизить его к нормам ПЯ, стремлением, (если это допустимо) к более компактному варианту перевода и желанием донести релевантную фоновую информацию или снять избыточную информацию.

Список использованных источников

1. Воробьев Г. Г. Документ: информационный анализ. – М.: Наука, 1973.
2. Злобин А. Н. Проблемы перевода наименований русских и немецких документов физических лиц в аспекте деловой коммуникации. [Электронный ресурс] // Научные исследования и разработки современная коммуникативистика. – 2023. – №3. – URL: <https://spr.fld.mrsu.ru/2023/06/a-n-zlobin-2/> (дата обращения 23.02.23)
3. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – 2000–2016. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/100836> (дата обращения 12.06.2023)

УДК 81'255

РОЛЬ КОНТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЛЕКСИКИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ю. П. Иванашко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Е. А. Процукович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,

Амурский государственный университет, Благовещенск

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме достижения переводческой эквивалентности при передаче значений различных видов лексических единиц (многозначные слова, фразеологизмы, реалии, безэквивалентная лексика и др.) с учётом лингвистического контекста. Рассматриваются виды узкого и широкого контекста и их особенности. Предлагается комплекс упражнений, направленных на приобретение и закрепление навыков перевода контекстно обусловленной лексики с английского на русский язык.

Ключевые слова: контекст, узкий контекст, широкий контекст, многозначная лексика, ИЯ (исходный язык), ПЯ (язык перевода), эквивалентность перевода, типы упражнений

Summary. The paper focuses upon the translation equivalence of lexical units (multivalent words, idioms, culture-bound words, etc.) in a source and a target language within the language context. The types of limited and broad context and their peculiarities are considered. A set of exercises is proposed aimed at acquiring and consolidating the skills of contextually determined lexical units' translation.

Key words: context, limited context, broad context, multivalent words, target language, source language, translation equivalence, task types

Настоящая статья продолжает цикл методических работ по переводу и представляет собой практические рекомендации для обучения студентов направления подготовки 45.04.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика» навыкам работы с письменными текстами на английском языке с учётом узкого и широкого контекста при их переводе различных видов лексики (многозначные слова, реалии, фразеологизмы, разговорная лексика, безэквивалентная лексика и др.) на русский язык [3, 4].

Под контекстом в переводческой практике подразумевается лексическое и синтаксическое окружение той или иной языковой единицы. Выделяют два основных типа контекста: узкий и широкий. Узкий контекст, как правило, ограничен рамками предложения, широкий подразумевает всё языковое окружение, выходящее за пределы предложения. Узкий контекст включает в себя синтаксический и лексический. Первый вид контекста представлен синтаксической конструкцией, в которой реализуется лексическая единица, словосочетание или часть предложения. Лексический контекст являет собой все лексические единицы и устойчивые сочетания, в окружении которых используется то или иное слово [1, с. 169-170].

В современной переводческой практике, включающей в себя перевод художественной литературы, публицистики, научно-технической документации, художественных фильмов и т.д. нередко отмечается игнорирование переводчиками разных видов контекста, что иногда приводит не только к неверному восприятию читателями произведения и нарушению эстетики исходного текста в переводе, но и порой влечёт необратимые последствия для его получателей (травмы операторов машинного и другого сложного технического оборудования, выход из строя техники, некорректное прочтение юридических и других документов и т.д.).

Рассмотрим случаи неправильного перевода лексических единиц в текстах художественной литературы. В первом примере приведён отрывок из романа Л. М. Олкотт «Маленькие женщины» в переводе Ю. Шматько:

*You said the other day you thought you were a deal happier than **the King children**, for they were fighting and fretting all the time, in spite of their money* [8, с. 5].

*«Ты же на днях говорила, что мы счастливее, чем **королевские дети**, потому что они все время ссорятся и строят друг другу козни, несмотря на свои богатства»* [6].

Как видно из представленных фрагментов оригинального и переводного текстов, переводчик проигнорировал широкий контекст произведения – словосочетание *the King children* было передано как «королевские дети», несмотря на то, что семья Кингов упоминалась в романе многократно, в том числе автор отдельно описывал мистера и

миссис Кинг, а также их детей:

I heard Mrs. King crying and Mr. King talking very loud, and Grace and Ellen turned away their faces when they passed me, so I shouldn't see how red and swollen their eyes were [8].

В следующем примере представлен фрагмент романа Д. С. Фоеера «Жутко громко и запредельно близко» и его перевод В. Арканова:

«... I wanted to make him crack up, because if I could make him crack up, my boots could be a little lighter» [9, с. 12].

«... мне хотелось, чтобы он по-настоящему раскололся, потому что, если бы у меня получилось по-настоящему его расколоть, гири на сердце стали бы чуть-чуть полегче» [7, с. 18].

В. Арканов переводит фразовый глагол *crack up* словом «расколоть», которое в русском языке имеет значение «вынудить признаться в чём-то, рассказать правду» [2, с. 526] – в связи с такой передачей оригинального глагола читателю сложно уловить смысл сказанного автором. Нужно отметить, что слово *crack up* используется главным героем произведения очень часто по отношению к себе и другим людям и нередко как узкий, так и широкий контекст указывают на истинное значение данного глагола – «рассмеяться», «расхохотаться» (см. следующий пример):

That made me crack up a little, even though I know there's nothing funny about being a mental retard [9, с. 56].

Тем не менее, и в данном, очевидном, контексте переводчик продолжает передавать слово *crack up* неверным русским глаголом:

Тут я немного раскололся, хотя и знаю, что нет ничего смешного, когда человек – дегенератор [7, с. 58].

Как видно из примеров, проблема учёта контекста требует большого внимания как со стороны профессиональных переводчиков, так и преподавателей, осуществляющих подготовку будущих кадров для переводческой сферы. При планировании и разработке учебных курсов необходимо обязательное включение в них теоретических и практических заданий, направленных на работу студентов с лексикой, помещённой в узкий и широкий контекст – это позволит не только нивелировать ошибки при передаче оригинальных слов и словосочетаний на языке перевода, но и значительно расширить тезаурус студентов, обогатив его новыми контекстуальными значениями.

Авторами настоящей статьи был разработан комплекс упражнений, нацеленных на обучение студентов анализу языковой ситуации (контекста) и выбора максимально адекватных соответствий искомым иноязычным лексическим единицам в русском языке [5, с. 101-106]. Приведём некоторые примеры упражнений, способствующих развитию у студентов навыков работы с контекстом.

Упражнение 1. Переведите следующие предложения, обращая внимание на узкий контекст.

1. Jill has an angry look. / The mall has a modern look.
2. I never charge you a dime, Phil. / Scrooge told his board of directors of how he'd earned the dime by cleaning the muddied boots of Burt the Ditch Digger, inspiring him to move to America as a child to find his fortune.
3. She's put two level tablespoons of flour into the batter to make it thicker. / The level of the world ocean is constantly rising.
4. He has been studying forever. / People of our country will remember those dreadful events of the war forever.
5. The patient's right pupil is dilated. / Each pupil participated in the conference.
6. A 2 hours bike ride. / We let the boat go with the current and then ride on the water close to the shore.
7. If you want to get a new skill, subscribe to this online course. / They all acted with great skill and conviction.
8. She was sucking ice coffee through the straw. / Suck this lozenge to relieve the pain in your sore throat.

Упражнение 2. Переведите следующие предложения, обращая внимание на узкий и широкий контекст.

1. There was a table near the barbecue pot. There maybe half a **dozen jars and cans on it**. One was a **can** of charcoal lighter fluid.
2. 'Absolutely not. My Pepsi is your **Pepsi**.' She twisted the **cap** off the bottle and **drank deeply**. Paul thought: **Chug-a-lug, chug-a-lug, make ya want to holler hi-de-ho**. Who was that? **Roger Miller**, right? Funny, the stuff your mind coughed up. Hilarious.
3. Interspersed among the account of the trial were Letters to the Editor printed in the **Denver and Boulder newspapers**. Paul understood that Annie had been driven to cull only the most hostile ones – those which reinforced her jaundiced view of mankind as **Homo brattus** – but they were vituperative by any standards.
4. 'You lie,' Annie whispered. 'I thought you were *good*, but you are not *good*. You are just a lying **old dirty birdie**.'
5. He also saw gooey splatters of food on the housecoat, but she had only managed to get on one of her **slippers**. **Thud-slush**, went Annie's feet as she approached him. **Thud-slush, thud-slush, thud-slush, thud-slush**. Her hair hung around her face. Her eyes were dull [10].

Упражнение 3. Переведите отрывок текста, обращая внимание на узкий и широкий контекст.

"I think we're going to find him. If we do, your lawyer – Schron – goes downtown to fill in Pete Huntley. He does the rest. We still see eye to eye on that, don't we?"

"Yes. But until then, he's ours. We still see eye to eye on that, right?"

"Absolutely."

He's cruising down Lake Avenue now, and there's a spot right in front of

the late Mrs. Wharton's building. When your luck is running, it's running. Hodges backs in, wondering how many times Olivia Trelawney used this same spot.

Janey looks anxiously at her watch as Hodges feeds the meter.

"Relax," he says. "We've got plenty of time."

As she heads for the door, Hodges pushes the LOCK button on his key-fob. He doesn't think about it, Mr. Mercedes is what he's thinking about, but habit is habit. He pockets his keys and hurries to catch up with Janey so he can hold the door for her.

He thinks, I'm turning into a sap.

Then he thinks, So what? [11].

Упражнение 4. Переведите отрывок текста, обращая внимание на узкий и широкий контекст.

Brady calls Shirley Orton at the ice cream factory. Once more pinching his nose shut, he tells her she better put Rudy Stanhope on alert for later in the week. He says he'll try to get in Thursday or Friday, but she better not count on it; he has the flu.

As he expected, the f-word alarms Shirley. "Don't you come near this place until you can show me a note from your doctor saying you're not contagious. You can't be selling ice cream to kids if you've got the flu."

"I dno," Brady says through his pinched nostrils. "I'be sorry, Shirley. I thing I got id fromb by mother. I had to put her to bed." That hits his funnybone and his lips begin to twitch [11].

Рассмотренные выше упражнения являются частью комплекса заданий, разработанных авторами настоящей статьи, и направлены на формирование и закрепление навыков перевода различных видов контекстуально обусловленной лексики. Систематичное и последовательное выполнение студентами подобных упражнений позволяет им понять важность учёта лингвистического окружения при переводе текстов и избежать возможных ошибок в дальнейшей профессиональной деятельности.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. Изд. 5-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 240 с.
2. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
3. Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Достижение эквивалентности при передаче прагматических значений: методический аспект // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VI междунар. научно-практич. конф. – Симферополь, 2022. – С. 132-136.
4. Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Достижение эквивалентности при передаче референциальных значений: методический аспект // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VII междунар. научно-практич. конф. – Симферополь, 2023. – С. 106-111.
5. Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Практический курс перевода (учебное

пособие для студентов языковых (45.03.03; 45.04.03) и неязыковых направлений подготовки). – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2021. – 215 с.

6. Олкотт Л. М. Маленькие женщины. Пер. с англ. Ю. Шматько [электр. ресурс] – URL: <https://www.litres.ru/book/luiza-mey-olkott/malenzie-zhenschiny-65303551/chitat-onlayn/> (дата обращения: 26.01.2024).

7. Фокс Д. С. Жутко громко и запредельно близко; пер. с англ. В. Арканова. – Москва: Эксмо, 2021. – 416 с.

8. Alcott L. M. Little women. Exclusive Classics, 2022. – 384 p.

9. Foer J. S. Extremely loud & Incredibly close. Penguin Books, 2012. – 326 p.

10. King S. Misery. – London: Hodder & Stoughton. 2011. – 369 p.

11. King S. Mr Mercedes. – London: Hodder & Stoughton. 2014. – 405 p.

УДК 81'25 +004.946

ИСКУССТВО ПЕРЕВОДА В ВИРТУАЛЬНУЮ ЭПОХУ

К. А. Исхакова⁹,

обучающийся бакалавриата, кафедра культурологии, факультет философии, культурологи и искусства, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация. Современные реалии вызывают серьезные изменения в самых разных областях научного знания, а развивающиеся технологии вытесняют человека из многих профессий. В этой статье рассматривается как влияет виртуальная эпоха на переводческую деятельность, какие изменения произошли в отрасли и к каким последствиям это может привести.

Ключевые слова: искусство, виртуальная эпоха, художественный перевод, цифровизация, автоматизация, машинный перевод, искусственный интеллект, нейросети.

Summary. Modern world realities are causing major changes in many different areas of scientific knowledge, and evolving technologies are displacing humans from many professions. This article reviews how the virtual era is affecting translation practice, what changes have taken place in the industry and what consequences this may lead to.

Key words: art, virtual era, literary translation, digitalization, automation, machine translation, artificial intelligence, neural networks.

Как известно, каждая эпоха определяет свои собственные лидирующие формы культуры, способные обеспечить качественное удовлетворение потребностей человека, то есть наиболее действенные с точки зрения удовлетворения своих социальных функций, что, несомненно, улучшает взаимопонимание и консолидацию членов общества. «Современную эпоху принято называть информационной, обусловленной формированием глобальной медиасреды, основанной на новейших цифровых технологиях, что доказывает ее воздействие на все сферы социально-культурной деятельности.» [1, с. 9]. Пospорить с этим определением тяжело, ведь уже во второй половине XX века Э. Тоффлер изложил концепцию «информационного общества». Глобализация внесла серьезные коррективы в жизни людей. Коренным образом изменились

⁹ Научный руководитель: д.филос. н., профессор О. Р. Демидова

многие сферы научного знания. Развитие цифровых технологий не обошло стороной и переводческую деятельность. В этой статье мы рассмотрим влияние виртуальной эпохи на перевод.

Виртуальная эпоха – термин до сих пор не имеющий тождественного понимания как в социальной, так и научной среде. В рамках интересующей нас области необходимо обусловить, что его понимание сужается до уровня межкультурной коммуникации по средствам языка.

Как пишет О. И. Костикова: «перевод – это передача информации, заключённой в исходном сообщении от одного коммуниканта к другому, предполагающая переход от одного кода к другому» [2, с. 9]. Она также отмечает обязательность наличия определенного канала - материальной основы для передачи информации. «Использование того или иного канала передачи информации существенно влияет на все аспекты переводческой деятельности, в том числе на технологию и стратегию перевода. Кроме того, если рассматривать историю перевода с точки зрения канала передачи информации, то возможно увидеть целый ряд отдельных периодов, в каждом из которых главенствовал тот или иной канал» [2, с. 9]. Очевидно, что в современных реалиях в роли такого канала выступает мировая сеть Интернет.

Технологии машинного перевода известны уже давно, и многие переводческие бюро приспособились к работе с ним. Естественно, структура переводческой деятельности претерпела ряд изменений. Стандартная модель «заказчик – переводчик – заказчик», где решением всех задач занимался именно переводчик и в частных случаях редактор, используется все реже. Гао Цзяи предлагает рассмотреть несколько новых, набравших популярность моделей:

«Форма 1: Автоматизированный перевод + Нейросетевой машинный перевод + Постмашинное редактирование» [3, с. 81]. Этот способ переводческие агентства используют повсеместно. Автоматизированный перевод, основывающийся на принципах статистического или аналитического машинного обучения заметно упростил этап первичной работы с текстом. Создание так называемого «подстрочника», для которого необходима высокая точность, для человека требовал больших временных затрат. Современные переводческие системы цифрового формата многократно ускоряют этот этап. Но технологии, используемые в таких системах, в силу низкой обучаемости не способны производить полный контекстный анализ и подбирать стилистически и эмоционально окрашенный эквивалент в языке перевода, поэтому требуется дополнительная корректировка с помощью нейросетевого перевода. Его структуры наиболее обучаемы, что позволяет проводить анализ контекста и в некоторых случаях идиом и устойчивых выражений. Даже при таком подходе эмоциональная и стилистическая составляющая текста требует человеческой редактуры.

В качестве второй формы Гао Цзяи выдвигает «самообслуживание».

Его особенности я предлагаю рассмотреть позже, так как этот аспект имеет социально-культурную направленность.

«Форма 3: Нейросетевой машинный перевод + Краудсорсинговое постредактирование + Краудсорсинговая корректура человеком.» [3, с. 82]. В таком способе этап машинного перевода опускается и переходит сразу к использованию нейросетевых технологий. Третья форма предполагает использование краудсорсинговых сервисов, разделяющих одну сложную задачу на множество маленьких, которые выполняются по-отдельности различными узкоспециализированными системами. Такой подход объединить сразу несколько аспектов продукта. Краудсорсинговая корректура человеком – не что иное, как коллективная редакция. В связи с этим важно отметить, что виртуальная эпоха делает возможной такую многостороннюю коммуникацию. Удаленное общение давно вошло в норму не только повседневного общения между людьми, но и рабочей связи. Как пишет Н. К. Гарбовский, «все чаще письменный текст воспринимается, в том числе и переводчиком, не со страниц бумажной книги, а из цифровых источников, т.е. в форме текста на электронных носителях после его цифровой обработки» [4, с. 69]. В таком же формате производится и редакция, что заметно упрощает данный процесс, ведь время отправки электронного письма составляет порой не больше минуты. Этим обусловлена тенденция к дистанционной работе переводчиков, которая набирает свои обороты после пандемии COVID-19. В 2019-2020 годах практика перевода из дома являлась необходимостью, позволившей протестировать его возможности на практике. Те задачи, которые оказались трудноразрешимыми в виртуальной среде связаны в основном с бедностью функционала доступных инструментов. Но технический прогресс не стоит на месте и, вероятно, в недалеком будущем эта проблема будет решена.

Благодаря таким технологиям перевод становится общедоступной деятельностью. Чудесами науки пользуются не только профессиональное сообщество переводчиков, но и любители. С каждым годом на бирже труда возрастает число индивидуальных предложений по услугам переводчика. Из-за этого качество готового «продукта» – текста значительно ухудшается. «Опасность плохого художественного перевода связана с искажением художественных образов оригинала, принижением литературных достоинств произведения. Трудности же нехудожественного перевода заключаются в неточностях переводимой информации, грубых ошибках технического, коммерческого, дипломатического переводов, которые могут привести к обострению политических конфликтов, моральным и материальным издержкам.» [5, с. 416]. Доступность некачественных переводов может привести к серьезным социокультурным последствиям. Повышение порока вхождения в профессию «переводчик» и более строгая редакция выкладываемых в сеть Интернет переводов – необходимые условия для

сохранения культурного богатства человечества.

Перевод – творческая деятельность. Виртуальная эпоха значительно упрощает освоение ее теоретических основ, однако вклад человека в результат все еще бесспорно велик.

Список использованных источников

1. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография / О. Н. Астафьева, Л. Б. Зубанова, Н. Б. Кириллова, Е. В. Никонорова, О. В. Шлыкова и др. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 292 с.
2. Костикова О. И. История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе // Вестник Московского университета. – Сер. 22. Теория перевода. – 2011. – № 2. – С. 3-22.
3. Гао Ц. Структура переводческой деятельности в эпоху цифровизации. – М.: Litera. – 2022. – № 10. – С. 72-86
4. Гарбовский Н. К. «Цифровой перевод». Современные реалии и прогнозы // Русский язык и культура в зеркале перевода: IX междунар. науч. конфер. – Салоники, Греция, 10-14 апреля 2019 г. – С. 65-72.
5. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учеб. пособие – 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ, 2008. – 416 с.

УДК 81'221.2

SIGN LANGUAGE RECOGNITION: BRIDGING COMMUNITIES

Gulafshan Salam Khan,

Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University, Moscow

Abstract. Sign language translation systems are crucial in bridging communication barriers between deaf and hearing communities. This paper provides a comprehensive overview of the state of sign language recognition systems, emphasizing trends, challenges, and future directions. Sign languages, recognized in multiple countries, serve as a bridge between deaf and hearing communities. Mature sign languages, with defined grammar, facilitate collaborative efforts among computer scientists, linguists, educators, and the deaf community. The paper categorizes sign language translation technologies into accessibility, human-computer interaction, natural language processing, and education. Mobile applications and industry innovations are explored, addressing e-learning and real-time communication challenges. The systematic literature review analyzes recognition systems for American, Russian, Indian, Arabic, and Chinese Sign Languages, revealing prevalent trends and methodologies. The study concludes by highlighting advancements, persisting challenges, and proposing future research directions.

Keywords: Translation systems, Sign language recognition, Deaf and hearing communities, Natural language processing, Mobile applications, Gesture recognition, Neural networks, Accessibility

Аннотация. Системы перевода жестового языка играют важную роль в преодолении коммуникативных барьеров между глухими и слышащими сообществами. В данной статье предоставляется всесторонний обзор состояния систем распознавания жестового языка, с акцентом на тенденции, вызовы и перспективы развития. Жестовые языки, признанные во многих странах, служат мостом между глухими и слышащими сообществами. Зрелые жестовые языки с четко определенной грамматикой способствуют совместным усилиям среди компьютерных ученых, лингвистов, педагогов и глухих. В статье технологии перевода жестового языка категоризируются по доступности, взаимодействию человека с компьютером, обработке естественного языка

и образованию. Исследуются мобильные приложения и инновации в индустрии, решающие проблемы электронного обучения и коммуникации в реальном времени. Систематический обзор литературы анализирует системы распознавания для американского, русского, индийского, арабского и китайского жестовых языков, выявляя распространенные тенденции и методологии. Исследование завершается выделением достижений, преодолеваемых вызовов и предложением направлений для будущих исследований.

Ключевые слова: системы перевода, распознавание жестового языка, глухие и слышащие сообщества, обработка естественного языка, мобильные приложения, распознавание жестов, нейронные сети, доступность

Translation systems bridge deaf and hearing communities, integrating signs, facial expressions, linguistic rules, and cultural nuances for inclusive communication. Due to their significant expressive capabilities, sign languages have been recognized as official languages in numerous countries like Costa Rica, Spain, New Zealand, Thailand, and South Africa [4, p. 1].

Mature sign languages feature defined grammars, parallel corpora, and datasets for experimentation. Collaborative efforts involving computer scientists, linguists, educators, and the deaf community address communication complexities effectively. Sign language translation technologies fall into four categories: accessibility, human-computer interaction, natural language processing, and education. While distinctions exist between computational linguistics and natural language processing, they are complementary in addressing communication needs, essential for successful translation systems [13, p. 1].

Researchers explore technology solutions for translating sign language (SL), identifying challenges in e-learning integration and real-time communication. Avatars represent SL gestures, but animation construction still needs to be improved. Voice recognition needs to work on domain limitations and efficiency. SL's evolving nature complicates grammar and meaning, highlighting the need for systematic review and coherent technological integration. Industry offers public access to sign language systems, incorporating academic and private sector innovations distinct from academic repositories [9, p. 2].

Mobile applications like Hand Talk offer automatic translation into Brazilian Sign Language (LIBRAS) via websites and apps. Helloasl aids American Sign Language (ASL) learning. Visualfy translates household sounds into visual signals for people who are deaf or hard of hearing, enhancing accessibility and convenience in daily life. Signslator, a Flash-enabled website, translates text into sign language in real-time, aiding gradual learning. MyVoice, a University of Houston project, translates sign language to voice and vice versa using a portable microphone, speaker, camera, and screen [12, p. 4-6].

This paper aims to provide a comprehensive overview of the current state of sign language recognition systems, highlighting their significance, advancements, challenges, and areas for future research. The paper aims to address the following three research questions:

1. What are sign language recognition research's leading trends and methods?

2. What challenges do sign language recognition systems encounter, and how are they tackled?

3. What future research directions exist for sign language recognition technology?

By addressing these research questions, the paper seeks to contribute to understanding sign language recognition systems, their implications for the deaf and hard-of-hearing community, and the ongoing efforts to improve accessibility and communication through technological innovations.

Linguistic studies of sign language began in the 1970s [2, p.1]. Sign language symbols represent hand shapes, movement, location, and palm orientation, classified into single-handed/double-handed and static/dynamic signs.

Sign language involves one-handed signs using a single dominant hand and two-handed signs utilizing both dominant and non-dominant hands. Two-handed signs are classified as type 0 (both hands active) and type 1 (dominant hand more active). Sign language comprises manual and non-manual elements, with hands expressing manual signs and body postures, mouth gestures, and facial expressions conveying non-manual signs [1, p. 2-3].

Sign Language Recognition (SLR) literature encompasses ISLR and CSLR tasks, sensor-based/vision-based methods, and traditional/neural algorithms. CSLR, linked to SLT, gained traction with datasets like RWTH-Phoenix-2014. Methods include CNN-HMM hybrids, SubUNet, and multi-stream networks, addressing weakly labeled tasks and sign segmentation challenges [11, p. 4].

State-of-the-art Sign Language Translation (SLT) systems are categorized into hardware-based and visual/audio cue-based approaches. Hardware solutions like gloves can be intrusive and do not capture non-manual features, whereas visual/audio cue-based systems offer natural communication. However, they face challenges recognizing signs within continuous data streams and interpreting non-manual features and emotions [16, p. 3].

The evolution of sign language studies, Sign Language Recognition (SLR), and Sign Language Translation (SLT) reflects a journey from manual annotation to sophisticated algorithms. While hardware-based SLT systems pose challenges, visual/audio cue-based approaches offer more natural communication, albeit with complexities in data interpretation.

The systematic review on sign language recognition involves selecting research papers from 2005 to 2019 across various sources, including IEEE, ACM, Elsevier, Google Scholar, and Springer, totaling 35 papers. After title screening, 30 papers remained, further reduced based on abstracts and conclusions. Finally, 20 papers were chosen after the full-text examination. Previous surveys highlighted limited coverage, motivating this comprehensive review.

The Systematic Literature Review analyzed sign languages such as American Sign Language (ASL), Indian Sign Language (ISL), Arabic Sign Language (ArSL), and Chinese Sign Language (CSL). Parameters included acquisition mode, static/dynamic signs, signing mode, single/double-handed

signs, techniques used, and average accuracy, providing comprehensive insights into sign language recognition.

American Sign Language (ASL), derived from French Sign Language, is widely used in the US and Anglophone Canada, with an estimated user range of 250,000 to 500,000. ASL recognition research from the past decade follows [10, p. 6].

Researchers have explored diverse American Sign Language (ASL) recognition approaches, incorporating technologies like Hough transform, Cyberglove, sensory gloves, cameras, Kinect, electromyography, and arm sensors. Various features such as hand shape, motion, and depth were utilized, and classification methods like artificial neural networks, SVM, K-Nearest Neighbor, and Latent Support Vector Machine were employed. The accuracy ranged from 72.78% to 99.8% across different methods and systems.

Data reveals that 44% of American Sign Language research used cameras, and 23% employed Kinect and various other technologies. Most research focused on static signs (54%), isolated signs (88%), and single-handed signs (75%). Techniques included neural networks (33%), SVM (21%), and hybrid methods (21%), with 65% achieving over 90% accuracy [15, p. 6].

Russian Sign Language (RSL) serves as the primary mode of communication for the deaf community in Russia and neighboring countries. With over 122,000 speakers reported in 2010, RSL gained official recognition in Russia in 2012. Despite its significance, RSL remains under-researched, lacking comprehensive linguistic analysis and data collection for technological advancements.

The existing databases for Russian Sign Language (RSL) are limited and often of poor quality, primarily designed for educational or linguistic tasks. To address this gap, a new database for RSL recognition is being developed using Kinect 2.0 technology, aiming to improve the quality and relevance of RSL datasets for research purposes.

TheRuSLan, a Russian Sign Language (RSL) database, was created focusing on supermarket-related gestures for a practical human-machine interaction project. Using Kinect 2.0, the 3D database incorporates HamNoSys for linguistic annotation and key hand projections. Multimodal features, including color video and depth maps, enhance recognition tasks. The database is a valuable resource for studying RSL and has been utilized in multimodal recognition approaches, achieving promising results [6, p.1-6].

Indian Sign Language (ISL) is widely used in South Asia, with an estimated 2,700,000 users. Dialects include Bangalore–Chennai–Hyderabad, Mumbai–Delhi, and Punjab–Sindh. Recent sign language recognition techniques for ISL are outlined below [7, p. 7].

Various approaches for Indian Sign Language (ISL) recognition have been explored, including methods for double-handed signs, dynamic signs, and sentences. Techniques involve SVM, Dynamic Time Warping, shape descriptors, HOG, SIFT, Kinect, and more. Systems achieved accuracies ranging from 63.57%

to 100%, utilizing diverse datasets and capturing devices [14, p. 8].

The systematic review on Indian Sign Language (ISL) recognition reveals that the majority of research employs cameras (68%) and focuses on static signs (47%). Isolated signs are more studied (74%), with double-handed signs receiving attention (37%). Neural networks dominate methodologies (32%), yielding high accuracy, with 68% achieving over 90% [15, p. 9].

In the last decade, sign language recognition techniques for Arabic Sign Language (ArSL) involve methods like feature extraction from hand movements and shapes using various technologies, contributing to communication in the Middle East and North Africa.

In Arabic Sign Language (ArSL) recognition systems, diverse approaches involve feature extraction from hand movements and shapes using cameras, leap motion sensors, and Kinect. Methods include region growing, shape descriptors, appearance-based recognition, and user-dependent and independent frameworks. Achieved accuracies range up to 97.3%, contributing to effective communication [8, p. 3].

The analysis of Arabic Sign Language (ArSL) research reveals the predominant use of cameras (54%) and emphasizes dynamic signs (57%). Most efforts focus on isolated signs (79%), involving single and double-handed signs (50%). Hybrid techniques (47%) and HMMs (20%) are prominent, yielding high accuracy rates, with 70% of systems achieving over 90% accuracy [15, p. 10].

Chinese Sign Language (CSL) is prevalent in China, Malaysia, and Taiwan, with an estimated 1,000,000 to 20,000,000 users. CSL recognition techniques include camera-based systems, sensor gloves, and neural network classifiers.

Researchers have proposed diverse Chinese Sign Language (CSL) recognition methods, including cyber gloves, Kinect, and arm sensors. Techniques involve DTW, HMM, and SVM classifiers, leveraging features like hand shape, motion trajectory, and depth images. Systems achieved accuracies ranging from 67.34% to 97.74%, depending on the methodology and features employed [Guo D et al. 2017].

In Chinese Sign Language (CSL) research, Kinect dominates data acquisition (64%), followed by cameras (22%) and gloves (7%). Most work focuses on dynamic signs (50%), followed by isolated signs (79%). Both single and double-handed signs are a significant focus (43%). Hybrid techniques (36%) and HMM (36%) prevail in recognition methods, achieving high accuracy [15, p. 13].

The comprehensive analysis of sign language recognition systems sheds light on significant trends and areas for future research. The predominance of a camera and Kinect-based acquisition methods reflects the practicality and accessibility of these technologies in capturing sign language gestures. The emphasis on static signs and isolated sign recognition underscores the foundational focus of current research, indicating a need for more exploration into dynamic and continuous sign recognition for real-world applications.

The prevalence of single-handed signs in research signifies the importance

of understanding and interpreting individual gestures. However, there must be a more significant gap in recognizing continuous and complex sign sequences. Neural networks emerge as a prominent classification technique, demonstrating their efficacy in sign language recognition systems. In contrast, the high accuracy rates achieved by many systems showcase advancements in technology and methodologies.

Despite progress, challenges such as hand occlusion, scalability of databases, varying illumination conditions, and computational costs remain barriers to developing robust sign language recognition systems. Future research could explore deep learning techniques for more nuanced classification and focus on continuous sign recognition to bridge the gap between isolated gestures and natural sign language communication.

The study's limitations, including the restricted time frame and search scope, suggest the need for ongoing and comprehensive reviews to capture the evolving landscape of sign language recognition research. Overall, the study provides valuable insights and sets the stage for further advancements in this vital field, aiming to enhance accessibility and communication for the deaf and hard-of-hearing community.

In conclusion, the analysis of sign language recognition systems reveals significant progress and areas for future exploration. The prevalence of camera and Kinect-based acquisition methods underscores their practicality while emphasizing static signs and single-handed gestures highlights foundational research priorities. Despite advancements in neural network classification and high accuracy rates, challenges such as hand occlusion and database scalability persist, hindering the development of robust systems. Future research directions should focus on exploring deep learning techniques for nuanced classification and addressing the complexities of continuous sign recognition. The study's limitations, including the restricted time frame and search scope, emphasize the ongoing need for comprehensive reviews to capture the evolving landscape of sign language recognition research. Overall, this analysis lays a crucial foundation for advancing accessibility and communication for the deaf and hard-of-hearing community, highlighting the importance of collaborative efforts and technological innovations in bridging the gap between sign language users and the broader society.

Список использованных источников

1. Amrutha CU, Davis N, Samrutha KS, Shilpa NS, Chunkath J (2016) Улучшение усвоения языка у лиц с нарушением чувствительности с помощью мобильного приложения. *Procedia Technol* 24:1068–1073
2. Badhe P.C. & Kulkarni V. (2015) Переводчик индийского жестового языка с использованием алгоритма распознавания жестов. В: *Материалы международной конференции IEEE по компьютерной графике, видению и информационной безопасности (CGVIS)*, Бхубанешвар, Индия, – С. 195–200.
3. Китайский жестовый язык. https://en.wikipedia.org/wiki/Chinese_Sign_Language. [Доступно 19 января 2024]
4. Ethnologue. Языки мира. 2019. Доступно онлайн: <https://www.ethnologue.com/>

[Доступно 23 января 2024].

5. Guo D, Zhou W, Li H, Wang M (2017) Онлайн-слияние раннего и позднего этапов на основе адаптивной HMM для распознавания жестового языка. *ACM Trans Multimed Comput Commun Appl: TOMM* 14(1):8

6. Kagirov I., Ivanko D., Ryumin D., Axyonov A., & Karpov A. (2020, май). TheRuSLan: База данных русского жестового языка. В: Материалы Двенадцатой конференции по ресурсам языка и оценке (pp. 6079-6085).

7. Lewis MP, Simons GF, Fennig CD (ред.) (2014) *Ethnologue: языки мира*, 7-е изд. SIL International, Даллас. [http:// www.ethnologue.com/17/](http://www.ethnologue.com/17/)

8. Maraqa M, Abu-Zaiter R (2008) Распознавание арабского жестового языка (ArSL) с использованием рекуррентных нейронных сетей. В: Первая международная конференция IEEE по применению цифровой информации и веб-технологий, 2008. ICADIWT, с. 478–481

9. Martins P., Rodrigues H., Rocha T., Francisco M., Morgado L. Доступные варианты для глухих людей на платформах электронного обучения: технологические решения для перевода жестового языка. *Procedia Comput. Sci.* 2015, 67, 263–272.

10. Mitchell R, Young T, Bachleda B, Karchmer M (2006) Сколько людей используют американский жестовый язык в Соединенных Штатах? Почему оценки нуждаются в обновлении (PDF). Исследования жестового языка, том 6, № 3. Издательство Университета Галлаудета. ISSN: 0302-1475. Получено 27 ноября 2012

11. Mocialov B., Turner G., Lohan K., Hastie H. (2017). К непрерывному распознаванию жестового языка с помощью глубокого обучения. В: Пр. Мастерская по созданию смысла с робототехническими помощниками: Пробел, оставленный интеллектуальными устройствами (Том 5525834).

12. Naranjo-Zeledón L., Peral J., Ferrández A., Chacón-Rivas M. (2019). Систематическое отображение технологий, обеспечивающих перевод на язык жестов. *Электроника*, 8(9), 1047.

13. Parton B.S. Распознавание и перевод жестового языка: многопрофильный подход из области искусственного интеллекта. *J. Deaf Stud. Deaf Educ.* 2005, 11, 94–101.

14. Rekha J., Bhattacharya J., Majumder S. (2011) Форма, текстура и локальные движения руки для распознавания индийского жестового языка. В: 3-я международная конференция IEEE по тенденциям в информационных науках и вычислениях (TISC), С. 30–35

15. Wadhawan A., Kumar P. (2021). Системы распознавания жестового языка: десятилетний систематический обзор литературы. *Архивы вычислительных методов в инженерии*, 28, 785-813.

16. Wazalwar S. S., Shrawankar U. (2017). Интерпретация жестового языка на английский с использованием техник обработки естественного языка. *Журнал информационных и оптимизационных наук*, 38(6)

УДК 81`25

ИЗОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КОМИЧЕСКОГО КАК КРИТЕРИЙ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА*И. Б. Каменская,**кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук (филиал), КФУ имени В. И. Вернадского, Евпатория*

Аннотация. В статье рассматривается изофункциональность комического как критерий адекватности перевода. Предложены пути достижения подобной изофункциональности: выявление и анализ средств реализации авторского модуса в исходном тексте, определение степени лингвокультурной специфичности средств его вербализации и максимальную реализацию установленных функций комического оригинального текста средствами языка перевода с учетом его лингвокультурной специфичности.

Ключевые слова: адекватность перевода, категория комического, изофункциональность.

Summary. The paper considers isofunctionality of the comic as a criterion for the adequacy of interpretation. Ways to achieve such isofunctionality are proposed: identifying and analyzing the means of implementing the author's mode in the original text, determining the degree of lingua-cultural specificity of the means of its verbalization and maximum implementation of the established functions of the comic of the original text by means of the target language, taking into account its lingua-cultural specificity.

Keywords: adequacy of interpretation, category of the comic, isofunctionality.

Теоретические и практические вопросы достижения адекватности художественного перевода исследовались В. Н. Комиссаровым, М. А. Новиковой, В. Д. Радчуком, W. V. O. Quine, P. Ricœur. В рамках функционально-прагматического подхода ведущим критерием адекватности перевода выступает критерий изофункциональности языкового средства или комплекса средств (Л. С. Бархударов). Вместе с тем, изофункциональность комического в оригинальном и переводном художественном тексте не выдвигалась в качестве критерия адекватности перевода, что обусловило выбор темы исследования и составило его актуальность.

Ключевой категорией переводоведения, наряду с категорией эквивалентности, является категория адекватности перевода [12]. С эпистемологической точки зрения адекватность определяет степень объективности отражения реальной действительности в том или ином фрагменте картины мира, иными словами – степень соответствия когнитивных признаков единицы знания существенным характеристикам объекта осмысления [14]. Поскольку перевод представляет собой процесс и результат транскодирования некоего содержания средствами другого вербального кода, адекватность перевода в широком смысле слова можно трактовать как концептуальное соответствие содержания переводного текста содержанию исходного текста.

Теоретики лингвопереводоведения (В. Н. Комиссаров [4],

В. Д. Радчук [9], J. C. Catford [15], P. Ricœur [16]) выдвигают различные критерии адекватности. В. Н. Комиссаров формулирует критерий адекватности перевода исходя из двойкой предметно-ситуативной обусловленности процесса перевода и назначения последнего обеспечивать качественную межъязыковую коммуникацию на максимально достижимом в конкретных условиях уровне эквивалентности. Аналогичной точки зрения придерживается и А. В. Федоров, по определению которого адекватность перевода – это «... исчерпывающая передача смыслового содержания подлинника и полное функционально-стилистическое соответствие ему» [11].

P. Ricœur справедливо отмечает, что «... не существует абсолютного критерия хорошего (в значении адекватного – И. К.) перевода» [16, с. 96]. J. C. Catford придерживается аналогичной точки зрения: «... не существует объективного перевода как единственно правильного. Не существует объективного стандарта правильного перевода» [15, с. 128]. В. Д. Радчук считает понимание адекватности перевода как смыслового и формального тождества исходного и переводного текстов контрпродуктивным и предлагает рассматривать адекватность как относительную категорию: «... всякий перевод представляет собой конкретное воплощение относительной адекватности – неполной, частичной, приблизительной» [9, с. 121]. М. Г. Маркина уточняет, что относительность адекватности перевода обусловлена не только объективными различиями в двух взаимодействующих языковых системах и, соответственно, двух языковых картинах мира, но и жанрово-стилистической спецификой переводимых текстов: «... критерии адекватности перевода различаются для текстов разных жанров, и то, что ... может быть признано точным и правильным в переводе научного или делового текста, легко может выявиться недопустимым и неправильным в переводе произведения художественной литературы» [7, с. 20].

Поскольку основной функцией художественной литературы является эмотивно-эстетическая [1], адекватным переводом художественного текста следует считать такой перевод, который максимально сохраняет эмоционально-эстетический потенциал исходного текста, позволяя читателю испытать всю палитру чувств, которую постигает читатель оригинала. Вместе с тем, нельзя забывать об онтологической природе категории адекватности, обобщающей объективные процессы практической переводческой деятельности, которая зачастую не достигает всей полноты функционально-коммуникативной соотнесенности исходного и переводного текстов. Неизбежность переводческих потерь и относительность их компенсаций средствами переводящего языка обуславливают относительный характер адекватности художественного перевода: перевод признается адекватным, если достигнут оптимальный для данных условий межкультурной коммуникации уровень эквивалентности оригинального и переводного текстов.

Концептуальной общностью подавляющего большинства дефиниций категории «адекватность перевода» выступает критерий передачи содержания с учетом прагматической установки как приоритетного компонента ее структуры. Сохранение прагматической установки какого-либо языкового средства или комплекса средств исходного текста при передаче средствами языка перевода получило терминологическое определение изофункциональности [10].

С точки зрения коммуникативной лингвистики, изофункциональность языковых единиц различных языковых уровней подразумевает реализацию ими идентичной коммуникативной функции. Поскольку «функциональная предназначенность будущего высказывания закладывается в виде иллокутивного и модусного компонентов еще на когнитивном этапе» [6, с. 467], лингвистическое переводоведение интегрирует и подход когнитивной лингвистики к исследованию языковых явлений. Согласно последнему, изофункциональность трактуется как «функциональная изомерность структуры пропозиции дискурсивной информационной структуре» [там же], что подразумевает параллелизм когнитивных операций при восприятии исходного и переводного текста, приводящий к параллелизму соответствующих ментальных репрезентаций. При этом допускается достаточно широкий спектр форм вербальной объективизации и субъективизации ментальных репрезентаций, заложенных в исходном тексте, средствами переводящего языка.

Эстетическая категория комического, обладающая мощным эмотивно-эстетическим и оценочным потенциалом, представляет одну из серьезных трудностей для реализации межкультурной коммуникации в силу своей лингвокультурной и социокультурной детерминированности. «Источник комического – противоречия самой действительности» [3, с. 238], а действительность различных языковых коллективов объективно обладает ярко выраженной спецификой.

Процесс транскодирования комического компонента содержания исходного текста осложняется тем, что переводчик как реципиент исходного текста, как правило, не принадлежит к инофонной лингвокультуре. Следовательно, его пресуппозиционные знания об этой лингвокультуре должны стать объектом целенаправленного формирования и обновления, для того чтобы обеспечить адекватное восприятие отраженных в исходном тексте комических ситуаций и последующей их адекватной передачи средствами переводящего языка.

Пресуппозиционные знания – это «имплицитный, подразумеваемый отправителем сообщения antecedent (А), который составляет условие осмысленности (смысловой полноты) эксплицитного, имеющегося в явном виде в тексте консеквента В» [13]. Комические тексты зачастую представляют собой аналог айсберга, в котором видимая – эксплицитная часть занимает сравнительно небольшой объем, а подводная – имплицитная, пресуппозиционная часть включает в себя

концентрированную лингвокультурологическую информацию [5].

Полнота и адекватность восприятия комического читателем переводного текста требует от последнего (при условии адекватных восприятия и передачи комического переводчиком) «наличия у читателя перевода общих фоновых знаний с автором оригинала и его эмоциональной причастности к описываемым событиям» [8, с. 12] – требование столь же логичное, сколь недостижимое, поскольку таким объемом инофонных лингвокультурных знаний может обладать лишь читатель, владеющий иностранным языком на высоком уровне коммуникативной компетенции. Однако в таком случае он будет читать иноязычное художественное произведение в оригинале.

Следовательно, перед переводчиком встает задача не сделать текст перевода таким же смешным для реципиентов перевода, каким является текст оригинала для его реципиентов, а сохранить функциональный диапазон комического в максимально возможной полноте. Автор художественного произведения вводит комические ситуации и комических персонажей в художественный мир своего текста не для того, чтобы читателю было смешно – и только. Комическое в различной форме (с учетом специфики сарказма, сатиры, юмора и иронии) вскрывает противоречия отражаемой автором реальной или вымышленной действительности и вызывает сильный эмоциональный отклик различной модальности, от негодования до сочувствия, реализуя тем самым когнитивную и аксиологическую функции. Синтез, или синкретическую реализацию этих двух функций, Ю. В. Алешина определяет как «аксиологический диссонанс» [2, с. 15], предполагающий основанную на интенсивном эмоциональном оклике активную когнитивную деятельность читателя, направленную на сопоставление и оценивание аксиологического аспекта комического образа и общечеловеческих ценностей.

Особенности реализации различных функций комического вербальными средствами детерминирована особенностями каждой отдельной лингвокультуры. Недостаточный учет специфики вербальной реализации функций комического может привести к усилению, ослаблению или модификации эмоционально-оценочного коннотативного компонента той или иной языковой единицы и, в результате, межвидовой интерференции видов комического в тексте перевода. Поскольку дифференциация видов комического носит в основном аксиологический характер, сохранение авторского модуса при передаче комического в тексте перевода представляется наиболее важным.

Таким образом, изофункциональность категории комического как критерий адекватности перевода предполагает соответствие функционального диапазона каждой разновидности комического оригинала и перевода. Пути достижения подобной изофункциональности предполагают выявление и анализ средств реализации авторского модуса в исходном тексте, определение степени лингвокультурной специфичности

средств его вербализации и максимальную реализацию установленных функций комического оригинального текста в переводе средствами языка перевода с учетом его лингвокультурной специфичности.

Список использованных источников

1. Акопов Г. В. Понятие художественного сознания в контексте современных исследований сознания // Художественное образование: Опыт, проблемы, перспективы : материалы междунар. науч-практ. конф., 18-19 ноября 2016 г., г. Самара: Изд-во Гос. соц-пед. ун-та. – С. 154-157.
2. Алешина Ю. В. Аксиологический диссонанс как основа комического (на материале анализа художественных текстов малого прозаического жанра) // Вестник Московской международной академии. – 2017. – № 2. – С. 6-15.
3. Дускаева Л. Р., Щеглова Е. А. Восприятие комического текста-панка в диалоге сетевого общения: постановка проблемы // Медиалингвистика. – 2020. – № 7 (2). – С. 238-249.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособ. Москва: ЭТС, 2002. – 424 с.
5. Коншина С. Г. Комический текст в аспекте его структурирования и понимания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. – 24 с.
6. Леденев Ю. Ю. Когнитивно-дискурсивная природа языковой изофункциональности // Язык. Текст. Дискурс. – 2010. – № 8. – С. 463-470.
7. Маркина М. Г. Адекватность как переводческая проблема // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 111. – Т. 1. – С. 20–22.
8. Нестерова Н. М., Корюкина Н. В. О проблеме межкультурной транслируемости комического (на примере повести Сергея Довлатова «Компромисс») // Вестник ЮУрГУ. – Серия: Лингвистика. – 2007. – № 1 (73). – С. 9–12.
9. Радчук В. Д. Художественная адекватность перевода // Теорія і практика перекладу: респуб. міжвідом. наук. зб. – Вип. 2. – Київ, 1979. – С. 118–122.
10. Трубкина А. И Система периодических конструкций в художественном тексте: Семантика, прагматика, функции: дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2014. – 178 с.
11. Федоров А. В. Основы общей теории перевода: учеб. пособ. 5-е изд. – Санкт-Петербург: Филологический ф-т СПбГУ, 2002. – 416 с.
12. Философский словарь. Сост. П. Апрышко, А. Поляков, Ю. Солодухин; под ред. И. Т. Фролова. – 8-е изд, дораб. и доп. – Москва: Республика; Современник, 2009. – 848 с.
13. Чернов Г. В. Основы синхронного перевода. Москва: Высшая школа, 1987. – 256 с.
14. Швейцер А. Д. Эквивалентность и адекватность перевода // Тетради переводчика: науч.-теорет. сб. / под ред. С. Ф. Гончаренко. – М.: Высш. шк., 1989. – Вып. 23. – С. 31-40.
15. Хрестоматия по переводоведению. Сост. Л. И. Сидорова, В. И. Тхорик. – М.: ГИС, 2005. – С. 36–37.
16. Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation: an Essay on Applied Linguistics / J. C. Catford. – CUP, 1965. – 224 p.
17. Ricoeur P. Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning / P. Ricoeur. – Texas Christian University Press, 1976. – 108 p.

УДК 81'42

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ СОВЕТСКОЙ
ПУБЛИЦИСТИКИ В ПЕРЕВОДЕ****В. Н. Карпухина,***доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков, Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, Барнаул*

Аннотация. Статья посвящена аксиологическим доминантам советской публицистики 1930-х годов. Выделены маркеры аксиогенных ситуаций в тексте очерка И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» и его перевода на английский язык «Little Golden America», сделанного Чарльзом Маламутом. Аксиологическими маркерами являются прецедентные имена собственные, наименования культурных реалий, религиозных конфессий, идеологические клише. В статье рассматриваются стратегии адаптации, применяемые переводчиком: объяснительный перевод, элиминация сегментов текста, смысловая компенсация. Данные стратегические решения использовались Чарльзом Маламутом при передаче на английский язык прецедентных имен и реалий советской культуры, сквозь призму которых известные советские журналисты во время своего путешествия в 1935-1936 гг. рассматривали семиосферу иных культур.

Ключевые слова: аксиологические доминанты, советская публицистика 1930-х годов, лингвоаксиология, стратегии адаптации.

Summary. The paper considers the axiological dominants of Soviet publicistic texts of the 1930s. The markers of axiogenic situations are revealed in the text of the travel essay by I. Ilf and E. Petrov *One-Storyed America* and its translation into English *Little Golden America* by Charles Malamute. Axiological markers include precedent proper names, names of cultural realities, religious confessions, and ideological clichés. The paper discusses adaptation strategies used by the translator: explanatory translation, elimination of the text segments, semantic compensation. These strategies were used by Charles Malamute in translating into English the precedent names and realities of Soviet culture, through the prism of which famous Soviet journalists during their journey in 1935-36 interpreted the semiosphere of other cultures.

Key words: axiological dominants, Soviet publicistic texts of the 1930s, axiological linguistics, adaptation strategies.

В статье рассматривается путевой очерк И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» и его перевод на английский язык «Little Golden America», сделанный Ч. Маламутом. В последние годы вновь возникает интерес к данному очерку в лингвокультурологических исследованиях [2; 8]. Однако, с нашей точки зрения, данный очерк представляет интерес в аспекте аксиологической лингвистики: в нем достаточно четко выражены аксиологические доминанты советской публицистики 1930-х годов, заданные в идентификационных координатах «свой» – «чужой» [7, с. 257]. Исследованы переводческие стратегии адаптации (объяснительный перевод, «восстановление» англоязычного облика слова, опущение информации, компенсация), которые использовались Ч. Маламутом при передаче на английский язык прецедентных имен и реалий советской культуры, сквозь призму которых известные советские журналисты во время своего путешествия в 1935-1936 гг. рассматривали семиосферу иных культур. Подобные аксиологические доминанты указывают на наличие в

текстах оригинала и перевода рассматриваемого публицистического очерка ряда аксиогенных ситуаций.

В. И. Карасик под аксиогенными ситуациями понимает «ситуации, осмысление которых прямо связано с определением ценностей» [5, с. 7]. В качестве маркеров аксиогенных ситуаций в путевом очерке «Одноэтажная Америка» И. Ильфа и Е. Петрова и его переводе на английский язык выступают прецедентные имена собственные, наименования культурных реалий, религиозных конфессий, идеологические клише. Например, в главе первой, в которой рассказывается об отправлении советских журналистов в Америку на трансатлантическом пароходе «Нормандия», в качестве маркеров аксиогенной ситуации противопоставления «своих» и «чужих» используются прецедентные имена первого советского чемпиона мира по шахматам М. М. Ботвинника и выдающегося советского писателя и переводчика С. Я. Маршака:

«Одноэтажная Америка»	«Little Golden America»
<p><i>Ну кто еще, кроме советских людей, станет в штормовую погоду разыгрывать отказанный ферзевой гамбит! Так оно и было. Симпатичные Ботвинники оказались советскими инженерами.</i></p> <p><i>Постепенно стали заводиться знакомства, составляться компании. Роздали печатный список пассажиров, среди которых оказалась одна очень смешная семья: мистер Бутербродт, миссис Бутербродт и юный мистер Бутербродт. Если бы на «Нормандии» ехал Маршак, он, наверно, написал бы стихи для детей под названием «Толстый мистер Бутербродт» [3].</i></p>	<p><i>Who but Soviet folk would ever think of playing the queen's gambit in such weather? We guessed it: the charming Botvinniks proved to be Soviet engineers.</i></p> <p><i>In time people met one another and formed congenial groups. A printed list of passengers was distributed. There we found a very amusing surname: Sandwich – a whole family of Sandwiches, Mr. Sandwich, Mrs. Sandwich, and young Master Sandwich [9, p. 7].</i></p>

Аксиогенная ситуация идентификации рассказчиками себя как советских людей производится с помощью использования прецедентных фамилий деятелей советской культуры и спорта. Данные маркеры связаны с положительной оценкой (*симпатичные Ботвинники*, юмористическая сценка с возможным стихотворением Маршака «Толстый мистер Бутербродт»); подчеркивается исключительность советского человека как ценность (*Ну кто еще, кроме советских людей, станет в штормовую погоду разыгрывать отказанный ферзевой гамбит!*) (см. также об этом: [1, с. 89–92]). Переводчик Ч. Маламут, сохраняя первое из прецедентных имен (*Ботвинник*) как известное англоязычному читателю, второе из имен, вероятно, менее известное (*Маршак*), элиминирует из текста, воссоздавая, тем не менее, игровую ситуацию текста оригинала в стиле знаменитого советского переводчика (*мистер Бутербродт – Mr. Sandwich*).

Коммуникативные ситуации, описываемые с точки зрения рассказчиков анализируемого путевого очерка, отражают ценности и нормы определенного социума. Эти ценности и нормы, как полагает

В. И. Карасик, могут быть разделены на четыре группы:

а) определяющие условия биологического состояния человека (базовые ценности физического бытия), б) характеризующие пользу и вред для индивидов (утилитарные ценности), в) раскрывающие природу долга и ответственности (моральные ценности), г) объясняющие суть духовного бытия и смысла жизни (терминальные ценности) [4, с. 15–16].

Текст путевого очерка Ильфа и Петрова носит по большей части юмористический, а иногда и откровенно сатирический характер. Аксиогенные ситуации, представляемые авторами очерка, связаны в основном с утилитарными, моральными и терминальными ценностями, которые осмысляются зачастую в юмористическом ключе. В тех случаях, когда рассказчики используют иронию в аксиогенных ситуациях, связанных с терминальными ценностями, ситуации маркируются как проблемные с точки зрения межкультурной коммуникации. Рассказчики предельно иронично подают ситуации, которые актуализируют аксиологические доминанты, связанные с терминальными ценностями – религиозными убеждениями людей разных культур. Переводчик точен при передаче средств создания этой иронии, хотя и несколько смягчает ее:

«Одноэтажная Америка»	«Little Golden America»
<p><i>Потом выяснилось, что это пароходный раввин, которого Генеральная трансатлантическая компания содержит на службе для удовлетворения духовных потребностей некоторой части пассажиров. Для другой части имеются наготове католический и протестантский священники. Мусульмане, огнепоклонники и советские инженеры лишены духовного обслуживания. В этом отношении Генеральная трансатлантическая компания предоставила их самим себе. На «Нормандии» есть довольно большая католическая церковь, озаряемая чрезвычайно удобным для молитвы электрическим полусветом. Алтарь и религиозные изображения могут быть закрыты специальными щитами, и тогда церковь автоматически превращается в протестантскую [3].</i></p>	<p><i>Later we learned that he was the ship's rabbi; the General Transatlantic Company had engaged him to minister to the spiritual needs of a certain portion of its passengers. Other passengers had at their disposal Catholic and Protestant priests. Moslems, fire worshippers, and Soviet engineers travelled without benefit of clergy; on that score the General Transatlantic Company left them entirely to their own devices.</i></p> <p><i>The Normandie has a spacious church with dim electric lights; it is designed primarily for Catholic services, but may be adjusted to suit other denominational needs. Thus, the altar and the icons may be covered with special shields designed for that purpose and the Catholic church converted automatically into a Protestant house of worship [9, p. 4–5].</i></p>

Средством создания иронии в тексте очерка при описании религиозных обрядов служит нарочитое несоответствие «место» – «характеристики места» / «совершаемое действие»: *церковь – озаряемая чрезвычайно удобным для молитвы электрическим полусветом; детская комната – совершать службы* (о раввине) и т. п.

Основной комической точкой (пуантом) данного фрагмента текста, несущим в себе ключевую аксиологическую нагрузку, выступает следующее предложение: *Мусульмане, огнепоклонники и советские*

инженеры лишены духовного обслуживания. – Moslems, fire worshippers, and Soviet engineers travelled without benefit of clergy. Попадание советских инженеров в разряд «незаслуженно обиженных» и оставшихся без *духовного обслуживания* вновь подтверждает их статус «избранных», отличающихся от общей массы пассажиров «Нормандии». В качестве ключевой аксиологической доминанты советского человека в данном случае постулируется сознательный атеизм, с позиций которого и оцениваются неуместные и нелепые детали отправления религиозных обрядов католического / протестантского / иудаистского толка на корабле.

Переводчик очерка на английский язык смягчает иронию окказионализма *духовное обслуживание*, созданного по принципу оксюморона: в переводе словосочетание *without benefit of clergy* ‘без преимуществ, (предоставляемых) священником’ дает уточнение к описанию ситуации без его негативной оценки. Происходит политкорректное смягчение иронии текста оригинала (см.: [6]), маркирующей аксиогенную ситуацию «совершение ритуальных (религиозных) действий».

Таким образом, возникающие при создании текста оригинального очерка И. Ильфа и Е. Петрова аксиогенные ситуации межкультурной коммуникации не всегда совпадают с аксиогенными ситуациями, актуализированными при переводе этого очерка на английский язык. Ключевая ситуация межкультурной коммуникации с противопоставлением «свои» – «чужие» остается актуальной, но происходит изменение «полюсов» аксиологической шкалы или их смещение. Аксиологический эталон для рассказчиков текста оригинала – моральные и утилитарные ценности советского человека, существенно отличающиеся от западных ценностей. Заявляется уникальность, исключительность советского человека как ценность. Аксиологическим эталоном для переводчика как человека, принадлежащего к иной культуре, оказываются ценности зарождающегося политически корректного публицистического дискурса, и поэтому ирония советских журналистов, направленная на высмеивание терминальных (в частности, религиозных) ценностей, значительно смягчается, а «неполиткорректные» сегменты текста оригинала элиминируются при переводе. Аксиологическими доминантами и в тексте оригинала, и в тексте перевода становятся прецедентные имена собственные (антропонимы и топонимы), наименования культурных реалий, религиозных конфессий, идеологемы.

Список использованных источников

1. Дубровская Т. В. Медиатизированная модель советского общества в журналах «Пионер» и «Костер» (1970-1980-е гг.): монография / Т. В. Дубровская, О. А. Мусорина, Я. А. Блохина, Н. Ю. Видинеева. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2023. – 400 с.
2. Ермолина М. В., Широких И. А. Об «Одноэтажной Америке» или «Little Golden America» И. Ильфа и Е. Петрова // Языки и литература в поликультурном пространстве: сборник научных статей / под ред. В. Н. Карпухиной. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – С. 26–31.

3. Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка [Электронный ресурс]. – URL: <https://онлайн-читать.рф/ильф-и-петров-одноэтажная-америка/> (дата обращения: 31.01.2024).
4. Карасик В. И. Щедрость как ценность русской лингвокультуры // Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.); ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. – М.; Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. – С. 14–39.
5. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – Волгоград: Парадигма, 2015. – 432 с.
6. Карпухина В. Н. Переводчик в политкорректном дискурсе: особенности перевода современной детской литературы // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2021. – № 4. – С. 83–93.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПБ, 2000. – 704 с.
8. Лыткина О. И. «Американский текст» в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова [Электронный ресурс] // Вопросы русской литературы. – 2015. – №3 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-tekst-v-tvorchestve-i-ilfa-i-e-petrova> (дата обращения: 31.01.2024).
9. Ilf I., Petrov Ye. Little Golden America. Tr. from the Russian by Charles Malamuth. – St. Petersburg: KARO, 2021. – 512 p.

УДК 811.111

ОПЫТ АНАЛИЗА МЕТАФОРИЧЕСКИХ БЛЕНДОВ НА МАТЕРИАЛЕ СВАРОЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В. А. Катышева¹⁰,

аспирант кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Статья посвящена анализу метафорических терминов на английском и русском языках в рамках терминологии сварочного производства. В качестве основного метода исследования применен метод концептуальной интеграции (блендинга) Ж. Фоконье и М. Тернера. На основе проведенного анализа метафорического моделирования блендов в специальной технической терминологии сварочного производства делается вывод о том, что концептуальная интеграция позволяет подробно реструктурировать метафорический бленд, восстановить концептуальные связи между ментальными пространствами и глубже понять основу метафорического переосмысления для терминотворчества.

Ключевые слова: концептуальная метафора, ментальные пространства, концептуальная интеграция, бленд, терминология сварочного производства.

Summary. The article presents results of the analysis of metaphorical terms belonging to welding process terminology. The authors have applied the method of conceptual integration (blending) of G. Fauconnier and M. Turner as the main research method. The analysis of metaphorical modeling of blends in the special technical terminology of welding process brings to a conclusion that conceptual integration enables detailed reconstruction of metaphorical blends, restoration of conceptual relations between mental spaces and deeper understanding of the basis of metaphorical reinterpretation for the terms formation.

¹⁰ Научный руководитель: д. филол. н., профессор Е. Ю. Куницына

Key words: conceptual metaphor, mental spaces, conceptual integration, blend, welding terminology.

На протяжении двух тысячелетий феномен метафоры входит в орбиту интересов исследователей. Классическое определение метафоры гласит: «Переносное слово, или метафора, есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [1, с. 48]. В философии Аристотеля метафора предстает риторическим инструментом для «украшения» художественного текста, повышения уровня экспрессивности и выразительности, для «создания отсутствия затасканности», а искусность поэта в метафорах служит признаком его таланта, «потому что слагать хорошие метафоры значит подмечать сходство» [1, с. 52]. Сегодня метафора широко изучается в парадигме когнитивной лингвистики, где она понимается уже как один из главных механизмов осмысления, концептуализации и категоризации понятий.

Н. Д. Арутюнова отмечает, что «экспансия метафоры в разные виды дискурса не прошла незамеченной» [2, с. 6], что обуславливает актуальность данной работы. Широкое применение метафоризации в терминовтвочестве, наблюдаемое в дискурсах экспертных сообществ, в данном случае, научно-техническом дискурсе, служит очередным свидетельством метафоричности и, пришло время добавить, экономичности концептуального мышления человека в его неуклонном стремлении максимально оптимизировать профессиональную коммуникацию. «Научная речь – выкованное из повседневного языка орудие, при помощи которого овладеваем мы предметом познания. Суть науки – в построении или, точнее, в устроении терминологии. Слово, ходячее и неопределенное, выковать в удачный термин – это и значит решить поставленную проблему», – писал П. А. Флоренский [8, с. 210]. Использование метафоры в устроении специальной терминологии обнаруживает своего рода онтологический парадокс: из выразительного средства, инструмента катарсиса, поэтико-эстетического ресурса, единицы мифа, носителя остранения, затрудняющего и продлевающего восприятие и требующего затраты больших душевных сил (ср. душа обязана трудиться) в искусстве, в художественном дискурсе, метафора как фигура речи превращается в единицу логоса, способ выразить идею «лучше, чем это сделало бы длинное рассуждение», средство рационализации и оптимизации семиозиса в науке, дискурсе институциональном, специальном. Здесь вступает в игру экономистский подход к метафоре, реализующий одновременно два принципа – выражение сущности меньшим количеством слов и принцип экономии сил, сформулированный Г. Спенсером (см. [3]). И хотя, как пишет Ж. Деррида, «ничто не является более классическим, нежели «экономистская» теория метафоры, согласно которой метафора предназначена для того, чтобы избавиться от «длинного» рассуждения» [6, с. 255, 256], что обеспечивает, теперь словами русского философа П. А. Флоренского, удовлетворение «чувства экономии» [8, с. 230], закон

экономии сил релевантен прежде всего для специального, институционального (научно-технического) дискурса (в подтверждение отметим, что Л. С. Выготский объявляет спенсеровский принцип экономии сил «неприложимым к художественной форме» [3, с. 257]).

В центре когнитивных исследований метафоры – ставший уже классическим труд американских лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [11]. Исследователи представляют свою двухкомпонентную модель метафоры со сферой-источником, из которой когнитивные структуры переносятся в сферу-мишень, иными словами, одно понятие переосмысливается сквозь призму другого. Положения теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа признаны мировым сообществом филологов и нашли свое продолжение в развитии когнитивно-дискурсивного подхода в изучении метафор.

Особый подход к метафоре в рамках лингвокогнитологии развивается в теории концептуальной интеграции (блендинга) Ж. Фоконье и М. Тернера [9]. Необходимо отметить, что теория распространяется не только на метафоры, но и на другие явления. Смешение ментальных пространств является одной из базовых когнитивных операций, что обусловлено принципом экономии. Иначе говоря, создавая новые понятия мы обращаемся к известному прошлому опыту, заимствуя элементы из него, тем самым упрощая концептуализацию и классификацию новых знаний. Так, в своей статье В. В. Глебкин проводит критический анализ теории концептуальной интеграции и пишет, что «бленды дают возможность не “приращения смысла”, не появления нового знания, а адаптации уже существующего знания к опыту обычного человека, рядового носителя языка и культуры.» [4, с. 168].

Предложенная авторами теория предлагает (как минимум) четырёхкомпонентную модель концептуального бленда и подразумевает, что в отношении вступают не столько значения, сколько ментальные пространства и стоящие за ними концептуальные структуры. В процессе взаимодействия разных ментальных пространств (*input/parent spaces*) очерчивается общее пространство (*generic space*), в котором частично отражаются схожие характеристики из исходных, и которое является каркасом метафорического переноса. Результатом этого процесса выступает новое смешанное пространство/бленд (*blended space*), которое вбирает в себя общие черты, но не равно исходным концептуальным структурам по отдельности или их условной совокупности. Бленд – это частичная проекция (*mapping*) концептуальных структур между разными ментальными пространствами.

Исследование метафоризации с помощью модели блендинга проводятся на единичных примерах (особенно, на свежих, не «стертых» метафорах), и корпусных исследований метафоры в рамках этой теории не проводилось ввиду практической сложности и отсутствия методологии. Наша цель – сфокусировано применить модель блендинга на терминологии

сварочного производства, чтобы проследить установление концептуальных связей между ментальными пространствами, в результате которых формируются метафоры.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: 1. поиск метафор в корпусе терминологии; 2. определение исходного ментального пространства, на котором основывается метафорический перенос; 3. выявление общих и частных характеристик для исходных ментальных пространств; 4. описание смешанного пространства (бленда).

Исследование проводилось на материале словаря сварочного производства [5]. Задача проанализировать метафорику сварочной терминологии в рамках парадигмы когнитивной лингвистики решалась с применением метода компонентного анализа, метода анализа словарной дефиниции (с использованием толковых словарей Ожегова [7] и Merriam Webster [10]), метода метафорического моделирования с использованием фреймов и слотов, и метода концептуальной интеграции (*блендинга*).

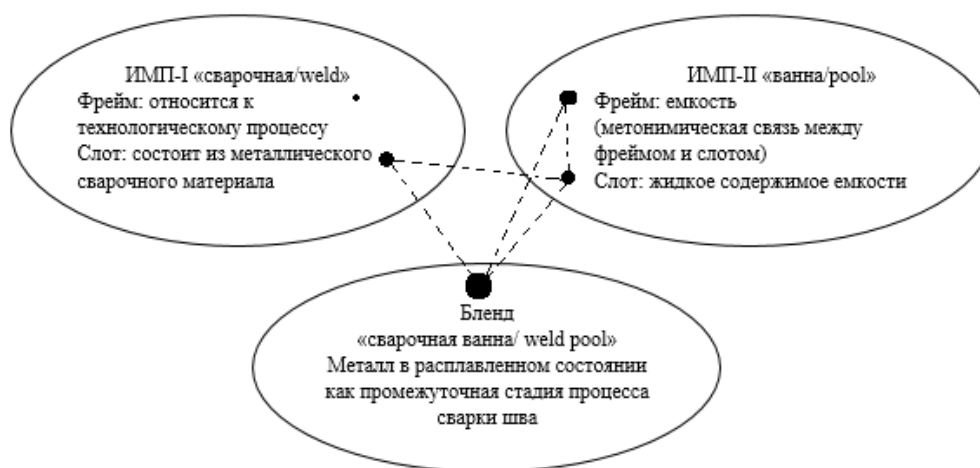
Примечательно, что даже ключевой термин в терминологическом поле сварочного производства «сварка/welding» – это метафора. В русском языке термин связан с глаголом «варить», исконное значение которого соотносится с наивной картиной мира, с обычными бытовыми процедурами приготовления пищи путем термического воздействия кипящей жидкостью. В рамках же сварочного производства «сварка (welding): Процесс соединения двух деталей и более, в результате которого получают неразъемное соединение материала(ов) заготовок, с помощью нагрева и (или) давления с применением или без применения присадочного материала» [5, с. 5]. Как следует из определения, общей характеристикой бытового и технологического процесса выступает термическая обработка. В отношении английского термина словарь Merriam Webster определяет «v. weld – alteration of obsolete English well to weld, from Middle English wellen to boil, well, weld» [10] / измененная форма устаревшего английского well – варить, от среднеанглийского wellen – кипятить, варить. Этимологический анализ показывает, что сварка аналогичным образом сопоставляется с бытовой варкой продуктов в разных лингвокультурах.

В рассмотренной метафорической модели исходными пространствами (*input spaces*) служат «создание неразъемного соединения» и «приготовление пищи». Общее пространство (*generic space*) содержит более абстрактные элементы, являющиеся основой метафоризации на самом абстрактном уровне. В качестве таких элементов выступают: контроль за температурой, средства индивидуальной защиты, специальные инструменты, оборудование, создание качественного продукта, творческий процесс. В бленде «сварочное производство» смешиваются элементы исходных пространств, что приводит к формированию новой ментальной структуры, в которой присутствуют характеристики исходных пространств,

но больше от них не зависит и «живет своей жизнью».

Языковыми примерами данной метафорической модели кроме ключевого термина «сварка – welding» могут послужить следующие термины: «прокаливание (baking): Нагрев сварочных материалов для получения определенного уровня диффузионного водорода в металле сварного шва» [5, с. 14]. Примечание: baking – выпекание; «сушильная печь (drying oven): Нагретая камера, в которой сушатся сварочные материалы для удаления влаги или предохранения от влаги» [там же]; «серия сварных швов (weld batch): Несколько швов, выполненных одним и тем же сварщиком с применением одной и той же процедуры сварки» [там же]. Примечание: первоначальное значение слова связано с выпечкой – n. batch «the quantity baked at one time: BAKING» [там же, с. 13]; «сварочная горелка (torch): Устройство передачи дуге всех средств, необходимых для выполнения сварки <...>, резки и родственных процессов» [там же, с. 17].

Обращает на себя внимание метафорический термин «сварочная ванна (weld pool)». Согласно отраслевому словарю «сварочная ванна (weld pool, molten pool): Ванна из жидкого металла, образующаяся в процессе сварки плавлением» [там же, с. 6]. Однако, обращения к словарю недостаточно для исчерпывающего понимания бленда с концептуальной точки зрения, ведь слова «ванна/pool» в данном контексте переосмыслены не только метафорически, но и метонимически, ведь имеется в виду не перенос значения по форме емкости, а по её жидкому содержимому. Ниже представлена модель рассматриваемого метафорического термина. Примечание: ИМП = исходное ментальное пространство.

Перейдем к пошаговому описанию процесса концептуальной интеграции при взаимодействии ИМП-I «сварочная/weld» с ИМП-II «ванна/pool». Можно проследить установление следующих связей в процессе взаимодействия пространств: 1) в ИМП-II наблюдается метонимическая связь от общего к частному между фреймом «емкость» и слотом «жидкое содержимое емкости»; 2) ИМП-I наделяет ИМП-II новым содержанием: устанавливается связь между слотами; 3) в результате смешения слотов в эмерджентной структуре образуется качественно новое

значение; 4) название бленда «сварочная ванна/weld pool» заимствует слова из фрейма ИМП-II.

Исследование проведено на материале отраслевой терминологии сварочного производства, ранее не подлежавшем анализу в рамках теории концептуальной интеграции. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что, с одной стороны, метафоризация служит языковой экономии для специалистов, владеющих терминологией и понятийным аппаратом отдельной области. С другой стороны, метафорические термины вызывают затруднение (отстранение) у неспециалистов, потому что значения метафор не всегда находятся «на поверхности», и необходимо приложить когнитивные усилия, чтобы постичь суть метафорического переноса. Концептуальная интеграция представляет большой интерес для более глубокого концептуального изучения терминологии, являясь эффективным инструментом для воссоздания концептуальных связей, которые служат основой метафоризации терминологии.

Список использованных источников

1. Аристотель. Поэтика; Риторика; О душе / Пер. с древнегреч. В. Аппельрота, Н. Платоновой и П. Попова. – М.: Мир книги, Литература, 2007. – 400 с.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс (Вступительная статья) // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
3. Выготский Л. С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1968. – 357 с.
4. Глебкин В. В. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера: опыт системного анализа // Вопросы философии. – 2013. – № 9. – С. 161–174.
5. ГОСТ Р 58904-2020/ISO/TR 25901-1:2016. Сварка и родственные процессы. Словарь. Часть 1. Общие термины = Welding and allied processes. Vocabulary. Part 1. General terms : национальный стандарт Российской Федерации : издание официальное : утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 июня 2020 г. N 317-ст : введен впервые : дата введения 2020-10-01 / подготовлен Саморегулируемой организацией Ассоциацией «Национальное Агентство Контроля Сварки» (СРО Ассоциация «НАКС»). – Москва: Стандартиформ, 2020. – 36 с.
6. Деррида Ж. Поля философии / Пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. – М.: Академический Проект, 2012. – 376 с.
7. Толковый словарь Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 18.01.2024).
8. Флоренский П. А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) // Сочинения. В 4 т. Т. 3 (1). – М.: Мысль, 2000. – 622 с.
9. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive science. – 1998. – V. 22. – № 2. – 133–187 p.
10. Merriam-Webster dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 18.01.2024).
11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1980. – 242 p.

УДК 81`42

**ЛИНГВОПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СРЕДСТВ
ИНТЕНСИФИКАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ*****Р. И. Кибкало¹¹,****аспирант, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный
университет, Ставрополь*

Аннотация. В данной статье рассматриваются лингвопереводческие особенности средств интенсификации высказывания в научно-популярном дискурсе. Подробно иллюстрируются сложности перевода количественных интенсификаторов, связанных с различием в системах градации признаков в английском и русском языках. На основании примеров делается вывод о возможности передачи качественных интенсификаторов без существенных переводческих трансформаций.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, научное знание, средства интенсификации, эквивалентность, шкала оценки, степень интенсификации, рациональная оценка.

Summary. This article analyses linguistic and translation feature of statement intensification in popular scientific discourse. The difficulties of translation of quantitative intensifiers are illustrated, which are connected to the difference in the feature scale systems of the English and Russian languages. A conclusion about the possibility of interpreting qualitative intensifiers with utilizing few translation methods is given based on the examples.

Keywords: popular scientific discourse, scientific knowledge, means of intensification, equivalence, grade scale, intensification level, rational evaluation.

В современном мире изучение космоса является одной из важнейших и престижных задач большинства государств. В этот процесс вовлечены ученые–астрономы и астронавты по всему миру, вне зависимости от национальной принадлежности, политики и языка, на котором они говорят. В связи тем, что среднестатистический человек не обладает необходимой научной и технической подготовкой для чтения научных трудов, ученые всего мира стараются опубликовать свои достижения, теории и концепции в научно–популярных изданиях. Поэтому актуальным и востребованным представляется качественный перевод научно-популярной литературы, способствующий, несомненно, эффективной популяризации научного знания и подразумевающий правильную по смыслу передачу экспрессивных средств как знаков имплицитного авторского присутствия.

Объектом исследования послужили средства интенсификации высказывания, которые в научно-популярных текстах выполняют различные прагматические функции. Использование автором–популяризатором подобных средств необходимо для того, чтобы «в сознании человека возникли новые представления, картины, эмоции, неизвестные читателю, не соотносимые с уже готовыми, а потому, нуждающиеся в каких-то особым средствах описания» [2, с. 190]. Информация, неизвестная читателю, часто присутствует в научно-популярных текстах, что и обуславливает важность применения в них

¹¹ Научный руководитель: к. филол.н., доцент Ю. П. Иванашко

средств интенсификации. Актуальность исследования заключается в необходимости рассмотреть основные лингвопереводческие особенности данных текстов, что позволит обеспечить коммуникативную эквивалентность перевода и, соответственно, эффективность популяризации научного знания.

Цель данной работы – раскрыть лингвопереводческую специфику текстов научно-популярного дискурса с акцентом на трансляции средств интенсификации высказывания, снабдив свои наблюдения лингвопрагматическим и переводческим комментарием на основе исходного и переводного текстов. Под научно-популярным дискурсом мы понимаем совокупность текстов, как оригинальных, так и переводных, посвященных исследованию космических просторов. Материалом исследования послужили примеры из англоязычной научно-популярной книги К. Сагана «Космос», а также ее перевод на русский язык.

В рамках функционального подхода научно-популярный текст можно охарактеризовать как «текст, излагающий научные сведения для неспециалиста в данной области знания и реализующий коммуникативную установку на удовлетворение познавательного интереса адресата» [1, с. 37]. При этом коммуникативная стратегия, с помощью которой автор реализует главную цель коммуникации, строится на двух факторах – «научно» и «интересно», стимулирующих познавательную активность адресата.

По наблюдениям ученых, «знание не может рассматриваться только как результат когнитивных механизмов, оно является неким процессуальным феноменом в его динамическом развитии как понимании» [6, с. 134]. В научно-популярных текстах презентация знания тесно связана с личностным аспектом презентации информации, что предполагает широкое употребление средств выражения авторской оценки. Отметим, что для научно-популярных текстов характерно преобладание средств рациональной оценки практической ценности нового знания, что сближает их с собственно научными текстами [7, с. 73].

Однако, как демонстрирует Е. М. Вольф, доминирование рациональной оценки отчасти нивелируется средствами выражения интенсификации оценки, которые вносят в оценку «аффективный» компонент, способствуя усилению ее эмотивной стороны: *Говоря объективно, она красива; но *Говоря объективно, это потрясающе* [4, с. 43]. Автор научно-популярного текста, добавляя в свое произведение средства интенсификации, сознательно идет на такой шаг, чтобы упростить сложный научный характер повествования, повысить выразительность и убедительность рассуждений.

Виды интенсификации высказывания представлены двумя типами: интенсификация внешней формы и интенсификация содержания. Оба типа интенсификации обнаруживают дальнейшее подразделение на 1) континуальную (*big structures, huge galactic computer, giant moon*) и 2) дискретную (*the impenetrable atoms*) интенсификацию. Усиливая

содержание, автор выдвигает на первый план либо 3) качественный (*stony denials*), либо 4) количественный аспект интенсификации (*a million years*). Интенсификация качественного содержания, в свою очередь, может быть либо а) предельной (*infinitely old universe, endless cycle of deaths*), либо б) неопредельной (*somewhat smarter*). Количественная интенсификация также существует в двух видах: а) точная (*for thousands of years*) и приближительная (*for ages*). Наконец, как качественная, так и количественная интенсификация может быть либо а) гиперболизированной (*in the eighteenth century*), либо б) мейотической (*a little more time*) [2, с. 10]. В ходе анализа переводческих решений мы будем обращаться к данной классификации средств интенсификации.

Взаимодействие интенсификаторов с существительными в тексте научно-популярной книги чаще всего организовано по типовой модели «определяющее – определяемое», в которой интенсификатор выполняет роль определяющего члена усилительного словосочетания. Текст рассматриваемого произведения содержит большое количество различных измерений времени, величины, статистических данных, которые часто сопровождаются интенсификаторами, подчеркивающими авторскую позицию. Этот фактор объясняет значительное количество языковых единиц этой категории во многих научно-популярных текстах.

Лингвопереводческий анализ оригинала предполагает уточнение понятия «эквивалентность перевода». По В. С. Виноградову, под эквивалентностью понимается «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и в переводе» [3, с. 18-19]. Это касается как эксплицитно, так и имплицитно выраженной рациональной информации, по-разному отражающей авторскую позицию. Степень интенсификации, которая представляет собой особый вид оценки, репрезентируется в виде шкалы оценок, располагающей количественные и качественные признаки предмета в некотором ряду по нарастанию/убыванию этого признака [4, с. 47-48]. Наличие такой градации признака предмета означает невозможность достижения полной эквивалентности перевода, вследствие различий в градации признаков в языке оригинала и перевода. Приведем несколько примеров предложений с наличием средств интенсификации, а также прокомментируем переводческие решения, сравнив тексты оригинала и перевода.

В приведенном ниже примере автор использует количественный интенсификатор в виде словосочетания *billions upon billions*, в котором наречие *upon* играет важную роль в увеличении степени интенсивности высказывания, при этом буквальный перевод звучит как *миллиардов над миллиардами*. Переводчик использует прием дифференциации, употребляя одно из значений данного наречия: *миллиардов и миллиардов*. Таким образом, по сравнению с оригиналом, в переводе снижается степень интенсификации выражения.

*A galaxy is composed of gas and dust and stars **billions upon billions** of stars* [8, с. 11]. – Любая галактика состоит из газа, пыли и звезд – **миллиардов и миллиардов** звезд [5, с. 23].

Следующий пример, напротив, демонстрирует определенную долю эквивалентности в отображении шкалы оценок предметов в русском и английском языках. В оригинале интенсивами, выражающими степень размера, выступают прилагательные *tremendous, great, enormous*, которые репрезентируют континуальный и качественный виды интенсификации. Если сравнивать данные прилагательные, как если бы они находились на единой шкале оценок, тогда они бы расположились по нарастанию степени признака таким образом: *great – tremendous – enormous*. В тексте перевода на русский язык данные признаки были переданы как *ужасный, мощный, гигантский*. По степени нарастания признака они располагаются в аналогичном порядке: *мощный – ужасный – гигантский*. Следовательно, можно говорить о вероятности высокой точности перевода качественных интенсификаторов с английского на русский язык.

*The key point of the Tunguska Event is that there was a **tremendous** explosion, a **great** shock wave, an **enormous** forest fire, and yet there is no impact crater at the site* [8, с. 52]. – Главная особенность тунгусского феномена состоит в том, что и **ужасный** взрыв, и **мощная** ударная волна, и **гигантский** лесной пожар были налицо, но на месте падения не образовалось ударного кратера [5, с. 93].

Рассматривая приводимый далее пример, мы можем отметить, что в данном предложении в качестве средства интенсификации, выражающего качественное содержание объекта, выступают сочетание наречия и прилагательного *poignantly beautiful*, которые также были переданы в переводе сходной конструкцией: *исключительно красивое*. *Poignantly* в оригинале имеет значение пронзительно красивое место, трогающее до глубины души, вызывающее эмоции. Как мы видим, оно было передано на порядок более нейтральным словом *исключительно*, которое не передает сему «задевающий чувства». Переводчик решил передать оригинальное выражение при помощи нейтрализации, подобрав нейтральный синоним, который иначе расположен на шкале оценки признака.

*In the cosmic perspective it is, as I have said, **poignantly beautiful** and rare; but it is also, for the moment, **unique*** [8, с. 13]. – По космическим меркам, как я уже говорил, это **исключительно красивое** и редкое место; более того, на сегодня оно просто уникальное [5, с. 32].

В следующем предложении мы можем наблюдать большое количество средств интенсификации, используемых автором для подтверждения своих мыслей. Союз *so* особенно активно употребляется как средство повышения интенсивности признака вместе с наречиями *well, much, harmoniously*, что передается при переводе несколькими способами: во-первых, с помощью эквивалентного по смыслу союза *так* и, во-вторых, при помощи приема лексического свертывания, что трансформирует

оригинальное выражение *resonates so harmoniously* в словосочетание *настолько созвучно*, при этом был выбран другой вариант перевода наречия *so* во избежание повтора. Кроме того, интенсификатор *virtually every* был передан прямым переводом: *практически любая*. В результате в полной мере был сохранен смысл оригинала.

The scientific world view works so well, explains so much and resonates so harmoniously with the most advanced parts of our brains that in time, I think, virtually every culture on the Earth, left to its own devices, would have discovered science [8, с. 108]. – *Научное мировоззрение работает так хорошо, объясняет так много и настолько созвучно с наиболее развитой частью нашего мозга, что со временем, я полагаю, практически любая культура Земли, предоставленная самой себе, пришла бы к науке* [5, с. 194].

Таким образом, в ходе лингвопереводческого комментария было показано, что при переводе средств интенсификации в текстах научно-популярного дискурса существует возможность достижения высокой степени эквивалентности, хотя при этом передача степени интенсивности признака при переводе количественных и некоторых видов качественных прилагательных представляет сложность в связи с различием градации признаков в английском и русском языках, передача качественных континуальных интенсификаторов возможна без применения трансформаций, изменяющих смысл высказывания.

Список использованных источников.

1. Баранова И. И. Функциональные особенности научно-популярных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1995. – 183 с.
2. Безрукова В. В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. – 222 с.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
5. Саган К. Космос: Эволюция Вселенной, жизни и цивилизации. [пер. с англ. А. Сергеева]. – СПб.: Амфора, 2008. – 370 с.
6. Серебрякова С. В., Плохая Е. Е. Дихотомия когнитивного пространства: о корреляции понятий «знание» и «информация» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 3(31). – С. 130–137.
7. Якубова В. Ю. Языковые средства оценки практической значимости нового научного знания в англоязычном научно-популярном тексте // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2013. – № 2 (63). – С. 70–78.
8. Sagan C. Cosmos. New York: Random House, – 1980. – 366 p.

УДК 81'255

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ ВНУТРИЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ЗНАЧЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ*****В. В. Курникова,****ассистент, кафедра иностранных языков, филологический факультет,
Амурский государственный университет, Благовещенск*

Аннотация: В статье представлены результаты исследования, проведенного методом сопоставительного анализа и количественного подсчета, направленного на выявление переводческих ошибок, связанных с неверным выражением внутрилингвистических значений в тексте перевода.

Ключевые слова: перевод, исходный язык, переводящий язык, языковая система, внутрилингвистические значения.

Summary: The article presents the results of a study conducted using the method of comparative analysis and quantitative calculation, aimed at identifying translation errors associated with incorrect expression of intralinguistic meanings in the translation text.

Key words: translation, source language, translating language, language system, intralinguistic meanings.

Под внутрилингвистическим значением имеется в виду отношение языкового знака к другим знакам той же языковой системы. Такие отношения между знаками одной языковой системы многогранны и разнообразны. Л. С. Бархударов относит к данной категории отношения звукового сходства, отношения сходства морфемной структуры слов, отношения семантического сходства или несходства, отношения сочетаемости слов друг с другом в строе предложения и т. д. [1, с. 133]

Здесь следует упомянуть о таком понятии как «переводимость». С. Б. Велединская трактует данное понятие как «принципиальную возможность перевода с одного языка на другой». Она приводит концепцию «полной переводимости», из которой следует, что «всякое описание действительности на одном языке может быть перевыражено средствами другого языка благодаря наличию в этих языках одинаковых понятийных категорий». Однако при этом она справедливо замечает, что этот принцип далеко не всегда может быть применен и противопоставляет данной концепции концепцию неполной переводимости, основанную на том, что «в процессе коммуникации информация передается лишь частично». Ограничивают же полную переводимость сугубо лингвистические ограничения и ограничения, определяемые различиями между двумя культурами. О внутрилингвистических значениях она говорит в ключе неполной переводимости, так как «лингвистические значения, как правило, вообще не сохраняются в процессе перевода». С. Б. Велединская считает, что с подобными трудностями приходится иметь дело в основном при переводе каламбуров, построенных на полисемии, омонимическом или паронимическом сближении слов [2]. Такого же мнения придерживается и Л. С. Бархударов говоря о том, что в процессе перевода внутрилингвистические значения могут переданы лишь в минимальной степени, а могут не сохраниться вообще, однако в определенном контексте

они не могут быть опущены, вследствие чего возникает необходимость в их переводе. В итоге он делает вывод о том, что «в теории перевода нет никаких незыблемых правил «на все случаи жизни» [1, с. 142].

Действительно во многих случаях, если переводчик по какой-либо причине не может передать внутрилингвистическое значение, то ограничивается примечанием «непереводимая игра слов». Однако Н. Галь считает, что этим примечанием переводчик «расписывается в собственном бессилии». С. И. Влахов отмечает, что буквального перевода при работе с внутрилингвистическими значениями достичь можно только в качестве очень редкого исключения, а следовательно переводчик должен четко понимать, чем он может пожертвовать, а чем нет. Следует ли ему сохранить содержание, отказавшись от передачи внутрилингвистических значений либо передать его, пожертвовав прагматическим или же референциальным значением лексических единиц. С. Влахов указывает на то, что зависит это в первую очередь от широкого контекста, возможно даже от всего текста в целом, а «уже на втором месте учитываются «каламбурные возможности» ПЯ по сравнению с ИЯ и лексические данные самих единиц» [3, с. 291].

Материалом исследования послужил оригинальный текст романа Томаса Харриса «Молчание ягнят», впервые опубликованный в 1988 г. и текст перевода 1993 года. Исследование проводилось путем сопоставительного анализа двух вариантов текстов: оригинала романа «The silence of the lambs» и его перевода на русский язык И. Бессмертной и И. Данилова. В рамках исследования был осуществлён отбор узких контекстов (частей текста в пределах одного или нескольких предложений) оригинального и переводного произведений, содержащих лексические единицы, при передаче которых было обнаружено искажение смысла, основанное на неверной передаче внутрилингвистических значений, что привело к неправильному решению переводческой задачи.

Переводческие ошибки, связанные с переводом внутрилингвистических значений, составили всего 1,94% от всех переводческих ошибок, выявленных в ходе настоящего исследования. Некоторые из них были основаны на реалиях либо терминологии.

Текст оригинала	Текст скорректированного перевода	Перевод И. Бессмертной
– This is called ' <i>cutting up a few old touches</i> ,' Officer Starling, you don't mind, do you? – Better than that, we could <i>touch up a few old cuts here</i> .	– Это называется « <i>вспоминать прошлое</i> ». Вы ведь не против, офицер Старлинг? – Лучше <i>подумаем о будущем</i> .	– Попробуем <i>подытожить бывшие достижения</i> . Как, офицер Старлинг, нет возражений? – Лучше <i>попробуем достичь новых итогов</i> .

Данный каламбур построен на сходстве морфемной структуры глаголов *cut up old touches* и *touch up*, которые имеют значения «сплетничать, вспоминать о прошлом» и «отделывать, поправлять, исправлять» соответственно. В тексте оригинала подразумевается, что доктор Лектер желает вспомнить прошлое, так сказать, посплетничать со

Старлинг об общих знакомых, на что Старлинг отвечает, что хочет поговорить с ним о деле. Вполне возможно в данном случае использовать русские выражения «вспоминать прошлое» и «подумать о будущем», однако в таком случае будет утерян намек на *few old cuts* – «несколько старых порезов». Здесь имеются в виду порезы на лице, которые получил Уилл Грэм из-за Ганнибала Лектера.

В следующем примере каламбур построен на отношении звукового сходства лексических единиц – рифмы слов *book* и *look*.

Текст оригинала	Текст скорректированного перевода	Перевод И. Бессмертной
"Book or look, Pilch?" Roden said. "I'll look." Pilcher moved the specimen to the stage of a microscope and hunched over it with a dental probe in his hand.	«Сочинение или наблюдение, Пилч?» – сказал Роден. «Наблюдение», – Пилчер поместил образец под линзу микроскопа и склонился над ним с зубным зондом в руке.	– Будешь с определителем работать или с микроскопом? – спросил Роден. – С микроскопом. Пилчер поместил кокон под линзу микроскопа и склонился над ним с зубоветеринарным зондом в руке.

Как мы можем видеть, в тексте перевода И. Данилова это никак не передано, однако данную игру слов вполне возможно сохранить в русском языке, подобрав рифмующиеся слова: «сочинение» и «наблюдение».

В следующем отрывке автор текста оригинала явно хотел показать, что стихотворение написал кто-то неграмотный.

Текст оригинала	Текст скорректированного перевода	Перевод И. Бессмертной
I WAN TOO GO TO JESA I WAN TOO GO WIV CRIEZ I CAN GO WIV JESA EF I AC RELL NIZE	Я ХАЧУ ПАЙТИ К ИССУССУ Я ХАЧУ К ХРЕСТУ ПРИЙТИ Я СМАГУ УЙТИ С ИССУССАМ ЙЕСЛИ БУДУ ХАРАШО СИБЯ ВЕСТИ	Я ХАЧУ УЙТИ К ИССУССУ Я ХАЧУ С ХРЕСТОМ ПАЙТИ Я СМАГУ УЙТИ С ИССУСАМ ЭСЛЕ БУДУ ХАРАШО СИБЯ ВЕСТИ

Переводчик отразил это в тексте перевода, однако не обратил внимание на то, что далее в тексте оригинала говорится о том, что в этом стихотворении отражается линейная прогрессия – в тексте перевода он этого не отразил. В данном случае необходимо выразить её как «пойти», «прийти» и «уйти».

В следующем отрывке игра слов основана на семантическом сходстве.

Текст оригинала	Текст скорректированного перевода	Перевод И. Данилова
"Will Catherine Martin come and talk to me – only about her captor – if I decide to publish? Talk exclusively to	– А Кэтрин Мартин сможет прийти и рассказать мне о ее похитителе – только о нем – если я решу	– Кэтрин Мартин сможет прийти ко мне и рассказать о своем похитителе, только о нем, если я захочу

me?" "Yes. <i>You can take that as a given.</i> " "How do you know? <i>Given by whom?</i> " "I'll bring her myself."	опубликовать такую работу? Исключительно мне одному? – Конечно. <i>Примите это как данность.</i> – С чего бы? <i>Как данность, данную кем?</i> – Я лично приведу ее к вам.	опубликовать такую работу? И только со мной одним, эксклюзивно? – Да. <i>Считайте договор подписан.</i> – Откуда вы знаете? <i>Подписан кем?</i> – Я сама ее приведу.
---	---	--

Переводчик отметил выражение «*You can take that as a given*» как «Считайте договор подписан», однако здесь вполне возможно перевести высказывание буквально – «Примите это как данность», то есть в данном случае игра слов полностью переводится на русский язык без изменений.

В результате проведенного исследования были выявлены проблемы достижения переводческой эквивалентности при передаче внутрилингвистических значений при переводе художественного текста. Внутрилингвистические значения составили самую малую группу переводческих ошибок (1,94%). Это связано с тем, что явления, входящие в категорию внутрилингвистических, малочисленны в языке оригинала. В ходе исследования нами были выявлены проблемы передачи единичных случаев использования игры слов, каламбура, аллитерации, линейной прогрессии. Экспериментальные данные, полученные в результате проведения вышеупомянутых видов исследования, основываются на теоретических изложениях и практических изысканиях, представленных в трудах, посвященных теории перевода.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения. – 1975. – 240 с.
2. Велединская, С. Б. Курс общей теории перевода: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 230 с.
3. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. – 340 с.
4. Харрис Т. Молчание ягнят. [пер. с англ. И. Бессмертной, И. Данилова]. М: Эксмо. – 2021. – 496 с.
5. Harris T. The silence of the lambs. St. Martin's Paperbacks. – 1991. – 384 p.

УДК 81`42 : 82-1 : 811.111

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ОБРАЗНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКИХ
ТЕКСТАХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
(ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)****Н. Н. Кислицына,***доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков № 1***О. А. Москвичёва,***кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1,**Институт филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Поэтический текст как одно из высших проявлений осмысления человеком реального и воображаемого миров, как воплощение в словесных поэтических образах ценностных установок и размышлений человека о смысле бытия и своей роли в обществе, привлекает внимание исследователей, придерживающихся как принципов традиционных лингвопоэтических и лингвосемиотических направлений, так и новейших парадигм, а именно, поэтико-когнитивной и лингво-когнитивной. В работе авторы представляют особенности переводческих трансформаций, осуществляемых в процессе перевода с целью передачи образности поэтических текстов.

Ключевые слова: поэтический текст, метафора, метонимия, образность поэтического текста.

Summary. A poetic text as one of the manifestations of a person's understanding of the real and imaginary world, as the embodiment of values and assessments in poetic images continues to attract the attention of scientists who carry out their researches not only in the traditional, linguistic, poetic and semiotic paradigms but also in the newest paradigm which represents the *threefold* entity: the poetic, linguistic and cognitive. In the article the authors illustrate peculiarities of translation transformations that are made with the aim to outline images in poetical texts.

Key words: a poetical text, metaphor, metonymy, images in poetry.

Поэзия в лексикографических источниках толкуется как художественно-образное словесное творчество [1]. Термин «*поэзия*» связан с искусством слова и фольклором и в более узком смысле представляет собой ритмически организованную речь, сформированную на основе конкретно-исторической системы в отличие от прозы. Поэтический текст отражает «другую реальность», связанную с окружающим миром многими ассоциативными каналами. Опираясь на иррациональные принципы мировидения, поэзия тем самым разнится с логическими структурами и отличается от прозы с ее выразительным логическим компонентом. Мистичность поэтического слова обусловлена способностью поэтов влиять на человеческие души, побуждать читателя стихотворения сопереживать вместе с поэтом, постигать собственную сущность и свое место во Вселенной [2, с. 115; 4, с. 232-233].

Трактовка **поэтического текста** в филологическом ракурсе основывается на научной традиции **поэтики** (от греч. *poietike* ‘мастерство созидания’; *poieō* ‘создавать’; *poietike tehne* ‘творческое, поэтическое искусство’), в сферу исследования которой входит изучение теории поэзии [11, с. 85]. Поэтика представляет собой теоретическую основу для филологического анализа художественных текстов и литературных

явлений, литературных направлений и течений, индивидуального поэтического творчества с учетом генезиса последнего, его сущности, видов, форм и эстетичности [13, с. 57-60]. С позиции поэтики исследуются эстетика и теория поэтического искусства, генезис или синкретизм поэтического творчества, очерчиваются образность и символизм стихотворных текстов, разновидности поэтических текстов по жанрам, их формы, мотивы, сюжеты, лирические герои, тропы, диалогичность и монологичность.

Ведущая роль поэтических текстов в отображении действительности при создании образности в лингво-когнитивном аспекте обуславливается культурой определенной нации и обращением поэтов к извечным проблемам бытия человека, жизни и смерти [14, с. 18]. Поэзия в любой культурно-исторический период была и останется реакцией поэта на проблемы общества, войны, политические события, представляя собой рефлексию поэта, его духовную исповедь перед читателем.

Творение образности в поэтическом тексте и отображение действительности в стихах путем словесных поэтических образов характеризуется постепенной эволюцией от метафоры к символу, от символа-аллегории к метонимии, от метонимии к знаку [12, с. 504-506]. Со времен Античности глубинная сущность поэзии заключалась в отображении действительности путем словесной гармонии и ритма. Антропоцентричность поэзии и ее переводов обуславливается креативностью языковой личности – «автора исходного, оригинального текста, языковой личности переводчика и языковой личности потребителя перевода, адресата (читателя или слушателя)» [8, с. 147]. Поэт предстает активным соучастником окружающей действительности, иногда имплицитным, который обращается к известному или неизвестному собеседнику или адресату с интенцией привлечь внимание к тем проблемам, которые его волнуют [4, с. 15].

Историзм в поэтическом творчестве и образность стихотворных текстов способствуют отображению основных исторических, культурных, общественно-политических событий в корпусе поэзии. Бытие отдельной личности и целого общества связано с историческим временем, а поэт, как посредник между бытием и историей этноса, является активным участником отраженной им в поэтическом творчестве исторической действительности. Представления человечества и поэта об истории, о времени, об основных общественно-исторических событиях, о сущности культурно-исторических периодов могут быть разными в зависимости от эпохи и лингвокультурного сообщества, тем ответственней роль переводчика.

Отражение действительности в поэзии и создание образности в когнитивном аспекте тесно связано с языком определенного лингвокультурного сообщества, потому что в поэтическом мышлении репродукция реальности преодолевает путь от мышления поэта к вербальному выражению своего мировоззрения, к реализации поэтической

позиции с помощью лексических единиц и к украшению текста словесными поэтическими образами. Схематично этот процесс можно представить таким образом: мышление поэта → язык → поэзия [4, с. 47].

Репродукции действительности в поэтическом тексте способствует его образность, которая создается поэтом путем использования стилистических приемов и фигур, в частности тропов. Тропы – это не только образная сетка, сквозь которую воспринимается мир, но и определенное субъективное отношение к реальности, которое демонстрирует особенности мировоззрения и ощущение действительности. Сравнения, метафоры, метонимии как выразительно-изобразительные средства являются двухаспектными, поскольку объективно выражают денотативное содержание, а субъективно – отношение, проявляющееся в различных коннотациях и оценке: «При переводе, прежде всего, необходимо адекватно передать основные функции текста, например, информативную, апеллятивную, контактную и другие. Одним из способов передачи данных функций является эквивалентный перевод языковых единиц, обладающих оценочной семантикой» [7, с. 176].

Благодаря образности, воплощенной в поэтическом тексте с помощью тропов, читатель может представлять предметы окружающей действительности и постигать сущность своего бытия. Образ является основным средством художественного обобщения действительности, знаком объективного коррелята человеческих переживаний и особой формой общественного сознания, этноспецифичной для каждого лингвосоциума, что обуславливает трудности перевода. Сопоставление текстов оригиналов и их переводов часто показывает существенные расхождения, так называемые «лексико-семантические сдвиги при передаче метафорической образности» [6, с. 200].

Приведенный ниже фрагмент сопоставительного анализа оригинала стихотворения Э. Дикинсон «Success» и вариантов его переводов показывает потенциально возможные расхождения при передаче образности [6, с. 199-200].

Так, в переводе В. Н. Марковой нарушена образная структура стихотворения, вследствие использования выражений «на дне беды» и «ни капли воды», которые отсутствуют в оригинале. Экспрессивно-образное выражение «*the purple Host*» в переводах В. Н. Марковой и А. А. Гришина репрезентируется частично и представлено словосочетанием «пурпурное Воинство». Если английское «*Host*» имеет в русском языке вариант перевода «Воинство», то «*purple*» не находит прямого соответствия в русском языке: это может быть и «пурпурный, и фиолетовый, и багровый, а также кровавый». Кроме того, выражение «пурпурное Воинство» не может обеспечить адекватного понимания читателем передаваемой информации, так как в российской лингвокультуре не распространено коннотативное значение «*purple*» – «власть». Символизм цветоименования полностью утрачен и в переводе И. А. Лихачева, в котором экспрессивное выражение

«purple Host» передано выражением «бряцающие Войска»:

<i>Emily Dickinson</i> “Success” ^[14] 1859	Перевод «Успех» ^[9] Маркова В. Н. 1981	Перевод «Успех» ^[3] Лихачев И. А. 1976	Перевод «Успех» Гришин А. А. ^[3] 1996
1. Success is counted <u>sweetest</u> By those who ne'er succeed.	Успех всего <u>заманчивей</u> На самом дне беды.	Тем, кто не знал успеха Он <u>сладостней</u> всегда.	Успех всегда <u>так</u> <u>сладок</u> Не ведавшим его.
2. To comprehend a nectar Requires sorest need.	Поймешь, как сладостен нектар – Когда – ни капли воды.	Вполне оценит нектар Лишь горькая нужда	Постигнуть вкус нектара Лишь страждущим дано.
3. Not one of all <u>the</u> <u>purple Host</u> Who took the Flag today	Никто в <u>пурпурном</u> <u>Воинстве</u> – Сломившем все на пути –	Никто в <u>бряцающих</u> <u>Войсках</u> , Дерзнувших знамя взять,	Никто в <u>пурпурном</u> <u>Воинстве</u> , Поднявшем флаг с земли
4. Can tell the definition So clear of Victory	Не смог бы верней и проще Слова для Победы найти –	Ясней не даст ответа, Что значит Побеждать,	Не может смысл Победы Точней определить,
5. As he <u>defeated</u> – <u>dying</u> – On whose <u>forbidden</u> <u>ear</u>	Чем <u>побежденный</u> – <u>поверженный</u> Сквозь <u>смертной</u> <u>муки</u> <u>заслон</u>	Как <u>тот разбитый</u> – <u>павший</u> – О чей <u>бессильный</u> <u>слух</u>	Чем тот – <u>сраженный</u> – <u>Воин</u> , <u>Чей угасает слух</u> ,
6. <u>The distant strains</u> <u>of triumph</u> <u>Burst agonized and</u> <u>clear!</u>	Он <u>слышит так</u> <u>ясно – так ясно</u> – <u>Триумфа</u> <u>ликующий стон!</u>	<u>Дробится</u> <u>ликованья</u> <u>Жестокий ясный</u> <u>звук!</u>	К кому <u>летит в</u> <u>агонии</u> <u>Триумфа</u> <u>отдаленный звук!</u>

В предисловии к своим переводам стихотворений Э. Дикинсон В. Н. Маркова отмечает, что поэзия Э. Дикинсон нелегка для понимания, поскольку некоторые слова автор употребляет символически, так, с помощью лексем «лазурь» и «пурпур» поэтесса передает не столько свое видение окружающего мира, сколько «ландшафты души» [10, с. 19].

В переводе И. А. Лихачева можно наблюдать незначительный лексико-семантический сдвиг, сопровождаемый изменением положения слова в тексте стихотворения: в оригинале прилагательное в превосходной степени – «*sweetest*», передано русским прилагательным «*сладостный*» – «приятный, доставляющий удовольствие». Данный перевод не является функционально эквивалентным, так как на русском языке прилагательному

“*sweetest*” соответствует форма превосходной степени – «сладчайший». Также следует отметить, что рассматриваемое выражение занимает место в первой строке в тексте оригинала, тем самым, заявляя тему, а в переводе И. А. Лихачева оно находится во второй строке.

В переводе А. А. Гришина метафора передана с довольно большой степенью стертости. Для достижения адекватности автор перевода использует усилительное «так» перед словом «*сладок*» – краткой формой прилагательного, которая отсутствует в английском языке.

Фрагмент сопоставительного анализа стихотворения Э. Дикинсон «*Success*» и трех его переводов на русский язык, показывает, что художественный образ, как одна из форм отражения реальной действительности, предоставляет возможности человеку по-новому воспринимать мир и передавать свое собственное отношение к нему. Образ – модель действительности, которая восстанавливает информацию, полученную человеком из окружающей действительности, в новой сущности в процессе практического познания.

Образ не только отражает окружающий мир, но и материализуется в тексте, способствуя возможности передать читателю особое видение мира поэтом или переводчиком. Читатель, опираясь на собственный эстетический и социальный опыт, интерпретирует содержание образов соответствующей эпохи, а поэтический текст, как специфическое средство отображения действительности и создания образности, является процессом и результатом творческой деятельности как поэта, так и переводчика.

Список использованных источников

1. Академические направления в литературоведении: [Электронный ресурс] URL: <https://helpiks.org/8-80396.html> (дата обращения: 25.12.2023).
2. Аландский П. И. Поэзия как предмет науки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». – 2012. – 208 с.
3. Гришин А. Эмили Дикинсон. Стихи Дикинсон в русских переводах: [сайт]. – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/DIKINSON/stihi2.txt> (дата обращения: 12.12.2023).
4. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 464 с.
5. Остапенко И. В., Глухенькая Л. Н. Структура художественного языка лирического произведения как отражение мифологических стратегий авторского сознания (на материале стихотворения К. Э. Даффи "Энн Хэтэуэй") // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 4. – С. 73-90.
6. Кислицына Н. Н., Орлова М. И. Сопоставительный анализ параллельных текстов в аспекте формирования переводческих навыков (на материале стихотворения Э. Дикинсон «*SUCCESS*» и его переводов на русский язык) // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 255. – С. 198-201.
7. Кислицына Н. Н., Меленцова М. С. Контекст и значение в аспекте передачи оценочной семантики при переводе // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы III междунар. научно-практич. конфер. – Симферополь, 2019. – С. 174-177.
8. Кислицына Н. Н. Концепция языковой личности в переводоведении // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. Симферополь: «Крымский Архив». –

2012. – С. 146-152.

9. Лукинова М. Ю., Глухенькая Л. Н. Игра перевода языковой игры (на материале детской поэзии к. Э. Даффи) // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции, Симферополь, 26–28 апреля 2018 г. – С. 337-342.

10. Маркова В. Н. Сборник стихов Э. Дикинсон в переводе. М.: Художественная литература, 1981. – 350 с.

11. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. М.: Издательство «Российский университет», 1993. – 352 с.

12. Москвичова О. А. Поэтический текст у лингвопоэтических дослідженнях // Україна і світ: діалог мов та культур: матеріали междунар. науч.-практ. конф. Киев: Вид. центр КНЛУ, 2018. – С. 504-506.

13. Поливанов Е. Д. Словарь лингвистических и литературоведческих терминов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 160 с.

14. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной «Intrada», 2008. – 358 с.

15. Dickinson E. Success is counted sweetest. Available on line: <https://www.poetryfoundation.org/poems/45721/success-is-counted-sweetest-112> (accessed 15.01. 2024).

УДК 811.111+81'255.4

СОЗДАНИЕ ГЛОССАРИЯ КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА

Т. В. Косолапова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

Аннотация. В статье рассматривается предпереводческий анализ как важный этап процесса перевода, а также использование глоссария для подробного изучения лексических особенностей научно-популярного текста на предпереводческом этапе. Научно-популярные тексты совмещают в себе языковые особенности как научных текстов, так и публицистических. Это может вызывать трудности при их переводе, которые, как считает автор, можно нивелировать при помощи создания глоссария к каждому научно-популярному тексту.

Ключевые слова: научно-популярный текст, функциональный стиль, публицистический стиль, перевод, предпереводческий анализ, глоссарий.

Abstract. The article deals with the pre-translation analysis as an important stage in the translation process, as well as using a glossary for the detailed analysis of lexical peculiarities of popular science texts at the pre-translation level. The popular science texts contain language characteristics of both scientific and publicistic styles. This fact can evoke difficulties while translation, which, in the author's opinion, can be neutralized with the glossary, made for each popular science text.

Key words: popular science texts, functional style, publicistic style, translation, translation analysis, glossary.

Традиционно процесс перевода любого текста с одного языка на другой проходит три основных стадии: предпереводческий анализ, собственно перевод текста, постпереводческий анализ (редактирование).

Каждый из этапов по-своему важен и необходим. Однако именно на первом этапе – предпереводческом анализе – осуществляется глубинное исследование не только организационных, но и языковых особенностей переводимого текста.

Анализ текста можно рассматривать в разных аспектах. Он может представлять собой последовательное деление текста на простые цельнооформленные части для выделения логических связей между ними, а также восприятие и осмысление исходного сообщения [6, с. 19]. На этапе ознакомления с переводимым текстом, как правило, также осуществляется анализ, который несет в себе элементы не просто лингвистического анализа, который, безусловно, составляет базу предпереводческого анализа, но и глубинное исследование текстовых структур, его языковых характеристик, прагматических особенностей. И. А. Цатурова и Н. А. Каширина под *предпереводческим анализом текста* понимают «осознаваемую переводческую деятельность переводчика по экспликации содержания оригинала и определение инварианта перевода» [7, с. 51]. В основе такого анализа лежит понимание, в первую очередь, жанрово-стилистической принадлежности текста, которая формирует языковую ткань текста и чрезвычайно важна при анализе. М. П. Брандес и В. И. Приворотов полагают, что «специфику языка и текста, все оценочно-смысловые оттенки текста определяет не фактуальное содержание, а речевой жанр и функциональный стиль, которые изнутри пронизывают фактуальное содержание» [2, с. 3]. Общие принципы такого предпереводческого анализа позволяют раскрыть структуру текста, рассмотреть его как систему с уникальным набором языковых средств.

Объем переводимых текстов научно-популярного стиля в последние годы значительно возрос. Во многом это объясняется ростом популярности научной литературы, которая сегодня представлена для широкой аудитории практически на любую тему. Значителен рост и переводимых научно-популярных текстов. В этой связи необходимо четко обозначить не только понятие и характеристики научно-популярного стиля, но и определить специфику проводимого предпереводческого анализа. Подобные вопросы поднимаются в трудах М. Н. Кожинной, Л. К. Граутдиновой, Е. Н. Ширяевой, О. А. Крыловой, М. П. Брандес, Н. Н. Маевского, Э. А. Лазаревич, И. В. Арнольд, В. В. Хуринова и др. [4, с. 147-152].

Рассматривая жанрово-стилистические особенности научно-популярных текстов в рамках предпереводческого анализа мы, в первую очередь, обращаем внимание на их языковую неоднородность. Так, при относительно невысокой терминологической плотности информации, реализуются элементы обиходно-разговорного стиля, снижающие уровень научности текста и облегчающие его понимание реципиентами. Также, научно-популярные тексты наряду с характеристиками, присущими научным текстам (терминология, объективность, доказательность информации и проч.), обладают чертами публицистических текстов

(экспрессивная лексика, авторское видение обсуждаемого в тексте вопроса и проч.). Все эти аспекты необходимо учитывать при осуществлении предпереводческого анализа и последующего перевода научно-популярного текста.

Однако важно уделять при переводе особое внимание научной лексике, которая присутствует во всех научно-популярных текстах любой тематики. Несмотря на её невысокое удельное содержание в тексте, к каждой отдельной лексической единице необходимо верно подобрать переводческий эквивалент. В этом случае в предпереводческий анализ каждого научно-популярного текста можно внедрить создание тематического глоссария. Под *глоссарием* здесь мы понимаем словарь с толкованием и переводом на другой язык малопонятных слов и выражений, а также терминов и терминологических словосочетаний, принадлежащих определённому тексту (*автор. определение*). Как верно отмечает И. А. Мартыненко, глоссарии полезны для интеграции информации, уменьшения семантической неоднородности и облегчения взаимодействия между информационными системами [5, с. 45]. Создание глоссария по научно-популярному тексту служит своего рода научно-исследовательской работой на текстом, облегчает его понимание и упрощает последующий процесс перевода.

В. Н. Беляева и И. Р. Левин предлагают делить создаваемый глоссарий на три лексические группы: 1) единицы с широким значением, которые относятся к слою общеупотребительной лексики, но одновременно выступают и в качестве терминологических единиц разных отраслей; 2) однозначные и вариантные соответствия; 3) термины и терминологические сочетания, которым в переводческом глоссарии соответствует только однозначный эквивалент [1, с. 51-52].

В 2023 г. студентам 4 курса направления подготовки 45.03.02 «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение» Самарского государственного социально-педагогического университета было предложено рассмотреть научно-популярный текст на русском языке, который представляет собой краткую вводную статью главного редактора научно-популярного журнала «Вокруг света» (2020 г.) и осуществить его предпереводческий анализ, подразумевающий создание глоссария по тексту. Ниже предлагается исследуемый текст:

Поздравляю, мы с вами прошли отборочный тур и попали в 1% претендентов на победу в планетарном реалити-шоу «Жизнь». Напряженный шестой раунд в самом разгаре, шансы на выживание – примерно один к четырём. Хотя сложно оценить шансы, когда один из участников пытается на ходу переписать правила игры.

На Земле сейчас живёт от 10 до 50 миллионов биологических видов. Одна из свежих научных работ подводит нас к цифре 8,7 миллионов эукариот (организмов с ядрами в клетках), но даже сами авторы этой оценки предупреждают: точное число очень сильно зависит от метода

подсчета. Большинство ученых сходится в одном: 99% видов, когда-либо живших на Земле, вымерли. Планета прошла через пять массовых вымираний, в каждом из которых исчезало свыше 70% имеющихся на тот момент видов. В этих «раундах» были свои победители. К примеру, птицы и млекопитающие пережили последнюю «чистку», крокодилы (точнее, их родственники) – две последние, морские губки – все пять. Мы по сравнению с ними новички, правда, играем активнее всех. Да что там – шестое массовое вымирание запустили мы сами.

Еще пара цифр. Земля существует 4,5 миллиарда лет, жизнь на ней – 3,7 миллиарда лет (возможно, даже дольше). А человечество – 200 тысяч лет. В этом контексте призыв спасти планету звучит смешно. Спасти мы можем только самих себя. Девочка Грета, требуя сберечь природу для детей, попала в точку. Внимание к экологии не вопрос совести или сознательности. Забота о потомстве – базовый инстинкт. Если он откажет, шестой раунд мы не пройдем.

Общий объем анализируемого текста – 228 слов. Студенты выделили в глоссарий 15–25 (7 – 11% от общего объема) слов и словосочетаний, который потенциально вызывали у них трудности при переводе. При рассмотрении созданных глоссариев все выделенные лексические единицы были распределены по трём группам, в скобках представлены все варианты их перевода, предложенные студентами:

1) Собственно термины и терминологические выражения. Например: эукариот (*eukaryote*), морская губка (*sea sponge, vase sponge*), биологический вид (*biological species*), млекопитающие (*mammals*), базовый инстинкт (*basic instinct*), организмы с ядрами в клетках (*organisms with nuclei in cells*), вымирать (*become extinct*), массовое вымирание (*carnage, mass extinction*).

2) Устойчивые словосочетания нетерминологического характера, образные словосочетания, стилистические приемы. Например: отборочный тур (*qualifying / qualified round, heat round*), попасть в точку (*hit the spot, hit the nail on the head*), в самом разгаре (*in full bloom, in full swing*) переписать правила игры (*be a game changer, game changing, rewrite the rules of the game*), претенденты на победу (*contenders for the victory, applicants*).

3) Лексемы нейтрального стиля, не известные ранее переводчику. Например: призыв (*call, appeal*), чистка (*purge, last stage of extinction*), потомство (*offspring, descendants*), запустить (*launch, start*), совесть (*conscience*), сознательность (*awareness*).

Анализ данного научно-популярного текста показал, что количество терминов и терминологических словосочетаний, выбранных для глоссария не велик и, в целом, совпадал по набору слов у всех студентов. Группа, состоящая из слов нейтрального стиля, оказалась также немногочисленной. В ней присутствовали разные слова, которые не повторялись у студентов. Вероятно, это отражает разный словарный запас, который они используют при переводе. Вторая группа, представленная устойчивыми и образными

словосочетаниями – самая многочисленная. В ней отражаются разнообразные лексемы, в целом, совпадающие у студентов, для которых были подобраны 1–3 варианта перевода. Именно в этой группе в наибольшем количестве применялись переводческие трансформации при последующем переводе данного текста на английский язык.

Опыт создания подобного глоссария позволил студентам увидеть способ детального изучения переводимого текста, выявить лексические трудности на предпереводческом этапе и, вероятно, предупредить переводческие ошибки. Неоднородность выбранных лексических единиц для их включения в глоссарий доказывает межстилевое положение научно–популярных текстов, что может осложнять как предпереводческий анализ, так и сам перевод.

Список использованных источников

1. Беляева В. Н., Левин И. Р. Вопросы создания немецко–русского глоссария при переводе текстов военно–технической тематики // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2018. – № 3. – С. 49 – 54.
2. Брандес М. П., Приворотов В. И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб. пособие. – 3-е изд., стереотип. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 224 с.
3. Княжева Е. А. Переводческий анализ текста и качество перевода // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 170 – 174.
4. Косолапова Т. В. Функционально–стилистический статус англоязычных научно–популярных текстов в рамках предпереводческого анализа // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы V международной научно–практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 147 – 152.
5. Мартыненко И. А. Принципы создания англо–русского глоссария топонимической лексики // Язык и культура. – 2022. – № 8. – С. 43 – 53.
6. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. – 8-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 320 с.
7. Цатурова И. А., Каширина Н. А. Переводческий анализ текста. Английский язык: учеб. пособ с метод. рек. – 2 изд., испр. и доп. – СПб: Перспектива, Изд–во «Союз», 2008. – 296 с.

УДК 81'255

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ЛАЙФСТАЙЛ-ОБРАЗОВ (АНГЛО-РУССКИЙ ПЕРЕВОД)

Н. М. Курбанова¹²,

*обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Институт филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация: В работе освещаются основные характеристики лайфстайл-дискурса, его роль в формировании образа жизни и влияние на современное общество. Особое внимание уделяется переводу лайфстайл-образов с английского на русский язык. Рассматриваются различные стратегии и методы перевода. Проанализированы примеры перевода, выявлены особенности и эффективность различных методов адаптации

¹² Научный руководитель: д. филол.н., доцент М. В. Норец

контента к русскоязычной аудитории.

Ключевые слова: лайфстайл-дискурс, образ, перевод, культурная адаптация, лингвистическая адаптация, журналистика.

Summary. The work highlights the main characteristics of lifestyle discourse, its role in shaping lifestyles and its impact on modern society. Particular attention is paid to the translation of lifestyle images from English into Russian. Various translation strategies and methods are considered. Examples of translation are analyzed, the features and effectiveness of various methods of adapting content to a Russian-speaking audience are revealed.

Key words: lifestyle discourse, image, translation, cultural adaptation, linguistic adaptation, journalism.

Лайфстайл-дискурс амплитудно охватывает различные сферы жизни, включая моду, красоту, здоровье, питание, путешествия и социальные взаимоотношения. Существенным компонентом лайфстайл-дискурса является идеализация конкретного образа жизни, который средства массовой информации представляют в качестве идеального и желанного для широкой аудитории.

Согласно исследованиям Е. Н. Молодыхченко, «лайфстайл-дискурс ориентирован на обсуждение повседневных практик индивидов, таких как мода и стиль, уход за собой, организация досуга, приготовление еды, путешествия, отношения с противоположным полом» [5, с. 80]. Понятие «Life style» переводится как «стиль жизни». «Лайфстайл-дискурсом мы называем текстовую (поликодовую) составляющую лайфстайл-медиа» [6, с. 728].

Лайфстайл-дискурс охватывает разнообразные устные и письменные высказывания, которые используются для управления и нормализации повседневных практик людей с целью формирования их образа и самоидентификации.

Лингвистический аспект лайфстайл-дискурса включает в себя разнообразные языковые средства, используемые в процессе создания контента. К ним относятся лексические, грамматические, стилистические и риторические приемы. Одной из характеристик лингвистического аспекта лайфстайл-дискурса является применение неформальной лексики, что обеспечивает удобство восприятия текстов для широкой аудитории. Кроме того, в лайфстайл-дискурсе часто используются сленговые выражения, которые придают контенту более современный и молодежный облик.

Одной из самых важных функций лайфстайл-дискурса является трансляция медиа-потребителям, так называемого, модного имиджа. В переводе с английского языка «имидж» (от англ. Image) означает «образ, отражение, изображение», в то время, как в русском языке понятия «имидж» и «образ» несут в себе различные значения. К. Р. Каримова под образом понимает ментальное представление об объекте, формирующееся в сознании индивидуума в процессе познания и восприятия объективной реальности [2, с. 138].

Англоязычный лайфстайл-дискурс также играет важную роль в создании сообществ и поддержании диалога между различными

социокультурными группами. Он отражает текущие модные тенденции, социокультурные изменения и стандарты красоты, а также предлагает решения и вдохновение для повседневной жизни. В англоязычном лайфстайл-дискурсе существует множество примеров, которые иллюстрируют его разнообразие и влияние:

1. Модные блоги и журналы: Сайты и печатные издания, такие как Vogue, Harper's Bazaar, Elle, и Glamour, представляют модные тренды, стили и советы по стилю и моде.

2. Блоги о здоровом образе жизни: Сайты и блоги, такие как Healthline, MindBodyGreen и Greatist, предлагают советы по фитнесу, здоровому питанию, медитации и общему благополучию.

3. Туристические ресурсы: Сайты, такие как Lonely Planet, TripAdvisor и Airbnb, предоставляют информацию о путешествиях, культурных мероприятиях, отелях и ресторанах по всему миру.

4. Социальные медиа-платформы: Instagram, Pinterest и TikTok являются популярными платформами, где люди делятся своими лайфстайл-приключениями, модными образами, кулинарными экспериментами и другими аспектами своей жизни.

5. Подкасты о лайфстайле: Подкасты, такие как «The Tim Ferriss Show», «The Minimalists Podcast» и «The Joe Rogan Experience», обсуждают широкий спектр тем, связанных с саморазвитием, здоровьем, отношениями и успешным образом жизни.

При анализе переводческих решений лайфстайл-образов, особое внимание обращается на название образа, как и всякие имена, они обладают знаковым характером и выполняют разнообразные функции в коммуникации с аудиторией. Названия являются ключевым элементом в формировании восприятия и понимания содержания образа, а также способом привлечения внимания к нему. Информативная функция названий лайфстайл-образов заключается в передаче зрителю предварительной информации о содержании, жанре и основной идее образа. Название может служить своеобразным вводным ключом, помогающим понять суть и контекст образа. Рекламная функция названий состоит в привлечении внимания зрителей и вызове у них интереса к образу. Эффективное название способно привлечь внимание и создать желание узнать больше о содержании и смысле лайфстайл-образа. Кроме того, названия лайфстайл-образов могут воздействовать на зрителя, вызывая определенные эмоции и создавая определенное настроение. Они могут содержать в себе символическое значение, отражающее основные темы, идеи или конфликты образа, что помогает углубить восприятие и понимание его смысла.

Для перевода названий лайфстайл-образов на русский язык часто применяются следующие приемы:

1. Транслитерация: Некоторые названия могут быть транслитерированы с сохранением звучания и оригинального написания. Например, *remover* – ремувер, обобщенное название группы средств для

удаления макияжа с лица, лака с ногтей и бронзантов с тела; *concealer* – консилер, косметическое тональное средство, которое маскирует мелкие недостатки кожи лица; *highlighter* – хайлайтер, средство декоративной косметики для высветления и выделения отдельных участков лица.

2. Смысловой перевод: Иногда названия переводятся с учетом их значения и смысла, чтобы передать основную идею образа. Например, «*Serenity Spa Retreat*» можно перевести как «*Отдых в спа с миром и спокойствием*».

3. Замена стилистического средства: используется для сохранения эмоционального и эстетического оттенка названия. Например, аллитерация «*Fashionably Fit*» переведена рифмой «*Модно и удобно*».

4. Калькирование: *high fashion* – высокая мода; *mass culture* – массовая культура; *pencil-skirt* – юбка-карандаш; *peasant blouse* – крестьянская блузка, *self-employed* – самозанятый; *America is on the brink of a mental health crisis (on the brink of* – на грани).

Эти приемы могут быть использованы в зависимости от конкретного случая и целей перевода, чтобы наилучшим образом передать смысл и атмосферу лайфстайл-образа на русский язык.

При переводе лайфстайл-образов на русский язык в журналах о стиле и моде часто используются эквиваленты, которые передают смысл и атмосферу оригинального текста.

Например: *Discover Your Inner Chic: A Journey to Timeless Elegance.*

Перевод: *Откройте свой внутренний шик: Путешествие к вечной элегантности.*

В этом примере использованы эквиваленты, чтобы передать смысл и атмосферу оригинального заголовка, сохраняя при этом эстетику и эмоциональную окраску текста.

Перевод лайфстайл образов подразумевает необходимость руководствоваться прагматическим потенциалом оригинального сообщения, а не своим собственным отношением к его правильности и уместности. В некоторых случаях, эквивалентное воспроизведение содержания оригинала может гарантировать передачу прагматического потенциала в переводе. Однако, принадлежность реципиента перевода к другому языковому коллективу и культуре может привести к тому, что эквивалентный перевод может оказаться прагматически неадекватным. В таких случаях, переводчику необходимо прибегать к прагматической адаптации перевода и вносить в текст нужные изменения.

Локализация – этот вид адаптации крайне важен при переводе лайфстайл образов – позволяет адаптировать названия улиц, магазинов, продуктов и т.д. под язык и культуру реципиента перевода. Однако при этом необходимо быть осторожным, чтобы не потерять оригинальный смысл и идею.

Например: *Enjoy your morning coffee at the cozy café on Maple Street, where the aroma of freshly brewed coffee fills the air, and the warm sunlight*

streams through the windows.

Локализованный перевод на русский: *Насладитесь утренним кофе в уютной кофейне на улице Кленовая, где воздух наполняет аромат свежесваренного напитка, а теплый солнечный свет льется сквозь окна.*

В данном примере произведена локализация путем замены названия улицы. Вместо «Maple Street» используется «улица Кленовая», что ближе к российской культуре и ассоциациям. Также сохранены образы и атмосфера, свойственные оригинальному тексту, чтобы передать аналогичные ощущения и впечатления читателю на русском языке.

В лайфстайл-дискурсе широко используется эмотивная лексика, включающая в себя различные стилистические и языковые приемы оценки, направленные на формирование мнения общественности. Основные стилистические средства, которые используются в СМИ для создания образа известной личности, включают эпитеты, например: «*Rita Ora's Met Gala Fit Is Jaw-Dropping*». Прямой перевод данного заголовка следующий: «Наряд Риты Оры на Мет Гала впечатляет», но в русскоязычном лайфстайл-дискурсе переводчик использовал прием трансформации «Цепные гвозди Риты Оры на Met Gala» обратив тем самым внимание на элементы образа.

Подводя итоги, стоит подчеркнуть, что в современном мире лайфстайл-дискурс играет значительную роль в формировании и влиянии на образ жизни людей. Этот дискурс охватывает широкий спектр тем, включая моду, красоту, здоровье, питание, путешествия и социальные отношения, и является неотъемлемой частью медийной культуры. Исследования показывают, что лайфстайл-дискурс формируется и поддерживается различными участниками, такими как блогеры, журналисты, дизайнеры, производители товаров и услуг, а также зрители и читатели. Этот дискурс ориентирован на создание идеализированных образов жизни, представленных в медиа как желанные и привлекательные.

В процессе перевода лайфстайл-дискурса на другие языки и в другие культурные контексты важно учитывать различные языковые и культурные особенности, используя разнообразные методы перевода, такие как калькирование, транслитерацию, адаптацию. Ключевыми задачами перевода лайфстайл-дискурса являются сохранение смысла и эмоциональной окраски оригинального текста, адаптация его к культурным особенностям целевой аудитории, а также передача эстетической и информационной ценности исходного материала.

Список использованных источников

1. Зеленцова М. Г., Козлова А. Т. Новые вызовы отраслевого переводчика // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы VII международной научно-практической конференции, Симферополь, 27–28 апреля 2023 г. – С. 75–80.
2. Каримова К. Р. Понятия «образ» и «имидж» в практике СМИ и научных исследованиях // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – №4 (34). – С. 138–142.
3. Кислицына Н. Н., Мельниченко Т. В. Особенности передачи коннотации при переводе экспрессивно-оценочных метафор в публицистических текстах //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3-1(81). – С. 108-111.

4. Лукинова М. Ю., Баблюк Д. А. Локализация видео-игр и этическая проблема их перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 169-173.

5. Молодыхченко Е. Н. Коммуникативно-прагматические особенности «лайфстайл-инструкции» как интернет-жанра в культуре потребления // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – №57. – С. 79–102.

6. Молодыхченко Е. Н. Что такое лайфстайл-дискурс? Две базовые функции новых лайфстайл-медиа в сети интернет // Коммуникативные исследования. – 2019. – №3. – С. 726–743.

7. Норец М. В., Азизова А. Р. Аудиовизуальный перевод и локализация видеоигры «Метро 2033» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Том 9 (75) № 3. – С. 129-140.

8. Норец М.В., Злюфарова Ш.З. Особенности перевода медиатекста интернет-СМИ // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 26-27 апреля 2021г. – С. 220-224.

9. Чернявская О. Г., Кислицына Н. Н., Новикова Е. А. Тенденции исследований блог-дискурса (когнитивно-дискурсивный аспект) // Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы VII Международного научного конгресса, Симферополь, 07.04. 2022 г. – С. 109-114.

УДК 821.111(73).09

ОБРАЗ ПЕРСОНАЖА - ПОДРОСТКА КАК ОБЪЕКТ ОБЩЕФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ПРОКЛЯТЫЕ» Ч. ПАЛАНИКА)

И. А. Куракова¹³,

аспирант кафедры филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), КФУ имени В. И. Вернадского, Ялта

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию образа персонажа–подростка в романе «Проклятые» Ч. Паланика с применением методов общефилологического анализа. Основными содержательными аспектами анализа образа персонажа являются: изображение определенного социально–психологического типа личности подростка; описание его социального окружения, интродукция, портретная и речевая характеристики, описание поступков и авторское отношение. Как показывает автор, только в мире ада завершается процесс самоидентификации девочки подростка, где она находит смысл своего существования и место в социуме. Вместе с тем автор указывает на то, что мир ада обманчив и иллюзорен, и человек не может стать в нем полноценной самоопределившейся личностью.

Ключевые слова: образ персонажа–подростка, содержательный аспект, процесс самоидентификации личности, общефилологический анализ, Чак Паланик.

Summary. This article is devoted to the means of creating an image of teenage girl in the novel "The Damned" by Ch. Palahniuk. The main aspects of character image analysis are: the image of a certain socio–psychological type of a teenager, description of his social

¹³ Научный руководитель: д. филол. н., профессор Г. И. Лушникова

environment, introduction, portrait and speech characteristics, description of the character's action, author's attitude. According to the author the process of self-identification of the main character is most productive only in the hell, where she comes to realise the meaning of self-existence and achieves the appropriate social status. However, the author shows that the world of the hell is deceptive and illusory, and it is not possible to become a full-fledged self-determined person in it.

Key words: literary image, plot characteristics, self-identification process, philological analysis, Chuck Palahniuk.

Одним из значимых способов создания автором художественного мира произведения является образ персонажа. По мнению Е. Б. Борисовой и ряда других исследователей, при анализе образа персонажа в произведении наиболее целесообразно использовать общепилологический подход, который объединяет методы лингвистики и литературоведения, а также некоторых других дисциплин, таких как социолингвистика и лингвокультурология: «общепилологическое исследование обязательно предполагает связь лингвистического анализа художественного произведения с литературоведческим и включает в себя глубокое изучение словесной ткани произведения, его идейного замысла и заключённых в нём образов, наряду с выявлением индивидуальных особенностей словесно-художественного мастерства писателя» [5, с. 34]. Литературоведение рассматривает содержательный аспект образа персонажа, который так или иначе связан с идейно-тематическими доминантами произведения, в то время как лингвистика изучает способы его создания, то есть уровни словесной ткани произведения: «при анализе содержания понятия «художественный образ» в литературоведении и лингвистике становится очевидным, что в фокусе внимания литературоведов находится, в основном, содержательная сторона художественного произведения, в то время как для лингвистов при рассмотрении этой категории наиболее важной оказывается система языковых средств, то есть форма» [4, с. 52].

Общепилологический подход к изучению средств создания образа персонажа в отечественной науке используется в исследованиях Е. Б. Борисовой и учеников её научной школы: Г. В. Борисовой, Н. Ю. Гончаровой, О. О. Кандрашкиной, Л. М. Козеняшевой, Л. В. Палойко и других. Методика анализа персонажа, разработанная Е. Б. Борисовой, постоянно расширяется за счет изучения различных аспектов образов персонажей на материале произведений разных родов и жанров, однако, необходимо отметить, что образы персонажей-подростков не становились предметом комплексного изучения.

Актуальность нашего исследования определяется, с одной стороны, интересом ученых к различным методам и подходам к исследованию образа персонажа, с другой стороны, – недостаточной изученностью средств создания образов персонажей-подростков в современной американской литературе.

Цель нашего исследования – выявить основные средства создания образа персонажа-подростка Мэдисон в романе «Проклятые» Ч. Паланика.

С одной стороны, структура образа персонажа обуславливается характеристиками так называемого ядра личности, которое является стриженом его сознания и поведения; личность изображается как носитель определенных ценностных ориентаций, стабильных и устойчивых качеств. В этом смысле персонаж имеет независимую от сюжета значимость.

С другой стороны, именно автор определяет структуру образа персонажа художественного произведения и его роль в целостном образе произведения: «... автор интонирует каждую подробность своего героя, каждую черту его, каждое событие его жизни, каждый его поступок, его мысли, чувства...» [1, с. 9]; «сознание героя, его чувство и желание мира – предметная эмоционально–волевая установка – со всех сторон, как кольцом, охвачены завершающим сознанием автора о нем и его мире» [1, с. 17].

Итак, создание образа центрального персонажа, его взаимоотношений с другими героями определяет ключевой конфликт произведения, что, в свою очередь, детерминирует его целостную концепцию. Если автор создает заслуживающий доверия образ персонажа, конфликт будет выглядеть для читателя более достоверным; в таком случае воздействие на читателя приобретает более выраженный эмоционально–экспрессивный характер.

По словам исследователей, образ персонажа представляет собой точку соприкосновения между средствами различных языковых уровней текста и его содержанием: «... образ рассматривается как одно из центральных понятий лингвопоэтики, являющееся связующим звеном между лингвостилистическим уровнем текста и его метаметасодержанием» [8, с. 9].

По мнению Е. Б. Борисовой, «выделение ключевых содержательных аспектов образа персонажа с последующим анализом способов его воплощения дает возможность провести комплексный анализ этой типологической разновидности художественного образа, оценить его максимально качественно и объективно» [3, с. 106–107]. Исследователь выделяет шесть основных элементов образа персонажа в рамках его общелингвистического анализа: «ключевыми позициями такого анализа, по нашему мнению, являются анализ интродукции образа, портрета, характеристики способов и средств создания речевой партии, описания поступков, индикации социального статуса, а также средств воплощения авторского отношения» [3, с. 107].

Разработанную Е. Б. Борисовой методику мы используем как основу для анализа образа персонажа в художественном произведении. Однако в анализ образа подростка считаем необходимым добавить еще два параметра: а) изображение определенного социально–психологического типа личности; б) описание социального окружения персонажа. Данный выбор обусловлен особенностями личности подростка, которая находится в процессе становления. С одной стороны, центральным психологическим процессом в данный период является процесс формирования личной

идентичности, с другой, – определение собственного статуса в групповой иерархии.

Личные качества, особенности поведения, ценностные установки, статус подростка в группе, а также успешность самоидентификации личности соответствуют определенному социально–психологическому типу. Если самоопределение проходит достаточно успешно, подростка можно отнести к таким типам, как лидер и позитивно взрослеющая личность. Если подросток сталкивается со значительными трудностями на этом пути, психологи говорят о таких личностных типах, как бунтующий подросток, подросток–аутсайдер, подросток–маргинал.

Необходимо отметить, что именно социальное окружение напрямую влияет на становление и формирование личности, и, соответственно, играет важнейшую роль для объяснения автором как черт его характера, так и мотивации поведения в различных ситуациях. Кроме того, подросток еще не имеет определенного социального статуса в обществе (только в группе подростков), в связи с чем считаем целесообразным заменить параметр индикации социального статуса, предложенный Е. Б. Борисовой, на параметр описания социального окружения персонажа–подростка.

Рассмотрим образ персонажа–подростка Мэдисон, представленный в романе Ч. Паланика «Проклятые», по следующим параметрам: изображение социально–психологического типа подростка, описание его социального окружения, интродукция, словесный портрет, речевая характеристика, описание поступков, авторское отношение к героине.

Изображение социально–психологического типа подростка. Неприятие ценностей, нежелание приспособливаться к социальным нормам общества потребления, социальная изоляция являются ключевыми элементами позиционирования Мэдисон в социуме, что позволяет нам утверждать, что качества личности и поведение главной героини соответствуют характеристикам социально–психологического типа «маргинальный подросток», который, как правило, испытывает «чувство бессилия, отчужденности от происходящего в обществе» [2, с. 34].

Информацию о **социальном окружении** Мэдисон читатель получает из уст самой героини. Мэдисон живет с родителями, которые являются довольно известными персонами в сфере киноиндустрии, учится в частной швейцарской школе. В её семье часто появляются усыновленные дети (братья и сестры Мэдисон) из стран третьего мира. Всех этих людей можно назвать социальным окружением Мэдисон, которые оказывают на неё непосредственное влияние. В мире ада, социальным окружением Мэдисон является компания подростков–маргиналов, с которыми она знакомится и интересно проводит время, исследуя подземное царство. Необходимо отметить, что в реальном мире Мэдисон противостоит ценностям социума, в котором находится, в то время как в мире ирреальном она становится частью общества и вполне разделяет его взгляды.

Интродукция. Автор вводит образ главной героини Мэдисон в самом

начале романа и акцентирует внимание читателя на недостатках ее внешности. Она носит очки, так как страдает от близорукости. О себе она говорит как о девушке с лишним весом и некрасивой фигурой. В своей речи она постоянно использует прилагательное 'fat', что свидетельствует о ее неудовлетворенности своим внешним видом: «May be I'm in Hell because I'm fat – a Real Porker» [9, p. 1]. Читатель понимает, что героиня имеет довольно заниженную самооценку. Несмотря на чувство одиночества и отчуждения, Мэдисон не теряет надежды на обретение единомышленников, она все время обращается к сатане и просит его избавить её от надежды (в глубине души надеясь ее все-таки сохранить): «Help me give up my addiction to hope. Thank you» [9, p. 21].

Портретная характеристика Мэдисон представлена самохарактеристикой и практически совпадает с интродукцией.

Речевая характеристика. Внутренний монолог – ключевая форма внутренней речи Мэдисон, которая представлена повествованием, рассуждением, описанием, а также включением нескольких рефренов (риторическое обращение к Сатане; повторяющиеся фразы, в которых Мэдисон характеризует свои качества; упоминания Мэдисон о надежде). Необходимо отметить, что её речевая характеристика совпадает с самохарактеристикой, что создает целостный объемный образ главной героини.

Описание поступков. В реальном мире Мэдисон никак себя не проявляет, пытается подстроиться под чуждые для неё правила, в то время как в ирреальном мире, она достаточно активна: «I bid all the demons and devils of Hades immediately to open their stout fortress unto me» [9, p. 199]. Происходит внутреннее изменение героини под влиянием окружения и образа жизни, которые являются для неё оптимальными, особенно по сравнению с ценностями и стандартами реального мира.

Авторское отношение к героине проявляется имплицитно. К средствам выражения авторской позиции в данном романе можно отнести тональность повествования (автор сочувствует героине в мире реальном, вызывает у читателя сопереживание и чувство удовлетворения, когда героиня находится в мире ада), моделирование языковой личности персонажа (с помощью отбора языкового материала эксплицируются такие доминанты ее личности как неприятие ценностей родителей, страдание от чувства одиночества и отчужденность), чередование типов авторского повествования (рефлексивно-ретроспективное и обобщенно-описательное).

Как показал анализ образа подростка в двух разных мирах – реальном и мире ада – героиня проявляет себя в них по-разному. Парадоксальный вывод автора заключается в том, что она обретает смысл жизни и свое место в обществе только в мире ада. Однако по мысли автора, ад обманчив, и человек не может стать в нем полноценной самоопределившейся личностью.

Список использованных источников

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Бережков Н. А., Меликян А. В. Маргинальность подростков и особенности ее проявления в условиях стрессогенной социальной среды // Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 5. – С. 32–25.
3. Борисова Е. Б. Образ литературного персонажа как центральный элемент структуры и содержания художественного текста // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2015. – № 3. – Т. 10. – С. 103–108.
4. Борисова Е. Б. Художественный образ в параллельных текстах: Опыт общелингвистического анализа: монография. – Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2018. – 248 с.
5. Карачева Н. А. Образы персонажей в пьесах Дж. Б. Шоу «Пигмалион» и «Цезарь и Клеопатра» как объект общелингвистического анализа: дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2016. – 202 с.
6. Лушникова Г. И., Чемезова Е. Р. Поэтика антимира в прозе Ч. Паланика // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 405. – С. 30–37.
7. Норец М. В., Сёмченко Р. А. Анализ жанровой структуры контркультурного романа Чака Паланика "Колыбельная" // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 2. – С. 5–11.
8. Шахбаз С. А. С. Образ и его языковое воплощение (на материале английской и американской поэзии): автореф. ... канд филол. наук. – Москва, 2010. – 26 с.
9. Palahniuk Ch. Damned. – New York: Ancher Books, 2011. – 247 p.

УДК 81'25

**КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ КОЛЛОКАЦИЙ С ЛЕКСЕМАМИ
CONFLICT И SANCTIONS И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК В
КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ВОЙНЫ*****И. К. Ледникова¹⁴***

*магистрант кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков,
Институт гуманитарных наук, Алтайский государственный
университет, Барнаул*

Аннотация. Статья посвящена проблеме передачи коллокаций в переводе в ситуациях информационно–психологической войны. Обосновывается идея о том, что манипуляция информацией может привести к разжиганию конфликтов и созданию стереотипов. В работе используется корпусный подход при анализе коллокаций. Особый интерес представляют контексты коллокаций с определенными лексемами из параллельного корпуса НКРЯ. В статье делается попытка проанализировать смыслы лексических единиц в текстах англоязычных СМИ и их переводах на русский язык. Для определения смысла коллокаций используется компонентный анализ слов, который помогает объективно оценить адекватность перевода или ошибки, допущенные переводчиком.

Ключевые слова: коллокация, информационно–психологическая война, параллельный корпус, корпус, компонентный анализ, перевод

Abstract. This article deals with the problem of conveying collocations in translation with regard to information–psychological warfare. The study supports the idea that information manipulation can lead to the rise of conflicts and the creation of stereotypes. The corpus

¹⁴ Научный руководитель: д. филол. н., профессор В. Н. Карпухина

approach is used in the analysis of collocations. Special attention is paid to the contexts of collocations with specific lexemes from the parallel corpus of the National Corpus of Russian Language. The author attempts to analyze the meanings of lexical units in the English media and their translation into Russian. Component analysis of words is used to determine the meanings of collocations, which helps objectively assess the adequacy of the translation or mistakes made by the translator.

Key words: collocations, information–psychological warfare, parallel corpus, corpus, component analysis, translation

Сегодня российское общество находится не только в ситуации негативного отношения Запада к русской культуре и к русскому миру, но и сталкивается с активной информационно–психологической войной, направленной против нашей страны.

Об этом на общероссийском семинаре для команд региональных волонтерских штабов заявил первый заместитель руководителя администрации Президента РФ Сергей Кириенко: «Сегодня против России ведется настоящая война <...> – информационно–психологическая, и мы должны понимать, что она будет самой длинной, потому что ее целями будет подрастающее поколение» [16].

Информационно-психологическая война (ИПВ) – это форма соперничества, которая направлена на достижение информационного преимущества и осуществляется с помощью различных методов воздействия на массовое сознание населения или отдельных личностей, включая элиту, с целью нарушения общественно–политической ситуации в определенной стране [13, с. 20].

Инструментами информационно–психологического воздействия могут быть разнообразные методы, такие как распространение поддельных материалов, дезинформация, преднамеренное искажение информации, провокации и другие. Информационно–психологическая война Запада против России нацелена на то, чтобы убедить молодое поколение в том, что в России все не так, как, по их мнению, должно быть, и заставить это поколение сменить ценностную шкалу на западную. Подобные аксиологические установки транслируются в текстах новых медиа на английском языке.

В данном исследовании делается попытка проанализировать смыслы лексических единиц в текстах англоязычных СМИ и их переводах на русский язык (на примере коллокаций в естественной языковой среде).

В статье используется корпусный подход при анализе способов письменной передачи коллокаций с английского языка на русский. Корпусная лингвистика сосредоточена на описании языка в том виде, как он проявил себя в речи, представленной в виде подобранного корпуса текстов. Эти данные дают полное представление обо всех языковых явлениях [5]. В корпусе мы можем проследить, как функционируют лингвистические единицы в их естественной контекстной среде. Современный лингвист, эксперт в области корпусной лингвистики В. А. Плунгян утверждает, что использование корпусных данных в лингвистике позволяет получить

статистическую информацию и более полно изучить языковые аспекты [9]. С помощью поиска в корпусе можно создать конкорданс – список всех примеров использования заданного слова в контексте со ссылками на источник. В своем исследовании мы будем опираться на данные корпуса параллельных текстов НКРЯ.

Коллокация является одним из важных понятий корпусной лингвистики и рассматривается как неделимая смысловая единица перевода. О. С. Ахманова впервые представила термин «коллокация» в русской лингвистической литературе. В Словаре лингвистических терминов коллокация определяется как «лексико–фразеологически обусловленная сочетаемость слов в речи как реализация полисемии» [10]. В. В. Виноградов утверждал, что для коллокаций характерно сохранение лексического значения одного из компонентов при устойчивости словосочетания в целом, а также отсутствие или уменьшение эмоциональной и образной нагрузки [4].

В работах зарубежных исследователей термин *collocation* определяется как *the combination of words* или *multiword expression*. Впервые это понятие появилось в одном из трудов американского ученого У. Ч. Фаулера *English Grammar* (1857) при изучении внутренней структуры группы слов [3]. Затем этот термин встречается в работах американского лингвиста Д. Р. Фёрса, который предложил рассмотреть «коллокационное значение» на уровне семантики. В дальнейшем его соотечественники М. А. К. Халлидэй и Р. Хасан высказали мысль о том, что основная функциональная роль коллокаций заключается в обеспечении связности текста.

Впоследствии этот подход нашел развитие в работах специалиста по корпусной лингвистике Дж. Синклара. Однако западные лексикологи и лексикографы предпочитают узкое толкование данного термина, согласно которому коллокация определяется как связь двух языковых единиц, которые находятся в синтаксических отношениях и обладают особой лексической сочетаемостью [6].

В нашем исследовании на основе параллельного корпуса были отобраны тексты западных СМИ, в которых присутствуют наиболее интересные, с нашей точки зрения, коллокации. Особый интерес для нас представляют коллокации с лексемами *conflict* и *sanctions* и их перевод на русский язык. Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать интересующие нас коллокации и найти совпадения и расхождения смыслов коллокаций в текстах на языке оригинала и языке перевода. Для определения смысла коллокаций мы используем компонентный анализ слов, который является смысловым, семантическим анализом. Он помогает объективно оценить соответствие перевода или ошибки, допущенные переводчиком, и представить семантически полные варианты перевода.

Бесспорно, переводчик должен стремиться к адекватности перевода.

Перевод должен соответствовать оригиналу, а также соответствовать нормам языка, на который переводится текст. В связи с тем, что при переводе невозможно воспользоваться только аналогами перевода, существуют такие преобразования, которые позволяют осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле. Такие преобразования называются переводческими (межъязыковыми) трансформациями [7, с.167].

В. Н. Комиссаров выделяет лексические и грамматические переводческие трансформации [7, с. 174]. В нашем исследовании нас будут интересовать лексические трансформации, к которым можно отнести такие приемы, как: калькирование, лексико–семантические замены, конкретизация, генерализация [7, с. 176]. Также нас интересуют грамматические переводческие трансформации, в частности, добавления и опущения, и стилистические (нейтрализация).

В основу главного типа классификации коллокаций положен фактор комбинации и сочетаемости частей речи, из которых они состоят.

В нашем исследовании нас интересуют такие модели словосочетаний, как прилагательное + существительное (Adj + N), существительное + глагол (N + V), существительное + существительное (N + N), которые являются наиболее продуктивными в английском и русском языках.

Для анализа мы взяли контексты из параллельного корпуса НКРЯ, содержащие коллокации с лексемами *conflict* и *sanctions*. На примере некоторых из них мы попробуем рассмотреть совпадения и расхождения смыслов коллокаций, а также попытаемся определить, насколько перевод коллокаций соответствует оригиналу.

1) *He is cuddly and calculating; he admits to all manner of nefarious deeds but doesn't get around to guilt until Russian athletes win big at the 2014 Sochi Olympics and Putin celebrates by triggering **the bloody conflict** in Ukraine.*
русский:

*Он обаятелен и расчетлив: признается во всех смертных грехах, но только после того, как русские триумфально выигрывают домашнюю олимпиаду 2014 года в Сочи и Путин решает отпраздновать **кровавым конфликтом** на Украине [14].*

2) *United States and Western commentary on Russian nuclear doctrine often focuses on Russia's intention to use low-yield nuclear weapons in a **conventional conflict**, raising the stakes for the West.*
русский:

*Комментируя российскую ядерную доктрину, Соединенные Штаты и Запад часто уделяют основное внимание намерениям России использовать маломощное ядерное оружие в **традиционном военном конфликте**, что вынуждает Запад повышать ставки [12].*

3) *Outlining an unusual series of events that led up to the exercise, Brown said that Russia, using a communication lined edicated to avoiding **accidental conflict** between U. S. and Russian forces in Syria, had notified U. S. Lt. Gen.*

Paul E. Funk II, the commander of coalition forces in Iraq and Syria, that "they intended to enter the AtTanfde conflict zone to pursue terrorists."

русский:

*Говоря о событиях, послуживших причиной учений, Браун упомянул, что Россия, используя прямую линию, созданную во избежание **случайных столкновений** между российскими и американскими службами в Сирии, уведомила генерал-лейтенанта Пола Фанка-III, командующего силами коалиции в Ираке и Сирии, что намерена войти в подконтрольную американцам зону «для борьбы с террористами»[11].*

В английском языке данные коллокации образованы по модели Adj + N. При переводе на русский язык две из них сохраняют свою модель прилагательное + существительное, за исключением коллокации *традиционный военный конфликт* (прилагательное + прилагательное + существительное).

В соответствии с данными словарей с помощью метода компонентного анализа в данных коллокациях были выделены совпадающие компоненты семантики и их различия. Так, в английском языке совпадающие компоненты семантики были выделены в коллокациях *bloody conflict, a conventional conflict*. В Оксфордском словаре слово *conflict* имеет следующее определение «a violent situation or period of fighting between two countries» [17]. В первом случае совпадающий компонент – это *violent* (*bloody* – «extremely violent and involving a lot of blood and injuries»), во втором – *fighting* (*conventional* – «used to refer to weapons that are not nuclear, or to methods of fighting a war that do not involve nuclear weapons») [21;19]. Все остальные компоненты нейтрализуются за счет контекста:

1) Мы понимаем, что ранения можно получить в результате борьбы с кем-то, что также указывает на другого участника боя («between two or more people or countries»); *extremely* подчеркивает интенсивность схватки, указывая на крайнюю степень жестокости и кровопролития (это однозначно выходит за рамки того, что считается нормальным или среднестатистическим).

2) Войны происходили на большей части земного шара, а история человечества есть история войн. Конфликты всегда велись с применением традиционного, неядерного боевого оружия (за исключением пары случаев в истории человечества), поэтому важно упомянуть *not nuclear* как нечто обыденное, традиционное, но при этом несущее гибель людей и разрушения. Вооруженный конфликт (сражение) есть война. Сражение предполагает использование вооружений, различных тактик и методов, также как и борьбу между несколькими сторонами/государствами.

Важно заметить, что на русском языке коллокации *кровавый конфликт, традиционный военный конфликт* тоже имеют совпадающие компоненты семантики. Согласно Большому современному толковому словарю русского языка *конфликт* имеет значение «серьезное разногласие, столкновение (иногда вооруженное) противоположных сторон, мнений,

сил» [20]. В первом случае совпадающий компонент – это *люди – жертвы, противоположные стороны, мнения* (*кровавый* – «кровопролитный, сопровождающийся множеством жертв, гибелью людей (высок.)»), во втором случае – имплицитно совпадают только в словосочетании *военный конфликт* (*военный* – «военным называется всё, что связано с войной») [21;22]. Различия в семантике также нейтрализуются за счет контекста:

1) *Кровопролитие, гибель людей* происходит в случае столкновения с другой стороной конфликта, слово *кровопролитный* используется в контекстах войны, боя, ситуациях, связанных с насилием, описывает событие, которое произошло и привлекает внимание к его серьезности и трагизму. Мы понимаем, что это, действительно, серьезное разногласие (*кровопролитный* = *серьезный*).

2) В русском языке *традиционный* имеет значение «происходящий в силу установившихся традиций, устраиваемый по заведенному обычаю» [23], т.е. связанный с традициями и обычаями народа, страны, человека. Слово не несет в себе семантику войны, наоборот, ассоциативно возникает образ чего-то родного, понятного, домашнего, исконно русского. Возможно, поэтому в русском языке мы можем наблюдать переводческое добавление слова *военный*, чтобы у нас, как носителей языка, не возникало такой ассоциации. По нашему мнению, данное добавление уместно и дает определенное понимание для носителя языка, о чем идет речь.

Проанализировав первые две коллокации на английском языке и их перевод на русский язык, можно сделать вывод, что единицы АЯ и РЯ передают одинаковые смыслы:

1) здесь важно заметить, что в АЯ на первый план выходит жестокий и насильственный характер сражения, в то время как в РЯ акцент делается на гибели людей в результате таких столкновений;

2) военное столкновение с применением (неядерного) оружия;
Можно заключить, что перевод данных коллокаций является полноценным и отвечает всем требованиям перевода.

В коллокации *accidental conflict* не было выявлено совпадающих компонентов семантики. Различия в семантике нейтрализуются за счет такого контекста:

Мы также можем предположить, что военное столкновение может возникнуть случайно (к примеру, на границах государств, при провоцировании одной стороной другую), при этом в данном случае конфликт будет наверняка иметь тяжелые и печальные последствия, т.к. мы имеем *violent* в семантике слова *conflict*.

В коллокации *случайные столкновения* переводчик не стал переводить *conflict* как *конфликт* (как в приведенных ранее примерах). Он использует синоним, при этом сема *столкновение* есть в семантике слова *конфликт*, также *столкновение* («вступление в противоречие с чем-либо противоположным, а также само противоречие, возникающее при этом; отг. политический конфликт») имеет дополнительное значение *политический*

конфликт, поэтому они могут быть взаимозаменяемы и несут те же смыслы [24]. Важно заметить, что при переводе теряется негативная коннотация, имевшаяся у лексемы *accidental* (*accident*—«something **bad** that happens that is not expected or intended and that often damages something or injures someone»), происходит нейтрализация смысла [25].

Таким образом, можно сказать, что единицы АЯ и РЯ несут в себе и передают одни и те же смыслы, но все-таки в АЯ есть указание на характер данного или возможного конфликта/столкновения (*violent*), в РЯ передается нейтральное значение, без указания характера действий и последствий для сторон.

Следовательно, на наш взгляд, смыслы лексических единиц в текстах англоязычных СМИ и их переводах на русский язык совпадают в большинстве случаев. Но хотелось бы отметить, что риторика западных СМИ не является нейтральной по отношению к России. Высказывания носят жесткий и резкий характер. Открытая неприязнь к России очевидна. Пропагандистская война, которую ведут против нашей страны, не имеет аналогов в истории, охватывая все сферы и проникая на глубинный уровень семантики текста.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Бернацкая А. А. Лингвистика информационно–психологической войны: монография. Книга I / Бернацкая А. А., Евсеева И. В., Колмогорова А. В. – Красноярск: СФУ, 2017. – 340 с.
3. Буторина Е. П. Русский язык в деловой интернет–коммуникации. – М.: Российская академия естествознания, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=6812> (дата обращения: 01.12.2023).
4. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. – М.: Наука, 2009.
5. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2020. – 234 с.
6. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. – М.: Изд-во «Языки славянских культур», 2007. – 672 с.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Высшая школа, 1990. – 250 с.
8. Копотев М. А. Введение в корпусную лингвистику: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов. – Прага, 2014.
9. Плунгян В. А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов [Электронный ресурс] // Полит.ру. – 2009. – <https://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> (дата обращения 01.12.2023)
10. Савенкова О. С. Понятие «коллокация» в фокусе зарубежного и отечественного языкознания // Молодой ученый. – 2022. – № 3 (398). – С.120–124 – URL: <https://moluch.ru/archive/398/88014/> (дата обращения: 01.12.2023).
11. DeYoung K. U.S. forces conduct live-fire exercise in southern Syria in a warning to Russia [The Washington Post] (09.09.2017) // США предупреждают Россию боевыми стрельбами на юге Сирии (Inosmi.ru, 2018).
12. Gibbons-Neff T. How a 4-Hour Battle Between Russian Mercenaries and U.S.

Commandos Unfolded in Syria [The New York Times] (24.05.2018) | Как проходил четырехчасовой бой между русскими наемниками и американским спецназом в Сирии (Inosmi.ru, 2018).

13. Gorelikov E. S. The influence of the information environment on the formation of needs // Actual problems of society and the army in the context of global challenges: materials of the international scientific and practical conference (Moscow, June 8, 2022). – М.: Sputnik +, 2022. – P. 16–21.

14. Narvilla R. Russia, By Way of Hollywood [The Ringer] (01.04.2018) Россия, какой ее малюет Голливуд (Inosmi.ru, 2018).

15. РИА Новости. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20231218/mo-1916549883.html> (дата обращения: 01.12.2023).

16. Информационное агентство ТАСС. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/politika/17085387> (дата обращения: 01.12.2023).

17. Conflict // Oxford University Press. – [Electronic Resource]. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/conflict_1?q=conflict (access date: 20.11.2023).

18. Bloody // Cambridge University Press & Assessment. – [Electronic Resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/bloody> (access date: 20.11.2023).

19. Conventional // Cambridge University Press & Assessment. – [Electronic Resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/conventional> (access date: 20.11.2023).

20. Конфликт // Словари, энциклопедии и справочники – Slovar.cc. – [Электронный источник]. – URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/42485.html> (дата обращения: 20.11.2023).

21. Кровавый // Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12398> (дата обращения: 20.11.2023).

22. Военный // Gufo.me. – URL: <https://gufo.me/dict/dmitriev> /военный (дата обращения: 19.12.2023).

23. Традиционный // Словари, энциклопедии и справочники – Slovar.cc. – [Электронный источник]. – URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/116904.html> (дата обращения: 20.11.2023).

24. Столкновение // Словари, энциклопедии и справочники - Slovar.cc. – [Электронный источник]. – URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/112462.html> (дата обращения: 20.11.2023).

25. Accident // Cambridge University Press & Assessment. – [Electronic Resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/accident> (access date: 20.11.2023).

УДК 811.12

**ИМЕНА «ПУСТЫХ ДЕНОТАТОВ» И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИХ ЗНАЧЕНИЙ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И
ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ*****И. А. Лекомцева,****кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет****А. Х. Абдульманова,****кандидат филологических наук, и.о. зав. кафедрой английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет****Е. К. Вьюнова,****кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье предлагается метод изучения значения имен «пустых денотатов». Объект представляет собой «пустой денотат», если имеет вымышленное знаковое отношение и не имеет реального прототипа. В качестве предмета исследования выбраны наиболее национально-привязанные имена, а именно: имена фольклорных персонажей. Суть метода состоит в анализе и минимизации контекстов употребления таких имен, в результате чего имя представляется в его синтагматических и парадигматических связях, на основе которых можно выделить прототипические ядро имени. Такие исследования представляются важными не только для лингвокультурологии, но и для теории и практики перевода.

Ключевые слова: фольклорные имена, лексико-семантическое поле, практика перевода

Summary: The article proposes a method for studying the meaning of names of ‘empty denotations’. An object has ‘empty denotation’ if it has a fictitious sign relation and no real prototype. The most nationally associated names are the subject of the study, namely: the names of folklore characters. The essence of the method is to analyze and minimize the contexts of use of such names, as a result of which the name is presented in a lexical set in the syntagmatic and paradigmatic dimensions. Such studies seem important not only for cultural linguistics, but also for the theory and practice of translation.

Key words: folklore names, lexical field, translation

Наиболее культурно-специфичные имена «пустых денотатов» представлены фольклорными именами (ФИ), которые являются вербальной формой существования мифологем, т.е. единиц мифа, мифологического мышления, мифологического осмысления мира, основанных на устойчивых образах-архетипах, которые лежат в основе мифа, эпоса, саги, сказки и других произведений фольклора [2, с. 74]. Отметим, что фольклорно-мифологическая картина мира является результатом фантазийного мышления, в котором фантазия принимается за реальность с разной долей вероятности [3]. Такая картина мира характеризуется высокой степенью присутствия образного, аффективного начала наряду с логическим, концептуальным.

С точки зрения логики, объект означивания ФИ не обладает денотативными связями с действительностью и является продуктом

фантазийной деятельности человека, т.е. этот объект представляет собой «пустой денотат», имеет вымышленное знаковое отношение и не имеет реального прототипа. Если рассмотреть эту проблему с точки зрения семантического треугольника, то несмотря на то, что его денотата в реальной действительности нет, все же «пустые денотаты» обладают определенным значением. Так, в терминах логической семантики, для «пустого денотата» можно задать сложный предикатор, который, хотя не удовлетворяет ни одной вещи в природе, не является бессмысленным. По словам Р. Карнапа, «допустим, что существует предикатор для свойства “человек” и предикатор для свойства “рост двадцать футов”. Существуют вещи, которые обладают первым свойством, а также некоторые вещи, которые обладают вторым. Но мы никогда не видели вещи, для которой мог бы удовлетворять сложный предикатор, образованный по принципу конъюнкции из двух вышеприведенных простых предикаторов. Тем не менее, этот сложный предикатор не бессмыслен: поскольку он является правильно образованным предикатором и выражает свойство, хотя это свойство ничему не принадлежит» [1, с. 54].

С точки зрения логической семантики, такие имена рассматривались в свете вопросов референции и истинности высказываний в аспекте прагматического подхода к референции таких имен. Это, в свою очередь, подразумевает выход за пределы собственно языкового (конвенционального) значения именуемых выражений и включает в анализ контекст высказывания, т.е. пресуппозиции и их отражение в структуре высказывания.

По П. Стросону, референциальный контекст связан с миром концептуализации и является общим для тех, кто употребляет один и тот же язык, что обусловлено общими у собеседников пресуппозициями, знаниями, желаниями и ожиданиями. Такой референциальный контекст является аскриптивным, т.е. предписанным, определяемым не объективными качествами, а общепринятым мнением [5, с. 50].

П. Стросон полагает, что предложения о несуществующих объектах имплицитно подразумевают (сам П. Стросон говорит, что он использует данное слово не в значении логического следования; именно этот особый вид импликации позднее стали называть пресуппозиции) факт существования таких объектов логического или гносеологического порядка. Пресуппозиции можно определить как фонд общих знаний собеседников, как их «предварительный договор». По Р. С. Столнейкеру, под пресуппозициями понимается пропозициональная установка: пресуппозиции скорее имеются у людей, чем у пропозиций или предложений [4, с. 427].

Значение имен «пустых денотатов» – это множество правил, навыков и конвенций, которым подчинено употребление того или другого выражения. П. Стросон определяет значение как «правила, традиции и конвенции, которые определяют правильность употребления выражения» [5, с. 64]. Раскрытие значения выражения есть объяснение и иллюстрация

правил (conventions), регулирующих употребление данного выражения. Цель конвенций, регулирующих употребление выражений, заключается в том, чтобы вместе с ситуацией общения обеспечить единичность референции. Поэтому мы можем, употребляя значимые выражения, осуществлять фиктивную референцию, как, например, в вымысле.

Таким образом, связь имени «пустого денотата» и денотата не имеет онтологического статуса, а связь имени с понятием осуществляется через ментальный образ, причем между ними нет одно–однозначного соответствия [6, с. 129]. Они заполняются устойчивыми стереотипами, визуальными, дескриптивными, ассоциативными и другими типами связей с действительностью.

Принимая все вышесказанное, попробуем определить метод изучения семантики имен «пустых денотатов» на основе изучения контекстов их употребления, в которых как раз представлены пресуппозиции, или «сложные предикаторы», и представим данные анализа в виде лексико–семантического поля мыслительного образа ФИ. Для анализа возьмем ФИ *Hobthrush*.

Анализ фольклорно–мифологических контекстов употребления данного ФИ [7; 8] позволил идентифицировать парадигматические и синтагматические связи этого ФИ с другими словами. На основе компонентного анализа найденных слов были выделены общие семантические категории, которые могут быть составными частями ментального образа данного ФИ. Языковую репрезентацию таких ментальных образов целесообразно представить на языковом уровне в виде лексико–семантического поля. Также, наиболее часто повторяющиеся семантические компоненты в значении данных слов, которые репрезентируют парадигматические и синтагматические связи данного ФИ, был определен прототипические признаки данного ФИ.

Лексико–семантическое поле ФИ *Hobthrush*: habitat: farm houses; a cave called Hobthrust Hall from which he used to leap to Garlow Hill, a distance of half a mile; character and disposition: kind spirit, willing to do anything he is required to do; actions and movements: to churn the cream; to work for an innkeeper named Weighall; to leap long distances; human's attitude: to ask him to do household chores («I wish Throb churn that»), his reward is a quart of milk porridge in a snipped pot, bread and butter; tabu: to leave a cloak and a hood; hearing: he was heard singing. Прототипические признаки: to help, kind, not leave a cloak and a hood, house.

Итак, методом изучения семантики культурно специфичных имен «пустых денотатов» может является метод анализа контекстов употребления таких имен, в результате которого определяются парадигматические и синтагматические отношения ФИ с другими словами, которые можно представить в итоге с помощью лексико–семантического поля ФИ.

Такие исследования лингвокультурологические исследования могут

внести весомый вклад в теорию и практику перевода, поскольку при передаче таких имен, как правило, используются приемы транскрибирования или транслитерации, в результате чего в тексте перевода появляется некий переводческий окказионализм, псевдо-слово, т.е. звуко-графический комплекс, который, однако, не связан денотативными связями с действительностью и не имеет понятийной основы в принимающей лингвокультуре. С целью минимизирования ошибок на этапе интерпретации таких псевдо-слов в принимающей лингвокультуре необходимо составлять лингвокультурологические словари. Методом составления словарной статьи в словарях такого типа может как раз послужить метод, описанный в данной статье.

Список использованных источников

1. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Изд-во иностранной литературы. – 1959. – 384 с.
2. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак. М.: Гнозис. – 2005. 469 с.
3. Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. – 2003. – 925 с.
4. Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. 16. Под ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс. – 1985. – С. 419–438.
5. Стросон П. Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (проблемы референции). Вып. 13. Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга. – 1982. – С. 55–86.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: ЛКИ. – 2009. 206 с.
7. Briggs K. M. A dictionary of British folk-tales in the English language. Folk legends. Part A and B. London; New York: Routledge, Taylor&Francis Group. – 2004. – 721 p.
8. Briggs K. M. A dictionary of fairies: Hobgoblins, Brownies, Bogies, and Other Supernatural Creatures. London; New York: Routledge, Taylor&Francis Group. – 2003. 481 p.

УДК 82

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ХЕЙЗЕЛ В РОМАНЕ «ВИНОВАТЫ ЗВЁЗДЫ» ДЖОНА ГРИНА

М. Ю. Лукинова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода,

М. Р. Асанова,

*обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Институт филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена специфике создания образа Хейзел в романе «Виноваты звёзды» Джона Грина с помощью языковых средств. Дается описание отличительных черт поведения и речи подростка, которая страдает от неизлечимой болезни и особенности её внутреннего состояния, отношения как к самой себе, так и к окружающим. Уделяется особое внимание авторскому стилю передачи разговорной лексики подростка, а также использованию сочетания положительных и негативных эмотивных средств для описания чувств Хейзел.

Ключевые слова: Джон Грин, роман «Виноваты звёзды», современная

литература для «молодых взрослых», образ подростка, эмотивные языковые средства, разговорная лексика, поведение подростка.

Summary. This article is devoted to the specifics of creating the image of Hazel in the novel “The Fault in Our Stars” by John Green using linguistic means. The authors give a description of the distinctive features of the behavior and speech of a teenager who suffers from an incurable disease as well as the peculiarities of her internal state and her attitude towards herself and others. Particular attention is paid to the author's style of conveying the teenager's colloquial vocabulary, as well as the use of a combination of positive and negative emotive means to describe Hazel's feelings. Methods of their representation in translation are considered.

Key words: John Green, novel «The Fault in Our Stars», emotive linguistic means, image of a teenager, emotive means, colloquial vocabulary, behavior of a teenager.

Джон Грин является одним из самых популярных и значимых авторов современной литературы для «молодых взрослых» (young adult literature) в США. Данное литературное направление ориентировано на тинейджеров, то есть молодых людей 13–19 лет, находящихся в переходном возрасте и готовящихся стать взрослыми. Многие его книги становились событием, получали многочисленные премии и хвалебные отзывы литературных критиков, пользовались широкой популярностью не только среди подростков, для которых в первую очередь была написана, но и вне целевой аудитории. Его произведения активно обсуждаются в Интернете, переведены на многие языки. По роману «Виноваты звёзды» снимается фильм. В настоящее время можно уверенно констатировать, что в англоговорящем мире Джон Грин приобрёл культовый статус. Именно в романе «Виноваты звёзды» автор наполняет смыслом жизнь подростков, больных раком. Автор считает, что даже самый больной человек в безнадёжные минуты всё ещё остаётся жив. Здоровые люди видят таких подростков, как изолированных от общества, живущих в своём собственном мире и наблюдающих за жизнью обычных людей издалека. Более того, мы часто не понимаем, что они такие же, как и мы, способные испытывать самые разнообразные чувства и эмоции, такие как злость, юмор, цинизм, то есть «всё то, что было свойственно человеку до болезни». В них присутствуют те же потребности, привычки и желания, которые придают силы жить [2].

Таким образом, исследование обусловлено необходимостью исследования языковых средств создания образа Хейзел в романе Джона Грина «Виноваты звёзды», так как они ярко демонстрируют индивидуальный стиль писателя в создании образа подростка, страдающего от неизлечимой болезни.

Роман «Виноваты звёзды» считается трагическим романом о любви, дружбе и предательстве подростков, обречённых на смерть. Главные герои романа – шестнадцатилетняя Хейзел Грейс Ланкастер (Hazel Grace Lancaster) и семнадцатилетний Гас Уотерс (Augustus Waters).

Название романа (The fault in our stars) перекликается с метафорой «star-crossed love», которую автор изобразил в речи Хейзел для признания в

любви Огастусу. Данная цитата обыгрывает слова из пьесы Уильяма Шекспира «Юлий Цезарь»: «Не звёзды, милый Брут, а сами мы / Виновны в том, что сделались рабами». Стоит отметить, что вины подростков в их болезни нет, что и показано в названии романа. Подростки здесь представлены лишь в образе жертвы судьбы, злого рока [2].

Автор наделил персонажей интересами, желанием жить и любить, стремлениями познавать новое. И болезнь рака, возможно, влияет на яркость этих переживаний.

Так как повествование ведётся от лица главной героини Хейзел, мы видим, что в произведении «Виноваты звёзды» превалирует разговорный стиль. В романе присутствует большое количество внутренних монологов героини, её диалогов с родителями и со сверстниками, через которые мы можем проследить внутреннее состояние героев. Стилистическое своеобразие пространства романа и поведения героев связано с личностью главной героини, поскольку именно она формирует обстоятельства, условия, а также определенный литературный образ, основанный на её личном опыте.

В начале произведения автор повествует о жизненных установках и любимых занятиях главной героини. Хейзел ощущает себя не такой как все, живёт в своём собственном мире без возможности в полной мере ощутить ту свободу, которую так хотят получить обыкновенные подростки. Она страдает от неизлечимой болезни и никак не способна повлиять на исход трагического события:

«An Imperial Affliction was my book, in the way my body was my body and my thoughts were my thoughts» [2];

«Don't tell me you're one of those people who becomes theirs disease» [2].

Для создания образа Хейзел в романе «Виноваты звёзды» были использованы следующие языковые средства: метафора, эпитеты, гипербола, сравнение, нарастание и полисиндетон, парцелляция, ирония, чёрный юмор и сарказм, идиомы, эвфемизмы, вульгаризмы и междометия, фразеологизмы, фразовые глаголы и жаргонные слова.

1. Метафора. Главная героиня страдает от депрессии, находясь в ожидании своей скорейшей смерти. Она уже готова попрощаться со своей жизнью, так как понимает, что смерть неизбежна: «Depression is a side effect of dying». Однако девушка всё же любит жизнь и искренне не понимает людей, которые лишь ради шутки могут погубить свою жизнь. И то, что она насмехается над собой является защитной реакцией от того, чтобы не погрязнуть в этой депрессии: «But of course there is always a hamartia and yours is that oh, my God, even though you HAD FREAKING CANCER you give money to a company in exchange for the chance to acquire YET MORE CANCER. Oh, my God. Let me just assure you that not being able to breathe? SUCKS. Totally disappointing. Totally» [4].

Но, стоит отметить, что Хейзел не боится смерти и смотрит страху в глаза. Метафора также использована в чувстве вины Хейзел в том, что не

только смерть, но и её постоянные страдания причиняют невыносимую боль родителям: «They might be glad to have me around, but I was the alpha and the omega of my parents' suffering» [1]. Кроме того, она считает, что каждая жизнь достойна памяти и пока жив хоть кто-то, кто ее любил, она будет жить вечно, ведь то, что делает чью-то жизнь особенной, – это любовь близких.

Ещё одним примером метафоры является то, как она сравнивает своё тело с различными насмешливыми предметами, чтобы показать, как её тело выглядит глупо: «I was wearing old jeans, which had once been tight but now sagged in weird places, and a yellow T-shirt advertising a band I didn't even like anymore. Also my hair: I had this pageboy haircut, and I hadn't even bothered to, like, brush it. Furthermore, I had ridiculously fat chipmunked cheeks, a side effect of treatment. I looked like a normally proportioned person with a balloon for a head. This was not even to mention the cankle situation» [4]. Так, с помощью самоиронии в сочетании с метафорами «pageboy haircut», «chipmunked cheeks», «a balloon for a head» мы можем полагать, что свою внешность она не любит не только из-за возраста подростка, но и также из-за её болезни, которая придаёт такой мрачный и болезненный вид. Именно болезнь заставляет девушку чувствовать себя так неуверенно.

Кроме того, мы также можем видеть, как Хейзел сравнивает себя с покойником: «I was looking pretty dead – my hands and feet ballooned; my skin cracked; my lips were perpetually blue» [3]. В данном примере показано, как она с насмешкой использует чёрный юмор и довольно критически высказывается в отношении себя. Для передачи такого острого выражения, где читатель начинает понимать, как болезнь сильно повлияла на собственное восприятие и самовыражение, автор использует метафоры «pretty dead», «feet ballooned» и и эпитет «lips were perpetually blue».

Несмотря на то, что Хейзел является подростком, она не любит такое активное времяпрепровождение, как знакомство с новыми людьми, общение с друзьями, вечеринки и т.д. Она наслаждается чтением книги «Царский недуг» (англ. An Imperial Affliction) автора Питера Ван Хутона, которого не существует в реальном мире. Данная книга встречается в романе не просто так, главная героиня этой книги Анна тоже больна раком. Другим любимым занятием героини является просмотр программы «Следующая топ модель по-американски»: «Please just let me watch America's Next Top Model. It's an activity» [2]. Мать же героини желает ей только самого лучшего и, конечно же, её беспокоит такое депрессивное состояние дочери. Она хочет, чтобы Хейзел, как и все подростки, наслаждалась общением со своими друзьями, поэтому её фраза «Make friends!» звучит как забота о любящем ребёнке.

Для людей, страдающих от болезней, как и для здоровых людей, жизнь является не только радостным времяпрепровождением, но и ежедневной борьбой со своими мыслями, с обществом и т.д. Именно в романе героиня находится в постоянном сражении с чем-то или во имя чего-

то, находятся между счастьем и пропастью. Но она уже устала бороться с тем, что невозможно победить. Именно эту мысль автор доносит до читателя с помощью метафорического выражения «a professional sick person». Однако несмотря на то, что мысли главной героини лишены какой-либо надежды и в глубине души они полны страхов и сомнений по поводу будущего, она способна искренне сопереживать, так как как никто другой чувствует и понимает чужую боль: «I wanted to make my parents happy. There is only one thing in this world shittier than biting it from cancer when you sixteen, and that's having a kid who bites from cancer» [6].

Ряд тематической лексики подростка, несомненно, содержит большое количество метафор о боли: «It felt like my chest was on fire, flames licking the inside of my ribs fighting for a way to burn out of my body».

2. Эпитеты. Употреблении эпитетов «a fairly shy person», «not the hand-raising type» для описания своего характера показывает, что Хейзел себя считает робкой девушкой, которая не стремится выделяться из толпы, что объясняет её неуверенность в себе: «I was a fairly shy person – not the hand-raising type» [6].

Кроме того, Хейзел понимает, как она отделилась от своих сверстников из-за прогрессирующей болезни. Так, эпитеты «unbridgeable», «depressing», «awkward», «self-conscious» показывают, насколько этот разрыв непреодолим: «But three years removed from proper full-time schoolic exposure to my peers, I felt a certain unbridgeable distance between us» [8].

3. Гипербола. Хейзел является шестнадцатилетним подростком. И как многие подростки, она испытывает комплексы по поводу своей внешности: «I looked away, suddenly conscious of my myriad insufficiencies». Для передачи эмотивности автор использовал гиперболу «myriad insufficiencies», что позволяет читателю понять как героиня стыдится своей внешности, видя в ней большое количество недостатков и изъянов.

4. Сравнение. Отношение главной героини к своей болезни раскрывается с помощью лексических и синтаксических средств выразительности. Такое сленговое слово как «crap» в качестве эпитета «crap lungs», а также сравнение «like he was bragging» автор использует для того, чтобы показать, как она завидует людям со здоровыми лёгкими и готова всё отдать, чтобы дышать самостоятельно: «He sighed, exhaling for so long that to my crap lungs it seemed like he was bragging» [8].

В беседе с родителями Хейзел использует сравнение «like a grenade», а также развёрнутую метафору «I'm a grenade», что свидетельствует о том, что главная героиня беспокоится о родителях, об их судьбе, будущем, в котором им придётся научиться жить без их дочери: «I'm like. Like. I'm like a grenade, Mom. I'm a grenade and at some point I'm going to blow up and I would like to minimize the casualties, okay?».

В романе много примеров использования автором метафор и художественных сравнений для красочного изображения характера или образа жизни американских подростков. Например, Гас Уостерс видит в

Хейзел сходство с актрисой Натали Портман в молодости, в 2000 году: «You're like a millennial Natalie Portman. Like V for Vendetta Natalie Portman». «Hazel and I are going to watch V for Vendetta so she can see her filmic Doppelgänger» [8]. Героиня называет себя «Victorian Lady», что, во-первых, указывает на ее соответствующую времени скромность, а во-вторых, на ее хорошее образование. Хейзел описывает себя как «univalent Hazel» и объясняет, что она единственный ребенок.

5. Нарастание и полисиндетон. Чтобы описать усталость героини от постоянных обследований, анализов и лечений, автор нарастание и полисиндетон: «People talk about the courage of cancer patients, and I don't deny that courage. I had been poked and stabbed and poisoned for years, and still I trod on. But make no mistake: In that moment, I would have been very, very happy to die» [8].

6. Парцелляция. В тексте также присутствует парцелляция, которая нам говорит о том, что подростка раздражает гиперопека со стороны родителей и повышенное внимание окружающих: «I'll be home every. Freaking. Night. Starting any day now, okay?» [4].

Эмоциональность проявляется и на фоне парцелляции «I'm like. Like. I'm like a grenade» [4]. Это синтаксическое средство выразительности передает читателю всю остроту душевных переживаний героини.

7. Ирония. В романе также встречается ирония для того, чтобы скрыть обиду и разочарование, вызванные борьбой с болезнью. Так как Хейзел не может жить как нормальные подростки, она начинает переживать из-за того, что не вписывается в общество. И поэтому, девушка старается ободрить себя, иронизируя над процессом лечения: «I had a surgery called radical neck dissection, which is about as pleasant as it sounds» [1]. Так, ирония помогает смягчить тот факт, что болезнь неизлечима и выхода из этой ситуации не найти.

Несмотря на то, что чрезмерная опека раздражает Хейзел, она очень любит своих родителей и трепетно к ним относится. Вместе с тем, она испытывает огромное чувство вины из-за того, что обременяет их своей болезнью. Ирония, неформальная лексика «shittier», «biting it» и морфемный повтор «biting... bite» встречаются для увеличения эмоционального фона высказывания: «There is only one thing in this world shittier than biting it from cancer when you're sixteen, and that's having a kid who bites it from cancer» [8].

Ирония показывает, что каждый раз, когда девушка общается с людьми, она испытывает уныние, потому что окружающие ее люди никогда не смогут общаться с ней так же непринужденно, как с обычным человеком. Такое отношение расстраивает девушку и дает ей еще один повод чувствовать себя отчужденной: «Any attempts to feign normal social interactions were just depressing because it was so glaringly obvious that everyone I spoke to for the rest of my life would feel awkward and self-conscious around me, except maybe kids like Jackie who just didn't know any better» [8].

8. Чёрный юмор и сарказм. Данный роман наполнен большим

количеством чёрного юмора, сарказма, но в то же время написан с какой-то искренностью и невинностью, что заставляет читателя испытывать большой спектр эмоций, не только сопереживая героям, но и радуясь за них, так как именно в самые тяжёлые жизненные ситуации они способны видеть также что-то хорошее. Так, сарказм в сочетании с капитализацией встречается и во внутреннем монологе Хейзел: «“HAZEL! IT’S YOUR THIRTY-THIRD HALF BIRTHDAY!” “Ohhhhhh,” I said. My mom was really super into celebration maximization. IT’S ARBOR DAY! LET’S HUG TREES AND EAT CAKE! COLUMBUS BROUGHT SMALLPOX TO THE NATIVES; WE SHALL RECALL THE OCCASION WITH A PICNIC!”» [2]. Подростка раздражает такое поведение матери, которая постоянно пытается устроить какой-то праздник, чтобы развеселить свою дочь, но только ещё больше заставляет чувствовать Хейзел не такой как все, больной.

В романе автор рисует образ девушки Кейтлин, противопоставляя ее Хейзел. Кейтлин – здоровая девушка, которая живет полноценной жизнью, не осознавая этого преимущества по сравнению с Хейзел. Сравнение в сочетании с иронией позволяет понять внутреннее переживание героини относительно ее безвыходного положения. Хейзел возмущается и искренне не понимает, почему люди не ценят то, что они имеют: «Kaitlin never wore open-toed shoes on account of how she hated her feet because she felt her second toes were too long, as if the second toe was a window into the soul or something» [3].

9. Идиомы. Множество ярких идиом использованы для выражения спасения Хейзел, которая чувствуют себя не как все:

- «over one's head – beyond one's capacity» [4];
- «for greater good – for a general advantage that you can only gain by losing or harming something that is considered less important» – во благо [6].

10. Эвфемизмы. Для передачи эмоциональной составляющей разговорной речи современного подростка были использованы такие эвфемизмы: «shittier», «freaking», «badass», «goddamned», «frigging», «shitty», «goddamn», «damned», «shit», «bullshit», «bullshity», «assclown», «horseshit» [8].

11. Вульгаризмы и междометия. Вульгаризмы и междометия включены автором как нарочитый стилистический элемент в речь персонажей для придания определенной бытовой оригинальности, поскольку подросткам свойственна эмоциональная экспрессия своих чувств и использование грубых и нецензурных слов для выражения своих эмоций:

- «Mom: “Television is a passivity.”»
- «Me: “Ugh, Mom, please.”»;
- «Mom: “You’re going to Support Group”»
- «Me: “UGGGGGGGGGGGGGG.”»;
- «It’s not fair,” I said. “It’s just so goddamned unfair» [1].

Социокультурный фон в романе обозначен с помощью таких вульгарных слов главной героини:

«my lungs suck at being lungs» – мои легкие отстойные в роли легких;
 «utter horseshit» – total nonsense;
 «goddamned unfair» – чертовски несправедливо;
 «douche» – (an obnoxious or contemptible person (typically used of a man)) – придурок;
 «freaking» – проклятый;
 «let me fucking die» – дай мне сдохнуть [1].

12. Фразеологизмы. В романе использованы различные фразеологизмы, которые выражают такие чувства как любовь, смущение, интерес, страх, радость, восхищение:

- «I love you, – she said as I got out. You too, Mom. See you at six»;
- «I looked away, suddenly conscious of my myriad insufficiencies»;
- «It occurred to me why they call it eye contact» [5].

Большая часть романа представляет собой описание тревоги и беспокойства, которые выражаются как с помощью соответствующих маркеров, так и развёрнутых описаний, содержащих олицетворения, фразеологизмы и другие средства создания образа главной героини: «She gave him an odd look, and he began to worry. Even in the dying light, her face seemed red» [6].

В романе также часто упоминаются фразеологизмы, связанные с темой страха (fear). Данное состояние характеризует постоянное переживание героини: «She feared she might faint, and the sounds around her became distant and then suddenly booming» [3].

Положительные эмоции в романе выражаются минутными состояниями, с помощью глагольных фразеологизмов happiness. В основном это состояние сконцентрировано в начале произведения, когда знакомятся главные герои. А также оно проявляется после окончания ощущения тревоги:

- «Better be on my way. Thanks. I enjoyed that».
- «Enjoy your picnic. Don't be too late back» [4].

13. Фразовые глаголы. Кроме того, Грин также использует фразовые глаголы для передачи разговорной речи подростков и их отношения: «eke out» – перебиваться с хлеба на воду, «kick in» – вступить с силу, «feel up» – лапать (обычно о девушке), «bring over» – сменить мнение.

14. Жаргонные слова. Следующие жаргонные слова, которые часто встречаются у главной героини, раскрывают её характер отражает стремление жить полной жизнью:

- «awesomesause – exceptionally awesome» – офигительно;
- «to be taken» – быть в отношениях, «занятым»;
- «It's no big deal» – to not be a serious problem – фигня [2].

Таким образом, Джон Грин использовал большое разнообразие языковых средств (преимущественно таких как метафора, сравнение, ирония, сарказм, парцелляция, эвфимизмы, жаргонные слова и сленги, разговорный стиль речи) для создания образа подростка Хейзел в романе

«Виноваты звёзды». Хейзел представляется как обычный подросток, оказавшийся в таких трагических обстоятельствах, которые повлияли на глубину взгляда на мир и отношение со стороны других людей. Автор показывает, что даже краткий миг существования является нечто важным среди всей жизни подростка.

Список использованных источников

1. Аксенова Д. А., Мартяхина Е. П. Лингвостилистические средства выражения эмоций тексте оригинала и перевода романа Дж. Грина «Виноваты звезды» // *Инновационные технологии и технические средства специального назначения*. – 2022. – №83. – С. 11–16.
2. Галимова Г. Д., Мухтарова Л. М. Анализ создания образа американских подростков в романе «Виноваты звезды» // *Казанский вестник молодых ученых*. – 2019. – №2. – С. 17–20.
3. Гелдимырадова А. С., Сахапова Ф. Х. Использование фразеологизмов, выражающих чувства и эмоции в романе «Виноваты звезды» Дж. Грина // *Современные исследования в контексте глобальной трансформации*. – 2021. – №1. – С. 72–76.
4. Лучкина Е. В. Роль эмотивно-оценочных языковых средств в романе Д. Грина «Виноваты звёзды» // *Scripta Manent*. – 2022. – №1. – С. 19–27.
5. Меленцова М. С., Зеленцова М. Г. Проблемы языковой вариативности в публицистических тестах: переводческий аспект // *Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции, Симферополь, 26–28 апреля 2018 г.* – С. 386–391.
6. Радионова С. А. Языковые средства репрезентации эмоционального состояния онкобольных героев романа Джона Грина «Виноваты звезды» // *Казанская наука*. – 2021. – №4. – С. 92–94.
7. Рейнова А. В., Норец М. В. К вопросу о классификации языковых единиц с оценочной семантикой // *Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г. Том 2.* – С. 118–123.
8. John Gr. *The Fault in Our Stars*. Dutton Children's Books, a division of Penguin Young Readers Group, a member of Penguin Group (USA) Inc. URL:<https://www.bookfrom.net/john-green/1442the-fault-in-our-stars.html> (дата обращения: 15.10.2023).

УДК 81'255

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ САСПЕНСА В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЖАНРА ТРИЛЛЕР (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. МАКМАХОН «ЛЮДИ ЗИМЫ»)**М. Ю. Лукинова,***кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода***К. В. Бабенко,***обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В сфере современного переводоведения отмечается актуальность исследования теории литературного жанра и его компонентов, а также их степень влияния на процесс перевода художественного текста. В центре внимания находится триллер как жанр современной литературы, а также один из его центральных художественных приемов – саспенс. Поднимается вопрос о сохранении эмоционального воздействия саспенса на читательскую аудиторию в переведенном художественном тексте.

Ключевые слова: литературный жанр, перевод, триллер, саспенс, художественный текст

Summary. In the field of modern translation studies, the relevance of the study of the theory of literary genre and its components, as well as their degree of influence on the process of translating a fiction text is noted. The focus is on the thriller as a genre of modern literature, as well as one of its central artistic devices - suspense. The question of preserving the emotional impact of suspense on the readership in the translated fiction text is raised.

Key words: literary genre, translation, thriller, suspense, literary text

Одним из самых продаваемых жанров современной литературы на данный момент является жанр триллер. Имена Стивена Кинга, Томаса Харриса, Дэна Брауна, Нила Стивенсона, Ф. М. Достоевского, Эй Джей Финна, писавших произведения в данном жанре, на слуху у современного читателя. В основе успешного триллера лежит интригующая задумка автора, реализованная с помощью художественных приемов и языковых средств. Главным художественным приемом, способным удерживать внимание читателя и заинтересовывать его на протяжении всего произведения, является саспенс. **Актуальным** представляются способы передачи саспенса в произведениях современного жанра триллер в процессе перевода. В качестве исследуемого материала выбран роман «Winter People» Дженнифер Макмахон, написанный в жанре психологического детектива-триллера, и его официальный перевод на русский язык «Люди зимы» В. Гришечкина.

Целью данного исследования является изучить способы передачи саспенса в русском переводе романа с сохранением функционального воздействия на читательскую аудиторию. Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие **задачи**:

- охарактеризовать жанр триллера;
- изучить термин «саспенс» в аспекте литературы;

- проанализировать способы передачи саспенса в иллюстративном материале;
- сделать вывод о сохранении функционального воздействия переведенных фрагментов произведения на целевую читательскую аудиторию.

Термин «триллер» (англ. thriller – вызывать трепет) означает «сенсационный, захватывающий боевик (роман, пьеса, кинофильм) с искусно организованным, напряженным сюжетом и стремительным развитием действия» [4, с. 1098]. Некоторые исследователи полагают, что триллер в литературе развился из детектива [2]. Между детективом и триллером можно выделить некоторые различия. Во-первых, в детективе сюжет направлен на решение загадки, в то время как в триллере героям дана непосильная на первый взгляд задача, требующая внутреннего роста персонажей и преодоления многих препятствий. Во-вторых, произведения детективного жанра в основном связаны с интеллектуальным интересом. Триллер же воздействует непосредственно на эмоции и чувства читателей.

Тем не менее, черты, свойственные данному жанру, можно проследить еще в литературе древней Греции – поэма Гомера «Одиссея», созданная в VIII веке до н.э. Данное произведение наполнено интригами, повышенным чувством неизвестности перед будущим, предвкушением счастливого финала, множеством испытаний, заготовленных для главного героя. Зарождение и распространение произведений жанра триллер можно отнести к концу Викторианской эпохи. Одним из первых романов-триллеров можно считать произведение «Загадки песков» Эскина Чайлдерса, написанное в 1903 году [9].

Основной целью триллера является эмоциональное воздействие. Саспенс – необходимый элемент реализации данной цели, приписываемый на сегодняшний день в основном писателям и кинорежиссерам. Саспенс понимается как «художественный эффект, предполагающий возникновение у читательской аудитории продолжительного тревожного состояния или состояния неопределенности» [3, с. 46]. Самосюк Н. Л. в своем филологическом исследовании утверждает, что «саспенсом нельзя назвать любой дискомфорт, возникающий от видимых несоответствий, поскольку в качестве приема искусства он имеет свои эстетические цели и задачи и подчинен общему замыслу произведения» [7, с. 206].

В кинематографе эффект саспенса можно достичь при помощи визуальных и звуковых эффектов, поворотов сюжета, колористики. В арсенале писателей же имеются различные языковые, стилистические и звуковые средства, чтобы воздействовать непосредственно на воображение адресата. Эффект саспенса достигнут, если читатель испытывает чувства по отношению к главному герою, ассоциирует себя с ним, сопереживает или осуждает, ощущает на себе атмосферу страха и неизвестности, в которой пребывает персонаж книги.

В произведении «Winter People» сюжет разворачивается в трех хронологических линиях, объединенных одной загадкой, решить которую можно, лишь ознакомившись со всеми персонажами и их историями. Как и полагается данному жанру, в этом произведении переплетаются многочисленные продуманные детали, приближающие читателя к исходу книги, описание внутреннего мира персонажей, недосказанность, ритмичность сюжета, заставляющая читателей испытывать различный спектр эмоций и сохранять надежду до конца произведения. Кроме того, данное произведение содержит в себе элементы мистики, что также может представлять сложность при переводе в связи с различным восприятием тех или иных реалий носителями разных языков и культур. Стоит также отметить, что переводчики склонны к тем или иным переводческим приемам или трансформациям исходя из целевого языка перевода в силу различных жанровых особенностей, передаваемых по-разному на разных языках.

Иллюстративный материал данного исследования содержит в себе фрагменты перевода одной из сюжетных линий, действие которой разворачивается в прошлом – в 1908 году.

Для достижения эффекта саспенса прежде всего используются лексические единицы определенного лексико-семантического поля, выполняющие эмоциональную функцию, а также служащие неким намеком на дальнейшие события триллера. При переводе важным представляется подобрать в целевом языке лексические единицы со схожими коннотациями для достижения равного эмоционального воздействия и создания необходимой атмосферы. К примеру, атмосфера романа «Winter People» пронизана холодом и зимним морозом, который выполняет функцию не только обозначения времени и места событий, но и продвижения сюжета в нужном направлении, нагнетания эмоций при приближении к финалу событий, усиления реализации задумки автора. Успешным приемом при переводе данного компонента саспенса является прием контекстуальной замены или смыслового развития (модуляции):

«*Slowly, I turned the knob, which felt like cold in my hand*» [8, с. 241] – «*Тишина – и я нерешительно взялась за ручку шкафа, которая показалась мне холодной как лед*» [1, с. 319].

«*She smiled a sinister smile*» [8, с. 392] – «*Тетя улыбнулась, но от этой улыбки меня мороз пробрал*» [1, с. 514] – в последнем примере контекстуальная замена была применена исходя из стремления переводчика усилить экспрессивность данного фрагмента.

Передача авторских реалий, относящихся к мистическим элементам, также представляет собой интерес, ведь такие элементы являются одними из ключевых в саспенсе. Здесь переводчики прибегают к большему количеству переводческих трансформаций: транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод, модуляция, контекстуальная замена, антонимический перевод и т.д. Например, в данном произведении слово

«sleepers», обозначающее оживших после смерти людей, было переведено как «спящие». По сюжету романа, люди оживают не по своей воле, а в следствие специально проведенного обряда горящими по ним родственниками. Они пробуждают их от вечного сна, и многим это не нравится, ведь теперь они находятся между двумя мирами, ожидая финала. Возможно, в данном случае более удачным вариантом с применением антонимического перевода могло послужить слово «пробужденные». Это слово в русском языке вызывает больше эмоций и наталкивает на размышления о сущности данных существ.

Иногда важным элементом саспенса является речь персонажей, ведь она может передавать накал эмоций и приближать читателя к финалу либо наоборот отдалять. Рассмотрим следующий пример:

«*Birdy. Birdy. Dirty Birdy.... Dead Birdy... Dead Gertie*» [8, с. 49] – «*Хрен тебе! ... Мертвая птица... Мертвая Герти... Хрен тебе!*» [1, с. 66] – на английском языке переживания героя показаны при помощи игры слов (*Birdy – Gertie*). Перевести данный фрагмент эквивалентно не представляется возможным, поэтому переводчик компенсирует игру слов при помощи контекстуальной замены («*Хрен тебе!*»), что в результате успешно передает волнение и безысходность персонажа.

Передача звуковых стилистических средств саспенса также может осложнить процесс перевода. Например, некоторые звуки могут не ассоциироваться с теми же природными явлениями, что описываются на языке оригинале. Тогда переводчики могут использовать контекстуальную замену или опущение. Однако в случае схожести звуковых ассоциаций используется транскрипция. К примеру, в романе при произношении имени Hester персонаж выдал из себя звук, схожий с завыванием ветра «Hss» [8, с. 11]. В переведенном фрагменте это звучит как «Эх-сс-тер...» [1, с. 18].

Отдельное внимание стоит уделить переводу синтаксических средств передачи саспенса. Писатели склонны использовать разные средства синтаксиса и типы предложений на разных языках для достижения эмоционального воздействия. Соответственно, переводчики применяют грамматические переводческие трансформации (замена, перестройка синтаксического строя предложения, членение, объединение предложений, компенсирование). Рассмотрим следующий пример:

«*I wanted to run, but froze with panic, having squatted down low behind a rock just as a figure moved into the clearing*» [8, с. 8] – «*Сначала я хотела броситься наутек, но от страха не могла двинуться с места. Всех моих сил хватило лишь на то, чтобы присесть за торчащим из земли большим камнем*» [1, с. 14] – английскому стилю передачи эмоций свойственно движение, в то время как русский читатель любит описание внутреннего состояния, поэтому переводчик применил грамматическую трансформацию членения предложения.

Графические средства создания саспенса также играют важную роль. К ним можно отнести графоны, эмфатическую пунктуацию либо ее

отсутствие. Графоны могут передаваться при помощи изменения шрифта текста (например, курсив, жирный шрифт, заглавные буквы и т.д.), намеренного нарушения орфографии для имитации речи ребенка, иностранца, пьяного или человека с дефектами речи. В аспекте саспенса переводчики могут прибегать к данным средствам для усиления экспрессивности фрагмента:

«How far do you think it goes?» I asked Auntie» [8, с. 59] – «Как ты думаешь, Тетя, – спросила я, – этот колодец *очень* глубокий?» [1, с. 79]

«Be careful, Sara. Wherever it goes, I don't think it's anywhere you want to be» [8, с. 60] – «Осторожнее, Сара! Куда бы ни вел этот колодец, я не думаю, что ты *действительно* хочешь там оказаться» [1, с. 79] – переводчик при помощи курсива расставил акценты на тех словах, которые намекают на дальнейшее развитие событий и приближают нас к разгадке.

Таким образом, проведенный анализ иллюстративного материала продемонстрировал нам, что при передаче саспенса, как и других элементов жанра, переводчик обязан опираться на культурные и языковые особенности носителей целевого языка. Правильно выбранный способ перевода приводит к достижению эквивалентного эмоционального воздействия в переведенном художественном тексте. В приведенных фрагментах наиболее используемыми грамматическими трансформациями стали модуляция, контекстуальная замена, членение, а также графические средства языка (графон).

Список использованных источников

1. Макмахон Дж. Люди зимы. [пер. с англ. В. А. Гришечкина]. – Москва: Эксмо, 2022. – 608 с.
2. Дьякова Т. В. Характеристика жанра «триллер» и его поджанры. Язык художественной литературы. – 2013. – № 5 (44). – С. 32 – 36.
3. Жогова И. Г., Кузина Е. В., Медведева Л. Г., Надеждина Е. Ю. Языковые средства создания саспенса в произведениях жанра «триллер» и способы их актуализации (на материале романов англоязычных авторов) // Язык и культура. – 2018. – С. 46 – 57.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / глав. ред. и составитель Н. С. Николюкин // Москва, НПК «Интелвак». – 2001. – 1600 с.
5. Норец М. В. Способы сохранения жанровой структуры при переводе массовой литературы // Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского: III науч. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. – Симферополь, 26-28.10. 2018. – С. 285-286.
6. Норец М. В. Жанр и перевод: современный взгляд // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: VII международная междисциплинарная научная конференция, Симферополь, 25-26 ноября 2022 г. – С. 539-546.
7. Самосюк Н. Л. Принцип саспенса и литературная фактура настроения (на примере романа Майкла Крайтона «Парк Юрского периода») // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – С. 204 – 209.
8. McMahon J. Winter People. United States, Mass: Penguin Random House LLC, 2014. – 467 p.
9. Tomlinson Paul. Suspense Thriller. How to write chase, spy, legal, medical,

psychological, political & techno-thrillers. Amazon Digital Services LLC, 2018. – 440 p.

УДК 81.225

ПЕРЕВОД ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ЯЗЫКОВОЙ ПРИРОДЫ ОБРАЗА (НА ПРИМЕРЕ ГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА «МАМО»)

М. Ю. Лукинова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода*

О. А. Бахолдина,

*обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Институт филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена специфике передачи языковой природы образа персонажа, на примере графического романа в жанре Young adult «Маммо». В статье рассматривается диалог как основной предмет перевода в графическом романе, его свойства и характеристики. Уделяется особенное внимание грамотному подходу к переводу реплик героев для создания корректного образа персонажей.

Ключевые слова: перевод, Young adult, графический роман, креолизованный текст, диалог, языковой портрет.

Summary. This article is devoted to the specifics of conveying the linguistic nature of the character's image, using the example of a Young adult graphic novel «Mamo». The article considers dialogue as the main subject of translation in a graphic novel, its properties and characteristics. Special attention is paid to a competent approach to translating the characters' replicas in order to create a correct image of the characters.

Key words: translation, Young adult, graphic novel, dialogue, language portrait.

Диалог в графических романах представляет ключевую форму коммуникации, используемую автором для отображения речи персонажей. Являясь текстом с полной креолизацией, графический роман использует текст как основное средство характеристики героев. Мы можем наблюдать эмоциональный фон персонажей через мимику, изображенную художником, также бывает знаменательным цвет фона и окружения героя, обладающий семантической насыщенностью, но ключевым элементом являются реплики, заключенные в баблы. *Бабл*, или *филактер* (от фр. *phylactere* и англ. *speech balloon*) – это «визуальный объект, в котором содержится речь (мысли) героев изображения.» [3, с. 36].

Самая типичная форма речевого поведения человека – ведение диалога, она же находит отображение в художественном тексте. Диалог составляют «диалогические единства (ДЕ) и реплики, выступающие в виде их компонентов.» [7, с. 33]. Реплика призвана передать особенности речи героев, она же «служит средством изображения объективной действительности и «двигателем» сюжетной линии художественного произведения.» [7, с. 33]. Впервые понятие диалогического единства было введено Н. Ю. Шведовой, которая определяет его «как коммуникативную единицу диалога, состоящую из реплик, взаимообусловленных семантически и структурно» [7, с. 7].

Диалогической речи в комиксах характерны усеченные предложения. В. В. Заешникова отмечает, что диалогическое единство строится из двух связанных между собой реплик, «при этом содержание и форма первой реплики определяет содержание и форму второй.» [2, с. 226].

В контексте диалога существует внутренняя логика, которая требует, чтобы реплика содержала в себе реакцию на вышесказанное. Такая реакция способствует развитию диалога в сквозной или ближайшей перспективе.

Согласно Е. Я. Григорьевой, содержание диалога строится на опыте говорящих, обстановке разговора, и «с ориентировкой на языковой контекст.» [1, с.17]. Информация передается по нескольким каналам: «словесному, интонационному, мимико-жестуляционному, ситуативно-предметному» [1, с. 17]. В случае графических романов, словесный канал находит отображение в текстовой составляющей, а остальные компоненты восполняются графически или за счет домысливания читателя.

Обмены репликами в графическом романе могут пониматься как литературный диалог, учитывающий любой разговор в нарративе произведения. Это ничто иное, как устное спонтанное общение, которое пусть и является выдумкой автора, но, за счет объединения с графической составляющей, ощущается особенно живым. Диалог в графическом романе выступает основным средством характеристики героя, его языковой личности.

Авторы комиксов связывают реплики благодаря развитию диалога, введению нового сообщения, оценки услышанного, избыточности, свойственной спонтанной речи. По началу данный тип речевого общения только противопоставлялся письменной, но на данный момент под ней понимается особый тип непринужденного языкового акта, в процессе которого важно не только передать информацию, но и выразить оценку на ситуацию, оппонента и т.д.

Диалог не только средство коммуникации, но и способ передачи внутренних переживаний героев, реплики могут оказывать влияние на восприятие персонажа читателем. Поэтому, при переводе диалогов важно грамотно подобрать языковые средства, обладающие той же эмоциональной насыщенностью, что и в языке оригинала, чтобы в полной мере передать мысль автора. Читатель, получая сообщение, воспринимает образ персонажа так же, как он описан на языке оригинала.

Так как диалог включает в себя двух общающихся индивидуумов, целесообразным является выбор практического материала с двумя центральными героями. Анализируя перевод американского комикса Сэса Милледжа «Мато», важно обратить внимание на передачу отношений героев, сохранение языковой специфики их речи в ИЯ, выявление их мотивации и мировосприятия, заложенной автором.

В качестве материала будет использоваться любительский перевод графического романа, выполненный командой «Герои ветра и сканлейта» для сайта mangalib. Сюжет комикса посвящен приключениям ведьмы Орлы

и девушки Джо, желающей спасти свою мать от страшного недуга. Взаимоотношения героинь меняются по мере развития сюжета комикса, будучи полными антиподами, им предстоит пройти многое на пути к дружбе. Их различия было важно подчеркнуть в переводе.

Орла нелюдимая и резкая, она острая на язык и с опаской относится к чужакам, ведь ведьм в городке не жалуют. Отвечая отказом на просьбу Джо она довольно груба и в русском варианте, переводчик дополняет ее речь словами с негативной коннотацией, вроде «не колышет» и «жрут», в то время как в оригинале «eat» и «don't care» звучат нейтрально, и вся враждебность героини строится скорее на общем посыле фразы.

Рисунок 1. Мато р. 6 /Мамо с.6

В русском переводе также выразительной является деталь в обращении девушек к друг другу, которую невозможно передать в английском языке. По версии переводчика, по началу, Джо обращается к Орле на «вы».

Рисунок 2. Мато р. 5 /Мамо с.5

Это, с одной стороны, подчёркивает её вежливую и учтивую натуру, но с другой стороны показывает, как она дистанцируется от новой знакомой, в то время как Орла, подчеркивая свое пренебрежение к делам Джо, переходит сразу на «ты».

Рисунок 3. Мато р. 7 /Мамо с.7

В оригинале мы не можем распознать отношение героинь друг к другу, в то время, как в русском переводе их личности становятся более насыщенными, вырисовывается конфликт. Знаменательно, что в переводе обращение Джо меняется, как только Орла называет ей свое имя. Тем самым переводчик подчеркивает, что героини начинают сближаться.

Важным представляется также соблюдение стиля общения героев. Орле свойственны лаконичные фразы, она редко использует распространенные предложения и отвечает резко.

Рисунок 4. Мато р. 32 /Мамо с.32

В данном примере был удачно подобран эквивалент фразы, однако трудность представляло вместить более объемный текст в ограниченное пространство бабла, в таком случае отдается предпочтение более коротким выражениям, например, «не лезь».

Переводчику удается успешно сохранить реагирующее диалоговое единство в споре девушек. Лексический повтор глагола «can» в оригинале заменяется антонимической цепочкой «нельзя» – «можно».

Рисунок 5. Мато р. 31 /Мамо с. 31

Однако существуют и менее удачные варианты перевода, которые вызывают диссонанс, относительно языковой личности героя. Например, фраза Джо «моя мать слегла» звучит топорно, подобные обороты скорее свойственны Орле, к тому же в дальнейшем героиня общается по-другому. Даже не смотря на ярость и напор Джо в данном моменте, сомнительно, что она бы употребила подобное выражение по отношению к своей матери.

Рисунок 6. Мато р. 8 /Мамо с.8

Грамотный перевод диалогов является центральной задачей для переводчика графических романов. Они отображают целостность литературной формы комикса, формируют связь читателя и персонажей, его понимание их мотивации и характера. Создавая личность персонажа, автор графического романа опирается прежде всего на его языковой портрет, который выражается по большей части в репликах и взаимодействии героя с другими персонажами. Именно поэтому, переводя речь героев, необходимо обращать внимание на составные элементы реплик, их гармоничность с визуальным и словесным портретом героя для передачи целостного образа, созданного автором оригинала.

Список использованных источников

1. Григорьева Е. Я. Современные тенденции развития школьного иноязычного образования // Среднее профессиональное образование. – №4 – С. 59–61.
2. Заешникова В. В., Капкова С. Ю. Лексико-грамматические особенности языка детских английских комиксов // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сборник статей по материалам XL студенческой международной научно-практической конференции, Новосибирск, 19 марта 2016 г. – № 3 (40) – С. 225–229.
3. Ли, Стэн как создавать комиксы; пер. с англ А. Седова. – Москва: Эксмо. – 2017. – 232 с.

4. Лукинова М. Ю., Бахолдина О. А. Особенности перевода графических романов в жанре Young Adult (на примере графических романов из серии «Юные титаны») // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы VII международной научно-практической конференции, Симферополь, 27–28 апреля 2023 г. – С. 172-177.
5. Норец М. В., Норец Н. К. Научная фантастика в литературе: к истокам возникновения в США // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29-30 апреля 2021 г. – С. 224-226.
6. Сэс Милледж Мамо (2021) [Электронный ресурс] // mangalib: [сайт]. – URL: <https://mangalib.me/mamo?section=info> (дата обращения: 22.12.2023).
7. Яшина Н. К. Лингвистика текста и перевод: монография. Владимир: ВлГУ. – 2013. – 115 с.
8. Milledge Sas Mamo /S. Milledge, – Los Angeles, BOOM! Vox., 2022 – 224 p.

УДК 81'253

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ТЕЛЕСЕРИАЛА «СИМПСОНЫ»)

М. Ю. Лукинова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода

А. Ф. Мамедлаева,

обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье авторы анализируют перевод мультипликационного сериала «Симпсоны», выполненный профессиональными студиями на русский язык, а также рассматривают лингвокультурологическую проблему передачи игры слов в переводе с английского на русский язык. Воссоздание комического эффекта в переводе до сих пор считается непростой задачей даже для опытных переводчиков. Грамотный перевод – заслуга переводчика, который благодаря своей работе разрушает языковой барьер в художественных сферах, позволяя людям понимать юмор той или иной культуры. В статье раскрываются виды языковой игры на разных уровнях.

Ключевые слова: языковая игра, перевод, трудности перевода, каламбур, многозначность, стилистические средства

Summary. In this article the authors analyze the translation of the animated series "The Simpsons" made by professional studios into Russian, and also consider the linguocultural problem of wordplay in translation from English into Russian. Recreating the comic effect in translation is still considered to be a difficult task even for experienced translators. A competent translation is the merit of the translator, who thanks to his work breaks the language barrier in artistic spheres, allowing people to understand the humor of this or that culture. The article reveals the types of language play at different levels.

Key words: word play, translation, translation challenges, pun, polysemy, stylistic devices

Языковая игра – термин, который не всегда имеет один смысл, что объясняется многоаспектностью этого феномена. Языковая игра – это «явление, которое нарушает какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности» [1, с. 437], а по меткому

определению австрийского философа Людвиг Витгенштейна, вся человеческая речевая деятельность и даже деятельность внеречевая есть совокупность языковых игр [1, с. 124].

Особое внимание к теме перевода инокультурного юмора основано на современных исследованиях в области перевода. Именно из-за того, что не всегда удается удачно передать американский юмор, у общества складывается впечатление «плоскости» юмора в целом.

Проблемы, которые возникают при переводе игры слов, обычно связаны с различиями в грамматике и лексике между языками. Примером могут служить, каламбуры, которые основаны на созвучии или многозначности слов, которые не имеют аналогов в другом языке. Кроме того, культурные различия могут усложнить перевод, поскольку некоторые шутки или игра слов могут быть основаны на культурных ссылках или контексте, которые могут быть непонятны для людей из других культур.

Как известно, языковая игра достигается на следующих уровнях:

1) графический. В эту категорию можно отнести разные виды графонов (скошенный шрифт, капитализация, выделение отдельных букв, жирное начертание, нарушение правил написания);

2) фонетический – использование таких фонетических стилистических приемов как аллитерация, анафора, подражание определенной манере произношения в речи людей (или дефектов речи), ономотопея, растяжка гласных, использование иноязычных аффиксов, обыгрывается соответствие звучания букв и изолированных лексических единиц;

3) лексический – использование эпитетов, полисемии, омонимии, каламбуров, парадоксов, иронии, олицетворения, метафоры, оксюморона, антитезы, сравнения, фразеологизмов;

4) морфологический – нарушение морфологического восприятия лексических единиц, рассечение слов на части, обыгрывание категории лица и рода глагола, смешение категорий одушевленности-неодушевленности, приписывание иноязычным словам морфологических свойств русских слов;

б) синтаксический – языковая игра, основанная на синтаксической омонимии, использование побудительных предложений.

«Симпсоны» (*The Simpsons*) – американский мультсериал об обычной американской нуклеарной семье, где все друг друга любят и сводят с ума, известный в более чем 100 странах мира. Перевод сериала до сих пор выполняют на более чем 50 языков. К 2024 году выпущено 35 сезонов, в каждом из которых по 20-30 серий. Первые серии появились на свет в 1989 году. Персонажи сериала стали отражением американской культуры и быта. В сериале часто освещают такие темы как коррупция, проблема отцов и детей, загрязнение окружающей среды, нелегальная миграция, межнациональные, религиозные ценности.

Во 2 серии 1 сезона семья играет в Скрэббл, Лиза в очередной раз показывает зрителю свои глубокие познания.

Таблица 1 – Языковая игра на лексическом уровне

Оригинал	Ren-TV	Профессиональный многоголосый
Lisa: "Id." Triple word score. Homer: Heu, no abbreviations. L: Not I.D., Dad."Id." It's a word. Bart: As in, "This game is stupid."	Лиза: "Ид." Слово утраивается. Гомер: Никаких сокращений. Л: Это не сокращение, папа. "Ид" это слово. Барт: Как эта игра, Идиотская. (выделено мной – А.Ф.)	Лиза: АЯ. Мне тоже нужны очки. Гомер: Никаких аббревиатур. Л: Это не аббревиатура, папа, это часть слова. Б: Например, как в слове «дурацкАЯ» (выделено мной – А.Ф.)

Переводчикам Ren-TV прекрасно удалось перевести каламбур, многоголосой озвучке едва удалось, т.к. далее Мардж предлагает посмотреть слово «ид» в словаре, а вариант «ая» никак не связан с психоанализом.

Барта считают гением, т.к. он выдал ответы одаренного ребенка за свои. Его решают отправить в школу для одаренных детей.

Таблица 2 – Языковая игра на лексическом уровне (метафора)

Оригинал	Ren-TV	Профессиональный многоголосый
Homer: How about a tie, son? Everybody knows boy geniuses wear ties. Bart: You're stifling my creativity, Dad.	Гомер: Как насчет галстука, сын? Все знают, что парни-гении носят галстуки. Барт: Задушишь мой талант, папа	Гомер: А как насчет галстука, сынок? Все дети-гении носят галстуки. Барт: Ты испортишь мне имидж, папа

В 3 серии 1 сезона Барт едет на экскурсию вместе с одноклассниками. Подъезжает водитель школьного автобуса и извиняется за свое опоздание.

Таблица 3 – Языковая игра на фонетическом уровне (внутренняя рифма)

Оригинал	Ren-TV	Профессиональный многоголосый
Uh, sorry, little dudes. Party hardy was tardy.	Извините, пижончики, сожаление означает раскаяние.	Простите, маленькие чувачки. Я был вечером на чумовой вечеринке.

Ren-TV не совсем удачно перевели языковую игру, а вторая студия все же решила воспользоваться контекстуальной заменой. Слово tardy означает запоздалый, медлительный. Отметим, что в субтитрах был вариант «Кто не успел, тот опоздал», который должен восприниматься в этом случае буквально.

После неудачных попыток найти работу Гомер сидит в баре "Мо". Барт звонит в бар под предлогом поиска человека.

Таблица 4 – Языковая игра на лексико-фонетическом уровне (каламбур, омофон)

Оригинал	Ren-TV	Профессиональный многоголосый
Мое: Moe's Tavern. Bart: Is Mr. Freely there? Мое: Who? В: Freely. First initials "I.P." М: Hold on. I'll check. I. P. Freely? Hey, everybody, I. P. Freely?	Мо: Таверна "Мо" Барт: Мистер Фрили там? Мо: Кто? Барт: Фрили. Первые буквы Ай Пи. Мо: Подождите, я проверю. Ай Пи Фрили здесь? Ай Пи Фрили? Ай-Пи-Фрили?	Мо: Таверна "Мо" Барт: Мистер Фрили там? Мо: Кто? Барт: Мистер Фрили. Инициалы И. Пи. Мо: Подождите, я проверю. И. Пи. Фрили здесь? Кто-нибудь знает И. Пи. Фрили?

Переводчикам плохо удалось передать языковую игру. В оригинальной версии Барт заставил Мо сказать "I pee freely" (Я мочусь где хочу). Подобные телефонные разводы часто встречаются в старых сезонах Симпсонов.

В 4 серии 1 сезона, когда семья собирается на пикнике у босса Гомера, Мардж пытается произвести впечатление на жен коллег мужа.

Таблица 6 – Языковая игра на морфологическом уровне (рассечение слов на части)

Оригинал	Ren-TV	Профессиональный многоголосый
- Well, I sense greatness in my family. - Your family? - Well, it's a greatness that others can't see, but it's there. And if it's not true greatness we have, we're at least average. I don't want to alarm anyone, but I think there's a little "al-key-hol" in this punch.	Мардж: А в моей семье царит благородство. Гостья: В вашей семье? М: Да. Это благородство не заметно другим, но оно существует. Может это и не настоящее благородство, но оно есть. не хочу никого обидеть, но в этом пунше многовато алкоголя.	Мардж: Я ценю в семье больше того, кто мне благодарен. Гостья: Благодарен? М: Да. Они очень благодарны, хотя может быть это и не заметно. Но если они благодарны не полностью, то мы самая обыкновенная семья. Я не хочу паниковать, но по-моему. В этом пунше больше алкоголя, чем надо.

Мардж пыталась завуалировать слово «алкоголь», разделив его на морфемы (al-key-hol), однако наши переводчики не обратили на это внимания. Подобное членение слова на морфемы можно также отметить в 6 серии 1 сезона.

Гомер обеспокоен поведением семьи на пикнике и хочет, чтобы они стали лучше как семья и призывает жену и детей поужинать не у телевизора, а в их столовой.

Таблица 7 – Языковая игра на фонетическом уровне (внутренняя рифма+звукоподражание)

Оригинал	Ren-TV	Профессиональный многоголосый
Homer: No. We're going to say grace first. Bart: Okay. Rub-a-dub-dub, thanks for the grub.	Гомер: Нет, сначала нужно прочитать молитву. Барт: Хорошо. То да сё, спасибо за всё.	Гомер: Нет, сперва мы читаем молитву. Барт: То-ди-ду-да-бу-леп, спасибо за хлеб.

В этой сцене с переводом лучше справились Ren-TV, используя рифму. Многоголосая озвучка решила сделать прямое звукоподражание (*direct onomatopoeia*) как в оригинале, но оно совсем ни о чем не говорит русскоязычному зрителю.

Анализируемые версии переводов дают возможность сделать следующие выводы: языковая игра является явлением многогранным и труднопередаваемым. Перевод игры слов – это сложная и интересная область перевода, которая требует от переводчиков глубокого понимания языка и культуры. Несмотря на сложности, существуют стратегии, которые могут помочь переводчикам успешно передать игру слов с одного языка на другой. Данное направление лингвистике продолжает развиваться и привлекать внимание исследователей.

Список использованных источников

1. Введенский Б. А. Большая советская энциклопедия в 65 томах. Том 15. М.: Большая Советская Энциклопедия. – 1951–1969. – 786 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Астрель. – 2011. – 321 с.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз. – 1958. – 459 с.
4. Зеленцова М. Г., Маликова Н. Г. Особенности перевода звукоподражаний в комиксах (на материале комикса «Lore Olympus» и его перевода на русский язык) // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы VII международной научно-практической конференции, Симферополь, 27–28 апреля 2023 г. – С. 81-84.
5. Кислицына Н. Н., Службина А. Г. Лингвокогнитивные особенности кинодискурса (на материале англоязычных диалогов подростков) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21, № 2(78). – С. 513-520.
6. Онлайн-словарь АБВУД Lingvo-Online [Электронный ресурс] // <http://www.lingvo.ua/ru>. (дата обращения 20.12.2023).
7. Рейнова А. В., Норец М. В. К вопросу о классификации языковых единиц с оценочной семантикой // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г. Том 2. – С. 118-123.
8. Симпсоны: мультсериал [Электронный ресурс] // <http://onlinesimpsons.ru>. (дата обращения 27.01.2024)

УДК 81'253

ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР (НА МАТЕРИАЛЕ ИГР «PHASMOPHOBIA», «HORIZON ZERO DAWN» И «THE LAST OF US»)**М. Ю. Лукинова,***кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода***М. А. Потапова,***обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности локализации компьютерных игр, а также даются определения языковой локализации различных исследователей. Отдельное внимание уделяется трудностям перевода интерфейса, диалогов, а также имен собственных в таких англоязычных играх как «Phasmophobia», «Horizon Zero Dawn» и «The Last of Us».

Ключевые слова: перевод, трудности перевода, переводческие трансформации, локализация, адаптация, Phasmophobia, Horizon Zero Dawn, The Last of Us.

Summary. This article analyzes the features of localization of computer games, as well as defines the linguistic localization of researchers. Special attention is paid to the difficulties of translating the interface, dialogues, as well as proper names in such English-language games as «Phasmophobia», «Horizon Zero Dawn» and «The Last of Us».

Key words: translation, translation challenges, translation transformations, localization, adaptation, Phasmophobia, Horizon Zero Dawn, The Last of Us.

Компьютерные технологии внесли изменения в концепцию перевода. В частности, вырос уровень компьютеризации, который охватывал все аспекты переводческой деятельности. Программное обеспечение применяется во многих сферах перевода: выравнивание текстов, проверка орфографии и грамматики, поиск электронных корпусов, доступ к терминологии, выполнение машинного перевода. Многие переводчики столкнулись с новыми задачами и новой социальной средой, появившимися благодаря технологиям.

На данный момент, игровая индустрия растет большими темпами. Разработчики компьютерных игр стараются выпускать свой продукт на международный рынок. Соответственно, возникает потребность в локализации игр. А. Ф. Косталес считает, что перевод компьютерных игр – это «процесс, при котором главной целью является передача всех игровых возможностей для всей аудитории». Игроки из других стран должны получить те же самые эмоции, что и игроки, для которых язык оригинала является родным [7]. А. В. Ачкасов называет языковой локализацией «процесс адаптации уже переведённого продукта к условиям конкретной страны или региона» [2]. Согласно определению, А. В. Павлова, языковая локализация – это «перевод и культурная адаптация продукта к особенностям определенной страны, региона или группы населения» [6]. А. Т. Анисимова считает, что локализация – это «процесс адаптации иностранного текста к культурному контексту страны, на язык которой

делается перевод» [1]. В дискурсе термин локализация определяется как «процесс адаптации продукта или контента для конкретной локали (locale) или рынка» [2]. Локаль представляет собой полное собрание элементов и компонентов, подлежащих адаптации. Языковая локализация – объёмный и многомерный комплекс процедур, который включает и адаптацию, и перевод. Следовательно, адаптация является компонентом языковой локализации, т.е. его основополагающим процессом.

Рассмотрим ряд особенностей и трудностей локализации компьютерных игр:

1. Локализация пользовательского интерфейса.

Прежде всего необходимо перевести элементы управления – кнопки и меню. В основном, интерфейс в играх переводится калькированием, однако важно учитывать размер текста оригинального языка и шрифт. Рекомендуется при разработке элементов интерфейса оставлять место для текста (примерно 30%) для других языков. Это правило касается прежде всего кнопок, пунктов меню, всплывающих окон, сообщений и других элементов интерфейса.

Рассмотрим примеры перевода интерфейса в игре «Phasmophobia».

«Phasmophobia» – это кооперативная хоррор игра, разработанная «Kinetic Games». Игра вышла в ранний доступ 18 октября 2020 года на ПК с поддержкой виртуальной реальности. В игре игрокам нужно исследовать паранормальные места и определить вид призрака с помощью разных предметов.

На английском языке размер текста в меню на каждой кнопке одинаковый. В русском варианте пришлось сделать текст некоторых кнопок меньше, так как русские слова длиннее английских:

Blocked Players - Заблокированные игроки.

В некоторых случаях из-за разной длины английского и русского текстов, надписи на кнопках выходят за ее пределы, тем самым нарушая читаемость:

Auto buy – закупать автоматически;

Auto add – добавлять автоматически.

Меню паузы игры удалось перевести лаконично:

Resume – далее;

Options – параметры.

2. Локализация имен собственных на примере «Horizon Zero Dawn»

«Horizon Zero Dawn» – компьютерная игра в жанре action/RPG, разработанная нидерландской студией «Guerrilla Games», изданная «Sony Interactive Entertainment». Действие сюжета игры происходит в будущем, в постапокалиптических США, где живут опасные звероподобные роботы, а люди живут в первобытных племенах.

В игре многие персонажи получили «говорящие» имена, указывающие на их характеристику или внешность. Большой интерес

представляют именно роботы, так как их названия являются неологизмами.

В некоторых случаях переводчики использовали калькирование:

Runner – Бегун;

Longleg – Длинноног.

Другие роботы при локализации получили названия, которые несут другую семантическую составляющую:

Corruptor (от англ. «развращать», «портить») – «Захватчик (от глагола захватывать)»;

Watcher (наблюдатель) – Рыскарь (от глагола рыскать);

Ravager (опустошитель) – Лиходей (устар. и народно-поэт. Злодей).

Следующее название робота было переведено транслитерацией:

Behemoth (от англ. «гигант», «чудовище») – Бегемот.

В этом примере транслитерация не совсем уместна, т.к. слова имеют разную семантику. В английском варианте слово «Behemoth» в мифологии обозначает чудовище, либо нечто огромное. В русском языке роботу дали обычное название «Бегемот», тем самым потеряв значение и окраску слова.

3. Локализация диалогов персонажей на примере «The Last of Us».

Для перевода диалогов могут потребовать некоторые знания об играх и их механике. Переводчики в процессе локализации часто не имеют доступа к игре, что делает их роль более сфокусированной на словах, чем на контексте игры. Поэтому переводчики игр часто используют глоссарии, предоставленную разработчиками. Глоссарий – это список игровых терминов, игровых реалий, которые должны называться единообразно. В глоссарий чаще всего входят предметы, имена персонажей, названия квестов, заклинания и все, что должно иметь только одно название.

«The Last of Us» – (официальное локализованное название – «Одни из нас») – компьютерная игра в жанре action-adventure с элементами survival horror и стелс-экшена, разработанная студией «Naughty Dog» и изданная «Sony Computer Entertainment». Действие игры происходит в постапокалиптическом будущем на территории бывших Соединённых Штатов Америки спустя двадцать лет после глобальной пандемии, вызванной опасно мутировавшим грибом кордицепс. Сюжет посвящён путешествию главных героев – контрабандиста Джоэла и девочки-подростка Элли.

Некоторые реплики игры «The Last of Us» были переведены неточно:

«*There's some pretty gnarly stuff in here*». – «Ох, тут столько всего интересного».

В данном примере допущена смысловая ошибка. На русском языке фраза звучит радостно и оптимистично. При этом в игре эта фраза является реакцией на комнату с трупами.

Данное предложение можно было бы перевести как:

«Ох, тут довольно мерзко».

Еще один пример неудачного перевода:

«*Alright, come on down*». – «*Все, спускайтесь*».

Здесь также нарушена семантика. Переведенная фраза на русский язык переведена во множественном числе, когда как герой обращался только к одному человеку.

Неточности в вышеперечисленных примерах можно обосновать отсутствием контекстной информации у локализаторов игры.

Рассмотрим несколько удачных вариантов перевода:

«*Let's be smart about this. There's a lot of them*». – «*Давай по-тихому. Их тут полно*».

Перевод выполнен при помощи контекстуальной замены. Такой перевод единицы оригинала подходит лишь для данного контекста.

«*In fact, we just keep our histories to ourselves*». – «*Мы с тобой вообще не обсуждаем прошлое*».

Данная фраза переведена с помощью антонимического перевода. Английская утвердительная конструкция передается русской отрицательной.

Таким образом, в данной исследовательской работе мы рассмотрели понятие языковой локализации, а также сравнили данный термин с адаптацией. На примере локализации игр «Phasmophobia», «Horizon Zero Dawn», и «The Last of Us» мы выявили основные особенности и трудности, с которыми может встретиться переводчик.

Среди самых распространенных причин неудачных локализаций можно выделить ограниченность сроков сдачи переводного продукта, невнимательность специалистов перевода, недостаток материалов, глоссариев от разработчика продукта. При этом переводчикам не всегда предоставляют визуальную составляющую игры, а лишь текст, что также влияет на качество перевода.

Список использованных источников

1. Анисимова А. Т. Феномен компьютерной игры в переводческом дискурсе // Научный вестник Южного института менеджмента. 2018. № 2.
2. Ачкасов А. В. Англоязычная терминология локализации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2019. – № 4. – С. 80–88.
3. Лукинова М. Ю., Баблюк Д. А. Локализация видео-игр и этическая проблема их перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. – С. 169-173.
4. Норец М. В., Азизова А. Р. Аудиовизуальный перевод и локализация видеоигры «Метро 2033» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Том 9 (75) № 3. – С. 129-140.
5. Норец М. В., Османова Л. А. Формирование переводческих тактик при локализации имен собственных игровых персонажей в игре «Honkai impact 3rd» // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VII международной научно-практической конференции, Симферополь, 27-28 апреля 2023 г. – С. 263-268.
6. Павлов А. В., каширина Н. А. Проблемы локализации ММОРПГ (Многопользовательских Ролевых Онлайн-игр) // Международный журнал

экспериментального образования. – 2014. – № 6–2. – С. 159-161.

7. Costales A. F. Exploring translating strategies in video game localization. Alicante: MonTI, 2012. – P. 385–408.

УДК 811.111

РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ЗАНЯТИЯХ СО СТУДЕНТАМИ ИНОСТРАНЦАМИ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

А. В. Лучникова,

*ст. преподаватель кафедры Английского языка профессиональной
коммуникации ФСИЯЛ ПГНИУ, Пермь*

Аннотация: Рассматривается работа преподавателя английского языка в группах студентов иностранцев в неязыковом вузе, определяются особенности работы и общения со студентами, обусловленные различиями культур, норм, традиций. Описываются некоторые компетенции преподавателя, имеющие особое значение для повышения педагогического взаимодействия.

Ключевые слова: английский язык, иностранные студенты, преподавание, профессиональная компетенция.

Summary: The work of an English teacher in groups of foreign students at a non-linguistic university is considered, the features of work and communication with students due to differences in cultures, norms, and traditions are determined. Some of the teacher's competencies are described, which are of particular importance for improving pedagogical interaction

Key words: English, international students, teaching, professional competency.

Сегодня все больше иностранных студентов поступают в вузы России с целью получить высшее образование. Их желание вполне понятно, так как методические возможности, образовательные горизонты, техническая база наших вузов, действительно, высоки и конкурентоспособны. Специалисты российских вузов востребованы как в нашей стране, так и за рубежом. Желание вернуться в свою страну, чтобы применить там полученные знания и поднять научный статус своей Родины тоже понятен и благороден. Что же мы, преподаватели, должны сделать, чтобы процесс обучения молодых людей, приехавших к нам из других стран, был как можно более эффективен?

Роль педагога вуза, в принципе, многолика. Также многочисленны и требования к нему. Овладение профессией преподавателя высшей школы требует многолетней подготовки. Особенно это характерно для преподавателей иностранного языка, так как эта дисциплина в неязыковом вузе не является профилирующей, и педагоги должны четко определять место ее в программе вуза.

В настоящее время уделяется особое внимание обучению профессионально-ориентированному, причем иноязычное общение становится одним из важных компонентов. Иностранный язык становится необходимым инструментом будущей специальности. Здесь возникает проблема неудовлетворительного состояния процесса обучения студента

иностранному языку в свете его специальности. Причины довольно объективны – нехватка часов, недостаточная оснащенность аудиторий, а также нехватка преподавателей, владеющих знаниями иностранного языка на уровне, необходимом для подготовки кадров в разных сферах науки.

Меняются и задачи, которые педагоги ставят перед собой. Преподаватель должен на своем занятии создать такие условия, чтобы студент не только получил необходимые знания, но и научился их применять в работе. Научить студента – значит, поставить перед ним ряд задач и помочь ему их решить:

1. сформировать определенные умения, необходимые для осуществления учебно-познавательной деятельности;
2. развивать необходимые умения, научиться применять их в реальной учебной и профессиональной деятельности;
3. проверить эффективность данных умений в реальных учебных и практических ситуациях;
4. научиться осуществлять рефлексию собственной учебно-познавательной деятельности;
5. научиться применять сформированные умения в профессиональной деятельности.

Можно определить функции преподавателя:

- направление, регулирование и контроль работы студентов по ознакомлению и освоению новых учебных стратегий и тактик,
- формирование способности обучающихся к целеполаганию, самооценке, само рефлексии и коррекции собственной учебно-познавательной деятельности;
- организация самообучения студентов;
- формирование способности обучающихся переносить полученные результаты в другие учебные и жизненные контексты [4]

Если перед преподавателем межнациональная группа студентов, задачи перед ним усложняются, так как эта аудитория разнородных студентов, общение с которыми нужно строить как «диалог культур», особого методического сопровождения материала и его правильного отбора. Здесь преподаватель является координатором взаимоотношений между студентами, поликультурного взаимодействия, что подразумевает личностно-ориентированный подход. При этом, работа с людьми разных национальностей требует от педагога особенной подготовки по повышению собственной поликультурной грамотности, что предполагает знание тонкостей этих культур. Тогда он сможет грамотно выстроить процесс коммуникации со студентами, правильно отбирать материал и находиться постоянно в непосредственном контакте с группой, создавая на занятии атмосферу доверия. [5]

Проблема межэтнического характера, безусловно, существует. Преподаватель должен осознавать обучающегося как представителя определенного народа, который имеет свой взгляд на мир, учебу, ценности

и т.д. Необходимым условием успешной учебной деятельности будет являться согласованность между двумя системами ценностей – преподавателя и студента. Сложнее ситуация, если группа межнациональная и включает 2, 3 национальности обучающихся. Найти точку соприкосновения в работе, учет сложившихся систем ценностей и взглядов – реально сложное условие работы педагога.

Гумилев Л.Н. писал, что народы долго и спокойно проживающие на своей родине, часто считают свой «стереотип поведения» единственно возможным и правильным. А если существуют отклонения от этого стереотипа, то это – «от «необразованности», под которой понимается просто непохожесть на себя». [6] Учет этого критерия – конкретная необходимость.

Преподаватели ПГНИУ стремятся создать самую доброжелательную обстановку на занятиях и за пределами аудитории, чтобы студенты могли почувствовать наше гостеприимство и снизить первый шок от столкновения с реалиями жизни в другой стране, так сильно отличающейся по культуре и традициям от их привычного окружения. Особенно следует учитывать, что семьи их далеко, и они не ездят домой продолжительное время. Более того, преподаватели, работающие с иностранной молодежью, должны обратить внимание молодых людей на то, что, несмотря на бросающиеся в глаза отличия между странами, общие принципы жизни, правила общежития и поведения в обществе едины. Решение такой сложной психолого – педагогической задачи, наряду с решением учебных задач, позволяет подготовить высококвалифицированных специалистов. Прибывшие абитуриенты проходят медицинское обследование; знакомятся с правилами проживания и передвижения по территории России, законами Российской Федерации; знакомятся с речевым этикетом, культурой, традициями и обычаями нашей страны. Преподаватели создают благоприятный психологический климат в учебной группе, следят за построением отношений сотрудничества между будущими специалистами нескольких национальностей – русскими, туркменами, китайцами и арабами [2]. Как правило, студенты из Китая, в силу многочисленности, выделены в свои группы, а студенты из других стран объединены в межнациональные группы. У нас это группы студентов химиков по направлению «Фармация», и химики и биологи по направлению «Педагогическая деятельность», будущие учителя химии и биологии.

Какие же формы работы может использовать педагог на своих занятиях в таких группах? Считаем, что правильно разработанное занятие должно включать как групповые виды работ, так и индивидуальные. При условии создания атмосферы доверия, когда каждый студент на паре уверен, что его услышат, что он не останется «за бортом», процесс освоения английского языка пройдет максимально эффективно. Дело преподавателя – вывести группу на говорение, помочь сформулировать свои мысли, организовать их в высказывание. Мы должны дать возможность студентам

в рамках занятия обмениваться опытом, обсудить, сравнить, оценить опыт разных культур, обогатить себя новыми знаниями о мире. Также, дело преподавателя – воспитать толерантное отношение одних студентов к студентам другой национальности. Естественно, что это требует постоянного повышения профессиональной подготовки и роста педагога как специалиста. Преподаватели должны знать менталитет своих студентов, этикет общения с ними, их традиции, религиозные убеждения, уместные средства коммуникации. Особое внимание нужно уделить аудио и видео фрагментам, если преподаватель показывает видео или включает аудио на занятии. С одной стороны, это один из обычных и уместных компонентов занятия, с другой – нужно быть уверенным, что материал коррелирует с системой ценностей студентов. Вполне вероятно, что многие произведения классики, пусть и международного масштаба, студентам других стран неизвестны. Дело преподавателя – аккуратно знакомить своих учащихся с мировым искусством посредством иностранного языка на занятиях. Эрудированность преподавателя, его знания о мире помогут ему вовлечь студентов не только в изучение иностранного языка, но и расширить их знания о мире. Проектная работа – один из вариантов контроля. Студенты готовят проект в парах или группах. Интересно объединять студентов разных стран в одну рабочую группу. Презентации о странах, культуре, системе образования других стран всегда вызывают искренний интерес у студентов.

На занятии педагог должен осознавать, что и сам он выступает примером того, к чему студент обязан стремиться – его поведение, манеры, речь, все является мерой и критериями образца человека страны, куда приехали молодые люди из других стран. Его коммуникативные компетенции определяют успешность педагогического общения. Педагог должен грамотно, понятно и доступно излагать материал, иметь максимально четкую дикцию, эмоционально окрашивать речь (т.к. раздражения, связанные с непониманием речи преподавателя значительно снижают мотивацию к обучению иностранных студентов); умение использовать невербальные средства общения (мимику, жесты, временные и пространственные характеристики общения); умение наладить обратную связь со студентами, способность к модерированию активности со стороны студентов (так, занятия, проводимые в виде дискуссий, повышают интерес и вовлеченность студентов в обсуждение темы) [1].

В ПГНИУ дисциплина «Английский язык» у иностранных студентов проводится на 2 курсе в 1 триместре. В начале курса проводится тестирование, чтобы разделить их на группы по уровню. Обычно студенты, приехавшие из арабских стран, имеют более высокий уровень английского, вплоть до B1, из Китая – A2. Студенты из Туркменистана, как правило, приезжают с уровнем Elementary. Будучи ограниченными в часах, преподаватели все же обязаны выполнить рабочую программу дисциплины, выложенную на платформе ETIS университета. Все преподаватели,

работающие с данным УМК, имеют большой опыт работы. Кроме высокого уровня коммуникативной компетенции педагоги имеют социокультурную компетенцию, то есть хорошо осведомлены о национально-психологических особенностях студентов, а также информационную. Все студенты обучаются у нас на платформе MOODLE, где выложены материалы по уровням. Учебники разработаны преподавателями кафедры и активно используются уже несколько лет. В этом свете информационная компетенция неразрывно связана с базовыми и продвинутыми навыками работы преподавателя с компьютером, а именно редакторскими средствами, средствами мультимедиа и Интернетом. Иностранцы студенты как новое поколение, скорее, уже имеют достаточный уровень развитости этих навыков, что, в свою очередь, ставит перед преподавателем задачу соответствия этому уровню [3].

Особое внимание уделяется профессиональной компетенции педагогов. Работа с русскими студентами дает преподавателям осознание, как работать с иностранцами этой же возрастной группы. Приемы могут быть теми же самыми – работа в парах, в группе, фронтальная работа. В многонациональных группах отбор материала и инструменты обучения более строгие. Преподаватель сам отбирает то, что ему нужно в соответствии с программными требованиями и приспособливает учебный план к потребностям группы. Учитывается не только уровень языка, но и интересы студента, трудности, с которыми он сталкивается. Можно сказать, что обучение студентов иностранцев проходит в более гибком графике, чем в обычных группах, где все же мы работаем с уже подобранным материалом, апробированным и многократно проверенным. При обучении иностранцев нередко подбирается материал новый, нужный на занятии. Может возникнуть необходимость быстрой смены вида деятельности. Регулярно педагог должен провоцировать обратную связь, задавая вопросы на воспроизведение и понимание сказанного, на осмысление того, как это применимо в реальной жизни. Территориальная принадлежность, культура, образовательный опыт, уровень языковой подготовки сильно разнятся в группах иностранных студентов. Таким образом, обратная связь должна использоваться преподавателем не только как инструмент достижения заданных целей и результатов обучения, но и как инструмент их корректировки и адаптации к особенностям целевой группы иностранных студентов в рамках ФГОС [3].

Навыки самоанализа также необходимы. Критический подход к своей работе, анализ своей деятельности и тщательная подготовка к занятиям необходимы. Способность к рефлексии является важным элементом деятельности. Педагогам нужно быть социально и профессионально мобильными, реагировать на прогресс или регресс у студентов, на их готовность к работе или усталость, на их подготовленность к занятию или к отсутствию мотивированности. Совокупность теоретической готовности к преподаванию и практических возможностей делают преподавателя

педагогом, который может работать в группах со студентами из разных стран, с разным уровнем подготовки, но с одним желанием – учиться и стать высококлассным специалистом. Наша задача – помочь молодому человеку в достижении его целей.

Список использованных источников

1. Арон И. С. Особенности педагогического общения при обучении иностранных студентов. Теория и методика профессионального образования [Электронный ресурс] // Мир педагогики и психологии. – 2019. – №6 (35) – <https://scipress.ru/pedagogy/articles/osobennosti-pedagogicheskogo-obshheniya-pri-obuchenii-inostrannykh-studentov.html?ysclid=lrdenm24o343898107> (дата обращения 19.01.2024).
2. Лучникова А. В., Тутынина Т. И. Психологические и методические особенности обучения студентов-иностранцев английскому языку как иностранному // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 1. – С. 130-133.
3. Рахимов Т. Р. Ключевые компетенции преподавателя в рамках организации процесса обучения иностранных студентов в российском вузе. file:///C:/Users/the_s/Desktop/%D0%9C%D0%9C%20%D0%97%D0%B0%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%BA%D0%B8/klyuchevye-kompetentsii-prepodavatelya-v-ramkah-organizatsii-protseessa-obucheniya-inostrannykh-studentov-v-rossiyskom-vuze.pdf [Электронный ресурс] (дата обращения 19.01.2024).
4. Сыса Е. А. Роль преподавателя при формировании автономности студентов неязыкового вуза в процессе обучения иностранному языку. [Электронный ресурс] // Томский политехнический университет, Вестник науки Сибири. 2013. – № 4 (10) – <https://core.ac.uk/download/pdf/53080217.pdf> (дата обращения 20.01.2024).
5. Киберленинка <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prepodavaniya-angliyskogo-yazyka-v-mezhnatsionalnyh-gruppah-studentov/viewer> [Электронный ресурс] (дата обращения 20.01.2024).
6. <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/ebe01.htm> [Электронный ресурс] (дата обращения 19.01.2024).

УДК 347.78.034

ТИПЫ ПЕРЕВОДНИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

К. С. Мартынюк,

учитель английского языка МБОУ «Лицей №1», Симферополь

Аннотация: Почти любой текст состоит из тропов, фигур речи или других выразительных средств, которые вместе реализуют стилистическую функцию языковых единиц. Отдельные примеры отклонения исходного текста от текста оригинала объясняется существованием различий в сочетаемости лексем и их семантической наполняемости, невозможности подобрать дословный аналог, необходимости в компенсации и дополнении, грамматических и лексических трансформациях. Перевод стилистических средств и приёмов литературного произведения с исходного языка на другой является одним из важных аспектов теории перевода.

Ключевые слова: теория перевода, переводческие трансформации, стилистические средства, лексические и грамматические преобразования.

Summary: Almost any text consists of tropes, figures of speech or other expressive means, which together realize the stylistic function of linguistic units. Some examples of deviation of the source text from the original text are explained by the existence of differences

in the combinability of lexemes and their semantic content, the impossibility to find a literal analog, the need for compensation and supplementation, grammatical and lexical transformations. Translation of stylistic means and techniques of a literary work from the source language into another is one of the important aspects of translation theory.

Key words: translation theory, translation transformations, stylistic resources (methods), lexical and grammatical transformation.

Достижение адекватности перевода является основной целью любого переводчика. Однако достаточно трудно подобрать аналоги всем лексическим единицам в силу того, что они не всегда существуют. Вот тогда на помощь переводчику и приходят переводческие трансформации или преобразования, умелое использование которых способно обеспечить адекватность перевода, т. е. исходный текст точно отражен в тексте перевода.

Термин «переводческие трансформации» трактуется по-разному разными учеными. Относя трансформации к приемам логического мышления, Я. И. Рецкер констатирует, что переводчик просто передает значение иностранного слова, находя при этом соответствующую заданному контексту замену в языке перевода, не закрепленную в словаре.

Изучая переводческие трансформации, Я. И. Рецкер говорит о «двух типах трансформации:

1) Грамматические трансформации в качестве замены частей речи или членов суждения.

2) Лексические трансформации (генерализация, конкретизация, вариативность значений, антонимический перевод и др.)» [9].

В. М. Алпатов описывает «возможность использования переводческой трансформации в том случае, когда невозможно воспользоваться словарным соответствием в заданных условиях контекста» [2]. В работах Л. К. Латышева существуют «примеры намеренного отступления от текста подлинника, именуемые учёным «переводческими трансформациями», в случае, когда дословный перевод, либо просто перевод, близкий к подлиннику по семантике, мешает пониманию текста перевода» [5].

Согласно Р. К. Миньяр-Белоручеву, переводческая трансформация – это такое преобразование, которое «заключается в изменении формальных (лексические и грамматические преобразования) или семантических компонентов исходного текста» [8]. Р. К. Миньяр-Белоручев упоминал «три вида трансформаций:

- 1) грамматические
- 2) лексические
- 3) семантические» [8].

К первому виду относятся приёмы генерализации и абстрагирования; ко второму – пассивизацию, замену частей речи и членов предложения, объединение предложений или их членение; к третьему – метафорические, метафорические, синонимические, замены, логическое развитие понятий,

антонимический перевод и приём компенсации.

Поскольку Р. К. Миньяр-Белоручев под переводом понимает передачу некоторой информации, то В. Н. Комиссаров определяет «переводческие трансформации» как преобразования, позволяющие перейти от единиц оригинала к единицам перевода с сохранением смысла [4]. Концепция В. Н. Комиссарова относится к таким видам трансформаций, «как:

1) лексическая (переводческое транскрибирование, транслитерация, калькирование, некоторые лексико-семантические замены);

2) грамматическая (буквальный перевод, грамматические замены и членение предложения);

3) комплексная (антонимический перевод, описательный перевод и возмещение)» [4].

Л. С. Бархударов также рассматривает различные типы переводческих трансформаций в состав которых входят:

1) замены,

2) добавления,

3) опущения

4) перестановки [3].

Типология Л. С. Бархударова имеет сходства и различия с классификацией В. Н. Комиссарова: такие приёмы, как конкретизация, генерализация и антонимический перевод, представлены в обеих классификациях.

В настоящее время в современной теории перевода различают несколько типов переводческих трансформации, которые подвержены большому количеству классификаций, предложенных разными учеными в области перевода.

Широкое распространение получили морфологические трансформации, которые заключаются в замене частей речи, а также их грамматических форм (времена, степени сравнения, падежи, число и т.д.)

По определению Л. К. Латышева лексические трансформации как «отклонение от словарных соответствий» получили не менее распространённую классификацию и распространение. В системах лексики английского и русского языков отмечаются несовпадения, которые выражаются в типе семантической структуры слова [6, С. 180].

Учитывая тот факт, что языковые системы отличаются друг от друга не только лексикой, но и грамматикой, переводчику приходится употреблять и грамматические видоизменения морфологического и синтаксического характера» [1, с. 88].

Синтаксические трансформации заключаются в таких изменениях синтаксических функций лексических единиц и словосочетаний, как изменение порядка слов, опущение элементов предложения (элиминация), вклинивание или добавление дополнительных слов в структуру предложения, перенос слов из одного предложения в другое, объединение

двух и более структур, равно как и разделение одного высказывания на два и более, замена простого высказывания на сложное и наоборот, сложное на простое. Кроме того, возможно изменение порядка следования предложений, изменение синтаксической структуры, разные вариации структуры фразы, замена глагола на причастие и деепричастие, активную конструкцию на пассивную и наоборот, возможны замены словосочетаний и распространенных определений на предложения и наоборот, предложений на словосочетаний или распространенные определения, замена типов сказуемых: глагольное на именное, именное на глагольное и др.

В целях удобства описания синтаксические трансформации, осуществляемые в процессе перевода, сводят к четырем элементарным типам.

«1) Перестановки. В английском суждении определённый порядок слов: сначала идут главные члены предложения – подлежащее и сказуемое, затем второстепенные члены предложения. Обычно, порядок соблюдения компонентов русского суждения прямо противоположен порядку соблюдения компонентов исходного английского суждения

2) Замены – наиболее популярный и разнообразный вид переводческого видоизменения. Замене могут подвергаться как грамматические единицы – формы слов, части речи, члены предложения, типы синтаксической связи, так и лексические в процессе перевода. Также, замене могут подвергаться не только конкретные единицы, но и целые конструкции.

Остановимся подробнее на синтаксических заменах в сложном суждении. В структуре сложного предложения наиболее часто встречаются следующие виды синтаксических модификаций:

- 1) замена простого предложения сложным;
- 2) замена сложного предложения простым;
- 3) замена подчинения сочинением и наоборот;
- 4) замена главного предложения придаточным и наоборот;
- 5) замена союзного типа связи бессоюзным и наоборот.

Замена при переводе делает возможным создать адекватный перевод.

3) Дополнения – это видоизменение, порождённое нуждой наличия в английском языке «эллипсов» или «опущений» тех или иных смысловых элементов, присутствующих в глубинной структуре суждения. Одной из причин введения дополнительных слов в переводческом процессе является синтаксическая реорганизация структуры предложения. Так при переводе на английский язык для получения «коммуникативного членения» предложения в некоторых случаях в английское предложение оказывается нужным ввести подлежащие, которые отсутствуют в оригинальном русском предложении и выражающие «данное». При обратном переводе реализуется явление двойственности английского языка. В русском языке иногда невозможно найти эквивалент, полностью отвечающий семантической единице оригинального языка. Особенно это присуще юридическому

переводу.

Box in the court – место для дачи показаний в суде;

Caseworker – лицо, исследующее некоторые случаи правонарушений по материалам дел.

Рассматривая примеры, можно чётко увидеть несоответствия перевода с английского языка на русский в силу того, что трудно подобрать верное значение переводимым лексическим единицам.

4) Опушения часто требуются тем, что отдельное слово, словосочетание и даже придаточное предложение может стать избыточным в переводе с точки зрения его семантического содержания:

The Treaty was declared null and void. – Договор был аннулирован (объявлен недействительным).

В английском предложении употребляются слова *null* – недействительный и *void* – потерявший законную силу.

Употребление данного приёма предоставляет возможность переводчику ликвидировать семантически избыточные элементы оригинального текста и осуществлять «компрессию текста», что нередко оказывается нужным, так как позволяет избежать чрезмерной загруженности текста истолкованиями и уточнениями» [1, с.91].

В соответствии с вышеприведенными видами стилистических трансформации выделяют такие их приемы, как:

1) адекватная замена, основанная на большом количестве следующих «технологических» операций:

а) выборка лексически неадекватного слова или оборота с близкой семантикой и аналогичной стилистической окраской;

б) замена символической фигуры исходного языка отдельной традиционной символической фигурой языка перевода, не имеющей ярко проявленной национальной окраски и пробуждающей похожие ассоциации;

в) экспликация образа, образного соотнесения, игры слов с помощью буквального перевода или калькирования (в том случае, если это поможет передать читателю образные ассоциации оригинального текста);

2) идиоматизация / фразеологизация, базирующаяся на замене лексической единицы, словосочетания или оборота идиоматическим, постоянным оборотом;

3) экспрессивизация, являющаяся заменой широкой семантики с стандартной стилистикой на более определенную единицу с большей экспрессией.

Стилистические системы языков обладают своим национальным характером. Адекватный перевод невыполним без учёта стилистической стороны оригинала. Для этого переводчики употребляют такой приём как стилистическая модификация, сущность которой состоит в видоизменении стилистической окраски переводимой единицы. Например:

«When I could **stand it no longer** I raised myself upon my knees, still keeping hold with my hands, and thus got my head clear. Когда я ощутил, что

силы покидают меня, я привстал на колени, не отпуская кольца из рук, и голова моя очутилась над водой.

Следует помнить о том, что большинство стилистических приёмов полифункциональные. При сравнении стилистических приёмов обнаруживаются и полные совпадения, частичные совпадения и несовпадения их функций. В качестве примера можно сопоставить функции приёма «аллитерации» в английском и русском языках.

Wet and windy weather – **п**лохая, **п**ромозглая **п**огода.

Использование аллитерации подчёркивает тесную связь между лексическими единицами и выполняет благозвучную функцию» [1, с.95].

Приём аллитерации широко используется в пословицах, поговорках, газетных заголовках, чтобы привлечь внимание читателя, в названии произведений. Неверное применение стилистически-оценочных средств приводит к такому явлению, как стилистические ошибки.

Стилистические ошибки – результат игнорирования употребления отдельных значений слов и их сочетаемости. При замене друг другом стилистических синонимов модифицируется стиль высказывания, хотя объект, о котором идёт речь, может оставаться тем же [1, с. 97].

Наиболее сложным и трудно поддающимся изображению из всех приёмов перевода, очевидно, является приём компенсации. В любом языке есть компоненты, не поддающиеся отдельной передаче средствами другого языка, поэтому очевидна нужда возместить эту потерю при переводе.

Повтор является очень распространённым стилистическим средством в английском языке. Даже больше, чем в русском. Наиболее распространённые слова, которые могут повторяться в тексте по несколько раз «Stop! Stop! Stop!», «Listen! Listen! Listen!» и так далее. На русский язык данные слова можно перевести как: «Перестаньте, сейчас же перестаньте!» или «Послушайте, ну послушайте, пожалуйста!» [7, с. 53]. При переводе таких текстов переводчику приходится применять стилистические замены, компенсации или вообще прибегнуть к отказу от передачи этого приема.

Метафоры и метонимии употребляются во всех эмоционально-окрашенных стилях речи. При переводе художественного текста сохранение метафор обязательно.

«Everybody heard something fresh in his words. Каждый услышал что-то новое в его словах» [7, с. 101].

В художественной литературе большое внимание уделяется метонимии. Очень часто приходится обращаться к основному значению слова, от которого произошел метонимический перенос.

При переводе широко употребляются слова, которые называют одни и те же классы объектов, но по-разному дающие им характеристику. Такие слова называются синонимами. При помощи синонимов можно достичь необходимой стилистической окраски [7, с. 101].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что существует достаточно много классификаций

переводческих трансформаций, предложенных разными учеными в области перевода.

Для достижения адекватности при переводе с одного языка на другой переводчик употребляет языковые средства другого языка, на который производится перевод. Лексические, синтаксические, стилистические, морфологические, грамматические отличия языка подлинника и языка перевода обуславливают необходимость разнообразных модификаций (замен) при переводе.

Разнообразные признаки, положенные в основу слова, затрудняют задачу переводчика при трансляции стилистических приёмов, основанные на игре слов, что является одной из причин, почему переводчику приходится использовать приём трансформации при получении адекватного перевода.

Список использованных источников

1. Алимов В. В. Теория перевода. – М.: Наука. – 2017. – 160 с.
2. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Наука. – 2015. – 368 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения. – 2015. – 291 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк. – 2010. – 253 с.
5. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: Академия. – 2015. – 317 с.
6. Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы её достижения). М.: Академия. – 2016. – 247 с.
7. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Проблемы перевода. М.: Наука. – 2016. – 264 с.
8. Миньяр-Белоручев, Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат. – 2010. – 237 с.
9. Рецкер, Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. М.: Просвещение. – 2011. – 302 с.

УДК 81.225

РОМАН «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ

Е. М. Масленникова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры герменевтической
лингводидактики и английской филологии,*

Тверской государственной университет, Тверь

Аннотация. В статье рассматриваются история первых появлений переводов романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина на английский язык. Анализируются особенности перевода, выполненного совместно О. Эммет и С. А. Макуреновой (1999) к 200-летию со дня рождения русского поэта. Отличительной особенностью данного перевода является ориентация при подборе переводческих эквивалентов и аналогов для пушкинского СЛОВА на соответствующие ассоциативные Миры СЛОВА, имеющиеся в англоязычно литературной традиции.

Ключевые слова: текст, понимание, интерпретация, перевод, роман «Евгений Онегин», переводческая редакция.

Summary. The article deals with the history of English translations of A. Pushkin's

“Eugene Onegin”. The translation made by O. Emmet and S. A. Makurenkova (1999) is analyzed. When looking for equivalents for Pushkin’s words, the translators tried to find corresponding words with the same associative capabilities within the English-speaking literary tradition.

Key words: text, understanding, interpretation, translation, novel “Eugene Onegin”, translation editing.

А. С. Пушкин начал писать свой роман в стихах «Евгений Онегин» 9 мая 1823 года во время нахождения в ссылке в Кишинёве, а закончил 5 октября 1831 года. По мере готовности роман издавался выпусками по главам, но отрывки также печатались в различных журналах и литературных альманахах, например, отрывки из второй песни вошли в «Северные Цветы на 1826 год», письмо Татьяны – «Северные Цветы на 1827 год». Отрывки из глав IV, VII и VIII вышли в «Московском вестнике» (1827, 1828), из главы VII в «Северной Пчеле» (1828), из главы VIII как «Путешествие Онегина» в «Литературной Газете» (1830) и в «Московском Вестнике» (1827). Первая глава романа «Евгений Онегин» вышла отдельным изданием в феврале 1825 года в типографии Департамента народного просвещения Санкт-Петербурга. Разрешение цензора датировано 29 декабря 1824 года. Нынешний – 2024 год – является юбилейным годом: прошло 200 лет со дня допуска текста в печать.

Впервые полностью роман был напечатан в одном томе типографией А. Смирдина в Санкт-Петербурге в 1833 году. В издание вошли все восемь глав, а также авторские «Примечания к Евгению Онегину» (стр. 265-272) и «Отрывки из путешествия Онегина» (стр. 273-287). В 1838 году роман открывает первое посмертное собрание сочинений А.С. Пушкина.

Первым полностью на английский язык роман перевёл профессиональный военный подполковник в отставке Генри Сполдинг / Henry Spalding (1840–1907), который в 1870-е годы был прикомандирован к британскому посольству в Санкт-Петербурге. Он опубликовал свой перевод «Eugene Onéguine», получивший подзаголовок «A romance of Russian life» (буквально ‘Роман из русской жизни’), в 1881 году сразу после выхода в отставку [3]. Эта публикация совпадает с 60-летием завершения А. С. Пушкиным работы над романом «Евгений Онегин».

В 1883 году журнал «Westminster Review» публикует несколько отрывков из первой главы романа в переводе, который выполнил сэр Клив Филлипс-Уолли / Clive Phillipps-Wolley (1853–1918). Он, служивший в одно время при английском посольстве в Санкт-Петербурге, в чём-то повторил судьбу героя романа, унаследовав от прадеда поместье и титул, поэтому, вероятно, под влиянием личных обстоятельств им была переведена только глава, где показана светская жизнь молодого человека. Полностью перевод под названием «A Russian Rake» (буквально ‘Русский повеса’) был опубликован [4] в выпуске материалов «Англо-русского литературного общества» («Anglo-Russian Literary Society»), которое было основано в Лондоне с целью снятия культурных барьеров между Россией и

Великобританией и обеспечения сближения двух стран и их народов.

В настоящий момент имеется 28 полных переводов пушкинского романа «Евгений Онегин» на английский язык.

К столетию со дня роковой гибели русского поэта на дуэли практически одновременно выходят три перевода романа «Евгений Онегин» на английский язык, над которыми работали: жена известного американского пушкиниста и переводчика А. Ярмолинского / A. Yarmolinsky (1890–1970) Б. Дейч / Babette Deutsch (1895–1982), английский литературовед профессор О. Элтон / Oliver Elton (1861–1945), Доротея Пралл Рэдин / Dorothea Prall Radin (1889–1948) совместно с Джорджем З. Патриком / George Zinovei Patrick (1886–1946), который, кстати, родился в Нижнем Новгороде, а в период с 1916 по 1919 год служил в русском посольстве в США, где и остался после 1917 года, возглавив в Калифорнийском университете кафедру славянских языков.

В 1964 году одновременно выходят: перевод с сохранением размера и рифмы В. Арндта / Walter Arndt (1916–2011), получившего за него Боллингеновскую премию, перевод родившегося в России профессора экономики Тихоокеанского университета в Теннесси и переводчика русской литературы Ю. Кейдена / Eugene Mark Kayden (1886–1977) и перевод русско-американского писателя и поэта билингва В.В. Набокова / V. Nabokov (1899–1977) с его же комментариями.

Следующая «волна» переводов романа наступает вместе с очередной юбилейной датой. В 1999 году выходят переводы, выполненные Р. Кларком / Roger Clarke (р. 1939), профессором Д. Ховштадтером / Douglas Hofstadter (р. 1945), переехавшим в СССР британский коммунистом и переводчиком У. Мэем / Walter May (1912–2006), а также лингвистом и учёным А. Корром / Alan David Corré (1931–2017), разместивший свой перевод в Интернете. В ряду этих «юбилейных» переводов особое место занимает перевод, над которым совместно работали О. Эммет / Olivia Emmet (1934–2020) и доктор филологических наук, профессор С.А. Макуренкова, а редактором выступил известный переводчик В. Микушевич.

Благодаря любезности С. А. Макуренковой в нашем распоряжении оказался часть архива, включающий варианты их совместного перевода, подготавливаемого в преддверии пушкинского юбилея в 1999 году [2]. Нынешний год является юбилейным не только для романа «Евгений Онегин», но и для этого перевода, которому исполняется 25 лет. Имеющиеся материалы позволяют проследить направленность работы над пушкинским текстом, когда переводческое понимание текста превращается в письменно-зафиксированную рефлексию не только над традицией текстопроизводства, но и над (потенциально) возможными вторичными текстовыми проекциями, которые будут у читателя из системы переводящего языка и культуры. Анализ предлагаемых и отвергаемых вариантов даёт представление о том, как шло декодирование единиц текста через работу с внутренним лексиконом при одновременной рефлексии над образами представленной в

оригинале знаковой ситуации. К сожалению, на поступивших материалах, а среди них некоторые представляют собой обрывки рукописей или напечатанный текст с внесёнными поверх него рукописными исправлениями, не указаны даты, поэтому при работе с ними приходилось выстраивать варианты перевода по степени близости к финальному, т.е. опубликованному, варианту

Для наглядности рассмотрим итоговый перевод второй строфы из главы пятой и имеющиеся варианты её передачи средствами английского языка. Выбор именно этой строфы обусловлен рядом причин. Во-первых, это ставший хрестоматийным текст с поэтическим описанием зимнего утра в деревне, который благодаря многочисленным включениям в школьные учебники по литературе и различные сборники можно признать национально-прецедентным. Во-вторых, эта строфа не связана со сложной интертекстуальной игрой с подтекстами и затекстами, характерной для отдельных частей романа. В-третьих, формирование смысловой структуры происходит через композицию строфы, а читатель вовлекается в строфу через представленный незамысловатый сюжет из повседневной жизни: зима – крестьянин на дровнях – мимо проносится ямщик – мальчик катает собаку на санках-салазках – мать из окна наблюдает за сыном. При этом семантизация текста не требует большого объёма языкового опыта.

Ниже представлены оригинал строфы и её итоговый книжный перевод, выполненный О. Эммет и С. А. Макуренковой [2].

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
 На дровнях обновляет путь;
 Его лошадка, снег почуя,
 Плетётся рысью как-нибудь;
 Бразды пушистые взрывая,
 Летит кибитка удалая;
 Ямщик сидит на облучке
 В тулупе, в красном кушаке.
 Вот бегаёт дворовый мальчик,
 В салазки жучку посадив,
 Себя в коня преобразив;
 Шалун уж заморозил пальчик:
 Ему и больно и смешно,
 А мать грозит ему в окно...

А.С. Пушкин Евгений Онегин (V, II)

Winter!.. With triumphant glow
 The peasant opens up the way;
 His little nag sniffing fresh snow
 Drags the sledge as best she may.
 Ploughing furrows through the down;
 A smart kibitka dashes on;
 The coachman, sits on his high seat,
 With crimson sash on sheepskin coat.
 The yard-boy now comes running out,
 Once mongrel into sledge he's settles,

He'll be a horse, in finest fettle;
 The rascal's finger's frozen quite:
 it's painful, but it's funny too,
 His mother warns, at the window...

(Translated by O. Emmet & S. Makourenkova)

Участниками представленных в строфе событий становятся: крестьянин, ямщик, дворовый мальчик и его мать.

В итоге качестве эквивалента для пушкинского крестьянина был выбран *peasant*, а не *countryman*, который фигурирует в изначальных вариантах, традиционно англоязычные авторы, когда пытались описать статус крепостного населения царской России в привычных для своих читателей категориях, использовали нейтральную форму *peasants* или более эмоционально сильную *serfs* (буквально 'рабы').

В России ямщиками становились отпущенные на оброк своими хозяевами крестьяне, но, или, как объясняет В. И. Даль [1], крестьяне, вынужденные заниматься «почтовой гоньбой» на своих лошадях для освобождения от подушной подати. Таким образом, становится понятно, почему один, торжествуя, не спеша на дровнях, т.е. на специальных санях на двух полозьях для возки дров, обновляет путь, направляясь в лес по текущей хозяйственной надобности, а его лошадка плетётся рысью как-нибудь, но при этом лихая кибитка летит. В этот контекст также вписывается игра мальчика, вообразившего себя конём и везущего на салазках собаку: перед ним представлены два возможных сценария развития его взрослой жизни, но он явно предпочитает стать нарядно одетым ямщиком (В тулупе, в красном кушаке...), развозящим пассажиров. Кроме этого, перечисляемые объекты – дровни, кибитка, салазки – объединены общим признаком: наличием полозьев. Относительного красного кушака заметим, что словосочетание *crimson sash*, присутствующее изначально во всех вариантах перевода, максимально точно соответствует схожей детали в костюме английского удалого и храброго молодца, которого в литературной традиции олицетворял пират. Кстати, когда главный герой романа «Приключения Тома Сойера» (1876) М. Твена представляет себя в мечтах вернувшимся домой после долгих морских странствий знаменитым пиратом, то он видит на себе именно такой широкий пояс-кушак (... *his crimson sash, his belt bristling with horse-pistols*). Отметим, что из-за разных предлогов первоначально возникла путаница с тем, как носил русский ямщик кушак – поверх верхней одежды (*With crimson sash on sheepskin coat...*) или под ней (*With crimson sash and sheepskin coat...; In crimson sash and sheepskin coat...*).

Почему мальчик беззаботно развлекается с собакой? По отношению к ребёнку поэт использует прилагательное дворовый, сообщая, читателю-современнику о его статусе: дворовыми людьми называлась прислуга в барском доме, находившаяся на полном содержании у хозяев [1]. В Англии крепостническое право давно не существовало, а в США рабовладельчеству

также положен конец. Вариант с yard-boy (буквальная калька ‘дворовый мальчик’) представляется неудачным, как и применение по отношению к резвящемуся шалуну, т.е. на языке XIX века баловнику и проказнику, слова rascal, не смотря на то, что одно из его значений ‘mischievous child’ (‘озорной, шаловливый’). На самом деле, дворовой мальчик не озорничал и не шалил. Судя по выбору поэтом слов шалун и пальчик, он показывает, что ребёнка баловали не только мать, но и хозяйева, поэтому он беззаботно проводит время в играх. В одном из вариантов он обморозил все пальцы на руках (The rascal’s fingers are frozen...).

Четвёртое действующее лицо в строфе – это мать ребёнка, которая грозит ему в окно. В одном из первоначальных вариантов мать действительно грозит-угрожает (Mother / threatens / at the window). Однако в итоге мать предостерегает ребёнка (His mother warns, at the window...).

Как определить максимально близкий эквивалент для жучки, с которой играет дворовый мальчик? Как указывает В. И. Даль [1], Жучка – это традиционная кличка для чёрной собаки. Конечно, со временем такая явная опора на цвет при выборе клички постепенно исчезла. В.И. Даль в качестве примера употребления прилагательного дворовой приводит словосочетание дворовая собака, объясняя, что таковой является ‘не комнатная, не чабанья, не гончая, не борзая’, а живущая во дворе, т.е. дворняга. Современные словари предлагают в качестве эквивалента для дворняги существительное house-dog, что не соответствует ситуации. В этом отношении переводчики отошли от первоначального выбора dog ‘собака’, основанного на гиперо-гипонимических отношениях, в пользу mongrel ‘дворняжка’ (Once mongrel into sledge he’s settled...).

Что касается кибитки, то В. И. Даль [1] описывает этот вид транспорта как сани с верхом. Во всех вариантах присутствует kibitka как реалия-экзотизм, маркирующая пространственно-временную соотнесённость текста. В русском языке XIX века прилагательное удалой ‘храбрый, смелый, доблестный, отважный, притом расторопный, толковый, которому в отваге всегда удача’ [1] связано с удачей как успехом и желанным исходом дела. Русские пословицы и поговорки со словом удалой (Удалая, разудалая голова; К удалому и Бог пристаёт; Удалому всё прах, нипочём; Удалой долго не думает) говорят не просто об удаче или везении, а, скорее всего, в большей степени о безрассудной храбрости, поэтому кибитка удалая летит с большой скоростью, взрывая бразды пушистые, т.е. в момент езды ямщик не обращает внимания на покрытые выпавшим снегом канавы на дороге. Наверное, в этом отношении итоговый выбор в качестве эпитета для кибитки прилагательного smart будет не совсем верным (A smart kibitka dashes on). Отвергнутая строка (A dashing kibitka flies past) передаёт в большей степени быстроту движения (Летит кибитка удалая), напоминая при этом об английском выражении Times fly (‘Время летит’). В переводе полозья кибитки оставляют после себя следы в пушистом снеге (Ploughing furrows through the down... или как Ploughing fresh furrows through the

down...).

Определение гендерной принадлежности крестьянской лошадки и, соответственно, выбор переводческого эквивалента вызвали некоторые затруднения. В большинстве случаев в английском языке категория рода связана с согласованием с существительными соответствующих личных, возвратных, относительных, вопросительных местоимений (he / she / it, his / her / its и who / what). Чтобы сохранить женский род лошадки, переводчики отказались от нейтрального варианта с horse 'лошадь, конь' в пользу nag 'лошадка, кляча', но именно horse (He'll be a horse...) остаётся для описания действий играющего мальчика (Себя в коня преобразив...).

По сравнению с вариантами итоговый перевод структурирует ход событий путём использования анафоры в начале строк и лексико-синтаксических повторов (подлежащее + сказуемое в Present Simple): The peasant opens up the way – A smart kubitka dashes on – The yard-boy.

Первые переводы романа «Евгения Онегина» на английский язык, выполненные в XIX веке, были ориентированы, прежде всего, на англоязычных читателей, а их целью, было, скорее всего, ознакомить с одним из основных произведений русской литературы, ставшим, говоря современным языком, национально-прецедентным текстом. Совместный перевод О. Эммет и С.А. Макуренковой [2] отличается иным походом к оригиналу: одновременной ориентацией на пушкинское СЛОВО и на его английский эквивалент, который благодаря своей ассоциативной нагрузке, практически полностью переводит пушкинский текст в другую систему культуры и литературы с её традициями текстопостроения и чтения. Возникающий ассоциативный вертикальный контекст опирается на ассоциативные миры СЛОВА, сложившиеся в классической англоязычной литературе, чему способствует имеющиеся у переводчиков знание культурно-исторического характера, а также знание культурного фона.

Список использованных источников

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. – СПб.: ТОО «Диамант». – 1996.
2. Pushkin A.S. Eugene Onegin / Translated Olivia Emmet, S. Makurenkova. – М.: Прогресс-Традиция. – 1999. – 470 с.
3. Pushkin A. Eugene Onéguine; a romance of Russian life in verse; translated from the Russian by H. Spalding. – London: Macmillan & Co. –1881. – 276 p.
4. Pushkin A. A Russian rake; paraphrased by Clive Phillips-Wolley // The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings. – № 89. – London, 1920. – Pp. 11–32.

УДК 811,11

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*М. С. Медведева,**кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Ростов-на-Дону*

Аннотация. Современная политическая лингвистика представляет собой одну из новых областей для лингвистических исследований с позиции антропоцентрической парадигмы. Язык в политике рассматривается с позиции целенаправленности воздействия. В область современной политической лингвистики входит изучение особенностей выступлений политических лидеров, тактик и стратегий в их политической речи и функционирования вербальных и невербальных средств выразительности. Данная статья посвящена фразеологизмам как эффективному средству речевого воздействия в политическом дискурсе.

Ключевые слова: перевод, политический дискурс, фразеологизмы, речевое воздействие, средства выразительности, речь

Summary. Modern political linguistics is one of the new areas for linguistic research from the perspective of the anthropocentric paradigm. Language in politics is considered from the standpoint of purposeful impact. The field of modern political linguistics includes the study of the features of speeches by political leaders, tactics and strategies in their political speech and the functioning of verbal and non-verbal means of expression. This article is devoted to phraseological units as an effective means of speech influence in political discourse.

Key words: translation, political discourse, phraseological units, speech effects, means of expression, speech

В современной лингвистике фразеологические единицы рассматриваются двояко: в узком и широком смысле. Лингвисты В. В. Виноградов, Ш. Балли, А. А. Гируцкий и М. И. Фомина придерживаются узкого понимания сущности фразеологизмов. По их мнению, фразеологические сочетания, фразеологические единства и фразеологические сращения составляют фразеологию языка. В широком понимании (Н. М. Шанский, П. А. Лекант, Т. И. Вендина) фразеология языка также включает крылатые слова, поговорки и пословицы.

В нашей статье мы будем придерживаться следующего определения понятия «фразеологизм». По мнению профессора Н. М. Шанского, фразеологической единицей является несвободное сочетание слов с целостным переносно-обобщенным значением, возникшим на основе образного переосмысления словесного комплекса. Характерными признаками фразеологического оборота являются следующие: воспроизводимость, устойчивость в составе и структуре, целостность значения, непроницаемость, акцентологическое оформление [8, с. 100]. Неотъемлемыми составляющими фразеологии являются поговорки, пословицы, изречения и крылатые слова. В данной работе мы будем придерживаться мнения лингвиста Н. М. Шанского при анализе фразеологизмов в речи политических лидеров.

Существуют несколько классификаций фразеологических единиц: по

происхождению, по сфере употребления, по структуре, по составу, по стилистическим свойствам, по смысловой связанности, по синтаксической функции, по характеру функционирования в речи, семантическим группам. В нашей статье мы придерживаемся классификации фразеологической единицы академика В. В. Виноградова с точки зрения воспроизводимости. Она была расширена профессором Н.М. Шанским. Согласно данной классификации, фразеологизмы делятся на четыре группы: **фразеологические сращения** (*как ни в чем не бывало, заморить червячка, кромешный ад, перемывать косточки, куда ни шло, бить баклуши, очертя голову, съесть собаку*), **фразеологические сочетания** (*летальный исход, закадычный друг, тоска берет, про запас, благородные металлы, под шумок, сгорать от стыда*), **фразеологические единства** (*лить воду на мельницу, за пояс заткнуть, первая скрипка, пускать пыль в глаза, держать камень за пазухой*) и **фразеологические выражения** (*не все золото, что блестит, ни пуха, ни пера, кот заплакал, человек в футляре, любишь кататься – люби и саночки возить, а ларчик просто открывался, волков бояться – в лес не ходить*). Фразеологические сращения и единства представляют собой семантически неделимые единицы. Например, «*сломя голову*» является фразеологическим сращением, а «*выбить из колеи*» – фразеологическим единством. Фразеологические сращения могут быть построены по устаревшим грамматическим формам и иметь в своем составе архаизмы или историзмы. Для фразеологических единств характерна идиоматичность, экспрессивно-эмоциональная окрашенность и мотивированность значения. Фразеологические выражения и сочетания, по мнению академика В. В. Виноградова, – семантически членимые образования. Фразеологические сочетания представляют собой устойчивые сочетания слов со свободным и связанным словоупотреблением («*закадычный друг*»). Основным отличительным признаком фразеологических сочетаний от фразеологических выражений является наличие слов с фразеологически связанным значением («*разинуть рот*»). Более того, фразеологические выражения воспроизводятся говорящим как готовые речевые единицы («*любви все возрасты покорны*») [3, с. 140–150].

Основная функция фразеологических единиц – номинативная: фразеологизмы обозначают объекты реальной действительности. Наряду с номинативной функцией, идиомы обладают также характерологической функцией, то есть эмоционально – экспрессивной окраской. Экспрессивность речи достигается за счет использования образной фразеологии.

Использование фразеологизмов позволяет придать речи выразительность, образность, яркость и точность. Более того, фразеологические единицы отражают национально-культурную специфику народа (*to carry coals to Newcastle – ехать в Тулу со своим самоваром, not to set the Thames on fire – звезд с неба не хватать*).

В данной статье мы будем рассматривать образную фразеологию,

поскольку она эмоционально-заряженная и тем самым является эффективным средством воздействия. Образная фразеология представлена обширным пластом пословиц, поговорок и крылатых выражений. Образные фразеологизмы образуются на метафорическом сходстве или сравнении (*to grin like a Cheshire cat* – *ухмыляться во весь рот*, *to pull the devil by the tail* – *напрягаться на неприятности*, *to read between lines* – *читать между строк*).

Основой образности фразеологического оборота является внутренняя форма. Под внутренней формой понимается первоначальное значение фразеологизма, формирующееся из реальных значениях слов-компонентов. [5, с. 247]. Мотивированность (мотивация) значения фразеологизма, с точки зрения лингвиста В. Н. Телия, представляет собой ассоциативно-образное звено между сигнификативным и денотативным значением фразеологизма и его внутренней формой [6, с. 56].

В нашей статье природа образности идиом рассматривается с позиций концептуально-метафорической гипотезы, выдвинутой Р. Гиббсом. Образная составляющая основывается не на определенных квазивизуальных представлениях, а на абстрактных представлениях, то есть метафорах. Данные представления, закрепленные в языке, отражают национальную специфику культуры и народа [2, с. 90–100].

Смысл образного фразеологизма не может быть выведен из значений его составляющих. Например, фразеологизмы «*на лету схватывать*» и «*на скорую руку*» теряют мотивированность при разделении их на компоненты. Таким образом, образная фразеологическая единица рассматривается как единое целое.

С течением времени мотивированность фразеологической единицы может стереться, теряется связь между прямым и переносным значением. Одна из причин утраты образности фразеологизма – изменение уклада жизни. Например, в настоящее время фразеологизм «*baker's dozen* – *чертова дюжина*» больше не является мотивированным. К ряду фразеологизмов со стертой образностью относятся такие фразеологизмы, как *a rap on the knuckles* – *нахлобучка*, *to pickle the rod* – *быть готовым наказать кого-либо*, *to nail to the counter* – *разоблачить ложь*.

Говоря о специфике функционирования фразеологизмов в политическом дискурсе, можно прийти к выводу о том, что использование фразеологизмов в политической коммуникации позволяет эффективнее влиять на политическое массовое сознание. Острота, экспрессивность, живость и яркость речи привлекают внимание аудитории, вследствие чего между слушателями и оратором устанавливается контакт. Таким образом, политический лидер точно и ярко выражает собственную позицию, формируя положительное или негативное восприятие политических событий, а также «сближается с народом» [4, с. 656].

Обратимся к речи Дональда Трампа после выборов и проанализируем использование в ней фразеологических единиц. При помощи идиомы «*to*

come to an end» Трамп подчеркивает, что преступления и насилие, которые в последнее время стали частым явлением в Америке, прекратятся, и будет восстановлена безопасность: «*I have a message for all of you: the crime and violence that today afflicts our nation will soon come to an end. Beginning on January 20th 2017, safety will be restored*» – Я хочу всем вам сообщить важную информацию: скоро преступлениям и насилию, которые в настоящее время тревожат нашу страну, наступит конец. Начиная с 20 января 2017 года, будет восстановлена безопасность [10].

Трамп отмечает, что насилие не должно являться нормой и потрясает всю Америку по своей сути: «*America was shocked to its heart when our police officers in Dallas were brutally executed*» – Америка была шокирована до глубины души, когда в Далласе казнили с особой жестокостью полицейских офицеров (Donald Trump nomination acceptance speech, <http://www.politico.com>). Таким образом, фразеологические единицы позволяют Дональду Трампу воздействовать на сознание аудитории: он сближается с народом, акцентирует внимание на животрепещущих проблемах современной Америки.

Также фразеологические единицы используются Трампом в тактике критики оппонента: «*Big business, elite media and major donors are lining up behind the campaign of my opponent because they know she will keep our rigged system in place. They are throwing money at her because they have total control over everything she does. She is their puppet, and they pull the strings*» – К кампании моего оппонента присоединяются владельцы большого бизнеса и СМИ, потому что они знают, что она сохранит нашу систему манипуляций. Они обеспечивают ее деньгами, потому что они полностью контролируют ее действия. Она марионетка, которую тянут за ниточки [10]. Таким образом, Трамп подчеркивает, что он в отличие от Клинтон не является марионеткой политической системы, он способен принимать самостоятельные решения, которые кардинально изменят Америку в лучшую сторону.

Говоря о внешней политике Барака Обамы, Трамп обращается к фразеологизмам для большей образности и выразительности: «*This was just prior to the signing of the Iran deal, which gave back to Iran \$150 billion and gave us nothing – it will go down in history as one of the worst deals ever made*» – Это предшествовало подписанию иранского ядерного соглашения, в результате которого Иран получил 150 миллиардов долларов, а мы – ничего, это войдет в историю как одна из когда-либо сделанных худших сделок, «*Libya was cooperating. Egypt was peaceful. Iraq was seeing a reduction in violence. Iran was being choked by sanctions. Syria was under control. After four years of Hillary Clinton, what do we have? ISIS has spread across the region, and the world. Libya is in ruins, and our Ambassador and his staff were left helpless to die at the hands of savage killers*» – Ливия сотрудничала, Египет был мирным. Ирак видел пути к сокращению масштабов насилия. Иран душили санкциями. Сирия была под контролем. После четырех лет работы Хиллари

Клинтон, что же мы имеем? ИГИЛ распространилась по всему региону и миру. Ливия живёт в руинах, и наш посол и его сотрудники оказались беспомощными, они умерли от рук жестоких убийц [10]. Таким образом, член Республиканской партии подводит итог совместной деятельности Барака Обамы и Хиллари Клинтон, обращая внимание американцев на всемирные беспорядки разруху.

Обратимся к речи Хиллари Клинтон в рамках предвыборной кампании. Говоря о роли гражданина в государстве, кандидат на пост президента отмечает: «*If you do your part, then you ought to be able to get ahead. You ought to be able to reap the rewards of your work. And when everybody does his or her part, then America gets ahead*» – Если вы делаете свое дело, то вы должны продвинуться вперед. Вы должны быть готовы пожинать плоды своей работы, тогда Америка продвинется вперед [9]. Также Клинтон поднимает остросоциальную проблему абортов в Америке: «*I have met with women who toward the end of their pregnancy get the worst news one could get, that their health is in jeopardy if they continue to carry to term or that something terrible has happened or just been discovered about the pregnancy*» – Я встречала женщин, которые прерывали свою беременность, потому что получали худшие новости, какие можно только получить, что их здоровье находится под угрозой, если они продолжают вынашивать ребенка до конца срока или случалось что-то нечто ужасное, или что-то выяснялось по поводу беременности [9]. При помощи данного фразеологизма Клинтон подтверждает свою точку зрения, что следует разрешить аборты на поздних сроках беременности.

В ходе предвыборной кампании 23 января 2016 года, проходившей в штате Айова, один из избирателей уточнил у Клинтон, как она относится к назначению Барака Обамы в Верховный Суд Америки. На поставленный вопрос кандидат в президенты ответила следующим образом: «*Wow, what a great idea. No one has ever suggested that to me, I love that, wow. He may have a few other things to do but I tell you that's a great idea. I would certainly take that under advisement*» – Вау, какая отличная идея. Никто ранее не предлагал мне такого, мне это нравится. Возможно, у него есть немало других занятий, но я скажу вам, что это отличная идея. Я определенно возьму ее на вооружение [9]. Таким образом, Хиллари Клинтон подчеркивает, что она открыта к новым идеям американцев. Кандидат на пост президента использует стратегию сближения с электоратом.

Хиллари Клинтон выразила свой взгляд на Конституцию Америки: «*an organic, growing, evolving set of principles that have stood the test of time and that and can't just be looked at as though it is frozen at some point in the late eighteenth century*» – органичная растущая система принципов, которые выдержали проверку временем, и нельзя их рассматривать так, будто они застыли на уровне 18 века [9]. Таким образом, кандидат на пост президента подчёркивает, что Конституция отнюдь не старомодна, а выверена, следовательно, надежна.

В декабре 2014 года, говоря о климатических изменениях, Клинтон отметила следующее: «*The science of climate change is unforgiving, no matter what the deniers may say, sea levels are rising, ice caps are melting, storms, droughts and wildfires are wreaking havoc*» – Климатические изменения безжалостны, и неважно, что говорят те, кто это отрицает, уровень моря поднимается, ледники таят, а лесные пожары сеют хаос. Как известно, проблема климатических изменений является острой для общества.

Еще одним значимым пунктом в предвыборной речи Клинтон стало право ребенка на хорошее образование, которое бы позволяло любому обучающему применять свои умения и способности в будущей экономике Америки: «*I believe getting off to a good start should be our children's birthright*» – Я считаю, что ребенок от рождения должен иметь право на хороший старт [9].

Таким образом, Хиллари Клинтон использует фразеологические единицы для акцентирования острых социальных проблем и их инновационных решений. Также при помощи идиом кандидат на пост президента сближается с аудиторией: ее речь выразительна и максимально ясна.

Подводя итог выше сказанному, в своих выступлениях политики используют различные лингвистические средства для достижения успешной коммуникации, одним из которых является фразеологизм. Под фразеологической единицей или фразеологизмом понимают несвободное сочетание слов с целостным переносно-обобщенным значением, возникшим на основе образного переосмысления словесного комплекса.

Анализ речи кандидатов на пост президента – Дональда Трампа и Хиллари Клинтон – позволил установить, что использованные ими идиомы носили ряд следующих функций: выражение и формирование собственной позиции во внутренней и внешней политике, оценка политической ситуации, сближение с аудиторией, акцентирование актуальных проблем в современной политической картине мира и путей их решения.

Список использованных источников

1. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. – 1997. – № 6. – С. 108–118.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак. – 2008. – 656 с.
3. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Наука. – 1977. – 312 с.
4. Медведева М. С. Проблема средств связывания в юридическом тексте // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 21. – С. 655–658.
5. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии: в 2 т. Т. 1. Самарканд. – 1973. – 223 с.
6. Телия В. Н. Внутренняя форма и ее роль в формировании значения слова и фразеологизма // Семантика языковых единиц: материалы 3-й научно-исследовательской конференции. – Ч. II. Фразеологическая семантика. М. – 1993. – С. 55–59.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-

культурологический аспекты. М.: Языки русской культуры. –1996. – 288 с.

8. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и лит.». СПб.: Специальная литература. – 1996. – 192 с.

9. Electronic Resource // – Mode of access: URL: [http:// www.ballotpedia.org](http://www.ballotpedia.org). (дата обращения 21.01.2024).

10. Electronic Resource // – Mode of access: URL: [http:// www.politico.com](http://www.politico.com). (дата обращения 21.01.2024).

УДК 81'25

ТУРИСТИЧЕСКИЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ АВСТРИИ В НЕМЕЦКОМ МЕДИАНАРРАТИВЕ (ОПЫТ ИМАГОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

А. И. Милостивая,

*доктор филологических наук, профессор Школы иностранных языков НИУ
Высшая школа экономики, Москва*

Д. А. К. Умарова,

обучающийся магистратуры Школы иностранных языков

Аннотация. В статье рассматриваются особенности изображения медиаобраза Австрии в нарративе из немецкой качественной прессы, а также производится анализ прагматических стратегий, которые использует переводчик этих материалов с немецкого на русский язык с тем, чтобы коммуникативно-адекватно отобразить в тексте-трансляте обертоны имагологической оценки немецкими журналистами особенностей австрийского мировосприятия. Анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод о необходимости задействования в ходе трансляции данных текстов четырех типов переводческих преобразований: доместицирующей стратегии, аксиологически-идентифицирующей стратегии, идеологической стратегии и форенизирующей стратегии.

Ключевые слова: медианарратив, имагология, перевод, реалья, медиаобраз Австрии в Германии.

Summary. The article examines the features of the media image of Austria in the narrative from the German quality press, and also analyzes the pragmatic strategies used by the translator of these materials from German into Russian in order to communicatively and adequately display in the translation text the overtones of the imagological assessment by German journalists of the features of the Austrian language worldview. Analysis of the empirical material allows us to conclude that it is necessary to use four types of translation transformations in the translation of these texts: domestication strategy, axiological identification strategy, ideological strategy and foreignization strategy.

Key words: media narrative, imagology, translation, reality, media image of Austria in Germany.

Лингвистическая и переводческая мысль последних лет все больше концентрируется на изучении «феномена “человека говорящего” как субъекта перформативного коммуникативного действия» [2, с. 52]. При таком подходе в фокус исследовательской рефлексии неизбежно попадает интеракция не только отдельных представителей социума, но и коллективных субъектов, в качестве которых манифестируются, в первую очередь, разные страны и народы. Как представляется, в данном ракурсе актуален анализ стереотипов национального мировосприятия иной

культуры, что в последние годы успешно рассматривается в рамках имагологических штудий, где внимание лингвиста фокусируется на исследовании «образов “других”, “чужих” наций, стран, культур, инородных для воспринимающего субъекта» [4, с. 31].

Целью данной статьи является изучение образа Австрии в нарративе из немецких СМИ, а также выявление и анализ прагматических стратегий, используемых в немецко-русском переводе медиатекстов с тем, чтобы коммуникативно-адекватно изобразить в тексте на переводящем языке обертону имагологической оценки немецкими авторами статей специфики австрийского мировосприятия.

В исследованиях в области теории перевода справедливо отмечается, что «при поиске средств вербализации смысла переводчику часто необходимо применять знания картины мира языка перевода и ожиданий целевой аудитории» [3, с. 56], а следовательно, в данном случае будет релевантно задействование прагматических стратегий, которые, с одной стороны, нивелируют когнитивные различия между разноязычными коммуникантами, а, с другой – способствуют более четкой экспликации имагологической оценки персонажей из текста оригинала. Наиболее часто охарактеризованные выше стратегии используются «на этапе ревербализации и связаны с поиском средств выражения <...> реалии на другом языке» [6, с. 125].

Далее приведем примеры использования стратегий, примененных для прагматической адаптации культурно-специфической лексики из исходного текста, которая имеет в своем значении аксиологические семы и «отражают фоновую информацию, свойственную культуре отдельного народа» [1, с. 37]. Данные стратегии были рассмотрены на базе прагматических функций, выделяемых в целях характеристики необходимости субституции реалий [5].

Доместицирующая стратегия в процессе конкретизирующей модификации реалии в переводе призвана «приблизить текст к читателю, сделать его понятнее» [5, с. 85]: *Wer eher an Medizingeschichte interessiert ist, kann in der österreichischen Hauptstadt ab 29. September wieder das **Josephinum** besuchen* (Süddeutsche Zeitung 08.09.2022). – *Те же, кто интересуется историей медицины, могут с 29 сентября снова посетить **Музей истории медицины Йозефинум**.*

В приведенном выше примере доместицирующим эффектом обладает конкретизирующая денотативное содержание пропозиции исходного текста аддиция в форме словосочетания «Музей истории медицины». Выбор данного варианта передачи реалии, номинирующей известную венскую достопримечательность, способствует не только более наглядному изображению для носителей целевой культуры когнитивных сведений о венском музее, но и сохраняет культурно-специфический колорит имиджа имперского прошлого Австрии, выражаемый в транскрибировании компонента реалии «Йозефинум», дающий отсылку к происхождению

первых экспонатов музея из коллекции императора Иосифа II.

Аксиологически-идентифицирующая стратегия модификации реалии интендирует передачу в тексте-трансляте «корректных оценочных смыслов, сопровождающих оригинальный текст» [5, с. 85]: *Die Inszenierung von Elfriede Jelineks „Angabe der Person“ am Deutschen Theater in Berlin hat den diesjährigen Nestroy-Preis für die beste Produktion im deutschsprachigen Raum gewonnen* (Morgenpost 06.11.2023). – *Постановка пьесы Эльфриды Елинек «Сведения о человеке» (Angabe der Person) в Немецком театре в Берлине получила в этом году Австрийскую театральную премию имени поэта Йоганна Нестроя за лучшую постановку в немецкоязычных странах.*

В процитированном ранее фрагменте можно наблюдать добавление фоновой информации при характеристике знаковой для немецкой публики театральной постановки, которая может выступать в качестве магнита для туристов из разных стран. В переводе особый упор сделан на тот факт, что австрийцы поддерживают экспансию австрийской театральной культуры в Германии. Именно этот аксиологический смысл подчеркивает аддиция слова «Австрийская» в номинацию премии в тексте-трансляте в сочетании с дополнительными сведениями о Нестрое.

Идеологическая стратегия в ходе замены культурно маркированной лексики призвана «транслировать читателю иные по сравнению с оригиналом оценочные смыслы (ориентируясь на его аксиологический стереотип, на идеологические стандарты его культуры)» [5, с. 85]: *Wie etwa durch das Projekt „Solange #29“ von Katharina Cibulka, die seit 2018 öffentlich Sätze präsentiert, die mit „Solange“ beginnen: „Solang ois bleibt, weils oiwa scho so war, bin i Feministi:in“, steht in Mundart groß in roten, gestickten Lettern auf dem Schutzvorhang des gerade in Restaurierung befindlichen Postgebäudes* (Frankfurter Allgemeine 23.01.2024). – *Например, подобную ситуацию можно наблюдать в проекте «Solange #29» Катарины Цибульки, которая с 2018 года публично обнародует предложения, начинающиеся с «Solange»: «Пока все остается, потому что так было всегда, я феминистка». Эта надпись на австрийском диалекте вышита красными буквами на защитном занавесе в здании почты, которое в настоящее время реставрируется.*

В литературном немецком языке выделенная жирным шрифтом фраза на австрийском диалекте звучит так: *Solange alles bleibt, weil es schon immer so war, bin ich Feministin*. Как видим, в переводе на русский язык диалектная окраска речи утрачивается, что, впрочем, благодаря добавлению в русском переводе атрибута «австрийский» не снимает имагологической коннотации рассматриваемого фрагмента описания популярного среди туристов фестиваля в Австрии, связанной с акцентированием гордости австрийцев самобытностью своего языка.

Форенизирующая стратегия в ходе выбора эквивалента при переводе реалии нацелена на «формирование отстранённого повествования,

приближающего читателя к инокультурным реалиям» [5, с. 85]: *Der erste Starter, gleich ein Deutscher. Großer Jubel. Es sind sehr viele Piefkes nach Tirol gekommen, wie man die Deutschen hier nennt* (Zeit 21.01.2024). – *Первый в стартовом составе – и сразу немец. Большое ликование. В Тироль приехало много «пифке», как здесь называют немцев.*

В процитированном нами выше пассаже описан лыжный фестиваль на австрийском горнолыжном курорте в Кицбюэле, собравший 45 тысяч участников. Прозвище немцев «Piefkes» передано здесь при помощи транскрипции, что имеет форенизирующую коннотацию. Сейчас, в основном, так называют в Австрии немецких туристов, а раньше это слово обладало более негативной семантикой, связанной с дескрипцией стереотипа о грубых немцах, не понимающих австрийский образ жизни.

Итак, подводя итог, отметим, что четыре прагматические стратегии (доместицирующая, аксиологически-идентифицирующая, идеологическая и форенизирующая) предоставляют возможность коммуникативно-адекватной передачи не только содержательно-фактуальной информации о туристических достопримечательностях Австрии в медианарративе из немецких СМИ, но и аксиологически-концептуальных сведений, которые эксплицируют образ этой страны в Германии, т.е. осуществляют имагологическое портретирование жизнедеятельности описываемого народа.

Список использованных источников

1. Гребенникова И. А., Головатая А. А. Ситуативные реалии как отражение ментальности народа (на материале перевода произведения Л. Н. Толстого «Анна Каренина») // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2022. – № 2 (47). – С.37–46.
2. Милостивая А. И. Прагмалингвистическое осмысление коммуникативного действия в эпистемологическом контексте XX-XXI вв. // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2009. – № 6. – С. 52–58.
3. Минченков А. Г., Минченков А. Г. (мл.) К понятию реалии в современной теории перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2016. – № 2. – С.46–59.
4. Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 31–40.
5. Уржа А. В. Прагматические функции замены реалий в современных переводах // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 80–87.
6. Фененко Н. А. Две стратегии перевода реалий // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С.121–128.

УДК 811

ЕДИНСТВЕННЫЙ РОМАН ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК*А. Е. Михеев,**обучающийся направления подготовки «Педагогическое образование»**Е. А. Плотникова,**к.филол.н., доцент, Марийский государственный университет,**г. Йошкар-Ола*

Аннотация. Настоящее исследование посвящено трудностям перевода на русский язык романа Дж. Д. Сэлинджера. Автор рассматривает различные аспекты, влияющие на качество перевода, такие как лингвистические, культурные и контекстуальные. В ходе исследования проводится анализ переводческих трудностей.

Ключевые слова: перевод, переводчик, переводческие ошибки.

Summary. The present study is devoted to the difficulties of translating into Russian the novel by J.D. Salinger. The authors consider various aspects that affect the quality of translation, such as linguistic, cultural and contextual. The study analyzes translation difficulties.

Keywords: translation, translator, translation errors.

Будущий писатель родился в первый день 1919 года. Рос он в Нью-Йорке в семье торговца. Родители Джерома не являлись коренными американцами: отец был евреем, а мать имела шотландско-ирландское происхождение.

В школе Джером был объектом насмешек одноклассников из-за второго имени – Дэвид. Оно имеет семитское происхождение. Чтобы избежать неприятностей, Джером строго-настрого запретил учителям обращаться к нему по второму имени. Кстати, учился он из рук вон плохо. К школьным успехам будущего литератора можно отнести яркие выступления на спектаклях драмкружка. Также в военном училище Сэлинджер впервые взялся за перо. Он поучаствовал в написании гимна учебного заведения.

Однако отец Джерома не предполагал, что у сына литературное дарование. После того, как Сэлинджер-младший прослушал лекции в Нью-Йоркском университете, в 1938 году папа будущего писателя настоял на том, чтобы тот отправился в Польшу для изучения всех тонкостей мясного производства. Тогда Джером смог бы в будущем продолжить семейное дело – торговлю колбасами и сырами.

Учёбу Сэлинджер так и не закончил. Спустя один год он поступил в престижный Колумбийский университет, где прослушал курс по короткому рассказу. Кстати, первое признание публики Сэлинджеру принесла именно такая литературная форма. Американцам пришлось по вкусу его драматичные, сжатые и в то же время наполненные глубоким смыслом рассказы.

Но это было позже, а в молодости Джером не был успешным, он уходил из всех высших учебных заведений, и Колумбийский университет не стал исключением. Джером покинул стены этого здания,

чем невероятно расстроил отца, желавшего видеть сына образованным человеком.

После Второй мировой войны Сэлинджер непродолжительное время был сотрудником американской контрразведки. Некоторое время после военного конфликта Джером жил в Германии. Он работал в прессе, участвуя в денацификации бывшего Третьего рейха.

Вернувшись в Америку, Сэлинджер впервые за долгое время опубликовал в газетах свои рассказы и новеллы. Первое произведение Джерома увидело свет ещё до ухода его автора в ряды американских вооружённых сил. Однако именно в конце 40-ых годов Сэлинджер начал активную литературную деятельность. Произведения малой формы раннего периода творчества Сэлинджера были посвящены молодым людям и подросткам, сталкивающимся с бытовыми и типичными для юного возраста проблемами.

Апогеем творчества Сэлинджера стал роман «Над пропастью во ржи», опубликованный в 1951 году. Именно над этой книгой автор работал десять лет, наброски произведения были с ним на фронте Второй мировой войны, и Эрнест Хемингуэй рецензировал отрывки «Над пропастью во ржи».

Роман привел в восторг не только многочисленных читателей, но и литературных критиков. Это история о подростке из обеспеченной семьи, который пытается найти себя. Молодой человек не желает жить по канонам взрослых, которые хотят видеть его подобием себя самих. Юноша ищет себя, но так и не может отыскать. Его детские мечты и представления разрушаются суровой действительностью, но расстаться с ними он не может. Несмотря на популярность романа, далеко не все обыватели одобрили данное произведение. В некоторых государствах и американских штатах роман был запрещен из-за нецензурной лексики и депрессивности произведения.

Данный роман был переведен почти на все мировые языки, а на некоторые даже не один раз. Так, например на немецкий, французский, итальянский и русский роман получил по три перевода. Первая волна переводов пришлась на период сразу после публикации произведения – в 50-60-е годы. Дальнейшие переводы публиковались в конце 20-го века или в начале 21-го.

Как уже было сказано, на русском языке роман был издан трижды: в 1955 года был впервые опубликован перевод Риты Райт-Ковалевой под названием «Над пропастью во ржи», затем, в 1998 году, был издан «Обрыв на краю ржаного поля детства», перевод Сергея Махова и, наконец, в 2008 году появился «Ловец на хлебном поле» Максима Немцова.

Самым известным остается версия Риты Райт-Ковалевой, а переводы Сергея Махова и Максима Немцова остались относительно незаметными, возможно, это связано с тем, что многие читатели не смогли смириться с новыми названиями романа.

Так же, читателям не понравилось, что в переводе Максима Немцова

главный герой – Холден, стал более грубым, чем он был в первой версии. Однако, между первой и последней версией прошло больше полувека, а это означает, что изменилась культура, изменились нравы и, даже, в какой-то степени, изменился наш язык.

Во всех этих аспектах и заключается тема «трудности перевода». Чтобы разобраться в этом подробнее нужно рассмотреть особенности каждого перевода.

Название «Над пропастью во ржи», предложенное Ритой Райт-Ковалевой, является самым популярным, но далеко не самым точным. В оригинале произведение называется «The Catcher in the Rye», что дословно переводится, как «ловец во ржи». Нельзя сказать, что Райт-Ковалева предложила неточное название, так как в самом романе Холден в одном из эпизодов говорит, что единственное, чем он бы хотел заниматься это ловить детишек, играющих в поле и смотреть чтобы они не упали со скалы в пропасть. Можно сделать вывод, что версия Риты Райт-Ковалевой вышла более поэтичная и романтическая, чем оригинал.

Трудности в переводе Риты Райт-Ковалевой вызывал и сам герой – Холден, точнее сленг, на котором он говорит. Оригинальный персонаж достаточно резкий, в плане своих выражений, но неужели во всем русском языке не нашлось слов, чтобы это передать? Нет, способов это сделать было множество, однако этому мешала жесткая цензура. Так, например, выражение «didn't know his ass from his elbow», являющееся идиомой в английском языке, в дословном переводе звучит достаточно грубо, поэтому его пришлось перевести как «он ни хрена не понимает». Или такое слово как «flit», которое означало человека с нетрадиционной сексуальной ориентацией, в ее переводе было заменено словом «псих», потому что в СССР гомосексуальность признавалась, как психическое расстройство. Рита Райт-Ковалева понимала, что из-за ограничений перевод получится не таким, каким должен быть, поэтому уговаривала редактора позволить использовать слово «говнюк» (анг. «asshole») хоть раз, но получила отказ. Поэтому, вместо резкого, слегка грубоватого мальчика мы получили ироничного, более литературного персонажа.

Связи Советского Союза с дружественными странами так же оказали влияние на перевод Райт-Ковалевой. Например, в оригинале, в одном из эпизодов из бара вышел кубинец и дышал перегаром на Холдена, но в русской версии это делал испанец. Все, потому что Куба — это коммунистическая страна, такая же как СССР и нельзя было порочить образ образцовой коммунистической нации.

Сергей Махов стал вторым переводчиком знаменитого романа. Он хотел это сделать, потому что считал, что перевод Риты Райт-Ковалевой слишком «женским» и слишком «сжатым» из-за цензуры. И в своей работе хотел максимально приблизиться к оригиналу. Вот что он говорил о своей версии: *«Дело вот в чем: повесть написана на нью-йоркской юношеской фене конца 1940-х годов. Так вот, господа искусствоведы, московский*

подростковый говорок сто очков вперед даст любому нью-йоркскому, гонконгскому и иже с ними. Короче, обидно мне стало за «великий и могучий», я принял вызов и напичкал языковой поток словечками и выраженьицами ученическими, тусовочными и даже блатными и матерными».

Читая «Над пропастью во ржи» в редакции Сергея Махова, а точнее будет сказать, читая «Обрыв на краю ржаного поля детства» можно заметить множество странных элементов перевода. Все это потому, что Сергей отрицает английские заимствования. Таким образом, в тексте можно заметить «ежемесячник» вместо «журнал», «коньки на колесиках» вместо «роликов» или самое странное, «лапта» вместо «бейсбол». Даже уже устоявшийся в русском языке «Нью-Йорк» подвергся переводу «Новый Йорк». Всё это делает прочтение текста очень необычным, так сказать более русским. Сергей Махов уже не стеснялся использовать для своего перевода более грубые выражения, чем у Райт-Ковалевой, однако, вышперечисленные особенности не сделали перевод близким к тому, что хотел донести до читателя автор оригинала – Джером Сэлинджер.

Перевод Максима Немцова по грубости не уступает оригиналу, но, как и у Сергея Махова, в этой версии можно встретить весьма странные слова и выражения, которые уже давно вышли из употребления и никак не сочетаются с образом подростка, ребенка из обеспеченной семьи. Например: «к бабке не ходи», «всяко-разно» или «втихушку». Но самый необычный перевод получили слова «mother» и «father». Вместо стандартных «мама» и «папа» Холден Максима Немцова говорил «штрик» и «штруня». Это слова, заимствованные из тюремного жаргона.

Несмотря на то, что среди русских версий романа «The Catcher in the Rye» нет «идеальной» нельзя отрицать популярность этого произведения на территории нашей страны в любое время его прочтения. Те люди, которые прочитали все три перевода шутливо говорят, что если скрестить литературность Райт-Ковалевой, своеобразность Махова и резкость выражений Немцова то получится оригинальный текст на русском языке.

Список использованных источников

1. Горбова А. Трудности перевода: на хлебном поле между пропастью и обрывом // Журнал Переplet [электронный ресурс]. URL: <http://vpereplete.org/2016/12/trouble-translation/> (дата обращения: 29.01.2024).
2. Джером Дэвид Сэлинджер // Биограф [электронный ресурс]. URL: <https://biographe.ru/uchenie/jerome-salinger> (дата обращения 29.01.2024).
3. «Над пропастью во ржи» Сэлинджера и его значение в мировой культуре [заголовок экрана]. URL: <https://raasta.livejournal.com/1937102.html> (дата обращения 29.01.2024).
4. Сэлинджер Дж. Д. Ловец на хлебном поле; [пер. с англ. М. Немцова]. М.: Эксмо. – 2020. – 800 с.
5. Сэлинджер Дж. Д. Над пропастью во ржи; [пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой]. М.: Эксмо; СПб.: Домино. – 2013. – 336 с.
6. Ткачев Ф. Джером Сэлинджер – писатель-отшельник // Дилетант. 14.09.2020 [электронный ресурс]. URL: <https://diletant.media/articles/27549824/> (дата обращения

29.01.2024).

7. Трудности перевода [заголовок экрана]. URL:
<https://novostiliterary.ru/2011/01/interesno/trudnosti-perevoda/> (дата обращения
29.01.2024).

УДК: 811.12

ГЕЙМИФИКАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Му Цзянмин¹⁵,

аспирант, Российский Университет Дружбы народов, Москва

Аннотация. В условиях современности геймификация представляет собой трансформационный подход к управлению обучением, интегрируя элементы игры в неигровые контексты с целью повышения вовлеченности пользователей, производительности и мотивации. В рамках соответствующей концептуальной базы используется присущая человеку склонность к соревнованию, что преобразует рутинные операции в увлекательную и полезную деятельность. Стратегическое внедрение игровых механик ориентировано не только на повышение морального духа, но и на формирование максимально динамичной, гибкой и интерактивной культуры.

Ключевые слова: геймификация, игра, исследование, китайский язык, образовательный процесс, обучение, подход

Summary. In today's context, gamification represents a transformational approach to learning management, integrating game elements into non-game contexts to increase user engagement, productivity and motivation. The conceptual framework harnesses the inherent competitive nature of humans to transform routine activities into fun and rewarding activities. The strategic implementation of game mechanics is aimed not only at increasing morale, but also at creating the most dynamic, flexible and interactive culture possible.

Keywords: gamification, game, research, Chinese language, educational process, learning, approach

Геймификацию используют в самых разных образовательных контекстах, на неё ориентируются школы, университеты, разработчики онлайн-курсов и представительство корпоративного обучения. Рассматриваемый подход оказывает существенную помощь в стимулировании и подкреплении интереса лиц к учебе, повышении общей эффективности образовательного процесса.

Применение инструментария геймификации в анализируемой сфере представлено созданием интерактивных учебных материалов и разработкой симуляций, различными игровыми задачами для контроля и проверки знаний, а также для продвижения к достижению заявленных учебных целей [7, с. 52].

Геймификация опирается на использование современных технологий, особенно когда речь идёт об обучении иностранным языкам. Так, привлекаются различные мобильные приложения и онлайн-платформы, которые предлагают интерактивные упражнения, викторины и прочие игровые задания для изучения языка [5, с. 138].

¹⁵ Научный руководитель: к. филол. н., доцент М. Г. Петрова

Ресурсы геймификации в обучении языкам содействуют более эффективному усвоению материала, отражаются на повышении мотивации студентов и делают сам учебный процесс более увлекательным и интересным.

Далее переходим к более конкретизированному рассмотрению вопроса применительно к обучению китайскому языку, обращаясь при этом к примерам игр и заданий, которые задействуются в данном подходе. Прежде всего, целесообразно подчеркнуть, что геймификация в ходе изучения китайского языка представлена разнообразными механиками, заданиями и упражнениями, которые помогают студентам развивать и совершенствовать навыки говорения, чтения, аудирования.

Достаточно многообещающим является потенциал ролевых игр – это популярный в нынешних условиях способ применения геймификации в обучении китайскому языку. С опорой на рассматриваемые подходы обучающимся предлагаются роли и сценарии, в которых их задача – использовать язык, чтобы реализовывать задумку и взаимодействовать с другими участниками. К примеру, студенты могут быть вовлечены в ролевой сценарий путешественников, заказывающих еду в ресторане на китайском языке, или покупателей и продавцов, обменивающихся товарами и деньгами [1, с. 92].

Групповым проектам отводится одна из весьма значимых ролей в рамках геймификации, что, как правило, включает в себя деятельность, в которой ученики работают над совместной задачей на китайском языке. Например, обучающиеся разделяются на небольшие коллективы и получают задание разработать, создать и оформить презентацию о культуре Китая или путешествии по данной стране [4, с. 295]. Это представляется возможным организовать в форме соревнования между группами, где на первый план выходит оценка качества работы и уровня использования языковых средств.

Особое внимание уделяется упражнениям на обучение тонам. Действительно, в китайском языке тон весьма значим, и неправильное произношение сопровождается изменением смысла слова. В данной связи игровая составляющая зачастую представлена различными звуковыми заданиями и упражнениями, которые позволяют обучающимся ощутимо улучшать использование тонов [2, с. 14].

Важно подчеркнуть, что ознакомление с большим количеством иероглифов часто оказывается достаточно непростым и утомительным. Посредством геймификации появляется возможность предложить игровые форматы, которые позволят учащимся эффективно запоминать новые слова и фразы на китайском языке. Так, отдаётся предпочтение заданиям на соединение слов-антонимов или упражнениям на образование словосочетаний.

Игровая механика применяется в целях обучения грамматике анализируемого языка. Соответствующие задания фокусируются, главным

образом, на употреблении правильных грамматических структур и временных форм, а также на корректном использовании частиц и модальных глаголов [6, с. 153].

В свою очередь, виртуальные игры и симуляции успешно применяются для того, чтобы обеспечивать иммерсивный (сопряжённый с эффектом погружения) учебный опыт на китайском языке. Студенты могут играть роли персонажей, взаимодействовать с виртуальным миром и выполнять задания, требующие использования языковых средств.

Итак, геймификация в обучении китайскому языку оказывает существенную помощь и поддержку учащимся – они получают возможность с интересом и увлекательно изучать язык, осваивать сложные аспекты лексики и грамматики и развивать коммуникативные навыки. В связке с этим на первый план в современных исследовательских разработках выходит проблематика повышения уровня вовлечённости, участия и заинтересованности студентов, что влияет на их успех в обучении китайскому языку.

Хотя ресурсная база геймификации выступает в качестве весьма мощного инструмента языкового образования, в том числе, преподавания китайского языка, как и любой образовательный подход она характеризуется наличием ряда проблем разной степени значимости и остроты. По результатам опроса двадцати преподавателей китайского языка было выяснено, что основные сложности сопряжены с поверхностным обучением, чрезмерным акцентом на конкуренцию, недостатком персонализации, ограниченном применении в реальной жизни, пренебрежением культурным контекстом, зависимостью от технологий, возможностью отвлекаться.

При систематизации обозначенных выше проблем нами предлагается комплекс рекомендуемых действий, касающихся их разрешения или смягчения. Иными словами, подразумевается акцент на:

- сбалансированном учебном дизайне;
- инклюзивной геймификации;
- адаптивных платформах;
- реальных симуляциях;
- культурно богатом контенте;
- смешанных подходах к обучению.

Так, рекомендуется разрабатывать и внедрять в практику игры, которые обеспечивают соблюдение баланса между вовлечением и образовательным контентом. При этом необходимо удостовериться в том, что игровая механика способствует достижению целей обучения.

Целесообразно предусматривать разнообразные форматы игр для переменных стилей учёбы. Некоторые студенты лучше реагируют на соревновательные элементы, в то время как другие получают больше пользы и удовлетворения от решения совместных либо индивидуальных задач.

Рекомендуется активно использовать адаптивные учебные платформы, посредством которых регулируются уровни сложности в зависимости от персонального прогресса, обеспечивая личный опыт обучения для каждого учащегося.

Уместно стремиться к созданию игр, имитирующих сценарии реальной жизни, поощряющих студентов применять языковые навыки в практических ситуациях и улучшающих их коммуникативные способности.

Необходимо предельно вдумчиво интегрировать культурные элементы в рамках геймификации, содействуя восприятию и пониманию соответствующего контекста, наряду со знанием самого китайского языка.

Также представляется уместным объединение игровых компонентов с традиционными методами обучения, чтобы учесть различные предпочтения и уровни доступности. Помимо этого, требуется установление четкой связи между геймификацией и результатами изучения языка, гарантируя, что обучающиеся будут сосредоточены на основных образовательных целевых ориентирах.

Таким образом, геймификация – это обширная практика использования игровых элементов и механики в многообразных контекстах, включая обучение. В изучении китайского языка это представлено большим количеством направлений: очки опыта и уровни, рейтинги и соревнования, награды и призы, таймеры обратного отсчета и цели, социальные сети и игровые сообщества — что позволяет студентам обмениваться опытом и знаниями, а также находить новых друзей и партнеров для обучения. Хотя игры способны весомо улучшить и наполнить опыт изучения китайского языка, тщательный подбор и продуманный дизайн имеют большое значение, когда речь заходит о путях преодоления потенциальных проблем. Как представляется, интеграция обозначенных нами рекомендательных решений создаст более эффективную и увлекательную учебную среду.

Список использованных источников

1. Абдуллина А. Р. Использование геймификации на уроках английского и китайского языков // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. – 2022. – № 2. – С. 91–93.
2. Баркова Т. И. Геймификация как средство формирования мотивации к изучению китайского языка // Научные горизонты. – 2021. – № 9 (49). – С. 10–21.
3. Буенцова А. И., Варакина М. И. Формирование лексических навыков на занятиях по китайскому языку при помощи метода геймификации // Грани познания. – 2023. – № 2 (85). – С. 4–9.
4. Карасюк Н. Д. Применение методов геймификации при обучении китайскому языку в высшей школе // Лингвистика и образование. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию Московского педагогического государственного университета. – Москва: 2023. – С. 293–296.
5. Кралина Е. Д. Игровые методы обучения китайскому языку студентов вузов // Преподаватель XXI век. – 2020. – № 2–1. – С. 137–147.
6. Нефёдов И. В., Ши А. В. Языковые контакты Китая и России: от

классических школ к виртуальной образовательной среде // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2021. – Т. 25. – № 3. – С. 146–162.

7. Шасаидова Л. Ш. Геймификация как средство оптимизации учебного процесса при обучении китайскому языку // Среднее профессиональное образование. – 2023. – № 10 (338). – С. 52–55.

8. Юнтин Ц. Геймификация как средство активизации студентов в дистанционном обучении китайскому языку // Вестник Педагогического университета. – 2022. – № 1 (96). – С. 8–12.

УДК 801.6; 801.73

СТИХОТВОРЕНИЕ Р. М. РИЛЬКЕ «АВТОПОРТРЕТ»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

И. Г. Назарова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации

С. В. Станевич,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации

Н. Г. Медведева,

преподаватель кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации,

Гуманитарный институт, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород

Аннотация. Статья посвящена литературоведческому и переводческому разбору стихотворения Р. М. Рильке «Автопортрет». Авторы останавливаются на истории создания произведения, рассматривая в этой связи личность и творчество немецкой художницы Паолы Модерзон-Беккер. В статье приводится перевод стихотворения Рильке на русский язык, выполненный одним из авторов статьи. Описываются особенности стиля и стихосложения, затрудняющие перевод, и решения переводчика.

Ключевые слова: Рильке, Паола Модерзон-Беккер, перевод, модернизация, стилизация

Summary. The article is devoted to the literary and translation analysis of R. M. Rilke's poem "Self-portrait". The authors dwell on the history of the creation of the work, considering in this regard the personality and work of the German artist Paula Moderzon-Becker. The article provides a translation of Rilke's poem into Russian, made by one of the authors of the article. The features of style and versification that complicate translation are described, as well as the translator's decisions.

Keywords: Rilke, Paula Moderzon-Becker, translation, modernization, stylization

Сколько бы ни переводили стихи, они всегда останутся непереуведенными, в том смысле, что каждый автор перевода реализует, прежде всего, свои собственные интенции. Однако существуют общепризнанные положения в теории перевода, которые позволяют приблизиться к оригиналу. Приступая к написанию этой небольшой статьи, посвященной творчеству Рильке, нельзя не согласиться со словами В. Куприянова, что «...пожалуй, ни один поэт не занимал внимание

аудитории столь часто, как Рильке» [5, с. 4]. Данная статья – попытка ответить на главный вопрос, постоянно возникающий в среде переводчиков поэтических текстов: как максимально сохранить форму и содержание исходного текста, при этом сделав его понятным для его иноязычных читателей.

Возьмём для анализа этой проблемы стихотворение Р. М. Рильке «Автопортрет 1906»:

Selbstbildnis aus dem Jahre 1906
Des alten lange adligen Geschlechtes
Feststehendes im Augenbogenbau.
Im Blicke noch der Kindheit Angst und Blau
und Demut da und dort, nicht eines Knechtes
doch eines Dienenden und einer Frau.
Der Mund als Mund gemacht, groß und genau,
nicht überredend, aber ein Gerechtes
Aussagendes. Die Stirne ohne Schlechtes
und gern im Schatten stiller Niederschau.
Das, als Zusammenhang, erst nur geahnt;
noch nie im Leiden oder im Gelingen
zusammengefaßt zu dauerndem Durchdringen,
doch so, als wäre mit zerstreuten Dingen
von fern ein Ernstes, Wirkliches geplant.

Надбровных дуг скульптурность подтверждала
их благородное происхождение.
Во взгляде синь, страх детский и смиренность,
но не лакея, а, скорей, вассала
и женщины. Глаголит откровенье
большой и четкий рот. И, без сомненья,
высокий лоб ничуть не омрачала
злых помыслов печать, на нем лежала
тьнь тихого о вечном размышленья.
Предчувствия связующим звеном
из радости и боли не соткалось
ещё то цельное, что медленно рождалось
из множества штрихов и оказалось
задуманной реальности венцом. *(Перевод И. Г. Назаровой)*

Начнем с предыстории стихотворения. Речь идет о портрете Рильке, который был написан Паолой Модерзон-Беккер в 1906 г. Рильке тесно общался с Паолой. Через год после создания портрета и написания стихотворения Паола умирает. Паола Модерзон-Беккер мало известна за пределами Германии. Её творчество выходит за рамки импрессионизма и лежит в русле грядущего экспрессионизма. Возвышенный энтузиазм, свойственный художнице, её собственное стремление к совершенству, передано и в портрете Рильке. Вот как она пишет о себе в письме к матери того же года, в который был написан портрет: «...я собираюсь подняться к чему-то. Будет ли это что-то великое или малое, не могу сказать, но это должно быть совершенным в самом себе» [6, с. 365]. Она хочет «очерчивать

руническими письменами», «создавать ревуший, полный, волнующий оттенок цвета, могущественное качество...», как она пишет в письмах 1900-х гг. [6, с. 365]. В память Паулы Рильке написал «Реквием», в котором её таинственный образ предстаёт таким, каким она запечатлела себя на картине 1907 г. «Фигурная композиция»: торжественно протягивающей сосуд с фруктами, словно в мистическом ритуале. Сам Рильке об этом портрете никак не высказывался, хотя пришёл (не сразу) к пониманию гениальности её художественного дара. Так, своей жене Кларе он писал о ней: «[она] поднимается в правильном направлении, несмотря на своё одиночество и без всякой помощи» [6, с. 368].

Многие исследователи творчества Рильке и Паолы полагают, что Рильке изображен на картине как пророк. В стихотворении Рильке это выражено довольно ярко, когда он описывает свой рот, который мог «говорить только истину» и лоб с «печатью» размышления. В те годы Рильке, видимо, не считал, что он соответствовал этому портрету. Но Паола уже как бы предвидела его преображение. В стихотворении перед нами некая попытка поэта проецировать себя в будущее, создать свой идеальный образ. Для этого Рильке опирается на свои дворянские корни, подчёркивая аристократические черты своей внешности: надбровные дуги, рот, лоб. В конце произведения он ясно говорит, что все это набросок, предчувствие целого, нереализованность, которая стремится к завершению и совершенству.

Рильке описывает свой портрет достаточно подробно, причем, это, пожалуй, не внешний, а внутренний образ, доступный для понимания только любящим людям. К идеалу стремится и сам Рильке. Его сопричастность к дворянскому роду подчёркнута его желанием ощущать себя не только аристократом, но человеком прекрасно образованным, выделяющимся из толпы. Впечатление возвышенности возникает с первых строк, в описании надбровных дуг. Дальнейшее описание добавляет к этому впечатлению ощущение благородной простоты: во взгляде отражается детство со своими страхами, синь простора и смирение, присущее не лакею, но слуге-вассалу и женщине одновременно. Так Рильке рисует добродетели аристократического рода, одно из достоинств которого – вассальная честь как высшее проявление доблести дворянина (вспомним, например, «Песнь о Нибелунгах»). В поэтическом описании своей наружности Рильке подчёркивает черты поэта как пророка (в том же возвышенном ключе, что и Пушкин в стихотворении «Пророк»). Так, его рот – большой и четко обрисованный, а слова, которые он произносит, могут быть только справедливыми, пророческими. При этом его склонённый лоб спокоен, свободен от злых помыслов, поэт погружен в тихое раздумье. Однако это описание лишь предчувствие того, что с ним произойдет позже, когда все разбросанные штрихи и наброски соберутся в единое целое, чтобы однажды превратиться в реальность. В словесном портрете Рильке воссоздаёт свой идеализированный облик, как он его увидел на портрете своей подруги.

Таким видела его Паола Беккер, таким увидел и он себя.

Сложность перевода поэтического текста подчёркивается многими исследователями [1; 2; 3; 7]. Она заключается в том, что поэтическая форма поставлена в жесткие рамки ограничений: ритм, размер, количество стоп, рифма, тип чередования рифм, сочетание звуков и т.п. Ни в каком другом тексте эстетическая информация не представлена такой степенью концентрации средств, как в поэзии. Хороший переводчик должен предлагать, помимо поверхностного значения, «истинный» смысл, стиль, образ мыслей переводимого автора, который обусловлен его философской и культурной средой [7, с. 158]. Основная характеристика хорошего перевода в том, что он вовсе не похож на перевод [7, с. 158].

В построении рассматриваемого произведения Рильке много сложностей. Девять начальных строк имеют женскую рифму, что придаёт стихотворению плавность. Трудным моментом является мелодика стиха. Большинство переводов этого стихотворения не учитывают рисунок и музыку рифмы: *Blau, Frau, Augenbogenbau, genau, Niederschau* – это женские рифмы. Твердая мужская рифма начинает проступать только во второй строфе: *geahnt, geplamt*. Переводчики чередуют мужскую и женскую рифмы, которые действительно появляются в оригинале, но только в последнем пятистишии. Однако И. Г. Назарова стремится как можно точнее сохранить ритмику произведения.

Стихотворному стилю Рильке не чужда инверсия, но он пользуется ею виртуозно, без насилия над языком, в меру. Часто, подражая автору, переводчики с немецкого стремятся то же самое проделать с языком перевода. Это делает перевод сложным для восприятия, так как избыточная инверсия отяжеляет стих. По нашему глубокому убеждению, переводить необходимо понятным для читателя языком. «Миссия переводчика заключается в том, чтобы понять культурный фон языка источника и реализовать свой индивидуальный способ передачи интенций автора, при этом как можно более искусно и точно сблизив два различных языка, две различные культуры» [4, с. 202].

Для достижения эффекта стилизации рекомендуют использование особых лексических и синтаксических средств. В переводе Рильке это такие слова, которые воспринимаются как архаизмы, но они же придают стилю возвышенность: «глаголит», «откровенье», «венец», «вассал». Этой же цели следует и использование синтаксической инверсии: «тень тихого о вечном размышленья». Впечатлению возвышенности в переводе способствуют и длинные витиеватые сложносочиненные и сложноподчинённые предложения, занимающие несколько стихотворных строчек.

Таким образом переводчик И. Г. Назарова для перевода стихотворения Рильке «Автопортрет» решает задачу передачи всей информации оригинального текста наряду с его формой и стилистическим своеобразием.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. – СПб.: СОЮЗ, 2001. – 288 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика. / Под ред. С. Ф. Гончаренко. – Выпуск 24. – М.: МГЛУ, 1999. – С.107-122.
4. Комлева Ю. Е. Проблемы и методы исторического перевода // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. – № 5. – Сер. Интеллектуальная история. – Вып. 3. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 202–212.
5. Рильке Р. М. Стихотворения в переводах В.Куприянова – М.: ОАО Изд. «Радуга», 1999.
6. Oppler Ellen C. Paula Modersohn-Becker: Some Facts and Legends // *Art Journal*. – Vol. 35. – No. 4. – 1976. – pp. 364–69. – Mode of access: URL: <https://doi.org/10.2307/776229> (Accessed 26 Nov. 2023).
7. Sollberger Edmond. Problems of Translation // *Orientalia*. – Vol. 42. –1973. – pp. 158–61. – Mode of access: URL: <http://www.jstor.org/stable/43079383> (Accessed 2 Jan. 2024).

УДК 811.111

**ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ «СВО» В ЗЕРКАЛЕ ДИСКУРСИВНЫХ
МЕДИАПРАКТИК: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ*****Ю. С. Нецветева,****обучающийся магистратуры, кафедра перевода и переводоведения****Е. Ю. Куницына,****доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и
переводоведения,**Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации,**Иркутский государственный университет, Иркутск*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы перевода текстов СМИ, освещающих СВО. Исследование выполнено в русле методологии философии и лингвистики дискурса и апеллирует к дискурсивным практикам медиа интересующего времени культуры, обуславливающего особенности «архива высказываний». Материалом исследования послужила статья авторитетного американского журнала Newsweek и ее перевод, размещенный на сайте новостного агрегатора ИноСМИ.

Ключевые слова: время культуры, дискурсивная практика, медиадискурс, семиозис, перевод.

Summary. The article addresses media coverage of the Russian special military operation and translation issues involved. The research methodology is based on discourse analysis embracing tenets of philosophy and linguistics and pertains to discursive practices and “time of culture” determining relevant features of the “archive of statements”. A Newsweek article and its translation posted on the InoSmi web site served as the research material.

Key words: time of culture, discursive practice, media discourse, semiosis, translation.

Под временем культуры, основываясь на положениях археологии знания М. Фуко [9], мы понимаем «исторически (эпистемически) обусловленную семиотическую реальность, вызванную к жизни

определенным событием или ситуацией и репрезентированную соответствующими дискурсивными практиками и архивом высказываний» [5, с. 81]. Дискурсивные практики в лингвистике получили следующие определения: как производство, распределение и потребление текстов у Н. Фэрклафа [10, р. 7]; «способы производства текстов, целенаправленных речевых действий, отражающих предрасположенность членов социума вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций» у О. С. Иссерс [4, с. 53]. По мнению О. А. Богинской [3, с. 11], термин «дискурсивная практика» более конкретен, чем термин «дискурс». В форме множественного числа он дает преимущество, заключающееся в возможности «моделировать любые коммуникативные ситуации, помещать в фокус внимания не дискурс в целом, а его конкретные характеристики, обусловленные широким набором лингвистических и экстралингвистических параметров». Согласно М. Фуко, дискурсивная практика есть «совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [9, с. 224]. Архив высказываний – «это <...> закон того, что может быть сказано, это система, управляющая появлением высказываний как единичных событий», так называемая «система высказываемости» и, что не менее принципиально важно, «это то, что различает все дискурсы в их многообразном существовании и определяет их в собственной длительности» [9, с. 244–245]. Положения М. Фуко органично дополняют положения М. М. Бахтина, его теории речевых жанров, в определенном смысле предвосхищающую используемую нами методологию, касающиеся высказывания: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения» [1, с. 237].

Предметом нашего интереса выступают дискурсивные медиапрактики времени культуры, имя которого «специальная военная операция», а также особенности семиозиса, «зафиксированные» СМИ, в межъязыковой перспективе.

В рамках данного исследования мы проанализировали статью военного корреспондента Калеба Ларсона, опубликованную в журнале «Newsweek» [12], перевод которой размещен на сайте ИноСМИ [8]. В нашей работе внимание сосредоточено на отдельных номинациях (терминах) и

собственно высказываниях в их семиотическом целом (семантика, синтактика, прагматика).

Медиадискурс, посвященный событиям на Украине, сочетает характеристики политического и военно-публицистического дискурса. Начнем с военных терминов, которые с начала СВО под влиянием новой глобальной реальности появились и благодаря СМИ прочно закрепились в картине мира читателя, зрителя.

Так, одними из наиболее известных видов вооружения стали американские Javelin и HIMARS. Исходя из опыта анализа статей от начала СВО и до настоящего момента, можно проследить, что изначально наименования этих видов вооружения фигурировали в тексте перевода (ПТ) путем прямого включения, но с течением времени эти две номинации зачастую стали транскрибироваться, и не только в переводных, но и в оригинальных русскоязычных статьях. Независимо от того, как предьявляется название оружия в исходном английском и переводном или оригинальном русском тексте (см. далее), при первом упоминании оружия его название, как правило, семантически дублируется полным наименованием вида вооружения – реактивная система залпового огня и/или аббревиатурой – РСЗО. Ср.: «Россия свела на нет эффективность применения украинскими войсками американских реактивных систем залпового огня (РСЗО) HIMARS против военных. Об этом сообщил журнал Newsweek со ссылкой на служившего в ВСУ британского наемника Эйдена Аслина, который побывал в плену в ДНР» [7]. Аналогичная картина складывается с именем собственным Javelin (рус. – копьё). В русских медиа (оригинальных или переводных (ИноСМИ)) Javelin или Джавелин обычно предваряется аббревиатурой ПТРК – (переносной) противотанковый ракетный комплекс:

These advanced weapons – from American-made Javelin anti-tank missiles to the HIMARS long-range rocket artillery system to the various self-propelled artillery pieces donated from European arsenals – have enabled Kyiv to shift out of a defensive crouch and go on a remarkable offensive [12].

Современные вооружения – от американских ПТРК «Джавелин» и РСЗО «Хаймарс» до различных самоходных артиллерийских установок из арсеналов ЕС – позволили Киеву выбраться из оборонительных позиций и перейти в блестящее наступление [8].

СМИ как пространство политического дискурса своей целью ставят информирование и воздействие на аудиторию. Для реализации дискурсивной практики косвенного идеологического воздействия СМИ используют определенный набор языковых и речевых средств: эвфемизмы, дисфемизмы, конъюнкция и дизъюнкция и многие другие. Рассмотрим, как генерирует воздействие, формирует знание переводной дискурс:

Destroyed tanks. Downed attack helicopters. Dead Russian soldiers. <...> proof positive of Western-supplied weaponry's effect on Russian forces [12].

Уничтоженные танки. Сбитые ударные вертолеты. Мертвые солдаты

<...> они лишь доказывают эффективность западных поставок в борьбе против России [8].

В данном примере для усиления воздействия используется синтаксическая конструкция – парцелляция (*Destroyed tanks. Downed attack helicopters. Dead Russian soldiers*), что сохраняется и в переводе. Однако перевод отличается от исходного текста. Обращает на себя внимание высказывание о человеческих потерях. При сравнении обнаруживается наличие двух взаимоисключающих приемов – исходное утверждение-уточнение *Dead Russian soldiers* в переводе сменяет опущение-обобщение *Мертвые солдаты*. Эти приемы определяют интенции ИТ и ПТ. В оригинале автор явно делает акцент на национальной принадлежности солдат, что должно произвести особый прагматический эффект на американскую аудиторию и возвысить значимость военной помощи, которую оказывают Украине США, в глазах читателей. При переводе *Russian* опускается, что, вероятно, призвано если не «откорректировать» предвзятое освещение американскими СМИ событий в зоне военного конфликта (см. далее), то, по крайней мере, пропозиционально сбалансировать на данном участке дискурса это и два предшествующих высказывания: утверждения про уничтоженные танки и сбитые самолеты.

Отдавая себе отчет в том, что опущение – это вид переводческой лексико-грамматической трансформации, используемой с целью избежать семантически избыточных элементов ИТ [6, с. 130], все же поделимся своей версией переводческого решения в переосмысленных нами терминах теории метадискурса К. Хайленда [11]. Разработанная ученым модель метадискурса включает интеракциональные аспекты, способствующие выстраиванию отношений с читателем и экспликации отношения автора к пропозициональному содержанию, среди которых так называемые бустеры (*boosters*) и хеджи (*hedges*) – маркеры уверенности и сомнения/предположения/догадки [*Ibid.*, p. 49], соответственно. Первые служат интенсификации, увеличению иллокутивной силы высказывания, вторые – ее смягчению, ослаблению (см. [2]). Стратегии и тактики анализируемых ИТ и ПТ расходятся как реализующие «бустинг» в случае с ИТ и хеджирование в случае с ПТ. Опущение в переводе соответствия лексеме *Russian*, выполняющее функцию хеджирования, обусловленного сомнением в истинности, достоверности пропозиции исходного речевого акта, предоставляет адресату ПТ возможность для альтернативной интерпретации высказывания о положении дел в мире (тела убитых солдат обеих воюющих сторон), в то время как автор ИТ преподносит информацию как факт, уточняя, подчеркивая, телами чьих именно убитых солдат (русских, российских) усеяно поле боя, демонстрируя уверенность, разделить которую приглашает читателя (напомним, не указывая государственную принадлежность сбитых вертолетов и уничтоженных танков). Переводческое опущение, ориентированное на минимизацию рисков психологического дискомфорта русскоязычного читателя,

поддерживающего СВО, в целом проблемы не решает, поскольку следующий за анализируемым фрагмент высказывания – они лишь доказывают эффективность западных поставок в борьбе против России – эксплицитно указывает на то, какая сторона, по свидетельству американского журналиста, несет потери в технике и, главное, живой силе. Однако, следует признать, на время успешно ее маскирует, отсрочивает.

Возвращаясь к М. Фуко и его дискурсивным практикам как операциям дискурса по формированию и производству знания, а также памятуя о еще одном положении К. Хайленда, согласно которому язык не просто канал передачи информации о мире, а средство представления информации за счет соответствующей организации текста и «руководство» для читателя, позволяющее ему сориентироваться в том, как следует сквозь призму текста этот мир понимать [11], остается резюмировать сказанное. Время культуры, под знаком которого порождается и функционирует медиадискурс, обуславливает правила семиозиса. Время культуры «СВО», освещаемой СМИ, привносит в язык ряд терминов, выражений, номинаций и демонстрирует речевые практики, которые отражают особенности и цели дискурса, порождаемого в данном социальном контексте. Манипулируя языковыми и стилистическими средствами, автор ИТ и переводчик в равной степени оказывают влияние на сознание аудитории. Как видно из проанализированных примеров интенции автора и переводчика могут не совпадать. Ориентируясь на целевую аудиторию, переводчик может корректировать интенцию оригинала с целью достижения искомого воздействия.

Список использованных источников

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Богинская О. А. Опыт метадискурсивного анализа новогодних обращений Президента России // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». № 1 (36). Март 2023. – Режим доступа: http://ce.if-mstuca.ru/wp-content/uploads/2023/01/Boginskaia_CE_2023-1.pdf/
3. Богинская О. А. Теория дискурсивного взаимодействия в условиях асимметрии знания и власти: Автореф. дис... докт. филол. наук. 10.02.19. Майкоп, 2020. – 40 с.
4. Иссерс О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики / Отв. ред. О. С. Иссерс. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 37–61.
5. Куницына Е. Ю. Пандемия COVID-19 как время культуры в зеркале игровых дискурсивных практик: из архива высказываний // Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации: монография / под общ. ред. Е. Ф. Серебренниковой. – Иркутск: Изд-во ИГУ. – 2021. – С. 79–95.
6. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
7. СМИ: тактика применения Украиной РСЗО HIMARS против России стала неэффективной // ТАСС – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-rapogama/18623037> (дата обращения: 23.01.2024).
8. Украина истощает «арсенал демократии» // ИноСМИ – Режим доступа: <https://inosmi.ru/20221115/boepripsy-257828950.html> (дата обращения: 20.02.2024).
9. Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. –

416 с.

10. Fairclough N. Critical discourse analysis: The critical study of language. 2nd ed. – London and New York: Longman, 1995. – 268 p.

11. Hyland K. Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing. – Bloomsbury Publishing Plc, 2005. – 296 p.

12. Larson C. Ukraine Is Depleting the “Arsenal of Democracy” // Newsweek. – Mode of access: URL: <https://www.newsweek.com/ukraine-depleting-arsenal-democracy> (дата обращения: 20.01.2024).

УДК 82-7

ОСОБЕННОСТИ САТИРЫ КАК ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА

М. В. Норец,

*д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода
Института филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

И. В. Остапенко,

д.филол.н., профессор, свободный исследователь

С. Магальяш де Соуза Остапенко,

*докторант Университета Порту, кандидат культурологии, Португалия,
Порту*

Аннотация. Сатира – один из самых первых видов литературного жанра. Первые сатирические произведения появились в Риме в произведениях Горация, Персия. В настоящее время жанр сатиры представлен такими видами как сатирический роман, сатирическая драма, комедия, эпиграмма, анекдот, сатирический фельетон, карикатура и даже сатирический детектив.

Ключевые слова: сатира, сатирический роман, жанр, сатирический детектив.

Summary. Satire is one of the earliest types of literary genre. The first satirical works appeared in Rome in the works of Horace, Persia. Currently, the genre of satire is represented by such types as satirical novel, satirical drama, comedy, epigram, anecdote, satirical feuilleton, caricature and even satirical detective story.

Key words: satire, satirical novel, genre, satirical detective story.

Как известно, литературным жанром называют уже сложившийся в процессе развития художественной словесности вид произведения. Проблему понятия жанра можно сформулировать как проблему классификации произведений, а также выявления в них общих признаков жанра. Основными трудностями классификации выступают трудности, которые связаны с историческим изменением литературы, с эволюцией литературных жанров.

Необходимо отметить, что слово «сатира» происходит от латинского названия мифических существ, которые выступают в роли насмешливых полубогов-полуживотных. Их именовали сатирами. Также, слово «сатира» связано и со словом "satura", которое в простонародье означает блюдо «мешанины». Сюда можно сатурнический стих, наряду с греческими размерами. Кроме того, это указывало и на то, что в сатире присутствуют самые разнообразные описания тех или иных фактов и явлений. Это не

прослеживалось в других лирических жанрах. Они, как правило, имели строго ограниченную и определенную область изображения. Как известно, изначально сатира являлась определенным лирическим жанром. Она представляла собой стихотворение, значительное по объему. Содержание этого стихотворения заключало в себе насмешку над определенными лицами или событиями. Как жанр, сатира возникла в римской литературе. Специфика понятия «сатира» состоит не только в том, что оно раскрывает вредные и отрицательные явления, но и в том, что осуществляется это всегда средствами комического закона. Согласно комическому закону, негодование составляет единое целое с изобличением комическим, а изобличаемое изображается как нормальное. В результате, это приводит к обнаружению смешного и в конце приходит осознание того, что данная норма является лишь видимостью, которая заслоняет зло.

Первые сатирические произведения появились в Риме в произведениях Горация, Персия. Особенно сатирическими произведениями было наполнено творчество Ювенала. Среди главных особенностей первых сатирических произведений можно выделить такие, как: обличение и смех, используя которые автор обличает недостатки и человеческие пороки.

В русской литературе о сатире впервые заговорили после выхода сатирической повести конца XVII века. Сатирой было наполнено творчество таких писателей, как: А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина, Н. И. Новикова. Однако особую роль в развитии сатиры XVIII века сыграло творчество А. Д. Кантемира. Как известно, А. Д. Кантемир придерживался европейской литературной традиции и своими предшественниками считал, прежде всего, Д. Ю. Ювенала и Н. Буало.

В. А. Жуковский в статье «О сатире и сатирах Кантемира» [2] писал о том, что сатиры А. Д. Кантемира можно разделить на русские и заграничные. Русские сатиры являются живописными и представляют собой галерею портретов носителей порока. Заграничные же сатиры выступают как философические, так как в них А. Д. Кантемир рассуждает о пороке как таковом.

Как известно, наиболее популярна сатира стала в XIX веке. В жанре «сатиры» были написаны басни И. А. Крылова, а также представлены сатирические стихи Г. Р. Державина. Кроме того, сатирические мотивы можно выявить и в творчестве таких известных писателей, как А. С. Грибоедов в комедии «Горе от ума» и у Н. В. Гоголя в его произведении «Мертвые души». Также, элементы сатиры можно обнаружить и в творчестве поэта революционной демократии Н. А. Некрасова. Такие его произведения, как «Размышления у парадного подъезда» и «Современная ода» пропитаны сатирическими мотивами.

Кроме того, важным этапом в развитии русской сатиры начала XX века послужила деятельность журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». В этих журналах были опубликованы произведения таких крупнейших писателей жанра сатиры, как А. Гликберг и Тэффи. Русская

сатира первой половины XX века представлена также в сатирических баснях Д. Бедного, сатирах В. В. Маяковского, новеллах М. М. Зощенко, сатирических романах И. А. Ильфа и Е. П. Петрова, драматических сказках Е. Л. Шварца, очерках и фельетонах М. Е. Кольцова, комедиях А. И. Безыменского.

Жанры сатиры весьма разнообразны. Среди самых известных жанров сатиры можно выделить такие, как сатирический роман, сатирическая драма, комедия, эпиграмма, анекдот, сатирический фельетон, карикатура. На сегодняшний день существует достаточно много определений жанра сатиры. Одним из актуальных определений понятия «сатира» является определение, согласно которому: «Сатира – это вид комического, который отличается от других видов (юмора, иронии) резкостью обличения» [3]. В ходе своего развития жанр сатиры претерпевает определенные изменения.

Так, к примеру, главной целью современных писателей жанра сатиры является стремление не унижить своего героя, высмеивая все его недостатки, как это было ранее, а, наоборот, попытка помочь человеку избавиться от своих отрицательных качеств. Таким образом, писатели-сатирики смеются не ради смеха, а ради нравственного очищения. Современная сатира имеет свои определенные особенности. Прежде всего, главными героями выступают обыватели, в соответствии с чем, субъектом осмеяния являются обывательские черты. Для этого жанра характерна способность безошибочно определять жизненно важные вопросы в общественной атмосфере. Авторы, пишущие в этом жанре, призывают не бороться с людьми, а наоборот, они помогают им избавляться от своих пороков. Кроме того, среди особенностей сатирического жанра также можно выделить и другие, связанные со свободным отношением к форме, с нарушением бытовой достоверности, с созданием гиперболических и гротескных, шуточных и фантастических образов, с наличием конфликта и сатирического образа.

Список использованных источников

1. Го Т. Лингвогерменевтический анализ поэтики русской сатиры XIX в // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 3(461). – С. 57-62.
2. Жуковский В. А. О сатире и сатирах Кантемира. О басне и баснях Крылова. – Москва: Директ-Медиа, 2012. – 67 с.
3. Задобривская О. Ф., Слободян М. М. Сатира и ее двусюжетная линия // МНИЖ. 2013. №3-2 (10). – С. 15-17.
4. Зеленцова М. Г., Ходаковская Л. А. Особенности перевода юмора, иронии и сатиры в художественной литературе // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 г. – С. 134-139.
5. Иванюк Б. П. Сатирические и пародийные стихотворные жанры // *Philologos*. – 2009. – № 1-2(5). – С. 126-136.
6. Каширина Л. О., Зеленцова М. Г. К вопросу о специфике перевода юмористических элементов сатирического жанра в художественном тексте // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции, Симферополь, 26–28 апреля 2018 года. – С. 248-252.

7. Луков В. А., Федотов О. И. Сатира // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 312-316.

УДК 81'25

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ УДАЧИ И ПОТЕРИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ
СИМВОЛИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В СТИХОТВОРЕНИИ
ОДИССЕАСА ЭЛИТИСА «ЭГЕЙСКОМУ МОРЮ»**

К. А. Петлина,

обучающаяся магистратуры кафедры теории и практики перевода

Л. С. Банах,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики,*

Институт филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается переводческий опыт интерпретации стихотворения греческого поэта-сюрреалиста Одиссеаса Элитиса, творчество которого мало переведено на русский язык. Передача многогранных символических образов сюрреалистической лирики Элитиса на русский язык, сохраняя авторскую технику верлибра, представляется достаточно сложной задачей, одновременно открывающей возможности интерпретации. Авторы предприняли попытку показать примеры переводческих решений на материале стихотворения «Эгейскому морю» Одиссеаса Элитиса и его переводов на русский язык.

Ключевые слова: сюрреалистическая лирика, символический образ, верлибр, герменевтическая интерпретация

Summary. The article deals with the translation experience of interpreting a poem by the Greek surrealist poet Odysseas Elytis, whose work is scarcely translated into Russian. The translation of the multifaceted symbolic images of Elytis' surrealist lyrics into Russian, preserving the author's technique of verlibre, seems to be a rather difficult task, while at the same time opening up the possibilities of interpretation. The authors have made an attempt to show examples of translation solutions on the material of the poem "To the Aegean Sea" by Odysseas Elytis and its translations into Russian.

Key words: surrealist lyric, symbolic image, verlibre, hermeneutic interpretation

Одиссеас Элитис (Οδυσσεάς Ελύτης, 1911-1996 г.) – псевдоним греческого поэта-сюрреалиста Одиссеаса Алепуделиса, лауреата Нобелевской премии в области литературы в 1979 г., почётного доктора филологии университетов Сорбонны, Рима, Лондона, Салоник, Афин.

К сожалению, Одиссеас Элитис очень мало переведен на русский язык. Впервые в Советском Союзе стихи О. Элитиса появились в 1977 г. в переводе Юнны Мориц. Далее в различных сборниках и периодике («Иностранная литература», 2008, Западноевропейская поэзия XX века [Антология], 1977, Литературное обозрение, 1997) появлялись публикации стихов О. Элитиса в переводах С. Ильинской, Ю. Мориц, Л. Якушевой, И. Ковалёвой. Ни один сборник О. Элитиса – за исключением «Песни героической и траурной о младшем лейтенанте, погибшем в Албании» – до сего дня не переведен на русский язык целиком. В 2008 г. широкому читателю был представлен первый сборник переводов стихов О. Элитиса на

русский язык «Концерт гиацинтов». Изучением сюрреалистических тенденций в творчестве Одиссеаса Элитиса занималась О. Н. Александрова, тематику творчества О. Элитиса исследовали И. Ковалёва, С. Ильинская, М. Арутюнова. Однако отсутствуют работы, посвящённые анализу переводов лирики О. Элитиса. В связи с этим представляется актуальным проанализировать переводческие удачи и потери при передаче многогранных символических образов сюрреалистической лирики О. Элитиса на русский язык. Данное исследование сосредотачивает внимание на стихотворении Одиссеаса Элитиса «Эгейскому морю» в переводе Милены Арутюновой.

«С Элитисом в греческую поэзию, страдавшую постсимволистской депрессией...ворвалось солнце, волны, ветер, радость жизни – и заимствованные у французских сюрреалистов техники» [1, с. 231]. Речь идет о белых стихах, в которых обязан присутствовать размер и ритм, одинаковый в строках, как, и положено в классическом стихосложении. Текст оформляется в строфы и единственное допущение – отсутствие рифмы. Возможно, факт, что вся античная поэзия была оформлена в виде белого стиха, т.к. в то время ещё не сложилась традиция рифмованной поэзии, повлиял на выбор О. Элитисом техники верлибра.

Для свободной системы стихосложения, в которой отдельные элементы дополняют общую картину авторского замысла, а она, в свою очередь, проясняет значение элементов, актуальным представляется герменевтический подход и модель герменевтического круга, как постоянного развития, наращивания понимания.

О. Элитис родом из г. Ираклион, о. Крит, поэтому для него морская стихия является родной. В поэзии О. Элитиса море встречается практически во всех его произведениях. Это обусловлено и тем, что море сыграло первостепенное значение в формировании этнического сознания греческого народа, стало частью греческой языковой картины мира. Во многих произведениях поэт признается морю в любви. Например, в стихотворении «Του Αιγαίου» («Эгейскому морю») из сборника «Προσανατολισμοί» («Ориентиры»), 1940 г., море становится метонимией Греции. Рассмотрим перевод стихотворения Милены Арутюновой [2, с. 18–20].

Οδυσσεά Ελύτη «Του Αιγαίου»

I

Ο έρωτας Έрос

Το αρχιπέλαγος Архипелаг

Κι η πρόρα των αφρών του И киль среди пены

Κι οι γλάροι των ονείρων του И чайки мечтаний

Στο πιο ψηλό κατάρτι του ο ναύτης ανεμίζει На самой длинной мачте
развернута как парус

Ένα τραγούδι Песня матроса

В целом, переводчику удастся передать стилистические тропы поэта. Лишь в последней строке она применяет прием развития значения, добавляя

художественное сравнение песни с парусом. В оригинале: «На самой высокой мачте моряк размахивает песней (или развевает по ветру песню)». Введение в перевод данной сравнительной конструкции вполне соответствует замыслу автора.

Ο έρωτας Έρος
 Το τραγούδι του Песня его
 Κι οι ορίζοντες του ταξιδιού του И плавания горизонты
 Κι η ηχώ της νοσταλγίας του И отзвуки ностальгии
 Στον πιο βρεμένο βράχο της η На самом влажном камне
 αρραβωνιαστικιά προσμένει невеста поджидает
 Ένα καράβι Быстрый корабль

В последней строке переводчик добавляет прилагательное «быстрый», которого нет в оригинале, скорее всего для того, чтобы сохранить метрический рисунок стихотворения.

Ο έρωτας Έρος
 Το καράβι του Корабль его
 Κι η αμεριμνησία των μελτεμιών του И беззаботный ветер
 Κι ο φλόκος της ελπίδας του И кливер надежды
 Στον πιο ελαφρό κυματισμό του ένα νησί λικνίζει На самом нежном
 гребне укачивает остров
 Τον ερχομό Возвращение.

Переводчик предложила генерализированное сочетание «беззаботный ветер», изменив оценочную коннотацию, в то время как у О. Элитиса все ветра чётко называются. В данном случае поэт упоминает пассатный ветер, способствующий движению, что важно для передачи языковой картины моря. В последней строке немного переосмыслено олицетворение. В оригинале: «В самом лёгком колыхании остров укачивает возвращение».

II
 Παυχίδια τα νερά Воды живой игра
 Στα σκιερά περάσματα В непрозрачных заводях
 Λένε με τα φιλιά τους την αυγή Шепчет о чем-то, целуя зари
 Που αρχίζει Пробужденье
 Ορίζοντας Горизонты –

В переводе предложена метафора «Воды живой игра», смещающая смысловые акценты. В оригинале нет слова «живой», перевод «играющая вода» более точно передавал бы смысл оригинала, поскольку «шепчет» именно вода. Для передачи слова «λένε» переводчик удачно предлагает «Шепчет о чем-то». Вместо «целуя зари Пробужденье» можно предложить «целуя зарю, которой начинается горизонт». В переводе М. Арутюновой слово «горизонт» дано во множественном числе и оторвано от предыдущего текста, что нарушает оригинальный авторский образ.

Και τ' αγριοπερίστερα ήχο И пение диких голубок
 Δονούνε στη σπηλιά τους Доносятся из гротов
 Ξύπνημα γαλανό μες στην πηγή В родниках рассвета будя лазурь

Της μέρας Дневную
 Ἥλιος – Солнце –

Очень удачно передан глагол «δονώ» – «сотрясать, колебать», функциональной заменой – «доносится из гротов». Метафора «В родниках рассвета будя лазурь дневную» полностью передаёт мысль автора.

Δίνει ο μαΐστρος το πανί Ветер гонит в море паруса
 Στη θάλασσα Надутые
 Τα χάδια των μαλλιών И шелк его волос
 Στην ξεγνοιασιά του ονείρου του В спокойных сновиденьях их
 Δροσιά — Роса –

В строке «Δίνει ο μαΐστρος το πανί Στη θάλασσα» указан конкретный ветер – северо-западный, переводчик снова генерализирует значение. Дословно: «Северо-западный ветер гонит парус в море». Вполне допустимо, на наш взгляд, предложенное переводчиком в качестве компенсации сочетание «паруса надутые». В следующей строке «Τα χάδια των μαλλιών», что дословно переводится как «Нежность его волос, либо ласкающие волосы», переводчик удачно развивает значение: «шёлк его волос». С переводом строки «Στην ξεγνοιασιά του ονείρου του Δροσιά» мы не вполне согласны. Вместо «В спокойных сновиденьях их Роса» предлагаем «В беззаботности его мечтаний Свежесть». Слово «όνειρα» в греческом языке передаёт и понятие «сны», и понятие «мечты». Слово «Δροσιά» также полисемично, оно имеет значения «роса», «свежесть», «прохлада». По отношению к морю лучше, на наш взгляд, применить слово «свежесть».

Κύμα στο φως Волны на свету
 Ξαναγεννάει τα μάτια Вновь возрождают взоры
 Όπου η Ζωή αρμενίζει προς Там Жизни корабли плывут
 Τ' αγνάντεμα К любованию
 Ζωή – Жизнь –

Для передачи строки «Όπου η Ζωή αρμενίζει προς Τ' αγνάντεμα Ζωή –» предлагаем перевод «Когда жизнь плывёт к созерцанию с высоты Жизни», что более логично в ракурсе понимания корабля как жизни. То есть, когда жизнь приходит к завершению, душа созерцает с высоты жизнь на земле.

III

Φλοίσβος φιλί στη χαϊδεμένη του άμμο – Έρωτας Плеск поцелуй на влажном песке побережья – Эрос
 τη γαλανή του ελευθερία ο γλάρος Волю свою лазурную легкая чайка

δίνει στον ορίζοντα Дарит горизонту
 κύματα φεύγουν έρχονται Волн прилив и отлив
 αφρισμένη απόκριση στ' αυτιά των κοχυλιών На ушко раковине шепчет пена морская

Конструкция «Φλοίσβος φιλί στη χαϊδεμένη του άμμο» передана переводчиком как «Плеск поцелуй на влажном песке побережья», можно предложить постановку дефиса между словами плеск и поцелуй, чтобы

стало понятным сравнение плеска с поцелуем. Вместо отсутствующего в оригинале слова «влажный» предлагаем дословный перевод «Плеск-поцелуй на ласкаемом песке побережья». В строке «τη γαλανή του ελευθερία ο γλάρος δίνει στον ορίζοντα» переводчик добавляет эпитет «лёгкая чайка», что на наш взгляд не оправдано. При переводе строки «κύματα φεύγουν έρχονται» с помощью категориальной синонимии глаголы удачно заменены на существительные «прилив и отлив», что подчеркивает живой образ моря. Далее образ раковины, в которой звучит море, прекрасно передан метафорой «На ушко раковине шепчет пена морская».

ποιος πήρε την ολόξανθη και την ηλιοκαμμένη; Кому – загорелая кому – златокудрая дева?

Ο μπάτης με το διάφανό του φύσημα Бриза прозрачное чистое веянье
γέρνει πανί του ονείρου Грез паруса колышет
μακριά Вдали

Έρωτας την υπόσχεσή του μурμουρίζει – Φλοίσβος Эрос бормочет сонно свои обещанья Плеск –

Во фразе «ποιος πήρε την ολόξανθη και την ηλιοκαμμένη;» нет разделительного союза, есть соединительный союз «и», что позволяет предложить перевод «Кому досталась златокудрая, загорелая дева?». Вместо «Грез паруса колышет» предлагаем «Парус мечтаний колышет». В завершающей строке «Эрос бормочет сонно свои обещанья» в оригинале отсутствует слово «сонно», его вставка, на наш взгляд, не несёт дополнительной коннотации, достаточно слова «бормочет».

Таким образом, предложив талантливый перевод стихотворения Одиссея Элитиса «Эгейскому морю» М. Арутюнова добавила несколько эпитетов, удачно передала многие метафоры и олицетворения, сохранила свободную ритмометрическую композицию поэта. На наш взгляд, перевод М. Арутюновой передаёт в полной мере все идеи автора, хотя является несвободным от некоторых неточностей и упущений, возможно вызванных недостаточной полной герменевтической интерпретацией оригинала, что привело к смещению коннотативных оттенков значений.

Список использованных источников

1. Ковалёва Ирина. Из классики XX века. Одиссеас Элитис. Стихи // Иностранная литература. – 2008. – №2. – С. 230–243.
2. Элитис Одиссеас. Концерт гиацинтов / Пер. с греч. М. Арутюновой, С. Ильинской, И. Ковалёвой. – М.: ОГИ, 2008. – 104 с.
3. Ελύτης, Οδυσσεάς. Ποίηση. Αθήνα: Ίκαρος, 2002. – Σ. 11–13.

УДК: 372.881.1

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-МЕТОДА НА КУРСАХ КИТАЙСКОГО
ЯЗЫКА****М. Г. Петрова,***кандидат наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков***Чэнь Цзыяо,***аспирант кафедры теории и практики иностранных языков,
Институт иностранных языков, Российский университет дружбы
народов им. Патриса Лумумбы, Москва*

Аннотация: Кейс-стади – один из наиболее широко используемых методов исследования в социальных науках и один из методов обучения. Использование кейс-метода в преподавании китайского языка важно для овладения студентами профессиональными знаниями и создания благоприятных условий для преподавания. Применение данного метода имеет большое практическое значение для преподавания китайского языка как иностранного.

Ключевые слова: преподавание китайского языка; кейс-стади; педагогика; преподавание китайского языка как иностранного; китайский язык.

Summary. Case study is one of the most widely used research methods in the social sciences and one of the teaching methods. The use of the case method in teaching Chinese is important for students to acquire professional knowledge and create favorable conditions for teaching. The use of this method has great practical significance for teaching Chinese as a foreign language.

Key words: teaching Chinese; case study; pedagogy; teaching Chinese as a foreign language; Chinese.

Американские социологи Делберт С. Миллер и Нелл Дж. Салкинд, обсуждая Западные общества в своей книге «Введение в дизайн исследований и социальные измерения», выделяют основные положения метода кейс-стади. В своём обзоре они отмечают, что «подход кейс-стади в качественном исследовании связан не столько с групповыми паттернами, сколько с подробным описанием процесса, события или действия» [18, с. 127]. Одни полагают, что «кейс» – это объект исследования [1, с. 178], другие же рассматривают его как метод исследования [5, с. 60]. Все сходятся в понимании, что тематическое исследование – это диахроническое обсуждение одного или нескольких случаев путём сбора глубоких и подробных данных из различных источников информации.

Европейские учёные называют кейс-стади общим термином для группы методов исследования, направленных на изучение одного события, или рассматривают его как систематический подход к изучению конкретного события. Российские учёные выявляют непосредственную цель метода case-study: совместными усилиями группы студентов должны проанализировать ситуацию – «case», возникающую при конкретном положении дел, и выработать практическое решение; окончание процесса – оценка предложенных алгоритмов и выбор лучшего в контексте поставленной проблемы [5, с. 63].

Метод кейс-стади имеет разные определения в Китае. Мао Цзэдун, лидер Коммунистической партии Китая, однажды упомянул о понимании

метода кейс-стади как «всестороннее изучение одного события, позволяющее составить обобщенное представление о подобных событиях» [16, с. 122].

Таким образом, кейс-стади представляет собой самостоятельный исследовательский метод в социальных науках и других научных исследованиях. Классическое американское преподавание кейсов обычно проводится на основе текстовых кейсов, и существует три основных режима обучения:

Первый тип – это обзор проблем, когда даются проблемы и решения, а учащимся разрешается оценивать.

Второй тип – это анализ и принятие решений. Тип, где студенты могут предлагать планы принятия решений.

Третий тип заключается в разработке теоретической модели. Изучая и читая примеры, студенты могут стимулировать разработку новых теорий, а также постоянно совершенствовать и разрабатывать новые теоретические системы.

Все эти три модели направлены на то, чтобы сделать учащихся основной частью преподавания в классе, способствовать их участию непосредственно в образовательном процессе, повысить энтузиазм в классе [2, с. 106].

С развитием Интернет-технологий Гарвардская школа бизнеса также разработала симуляционную систему обучения, представленную цифровым моделированием игры-песочницы (Simulation). Преподаватель моделирует реальные бизнес-сценарии с помощью цифрового обучения, позволяя учащимся участвовать в смоделированных бизнес-сценариях, в ролевой игре. Благодаря анализу изменений различных внутренних факторов в разных сценариях улучшаются возможности применения знаний и принятия решений в смежных областях. Для текстовых тематических исследований использование этого метода обучения может быть отличным дополнением к другим методам [13, с. 27].

Метод кейс-стади эффективно действует на развитие коммуникативных навыков в обучении иностранному языку. Используя данный метод, преподаватель иностранного языка обращает внимание на принципы отбора кейсов для обеспечения достоверности, руководства и практичности кейса, чтобы исследование не было чисто теоретическим.

Учителя должны анализировать потребности учащихся в обучении, как и конкретные учебные ситуации, выбирать случаи, подходящие для развития учащихся, а также задавать и описывать проблемы через примеры, чтобы помочь учащимся анализировать проблемы [12, с. 62].

Метод кейс-стади укрепляет предметную позицию студентов, и это открытый и исследовательский метод обучения, от которого можно получить некоторое вдохновение. Основная цель метода обучения кейс-стади состоит не в том, чтобы предоставить учащимся стандартный ответ или конкретный метод решения определенной проблемы, а в том, чтобы

побудить студентов к активному обсуждению и глубокому осмыслению в форме кейса, к анализу и применению теории на практике [11, с. 40].

На занятиях по иностранному языку дискуссия обычно является основным методом обучения, оценивание преподавателем учащихся основывается главным образом на степени понимания задач на занятии и на количестве выступлений учащихся во время занятия. В основном оценка отражается в следующих аспектах:

1. Обучение слушанию. Учителя могут использовать соответствующие учебные материалы, чтобы объяснять знания, тренировать навыки аудирования учащихся, полностью мобилизовать инициативу учащихся, изменять традиционное преподавание аудирования, ориентированное на тему, вести ситуационные диалоги посредством анализа конкретных случаев и выбирать более подходящие материалы для аудирования.

2. Обучение говорению. Разговорная речь является одним из ключевых компонентов обучения иностранному языку, и использование кейсов в обучении иностранному языку может способствовать успешной практике говорения. Преподаватели могут использовать аудиовизуальные материалы для наглядного выражения знаний, а также представлять эти знания в виде кейсов и создавать различные сценарии с целью преодоления языкового барьера и развития мотивации.

3. Обучение чтению. С развитием науки и техники формы материалов для чтения становятся все более и более разнообразными, что также ставит новые задачи. Преподавателю иностранного языка необходимо в полной мере использовать особенности разнообразия языковых материалов в информационную эпоху, подбирать соответствующие кейс-материалы и применять их к обучению чтению. В результате использования данного метода преподаватель эффективно улучшает способности учащихся к чтению, а также направляет и поощряет их к критическому чтению, учит их ценить классические произведения и так далее.

4. Обучение письму. Студенты должны владеть лексикой по соответствующей специальности, уметь самостоятельно писать эссе и читать иностранную литературу по специальности. Для этого можно эффективно использовать кейсы.

Преимущества кейс-метода очень значительны. Он может эффективно улучшить качество обучения и помочь студентам понять содержание обучения. Он широко используется во многих специальностях и играет важную роль. Например, с помощью кейсов рассматриваются несчастные случаи на производстве, студенты с помощью симулированных ситуаций получают знания норм и правил безопасности [4, с. 49].

Процесс преподавания и обучения по методу кейс-стади состоит из трёх основных этапов: подготовка кейса, объяснение кейса и подведение итогов кейса [15, с. 155].

Подготовка кейса: Учителя должны подготовить мультимедийные

учебные материалы, показать вступительную сцену, выбрать соответствующие реальные случаи и позволить учащимся заранее ознакомиться с содержанием учебных материалов.

Введение в курс: учитель разыгрывает сцену начала учебы в школе и спрашивает учеников, что интересного произойдет, когда они впервые придут в школу, и как справятся, если потеряются.

教师：当我发现自己迷路时，会主动询问其他人，他们会告诉我正确的路在哪里，同学们遇到过这种情况吗？刚来到学校，会不会找不到教室和宿舍呢？

Учитель: Если я потеряюсь, я возьму инициативу на себя, чтобы спросить других людей, и они скажут мне, где правильный путь. Вы когда-нибудь сталкивались с такой ситуацией? Когда вы впервые придёте в школу, вы найдёте классные комнаты и общежитие?

同学1：刚开学的时候会遇到这种情况，不过在学校可以找到询问的人问路，但有时候他们说的我并不能完全理解。

Одноклассник 1: Я столкнулся с этой ситуацией, когда только пойду в школу, но я могу найти людей, у которых спрошу дорогу в школе. Но иногда я не до конца понимаю, что говорят.

同学2：是的 在交流的时候很困难，因为我要学会表达自己想要去的地方

Одноклассник 2: Да, сложно в общении, потому что надо научиться выражать словами, куда я хочу попасть.

教师：遇到这种情况的时候是非常正常的，因为汉语的语序和发音都与俄语有明显的差别，通过今天的学习，大家不仅可以学到许多新单词，也会学习遇到这种情况，如何表达自己迷路了，可以理解回答者的话，事实上，每年都会有新的学生，遇到这种情况，这里有一个案例。

Учитель: В ходе сегодняшнего занятия вы не только узнаете много новых слов, но и научитесь выражать, что вы заблудились, и сможете понять ответ, если столкнетесь с такой ситуацией. На самом деле, каждый год появляются новые студенты, которые сталкиваются с такой ситуацией, и вот один из примеров.

Кейс: Учитель показывает учащимся кейс и объясняет во время чтения новые слова, упомянутые в кейсе; они являются ключевыми словами этого урока. После прочтения кейса преподаватель может еще раз перечитать ключевые слова, а студенты - прочитать их вместе с преподавателем, который может написать транскрипцию этих слов на общей доске и предложить студентам по очереди прочитать и запомнить их.

Фоническая практика: два персонажа выступают в роли героев и используют изученные слова в форме группового диалога и ролевой игры, примером которой может служить следующий диалог:

学生1：您好！请问宿舍楼在哪里？

Студент 1: Здравствуйте! Где находится здание общежития?

学生2: 什么宿舍楼?

Студент 2: Какой корпус общежития?

学生1: 3号宿舍楼

Студент 1: Общежитие №3.

学生2 3号宿舍楼在左侧主路的最南边, 沿着左侧一直走就可以到

Студент 2: Здание общежития №3 находится в самой южной части главной дороги слева, следуйте по левой стороне, и к нему придете.

学生1: 请问这些都是什么楼?

Студент 1: Что это за здания?

学生2 : 左侧第一个最高的楼是主要的教学楼, 向前走东边是体育馆、北面是图书馆, 左侧道路的西边是超市、南面是宿舍

Студент 2: Первое слева самое высокое – главный учебный корпус. На востоке – гимназия, на севере – библиотека, на западе – супермаркет. К югу от дороги слева – общежитие.

学生1: 请问食堂在哪里?

Студент 1: Где находится столовая, подскажите, пожалуйста?

学生2 : 一直向后走就是学生食堂

Студент 2: Идите дальше, и вы дойдёте до студенческой столовой.

学生1: 请问银行在哪里?

Студент 1: Где находится банк, скажите, пожалуйста?

学生2: 从这里出去后, 有一个购物中心, 那里有三家银行

Студент 2: Когда Вы выходите, там есть торговый центр, в котором расположены три банка.

学生1: 好的, 谢谢您的帮助

Студент 1: Хорошо, спасибо за помощь!

学生2: 不客气

Студент 2: Пожалуйста.

Учитель оценивает содержание диалога учащегося и корректирует ошибки произношения. С помощью моделирования ситуации учитель поощряет учащихся использовать такие слова, как «восток, запад, юг, север» и т.д., определять направления и рисовать простые карты. Карта может включать интернациональные студенческие корпуса, рестораны, спортивные площадки и библиотеки. Каждая группа рисует карту и загружает ее в чат класса, а учитель может выбрать лучшую и поделиться ею на общем экране в качестве ориентира для всего класса. После того, как учащиеся читают текст по теме ситуации, учитель задает вопросы учащимся в назначенной группе, и группа присылает представителя для ответа. В дополнение к карте, предоставленной студентами, учитель также может задавать вопросы с картой Китая.

Резюме класса: с помощью учителя и в сотрудничестве с членами команды выучить слова и выражения по теме, процесс развивается от непонимания содержания разговора в начале до способности гладко

общаться.

Использование метода кейс-стади на уроках китайского помогает учителям повысить эффективность обучения. Преимущества использования кейс-метода обучения состоят в развитии воображения и мышления учащихся. Кейс-метод помогает улучшить способность учащихся понимать и осваивать материал, упростить сложные и трудные знания и лучше понять содержание урока. Активная атмосфера в классе, стимулирует энтузиазм к обучению. Используя кейс-метод, учитель побуждает учащихся к активному диалогу и предоставляет учащимся возможность тренировать свои навыки устной речи. При возникновении проблем учащиеся и учителя могут решать их вместе, создавая благоприятную для учебы атмосферу.

Таким образом можно сказать, что метод кейсового обучения способствует овладению учащимися знаниями в классе и построению сети знаний, формированию учебного интереса к изучаемому. Применение метода кейсового обучения на уроках китайского языка полезно, поскольку помогает учителям найти более эффективные методы обучения.

Список использованных источников

1. Алексанян А. В., Арустамян А. В. Профессионально-ориентированное обучение РКИ на основе метода кейс-стади // Символ науки. – 2015. – №5. – С. 178–182.
2. Велиева Н. О некоторых моментах использования метода кейсов в обучении иностранному языку // Проблемы Науки. – 2016. – №12 (54). – С. 104–108.
3. Геец Н. Ф. Кейс-стади как технологический метод обучения // Концепт. – 2017. – №S3. – С. 1–4.
4. Гу Инь. Взросление в тематических исследованиях // Исследование дошкольного образования. – 2018. – №2. – С. 49–50.
5. Евтюгина А. А. Коммуникация и метод кейс-стади в профессиональном образовании // Terra Linguistica. – 2012. – №160. – С. 60–65.
6. Жэнь Сюдун. Применение метода кейс-обучения // Руководство по инновациям в науке и образовании Китая. – 2008. – №28. – С. 137–139.
7. Ма И. Обсуждение метода тематического обучения // Форум образования и преподавания. – 2013. – №18. – С. 64–65.
8. Ли Яньлин. О методе обучения случаям // Журнал Пекинского института профсоюзных кадров. – 2005. – №20(3). – С. 51–54.
9. Куликова В. В. Использование кейс-стади в образовательном процессе // Экономика и социум. – 2016. – №1 (20). – С. 548–551.
10. Рашидов А. Ш., Тураев Ш. Ф. Интерактивные методы в обучении математике: метод кейс-стади // Вестник науки и образования. – 2020. – №17-2 (95). – С. 79–82.
11. Рогова Н. Ю. Возможности применения метода кейс-стади в обучении иностранному языку // Современные технологии обучения иностранным языкам: сборник научных трудов. – 2017. – С. 39–42.
12. Супрунова Е. П. Дидактическая игра как форма активизации познавательной деятельности студентов // Концепт. – 2017. – №3. – С. 60–65.
13. Се Фан. Метод тематического исследования. // Журнал Пекинского института управления нефтяными ресурсами. – 2017. – №16 (3). – С. 25–30.
14. Тан Чанг, Ши Шэнпин. Инновации и практика метода тематического обучения с точки зрения бикультурализма // Тематические исследования и обзоры менеджмента. – 2023. – №16(3). – С. 370–377.
15. Чжао Хуэй. Обсуждение метода тематического исследования // Руководство для

потребителей. – 2015. – №6. – С. 115–115.

16. Чжу Ли. Анализ метода обучения случаям // Журнал Юннаньского университета финансов и торговли. – 2023. – №19(6). – С. 120–123.

17. Чжу Чжэнь. Юридические дела и новый метод преподавания // Преподавание в китайском университете. – 2022. – №9. – С. 56–60.

18. Шепшинская И. М. Кейс-стади как активный метод обучения иностранным языкам в педагогическом вузе // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – №5. – С. 16–129.

УДК 81'25

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА: ВЗАМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ

О. В. Петрова,

кандидат филологических наук, начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

Аннотация. Возросшая потребность в переводах, многообразие целей, с которыми заказывается перевод, привели к тому, что рынок переводческих услуг перестал быть однородным в плане требований, предъявляемых к качеству перевода. В ряде случаев требования заказчиков не соответствуют тому, чему будущих переводчиков учат в вузе. Назрела необходимость в приведении теории и дидактики перевода в соответствие с современным состоянием переводческого рынка.

Ключевые слова: перевод, теория перевода, переводческие задания, требования к переводу, критический пересмотр теории перевода.

Summary. The increased demand for translations, the variety of purposes for which translations are ordered, have led to the fact that the market for translation services is no longer homogeneous in terms of requirements for translation quality. In a number of cases, the requirements of customers do not correspond to what translation students are taught at the university. There is a need to bring translation theory and didactics into line with the current state of the translation market.

Key words: translation, translation theory, translation brief, requirement to translation, critical review of translation theory.

К прикладным аспектам переводоведения обычно относят дидактику перевода, научную критику, методику оценки качества и редактирование перевода. В последнее время сюда добавилось постредактирование машинного перевода. Включают в этот список и изучение рынка переводческих услуг, в том числе требований к объему и качеству перевода и к использованию определенных средств автоматизированного и автоматического перевода. При этом традиционно предполагается, что все прикладные аспекты переводоведения и переводческой деятельности если и не диктуются напрямую теорией перевода, то так или иначе опираются на заложенные в ней принципы. Методика преподавания перевода строится на основе определенных теоретических подходов, научная критика также ведется в рамках той или иной переводческой школы, в соответствии с

теоретическим подходом к самому понятию «перевод» формулируются требования к качеству перевода и его редактированию.

Однако в последнее время все чаще приходится сталкиваться с ситуациями, когда и переводческие агентства, и сам конечный получатель перевода не только ждут, но и требуют от переводчика не соответствия выполняемого им перевода неким теоретически обоснованным правилам и нормам, а всего лишь его достаточности для получения нужной заказчику информации. В самом по себе требовании соответствия перевода цели его выполнения нет ничего нового. Теоретические основы этого принципа сформулированы в трудах представителей нескольких переводческих теорий и направлений, таких как скопос-теория, функциональный и коммуникативно-функциональный подходы, и обсуждаются многими зарубежными и отечественными переводоведами. На практике в случае технического перевода это реализуется в виде переводческого задания (ТЗ или того, что К Норд называет *translation brief* [5]), которое, по определению Е. А. Княжевой, является инструментом взаимодействия участников процесса перевода [1]. Нередко определенные установки дает переводчику издательство или непосредственно заказчик. Появился даже термин «клиентоориентированный перевод» [3].

Однако во всех этих случаях речь идет о требовании выполнить перевод, ориентированный на конкретную коммуникативную ситуацию, но при этом отвечающий критериям точности (хотя и не обязательно полноты), а также соответствующий нормам и узусу переводящего языка. Так, выделяя, вслед за Дж. Самюэлсоном-Брауном, такие виды перевода, как *text scanning* (беглый просмотр текста) и *text abstracting* (реферирование текста), Э. Вагнер пишет: «Иногда клиенту просто нужно, чтобы переводчик прочел весь текст и выбрал релевантную информацию» [4, с. 45]. Таким образом, отбор информации, оценка степени его релевантности для сформулированных заказчиком целей поручается переводчику. Заказчик же должен получить текст перевода, адекватно передающий отобранную из оригинала информацию.

Сегодня, в связи с ростом потребности в переводе в самых разных сферах жизни, ситуация начала меняться. И в немалой степени этому способствует появление и широкое распространение машинного перевода. Возможность быстро и дешево (или даже бесплатно) получить перевод оказалась очень удобной и, соответственно, привлекательной в тех случаях, когда человеку достаточно лишь общего представления о содержании того или иного текста. Удобно это и для специалистов, которые достаточно хорошо владеют темой, чтобы не обращать внимания не только на некорректную передачу терминов, на грамматические, стилистические и прочие языковые ошибки, но даже и на некоторые фактические ошибки, поскольку, исходя из знания предмета и контекста, они понимают, что было сказано в оригинале. И если речь идет о небольших текстах, они сегодня в большинстве случаев просто не обращаются ни в переводческое агентство,

ни к переводчику-фрилансеру, а сами пользуются тем или иным автоматическим переводчиком.

А что происходит, если требуется перевод достаточно большого текста, и человек напрямую или через агентство обращается к профессиональному переводчику? Здесь ожидания заказчика зависят от того, для чего этот перевод ему требуется. До недавнего времени любой заказчик в любом случае ожидал получить полный, точный и грамотный перевод, воспринимаемый им как полноценная замена оригинала, откуда он сможет получить нужную ему информацию. Так ли это сегодня? Фраза «мне не нужен хороший перевод, мне нужен приемлемый перевод», которую переводчики нередко слышат от работодателей, родилась не из одного лишь стремления агентств получить перевод как можно быстрее и с минимальными затратами. Во многих случаях это отражение реальных запросов заказчиков. Показателен в этом отношении разговор, состоявшийся со студентом, экзаменационный перевод которого был оценен на «неудовлетворительно». Преподавателю не понравилось, что договор, по которому Китай предоставляет зоопаркам других стран возможность арендовать панд на 10 лет, был в переводе назван *кредитным соглашением*, а истечение срока этого договора его *расторжением*; что плата за аренду панды называлась то *пошлиной*, то *взносом*; не понравилась фраза «*истечение сроков контрактов панд с зоопарками*», не понравилась путаница в передаче хронологии событий и еще целый ряд подобных переводческих решений. Студент не возражал против того, что эти решения были неверными. Удивило его то, что из-за этого работа была оценена на «неудовлетворительно». Он объяснил, что работает в переводческом агентстве, где с такой же степенью тщательности и с использованием тех же компьютерных программ переводит некие видеоматериалы. И все заказчики его переводами довольны. Мало замечаний и у редактора, который поправляет лишь немногочисленные языковые ошибки. Несложно предположить, что требования заказчиков к переводу видеоматериалов ограничиваются их достаточностью для понимания смысла того, что говорится или пишется в ролике. Соответственно, и редактор обеспокоен лишь приемлемостью самого создаваемого переводчиком текста.

Таким образом, практический опыт работы убеждает студента в избыточности, ненужности целого ряда требований, традиционно предъявляемых к переводу. Так что речь идет не о непонимании смысла текста переводчиком, а о том, что переводчик не видит необходимости в точном подборе слов, в поисках узуальных способов выражения на переводящем языке того, что сказано в оригинале. Не видит ее именно потому, что и заказчика, и, соответственно, агентство вполне устраивает позаимствованный из машинного перевода вариант, из которого можно понять тему и общую идею текста. В таком случае получатель ждет от переводчика и не текста, функционально равного оригиналу, и не отбора релевантной информации, а текста, на основе которого он сам сможет

понять, нужна ему вся эта информация или нет. Степень точности его не волнует.

Разумеется, никто не отменял потребности значительной части заказчиков в точном, полном и грамотном переводе. Но процент таких заказчиков в переводах текстов разных типов, тематик и жанров будет разным. Нужно признать, что, наряду с переводом текстов для профессионального использования (таких, как технические, научные), а также художественных, существует и будет увеличиваться спрос на перевод, который можно назвать *ознакомительным*. Именно так сегодня используется машинный перевод публицистических материалов, научно-популярных текстов, многих видеоматериалов. И получателей перевода вполне устраивает неточность в подборе слов, недостаточно корректный перевод терминов, неверная лексическая сочетаемость. Подход к этим переводам один – чтобы было в целом понятно.

Складывается ситуация, при которой выпускникам переводческих факультетов многое из того, чему их учили на занятиях по теории и практике перевода, оказывается ненужным. Попавшим на работу в крупные, престижные переводческие агентства все это несомненно будет необходимым. Но с учетом того, как широко сегодня пользуются машинным переводом многие агентства, как переводческие, так и информационные, ограничиваясь при этом лишь легким постредактированием, с учетом разнообразия заказов, которые получают фрилансеры, можно предположить, что процент тех выпускников, которые столкнутся с совершенно другими требованиями, будет расти. И это необходимо учитывать при подготовке переводчиков. Иначе у них будет складываться впечатление, что их просто не тому учат, что преподавание перевода безнадежно устарело, преподаватели отстали от жизни, не учитывают новых требований и в силу своего консерватизма отвергают современные информационные технологии в переводе.

Известно, что основные принципы отечественного переводоведения формировались на основе художественного перевода, а затем уже переносились с некоторыми модификациями на технический и прочие специальные переводы. Именно поэтому и сами определения, и их трактовки сегодня часто воспринимаются как излишне ригористичные. Все требования, связанные с понятиями эквивалентности и адекватности, изначально не были в полном объеме применимы ни к реферативному, ни к сокращенному переводу. Не случайно В. Н. Комиссаров говорит о них не как о переводе, а как об адаптивном транскодировании, хотя при этом и называет разновидностями перевода: сокращенным *переводом*, адаптированным *переводом* [2, с. 48–49]. Так что даже в этих случаях некоторые классические формулировки нуждаются в пересмотре. И уж тем более общие требования неприменимы к результату беглого просмотра текста переводчиком или к ситуациям, когда от переводчика требуется «не хороший перевод, а приемлемый».

Из всего сказанного следует, что назрела необходимость в создании целостной теории перевода, охватывающей все виды переводческой деятельности. Необходимы общие определения переводоведческих понятий и категорий, которые затем могут уточняться, конкретизироваться в применении к определенным ее видам так, чтобы эти уточненные определения не вступали в противоречие с основным определением базового понятия.

В применении же к дидактике перевода учет сложившейся на сегодняшний день ситуации требует, с одной стороны, подготовки переводчиков на прочной теоретической основе, но при этом с учетом требований, предъявляемых не к «переводу вообще», а к разным видам переводческой деятельности. А с другой стороны – информирования студентов о многообразии возможных заказов и требований. При этом необходимо, чтобы студенты понимали роль и место машинного перевода в их будущей профессиональной деятельности. Они также должны понимать, что «приемлемый перевод» или перевод, когда заказчику важно лишь понять общую идею, – не значит перевод «как попало», с неточностями и искажениями. В таком переводе может быть не отшлифован стиль, могут быть опущены нерелевантные детали. Но ошибок, искажений быть не должно. Если получатель хочет понять только общую идею, то это в любом случае должна быть именно та идея, которую он мог бы извлечь из оригинала, если бы мог сам его прочитать или просмотреть. И если заказчик не поручает переводчику решать вопросы релевантности, а заказывает перевод, из которого он будет отбирать нужную информацию сам, по полноте и точности передачи информации такой перевод должен отвечать требованию адекватности. «Не очень хорошо» не может означать «неверно».

Список использованных источников

1. Княжева Е. А., Боровкова Т. Ю. Переводческое задание как инструмент взаимодействия участников процесса перевода // Вестник НГЛУ. Выпуск 1 (53). Язык и культура. – Н. Новгород: НГЛУ, 2021. – С. 23–40.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Сахневич С. В. Клиентоориентированный перевод. ЛитРес: Самиздат, 2009. – 174 с.
4. Chesterman A., Wagner E. Can Theory Help Translators?: A Dialogue Between the Ivory Tower and the Wordface. – Manchester: St. Jerome Publishing, 2002. – 148 p.
5. Nord C. Defining translation functions. The translation brief as a guideline for the trainee translation. April 2008 Ilha do Desterro A Journal of English Language Literatures in English and Cultural Studies. – P. 41–55.

УДК 81'25

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ В ТЕКСТАХ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ (НА ОСНОВЕ НОВОСТНЫХ
СМИ)*****Е. Ю. Пишкова,****кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону****А. М. Лиджиева,****обучающийся бакалавриата, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации*

Аннотация. Данная научная статья исследует особенности перевода метафор в текстах публицистического стиля на основе новостных СМИ. Авторы проводят анализ метафорических выражений в публицистических текстах и их перевода с английского на русский язык. В работе анализируются специфические приемы, используемые для передачи значений метафорических конструкций, а также их влияние на сохранение эмоционально-экспрессивного содержания текста.

Ключевые слова: метафора, метафорический образ, перевод, адекватный перевод, способ перевода.

Summary. This research paper investigates the peculiarities of metaphor translation in publicistic style texts on the basis of news media. The authors analyze metaphorical expressions in publicistic texts and their translation from English into Russian. The paper analyses the specific techniques used to convey the meanings of metaphorical constructions, as well as their influence on the preservation of the emotional and expressive content of the text.

Key words: metaphor, metaphorical character, translation, appropriate translation, method of translation.

Роль публицистического стиля существенно возросла во всем мире, поскольку он обслуживает все сферы общественной деятельности: политику, идеологию, экономику, культуру. В последнее время, по мнению некоторых исследователей, публицистический стиль стал более «демократичным», «разговорным» [1; с. 180], в нем отмечены и вульгаризмы, и жаргонные, и сленговые слова и выражения и пр.

Анализируя оценочность новостного текста, Н. И. Клушина выделяет имплицитную и эксплицитную оценки. Эксплицитная оценка относится к конкретному слову или выражению, исходя из его употребления в контексте и явно выраженной оценки. К имплицитным оценкам в публицистике относят метафоры, эвфемизмы, «скорненные» слова.

Оценка, заключенная в метафоре, создает общественное мнение и необходимый для адресанта образ; зачастую используются наиболее известные читателям перифразы и эвфемизмы.

Новостная тематика англоязычного публицистического текста широко представлена в газетах The Guardian и The Washington Post. Следует отметить, что метафоры активнее всего используются в тематике Lifestyle, Wellbeing, Sports, Health and Medicine и пр.; количество метафор существенно сокращается в текстах экономической, общественно-

политической тематики.

Метафоры чаще появляются в новостных материалах социальной, светской тематики. Чтобы метафора была понятна массовому читателю, авторы материалов больше используют стертые метафоры, не являющиеся авторскими, слова и словосочетания в этих метафорических значениях зарегистрированы в словарях. Активное употребление стертых метафор решает еще одну задачу: оно делает текст более живым, образным, а также помогает избежать тавтологии в построении фраз.

Перевод метафоры в публицистическом стиле, особенно при работе с новостными СМИ, представляет собой значимую задачу, которая требует специального внимания и тщательного подхода. Существует большое разнообразие классификаций перевода метафор, разработанных исследователями в этой области (В. Н. Комиссаров, Т. А. Казакова, С. Г. Бархударов). В своем исследовании мы опираемся на классификацию В. Н. Комиссарова, в которой выделяется четыре основных способа перевода:

1. Перевод, основанный на том же самом образе;
2. Перевод, основанный на ином схожем образе;
3. Дословный перевод;
4. Неметафорическая экспликация [2; с. 150].

Прежде всего, при переводе метафорических выражений следует обращать внимание на сохранение оригинального колорита и образности. Первым шагом к успешному и качественному переводу является установление метода перевода и определение необходимых переводческих преобразований, чтобы сделать текст перевода приемлемым, адекватным и соответствующим речевым нормам языка, на который метафора переводится, а также, для достижения аналогичного коммуникативного эффекта, который заложен в оригинальном тексте.

Проанализируем специфику перевода метафор в текстах СМИ.

• *This counterintuitive connection first **came to light** in 2014, when a Swedish researcher called Pelle Lindqvist published the results of a large study that followed the health of around 30,000 women over 20 years [3]. – Впервые об этой контринтуитивной связи **стало известно** в 2014 году, когда шведский исследователь Пелле Линдквист опубликовал результаты большого исследования, в котором на протяжении 20 лет отслеживалось состояние здоровья около 30 000 женщин.*

В толковом словаре английского языка словосочетание *come to light* определяется как «be clearly revealed or exposed». Данное словосочетание появилось как метафорическое сравнение – когда знание или какие-то факты выходят из тьмы на свет, то есть от незнания к знанию. В приведенном примере при переводе используется неметафорическая экспликация. При этом сохраняется прагматический компонент исходной единицы. Выражение теряет определенную долю экспрессивности, однако перевод соответствует требованиям адекватности русского языка.

• *Other mechanisms may also be at play* [3]. – Возможно, в игру вступают и другие механизмы.

Метафорическое выражение *at play* отсылает нас к слову *play*. Следовательно, *at play* метафорически означает «такой, который находится в игре, имеет значение, влияние». Данная метафора делает текст более живым и обращает внимание читателей. Автор, таким образом, показывает взаимосвязь неких механизмов между собой. В переводе также используется словосочетание с метафорическим смыслом. Перевод метафоры на основе того же самого образа используется для передачи аналогичного смысла и эмоционального оттенка, который присутствует в оригинале. Он позволяет сохранить и перенести основную идею исходной метафоры на русский язык, используя аналогичный образ. В данном случае сохраняется образ игры, который в исходной метафоре обозначает вовлеченность в работу человеческого организма.

• *With budgets tight, online spending for Black Friday (24 November) is expected to be down by 2% year on year, according the IMRG trade body, despite high levels of inflation* [3]. – По данным торговой организации IMRG, несмотря на высокий уровень инфляции, в условиях **ограниченного бюджета** расходы на онлайн-торговлю в «черную пятницу» (24 ноября) сократятся на 2% по сравнению с прошлым годом.

В словаре прилагательное *tight* объясняется следующим образом: «firmly or closely fixed in place; not easily moved; secure». В приведенном предложении данное прилагательное употребляется в метафорическом значении. На бюджет переносятся такие характеристики как «зафиксированный», «узкий», «не позволяющий свободно двигаться». Действительно, *tight budget* не позволяет человеку свободно двигаться в том плане, что он не может позволить себе потратить денежные средства на все, что хотелось бы, вынужден выбирать между меньшим, более узким, количеством вариантов. Используя слово *tight*, автор текста передает читателю это ощущение финансовой, бюджетной скованности. В данном случае перевод метафоры основан на ином схожем образе. Этот способ используется для передачи смысла и эмоционального оттенка, связанного с исходной метафорой, но с использованием другого слова. Перевод «ограниченный» сохраняет основную идею и является более понятными для целевой аудитории.

• *Stratford is fast becoming a cultural heavyweight* [3]. – Стратфорд быстро становится культурным **тяжеловесом**.

В этой статье о Стратфорде автор применяет по отношению к этому району метафорическое сравнение *heavyweight*. Данное существительное определяется в словаре следующим образом:

1. a person of more than average weight;
 2. a heavyweight boxer or wrestler;
 3. a person, company, nation, or other entity that is powerful and influential
- Как видно из приведенных определений, третье является

метафорическим, так как тяжелый вес ассоциируется с большим не физическим, а моральным, психологическим, репутационным значением. Здесь был выбран способ перевода, основанный на том же самом образе, так как он передает аналогичный метафорический образ, как в языке оригинала, так и в языке перевода.

• *Nationwide reported that household deposit growth had slowed, **mirroring** a decline in mortgage lending* [3]. – Как сообщает издание *Nationwide*, рост банковских вкладов населения замедлился, что **отражает** снижение объемов ипотечного кредитования.

Глагол to mirror определяется в словаре следующим образом:

1. to reflect in or as if in a mirror;
2. to reflect as a mirror does.

Второе значение данного глагола является метафорическим – отражение может быть не только физическим отражением локального объекта, но и любым другим. В приведенном предложении замедление роста банковских вкладов населения является прямым отражением сокращения объемов ипотечного кредитования. Употребление метафоры помогает автору показать взаимосвязь данных событий, явлений, влияние одного из них на другое. В данном случае перевод, основанный на том же самом образе, используется для передачи той же смысловой нагрузки и эмоциональной окраски, которые присутствуют в оригинальной метафоре. Такой перевод стремится сохранить аналогию и сходство между оригинальным и переводным текстом. Перевод помогает сохранить образ взаимосвязи, который содержится в оригинальном выражении.

• *Byrne said a number of **greener** toy companies have popped up in recent decades to meet the needs of new generations of parents* [4]. – По словам Бирна, в последние десятилетия появилось множество компаний, **производящих экологичные игрушки**, чтобы удовлетворить потребности новых поколений родителей.

Прилагательное green, которое изначально, в своем прямом значении, означает зеленый цвет, уже достаточно давно употребляется и в метафорическом значении – природоохранный, заботящийся об экологических вопросах, сохраняющий природу. Следовательно, «зеленые» компании-производители детских игрушек – это такие компании, которые не используют пластик и губительные технологии для производства игрушек. Метафора емко передает позицию этих компаний, их отношение к природе и помогает противопоставить их традиционным компаниям. При переводе метафоры в данном примере использовалась неметафорическая экспликация. Применяя именно этот способ, возможно раскрыть скрытое значение и смысл метафоры и передать его наиболее точно и понятно на язык перевода. Переводчик в данном случае разъясняет метафору прямо, чтобы помочь читателям понять истинное значение метафоры.

Таким образом, проанализировав 60 случаев перевода метафоры в англоязычных текстах публицистического стиля, мы выявили частотность

способов перевода, взяв за основу классификацию В. Н. Комиссарова. Результаты исследования отражены в следующей диаграмме.

Как можно увидеть из диаграммы, самым частым способом перевода метафоры в англоязычных новостных текстах является перевод на основе того же самого образа. Это можно объяснить тем, что переводчики стараются сохранить наиболее точный смысл метафоры, чтобы передать идею исходного текста. Использование того же самого образа при переводе метафоры может помочь сохранить мысли и ощущение, которые автор пытался передать. Более того, использование перевода на основе того же образа объясняется тем, что множество метафорических выражений в английском языке стало частью повседневной речи людей из других стран, став интернациональными. Существуют также образные выражения, которые можно перевести дословно, не потеряв их значения, благодаря общим корням или возможности передачи целых метафорических единиц из одного языка в другой. Кроме того, некоторые метафорические выражения содержат очевидные сравнения, которые становятся понятными из-за их простоты и ясности.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что от выбора конкретного способа перевода зависит передача информации и эмоциональной окраски, которые несет метафора. Тщательное исследование и понимание контекста, анализ метафорического значения и выбор соответствующего переводческого приема – неотъемлемая часть процесса перевода метафор в публицистическом стиле.

Список использованных источников

1. Клушина Н. И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе/ под ред. Г. Я. Солганика. М., 2000. 94 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа. – 1990. – 253 с.

3. The Guardian. [Electronic Resource] // Mode of access: URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения 20.12.2023)
4. The Washington Post. [Electronic Resource] // Mode of access: URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения 15.12.2023)

УДК 130.2

АССИМИЛЯЦИЯ, АПРОПРИАЦИЯ, ПЕРЕВОД, ТРАНСФЕР: ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА СТРАТЕГИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.

В. Е. Резеньков¹⁶,

обучающийся магистратуры, кафедры философии, факультет философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация. Межкультурная коммуникация – важнейшая часть жизни целых обществ и отдельных личностей. Результат этой коммуникации во многом зависит от выбранной стратегии взаимодействия. Цель работы – выяснить основания выбора стратегии межкультурного взаимодействия. Автор приходит к выводу, что основаниями для выбора стратегии является наличие или отсутствие у взаимодействующих субъектов времени, материальных ресурсов и знаний в широком трактовании для реализации того или иного способа коммуникации.

Ключевые слова: ассимиляция, апроприация, культурный перевод, культурный трансфер, межкультурная коммуникация.

Summary. Intercultural communication is an important part of the life of entire societies and individual personalities. The result of this communication largely depends on the chosen interaction strategy. The purpose of the work is to find out the reasons for choosing a strategy for intercultural interaction. The author comes to the conclusion that the basis for choosing a strategy is the presence or absence of time, material resources and knowledge in a broad interpretation for the implementation of a particular method of communication.

Key words: assimilation, appropriation, cultural translation, cultural transfer, intercultural communication.

Межкультурная коммуникация состоит из различных, часто разнонаправленных процессов, к которым относятся ассимиляция и апроприация. Ассимиляцию можно понимать «как процесс взаимного проникновения и слияния, посредством которого индивиды и группы ... объединяются в рамках культурного единого пространства» [3, с. 20]. В культурной ассимиляции создание единого культурного пространства из двух и более разных культур достигается не только за счет синтеза различных семиотических систем, но и за счет «встраивания» кода одной культуры в другие с замещением их изначальных элементов. Апроприация в культурной сфере – это присвоение смыслов и образов, знаний и традиций одной культуры другой. В том или ином виде в разных пропорциях эти процессы присутствуют во всех случаях взаимодействия культур. Это утверждение справедливо по отношению к межкультурной коммуникации как на микроуровне, на уровне отдельной личности, так и на макроуровне,

¹⁶ Научный руководитель: д. фил.н., профессор О. Р. Демидова

состоящем из контактов значительных культурных конструкторов, таких как театр, литература и т.п. Очевидно, что макроуровень представляет собой сложную систему, состоящую из микроуровней. Иными словами, любое явление культуры можно свести к людям, их отношениям и действиям. Человек, таким образом, представляет собой микрокосмос, в котором, как в зеркале, в той или иной степени отражаются все проявления культуры, а вернее культур. Той, к которой он принадлежит и той культуры, под влиянием которой он находится, пусть даже не родственной ему. Сам человек при этом также выступает элементом культуры и агентом ее влияния. Можно утверждать, что сам человек использует инструменты межкультурной коммуникации, такие как культурный перевод и культурный трансфер, а через него и вся культура.

Культурный перевод – это «перенос смыслов, выраженных на одном языке культуры/на языке одной культуры, с использованием другого языка культуры/языка другой культуры, имеющий задачей вписывание переводимого в иной культурно-языковой и семиотический дискурс» [1, с. 108].

Культурный трансфер – форма взаимодействия между разными культурными пространствами, в результате которой формируются общие для культур элементы и происходит их смешение. Мишель Эспань в своей работе указывает на то, что исследованию культурного трансфера научное сообщество предпочитает поиск идентичности, гомогенность предпочтительнее гетерогенности. В этой ситуации можно увидеть стремление культуры как системы и ее членов представить свое пространство в качестве неделимой конструкции. Основа такой конструкции сугубо национальна и в значительной мере автохтонна, а влияние извне не затрагивает ядро культурной идентичности. Даже если национальная идентичность и состоит из влияний извне [5, с. 35]. Можно сделать вывод, что культурные заимствования, осуществленные посредством культурного трансфера, сохраняют значительную часть своей «инаковости» и в этом ключе рассматриваются принимающей культурой как чужеродные элементы, пусть и важные для ее существования.

Ни один из процессов – ассимиляция и апроприация – не исключают друг друга полностью. То же самое справедливо и в отношении культурного перевода и культурного трансфера. Выбор той или иной стратегии межкультурного взаимодействия и ее инструментов человеком и культурой диктуются рядом обстоятельств и условий.

Обстоятельство времени.

Время является тем ресурсом, располагая которым культура и человек склонны делать выбор в пользу элементов ассимиляции или апроприации, культурного трансфера или культурного перевода. Ассимиляция как процесс требует значительно больше времени, чем апроприация. В первом случае речь идет об усвоении принимающей стороной символической системы культурного явления или значительной ее части, во втором – об

усвоении, а скорее о присвоении конкретной части культурного богатства. Аналогичные выводы можно сделать в отношении культурного перевода и культурного трансфера. Первый, как правило, требует больше времени, чем второй. Показательным примером является заимствование из других культур элементов одежды и обозначающих их слов. Рассмотрим слово и вещь «жилет». Еще в начале XIX в. А. С. Пушкин писал

«Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет» [4].

Сегодня мы с меньшей долей вероятности, чем современники Пушкина, при использовании этой вещи и слова, ее обозначающего, будем помнить среди ее прочих характеристик об иностранном, французском происхождении. Двести лет назад был осуществлен культурный трансфер и апроприация жилета как элемента одежды и явления другой культуры. Настолько инородного, что для его названия в языке принимающей культуры не нашлось подходящего слова, а его изначальное название звучало как абсолютно чуждое. Спустя два века слово и элемент одежды ассимилировались, используются так же, как и прочие слова и предметы, не вызывая ассоциаций с другой культурой. Явление стало абсолютно понятным, в некотором смысле повседневным, так как через поколения посредством «обытования» вещи был осуществлен ее культурный перевод.

Не менее важным является обстоятельство ресурса. Имеются ввиду материальные ресурсы. Чтобы жилет был апроприирован русской культурой, его нужно было привезти и использовать. Для ассимиляции этого явления французской культуры необходимо было, чтобы с течением времени большое число представителей русской культуры получило возможность им воспользоваться. Следовательно, жилеты нужно было шить и покупать, для чего нужны были ткань и деньги. Культурный трансфер возможно осуществить посредством единичного экземпляра вещи. Достаточно одного человека, который наденет жилет несколько раз, и это явление будет «занесено» в культуру. Но его принятие и перевод состоится только, когда «жилет» станет понятен значительной части если не всех представителей культуры, то ее наиболее образованной когорты.

Обстоятельство знания.

Ещё одно обстоятельство – это знание. Для реализации апроприации, ассимиляции, культурного перевода и культурного трансфера требуется знание языков всех взаимодействующих сторон и культур. Чем лучше знание, тем лучше, качественнее будет результат. Из этого не следует вывод, что плохо исполненный культурный перевод является культурным трансфером. Качественно исполненный культурный трансфер позволяет культурному элементу существовать в новой для него культуре, сохранить в значительной мере свою целостность и при этом ощущение его инаковости не будет восприниматься в принимающей культуре как негативная черта. При успешном культурном переводе явление настолько встраивается в новый культурный контекст, что его происхождение

перестает быть главной характерной чертой или одной из них. Наиболее значимыми являются смыслы и функции явления культуры. При плохом переводе явление культуры в новом контексте либо не будет восприниматься вовсе, либо будет восприниматься неверно. Культурная ассимиляция в случае некачественного исполнения, незнания языков взаимодействующих систем может не только не достигнуть своего результата – слияния культур, но и добиться прямо противоположного – отторжения. Многочисленные попытки насильственной ассимиляции в истории являются доказательством несостоятельности этой стратегии. Между тем, грубая апроприация все равно будет являться успешной апроприацией. Среди нововведений Петра I немногие были восприняты с должным пониманием и принятием, но культурные явления были перенесены и «насажены» на русской почве. Очевидно, что для успешной ассимиляции, перевода и трансфера «переводчик должен безукоризненно знать оба языка» [1]. Примером такого «переводчика» является Франческо Растрелли. Выдающийся мастер стиля барокко, он сумел уловить национальные идеи и провести синтез двух символических систем – русской и барочной. Особенно это заметно в православных храмах, где новый стиль не уничтожил старый и не заменил его, не изменил важные церковные каноны в строительстве церквей, но смог иначе раскрыть их, с большой роскошью и игрой с пространством. Произошло слияние барочных и русских архитектурных традиций.

В заключении следует отметить, что по мнению автора статьи, наиболее важным обстоятельством межкультурной коммуникации является выбор. Апроприация и ассимиляция, перевод или трансфер во взаимодействии культур и отдельных людей определяются выбором сторон в пользу той или иной стратегии. Выбор может коррелировать с перечисленными выше обстоятельствами, ориентироваться на благоприятствующие факторы – наличие знаний, времени и т.д. Или наоборот выбор может быть сделан «вопреки» по тем или иным причинам, и тогда реализация стратегии коммуникации осложнится теми же обстоятельствами. Представленные в этой статье условия и сценарии межкультурного взаимодействия являются частью сетки координат в коммуникации культур, но траектория движения в рамках этой сетки определяются волей или ее отсутствием у взаимодействующих субъектов.

Список использованных источников.

1. Демидова О. Р. Экранизация как вариант культурного перевода: «Пиковая дама» по-английски // Филологические науки. – 2013. – №3. – 108–118 с.
2. Кедринский А. А. Большой Царскосельский Екатерининский дворец: от пригородной усадьбы до парадной резиденции. 1710-1760/ Науч. ред. М. Г. Колотов. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2013 – 272 с.
3. Левин М. И., Букин К. И. Экономические аспекты процессов ассимиляции // Финансы и Бизнес. – 2010. – №3. – 20–38 с.
4. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Глава I. Строфа XXVI. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.poetry-classic.ru/1-26.html> (дата обращения 20.01.2024).

5. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / Мишель Эспань; пер. с франц.; под общ. редакцией Е. Е. Дмитриевой; вступ. статья Е. Е. Дмитриевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 816 с.

УДК 81'25

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В РОМАНЕ ДЖ. Р. Р.МАРТИНА «ПЛАМЯ И КРОВЬ» И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А. В. Рейнова¹⁷,

обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данное исследование посвящено выявлению особенностей образования авторских неологизмов в романе-фэнтези Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь». Произведен комплексный анализ возможных способов перевода новых лексических единиц и установлена частотность применения того или иного переводческого приема. Анализ словообразовательных моделей, используемых в процессе создания неологизмов, облегчает передачу смысла, заложенного в них автором.

Ключевые слова: авторский неологизм, фэнтези, словообразовательные модели, способы перевода.

Summary. The study is aimed to determine the peculiarities of the author's neologisms word-formation models in the fantasy novel «Fire and Blood» by J. R. R. Martin. During the study the complex analysis of possible ways of new lexical units translation has been carried out, and the frequency of a particular translation technique usage has been established. The analysis of the neologisms word-formation models facilitates the transference of the meaning given to them by the author.

Key words: author's neologism, fantasy, word-formation models, methods of translation.

Роман Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь», приквел саги «Песнь Льда и Пламени», написан в жанре эпического фэнтези. Он был опубликован в 2018 году и переведен на русский язык Натальей Исааковной Виленской. Авторские неологизмы наделяют данное произведение эмоциональной экспрессивностью, выразительностью и придают ему художественную уникальность. Особая яркость и богатство авторских новообразований представляет несомненный интерес для лингвистического исследования. Отметим, что для перевода авторского неологизма необходимо проделать целый ряд мыслительных операций и в первую очередь – проанализировать его структуру и установить способ образования. Важность понимания словообразовательной модели авторских неологизмов в процессе перевода выражается в том, что «зачастую неологизмы с одинаковыми словообразовательными морфемами переводятся аналогичным образом» [4, с. 257].

Целью исследования является выявление особенностей словообразовательных моделей авторских неологизмов в романе «Пламя и

¹⁷ Научный руководитель: д. филол.н., доцент М. В. Норец

кровь» и способов их перевода на русский язык. Данная цель обусловила постановку следующих задач:

- 1) проанализировать структуру авторского неологизма и определить способ его образования;
- 2) изучить контекст, в котором он встречается, найти примеры его употребления в других частях произведения;
- 3) проанализировать уже существующие и возможные варианты перевода.

Актуальность данной работы обусловлена высокой популярностью романов-фэнтези и трудностью их перевода, связанной с постоянным изменением языка литературы этого жанра.

Под авторским неологизмом мы понимаем слово, созданное писателем (поэтом, публицистом) для обозначения новых или выдуманных реалий, явлений действительности, предметов или понятий. В ходе анализа теоретического материала удалось установить, что они образуются по уже существующим или потенциально возможным в языке моделям [1; 2; 4; 5; 6]. Слова, присутствующие только в одном произведении и являющиеся специально для него созданными, могут быть легко воспринимаемыми, понятными и не восприниматься читателем как новообразования.

Называя новые понятия и явления (или заменяя уже существующие в языке слова), лексические единицы могут претерпевать различные трансформации: «приобретать краткую форму, подвергаться метонимизации и метафоризации, заимствоваться полностью или частично из иных языков, отражать стремление своего создателя к индивидуализации и оригинальности (например, в создании окказионализмов), являться базой для дальнейшей деривации» [1, с. 108]. Следует различать единицы трех статусов: морфологические, лексические (словообразовательные или заимствованные), семантические.

Весь языковой материал, отобранный в рамках исследования методом сплошной выборки, можно разделить по способу образования на несколько групп (рис.1) [3; 7]:

- 1) слова, созданные не по правилам словообразования – 1%;
- 2) образованные по продуктивным словообразовательным моделям – 3%;
- 3) образованные путем аффиксальной деривации – 1%;
- 4) образованные путем словосложения – 14%;
- 5) образованные путем семантической деривации (переосмысления) – 7%;
- 6) авторские неологизмы-словосочетания, атрибутивные словосочетания – 72%;
- 7) создание устойчивых выражений – 2%.

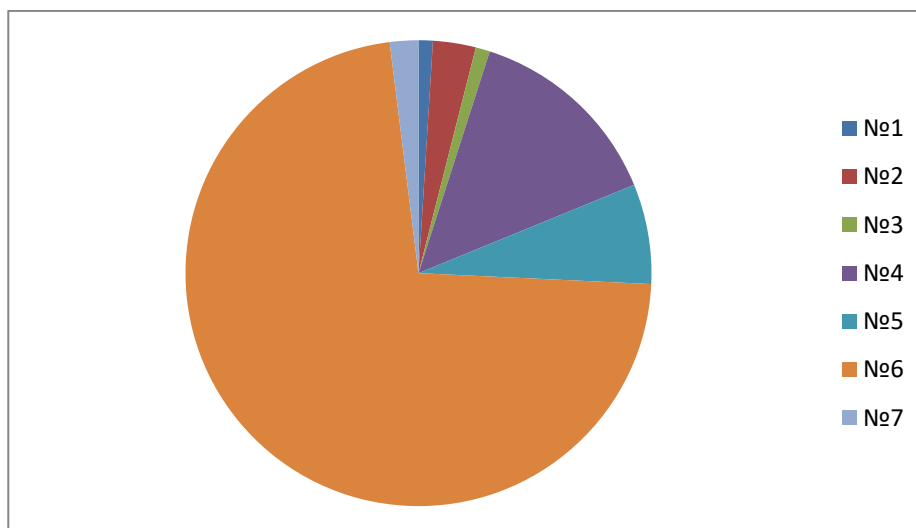

Рисунок 1. Способы образования авторских неологизмов в романе Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь» Отметим также, что автор иногда использует слова, взятые из древних языков, приведем несколько примеров:

1. *Yronwood* (сущ *Old English* + сущ) – Айронвуд – при переводе используем транскрипцию;
2. *Fawnton* (сущ + сущ *Old English*) – Фаунтон – при переводе используем транскрипцию;
3. *Orkmont* (сущ + сущ **Old French**) – Оркмонт – при переводе используем транслитерацию;
4. *Volantis* (*лат.*) – Волантис – при переводе используем транслитерацию;
5. *the Triarchy* (*лат.*) – Триархия – при переводе используем прием адаптивного транскодирования.

Следует отметить, что для перевода авторских неологизмов, образованных с помощью аффиксальной деривации, чаще всего используется прием адаптивного транскодирования. Переводчик обращает внимание на то, что именно обозначено авторским неологизмом (название народа, географические реалии и т.д.), затем анализирует способ образования новой лексической единицы, ее структуру и подбирает в языке перевода соответствующие средства выражения, например: *Westerosi* – вестеросцы; *Dornish* – дорнийский / дорнский; *the Targaryens* – Таргариены.

Наиболее продуктивными моделями образования авторских неологизмов, созданных по принципу словосложения, являются:

- существительное + существительное (55%), например:
The Boneway (сущ + сущ) – Костяной Путь (прил + сущ) – калькирование;
- Nightsong* (сущ + сущ) – Ночная Песнь (прил + сущ) – калькирование;
- Mistwood* (сущ + сущ) – Туманный Лес (прил + сущ) – калькирование;
- прилагательное + существительное (31%), например:
The Hightower (прил + сущ) – Хайтауэр – транскрипция;

Greenblood (прил + сущ) – Зеленая Кровь – калькирование;
Goldengrove (прил + сущ) – Золотая Роща (прил + сущ) – калькирование;

- другие, менее продуктивные модели:

объединение нескольких слов с помощью дефиса, например:

master-at-arms – мастер над оружием – калькирование;

Asshai-by-the-Shadow – Асшай у Края Теней – калькирование;

глагол + существительное, например:

turncloaks – перебежчик / предатель;

watchmen – Братья Дозора.

Как показывает языковой материал, для перевода авторских реалий-неологизмов из романа «Пламя и кровь» чаще всего используется прием калькирования, но из-за особенностей русского языка в большинстве случаев одно сложное слово переводится словосочетанием. То есть, в английском сложном слове необходимо выделить главный элемент и проанализировать его связь со вторым компонентом, который зачастую дает ему характеристику:

Spiderwood (сущ + сущ) – Паучий Лес (прил + сущ) – калькирование;

Snowgate (сущ + сущ) – Снежные врата (прил + сущ) – калькирование;

The Dragonkeepers (сущ + сущ) – смотрители драконов (сущ + сущ) – калькирование.

Такой подход используется и для передачи авторских реалий, представляющих собой словосочетания:

The doctrines of the Faith – Доктрина веры;

Century of Blood – Кровавый век;

Giant of the Trident – Великан с Трезубца.

Таким образом, можно сделать вывод, что переводчику следует обращать внимание на словообразовательные модели, используемые автором при номинации вымышленных реалий, для передачи их структурно-содержательных особенностей на языке перевода. Важным является не только применение того или иного способа перевода авторских неологизмов, но и верная передача концепций мира, созданного и описанного автором в произведении. Не допускается искажение смысла, вложенного писателем в созданный им неологизм.

Список использованных источников

1. Абросимова Л. С. Деривационные механизмы как языковое отражение основных когнитивных процессов языковой личности: к постановке проблемы // Вестник Пятигорского гос. лингвист. ун-та. – 2009. – № 4. – С. 121–125.
2. Бугрышева Е. С. Особенности образования ономастических реалий-неологизмов в контексте медийного (TV дискурса) (на материале английского, французского и русского языков): автореферат дис. ... кандидата филол. наук. Мытищи, 2003. – 23 с.
3. Мартин Дж. Р. Р. Пламя и кровь. М.: AST Publishers. – 2019. – 279 с.
4. Мялик К. И. Способы образования и перевод неологизмов с английского на

русский язык (на материале общественно-политических текстов) // Актуальные проблемы гуманитарного образования: Материалы IV международной научно-практической конференции, Минск, 19–20 октября 2017 года. Минск: Издательский центр БГУ. – 2017. – С. 256–260.

5. Несветанло Ю. Н. Неологизмы и окказионализмы как конститuentы лексического макрополя современного английского языка: системный и словообразовательный аспект): автореферат дис. ... кандидата филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. – 18 с.

6. Юнусова Б. С. Авторские неологизмы в языке современной литературы // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: Русская филология. – 2010. – №1. – С. 132–135.

7. Martin George R. R. Fire and Blood. New York: Bantam Books, 2018. – 789 p.

8. Норец М.В., Сёмченко Р.А. Авторские неологизмы в художественном тексте: способы образования и особенности перевода (на примере произведения Чака Паланика "Колыбельная") // В сборнике: Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 420-424.

9. Рейнова А. В., Норец М. В. Перевод авторских неологизмов в романе Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь» // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VII международной научно-практической конференции, Симферополь, 27-28 апреля 2023 г. – С. 296-301.

10. Кисель А. В. Неологизмы как маркеры актуальных проблем молодежи (на материале молодежных печатных изданий Великобритании и США) // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ялта - Симферополь, 04–05 мая 2017 г. – С. 433-438.

11. Кислицына Н. Н. Особенности перевода неологизмов в экономических текстах: лингвокогнитивный аспект // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 223. – С. 124-126.

УДК 821.111

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА ГРЭМА ГРИНА «НАЁМНЫЙ УБИЙЦА»

З. А-Г. Сафарова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации КИПУ имени Февзи Якубова, Симферополь

Э. А. Аметова,

обучающаяся магистратуры кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации КИПУ имени Февзи Якубова, Симферополь

Аннотация. Данная статья представляет собой анализ литературного произведения, являющегося ключевым в творчестве известного английского писателя. Исследование включает в себя анализ контекста, в котором был создан роман, структуры и композиции произведения, художественных приемов и стиля писателя. Также подробно рассматриваются темы и символика, а критический взгляд позволяет оценить влияние произведения на литературное сообщество.

Ключевые слова: английская литература, роман, психологизм, нравственная дуальность.

Summary. This article is an in-depth analysis of a literary work that is key in the work of a famous English writer. The study includes an analysis of the context in which the novel

was created, the structure and composition of the work, artistic techniques and style of the writer. The themes and symbolism are also discussed in detail, and a critical look allows you to assess the impact of the work on the literary community.

Keywords: English literature, novel, psychologism, moral duality.

Грэм Грин (1904-1991) – выдающийся британский писатель и драматург XX века, чей литературный вклад оказал значительное влияние на мировую литературу. Родившийся в Беркхемптоне, Грин начал свою литературную карьеру в ранней юности, писал рецензии и рассказы. Он стал известным благодаря своему умению сочетать глубокую психологическую проницательность с ярким литературным стилем.

Грин часто обращался к моральным и этическим дилеммам в своих произведениях, размышляя о человеческой природе и существующих в обществе социальных проблемах. Его творчество богато и разнообразно, охватывая романы, рассказы, пьесы и сценарии. Среди его наиболее известных произведений – «Тихий американец», «Могучий Африканец», «Сердце дела», и, конечно же, «Наемный убийца».

«Наемный убийца» (1936) – одно из ключевых произведений Грэма Грина и, безусловно, занимает важное место в его литературном наследии. Этот роман выделяется своей яркой драматургией и остротой социального комментария. Обоснование выбора данного романа для научного анализа включает несколько ключевых аспектов:

1. **Глубина психологического анализа персонажей:** «Наемный убийца» предоставляет читателям уникальную возможность проникнуть в глубину души своих персонажей, каждый из которых несет на себе тяжкое бремя моральных и этических конфликтов.

2. **Актуальность тем:** Темы, поднимаемые в романе, остаются актуальными и сегодня. Вопросы о вере, предательстве, морали, идентичности и смысле жизни вписываются в широкий контекст человеческой сущности.

3. **Литературный стиль и художественные приемы:** Роман отличается выразительным стилем и использованием художественных приемов, что делает его привлекательным объектом для литературного анализа.

4. **Влияние на общественное мнение:** «Наемный убийца» вызвал широкий резонанс и стал предметом многочисленных дискуссий. Анализ этого произведения способен расширить наше понимание воздействия литературы на общественные взгляды и ценности.

Таким образом, выбор «Наемного убийцы» обусловлен его литературной значимостью, богатством тем и символики, а также его способностью вызывать глубокие рефлексии о человеческой природе и обществе.

Для полного понимания «Наемного убийцы» важно учитывать исторический и социокультурный контекст эпохи, в которой творил Грэм Грин, а также особенности его личного опыта, повлиявшего на формирование

сюжета и характеров в произведении. Писатель стал свидетелем и участником нескольких ключевых исторических периодов, оказавших сильное воздействие на его творчество.

Первая половина XX века была временем глобальных перемен и социокультурных трансформаций. Период между двумя мировыми войнами и СМИ, открывшие новые горизонты информационной доступности, сформировали контекст, в котором творил Грэм Грин. Он был свидетелем роста политического экстремизма, экономического кризиса и обострения социальных противоречий.

Эти события и тенденции не могли не отразиться в его литературных произведениях. Роман «Наемный убийца» (1936) создан в период, когда нарастал фашизм, и автор смотрел на изменяющийся мир с критической озабоченностью.

В условиях продолжающегося распространения капитализма и фашизма роман «Наемный убийца» демонстрирует как несостоятельность «традиционных иерархий, так и социальную и политическую коррупцию, которую порождает капитализм» [2, с.133].

Особенности биографии Грэма Грина влияли на формирование его литературного наследия. Он сам служил в разведке во время Второй мировой войны, и его опыт влиял на темы и образы, которые он внедрял в свои произведения. Его собственные внутренние конфликты, связанные с религиозной верой и моральными дилеммами, также находили отражение в его текстах.

В контексте «Наемного убийцы», личный опыт Грина, как и участие в разведывательной деятельности, возможно, сказался на создании персонажей, насыщенных внутренними противоречиями, и на формировании темы моральной ответственности. Также можно предположить, что его личные наблюдения за политическими событиями и общественной динамикой нашли отражение в характере сюжета и образах в романе.

Грэм Грин предоставил выход своим читателям, у которых было «стремление к творческому бегству» от трудностей и воспоминаний, которые преследовали их жизнь после войны [2].

Роман «Наемный убийца» характеризуется тщательно продуманной структурой и композицией, которые помогают подчеркнуть глубокие темы произведения и создать напряженную атмосферу. Нами были выделены следующие основные элементы структуры и композиции этого произведения:

1. Восемь частей романа:

Роман разделен на восемь частей, каждая из которых представляет собой определенный этап в развитии сюжета. Это дополнительно упорядочивает события и создает структурную целостность.

2. Использование персонажей и их перспектив:

Каждая часть романа предоставляет читателю возможность видеть

события через разные перспективы различных персонажей. Это добавляет глубину и сложность сюжета, а также позволяет читателю лучше понять мотивации и внутренние конфликты героев.

3. Сюжетные линии и их переплетение:

В романе существует несколько параллельных сюжетных линий, таких как интрига вокруг Лоуена и Рэйвена (в русской локализации – Ворона), история об Альберте и другие. Они переплетаются, создавая сложное полотно сюжета и дополняя друг друга.

4. Возвраты в прошлое:

Автор использовал возвраты в прошлое через воспоминания персонажей, чтобы дополнительно раскрыть их характеры и объяснить их моральные выборы. Этот элемент вносит глубину и сложность в структуру романа.

5. Флэшбеки и монологи:

Внутренние монологи главного героя, такие как моменты, когда он вспоминает свое детство или размышляет о прошлых событиях, создают необходимый психологический контекст и придают произведению личностную основу.

6. Временная линия и хронология:

События в романе не всегда расположены в хронологическом порядке, что добавляет загадочности и дополнительной драматической интенсивности. Автор использует этот прием для создания эффекта неожиданности и сохранения интереса читателя.

7. Кульминационные моменты и разрешение:

Роман достигает кульминации в ключевых моментах, таких как схватка на крыше здания или разгадка тайны преследования. Разрешение сюжета происходит последовательно, принося читателю понимание и завершение различных сюжетных линий.

Общая структура и композиция романа «Наемный убийца» Грэма Грина не только служат эффективному рассказу о приключениях и интригах, но и создают пластическую картину человеческих судеб, моральных дилемм и внутренних терзаний.

Выполнив литературный анализ романа «Наемный убийца», нам удалось выделить следующие художественные особенности стиля и языка произведения:

- *Экспрессивность языка:*

Грэм Грин славится своим выразительным и ярким стилем. В «Наемном убийце» он использует множество литературных приемов, чтобы создать насыщенный художественный образ. Язык романа богат метафорами, аналогиями и эмоционально окрашенными описаниями. Примером может служить описание темного ангела, который часто встречается в тексте и символизирует моральные трудности и внутренние душевные борьбы персонажей.

- *Многоплановость персонажей:*

Одной из характерных черт стиля Грина является глубокое проникновение в психологию персонажей. В «Наемном убийце» он создает многогранных героев, у каждого из которых свой внутренний мир и моральные дилеммы. Читатель сталкивается с внутренней борьбой главного героя, его сомнениями и попытками разрешить моральные амбивалентности своего положения.

- *Стилизация диалогов:*

Грин мастерски стилизует диалоги своих персонажей, придавая им особенный характер. Разговоры становятся не только средством передачи информации, но и способом выражения характеров и отношений между персонажами. Яркий пример – диалоги между главным героем и Шрейдером, которые обогащают сюжет и придают атмосферу таинственности.

- *Символика и образы:*

Символика в романе служит ключевым средством передачи скрытых значений и тем. Темный ангел, маски, дымка — все эти образы приобретают глубокий символический смысл, раскрывая читателю дополнительные аспекты произведения. Грин сознательно использует метафоры и образы, чтобы передать сложность своих героев и тему нравственной дуальности.

Мелкие детали в романе также ярко отражают тревоги читателей Грина. Разговор между Энн и Мэзером в начале повествования показывает страхи людей перед новой войной и их попытки избежать угрозы: «Войны не будет» – «Последняя началась с убийства» [3, с. 5]. Люди в этом обществе все ещё оправляются от последствий Великой войны и прекрасно осознают, что любая вещь может спровоцировать другую. Повторяющийся символ глобусов в повествовании «тихо, но намеренно» вызывает постапокалиптический мир, подготавливая нас к «последствиям действий Рэйвена» [4]. Раздача противогазов населению, опасавшемуся газовых атак, объявления о войне в газетах, последствия для бедных и чувство полной беспомощности по мере того, как возможность войны становится все более реальной, – все это присутствует в повествовании Грина.

- *Литературные отсылки и цитаты:*

Автор внедряет в роман литературные отсылки и цитаты, что добавляет глубину тексту и утонченность его стиля. Эти отсылки могут быть как явными, так и скрытыми, и раскрывают культурные и литературные корни произведения.

- *Драматическая напряженность и сюжетные ходы:*

Характерный для Грина напористый стиль поддерживает драматическую напряженность произведения. Перемещения в сюжете, неожиданные повороты и глубокие моральные дилеммы удерживают внимание читателя с начала до конца. Автор с легкостью манипулирует напряжением, создавая атмосферу загадки и интриги.

Итак, стиль и язык в «Наемном убийце» Грэма Грина выделяются своей выразительностью, глубиной психологии персонажей и мастерством в использовании литературных средств для передачи сложных идей и тем.

Среди тем, поднятых в данном романе, особое внимание следует уделить проблеме **нравственной дуальности**. Примером внутренней борьбы может служить сцена, в которой главный герой оказывается перед моральным выбором – убить человека, стоящего на пути его цели, или сохранить свои нравственные принципы. Перед этим моментом он стремится избежать конфликта и насилия, но обстоятельства вынуждают его принять участие в жестоком действии. В этот момент проявляется внутренняя дуальность героя: его намерения, основанные на моральных убеждениях, сталкиваются с реальностью жестокого мира, где выживание требует жертв.

На нравственную дуальность Рэйвена также указывает факт того, что «будучи профессиональным убийцей, он в то же время считает низким воровать» [1].

Из этой темы вытекает следующая – **ценность человеческой жизни** в условиях политических интриг и противостояния. Персонажи вынуждены сталкиваться с решениями, где ставится на кон цена человеческой жизни ради высших целей. Один из ярких примеров такого момента – сцена, в которой сталкиваются интересы героя и его моральные убеждения.

В романе, через отношения главного героя с Катарин, тема **жертвенности** приобретает глубокий социальный и политический контекст. Жертвенность, проявляющаяся в этих отношениях, может быть трактована как символическое отражение сложностей и трудностей, с которыми сталкиваются общество и индивиды в условиях социальных и политических изменений.

Сложности в отношениях героя и Катарин могут представлять собой отражение более широких общественных и политических проблем. Например, противостояние интересов, возникающее между персонажами, может символизировать конфликты, присущие обществу в условиях политических изменений или социальных перемещений. Таким образом, персональные сложности в отношениях героя и Катарин становятся зеркалом более глубоких вызовов, стоящих перед обществом.

Такое взаимодействие между индивидуальным и коллективным уровнями позволяет роману раскрывать не только внутренние переживания персонажей, но и их отношение к сложным явлениям, присущим социуму и политической реальности.

Анализ символов и их роли в повествовании.

1. *Темный ангел.* Символ темного ангела пронизывает роман, представляя собой внутренние борьбы и моральные трудности героев. Этот образ обозначает темные стороны человеческой природы и таинственность происходящих событий.

2. *Маска* служит символом скрытности и маскировки, как в

физическом, так и в метафорическом смысле. Она выражает тему скрытности, ложных представлений и неясности истинных намерений персонажей.

3. *Дымка*. Образ дымки привносит элемент загадки и неопределенности в роман. Эта символика отражает сложность окружающего мира, в котором герои пытаются разгадать тайны и раскрывать истину.

4. *Мост* как символ является связующим элементом, обозначающим переход от одного состояния к другому. Мост становится метафорой перехода главного героя через моральные и эмоциональные барьеры.

5. *Тени и свет*. Игра света и тени в романе создает атмосферу таинственности и подчеркивает дуальность моральных выборов персонажей. Этот символизм раскрывает сложность и двусмысленность событий.

Исследование тем и символов в «Наемном убийце» Грэма Грина позволяет читателю глубже понять глубинные слои произведения и осмыслить его богатство содержания. Темы моральной дуальности, цены человеческой жизни и жертвенности, а также символы, используемые автором, делают роман насыщенным и умозрительным литературным произведением.

Вывод. Роман «Наемный убийца» Грэма Грина представляет собой литературное произведение, насыщенное глубоким содержанием и художественными особенностями. Анализируя стиль и язык автора, мы обнаружили, что выразительность и многоплановость персонажей создают уникальную атмосферу напряжения и интриги. Грин искусно использует стилизацию диалогов, литературные отсылки и символику, что обогащает повествование и углубляет понимание произведения.

В контексте творчества Грина выявлено влияние исторического и социокультурного фона на роман. Автор активно использует свой личный опыт и профессиональные навыки в журналистике, чтобы создать реалистичные сцены и персонажей.

Исследование тем и символов выявило глубокие слои произведения. Темы моральной дуальности, ценности человеческой жизни, жертвенности и любви являются краеугольными камнями, формирующими сложную и многогранную структуру романа. Символика, такая как темный ангел, маска, дымка, мост и игра света и тени, добавляет глубину и символический смысл произведению.

Таким образом, «Наемный убийца» предстает перед читателем как произведение, которое не только отражает творческий почерк Грэма Грина, но и отражает глубокий взгляд на сложные аспекты человеческой природы и общества.

Список использованных источников

1. Кальницкая В. Б. Нравственно-этическая проблематика «Развлекательных»

историй Грэма Грина // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций*. – 2010. – №2. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvenno-eticheskaya-problematika-ravzlekatelnyh-istoriy-grema-grina](https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvenno-eticheskaya-problematika-razvlekatelnyh-istoriy-grema-grina) (дата обращения: 15.11.2023).

2. Норец М. В. Рефлексия исторического фона в шпионских романах Грэма Грина // *Культура народов Причерноморья – Филологические науки: [научный журнал]* – Симферополь. – № 265. – 2013. – С. 185-186.

3. Соина А. С., Норец М. В. Роль эпистемологического сравнения в романе Грэма Грина «Our man in Havana» // *Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы I научно-практической конференции, 27-29 апреля 2017 года, г. Симферополь*. – С. 401-406.

4. Diemert B. (1996). *Graham Greene's Thrillers and the 1930s*. Canada: McGill-Queen's University Press.

5. Greene G. A Gun for Sale// <http://www.fantasticfiction.co.Uk/g/ graham-greene/gun-for-sale>.

6. Macfarlane R. Introduction to A Gun for Sale. Retrieved from <https://jiescribano.wordpress.com/2014/11/12/review-a-gun-for-sale-1936-by-graham-greene/>.

УДК 81`42

СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ ХЕДЖИНГОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ С РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ ПО ЭКОНОМИКЕ)

Б. В. Светайлов,

переводчик, ООО «ЦТД «Энергомера», Ставрополь

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу эквивалентного перевода хеджинговых средств в научных статьях экономической тематики с английского, французского и турецкого языков на русский. Выявлены и охарактеризованы релевантные способы достижения эквивалентности при передаче хеджинговых конструкций в данном типе текстов с учётом их прагматической специфики. Проанализированы различия в способах перевода хеджей с разноструктурных языков на русский и особенности их имплементации.

Ключевые слова: научная статья, перевод, хедж, хеджинговая конструкция, хеджирование, экономика, эквивалентность.

Summary. This article is devoted to the issue of equivalent translation of hedging means from English, French and Turkish into Russian in scientific articles on economic topics. The relevant ways of achieving equivalence in the hedging constructions' translation in this type of texts are identified and characterized, taking into account their pragmatic specificity. The differences in the methods of translating hedges from differently structured languages into Russian and the features of their implementation are analyzed.

Key words: scientific article, translation, hedge, hedging construction, hedging, economics, equivalence.

Научная статья по экономике является ключевым элементом научной коммуникации. В рамках международного научного общения большое значение имеет обмен информацией о результатах исследования между учёными, однако наличие языкового барьера может стать препятствием к её распространению. Данный фактор актуализирует важность корректного

перевода научных статей с целью грамотной и точной передачи содержащейся в них информации, в том числе таких её риторических приёмов, как хеджирование, и изучения способов достижения эквивалентности при их передаче с иностранного языка на русский.

Хеджирование выполняет ряд важных функций в научных статьях по экономике. А. И. Милостивая и Б. В. Светайлов в своём исследовании определяют его в качестве коммуникативного приёма, при помощи которого осуществляется «репрезентация «Я» исследователя в тексте, снижение категоричности выдвигаемых пропозиций и «размытие» семантики высказывания [3, с. 136]. Е. Ю. Дубинина подчёркивает, что использование хеджей в научных статьях способствует большей степени их объективности и позволяет автору не только сообщить определённую информацию, но также «занять некатегоричную позицию», что способствует уменьшению ответственности за приводимые данные [2, с. 3255].

В аспекте перевода хеджей большое значение имеет достижение высокой степени эквивалентности для сохранения их прагматического потенциала. В нашей работе мы придерживаемся определения эквивалентности, предложенного В. С. Виноградовым, по мнению которого переводческая эквивалентность предполагает передачу в неизменном виде «содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации», которая содержится в текстах оригинала и перевода. Кроме того, автор подчёркивает важность достижения «общности понимания» с учётом того, как переводимый текст воздействует как на разум, так и на чувства адресата [1, с. 18–19], что, на наш взгляд, тесно связано с необходимостью сохранения того влияния, которое хеджинговые средства оказывают на реципиента в рамках научной статьи.

При анализе способов достижения эквивалентности при переводе хеджинговых средств мы придерживались классификации Я. И. Рецкера. Теория закономерных соответствий, предложенная исследователем, предполагает такие способы перевода, как использование эквивалента, подбор вариантного соответствия [4, с. 12–15], а также различные трансформации. К числу лексических трансформаций автор относит дифференциацию, конкретизацию, генерализацию, смысловое развитие, целостное преобразование, компенсацию, антонимический перевод [4, с. 41–58]. Кроме того, исследователь выделяет в своей работе и грамматические трансформации, например, такие как грамматические замены, перестановки, добавления и опущения слов [4, с. 59].

Анализ перевода хеджей с разноструктурных языков на русский демонстрирует вариативность средств достижения эквивалентности. Проиллюстрируем на следующих примерах способы перевода хеджей с английского, французского и турецкого языков на русский:

Eğer katalaksiler duyularla hareket edilerek baskılanır veya engellenirse,

büyük bir olasılıkla toplumsal dengenin bozulması söz konusu olacaktır [6, p. 140]. – Если каталлаксию подавить или предотвратить, воздействуя через органы чувств, то, скорее всего, социальное равновесие будет нарушено. Хеджинговая конструкция büyük bir olasılıkla имеет словарное соответствие скорее всего, благодаря чему возможен её перевод с турецкого языка на русский при помощи устоявшегося эквивалента. Тем самым удаётся сохранить предположительный характер данного предложения.

Значительно чаще при переводе применяется подбор вариантного соответствия:

Alors que la théorie traditionnelle soutient que les négociations salariales aboutissent à la fixation du salaire réel, il est vraisemblable qu'elles portent en fait sur le salaire monétaire [8, p. 11]. – Хотя традиционная теория утверждает, что переговоры по поводу заработной платы приводят к установлению её реального уровня, на самом деле они, возможно, касаются денежной заработной платы. Французское прилагательное vraisemblable имеет в русском языке такие варианты перевода, как возможный, вероятный, правдоподобный. В данном случае при переводе хеджинговой конструкции il est vraisemblable был выбран первый вариант перевода как наиболее соответствующий нормам русскоязычного научного текста. Кроме того, был осуществлён ряд грамматических трансформаций, таких как замена части сложного предложения il est vraisemblable наречием возможно, представляющим собой в тексте перевода вводное слово, и его перестановка в середину заключительной части сложного предложения.

В некоторых случаях для достижения высокого уровня эквивалентности при переводе необходимо использование лексических трансформаций, например:

While we may be hesitant to compare early industrial England and Wales to the modern world, there are continental European examples in this historical period where centralized infrastructure policy significantly affected the timing and spatial distribution of transport developments [9, p. 45]. – Хотя мы, возможно, не уверены в обоснованности сравнения ранней промышленной Англии и Уэльса с современным миром, в этом историческом периоде существуют примеры стран континентальной Европы, демонстрирующие, как централизованная политика, направленная на развитие инфраструктуры, оказала существенное влияние на сроки и распространение транспортных разработок. В данном примере хеджинговая конструкция we may be hesitant to compare, выражающая сомнение автора и его неуверенность относительно возможности сравнения особенностей развития ранней промышленной Англии и Уэльса с современными странами, переведена при помощи трансформации смыслового развития на основе причинно-следственной связи. Тот факт, что авторы не считают достаточно обоснованным описываемое ими сравнение, является причиной того, что они проявляют определённую неуверенность относительно него. Применение данной трансформации позволяет достичь эквивалентности и

передать семантику сомнения, содержащуюся в приведённом примере.

Il n'est donc pas déraisonnable de penser que les évolutions de prix seront identiques pour les stations proches <...> [5, p. 1097]. – Поэтому вполне разумно полагать, что изменения цен будут одинаковыми для близко расположенных станций <...>. В данном примере автор при помощи хеджинговой конструкции *il n'est donc pas déraisonnable de penser* демонстрирует собственную позицию по анализируемому вопросу в некатегоричной форме. Для эквивалентной передачи этой конструкции была осуществлена трансформация антонимического перевода: главная часть сложноподчинённого предложения с глаголом-связкой *être* в отрицательной форме передана предложением в утвердительной форме в русском языке с заменой прилагательного *déraisonnable* антонимом *разумно*. Кроме того, при передаче данной конструкции было добавлено наречие *вполне*, что также способствует снижению категоричности выдвигаемой пропозиции.

Использование грамматических трансформаций зачастую мотивировано различной структурой исходного и переводящего языков. Наиболее ярко это проявляется при переводе хеджей с турецкого языка на русский:

Bu tanımlardan hareketle davranışsal iktisadın esas gayesinin hâkim iktisat teorisinin yerini almaktan öte teoriyi daha açıklayıcı ve gerçekçi hale getirmek olduğu söylenebilmektedir [7, p. 242]. – Основываясь на этих определениях, можно сделать вывод, что основная цель поведенческой экономики заключается в том, чтобы сделать преобладающую экономическую теорию более описательной и реалистичной, а не заменить её. Глагол *söylemek*, содержащийся в данном примере, переведён при помощи конкретизации как *сделать вывод*, что позволяет более точно передать характер приведения информации на основании ранее представленных и проанализированных данных. Семантика, заложенная в аффиксе формы возможности – *abil*, передана в русском языке через глагол *можно*. Такого рода трансформация является типичной при переводе на русский язык с турецкого ввиду его агглютинативности. Различием в особенностях построения предложения в каждом из языков обосновывается также применение грамматической трансформации перестановки хеджа с конца предложения в его первую часть после вводной конструкции *bu tanımlardan hareketle*.

Таким образом, перевод хеджей, содержащихся в научных статьях по экономике, с английского, французского и турецкого языков на русский требует применения различных способов их передачи, в том числе трансформаций лексического и грамматического характера, с целью достижения высокой степени эквивалентности и сохранения их прагматического потенциала. В ходе проведённого анализа было выявлено, что при переводе хеджей преобладают такие способы, как: подбор вариантного соответствия (55 %), перестановки (25 %), грамматические замены (17 %), использование эквивалента (12 %) при переводе с

английского языка; подбор вариантного соответствия (57 %), перестановки (23 %), грамматические замены (15 %), использование эквивалента (14 %) при переводе с французского языка; подбор вариантного соответствия (68 %), перестановки (72 %), грамматические замены (47 %), использование эквивалента (8 %) при переводе с турецкого языка. Значительное преобладание доли грамматических трансформаций и более низкая доля случаев использования устоявшегося эквивалента при переводе с турецкого на русский по сравнению с переводом хеджей с французского и английского языков можно объяснить значительными различиями с точки зрения грамматического строя и лексического состава турецкого языка относительно русского, английского и французского.

Значительно реже при переводе хеджей употребляются такие способы, как добавление, опущение, генерализация, конкретизация, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование. В свою очередь, не находят отражения при передаче хеджинговых средств дифференциация и компенсация. Причиной этого можно считать тот фактор, что хеджи представляют собой, как правило, отдельные лексемы или короткие словосочетания, включающие в себя слова с абстрактной семантикой и характеризующиеся отсутствием экспрессивной окраски, а также не относящиеся к группе безэквивалентной лексики, в связи с чем данные способы перевода оказываются нерелевантными.

Список использованных источников

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Дубинина Е. Ю. Количественный анализ распределения средств хеджинга в разделах научной статьи (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 10. – С. 3255–3261.
3. Милостивая А. И., Светайлов Б. В. Лингвистические особенности англоязычной научной статьи по экономике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 133–139.
4. Рецкер Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык. М.: Просвещение, 1982. – 159 с.
5. Chamayou É. Changement d'Enseigne sur le Marché Français des Carburants: Effets sur la Concurrence Locale d'une Baisse des Prix // Revue économique. – 2016. – № 5 (67). – P. 1085–1105.
6. Güder M. Devlet, Piyasa ve Toplum: Karl Polanyi ve Friedrich A. Hayek Üzerine Bir İnceleme / M. Güder, K. Atalay // İzmir İktisat Dergisi. – 2022. – № 37 (1). – S. 135–155.
7. Kılıç E. Kamu Politikalarında Davranışsal İktisadın Önemi: Dünya ve Türkiye'den Uygulama Örnekleri // Uluslararası Ekonomi, İşletme ve Politika Dergisi. – 2020. – № 4 (1). – S. 237–262.
8. Piluso N. L'hypothèse D'asymétrie entre Entrepreneurs et Salariés: Norme ou Exception dans L'histoire de L'analyse Économique? / N. Piluso, T. Ruellou // Interventions Économiques pour une Alternative Sociale. – 2021. – № 65. – P. 1–15.
9. Trew A. Endogenous Infrastructure Development and Spatial Takeoff in the First Industrial Revolution // American Economic Journal: Macroeconomics. – 2020. – № 12 (2). – P. 44–93.

УДК 811.112.22

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛЕМИКИ О
ЗАКРЫТИИ АЭС (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ СМИ)****С. В. Серебрякова,***доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики
перевода***Ю. С. Шуринов,***обучающийся специалитета, кафедра теории и практики перевода,
Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию полемики, приводимой аргументации, в немецких СМИ о закрытии атомных электростанций в Германии. Внимание уделено структуре статей, отношению их авторов к проблеме и анализу использованных лексических и языковых единиц.

Ключевые слова: полемика, дискуссия, СМИ, экономика, специальный перевод, энергетика.

Summary: This article examines the polemics and argumentation in German media regarding the closure of nuclear power plants in Germany. It analyses the structure of the articles, the authors' attitudes towards the issue, and the lexical and linguistic units used.

Key words: polemics, discussion, media, economics, special translation, energy.

Вопрос об источниках энергии стоит достаточно остро в современном мире. Во многих странах происходят постепенные изменения в этой области – в некоторых регионах начинают использоваться новые альтернативные технологии ради сокращения выбросов углекислого газа, в других же целями реформ являются снижение стоимости и увеличение количества потребителей. Иногда причины резких изменений в этой области могут быть политически мотивированы. За последние два года правительство Германии приняло несколько ключевых реформ в энергетике страны, среди которых – отказ от поставок газа из Российской Федерации в 2022 г. и закрытие атомных электростанций в стране в 2023 г. Основной целью процесса под названием *der Atomausstieg* (*поэтапный отказ от ядерной энергетики*) был переход к более экологичным и возобновляемым источникам энергии, однако на данный момент мощностей от подобных электростанций недостаточно, и в итоге в ФРГ выросло использование угля для отопления и выработки электроэнергии. Данные проблемы попали в фокус интереса журналистов различных немецких изданий, появилось большое количество статей полемического характера, что обусловило острую дискуссию в различных немецкоязычных СМИ, интерес к которой проявили и языковеды в аспекте осмысления новых, остро дискуссионных полемических статей.

Материалом для исследования и анализа послужили публикации в современной немецкой прессе, посвященные проблемам, связанным с закрытием атомных электростанций.

Под полемикой обычно понимается «вид коммуникации, происходящий в форме интеллектуального поединка, когда каждый из

участников аргументирует собственную позицию наряду с критикой и опровержением позиции соперника/оппонента» [1, с. 68].

Существуют иные определения полемики, которые позволяют подразделять её на виды в соответствии с различными критериями. Так, некоторые исследователи классифицируют её по наличию правил и ограничений в ней, выделяя регламентированную (в которой соблюдаются заранее установленные процессуальные правила и нормы) и хаотичную (характеризуемую тем, что подобные нормы и правила в ней не соблюдаются) [3, с. 92]. Н. В. Михалкин также в качестве видового критерия полемики использует присутствие или отсутствие взаимодействия сторон аудитории. Таким образом, выделяя полемику «публичную, характеризующуюся таким фактом, что полемика осуществляется в присутствии «третьих» лиц» и «кулуарную, характеризующуюся таким фактом, как отсутствие третьих лиц». Исследователь также подразделяет полемику в зависимости от типологии её темы и тезисов, отстаиваемых сторонами полемического взаимодействия, и, как следствие, от формы общественного сознания на следующие виды:

- 1) этическую;
- 2) эстетическую;
- 3) религиозную;
- 4) правовую;
- 5) политическую;
- 6) экономическую;
- 7) научную;
- 8) философскую [3, с. 93].

Дискуссия выступает при этом одним из видов полемики и определяется как «публичный спор, целью которого является выяснение и сопоставление различных точек зрения, поиск, выявление истинного мнения, нахождение правильного решения вопроса, проблемы» [4, с. 12], что предполагает использование различных аргументативных стратегий.

В текстах СМИ не всегда в полной мере эксплицированы и монологичная, и диалогичная стороны полемики, вторая может лишь подразумеваться. В таком случае присущий для подобных материалов текстовый цикл вида диалог-спор будет однокомпонентным [2, с. 77]. В ином же случае, при наличии в газетной статье обеих сторон или их мнений, цикл будет являться двухкомпонентным. Так, статья ««Die letzten Meiler gehen vom Netz»» на сайте немецкого телеканала «Tagesschau» содержит аргументы обеих сторон. Приводятся, например, слова председателя немецкой партии «Христианско-социальный союз» и премьер-министра Баварии Маркуса Зёдера, который выступал против закрытия АЭС, предвидя приближающийся энергетический кризис: «*Wir spüren diese große Energiekrise, wir brauchen jedes Fitzelchen Energie*». – «Мы ощущаем большой энергетический кризис, нам нужна каждая крупица энергии».

Далее приводится диаметрально противоположное мнение Рикарды

Ланг, председателя Партии «Зелёных», по оптимистичному мнению которой, *«der Ausstieg aus der Atomkraft zugleich für den Einstieg ins Zeitalter der erneuerbaren Energien»* – «отказ от атомной энергетики означает вступление в эпоху возобновляемых источников энергии». И *«Dass aktuell mehr Kohle verbraucht werde, liege nicht am Atomausstieg»* – «то, что в настоящее время потребляется больше угля, не связано с отказом от ядерной энергетики», а причиной этого служат внешнеполитические факторы. В качестве аргумента используется коммуникативная стратегия положительной оценки принятого Германией решения от имени Федерального министра охраны окружающей среды Штеффи Лемке, подкрепляемая цитатой из её интервью: *«Der Atomausstieg macht Deutschland sicherer»* – «Отказ от ядерной энергетики делает Германию более безопасной».

Таким образом, в данной статье присутствует полноценный диалог-конфликт с приведением аргументов от разных сторон, так что авторы публикации оставляют за читателем право выбора своего отношения к проблеме на основании полученных мнений и фактов.

Однако другие издания представляют отчетливую однозначную позицию. Так, в статье *«Was der Atomausstieg für Deutschland bedeutet»* на сайте телекомпании ZDF приводятся аргументы в пользу того, что отказ от ядерной энергии – это положительное событие в жизни Германии. Статья построена в формате вопрос-ответ, где одна реплика передаёт вопрос от гипотетического читателя, а следом за ней идёт аргументированное разъяснение. Так, сначала задаётся вопрос из одного предложения, например, *«Wie viel Strom produzieren die AWK noch»* – «Сколько электроэнергии по-прежнему вырабатывают АЭС?» (на момент выхода статьи, они всё ещё работали в Германии). Далее следует абзац с информацией о том, что на 2022 г., ядерная энергетика вырабатывала всего 6% процентов от всей электроэнергии в ФРГ. На протяжении всей статьи в данном убеждающе-аргументативном формате ведётся диалог с потенциальным читателем. Однако изложение, хотя и наполнено аргументами, апелляциями к статистике, цитатами, оно не требует от читателя углублённого погружения в тему.

Таким образом, в данной статье наблюдается стратегия однозначной положительной оценки этого решения, не явно эксплицированное воздействие на читателя, склонение его к принятию высказанной позиции, хотя здесь приводятся и минусы этого решения и упоминается, например, заявление Торгово-промышленной палаты Германии, которая выступила с резкой критикой отказа от атомной энергетики в связи с возможным ростом цен на электроэнергию, что негативно скажется на немецкой промышленности. Кроме того, указывается и на возможность дефицита электроэнергии. Однако, подобную подачу материала нельзя охарактеризовать в полной мере как репрезентацию диалога-конфликта, поскольку здесь аргументация противоположного авторам мнения занимает

всего два абзаца, за которыми следуют контраргументы в формате слов Федерального министра экономики Роберта Хабера о том, что страна имеет высокие показатели по заполнению газовых хранилищ, новым терминалам сжиженного природного газа и возобновляемым источникам энергии, что в итоге позволяет ему прийти к следующему выводу: «*Wir werden bis 2030 zu 80 Prozent Erneuerbare Energien haben*» – «к 2030 году мы будем иметь 80% возобновляемых источников энергии». В этом случае степень остроты противоречия можно оценить на уровне диалога-несогласия [2, с. 83], поскольку аргументация противоположной стороны не представлена в полной мере и не ведётся настолько активно.

Проведённый анализ показал, что статья от ZDF репрезентирует однозначную положительную оценку принятого правительством Германии решения о закрытии АЭС.

На сайте газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» была опубликована статья «Gut möglich, dass Deutschland wieder einsteigt» с иной точкой зрения. Заголовок в виде цитаты приглашённого эксперта «Gut möglich, dass Deutschland wieder einsteigt» – «Вполне возможно, что Германия вернётся обратно» даёт представление о взглядах автора. Статья построена частично в виде интервью с экономистом по проблемам климата Дитером Хельмом из Оксфордского университета, и вся его риторика сводится к тому, что Германия совершила ошибку. «*Es ist eine ideologische, falsche Entscheidung, das mitten in einer Energiekrise zu tun*» – «Делать это в разгар энергетического кризиса – идеологически неверное решение», – приводит издание слова эксперта. Специалист приводит аргументы в пользу того, что выросшее в итоге потребление угля для производства электроэнергии только повысило выбросы углекислого газа, а изменения в системе электроснабжения сделали её менее надёжной. Дитер Хельм предполагает, что в будущем ФРГ, возможно, придётся вновь запустить законсервированные ядерные реакторы, в случае если стране не удастся закрыть свои потребности в электроэнергии с помощью возобновляемых источников. В итоге автор и приглашённый эксперт доносят до реципиента однозначную позицию «против» в виде диалога-спора предполагаемым оппонентом.

В заключение отметим, что анализ трёх публицистических текстов разных популярных в Германии новостных изданий показал, что мнения в немецком обществе по вопросу консервации АЭС разделились. Многие сторонники новых экологически чистых технологий, используя стратегии положительной оценки и убедительной аргументации, поддерживают данное решение правительства. Крупные предприниматели и более погружённые в проблемы энергетики общественные деятели самостоятельно или в лице своих представителей в органах власти разных уровней выступают против этого решения, приводя свои контраргументы и отмечая отрицательные перспективы. Между тем стоит заметить, что все три издания уважительно относятся к оппонентам, приводят аргументы,

подкреплённые фактами в поддержку своей позиции. Это свидетельствует о достаточно гармоничной дискуссии в популярных в Германии средствах массовой информации.

Список использованных источников.

1. Брылина И. В., Панькова Н. М. Логика и навыки критического мышления: учебное пособие. Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2020. – 80 с.
2. Дускаева Л. Р. Выражение полемики в газетной публицистике // Лингвистика. – 2000. – №1. – С. 77–85.
3. Михалкин Н. В. Теория и практика аргументации и публичной полемики. – М.: МГППУ, 2021. – 146 с.
4. Родос В. Б. Теория и практика полемики. Томск: Изд-во Томск. Гос. Ун-та им. В. В. Куйбышева, 1989. – 55 с.
5. Tagesschau. Die letzten Meiler gehen vom Netz / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/inland/atomkraftwerke-stillegung-101.html> (дата обращения: 15.08.2023).
6. Oliver Klein. ZDF. Was der Atomausstieg für Deutschland bedeutet / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/atomausstieg-faq-100.html> (дата обращения: 16.08.2023).
7. Philip Plickert. Frankfurter Allgemeine Zeitung / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/atomausstieg-abschaltung-von-akws-laut-oxford-oekonom-ein-fehler-18823275.html> (дата обращения: 17.08.2023).

УДК 81'373

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ПОСЛОВИЦ И ИХ ПЕРЕВОДА ИЗ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО КУЛЬТУРНЫХ ФОНДОВ

Е. А. Сидельникова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода,

Е. В. Романенко,

обучающаяся специальности «Перевод и переводоведение»

Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Аннотация. В статье проведен лингвокультурологический анализ славянской, англо-саксонской и германской языковых картин мира через пословицы, содержащие концепт «конь». В работе определяется этимологическая разница фольклорного фонда, и дается его переводческий комментарий. Отмечается, что «конь» как концепт культуры более характерен для русского языка. Что касается английской и немецкой лингвокультур, то изучаемый образ используется в разных примерах фразеологических единиц в равном процентном соотношении (60 %). Из полученных результатов делается вывод, что на образное мышление людей, имеющих единую языковую картину мира, влияет широкий диапазон факторов, в том числе география и история. В транслатологическом плане, наблюдения показали, что русские пословицы имеют фразеологические эквиваленты, либо переданы на исследуемые языки методом фразеологического аналога, калькирования или описательным переводом.

Ключевые слова: культура, картина мира, концепт, пословица, аналог, эквивалент, дословный перевод.

Summary. The article investigates linguocultural analysis of Slavic, Anglo-Saxon and Germanic linguistic pictures of the world through proverbs containing the concept «horse». The paper determines the etymological difference of the folklore stock and gives its translation commentary. It is noted that «horse» as a cultural concept is more characteristic of the Russian language. As for English and German linguocultures, the studied image is used in different examples of phraseological units in equal percentage (60 %). From the results obtained it is concluded that the figurative thinking of people who have a common linguistic picture of the world is influenced by a wide range of factors, including geography and history. In translational terms, the observations showed that Russian proverbs have phraseological equivalents or have been transferred into the languages under study by the method of phraseological analogy, calque or descriptive translation.

Key words: culture, world picture, concept, proverb, analog, equivalent, literal translation.

Культура, согласно толковому словарю Ожегова С. И., представляет собой совокупность достижений человечества в производственном, общественном и духовном отношении [3]. Это емкое понятие, которое включает в себя многие аспекты жизни, затрагивает не только социальную, но также и эстетическую сторону каждой личности, оказывая особое влияние на формирование и ее многогранное развитие.

Культура России является важной частью ее нематериального наследия. На протяжении развития общества, она вбирала в себя традиции племен, некогда живших на территории Древней Руси, которые отражали особенности их географического расположения, историю, мировоззрение и влияние соседствующих народов, что с течением времени трансформировалось и дополнялось.

Безусловно, имена известных всему миру классиков литературы, музыки и живописи никогда не будут забыты, как и их творения, продолжающие жить, осмысляться и служить вдохновением для авторов последующих эпох. Но не одними конкретными фигурами полна культура, есть и столь важная ее составляющая, как народное творчество, что несет в себе мудрость предков, преимущественно, в устной форме. Развитие народного искусства происходило параллельно с самим языком. Совокупность этих факторов легла в основу культуры и языковой картины мира.

А что представляет собой картина мира? Выделяют языковую, культурную, ценностную и концептуальную. Определение может различаться, однако, каждая из представленных имеет тесные взаимоотношения с остальными, а соответственно и схожие черты.

Культурная картина мира (другими словами, понятийная) подразумевает под собой отражение реального мира, окружающего человека через призму понятий, которые были сформированы в процессе познания этого самого мира, вне зависимости от того, каким был опыт – коллективный или индивидуальный. Языковая картина мира – понятие, которое напрямую связано с культурой, находится в постоянном

взаимодействии с ней и использует ее как средство отражения реальности, а язык непосредственно подчиняет и формирует восприятие окружающего мира его носителями [1, с. 120].

При описании ценностной картины мира, важно отметить, что она в равной степени сочетает в себе общечеловеческие и специфические компоненты. Общечеловеческие, т.е. те, что разделяют люди, вне зависимости от их культуры, вероисповедания или языка. Специфические, в противовес вышеупомянутым, характеризуют все то, что представляет особую важность для определенной нации или группы людей, связанных общими ценностями. Именно из-за подобных аспектов видения мира могут возникать недопонимания, ведь то, что приемлемо для одних, другими может восприниматься совершенно иначе. В данном конкретном случае именно язык является отображением ценностной картины мира, в связи с тем, что при его помощи происходит транслирование оценочных суждений и правил, предписываемых национальным кодексом.

Концептуальная картина мира также является репрезентацией наших представлений и знаний о мире, что складывается в сознании из специфических концептов, отражающих культурный опыт нации. Так, мы можем вывести рабочее определение понятия «концепт» и определить его как «некий символ, образ или понятие, которое являет собой сочетание не только исторического контекста с определенной культурой, но и эмоциональный отклик им вызываемый». В данном случае, при сопоставлении языковой и концептуальной картин мира, можно сделать вывод, что первая является вербальным воплощением последней.

Затронутое ранее устное народное творчество является примером того, как все описанные картины мира могут быть отражены при помощи языка. В зависимости от таких факторов, как обычаи, нравы и традиции, складываются пословицы и поговорки, отражающие многие аспекты культуры народа, на языке которого они были созданы.

Пословица – это простое и пронзительное традиционное высказывание, выражающее воспринимаемую истину, основанную на здравом смысле или опыте. Пословицы часто метафоричны и используют шаблонный язык. В совокупности они образуют жанр фольклора [2]. Созданные в веках, они переходят от поколения к поколению, поддерживают уклад народной жизни, крепят духовный и нравственный облик народа.

Так, люди, жившие на территории восточнославянских поселений, испокон веков занимались преимущественно земледелием. Это тяжелый труд – пахать землю, сеять, ухаживать за полями и собирать урожай, порой и не единожды в год. Стремясь оптимизировать трудовой процесс, человек обращается к животной силе. С появлением плуга такое животное как лошадь становится особенно востребованным. Если раньше их использовали в большей степени как средство передвижения, то со временем практически во всех сферах человеческой жизни. Данный факт

отражается и в малых жанрах фольклора.

Меткие образные выражения про коня играют важную роль в культуре. Целью данного исследования является определить наличие в русском языке пословиц, концептом которых является конь, объяснить их значение и компаративным методом выявить культурологические особенности в их аналогах на английском и немецком языках. Помимо этого, рассмотрим особенности перевода исследуемого фольклорного материала. Так, для проведения анализа нами было отобрано 10 единиц изречений народной мудрости из интернета. Рассмотрим каждую из них.

Первая пословица звучит следующим образом: *Коней на переправе не меняют*, значение которой заключается в том, что не стоит менять свои планы и средства для реализации этих планов («коней») в решающий для дела момент.

Что касается английского и немецкого языков, то эквиваленты «Don't change horses in the middle of a stream» и «Mitten im Strom soll man Pferde nicht wechseln» имеют практически полное совпадение со значением на русском языке.

Вторая пословица представляет собой выражение: не в коня корм. Так издревле говорили о лошадях, которые даже при обильном кормлении не набирали массу, сохраняя сходство со скелетом. Довольно часто данное выражение употребляют по отношению к худым людям. Также рассматриваемая поговорка используется в ситуациях, когда люди говорят о чём-либо таком, чего кто-то не в состоянии понять или оценить, «бесполезная трата времени, усилий, средств».

Эквивалентом в английском языке служит: *honey is not for the ass's mouth*, что в буквальном переводе звучит так: мёд – не для ослиного рта.

Для немецкой лингвокультуры характерен следующий афоризм: *Was soll der Kuh Muskat, sie frisst lieber Haferstroh*. Дословно он означает «Зачем корове мускаты, лучше она будет есть овсяную солому».

При сопоставлении значений вышеперечисленных пословиц, можно проследить одну закономерность: во всех трёх случаях существует предмет гастрономии и представитель домашнего скота, таким образом подчеркивается контраст и, своего рода, несурзанность представляемой картины, однако именно это в полной мере позволяет передать вкладываемый смысл.

Следующим примером рассмотрим выражение «конь не валялся», которое используется по отношению к делу, которое уже стоило бы закончить, а к нему даже не притрагивались.

В английском языке наиболее близким аналогом является идиома – «*things are going worse than the slowest horse*» – дела идут хуже, чем самая медленная лошадь. Однако существует также ряд синонимов:

- not a bone in the truck (в тележке ни единой кости)
- one hasn't stirred (moved, lifted) a finger

Аналог последнего фразеологизма существует и в немецком языке, передаваемый теми же денотатами: *jemand hat keinen Finger gerührt*.

Следовательно, как в русском, так и в английском языках ключевая лексема в продемонстрированном примере совпадает (конь / horse), однако в немецком языке, мы не обнаруживаем отсылки к анализируемой языковой единице.

Мало кому известно, что пословица «друг познаётся в беде» является сокращением, её исходная форма выглядит следующим образом: конь узнаётся при горé, а друг при беде, смысл которой объясняется так: когда с человеком случается горе, мало кто остается рядом, и лишь тех, кто остался можно считать настоящими друзьями, а конь при горе – потому что лошади предназначены для перевозки грузов, это тяжёлая работа для животного, и не каждому под силу.

Английским эквивалентом считается «*a friend in need is a friend indeed*», что переводится: «друг в беде есть настоящий друг». Значение данного выражения крайне похоже на усечённый русский вариант. В примере на немецком языке также можно проследить, что последняя форма более частотна.

Как уже было отмечено, в немецком языке существует аналог данной пословицы, который звучит следующим образом: «*den Freund erkennt man in der Not*» – «друзей познают в беде». Смысл данного афоризма полностью совпадает со смыслом, характерным для русского и английского языков.

Так, представления, заложенные в вышеуказанной пословице, совпадают как в русской, так и в английской, и немецкой лингвокультурах. Однако образ коня присущ только афоризму на русском языке, который тоже со временем утратил данный концепт, в связи с тем, что сокращенная версия получила общее распространение и закрепились в разговорной речи.

Рассмотрим афоризм «конь (и) о четырех ногах, да (и тот) спотыкается». Его значение сводится к тому, что каждый может ошибиться, оказаться в затруднительном положении; часто так говорят в оправдание чьей-либо оплошности.

В английском языке существует идиома со схожим значением и почти идентичными денотатами, отражающими главный смысл: *a horse stumbles that has four legs*, что буквально звучит, как «спотыкается лошадь, у которой четыре ноги». Она в равной степени со своим русским аналогом подразумевает, что каждый может совершать ошибки.

Немецкий фольклор также предлагает полный синоним рассматриваемой пословицы: *auch ein Pferd strauchelt und hat doch vier Beine* – лошадь тоже спотыкается, но у нее четыре ноги.

Таким образом, мы видим полное совпадение семантики и референции пословицы в 3-х исследуемых нами культурах.

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней – поговорка, представляющая собой уничижительную характеристику того, кто пытается выглядеть тем, кем на самом деле не является; подражает более умным,

сильным, модным, талантливым, не обладая этими качествами. Безусловно, существует ряд синонимов со схожим значением, но представленными в другой форме, однако, нас интересует именно концепт «коня», поэтому остановимся на этой.

Английская лингвокультура изобилует разнообразием не в меньшей степени, однако, к наиболее близким мы бы отнесли следующий афоризм: *every ass thinks himself worthy to stand with the king's horses* – каждый осел считает себя достойным стоять наравне с королевской лошадей. Данный пример наглядно иллюстрирует, что далеко не каждый обладает тем, что присуще другому, порой даже по рождению. Он также носит уничижительный характер и показывает нам, какой вес имело классовое неравенство в прежние времена. В этом оттенке смысла и заключается основное различие с русским афоризмом – в отечественной культуре данное выражение подразумевает в большей степени неравенство определенных качеств, которые в теории реально развить, а речи о приобретаемых с рождения привилегиях не идет.

Что касается немецкого варианта, он более синонимичен русскому: *wohin das Pferd mit seinen Hufen will, dahin will auch der Krebs mit der Schere* – куда лошадь направляет свои копыта, туда и рак направляет клешни, и подкрепляет наше предположение о едином историческом опыте наших предков, отраженном в языке.

Одной из наиболее известных русских поговорок, которая содержит концепт «лошадь», принято считать следующую: «даренному коню в зубы не смотрят». Она говорит о том, что, когда человеку преподносят подарок, не стоит проявлять невоспитанность, рассматривая подарок на предмет качества, критиковать или выражать недовольство.

В английском языке существует близкое выражение «*one shouldn't look a gift horse in the mouth*», что в переводе звучит так: не стоит осматривать рот подаренной лошади и имеет схожее значение с исходным вариантом.

Немецкая лингвокультура имеет почти полный синоним: *einem geschenkten Gaul schaut man nicht ins Maul*, который больше схож с английским из-за наличия в поговорке слова рот (*das Maul*), что отлично от русского языка. Однако все три идиомы сохраняют не только лексически схожие единицы, но и семантически.

Ещё одним примером может служить пословица «выше меры и конь не скачет» и значение её заключается в том, что нельзя сделать больше своих сил и возможности, выше головы, как говорится, не прыгнешь.

В английской лингвокультуре существует похожая идиома: «*nothing comes out of the sack but what was in it*» – больше того, что в мешке было, из него не достанешь. Она также говорит о том, что есть некоторая имеющаяся возможность, сверх которой сделать что-то не получится. Однако английский вариант преимущественно используется по отношению к человеку, который требует слишком многого от другого, больше, чем он

может. В то время как русский афоризм направлен скорее на то, чтобы успокоить человека и дать понять, что он слишком усердствует.

Немецкий язык имеет два описательных перевода рассматриваемой поговорки:

- Man kann nicht über seinen eigenen Schatten springen – человек не может перепрыгнуть через собственную тень
- Es kann keiner höher schnauben, als ihm die Nase gewachsen ist – никто не может высморкаться выше, чем у него нос вырос

Оба варианта можно назвать тождественными с точки зрения семантики, в связи с тем, что при наличии разных денотатов, оттенок самого смысла пословицы неизменен. Тем не менее, концепт «конь» характерен исключительно выражению на русском языке, в связи с тем, что каждая лингвокультура использует разные единицы смысла.

«Старый конь борозды не испортит» используется в тех случаях, когда за дело наравне с молодыми берется старый, опытный, знающий человек, а значит можно не сомневаться, что он отлично справится с тем, за что возьмется. Однако у данной пословицы есть продолжение, которое меняет оттенок значения: «старый конь борозды не испортит, но и глубоко не вспашет». Здесь уже речь идёт о том, что хуже ситуация не станет, но её результат мог быть более плодотворным. Однако за единицу анализа мы берём именно усеченный вариант, в связи с тем, что в рассматриваемых лингвокультурах существуют синонимы со значением, которое более схоже именно с этой формой.

Так, в английском языке аналогом служит идиома «an old ox makes a straight furrow» – старый вол ведет прямую борозду. Её значение совпадает со значением русской поговорки, однако различием является то, какой объект совершает главное действие.

Немецкий язык имеет выражение «das alter Pferd verdirbt die Furche nicht», дословный перевод которого полностью совпадает с рассматриваемой нами пословицей.

Последним примером нашего анализа является пословица «ставить телегу впереди лошади», предполагающая, что что-то делается вопреки естественной или обычно эффективной последовательности событий [2]. Нередко под этим подразумевается желание получить быстрый результат. Однако в данном конкретном случае русскоязычному человеку более привычно выражение «бежать впереди паровоза», которое по своему значению полностью совпадает с рассматриваемой пословицей.

Тем не менее, в английской лингвокультуре существует идиома «to put (реже: set) the cart before the horse», перевод которой может служить примером калькирования по отношению к выражению на русском языке. Значение также полностью совпадает, а соответственно, эти пословицы можно назвать аналогичными.

В немецком же языке эквивалентом является поговорка «das Pferd am

Schwanz aufzäumen» – дергать лошадь за хвост. Безусловно, основная идея поспешности и торопливости действий присутствует, однако, немецкий вариант не содержит оттенка смысла, который бы указывал на несвоевременность этих действий, их неестественность и нелогичность.

Подводя итог, следует отметить, что проведенный сравнительный анализа рассмотренных соответствий в трех языках, показал, что «конь», как концепт культуры более характерен для русского языка. Что касается английской и немецкой лингвокультур, то изучаемый образ в представленных контекстах используется в разных примерах фразеологических единиц, однако, в равном процентном соотношении (60%). В транслатологическом плане, наши наблюдения показывают, что русские пословицы имеют фразеологические эквиваленты, либо переданы на немецкий и английский языки методом фразеологического аналога, калькирования или описательным переводом.

Из полученных результатов можно сделать вывод, что на образное мышление людей, имеющих единую языковую картину мира, влияет широкий диапазон факторов, в число которых входит география и, безусловно, история. Ведь именно быт наших предков оказывал непосредственное влияние на их мировосприятие, что передавалось из поколения в поколение. На всем протяжении своего исторического развития наша страна обладала огромными территориями, которые активно обрабатывались, что, в том числе, повлекло за собой появление крепостничества и довольно длительный период властвования помещиков. Безусловно, крестьяне были и в Германии, и на Британских островах, тем не менее масштаб несопоставим. К тому же, множественные культурные различия также становились более явными в связи с ходом истории – уникальным для каждой страны.

Список использованных источников

1. Будагов Р. А. Язык – реальность – язык. – М.: Наука, 1983. – 260 с.
2. Викисловарь [Электронный ресурс] – <https://en.wikipedia.org> (дата обращения: 15.01.2024)
3. Ожегов С. И. Толковый словарь [Электронный ресурс] – <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 12.01.2024).

УДК 81'25

ПРИЕМЫ И ПРАВИЛА РЕШЕНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ**В. В. Силин,**

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Переводчики во всем мире пользуются в своей практической деятельности неписаными правилами перевода, которые иногда отличаются противоречивостью. В статье сделана попытка сформулировать эти правила с целью их унификации на основе классификации приемов перевода.

Ключевые слова: субституция, интерпретация, парафраза, цель коммуникации, прием перевода, правило перевода.

Summary. Translators all over the world use unwritten rules of translation in their practice, which are sometimes contradictory. The article makes an attempt to formulate these rules for unifying them on the base of classification of translation techniques.

Key words: substitution, interpretation, paraphrase, aim of communication, translation technique, translation rule.

Труд переводчика является творческим по своей сути. Недаром К. И. Чуковский назвал перевод «высоким искусством» [10]. Тем не менее, каждый переводчик сталкивается в своей работе с практическими проблемами, когда даже одно слово может надолго затормозить творческий процесс, если он затрудняется найти этому слову соответствующий эквивалент. Для этого в некоторых трудах по теории и практике перевода предлагаются различные приемы перевода, которые имеют целью помочь специалисту решать любые проблемы «высокого искусства». Прием, по мнению Р. К. Миньяр-Белоручева, «решает частную задачу, он помогает преодолеть возникшую в целенаправленной деятельности переводчика трудность» [5, с. 100].

Кроме приемов перевода, переводчик должен также руководствоваться строго определенными правилами перевода. В словаре С. И. Ожегова правило определено как «положение, в котором отражена закономерность, постоянное соотношение каких-нибудь явлений» [6, с. 498]. Но в существующих переводах необходимое постоянство не обнаруживается. Создается впечатление, что разные переводчики в разные времена придумывали собственные правила или переводили без правил. Например, НАТО является транслитерацией английского сокращения NATO и ЮНЕСКО транслитерацией UNESCO, а ООН и ВОЗ являются сокращениями русского перевода. То есть, закономерности не отмечается даже в переводе названий солидных международных организаций.

Отсутствие универсальных правил перевода объясняется тем, деятельность переводчиков не была удостоена внимания ни древних философов, ни ученых Нового времени. Лишь сами переводчики в своей практической деятельности фиксировали наборы замечаний, советов, рецептов. Но это были советы ремесленников, хотя и образованных людей, а не научные исследования.

Тем не менее, перевод, как интеллектуальная деятельность, существует с незапамятных времен. Сохранились даже тексты договоров между хеттами и египтянами, написанные на двух языках три тысячи лет тому назад. Без переводчиков также невозможно представить существование огромных империй или распространение религиозных и социальных учений по всему свету.

В истории перевода отмечались некие крайности: с одной стороны, были сторонники самых строгих правил, которые требовали точного перевода, который стремится передать все формальные нюансы вплоть до синтаксиса и фразеологии, хотя он деформирует смысл произведения; с другой стороны, находились сторонники вольного перевода, который пренебрегает всякими правилами и, по сути, фальсифицирует произведение, так как переводчики позволяют себе убирать из текста то, что им не нравится, и добавлять то, что хочется.

Отмеченные крайности устранила теория адекватного перевода, принципы которого в 30-е годы XX века сформулировал А. В. Федоров на лекциях по художественному переводу в Литературном институте имени М. Горького, а затем в своей книге «О художественном переводе» (1941).

Очень важно, что эти принципы упрочились, когда в 60-е годы на Западе появились теории, аналогичные теории адекватного перевода. Среди их авторов – американец Ю. Найда, британец Дж. Кэтфорд, француз Ж. Мунен, канадцы Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне. В 60-70-е годы теория перевода активно развивалась в СССР благодаря трудам Е. Г. Эткинда, Л. С. Бархударова, Я. И. Рецкера, А. Д. Швейцера, В. Н. Комиссарова и др. Способствовали этому также публикации болгар Анны Лиловой, Сергея Влахова и Сидера Флорина, чеха Иржи Левого, а также исследователя из ГДР Отто Каде.

Принципы теории адекватного перевода заложили основу для определения более ясных и логичных правил перевода. В частности, принцип переводимости этой теории означает, что непереводаемых текстов не существует, так как, во-первых, любой язык способен описать не только знакомые, но и незнакомые ситуации; во-вторых, адекватность перевода определяется на уровне целого текста, а не его частей; в-третьих, потери являются несущественными, так как легко компенсируются лингвистическими и экстралингвистическими средствами.

Принцип функциональной эквивалентности этой теории требует, во-первых, обязательно передавать семантическое содержание (референциальный аспект); во-вторых, постараться передать функциональный стиль (прагматический аспект), ориентируясь на цель коммуникации; в-третьих, попытаться воссоздать форму (интралингвистический аспект), что иногда требуется.

Основой для классификации приемов перевода была принята известная система трех направлений перевода: Субституция, Интерпретация и Парафраз. Этим направлениям у Л. С. Бархударова

отвечают три типа семантических соответствий между лексическими единицами двух языков: 1) полное соответствие; 2) частичное соответствие; 3) отсутствие соответствия [1, с. 74].

Представление о переводе как о подборе эквивалентных соответствий по трем направлениям заставляет отказаться от теории переводческих трансформаций – лексических, синтаксических, стилистических, и, соответственно, от различных теоретических моделей перевода – денотативной, трансформационной, семантической, теории уровней эквивалентности и др.

Причина такого отказа заключается в том, что перевод осуществляется быстрее, чем это объясняют любые теоретические модели. Например, критикуя идею Н. Хомского о порождении речи путем трансформации глубинных структур, Ю. А. Левицкий отметил, что трансформации возможны только, «когда ребенок осваивает систему языка, устанавливает отношения между различными грамматическими формами и конструкциями» [4, с. 154]. Но подчеркнул: «Когда система сформирована, и место каждой формы и конструкции четко определено, задачей говорящего становится уже не трансформация или деривация, а выбор нужного варианта из множества имеющихся в распоряжении» [4, с. 155]. Аналогично осуществляется и процесс перевода – как подбор подходящего эквивалента ПЯ единице перевода ИЯ.

Такой подбор может производиться на разных языковых уровнях, так как, по утверждению Л. С. Бархударова, «единицей перевода может быть единица любого языкового уровня» [1, с. 174]. Под единицей перевода Л. С. Бархударов имеет в виду «такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода» [1, с. 174]. А в современном языкознании различают следующие уровни языковой иерархии:

- уровень фонем (для письменной речи – графем);
- уровень морфем;
- уровень слов;
- уровень словосочетаний;
- уровень предложений;
- уровень текста.

1. УРОВЕНЬ СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ

На этом уровне в направлении Субституция единице перевода исходного языка (ИЯ) соответствует постоянный эквивалент переводного языка (ПЯ). Поэтому используется самый простой прием перевода – замена, который обеспечивает, прежде всего, перевод прециозных слов, то есть, имен собственных, должностей и титулов, географических названий, чисел, терминов и др. Несмотря на простоту, этот прием коварен, так как требует точных знаний.

Например, мы можем перевести English channel как Английский канал. Формально все правильно, но перевод прециозных слов требует,

подобно прецедентному праву, обязательно проверить ранее зафиксированный постоянный эквивалент этого словосочетания. И это будет Ламанш.

Подобное может произойти и с переводом ложных друзей переводчика, когда слово ИЯ имеет общий корень или чем-то похоже на слово ПЯ, которое можно принять за постоянный эквивалент. Нам, например, кажется, что Alley (переулок) – это Аллея, что Clay (глина) – Клей.

Правило перевода прециозных слов и ложных друзей переводчика определяется довольно просто: переводчик не должен доверять своему впечатлению, а обращаться за помощью к словарям и справочникам.

Единице перевода ИЯ в направлении Интерпретация подбирают контекстуальный эквивалент, который ориентирован на передачу смысла слова или словосочетания и который решает проблему полисемии с помощью приема дифференциации. Этот прием позволяет различать значение многозначного слова только в опоре на его контекст. Например, понять значение слова Shell – ракушка или снаряд, можно только после определения его словесного окружения.

Приемы конкретизации и генерализации помогают решить проблему гиперонимов и гипонимов, то есть, слов с большим и малым семантическим объемом, значение которых также определяется на основе контекста. Например, когда мы переводим слово Рука и Нога, на английском мы должны конкретизировать: Hand или Arm, Foot или Leg; при переводе в обратном направлении мы обращаемся к генерализации.

Правило перевода многозначных слов и слов с большим и малым семантически объемом требует ясного определения их контекста. Помощь в таких случаях идет от авторов, которые стремятся быть понятыми и сами стараются устранять двусмысленность.

Единице перевода ИЯ в направлении Парафраза соответствует нулевой эквивалент, так как речь идет о безэквивалентной лексике. Однако, согласно принципу переводимости теории адекватного перевода, переводчик обязан подобрать окказиональный эквивалент, который со временем может стать узуальным, когда им станут пользоваться другие переводчики, и даже постоянным, зафиксированным в словаре. Таким образом из англоязычного мира к нам пришло много заимствований: лейборист, бойскаут, маркетинг, рейтинг, компьютер, сканнер и др.

К безэквивалентной лексике относятся, прежде всего, реалии. Их классификации и особенностям перевода посвящена замечательная книга С. Влахова и С. Флорина [2]. Первым приемом перевода реалий является транскрипция, то есть, перевод на уровне фонем. Этот прием имеет одно важное преимущество – он передает национальный колорит. Однако для этого приема существует правило: нельзя перегружать перевод иностранными словами, так как это затрудняет его понимание; поэтому переводчику необходимо выбрать для транскрипции ту реалию, которая

имеет ключевое значение, а для перевода второстепенных можно использовать приблизительный или описательный (объяснительный) перевод. Например, будет логично использовать транскрипцию Таун хаус при описании американского дома, но в России будет уместней сказать просто Дом (приблизительный перевод), или, если требуются подробности, Дом, боковые стены которого примыкают к стенам других домов (объяснительный перевод).

К безэквивалентной лексике относятся также лакуны, которые обычно не обладают национальным колоритом, например, слово Погорелец. Поэтому для его перевода следует применить, скорее всего, описательный перевод.

Для перевода буквенных сокращений, если только они не стали постоянными эквивалентами, применяется транслитерация, то есть, перевод на уровне графем. При этом современные правила требуют транслитерации иностранного сокращения, а не его русского перевода, то есть, НАТО предпочтительней, чем ВОЗ (World Health Organization).

Калька при переводе реалий применяется редко, в основном при переводе на уровне морфем, например, Skyscraper был переведен как Небоскреб; иногда на уровне слов: Детский сад является калькой немецкого словосочетания Kindergarten, французы позаимствовали советскую реалию Дворец культуры – Palais de culture.

2. УРОВЕНЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В направлении Субституция единице перевода ИЯ соответствует формальный эквивалент ПЯ и используется прием дословного (буквального) перевода, когда речь идет о простых предложениях, те требующих никаких манипуляций. Например, Я иду в школу формально адекватно I go to school.

На формальном уровне сложности возникают при переводе цитат, крылатых выражений, библеизмов, всемирно распространенных фразеологизмов, как например, Все хорошо, что хорошо кончается. Правило их перевода, как при переводе прециозных слов, заключается в необходимости найти и применить письменно зафиксированный прецедент. Только при его отсутствии разрешается самостоятельный перевод.

На направлении Интерпретация единице перевода ИЯ отвечает семантический эквивалент ПЯ, для достижения которого используются хорошо известные приемы – замены, перестановки, добавления, опущения, функция которых состоит в недопущении искажения смысла предложений. Эти же приемы применяют для перевода фразеологизмов, утративших образность. Например, предложению Не видно ни зги следует подобрать простой семантический эквивалент They see nothing. A Let's bygones be bygones перевести Пусть прошлое останется в прошлом.

Правило для этих приемов в 1709 году сформулировал Петр I: «... и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точно сенс выразумев, на своем языке уже так писать, как внятнее может быть» [9, с. 41].

В направлении Парафразы единице перевода ИЯ подбирают ситуационный эквивалент ПЯ. Это необходимо, когда в одной или сходной ситуации ИЯ и ПЯ используют разные лексические средства, и, следовательно, единице перевода ИЯ невозможно подобрать адекватный семантический эквивалент ПЯ.

Одним из известных приемов подбора ситуационного эквивалента является антонимический перевод, когда единице перевода ИЯ находят противоположный по смыслу эквивалент, но который адекватно воссоздает ситуацию. Например, *Hold on, please!* – Не вешайте трубку! Или *Keep in touch!* – Не пропадите!

Ситуационный эквивалент может быть подобран также благодаря приему метонимического перевода. Некоторые авторы называют такой перевод «приемом смыслового развития», но этот термин не объясняет, в каком направлении должен развиваться смысл. Иногда используют музыкальный термин «модуляция», который также не вносит ясности, так как означает «переход из одной тональности в другую» или «переливы, изменения высоты и окраски голоса, придающие выразительность речи» [8, с. 389]. Термин метонимический перевод ясно показывает, что подобранный ситуационный эквивалент является метонимией по отношению к единице перевода ИЯ, то есть, находится с ним в отношении смысловой смежности. Например, в политической публицистике часто можно встретить фразы: *Кремль заявил... Белый дом принял решение...* Но если в подобной фразе прозвучит *Елисейский дворец*, то переводчик может воспользоваться метонимическим переводом и вместо *Елисейский дворец* написать *Французский президент*, учитывая, что не все читатели знают, где находится резиденция французских президентов.

Ситуационный эквивалент может быть подобран также с помощью метафорического перевода, который некоторые называют приемом «целостного преобразования». Этот термин не объясняет, что и как преобразовывать, а метафорический перевод ясно указывает на то, что эквивалент перевода является метафорой по отношению к единице перевода ИЯ, то есть, в отношении сходства. Примеров метафорического перевода множество: *How do you do!* Здравствуйте! *You are welcome!* Добро пожаловать!

Метафорический перевод применяют также при переводе фразеологизмов, сохранивших образность. Например, для пословицы *To kill two birds with one stone* можно подобрать ситуационный эквивалент *Убить двух зайцев*. При метафорическом переводе следует избегать реалий, которые могут придать переводу иноязычный национальный колорит. Например, *Rome was not built in a day* нельзя переводить *Москва не сразу строилась*. В любом случае, когда не получается передать образность, то ее снимают и переводят только смысл предложения.

При переводе предложений существует также направление Цели коммуникации, когда в культурном отношении разнятся даже ситуации. И

тогда прибегают к различным Компенсациям. Пример такой компенсации показали Ж. П. Вине и Ж. Дарбельне на фразе *He kissed his daughter on the mouth*. Поскольку подобный поцелуй во французской традиции считается любовным и недопустимым к собственным детям, то поцелуй был заменен «нежным объятием» [11, с.55]. Компенсации необходимы также при игре слов. Просто сочиняют другую игру слов для достижения той же цели коммуникации.

К этому же направлению относится прием адаптации, который применяют для упрощения учебных или детских текстов. Например, *Winnie-the-Pooh* стал в русском переводе Виннипухом.

Таким образом, классификация давно разработанных приемов перевода позволяет выработать универсальные правила перевода и избежать разнобоя в подходах к решению переводческих проблем.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 352 с.
3. Комиссаров В. Н. Слово о переводе: Очерк лингвистического учения о переводе. – М.: Международные отношения, 1973. – 215 с.
4. Левицкий Ю. А. Лингвистика текста: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 207 с.
5. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 17-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – 797 с.
7. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.
8. Современный словарь иностранных слов: Около 20 000 слов. – М.: Русский язык, 1992. – 740 с.
9. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
10. Чуковский К. И. Высокое искусство. – М.: Сов. писатель, 1988. – 350 с.
11. Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais : Méthode de traduction*. – Paris : Didier, 1972. – 331 p.

УДК 811.11-112

**СТИЛИЗАЦИЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В РОМАНЕ ЭНН ПЭТЧЕТТ
«ГОЛЛАНДСКИЙ ДОМ»: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ****О. Г. Скидан,**

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. В статье представлен фрагмент сопоставительного переводческого анализа, направленного на выявление средств стилизации разговорной речи в англоязычном художественном тексте и приемов их воссоздания в переводе на русский язык. Материалом исследования является роман американской писательницы Энн Пэтчетт «The Dutch House» (2019 г.) и его перевод «Голландский дом», выполненный С. В. Кумышом (2021 г.).

Ключевые слова: разговорная речь, стилизация, приемы перевода.

Summary. The article presents the fragment of comparative translation analysis aimed at identifying the means of stylization of colloquial speech in the English literary text and techniques of their reconstruction in the Russian translation. The research material is the novel by the American writer Anne Patchett «The Dutch House» (2019) and its translation into Russian, made by S. V. Kumysh (2021).

Key words: colloquial speech, stylization, translation techniques.

На современном этапе развития лингвистики сохраняется высокий интерес ученых-лингвистов к проблемам описания разговорной речи и перевода разговорных элементов. Данная лексика составляет весомую, неотъемлемую часть лексикона, т.к. она наиболее близка к живой коммуникации и наиболее ярко отражает менталитет носителей языка.

Обзор лингвистической литературы позволяет сделать вывод о том, что разговорная речь обладает рядом признаков, общих для многих языков. К характерным лингвистическим особенностям разговорной речи относят: использование фразового и эмфатического ударения, пауз, темпа речи, ритма и т.д.; широкое употребление обиходно-бытовой лексики и фразеологии, эмоционально-экспрессивной лексики (включая частицы, междометия), разных разрядов вводных слов, «слов-паразитов» и «заполнителей пустоты»; своеобразие синтаксиса (эллиптические и неполные предложения, различные формы компрессии и избыточности речи, слова-обращения, слова-предложения, повторы слов и т.д.).

С наибольшей полнотой проникновение разговорной речи в художественную литературу происходит, как известно, с помощью словообразования, лексических и синтаксических языковых средств и связано со стремлением автора максимально ее имитировать. Прежде чем занять свое место в языке художественного произведения, разговорная речь, по выражению В. В. Виноградова, «олитературируется», происходит стилизация разговорной речи в литературе.

Стилизованная речь – мощный инструмент создания художественной информативности текста, приближения его к действительности. При этом следует подчеркнуть, что в составе художественного текста стилизованная

разговорная речь отличается от спонтанной гораздо большей стилистической концентрацией и функциональной направленностью. Неполнота высказываний и разные формы речи персонажа направлены не столько на сообщение информации, сколько на представление его внутреннего мира. Можно утверждать, что в художественных текстах разговорная речь конструируется в стилизованной форме, как для достижения эффекта разговорности, так и для создания речевого портрета героев, что обуславливает важность ее прагматически точного воссоздания при переводе.

В ходе лингвостилистического анализа текста романа Э. Пэтчетт «The Dutch House» было выявлено, что стилизация разговорной речи является доминантным художественным приемом в романе. Язык романа приближен к современной реальности и отображает характерные черты коммуникации современных обывателей. Нередко, для создания ситуации непринужденного общения разговорная речь строится так, что ситуация и речь образуют единство, единый акт общения.

Одной из особенностей стилизации разговорной речи в романе является использование графических средств, доминантным среди которых выступает курсив.

“I have the most fantastic news,” Maeve said.

«У меня потрясающая новость!» – сказала Мэйв.

Интонационный курсив создает дополнительное ударение на слове, которое при отсутствии курсива не будет нести необходимой степени фразовой ударности. В переводе курсив дополняется восклицательным знаком, что обусловлено экспрессивно-стилистическим согласованием в русском языке, и является элементом стилизации разговорной речи.

К числу лексических элементов, выступающих в качестве сигналов разговорного стиля, относятся слова и выражения с характерной разговорной и просторечной стилистической окраской. Основную часть такой знаменательной лексики составляют глаголы. Рассмотрим пример глагольно-просторечного словоупотребления в следующем предложении:

I was feeling so happy about things that I said I thought we should start making plans. Я почувствовала себя такой счастливой, вот и ляпнула: пора, мол, начать планировать.

При переводе нейтрального глагола *said* использован прием экспрессивной конкретизации, а именно глагол «ляпнула», который относится к разговорно-просторечным элементам и демонстрирует пейоративную эмоциональную оценку. Явление экспрессивной конкретизации в переводе напрямую связано с высокой предметно-логической конкретностью повседневной лексики русского языка. Также необходимость логической конкретизации тесно связана с более широкой полисемией английской лексики по сравнению с русской. Элементом стилизации выступает и частица «мол», устойчиво фиксируемая в словарях с пометой «разговорная».

Потребность в экспрессивной конкретизации возникает и при переводе других частей речи, например:

I learned to walk on rafters while the regular workers, the guys who did not go home to their own mansions in Elkins Park, heckled me from below. Я научился ходить по стропилам, а обычные работяги, те, у кого не было особняков в Элкинс-Парке, подтрунивали надо мной, стоя внизу.

Прием экспрессивной конкретизации прослеживается в переводе глагола *heckled*, а также сочетания *the regular workers*. Одним из признаков принадлежности существительного «работяга» к разговорной лексике является характерный суффикс *-яг*. Функция стилистически окрашенной разговорной лексики в русском языке часто заключается в выражении эмоциональной оценочности, включая различные оттенки: иронический, презрительный, одобрительный, а также придании большей экспрессии, тогда как английской лексике экспрессивность свойственна в гораздо меньшей степени. Также, стоит отметить, что прием экспрессивной конкретизации применяется для достижения максимальной эквивалентности перевода и сохранения экспрессивной прагматики текста, что способствует достижению адекватности перевода.

В непринужденных, неподготовленных коммуникативных ситуациях говорящие стараются упростить и облегчить свое «речевое поведение» и используют готовые речевые формулы, в том числе фразовые глаголы и идиоматические фразы.

Why don't you cut to the chase and send me to an orphanage?

Чего уж тогда мелочиться – отправь меня сразу в приют.

Even at eight I was able to figure it out.

Даже я в мои восемь был способен смекнуть, что к чему.

Стилизация разговорного языка в переводе осуществляется за счет контекстуальной замены идиомы «*cut to the chase*» разговорно-просторечным глаголом «мелочиться» (в данном контексте эти выражения являются комплементарными антонимами) и экспрессивной конкретизации значения фразового глагола *to figure out* – смекнуть.

Разговорнообиходная речь в любом языке насыщена многочисленными речевыми шаблонами и стереотипами, позволяющими адресату высказывания пользоваться ими как своего рода речевыми рефлексам.

– It's your house. I bought it for you.

– Seriously?

– Это твой дом. Я купил его для тебя.

– Да ладно.

В результате целостного преобразования слово-предложение заменено релятивом. Подобные устойчивые выражения широко используются в разговорной речи в качестве реплик диалога.

Спонтанный характер, неподготовленность и построение разговорной речи на ходу четко прослеживается в использовании незнаменательной

лексики. Важным элементом разговорной лексики являются частицы – высокочастотные незначительные слова, функциональное значение которых максимально приближает их к аналогичным элементам спонтанной разговорной речи. Такие элементы используются в переводе в качестве дополнительных средств стилизации разговорной речи. Приведем ряд примеров:

“Do it again,” she said.

«Ну так еще раз почисти», – сказала она.

“That’s never going to work,” Maeve said to me.

«А уж этому не бывать», – сказала мне Мэйв».

But once you’ve put a ballroom on the third floor it’s pretty much impossible to move it. Но если уж вы обустроили бальную залу на третьем этаже, переместить ее довольно-таки сложно.

Элементом стилизации разговорной речи часто выступает частица «ка». Глаголы повелительного наклонения часто сопровождаются этой частицей, которая выражает смягчение приказа или просьбы, придавая оттенок непринужденности, простоты обращения.

“Look at you,” Sandy said, reaching up to put her hands on my shoulders. «Ты глянь-ка», – сказала Сэнди, положив руки мне на плечи. Let me see that. I used to be good in math. Дай-ка посмотреть. Когда-то я неплохо разбиралась в математике.

В условиях имитации полноценных коммуникативных ситуаций в художественных произведениях служебные слова играют роль в реализации события рассказывания. Широкое использование частиц связано с основными особенностями разговорного языка, такими как диалогичность, экспрессивность и неподготовленность.

Одним из разрядов эмоциональной лексики являются междометия, употребление которых характерно для разговорной речи. Благодаря этой группе слов речь персонажей приобретает спонтанный и неподготовленный характер. Полифункциональный характер междометий обуславливает определенную вариативность при выборе средств их передачи в переводе.

“Ah, that’s good,” Maeve said. «Да все нормально», – сказала Мэйв.

– Are you coming?

– Ah, no.

– Ты пойдешь?

– Э... нет.

Особое место среди лингвистических средств разговорной стилизации занимает синтаксис, являющийся средством отражения структурных особенностей разговорной речи в романе. Именно синтаксические конструкции способны передать оттенки спонтанной речи, создающейся как бы на глазах у читателя.

В диалогах, для которых свойственна экономия языковых средств, часто используется эллипсис, например: What a reunion! Как же мы радовались друг другу. Переводчик ушел от дословного перевода

восклицательного предложения в сторону вербализации смысла, так как для русской разговорной речи более характерно употребление глаголов. Разговорный характер высказыванию придаёт и частица «же», усиливая значение глагола.

Непринужденность речевого общения в тексте также создается особенностью синтаксиса разговорной речи, при которой преобладают простые предложения.

– I'd take a beer.

– Get two.

Ответная реплика представлена эллиптической структурой, в которой пропущенные слова легко восстанавливаются из контекста. «Двуглагольные» конструкции в переводе характерны для разговорной речи и позволяют выражать мысли, чувства и идеи более точно и красочно.

– Пойду возьму.

– И мне захвати.

Стилистическая многоплановость разговорной речи обуславливает выделение определенного ряда синтаксических приемов воссоздания разговорности в романе, которые совместно с элементами, проявляющимися на других языковых уровнях, позволяют стилизовать разговорную речь с ее естественными ритмико-интонационными тенденциями, характерными для спонтанной неподготовленной речи.

Одним из доминантных стилистических средств выразительности, выполняющих функцию стилизации разговорной речи, является эпитет. Специфика эпитета позволяет не только использовать привычные для читателя клише, но и создавать новые эмоционально-оценочные единицы. Например: *Head-up-shoulders-back might as well have been her name*. Можно было подумать, что Спинувыпрями – ее второе имя. Индивидуально-авторский эпитет образован при помощи голофрастической конструкции и отражает индивидуальное, эмоционально-окрашенное отношение автора к описываемой ситуации. В переводе авторский эпитет был адаптирован, переводчик изменил дефисное написание слова на слитное, при этом генерализировав его значение. Данный вариант эпитета помогает выразить высокую степень интенсивности признака и указывает на спонтанную разговорную речь.

Не менее часто средством стилизации разговорной речи выступает гипербола: *I was dying to make a good impression, you know*. А мне до смерти хотелось произвести на них хорошее впечатление. Переводчику удалось сохранить гиперболизацию фразы при помощи устойчивого выражения с соответствующей оригиналу эмоциональной окраской.

Таким образом, стилизация разговорной речи в романе реализуется благодаря использованию средств, проявляющихся на всех языковых уровнях (графо-фонетическом, лексическом, синтаксическом, семасиологическом). Наиболее частотными трансформациями при передаче разговорной речи на русский язык являются экспрессивная конкретизация,

целостное преобразование, замена части речи (вербализация) и добавление.

Список использованных источников

1. Пэтчетт Э. Голландский дом. Москва: Синдбад, 2022. – 320 с.
2. Patchett A. The Dutch House [Электронный ресурс] – London: Bloomsbury, 2019. – <https://libcat.ru/knigi/proza/istoricheskaya-proza/404169-enn-petchett-the-dutch-house.html>

УДК 81'255

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ НА ПРИМЕРЕ «СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ» С. Т. АКСАКОВА

Д. М. Солоха,

*преподаватель кафедры иностранных языков, Башкирский
государственный медицинский университет Минздрава России, Уфа*

Аннотация. В статье анализируются сложности и варианты перевода безэквивалентной лексики на немецкий язык в произведении С. Т. Аксакова «Семейная хроника». В статье представлены примеры безэквивалентных лексических единиц и варианты их перевода.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, проблемы перевода, перевод и переводоведение.

Summary. The article analyzes the difficulties and options for translating non-equivalent vocabulary into German in the work of S. T. Aksakov "Family Chronicle". The article presents examples of non-equivalent lexical units and options for their translation.

Key words: non-equivalent vocabulary, translation problems, translation and translation studies.

Первый перевод «Семейной хроники» С. Т. Аксакова был выполнен С. А. Рачинским и опубликован в 1858 году в Лейпциге. Само произведение переводчик охарактеризовал как «совершенное произведение искусства», оценив простоту стиля, живой колорит и прекрасный слог С. Т. Аксакова.

Перевод С. А. Рачинского позволил европейскому читателю ознакомиться с реалиями развития российского дворянства.

В последствии в Германии появились переводы «Семейной хроники», выполненные Германом Рёлем (1919 г.), Дитером Поммеренке (1988 г.), Евой Шефер-Лютер (1982 г.).

Как правило при переводе любого текста с одного языка на другой переводчик сталкивается со сложностями переноса смыслов, так как важно перенести иностранному читателю не только отдельные слова, но весь культурный пласт языка оригинала. Переводчику, помимо высочайшего уровня владения языками оригинала и перевода, необходимо иметь достаточно знаний для передачи культурного контекста: исторические реалии эпохи, культурологические нюансы, семиотический фон и т.д.

Если в языке перевода отсутствуют реалии или точные эквиваленты лексических единиц перед переводчиком стоит непростая задача: не утратить смысл, опираться на опыт предполагаемого читателя, транслитерировать и/или делать сноски со справочной информацией, где доходчиво и в энциклопедической манере дается объяснение того или иного явления.

Ряд авторитетных отечественных ученых (Л. К. Латышев, Л. С. Бархударов, Е. М. Верещагин и т.д.) обращались к термину «безэквивалентный», когда дело касалось непереводаемых явлений. В своей работе «Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода», Л. С. Бархударов отнес к безэквивалентной лексике те лексические единицы, которые не имеют эквивалентов в языке перевода. [2, с. 94].

К непереводаемым реалиям относятся топонимы, названия фирм и организаций, предметы культуры (духовные и материальные), фразеологизмы, архаизмы и историзмы. Последние, как раз в большом изобилии представлены в анализируемом нами произведении.

По мнению Л. С. Бархударова у переводчика есть выбор, каким именно способом передать непереводаемые лексические единицы: транслитерация/транскрипция, калькирование, экспликация, приближенный перевод, трансформационный перевод [2, с. 113].

В качестве примера перевода безэквивалентных лексических единиц анализируется фрагмент «Семейной хроники» С. Т. Аксакова в сравнении переводов С. А. Рачинского, Д. Поммеренке, Евы Шефер-Лютер.

Далее представлен фрагмент первого отрывка из «Семейной хроники» «Степан Михайлович Багров. Переселение»:

«И за всё это платилось каких-нибудь сто рублей (разумеется, целковыми) да на сто рублей подарками, не считая частных угощений. – Полюбились дедушке моему такие рассказы; и хотя он был человек самой строгой справедливости и ему не нравилось надувание добродушных башкирцев, но он рассудил, что не дело дурно, а способ его исполнения, и что, поступя честно, можно купить обширную землю за сходную плату, что можно перевести туда половину родовых своих крестьян и переехать самому с семейством, то есть достигнуть главной цели своего намерения; ибо с некоторого времени до того надоели ему беспрестанные ссоры с мелкопоместными своими родственниками за общее владение землей, что бросить свое родимое пепелище, гнездо своих дедов и прадедов, сделалось любимую его мыслью, единственным путем к спокойной жизни, которую он, человек уже не молодой, предпочитал всему».

«Переправившись чрез Волгу под Симбирском, дедушка перебил поперек степную ее сторону, называемую луговой, переехал Черемшан, Кандурчу, чрез Красное поселение, слободу селившихся тогда отставных солдат, и приехал в Сергиевск, стоящий на горе при впадении реки Сургута в Большой Сок. Сергиевск – ныне заштатный город, давший свое имя находящимся в двенадцати верстах от него серным источникам, известным под названием Сергиевских серных вод. Чем дальше углублялся дедушка в Уфимское наместничество, тем привольнее, изобильнее становились места. Наконец, в Бугурусланском уезде, около Абдуловского казенного винного завода, показались леса. В уездном городе Бугуруслане, расположенном по высокой горе, над рекою Большой Кинель, про которую долго певалась песня:

Кинель река
Не быстра, глубока,
Только тениста, –

в Бугуруслане остановился Степан Михайлович, чтоб порасспросить и поразузнать поближе о продающихся землях. В этом уезде уже мало оставалось земель, принадлежавших башкирцам: все заселялись или казенными крестьянами, которым правительство успело раздать земли, описанные в казну за Акаевский бунт, прежде всеобщего прощения и возвращения земель отчинникам-башкирцам, или были уже заселены их собственными припущенниками, или куплены разными помещиками» [1, с. 75-78].

Варианты перевода безэквивалентной лексики для сравнения предоставлены в табличном виде:

Текст оригинала	Ева Шефер-Лютер	С. А. Рачинский	Дитер Поммеренке
«...каких-нибудь сто рублей (разумеется, целковыми)...»	«...lumpige hundert Rubel (allerdings mußte es Silber sein)...»	«... <i>etwa hundert Rubel (in Silber versteht sich)</i> ...»	«...ein paar hundert Rubel gezahlt – selbstverständlich in Silber)...»
«...надуванье добродушных башкирцев ...»	«...Gauereien mit den gutmütigen Baschkiren...»	«...das Betrügen der gutmütigen Baschkiren ...»	«...gutmütigen Baschkiren derart übervorteilt wurden...»
«...половину родовых своих крестьян»	«...die Hälfte seiner Leibeigenen...»	«...die Hälfte seiner Leibeigenen...»	«...die Hälfte seiner angestammten Bauern...»
«...беспрестанные ссоры с мелкопоместными своими родственниками ...»	«...die ewigen Streitereien mit seiner Verwandten...»	«...die ewigen Streitigkeiten mit seiner Verwandtschaft...»	«...die ständigen Querelen mit seinen nur wenig Grund du Boden besitzenden Verwandten...»
«...свое родимое пепелище»	«...das Gut seiner Väter...»	«...das Haus seiner Väter...»	«...sein Stammhaus...»
«...слободу селившихся тогда отставных солдат...»	«...eine Siedlung abgedankter Soldaten...»	«...eine Ansiedlung von abgedankten Soldaten...»	«...eine Ansiedlung von ausgedienten Soldaten...»
«...ныне заштатный город...»	«...eine richtige Stadt...»	«...ist jetzt ein Städtchen...»	«...heute keine Kreisstadt mehr ist...»
«...Уфимское наместничество...»	«...der Stadthalterschaft Ufa...»	«...die Statthalterschaft Ufa...»	«...die Statthalterschaft Ufa...»
«...Кинель река Не быстра, глубока, Только тениста ...»	«...O Fluß Kinel! Nicht tief noch schnell, doch voller Schlamm...»	«...Der Fluß Kinel! Nicht tief noch schnell, doch voller Schlamm...»	«... Kinel, du Fluß! Nicht reißend noch tief, nur verkrautet...»
«...казенными крестьянами ...»	«...von Kronbauern...»	«...an Kronbauern...»	«...von Kronbauern...»

«...отчинникам-башкирцам ...»	«...von der Pächtern der Baschkiren...» [5, с. 5 – 10]	«...von den Pächtern der Baschkiren...» [4, с. 6 – 10]	«...baschkirischen Großgrundbesitzer...»
«...собственными припущенниками...»	–	–	«...selbst Aufgenommene...» [3, с. 8 – 12]

Анализируемый отрывок иллюстрирует различные методы перевода специфичных реалий произведения. Стоит также отметить, что текст оригинала изобилует архаизмами, просторечными словами, которые крайне сложно перевести на иностранный язык, и переводчики используют, зачастую, нейтральную лексику, поэтому в тексте отсутствует исторический колорит.

Слово «целковый» все переводчики перевели словом «Silber» – серебро, притом, что подобранный вариант не передает просторечности устаревшего слова «целковый». При переводе слова «надуваньё» переводчики использовали синонимичные варианты «мошенничество», «обман», что тоже не в полной мере отражает значение, используемое автором.

Термин «заштатный» никто из переводчиков не отразил напрямую, используя термины «настоящий город», «городок» и «больше не уездный городок».

Из вышесказанного следует, что проблема перевода безэквивалентной лексики играет немаловажную роль в современной лингвистике. Целью переводчика становится поиск способов перевода, позволяющие ему донести до читателя все национально-культурные особенности русского языка, не потерять самобытность авторского стиля.

Список использованных источников

1. Аксаков С. Т. Собрание сочинений, т. 1. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – 640 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 240 с.
3. Aksakow S. Eine Familienchronik (Deutsch von Dieter Pommerenke). – Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1988. – 299 s.
4. Aksakow S. T. Eine Familienchronik (Übertragung von Sergius Raczynski, herausgegeben von Arthur Luther). – Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1950. – 279 s.
5. Aksakow S. Eine Familienchronik (Übersetzung von Eva Schäfer-Luther). – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1982. – 301 s.

УДК 81`33

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДУЛЯЦИЯ КАРДИОЛОГИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО НА
РУССКИЙ ЯЗЫК****А. А. Старухина,***магистрант***В. Н. Карпухина,***профессор, д. филол. н., профессор кафедры лингвистики, перевода и
иностранных языков**Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

Аннотация: данная статья посвящена комплексному исследованию перевода англоязычной кардиологической терминологии. Методами сопоставительного, структурно-функционального и компонентного анализов было выполнено сравнение исходного и переводного вариантов лексем. Особое внимание уделено семантическому компоненту языковых единиц и модуляции их значения в тексте перевода.

В заключении обобщаются полученные результаты и излагаются следующие выводы: семантическая модуляция является продуктивной моделью перевода кардиологической терминологии; иные переводческие трансформации, в частности конкретизация и описательный перевод, используются при отсутствии прямой эквивалентной единицы в переводящем языке.

Ключевые слова: терминология, кардиология, перевод, переводческие трансформации, семантическая модуляция, конкретизация, описательный перевод.

Abstract: the article is devoted to a complex study of the translation of English-language cardiological terminology. The methods of comparative, structural-functional and component analyses were used to compare the original and translated lexemes. Special attention is paid to the semantics of language units and the modulation of their meaning in the translated text.

In conclusion, the results obtained are summarized and the following conclusions are presented: semantic modulation is a productive model for translating cardiological terminology; other translation transformations, particularly concretization and descriptive translation, are used in the absence of a direct equivalent unit in the translating language.

Keywords: terminology, cardiology, translation, translation transformations, semantic modulation, concretization, descriptive translation.

Изучение терминологии как результата человеческой деятельности из области конкретной науки привлекает к себе всё большее внимание со стороны отечественного и зарубежного научно-исследовательского сообщества. В частности, проблема определения термина, существующего в пределах конкретной терминологии, его соотношение с концептом и их дальнейшее изучение занимают одно из ведущих мест в гуманитарных науках. Семантическая составляющая терминов и механизмы их смыслового развития при переводе имеют особую значимость для лингвистического профиля.

Термин представляет собой ядро любой сферы знания; следовательно, он полисемантичен. Это затрудняет определение общей сущности явления, т.к. каждая наука выделяет в нём наиболее существенные с её точки зрения дифференциальные признаки. Согласно А. Н. Баранову, термин также имеет двойственную природу, т.е. существует и как часть лексики

естественного языка, и как часть метаязыка науки.

Исследователи языкового профиля выделили интегральные (общие) для термина семы и определили его как: 1) «слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей» [5, с. 61]; 2) «специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях» [6, с. 14]; 3) «лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [4, с. 31–32].

Термины, по своей природе, не существуют в языке самостоятельно; они образуют терминологию – «это совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания, образующая особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию и упорядочению» [5, с. 62].

Нами рассматривается англоязычная кардиологическая терминология. Материалом для исследования послужили статьи из *European Heart Journal*. При анализе терминов и их переводов используются понятия «переводческая трансформация», «категоризация», «семантическая модуляция», «описательный перевод» и пр. Основные приёмы перевода кардиологических терминов с английского на русский язык представлены в практической части нашего исследования.

Three-dimensional magnetic resonance perfusion imaging – *магнитно-резонансная томография (МРТ) сердца с контрастированием и трёхмерной реконструкцией*, где ‘perfusion’ переводится как ‘контрастирование’ и означает внутривенное введение контрастирующего вещества (гадолиний) для дальнейшего проведения исследования. Поскольку МРТ включает в себя процесс визуализации сердца и сосудов, в приведённом примере наблюдается семантическая модуляция типа ‘процесс-результат’ с расширением исходного значения в переводящем языке (ПЯ).

Adenosine stress perfusion imaging – *визуализация перфузии миокарда (ВПМ) с использованием агонистов аденозиновых рецепторов*. В данном случае используется описательный перевод с опущением лексического компонента, связанным с отсутствием прямых эквивалентов в ПЯ. Значение исключённого элемента ‘perfusion’ восстанавливается в переводе заменой исходного слова существительным ‘использование’, подразумевающим под собой введение пациенту агонистов аденозиновых рецепторов в различных дозировках для проведения исследования.

Quantitative coronary angiography (QCA) – *количественная оценка поражения коронарных артерий на основе сравнительного анализа ангиографических шкал*. В примере представлена модуляция типа ‘процесс-метод’, т.к. идёт процесс семантического развития исходного словосочетания. Переводной вариант включает в себя не только

предшествующее ангиографическое исследование, но и метод количественной оценки полученных результатов.

Radiation-based nuclear imaging/nuclear perfusion imaging – *сцинтиграфия сердца/миокарда (радионуклидная визуализация)*. В примере представлена семантическая модуляция типа ‘процесс-результат’, т.к. ‘сцинтиграфия сердца’ – получение изображений исследуемого органа посредством введения радиоактивных изотопов и дальнейшего определения испускаемого излучения. Опускание элемента ‘perfusion’ было выполнено с целью снижения смысловой избыточности переводного варианта, значение которого восстанавливается в дефиниции понятия (‘введение радионуклидов’).

Anti-ischaemic trials – *противоишемическая терапия*. Это пример семантической модуляции ‘метод-процесс’. Существительное ‘trials’ означает ‘проведение исследований, совокупность определённых действий’, т.е. все те методы, относящиеся к процессу противоишемической терапии. Расширение значения в переводном варианте, в этом случае, связано с использованием существительного ‘терапия’, включающего в себя все способы консервативного (нехирургического) лечения заболевания.

Intra-pocket ultrasound-guided axillary vein puncture (IPUS-AVP) – *катетеризация/канюляция аксиллярной/подмышечной вены малого диаметра под ультразвуковым контролем (ультразвуковая навигация катетеризации/канюляции аксиллярной вены)*. Это пример семантической модуляции ‘фазы действия’, поскольку пункция вены (‘puncture’ в ИЯ) – это начальная стадия в процессе установки электрокардиостимулятора (ЭКС)/имплантируемого кардиовертера-дефибриллятора (ИКД). Эквиваленты ‘катетеризация/канюляция вены’ обозначают идущую после прокола стенки сосуда процедуру. Таким образом, идёт поэтапное смысловое развитие термина от начальной к промежуточной стадии операции.

Implantation of transvenous cardiac implantable electronic devices (CIED) – *установка трансвенозного имплантируемого кардиовертера-дефибриллятора (ИКД)/электрокардиостимулятора (ЭКС)*. В приведённом примере представлена конкретизация – приём замены исходного словосочетания ‘cardiac implantable electronic devices’ двумя соответствиями с более точным значением (‘имплантируемый кардиовертер-дефибриллятор/электрокардиостимулятор’).

Cephalic vein cutdown (CVC) – *доступ к латеральной подкожной вене руки посредством пункции и дальнейшего разреза кожи по игле*. Использование описательного перевода в приведённом примере связано с отсутствием прямого эквивалента в русском языке. Значение исходного словосочетания реализуется в переводном варианте подробным объяснением процесса трансвенозного доступа.

Lead insertion – *введение/установка электрода/провода-электрода/гибкого электрода ЭКС*. Многозначное английское

существительное 'lead' обозначает не только 'свинец', но и является одним из синонимов слова 'wire' (провод). В переводном варианте оно может быть заменено несколькими эквивалентами с узким значением, образующими синонимический ряд (*электрод/провод-электрод/гибкий электрод электрокардиостимулятора*). Русскоязычный термин был образован путём применения конкретизации лексической единицы.

Coronary artery disease – *ишемическая болезнь сердца (ИБС)*. ИБС – острое или хроническое поражение миокарда, связанное с нарушением (уменьшением или прекращением) кровотока по коронарным артериям. Недостаточность коронарного кровообращения, вызванная сужением или полным закрытием кровеносных сосудов, является причиной локальной ишемии сердечной мышцы. Следовательно, пример иллюстрирует модуляцию типа 'причина-следствие'.

Imaging techniques – *методы медицинской визуализации*. Это собирательный термин, включающий в себя: УЗИ сердца (ЭхоКГ), радионуклидную вентрикулографию, перфузионную сцинтиграфию сердца (миокарда), однофотонную эмиссионную компьютерную томографию (ОФЭКТ), МРТ, позитронно-эмиссионную томографию (ПЭТ), компьютерную томографию (КТ) и т. п. Вышеперечисленные методы включают в себя процесс визуализации исследуемого органа (сердца и коронарных артерий) и предполагают дальнейшую интерпретацию полученных результатов. Это пример семантической модуляции 'процесс-результат' с расширением исходного значения в ПЯ, ставшей принципом отбора и включения единиц в собирательный термин.

Left/right bundle branch block – *блокада левой/правой ножки (предсердно-желудочкового) пучка Гиса*. Это пример конкретизации значения в ПЯ, т.к. уточняется анатомическое образование в проводящей системе сердца. Многозначные лексемы 'bundle' (набор, комплекс, пучок) и 'branch' (ветвь, ответвление) в переводном варианте заменяются эквивалентом 'пучок Гиса' с узким значением (т.е. подразумевают под собой проводящий путь сердца, обеспечивающий связь между миокардом предсердий и желудочков). Также конкретизируется локализация пучка ('предсердно-желудочковый').

На основе анализа англоязычных кардиологических терминов и их русскоязычных эквивалентов можно сделать следующие выводы: наиболее продуктивной моделью перевода является семантическая модуляция. Это использование в ПЯ такой лексической единицы, значение которой логически выводится из исходной путём сохранения категориально-лексической семы и перегруппировки интегральных и дифференциальных признаков. Она способствует развитию синонимических отношений между исходным и переводным вариантами. Наиболее частотной является модуляция типа 'процесс-результат'.

Описательный перевод и конкретизация значения как переводческие трансформации используются в случаях отсутствия в русском языке

прямого эквивалента термина. Русскоязычная кардиологическая терминология отличается от англоязычной более комплексной структурой. Это связано с тенденцией включения в терминологическую лексику наиболее значимых с точки зрения области знаний элементов. Семантические преобразования также объясняются необходимостью внедрения в профессиональную сферу терминов, соответствующих категориальному аппарату и образу мышления носителей ПЯ.

Список использованных источников:

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
2. Белардинелли Луси (US), Роснер Митчелл (US)) Визуализация перфузии миокарда с использованием агонистов аденозиновых рецепторов: URL: https://rusneb.ru/catalog/000224_000128_2006127167_20080210_A_RU/
3. Гаврилова Н. Е., Метельская В. А., Перова Н. В., Яровая Е. Б., Бойцов С.А., Мазаев В.П. Выбор метода количественной оценки поражения коронарных артерий на основе сравнительного анализа ангиографических шкал // Российский кардиологический журнал. – № 6 (110). – 2014.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
5. Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
6. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 6-е – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 248 с.
7. Intra-pocket ultrasound-guided axillary vein puncture vs. cephalic vein cutdown for cardiac electronic device implantation: the ACCESS trial: URL: <https://academic.oup.com/eurheartj/article/44/46/4847/7313540>
8. Third universal definition of myocardial infarction: URL: <https://academic.oup.com/eurheartj/article/33/20/2551/447556>
9. Whole-heart dynamic three-dimensional magnetic resonance perfusion imaging for the detection of coronary artery disease defined by fractional flow reserve: determination of volumetric myocardial ischaemic burden and coronary lesion location: URL: <https://academic.oup.com/eurheartj/article/33/16/2016/448179>

УДК 821.111:81'255.2

ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕВОДА ГЕРАЛЬДИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ГЕРБА В ДРАМАТИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

А. А. Стрельцов,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и ИТЛ,
Институт филологии, журналистики и МКК, Южный федеральный
университет, Ростов-на-Дону*

Аннотация. В статье анализируются особенности функционирования и передачи геральдических терминов в художественной литературе. Материалом послужила пьеса Б. Джонсона «Every man out of his humour» на английском языке. Данное произведение не было переведено на русский язык, но один фрагмент может представлять значительную трудность для перевода, поскольку содержит целый ряд геральдических терминов.

Ключевые слова: воображаемая геральдика, герб, перевод терминов, описательный код, художественный перевод

Summary. The article deals with the peculiarities of usage and translation of heraldic terms in fiction. We have picked out for analysis an extract from a comedy by Ben Johnson «Every man out of his humour», heretofore not translated into Russian. It is rich in heraldic terms, which may be difficult to interpret.

Key words: imaginary heraldry, emblem, translation of terms, descriptive code, literary translation

В истории английской драматургии у Бенджамина Джонсона – неоднозначное место: считавшийся при жизни вторым по степени известности после своего старшего современника, Уильяма Шекспира, сейчас он входит во второй десяток британских драматургов всех времён, тогда как великий Стратфордцец возглавляет все рейтинги [12; 13]. Впрочем, это не является показателем «литературного забвения» – жизнь и творчество комедиографа является предметом изучения как на родине, так и в нашей стране [8; 11; 5; 4; 10; 2]; его пьесы стали материалом для исследований лингвистов [7; 9], и переводоведов [3; 1].

Предметом нашего исследования являются особенности функционирования элементов описательного кода, используемого для блазонирования – описания изображений на гербах, в драматургическом тексте, а целью – потенциальные трудности перевода геральдических терминов в комедии Б. Джонсона «Every man out of his humour», которая является материалом настоящего исследования. Сама пьеса не переведена на русский язык, но название передано как: «Всяк выбит из своего нрава» [6].

Интересующий нас фрагмент [14] представляет собой сцену, в которой участвуют Путарволо (Puntarvolo) – a vain-glorious knight – тщеславный рыцарь, Карло Буффоне (Carlo Buffone) – a scurrilous and profane jester – насмешливый/нечестивый/непристойный шут и Сольярдо (Sogliardo), честолюбец, мечтающий о дворянстве, и приобретший в герольдии (herald's office) за тридцать фунтов жалованную грамоту на дворянство и герб. Пунтарволо замечает, что это – самый мерзкий, глупый, несообразный, нелепый, и смехотворный геральдический щит, который ему доводилось видеть (It is the most vile, foolish, absurd, palpable, and ridiculous escutcheon that ever this eye surviced), а Карло, – что он такой разноцветный, каким не бывает и шутовской наряд (of as many colours as e'er you saw any fool's coat).

В самом фрагменте можно выделить три части:

1) триалог, в котором участвуют упомянутые персонажи. Здесь упомянуты ряд лексических единиц т.н. геральдического языка:

- *herald's office* можно перевести как «герольдия», так и «герольдмейстерская контора» – последний вариант более дословный и «громоздкий»;

- *a coat of arms*, иногда сокращаемый до *arms* – герб;

- *to charge* (в оригинале «well charged») – помещать символ на геральдическом щите;

- *crest* – иногда является синонимом «coat of arms», но правильнее обозначать этим словом украшение над гербовым щитом – шлем (в т.ч. с нашлемником), корона, намёт.

- *rampant* – стоящий на задний лапах (о животном), в данном случае речь о хряке без головы. Карло Буффоне предполагает, что эта фигура в гербе – указание на то, кем является его обладатель – безмозглым боровом, пытающимся обрести дворянское достоинство, и воздаёт должное остроумию геральдиста («I commend the herald's wit»);

- *to blazon* – описывать, изъяснять герб;

- *tricking* – зд. словесное описание герба. Сольярдо говорит, что оно обошлось ему ещё в два шиллинга;

- *escutcheon* – гербовый или геральдический щит – центральная часть герба.

2) описание щита:

- *gyrony* – прилагательное, образованное от *gyron* – треугольник на щите, и обозначающее «разделённый на несколько треугольников», – обычно на шесть, восемь, как в тексте (of eight pieces), двенадцать или шестнадцать;

- *azure and gules* – лазурь и червлень – финифти или «эмали», обозначающие цвета в геральдике (соответственно, синий и красный);

- *three plates* – три серебряные монеты, золотые же обозначались словом *bezant*;

- *chevron engrailed* – зубчатое стропило – почетная геральдическая фигура, образованная двумя перевязями;

- *checquy or, vert and ermins* – четырежды рассечённый и четырежды же пересечённый на золото, зелень (ещё одна «эмаль») и горностаевый мех;

- *a chief* – верхняя часть щита;

- *argent* – серебро (металлы – золото и серебро, меха – беличий и горностаевый, и финифти – это названия групп тинктур – обозначений цветов, принятых в геральдике);

- *between two ann'lets sable* – меж двух колец чернью. *Annulet* – негеральдическая фигура, представляющая собой кружок с пустотой внутри, а «чернь» – ещё одна «эмаль».

Заключительная фраза не представляет сложности в плане перевода, но зато объясняет, куда, собственно, «делась» голова хряка (a boar's head, proper): она – между колец.

3) завершение триалога, в котором Карло Буффоне акцентирует внимание на тех или иных фразах из описания, а Пунтарволо предлагает добавить девиз: «Не без горчицы» (“Not without mustard”).

В целом же можно сказать, что герб Сольярдо, действительно, очень

редкий, как отмечали его собеседники, но только для дворян. Со времён Позднего Средневековья существовала также цеховая геральдика: торговцы и ремесленники, но чаще их объединения – гильдии, стремились иметь свои эмблемы. В них могли быть кольца (у бондарей), свиная голова (у мясников), зубчатые стропила (у каменщиков).

С точки зрения специального перевода, данный фрагмент, занимающий примерно одну страницу печатного текста, отличается насыщенностью геральдическими терминами. Мы надеемся, что осуществлённый нами разбор позволит снять данную трудность перевода, и сделать возможной передачу описания герба и всего фрагмента указанной пьесы на высоком уровне эквивалентности.

Список использованных источников

1. Бирюков С. Н., Сердечная В. В. Художественные трансформации в переводе пьесы Бена Джонсона «Every man in his humour» («Каждый по-своему») П. Н. Соколовой // В сборнике: Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы VIII междунар. научно-практич. конфер. – 2023. – С. 298-301.
2. Долгашева М. В., Емельянова Н. В. О жизни и творчестве Бена Джонсона, одного из величайших писателей Елизаветинской Англии // Актуальные вопросы преподавания иностранного языка в высшей школе: сборник научных трудов VII междунар. научно-практич. конфер., посвященной Году педагога и наставника в России. – Чебоксары, 2023. – С. 97-100.
3. Жаткин Д. Н., Футляев Н. С. Драматургия Бена Джонсона в переводах И. А. Аксенова // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 4 (56). – С. 92-100.
4. Иванова Н. К. Вокруг Шекспира. «O rare Ben Jonson»: лингвистическое наследие // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – №2. – С. 210-217.
5. Ковалев В. А. Бен Джонсон. Удовольствие, примиренное с доблестью // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. – 2008. – № 7. – С. 206-244.
6. Литвинова М. Д. Оправдание Шекспира. М.: Вагриус, 2008.
7. Лоикова А. А., Польская Н. В. Отражение исторических и языковых реалий в творчестве Бена Джонсона // Молодежная наука и современность: 71-я итоговая межвузовская конференция студентов и молодых ученых: в 2 ч. – 2006. – С. 361.
8. Парфенов А. Т. Драматургия Бена Джонсона и её место в английской литературе Позднего Возрождения: дис. ... доктора филол. наук. Москва, 1983.
9. Помигалова Е. В. Семантика говорящих имён в комедии Б. Джонсона "Варфоломеевская ярмарка" // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2016. – № 2 (11). – С. 146-148.
10. Рогатин В. А. Попытка объединения жанра хроники с приёмами классицизма в творчестве Бена Джонсона // Иностранные языки в высшей школе. – 2020. – № 1 (52). – С. 26-33.
11. Токарь Е.А., Снегирёв Р. С., Ледовской А. А. Творчество Бена Джонсона и эпоха Возрождения // Молодежная наука и современность: 71-я итоговая межвузовская конференция студентов и молодых ученых: в 2 ч. – 2006. – С. 367.
12. Famous British Playwrights [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://www.thefamouspeople.com/british-playwrights.php> (дата обращения: 05.01. 2024)
13. Best British Playwrights [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://www.stagemilk.com/best-british-playwrights/> (дата обращения: 05.01. 2024)

14. Ben Jonson Every Man Out of His Humor. Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://hiddenepitaph.wordpress.com/2018/09/17/sogliardo-part-iii-a-reflection-of-poet-are/> (дата обращения: 05.01. 2024)

УДК 821.161.1

ЛЕРМОНТОВ О ВЛАСТИ СЛОВА (СТИХОТВОРЕНИЯ «К Д.» И «ЕСТЬ РЕЧИ – ЗНАЧЕНЬЕ» НА АРМЯНСКОМ)

Р. В. Татевосян,

*доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
зарубежной литературы, Армянский государственный педагогический
университет имени Х. Абовяна, Ереван*

Аннотация. В статье рассматриваются перевод стихотворения «К Д.» и четыре перевода стихотворения Лермонтова «Есть речи – значение» – Ов. Пальяна (1904), В. Норенца (1934), В. Геворкяна (1982) и Ф. Киракосяна (2007). Отмечается внесение эпитетов, ненужных добавлений, чуждых стилистике оригинала, изменение числа центральных понятий («слово», «звук») и времени глагола. Все это разрушает стройность простого и бездонного, по выражению А. Ахматовой, лермонтовского шедевра.

Ключевые слова: перевод, неточные рифмы, дополнения, эпитеты, синонимы, центральная метафора, сильная позиция.

Summary. The article deals with the translation «To D.» and four translations of Lermontov's poem «There are speeches – meaning» by H. Palyan (1904), V. Norents (1934), V. Gevorkyan (1982) and F. Kirakosyan (2007). The introduction of epithets, unnecessary additions, alien to the style of the original, a change in the number of central concepts («word», «sound») and the tense of the verb are noted. All this destroys the harmony of the simple and bottomless Lermontov's masterpiece as it is considered by A. Akhmatova.

Key words: translation, inexact rhymes, additions, epithets, synonyms, a central metaphor, a strong position.

Путь к созданию стихотворения «Есть речи – значение» (1840) прослеживается в лирике Лермонтова 1830-х годов. В 1831 году в послании «К Д.» («Будь со мною, как прежде бывала») Лермонтов писал о власти слов:

Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой. [5, с.245]

В стихотворении «К*» («Прости! – мы не встретимся боле»), созданном годом позже, продолжено развитие темы:

Есть звуки – значение ничтожно
И презрено гордой толпой –
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе зарыто бывшее
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них! [6, с.52]

Перевод стихотворения «К Д.» включен в трехтомное издание произведений Лермонтова на армянском языке [4; с.102], позднее он перепечатан и в одномомнике [3, с.139], изданном в 1982 году.

В оригинале чередуются десяти- и девятисложные строки, рифма перекрестная. В переводе характер рифмовки сохранен, но строки длиннее (двенадцати- и десятисложные). В этом послании речи несут интимный смысл, отклик порождает слова любимого человека. Приведем последние две строфы:

Есть слова – объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной:
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой.
О, поверь мне, холодное слово
Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
Ядовитое жало змеи. [5, с.243]
Перевод А. Акопяна:

Բառեր կան, բայց նրանց գաղտնիքը չգիտեմ,
Որ ինձ վրա ունեն իշխանություն.
Լսելով բառերն այդ, ես իսկույն կաթափվեմ,
Բայց ուրիշը՝ չի առնի հարություն:
Օ՛, հավատա դու ինձ, սառը բառերը լոկ
Սրբապղծում են լույս քո շրթերը:
Այնպես, ինչպես օձի խայթոցները թունոտ՝
Երիտասարդ ծաղկի թերթիկները: [4, с.102]

Строки о невозможности объяснить причину власти слов в переводе получают корявое воссоздание: появляется противительный союз (բայց, но), исчезает отсылка к причине (отчего). Пересказано дословно так: слова есть, но их тайны не знаю, которые имеют власть надо мной. В переводе больше повествовательности. Тире в оригинале («Есть слова – объяснить не могу я») заполняется в переводе словами. Завершающее стихотворение сравнение (последние две строки) в переводе становится растянутым (այնպես, ինչպես; так, как).

Броско проявляется эта повествовательность, длиннотность в переводе второй строфы. В оригинале два тире интонационно разрывают строки и выделяют переносы:

Если искра надежды хранится
В моем сердце – она оживет,
Если может слеза появиться
В очах – то она упадет. [5, с.243]
Перевод:

Եթե հույսի կայծը տակավին չի մարել
Իմ սրտի մեջ, ապա այն կվառվի, –
Եթե կարող է դեռ կրկին արցունք փայլել
Իմ աչքերում, ապա այն կփայլի: [4, с.102]

Мы выделили слова-довески, разрушающие интонацию стихотворения: տակավին (все еще), դեռ (еще), կրկին (снова), дважды повторяется ապա (то).

Можно отметить и мелодраматические повторы в переводе первой строфы, чуждые стилистике оригинала:

Եղիր ինձ հետ, ինչպես եղել էս դու հնում,
 Օ՛, սսս ինձ, սսս թեկուզ մի բան,
 Որ հոգին իմ գտնիք քո մի հաստիկ բառում,
 Ինչ փնտրել է այնքան երկար, երկար: [4, с.102]

Выделены повторяющиеся слова «скажи» и «долго».

Не дробя и не увеличивая наблюдений о переводе, хочу отметить лишь одно обстоятельство. В наиболее полном трехтомном издании произведений Лермонтова на армянском хотелось бы иметь возможность проследить развитие и изменение тем, образов, стилистики. При таком подходе, представив стихотворение «К Д.», следовало бы показать и расширение масштаба его звучания, его тематики. Но, по всей видимости, составители не нашли достойного перевода лермонтовского шедевра «Есть речи – значенье».

В обоих посланиях 1830-х годов говорится о силе слова любимого человека. Они как будто подготавливают более емкое звучение темы в стихотворении «Есть речи – значенье» (1840), в котором, по точному замечанию Э. Найдича, третья строфа «направила стихотворение по другому руслу, придав ему более широкий смысл»: [10]

Не встретит ответа
 Среди шума мирского
 Из пламя и света
 Рожденное слово. [6, с.144]

Такой масштаб стихотворения поражал А. Ахматову своей простотой и бездонностью. «Если бы он написал только это стихотворение, он был бы уже великим поэтом» [1, с.181], – утверждала она.

Стихотворение привлекало многих поэтов 20 века (В. Брюсова, И. Анненского, П. Антокольского и других) и не раз перелагалось на музыку.

В «Лермонтовской энциклопедии» подчеркивается выраженное в стихотворении противоречие между звуком и значением: «Именно в звуках, а не в их значении, пустом и “ничтожном”, кроется для Лермонтова истинная причина покоряющей силы слова» [8, с.158].

На наш взгляд, «из пламя и света рожденное слово» не поддается такому расчленению на звуки и значенье. Совершенно справедливо утверждение Э. Найдича: «Лермонтовское стихотворение не расщепляет слово на звук и смысл, а представляет его во всей жизненной полноте» [10].

Столь важные для романтиков звуки природы Лермонтов также не отделяет от значения, от их «содержания». Так, в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837) в многозвучии природы различима «таинственная сага», которую лепечет ключ. Мы узнаем и «содержание» саги – «про мирный край, откуда мчится он» [6, с. 92]. Даже кажущееся обычно-стертым выражение «лес шумит» в лермонтовском художественном мире отзывается множеством ассоциаций. Шум леса – это отклик на звук ветерка: «И свежий лес шумит при звуке ветерка» [6, с. 92]. И этот отклик подобен тому порыву, ответу, который вызывают речи:

Не кончив молитвы,
 На звук тот отвечу,
 И брошусь из битвы
 Ему я навстречу. [6, с.144]

«Из пламя и света рожденное слово» сродни звукам природы, отзывающимся в душе, смиряющим ее тревоги и отметающим сомнения.

Стихотворения Лермонтова появляются на армянском с 1840-х годов, и многие из них представлены в нескольких переводах. Обращений к стихотворению «Есть речи – значенье» не так много. По данным библиографии, охватывающей период с 1843 по 1966 гг. [9], их два: в 1904 г. был опубликован перевод Ов. Пальяна [2, с. 380], в 1934 – В. Норенца [11, с. 70]. Мы рассматриваем также более поздние переводы – В. Геворкяна [3, с. 380] и Ф. Киракосяна [7, с. 40]. В трехтомном собрании сочинений Лермонтова на армянском, как уже отмечалось, нет рассматриваемого стихотворения, но здесь помещено послание «К Д.» (перевел А. Акопян) [4, с. 102], в котором намечено развитие темы силы слова.

Стихотворение написано двухстопным амфибрахийем, рифма перекрестная. Ов. Пальян применил семисложник, у В. Норенца, В. Геворкяна, Ф. Киракосяна – шестисложник. Все четыре переводчика сохранили перекрестную рифму.

Начало лермонтовского стихотворения – утверждение силы речей:

Есть речи – значенье
 Темно иль ничтожно,
 Но им без волненья
 Внимать невозможно. [6, с.144]

Приведем первую строфу в переводе Ов. Пальяна:

Չա՛ն խոսքեր, որո՛նց իմաստ
 Չա՛մ թէ մութ ի կա՛ն չնչի՛ն,
 Բայց անանց յուզման անաստ
 Մըտիկ տա՛լի է անհնարի՛ն: [2, с. 380]

В рассматриваемых нами переводах только Ов. Пальян и Ф. Киракосян передали инверсию первой строки. Но у Пальяна в первой строке появляется подчинительная связь (Есть речи, которых значенье...) там, где в оригинале тире («Есть речи – значенье»), во второй строке дважды повторяется союз «или» (или темно, или ничтожно). А последняя строка выбивается из стилистики оригинала употреблением диалектного выражения (մութիկ տալի).

Переводчики по-разному определяют «значенье» речей. «Ничтожный» переводят как չնչի՛ն, աննշմար, աննշան (ничтожный, незаметный, незначительный), но они единодушны в переводе слова «темно» (մութ, մթի՛ն). Только Ф. Киракосян перевел иначе, но неудачно – տալի (тусклый, мутный).

В оригинале одно слово передает впечатление от речей, им невозможно внимать – без волненья.

Переводчикам этого кажется мало, и они оттеняют его еще одним

словом. У Пальяна – без неодолимого волнения (յոյզման տեսիլ). В переводе В. Норенца (անհույզ ու անթոյլ; без волнения и не пленяюсь):

Խոսքեր կան – իմաստով
Մթին են կամ աննշմար,
Բայց անհույզ և անթոյլ
Լսելն է խիստ դժվար: [11, с.70]

В. Геворкян добавляет «безразлично» (безразлично, без волнения):

Խոսքեր կան՝ իմաստով
Աննշան են կամ մութ.
Բայց լսել չես կարող
Անտարբեր, անհուզմունք: [3, с.62]

Приведем эту строфу и в переводе Ф. Киракосяна, который в данном случае избежал дополнений:

Կան խոսքեր՝ իմաստով
Չնշին են կամ աղոտ,
Բայց նրանց առանց հույզ
Դու լսել չես կարող: [7, с.70]

Сразу бросаются в глаза неточные рифмы (իմաստով - հույզ, աղոտ - կարող). У В. Геворкяна тоже звучание расстроено (իմաստով - կարող, մութ - անհուզմունք).

Ф. Киракосян отказывается от безличной конструкции, которой завершается строфа оригинала, и ставит в сильное положение, в начало строки «Ты» (ты слышать не можешь). В переводе В. Норенца вместо «внимать невозможно» читаем «внимать очень трудно».

Во второй строфе важна анафора в последних двух строках:

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них следы разлуки,
В них трепет свиданья. [6, с.144]

Анафора сохранена только у Ов. Пальяна:

Ինչպես աննց վեհ ձայներ
Լի են տենչով մղելկան՝
Հոն բաժանման արցունքներ,
Հոն ցնծութիւն հանդիպման: [2, с.380]

Вразрез с оригиналом Ов. Пальян добавляет эпитет: վեհ ձայներ (возвышенные звуки).

В остальных переводах нет анафоры, а возглас-восклицание сменился перечислительной интонацией (полны они безумным желанием, трепетом свидания, слезами разлуки):

Հնչուններն են դրանց
Առի խենթ տենչանքով,
Թրթիռով հանդիպման,
Բաժանման արցունքով: [3, с.62]

(перевод В. Геворкяна)

В переводе В. Норенца, в отличие от вышеприведенного, рифмы точные, но также нет ни восклицания, ни анафоры:

Նրանք ի յեն հեշտին

Յանկուրթյան խենթ կրքով,
 Արցունքով հրաժեշտի,
 Հանդիպման հուզմունքով:[11, с.70]

Выражение «безумство желанья» переведено по-разному: «տենչով մղկեկան» (Ов. Пальян), «ցանկուրթյան խենթ կրքով» (В. Норенц), «խենթ տենչանքով» (В. Геворкян), «խենթ իղձերով» (Ф. Киракосян).

А «трепет свиданья» получил интерпретации от ликования (ցնծություն; Ов. Пальян), волнения (հուզմունք; В. Норенц) до трепета (թրթր; В. Геворкян) и дрожи, озноба (սրբունք; Ф. Киракосян).

В центре стихотворения, в третьей строфе появляется метафора, имеющая значение поэтической формулы («Из пламя и света рожденное слово»). И здесь же продолжена тема отклика:

Не встретит ответа
 Среди шума мирского
 Из пламя и света
 Рожденное слово. [6, с.144]

«Не встретит», – утверждает поэт. И глагол, поставленный в будущем времени, отмечая возможность ответа, звучит как вердикт на все времена. В переводах В. Норенца, В. Геворкяна, Ф. Киракосяна глагол употреблен в настоящем времени (չի գտնում – не находит). И только в переводе Ов. Пальяна передано судьбоносное утверждение (չի գտնելու – не встретит).

Формула не приемлет добавлений и отклонений. Она сжата и точна. В переводе Ов. Пальяна появляются два эпитета – слово могучее, непоколебимое:

Բարրան հրգր, անսասան,
 Օրնունդ հրքոյ և լուսին:[2, с.380]

Переводя эти строки, В. Норенц вносит подчинительную связь, добавляет эпитет (неугасимый), пламя у него расходится на искры, языки и ставится во множественном числе. А очень важная составляющая в рождении слова (свет) не упоминается.

Այն խոսքը, վոր անշեջ
 Բոցերից է ծնվում:[11, с.70]

Если в первых двух строфах говорится о «речах» и «звучах» (эти слова употреблены во множественном числе), то в третьей строфе «слово», а в пятой «звук» ставятся в единственном числе, что подчеркивает их емкое и обобщенное значение:

Не кончив молитвы,
 На звук тот отвечу,
 И брошусь из битвы
 Ему я навстречу. [6, с.144]

Звук здесь синонимичен слову, звучание и смысл нерасчленимы.

В переводе Ов. Пальяна, в четвертой строфе звучит не «слово» (услышав его), а модуляция, перелив слова (բարրանին էլեւէջ):

Բայց տանարի, կռուի մէջ
 Եւ կամ ուր որ ալ ըլլամ,

Այն բարբառին ելեւէջ
Եւ ամեն տեղ կը ճանչնամ: [2, с.380]

Под пером В. Норенца также размазывается, растекается поэтическая сконцентрированность «слова» и «звука». Он пишет «звук речи» («խորհրհնյունին»), а в последней строфе разнообразит синонимический ряд (ձայն – голос, звук).

Աղօթքի չափարտած՝
Պատասխան կտամ, կանչ,
Կվագեն կովից բաց
Այդ ձայնին ընդառաջ: [11, с.70]

«Отвечу» переведено двумя словами – պատասխան կտամ, կանչ (ответчу, откликнусь). Так же и в предыдущей строфе «услышав» В. Норенц передает двумя словами (լսում եմ, ունկնդրում – слушаю, внимаю).

В переводе В. Геворкяна центральная метафора утратила свою стройность из-за внесения эпитета (վառման – яркий, горящий). Излишне слово, рожденное из пламени, определять еще как горящее, огненное:

Ժխորում մարդկային
Չի գտնում պատասխան
Կրակից ու լույսից
Ծնված խորհրդի այդ վառման: [3, с.63]

Обратим внимание и на неточность рифм (մարդկային – լույսից).

В четвертой строфе В. Геворкян ставит слово «звук» во множественном числе и добавляет эпитет (звук эти святы):

Բայց տանարում ինեմ,
Թե մարտում, ամենուր,
Կիմանամ, հենց լեմ,
Եւ հնյուններն այդ սուրբ: [3, с.63]

В переводе Ф. Киракосяна «слово» и «звук» также приводятся во множественном числе:

Չեն գտնում պատասխան
Ժխորում մեր հույսի
Այդ խորքերը հյուսված
Կրակից և լույսից: [7, с.40]

Мы уже отмечали, что «не встретит ответа» звучит как голос судьбы. И тем более значимым становится поворот в развитии темы и представленный в последних строках отклик, возможный везде: среди тихой молитвы и в разгар боя.

В переводе Ф. Киракосяна изменено время глагола (не находят – չեն գտնում). А сила и яркость центрального образа стихотворения утеряны в приглушенном пересказе (не находят ответа нашей надежды эти речи, сплетенные из огня и света).

В шестисложных строках лермонтовского стихотворения выверено и выделено каждое слово: два ударения в строке (двухстопный амфибрахий), первое и последнее слова находятся в сильной позиции – начало строки и конец, рифмующееся слово. Внося эпитеты, «дополнительные» слова, переводчики разрушают эту особенность. Они не передали напряженного

движения к центральному образу стихотворения, который имеет значение формулы, и возвращения к теме отклика, заявленной в первой строфе и завершенной в последних двух.

Рассмотрение переводов еще больше выявляет особенности лермонтовского стихотворения, где выделено каждое слово, важен каждый поворот в развитии темы стихотворения, значимы переход от множественного числа к единственному, время глагола и звучность рифм. Расстроенным звучанием, неточными рифмами невозможно передать «из пламя и света рожденное слово» Лермонтова, многократно перелавшавшееся на музыку.

Список использованных источников

1. Ахматова А. А. Собрание сочинений в двух томах, т.2, М.: «Художественная литература», 1986, 464 с.
2. Базмавеп. 1904, N 8 (на армянском языке).
3. Лермонтов М. Ю. Избранные отрывки // Ереван: «Советакан грох», 1982 – 576 с. (на армянском языке)
4. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. Ереван: «Айастан», 1965 – 450 с. (на армянском языке)
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1954 – 452 с.
6. Лермонтов М. Ю. Сочинения в шести томах. Т. 2. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1954 – 386 с.
7. Лермонтов М. Одинокый парус. Ереван: «Иравунк», 2007 – 62 с. (на армянском языке)
8. Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
9. М. Лермонтов в армянских переводах и в армянской критической мысли, 1843-1966 гг. Ереван, 1981 – 120 с.
10. Найдич Э. "Из пламя и света рожденное слово...". Этюды о Лермонтове. – СПб.: Худож. лит., 1994. – С. 156—163.
11. Хорурдаин граканутюн, 1934. – N 2 (на армянском языке).

УДК 82-522

**ПЕРЕВОД «ПРОПОВЕДЕЙ» ШОТЛАНДЦА ХЬЮ БЛЕРА
А. П. БУНИНОЙ (1829): ЦЕНзуРА, ПРОДВИЖЕНИЕ, РЕЗОНАНС****В. С. Трофимова,***кандидат филологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург***Т. Н. Трофимова,***соискатель, Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ), Москва*

Аннотация. В статье рассматривается перевод «Проповедей» известного во второй половине XVIII и начале XIX вв. шотландского проповедника и писателя Хью Блера, предпринятый поэтессой Анной Петровной Буниной в последние годы ее жизни. Раскрываются трудности, с которыми она столкнулась при публикации перевода, и ее стремление распространить свой труд по учебным заведениям России. Устанавливается читательская аудитория, на которую было нацелено русское издание «Проповедей». Рассматриваются особенности перевода А. П. Буниной с английского на русский. Отдельное внимание уделено рецензии на перевод, опубликованной в газете «Северная Пчела» в 1829 году, и критике рецензента.

Ключевые слова: А. П. Бунина, Х. Блер, переводчик, перевод, проповедь, цензура, самопродвижение.

Summary. The article examines the translation of *Sermons* of the Scottish preacher and writer Hugh Blair, famous in the second half of the 18th and early 19th centuries, undertaken by the poetess Anna Petrovna Bunina in the last years of her life. The difficulties she encountered in publishing the translation and her desire to disseminate her work throughout Russian educational institutions are revealed. The readership at which the Russian edition of *Sermons* was aimed is established. The features of A.P. Bunina's translation from English into Russian are considered. Special attention is paid to the review of the translation published in the newspaper *Northern Bee* in 1829, and to the criticism of the reviewer.

Key words: A. P. Bunina, H. Blair, translator, translation, sermon, censorship, self-promotion.

Хью (Гуг) Блер (1718–1800) был выдающимся шотландским проповедником и теоретиком литературы, профессором риторики Эдинбургского университета. Он дружил с философом Давидом Юмом, оказывал покровительство поэту Роберту Бернсу и был знаком с Президентом Императорской академии наук Е. Р. Дашковой. Его произведения были популярны в России еще во второй половине XVIII века. Его сочинения по риторике были переведены на русский еще в 1790-е годы («Опыт ретирики», 1791; «О начале и постепенном приращении языка и изобретении письма» (Г. Гагарин и П. Лихачев), 1799). Его «Опыт о красноречии проповедников» был переведен с английского в 1800 году священником Иваном Павинским, будущим духовником Великой княжны Екатерины Павловны, любимой сестры императора Александра I, и будущим архиепископом Казанским и Симбирским Ионой (1826–1828). Другие религиозные сочинения Блера активно переводили в конце 1810-х и в 1820-е годы. Протоирей Иаков Воскресенский перевел «Слово о смерти И. Христовой» в 1823 году и «Слово о силе веры в злополучии» в 1825 году. Дмитрий Хвостов перевел «Слово о любви христианской» в 1820 году. В

том же году вышел перевод «Слова о силе веры в нещастии» Дмитрия Шишкова. Кроме того, переводы работ Блера по поэзии читались на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности. На 29-м заседании 16 ноября 1820 года было зачитано его сочинение «О Потерянном рае» в переводе А. А. Бестужева (Марлинского), а спустя три с лишним года, 18 февраля 1824 года было прочитано «Определение поэзии» в его же переводе. Оба перевода были опубликованы.

Самым знаменитым переводом Блера на русский язык стала книга «Нравственные и философические беседы» 1829 года. В качестве переводчицы выступила знаменитая русская поэтесса, почетный член Беседы любителей русского слова и Вольного общества любителей российской словесности Анна Петровна Бунина (1774–1829). Среди переводчиков Блера были близкие знакомые Буниной – граф Дмитрий Хвостов, подписавшийся на вторую часть собрания ее стихотворений, и брат ее покровителя, с 1824 года Министра Народного Просвещения Александра Семеновича Шишкова Дмитрий Семенович. А. П. Бунина как почетный член Вольного общества любителей российской словесности была знакома с Бестужевым (Марлинским), они вместе участвовали в заседании общества в доме Державина (вернее, его вдовы Дарьи Алексеевны) 22 мая 1823 года. По всей видимости, саму книгу, с которой она выполнила перевод – третий том пятитомного издания «Проповедей» Блера 1814 года – Бунина привезла из поездки в Англию.

По сведениям от Александра Павловича Чехова, императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I, пожелала, чтобы Бунина выполнила перевод Блера [6, с. 172]. Учитывая тот факт, что другое сочинение шотландского проповедника переводил вышеупомянутый Иван Павинский, возможно, что при российском дворе работы Блера ценили и приветствовали их напечатание на русском языке.

В проекте женского училища 1824 года Бунина перечисляет книги, которые должны будут читать воспитанницы. Она говорит, что «выбор чтения состоять будет из нравоучительных светских повестей», а также «из проповедей Димитрия Ростовского, Митрополита Платона, Блера, Массильона, Фенелона, Бурдалу и прочих благочестивых мужей» [5, с. 41]. Бунина в благодарность за поддержку своего начинания обещала бесплатно переводить книги с английского. Возможно, уже тогда она собиралась переводить «Проповеди» Блера.

В английском оригинале в третьем томе было двадцать проповедей. Бунина перевела девятнадцать (о возможных причинах отказа от перевода восемнадцатой проповеди – о поношении религии – еще будет сказано) и планировала их опубликовать. По всей видимости, изначально перевод носил название «Девятнадцать поучительных слов Блера». В 1827 году Бунина ведет переговоры с тогдашним Министром Народного Просвещения А. С. Шишковым насчет публикации перевода за счет Академии. В результате он возвращает ей рукопись под предлогом, что Типография

Академии перегружена. Бунина не отступает и публикует перевод по подписке. 23 апреля 1828 года, в день, когда Шишков уходит в отставку с поста Министра Народного Просвещения, он отдает распоряжение о подписке на перевод Блера учебными заведениями.

У А. П. Буниной уже был опыт распространения своих книг, как оригинальных, так и переводных, по учебным заведениям Российской империи. Главное правление училищ приобретало ее перевод «Курса изящной словесности» аббата Батте (1808) и сборник ее стихов «Неопытная муза» (1809), а Московский университетский пансион подписался на ее «Полное собрание стихотворений» (в трех частях, 1819–1821 годы) [5, с. 36, 38]. Три экземпляра этого трехтомника она сама принесла в дар Императорскому Санкт-Петербургскому университету, Благородному пансиону и Губернской гимназии. Стремление А. П. Буниной распространить свои сочинения именно в высших учебных заведениях необычно для России того времени, ведь доступ к высшему университетскому образованию был тогда для женщин закрыт. Не слишком удивительным кажется слух, который прошел по Москве в 1824 году, о том, что Бунину назначат куратором Московского университета; слух этот, однако, не подтвердился [3, с. 48].

После отставки А. С. Шишкова новым министром Народного Просвещения стал генерал Карл Андреевич Ливен – бывший попечитель Дерптского учебного округа. Уже в мае 1828 года Совет Императорского Санкт-Петербургского университета постановляет закупить три экземпляра «Девятнадцати поучительных слов Блера» для собственно университета, Высшего училища и Благородного пансиона. Для Губернской гимназии книгу нашли слишком трудной. Однако возникает неожиданное препятствие. Не все проповеди (или, как их назвала Бунина, беседы) успешно прошли цензуру. Проблема возникла с проповедями «О причастии на Тайной вечере как подготовке к смерти» и «О преставлении мира». Между тем, пятнадцатая «беседа» – о причастии – уже была напечатана на русском языке под названием «О причащении святым тайнам» в 1825 году; перевод ее приписывается Н. Ф. Покровскому. Задержка расстраивает А. П. Бунину, и она обращается к князю Ливену с просьбой рассмотреть эти две проповеди как можно скорее, так как несет ответственность перед подписчиками, коих уже более ста человек. Оказывается, что эти две «беседы» Блера не получили одобрения цензуры, и книга в итоге вышла без них. Точная причина их запрещения не ясна.

Еще в декабре 1828 года князь Ливен отдает распоряжение Главному Правлению училищ закупить сто экземпляров книги по цене 10 рублей за экземпляр. Бунина должна была получить 1000 руб., однако денег она не увидела. Ее брат Иван Петрович пытается выяснить, в чем дело, и оказывается, что министр уже передумал закупать такое количество книг, а считает нужным закупить лишь 64, либо предлагает Буниной снизить цену, но ее брат отказывается. В результате Харьковский учебный округ выражает

готовность закупить 84 экземпляра, и в итоге выходит 148 экземпляров. 4 декабря 1829 года Бунина умирает, но вплоть до 1832 года ее последний труд распространяется по университетам и училищам. В Санкт-Петербургский университет книга поступила в мае 1830 года.

Книга вышла под названием «Нравственные и философические беседы, из сочинений доктора Блера» и включала семнадцать бесед. Две, как мы уже отметили, стали жертвами нового закона о цензуре, а одну – о поношении религии – Бунина не включила сама. Почему? Возможно, из-за переключек с недавней историей – восстанием декабристов. Учитывая переводы Блера, выполненные видным декабристом А. А. Бестужевым (Марлинским), такая гипотеза не кажется неправдоподобной. Вот отрывок из этой проповеди Блера: «Те, кто не унизится до того, чтобы льстить великим, кто отказывается мириться с существующими нравами, когда считают их злом, <...> представляются людьми романтического характера и визионерских принципов, не знакомыми с миром, не способными в нем жить. <...> Эта высокая щедрость духа, нестигаемая добродетель, приверженность принципам, превышающая другие мнения, которая всегда отмечала характер тех, кто выдающимся образом показал себя в общественной жизни, кто восставал против могущественных угнетателей, кто в тяжкие времена поддерживал пришедшие в упадок права и свободы людей и принес честь своей нации и стране – такие люди, возможно, подвергались насмешкам со стороны тех, среди кого они жили, но вечность отдаст им должное, именно их имена записаны для будущих веков, о них думают и говорят с восхищением» [7, р. 354–356]. Бунина посвятила книгу российскому юношеству и противопоставила ее революционным настроениям: «Предки ваши всегда отличались благочестием и набожностью! Сколько раз всеразрушительные тучи скоплялись над главою России; чада ея отражали их, как в древния, так и в новейшия времена не одною токмо храбростию; но более непоколебимостью в вере, благочестием, преданностью Царю, покорностью властям и любовью к отечеству» [2, б/н]. Вероятно, при переводе четвертой беседы она с симпатией отнеслась к следующему отрывку: «Общественные нужды <...> требуют, чтобы люди были поставлены: одни повелевать, другие повиноваться; одни защищать общество от внешних опасностей, другие блюсти внутренний его порядок и тишину» [2, с. 76]. Как переводчица Бунина очень внимательно отнеслась к цитатам из Библии и выказала глубокое знание Священного писания: в книге множество примечаний, в которых отмечаются различия между русским и английским переводами Писания. Кроме того, она иногда добавляет отсутствующие в оригинале отрывки из Библии. Если говорить о самом переводе, то в целом он достаточно точный, однако имеются слова, вызывающие у переводчицы затруднения, например слово «statesman», которое она в одном месте переводит неправильно – «статистика», а в другом нелепым словом «правоведец» [2, с. 9, 10]. Иногда она делает текст более высокопарным, к

примеру, когда переводит «a brave and a virtuous man» как «отважного витязя» [2, с. 147].

А. П. Бунина успела увидеть издание «Нравственных и философических бесед» Блера напечатанным и 14 мая 1829 года подписала экземпляр книги своему двухлетнему внучатому племяннику – будущему знаменитому путешественнику Петру Тянь-Шанскому. 3 августа того же года в газете «Северная пчела» появляется критическая рецензия на издание «Проповедей Блера», в которой отмечается качество печати, но обличается старомодность слога: «Подлинник сей книги признан в числе образцовых, классических произведений в своем роде. Известная наша Писательница, Анна Петровна Бунина, трудилась в переводе, и сим облегчала скорбные минуты страданий своих в тяжкой болезни, желая, чтобы сие отрадное занятие послужило в пользу юной отечественной публики. Цель благородная, средство достойное всякой хвалы! При появлении произведений сего рода, Рецензент кладет перо, и Критика безмолвствует пред несчастьем и добродетелью. Впрочем надеемся, что краткие, благонамеренные замечания не повредят книге, и не огорчат автора. Жаль, что почтенная Переводчица слишком придерживалась Славянских оборотов: они сильны и выразительны в слоге мужественном, совершенно правильном, но ослабляют и затемняют мысль под пером женщины, изучившейся сему языку только по слуху и малому навыку. Пора оставить нам обветшалые формы Феофана и Гедеона. И духовные особы наши ныне пишут чистым Русским языком. Странно, после Карамзина (который, впрочем, не отвергал Славянских и старинных Русских оборотов, а пользовался оными с умом и вкусом) читать книги, в которых как бы с умыслом набраны периоды тяжелые, неправильные и не-Русские. Но есть люди (и весьма умные, и почтенные), которым, по привычке и любви к старине, сей слог преимущественно нравится: им рекомендуем перевод Бесед Блера. Книга сия напечатана красиво и четко. Жаль, что каждая Беседа обезображена нелепою гравированною виньеткою. Что может быть страннее заглавия 17-й Беседы, в котором буквы расставлены не в прямой и даже не в косвенной линии, а в каком-то странном и неприятном хаосе. Такие ребяческие замашки граверов не должны быть терпимы в издании книг важных. Благородная простота есть лучшее наружное (как и внутреннее) украшение таковых творений» [4]. Действительно, строй речи А. П. Буниной старомоден, и не столько в переводе Блера, сколько в текстах, относящихся к проектам женских училищ. Собственно славянизмов и архаизмов в ее переводе не так уж много; здесь рецензент несколько преувеличивает. Неизвестно, читала ли смертельно больная Бунина эту рецензию. Ее перевод проповедей Блера, выполненный вопреки страшным физическим страданиям, стал яркой страницей последних лет ее жизни. О нем же сказано и в заметке о ее смерти в той же газете «Северная Пчела» 24 декабря 1829 года.

Нам не удалось пока установить, в какой мере перевод «Нравственных

бесед» Блера использовался в образовательных учреждениях Российской империи. Однако в архиве адмирала Николая Семеновича Мордвинова, друга А. П. Буниной, председателя Вольного экономического общества, имеется список книг, предназначенных для выпускников сельскохозяйственной школы графини Софьи Владимировны Строгановой в ее усадьбе Марьино под Тосно, основанной в 1825 году и просуществовавшей до середины 1840-х годов. Эта школа имела теоретическое и практическое отделения (практическая школа работала летом). В мае 1838 года Мордвинов обещает выдавать выпускникам как теоретической, так и практической школ среди прочего книгу «Нравственные наставления Блера» – то есть, те самые «Нравственные и философические беседы» [1, с. 637–638]. Таким образом, в конце 1830-х годов «Проповеди» Блера в переводе А. П. Буниной еще использовались в образовательном процессе в Российской империи.

Список использованных источников

1. Архив графов Мордвиновых. Т. 8. – СПб: Тип. Скороходова, 1903. – 724 с.
2. Блер Х. Нравственные и философические беседы. Из сочинений Доктора Блера. Переводила с Англинского Анна Бунина. М.: В типографии Н. Степанова При Императорском театре, 1829. – 391 с.
3. Бунина А. П. Неопытная муза: Собрание стихотворений. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2016. – 560 с.
4. Л. Новья книги. Нравственные и Философические Беседы. Из сочинений Доктора Блера // Северная Пчела. – 1829. – № 93, Суббота 3 августа. – С. 1.
5. Трофимова В. С. Анна Петровна Бунина и ее проекты женских училищ // Г. Р. Державин и его время: сборник научных статей. Вып. 15. – СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина. – 2020. – С. 34–43.
6. Чехов Ал. П. Замечательные русские женщины: Анна Петровна Бунина // Исторический Вестник. – 1895. – Т. LXII. № 10. – С. 164–173.
7. Blair H. Sermons in Five Volumes. Vol. III. London: Printed for T. Cadell and W. Davies, in the Strand, and W. Creech, Edinburgh, 1814. – 402 p.

УДК 811.58

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В. С. Тюков,

*учитель английского языка, Гродековская средняя общеобразовательная
школа, Гродеково*

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей китайской народной сказки как средства воспитания и обучения детей школьного возраста. Рассмотрена характеристика сказки и ее отличия от других жанров фольклора. Изучены классификации сказок и проанализированы сюжеты китайских народных сказок о тигре.

Ключевые слова: сказка, миф, легенда, фольклор, сказ.

Summary. The article is devoted to the study of the features of Chinese folk tales as a means of upbringing and education of school-age children. Characteristics of fairy tale and its differences from other folklore genres are considered. Classifications of fairy tales are studied and plots of Chinese folk tales about the tiger are analyzed.

Key words: fairy tale, myth, legend, folklore, folktale.

Сказка считается одним из важных жанров художественной стилистики. По мнению некоторых авторов, данный жанр можно относить к фольклорному и эпическому. Сказка позволяет отразить нравственные ценности народа, а также становится возможным ненавязчиво пережить смысл важных человеческих ценностей и жизненного смысла. Несмотря на то, что сказки – это вымысел и фантастика, они способны транслировать особенности и ценности того народа, который и создал данную сказку [4, с. 116–117]. Этой точки зрения придерживается Ю. Н. Михайлова, по словам которой каждая сказка содержит в себе некий национальный идеал – важные законы бытия, которые сохраняли духовное здоровье нации. Читая сказку, мы можем понять дух народа, его ценности, образы и символы [6, с. 109–110].

Являясь одним из важных жанров фольклора, сказка довольно часто может рассматриваться вместе с мифом, легендой и сказом. Однако стоит различать данные жанры. Е. В. Намычкина в своей научной статье приводит следующие отличия:

1. сказ содержит в себе реальные события, в то время как сказка ориентирована именно на вымысел;

2. мифы повествуют о богах, легенды – о героях, а сказка акцентирует свое внимание на неизвестных людях;

3. сказка в отличие от мифа излагается с небольшой иронией и всегда содержит некую мораль в то время;

4. в противопоставлении легендам и мифам, которые содержат информацию о времени описываемых событий, сказка ограничивается абстрактными упоминаниями о времени: «давным-давно», «в те далёкие времена», «однажды»;

5. сказка направлена на описание состояние героя и его перемен, в зависимости от преодоления различных преград и проблем [7, с. 104–105].

Авторы выделяют большое количество видов сказок. Среди них:

1. волшебные (описывается фантастический мир, который совершенно отличается от реального);

2. бытовые (чаще всего такие сказки описывают обыденную жизнь и содержат в себе некий конфликт противоположных качеств);

3. новеллистические (содержат большое количество бытовых элементов и жизненных деталей);

4. о животных (главными героями выступают животные, которые наделяются человеческими качествами);

5. легендарные (построены на легендах, которые лишились одной из своих особенностей – основаны на событиях реальной жизни);

6. анекдотические (ключевая особенность – акцент на высмеивании);

7. притчи (небольшой поучительный рассказ).

Однако большинство исследователей выделяют именно три вида сказки: о животных, бытовые и волшебные.

Несмотря на данные классификации, сказки разных стран могут

обладать собственными отличительными характеристиками. Так, например, в китайской сказке очень часто олицетворяют некоторые реалии (дождь – слезы). В китайских сказках обычно описываются персонажи с одной стороны и, в связи с этим, крайне просто отделить добро от зла [1, с. 5–6]. Тем самым, в китайских сказках мы очень редко встретим противоречия. По мнению китайцев не может быть одновременно добра и зла. Этой характеристикой китайская сказка немного похожа на русскую, где границы добра и зла достаточно просто заметить. Однако в русских сказках взгляды на истолкования добра и зла представлены в соответствии культурными особенностями нашего народа. В китайских народных сказках добрые люди могут делать исключительно добрые дела, а злые люди – только плохие. Даже, если злой человек сделает доброе дело, его положение не изменится. Он останется злым в понимании народной сказки. Злые герои часто обладают более высоким статусом, чем добрые герои: богатые, сильные, хитрые [2, с. 296].

В сказках о животных звери и птицы обычно наделяются человеческими качествами и способны мыслить, рассуждать и выполнять те же самые действия, что и люди [5, с. 42–43].

Невзирая на некоторые отличия от сказок других стран, китайская сказка способна передавать важную информацию из поколения в поколение. В эпоху растущего потока информации при обучении, ребенок школьного возраста может переутомляться и становится нервным. Сказка позволит очистить мысли от всего отрицательного и сконцентрировать внимание ребёнка на делах и поступках героев и поразмышлять о причинах их действий [8, с. 109–110].

Читая сказку, обучающийся не только изучает мир, познает границы добра и зла, но и обогащает словарный запас. Данный жанр позволяет ребенку развить грамотную, привлекательную и логическую речь. Помимо этого, как отмечает в своей научной работе А. А. Григоренко, сказка, как правило, содержит определённую мораль и транслирует те или иные человеческие качества [3, с. 117–118].

Таким образом, мы можем заметить, что сказка является достаточно важным жанром не только в фольклоре, но и в художественной литературе. Она позволяет отразить нравственные ценности народа, передать некую мораль и помогает сформировать мировоззрение ребенку. В связи с этим, для знакомства школьников с особенностями мировосприятия жителей Китая, их моральными и культурными ценностями, а также расширения переводной литературы, авторами настоящей статьи был выполнен перевод китайских народных сказок о тигре с китайского языка на русский. Были выбраны следующие сказки: «Лев и тигр», «Гордый тигрёнок», «Солнечный тигр», «Борьба льва и тигра», «Тигр и олень». Данные сказки можно использовать в сфере преподавания китайского языка для того, чтобы предоставить возможность школьникам познакомиться с устным народным творчеством Китая.

Героями данных сказок выступают разные животные: лев, тигр, слон, кабан, белка, заяц, обезьяна, медведь, олень. Однако главным и действующим героем во всех сказках является именно тигр. В каждой сказке он наделяется разными качествами, такими как честность, сострадание («Лев и тигр»), злость, тщеславие («Гордый тигрёнок»), мудрость («Солнечный тигр»), трудолюбие, целеустремлённость («Борьба льва и тигра»), наивность («Тигр и олень»).

В каждой сказке присутствует определённая мораль, которая обычно формулируется в конце текста одним предложением, либо скрыта в самом сюжете.

Сказка «Лев и тигр» повествует нам о жизни двух животных, которые, устав от вечного противостояния, решили объединить свои усилия. Но дружба между тигром и львом продлилась недолго. Причиной конфликта послужила просьба слона дать немного земли в его владения. Тигр с радостью согласился, а лев, в свою очередь, не захотел отдавать часть своих территорий. Услышав подобное, тигр также отказался и поссорился со львом. Тем самым, лев из-за своей жадности обрек слонов на вечное скитание по лесам и степям.

Сказка «Гордый тигрёнок» рассказывает нам о тигрёнке, который потерялся в лесу. Вместо того, чтобы вежливо попросить у жителей леса указать ему дорогу к дому, главный герой проявляет к ним грубость и неуважение. Лишь повстречав мудрого зайца, объяснившему тигрёнку, что подобное отношение к другим не приведёт ни к чему хорошему, тигрёнок задумался и пересмотрел свой взгляд на жизнь. И вновь попросив у одного из жителей помощь, но уже вежливо, тигрёнок смог вернуться домой.

Сказка «Солнечный тигр» повествует о тяжелой судьбе животных, которые страдали от слишком жаркого солнца на вершине горы. Однажды к ним забрел тигр, который питался только солнечными лучами. Узнав об этом, жители леса попросили тигра забрать все солнце. Он с радостью исполнил эту просьбу. Но жители леса не догадывались чем это может для них обернуться. После исчезновения солнца, небо заволочили бесконечные тучи и начал лить дождь. Это продолжалось настолько долго, что у жителей леса стала заканчиваться еда. Поэтому они вновь обратились к тигру с просьбой вернуть всё обратно. Тигр, конечно, вернул все солнечные лучи. Тем самым, данная сказка учит нас ценить то, что у нас есть и пренебрегать этим.

Сказка «Борьба льва и тигра» рассказывает о состязании двух животных в скорости. В первой схватке с легкостью победил лев. Одержав победу, лев начал насмехаться над тигром. Не выдержав этого, тигр предложил снова провести подобное соревнование через год. Каждый день тигр тренировался, а лев только отдыхал. При следующей встрече победителем стал тигр – он достаточно просто обогнал льва. Мораль данной сказки в том, что настойчивость и упорный труд непременно приведут к победе.

Сказка «Тигр и олень» повествует о голодном тигре, который поймал оленя в свои лапы и решил его съесть. Но олень не растерялся и попросил тигра отпустить его на один день, чтобы он смог проститься со своей семьей. Тигр поверил оленю и отпустил его. На следующий день олень не пришел в обещанное место. Тогда тигр разозлился и устремился к дому оленя. Прибежав к нему, тигр разъярённо стал кричать о том, что его обманули. В этот же момент появился олень и пригласил в свой дом тигра, уверяя его, что выполнит обещание. Вбежав в дом, тигр провалился в яму. Так он и остался в ней до конца своей жизни. Тем самым, сказка учит нас не доверять тому, что говорят другие.

Таким образом, данные китайские сказки транслируют следующую мораль: от жадности одного могут пострадать многие; грубость ни к чему хорошему не приводит; необходимо ценить то, что уже есть; упорный труд и старания приводят к победам; не нужно доверять каждому человеку.

Список использованных источников

1. Аббасова Л. И., Зотова И. В. Особенности сказки как средства воспитания и обучения детей дошкольного возраста // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 68. – С. 4–7.
2. Абдуллина Л. Р., Сайфуллина Г. Ф., Усманова С. Г. Сказка как средство нравственного воспитания обучающихся // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6. – С. 295–297.
3. Григоренко А. А. Сказка как жанр устного народного творчества // Язык. Общество. Медицина. – 2017. – № 5. – С. 117–118.
4. Дядюченко В. А. Понятие сказки и проблема ее адаптации к другой культуре // Филологические науки. – 2019. – № 3. – С. 115–120.
5. Идрозова Э. С. А. Общая характеристика сказок и их особенности // *Lingua-Universum*. – 2014. – № 6. – С. 42–45.
6. Михайлова Ю. Н., Ян Ю. Сказка как источник культурологической информации (на материале русских и китайских сказок) // Мир глазами молодых. – 2019. – № 11. – С. 108–111.
7. Намычкина Е. В. Сказка как литературный жанр // Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 103–108.
8. Упоров А. В. Сущность китайских сказок, аспекты и этапы их изучения и проблемы типологии // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2019. – № 3. – С. 108–115.

УДК 81`25

ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА В СВЕТЕ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА**Е. Н. Углова,***обучающийся магистратуры, кафедра перевода и переводоведения***В. Е. Горшкова,***доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и переводоведения,**Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации,
Иркутский государственный университет, Иркутск*

Аннотация. В статье кратко рассматриваются ключевые положения интерпретативной теории перевода (ИТП), и то, как они реализуются в дидактике перевода. Выявляются факторы эффективности методики обучения переводу построенной по принципам ИТП.

Ключевые слова: интерпретативная теория перевода, интерпретация, дидактика перевода, преподавание устного перевода.

Summary. The article briefly examines the key provisions of the interpretative theory of translation and how they are implemented in translation didactics. The effectiveness factors of the translation teaching methodology based on the principles of the interpretative theory are identified.

Key words: interpretative theory of translation, interpretation, didactics of translation, teaching interpreting.

«Дидактика перевода представляет собой область педагогической науки, изучающую процесс формирования личности, обладающей особыми компетенциями, особыми психическими свойствами, сознающей свой социальный статус» [3, с. 37]. Несмотря на то, что профессия переводчика берет свое начало еще с древних времен, работа исследователей с целью выявления и обоснования дидактических принципов для систематизации педагогической деятельности по обучению переводу началась в историческом плане относительно недавно. Лишь в середине XX века в связи с необходимостью массовой подготовки переводческих кадров, способных обеспечивать межъязыковую коммуникацию в резко изменившихся условиях международной обстановки нового передела мира, появляются первые факультеты, институты и школы перевода [4, с. 44].

Примерно в этот период, в 1957 году, было основано одно из самых известных в мире учебных заведений высшего образования для переводчиков – Высшая школа перевода Университета Париж III (Новая Сорбонна). Высшая школа перевода (École supérieure d'interprètes et de traducteurs – ESIT) – уникальное явление в системе образования Франции. ESIT известна, прежде всего, особым дидактическим подходом к обучению устных переводчиков, основы которого заложены в интерпретативной теории перевода (ИТП).

Высокий уровень профессионализма выпускников Высшей школы перевода и их востребованность по всему миру подтверждает эффективность этого подхода. В данной статье мы попытаемся выявить

основные факторы дидактического успеха данной теории, фокусируясь при этом не на прикладных, а на теоретических аспектах базирующейся на ней методологии, разработанной Даницей Селескович и Марианной Ледерер. ИТП также называют «теорией смысла», в чем, по сути, отражается ее фундаментальное положение, заключающееся в том, что переводить необходимо не языковые единицы, а смысл, который они несут.

В рамках ИТП выделяются: уровень языка (перевод слов вне контекста), уровень речи (когда значение слов актуализировано, то есть уточнено конкретным контекстом) и уровень текста (когда внутри самого текста содержится дополнительная информация экстралингвистического характера, учитываются фоновые знания самого переводчика и та информация, которая извлекается при прочтении текста) [6, с. 187].

Перевод на уровне языка (дословный) может быть полезен при изучении иностранного языка в сравнении с родным, помогая усвоить особенности иноязычной структуры. Однако такой перевод не может считаться полноценным, так как не учитывает контекста и всех экстралингвистических факторов, а также нередко не соответствует нормам узуса переводного языка. И хотя, как правило, на занятиях по переводу большое внимание уделяется поиску различного рода соответствий при работе над той или иной темой, профессиональным считается только тот перевод, который производится на уровне текста.

Мельчайшими единицами сообщения на уровне текста являются абстрактные «единицы смысла», существующие только в сознаниях говорящего и слушающего, и именно с ними переводчик обязан научиться работать – воспринимать, анализировать и преобразовывать их [12, р. 215–216]. Из единиц смысла образуется общий смысл сказанного.

Схожих взглядов на методику обучения переводу придерживается В. В. Сдобников, утверждающий, что именно общий смысл текста должен воспроизводиться в переводе. Исследователь критикует дидактический подход, при котором обучающиеся занимаются исключительно изучением переводческих соответствий и работой с вырванными из контекста фрагментами, поскольку в результате такого обучения они не обретают ключевую способность воспринимать общий смысл переводимого текста. При этом В. В. Сдобников отмечает, что полностью отказываться от изучения технологии перевода не нужно, однако необходимо сосредоточиться на обучении студентов пониманию целостного смысла сказанного. Кроме того, он подчеркивает часто недооцениваемую важность предпереводческого анализа [10, с. 307].

В ИТП так же особое значение имеет предпереводческий этап, так как именно на этом этапе происходит достижение понимания смысла текста. Для обучения пониманию в ESIT существует определённая методика, направленная на развитие умения анализировать информацию (как устную, так и письменную). Она представляет собой комплексную смысловую обработку, анализ текста, своего рода интеллектуальную гимнастику, цель

которой – научить будущего переводчика не сумме знаний, не расширению лингвистического багажа, а определённым мыслительным рефлексам, помогающим ориентироваться и находить верное решение в любой профессиональной ситуации [1, с. 24]. Ведь отличительной чертой ИТП является то, что она требует от переводчика не сосредотачиваться на словах, а наоборот абстрагироваться от них, мыслить «поверх» языковых конструкций, чтобы интерпретировать полученную информацию.

Авторы ИТП рассматривают интерпретацию как процесс, состоящий из трех шагов:

- 1) сопоставление значений языковых единиц с экстралингвистическими знаниями и извлечение смысла;
- 2) девербализация;
- 3) спонтанное выражение смысла средствами языка перевода [12, р. 22].

Хотя принцип девербализации считается одним из наиболее спорных моментов ИТП у ее противников, очевидно, что именно он является ключевой причиной высокого качества перевода, реалистичности его звучания для носителей переводного языка. В связи с этим В. В. Сдобников и О. В. Петрова также отмечают девербализацию как «очевидное достоинство» и подчеркивают ее важность, как в условиях устного, так и письменного перевода [9, с. 250].

Помимо вышесказанного, говоря о методике обучения переводу, следует отметить, что существует множество различных подходов к преподаванию перевода, нередко противоречащих друг другу даже в рамках обучения одним и тем же видам перевода. Причиной этого представляется, прежде всего, разное понимание сути перевода как деятельности. В связи с этим существует проблема соотношения дидактики и лингводидактики перевода, т.е. обучения непосредственно переводу и обучения языку. Некоторые исследователи считают, что дидактика и лингводидактика неотделимы друг от друга, другие же наоборот, полагают, что между ними существует четкое разделение.

Так, например, по мнению Е. Р. Поршневой, дидактика перевода – это один из аспектов лингводидактики, а «рассмотрение дидактики перевода как раздела теории перевода вне связи с теорией лингвистического образования явно устарело» [8, с. 448]. В то же время Н. К. Гарбовский считает, что «размещение дидактики перевода в лоне лингводидактики является не меньшим заблуждением, чем определение науки о переводе как прикладной отрасли лингвистики» [4, с. 41]. Таким образом, для Е. Р. Поршневой перевод – это вид речевой деятельности, а для Н. К. Гарбовского – общественная функция коммуникативного посредничества.

Что касается данного вопроса, мы придерживаемся позиции Н. К. Гарбовского, которая также созвучна мнению авторов ИТП. Д. Селескович и М. Ледерер утверждают, что «обучение интерпретации» и

«обучение языку» отнюдь не являются синонимичными понятиями, и, кроме того, как уже было обозначено выше, проводят четкую грань между уровнем языка и уровнем текста (который также называют уровнем дискурса) [12, p. 213–214].

При этом важной чертой такого разделения является то, что обучение языку осуществляется отдельно от обучения переводу, а точнее – до него, поскольку переводить без знания языка невозможно. Так, от поступающих на переводческие программы всегда требуется некая языковая база, однако вопрос состоит в том, должна ли к началу обучения переводу общеязыковая компетенция уже быть полностью сформирована или ее формирование может продолжаться параллельно с формированием профессиональных переводческих компетенций. О. В. Петрова пишет, что «с точки зрения эффективности обучения переводческой деятельности первый вариант, несомненно, предпочтителен» [7, с. 122], соглашаясь с немецкими дидактиками и методистами в том, что «недопустима ситуация, когда эта компетенция не сформирована до начала обучения, а складывается параллельно, в процессе подготовки переводчиков» [11, с. 56].

Такой же принцип обучения соблюдается и в Высшей школе перевода, где обязательным условием поступления на отделение устного перевода является проживание в стране изучаемого языка не менее одного года. Отличительной особенностью обучения в ESIT является отсутствие каких-либо сборников текстов, учебников, поскольку большинство печатных материалов достаточно быстро теряют свою актуальность. Материалом для занятий служат ежедневные газеты, а также аутентичные документы и материалы конференций государственных и международных организаций [5, с. 59].

К вышесказанному можно также добавить, что не менее важным для результативного обучения является четкое разграничение направлений по устному и письменному переводу, что позволяет выстроить более всеобъемлющие и целенаправленные образовательные программы.

Как считает Н. К. Гарбовский, современная дидактика перевода пока не располагает достаточно эффективными методами для формирования у обучаемых целостного представления о переводе [2, с. 352]. Это утверждение остается актуальным и сегодня. Тем не менее, существуют определенные подходы, демонстрирующие в этом плане явную эффективность, которая позже проявляется на практике, и ИТП как методологическая основа обучения переводу, по нашему мнению, несомненно, входит в их число, являясь при этом уже далеко не новой разработкой. По итогу всего вышеперечисленного существенными факторами ее высокой результативности нам представляются: особое внимание к предпереводческому этапу, четкое разделение обучения языку и переводу, актуальность используемых для обучения материалов, направленность на определенный вид перевода и ее исключительная практикоориентированность, проявляющаяся в акцентуации на целостном

восприятию текстов с одной конкретной целью – корректно извлечь и донести смысл переводимого сообщения.

Список использованных источников

1. Алексеева Е. А. Опыт подготовки устных переводчиков в Высшей школе переводчиков ESIT (Париж, Франция) // Язык. Культура. Коммуникация. – 2015. – № 2 (18). – С. 21–26.
2. Гарбовский Н. К. Дидактика перевода: традиции и инновации в обучении переводу // Русский язык в современном мире. – 2013б. – № 1. – С. 344–352.
3. Гарбовский Н. К. Российская школа перевода: традиции и вызовы XXI века // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2013а. – № 4. – С. 36–50.
4. Гарбовский Н. К. Семь вопросов дидактики перевода или scopos-дидактика переводческой деятельности // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2012. – № 4. – С. 36–54.
5. Красноборова Л. А. Формирование переводческих компетенций в Высшей школе перевода (ESIT) университета Париж III (Новая Сорбонна) // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 1. – С. 58–63.
6. Попова О. И. Устный последовательный перевод: проблемы, дидактика // НОМО LOQUENS (Вопросы лингвистики и транслятологии): Сб. статей. – Волгоград, 2004. – Т. 2. – С. 186–190.
7. Петрова О. В. Лингводидактика и дидактика перевода: общая цель, но разные задачи // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2022. – № 20. – С. 114–125.
8. Поршнева Е. Р. Дидактика перевода – раздел переводоведения или лингводидактики? // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: Мат. междунар. конф. Москва, 14–16 апр. 2016 г. – М.: МГПУ, 2016. – С. 444–449.
9. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 448 с.
10. Сдобников В. В. Теория перевода и дидактика перевода: единство или борьба противоположностей? // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2007. – № 1. – С. 301–308.
11. Шамне Н. Л., Ребрина Л. Н. Подготовка переводчиков в Германии: приоритеты, содержание, стратегии обучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6. Университетское образование. – 2007. – № 10. – С. 54–70.
12. Seleskovitch D., Lederer M. A Systematic Approach to Teaching Interpretation; translated by J. Harmer. Registry of Interpreters for the Deaf, 1995. – 238 p.

УДК 82.09

**ЭВОЛЮЦИЯ ТЕХНИКИ ПЕРЕВОДА НА ПРИМЕРЕ
ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В. БРЮСОВА*****А. А. Устиновская,****доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и
межкультурной коммуникации, Московский государственный
гуманитарно-экономический университет, Москва*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция техники перевода, отход от парафрастической техники, преодоление сопротивления материала текста оригинала, эволюция В. Я. Брюсова как переводчика. Автор статьи показывает, как техника и мастерство перевода оттачиваются в процессе скрупулезной работы, внимательного и ревностного отношения к своей работе. В процессе исследования темы доказывается, что поэт в ходе работы над многочисленными переводами, разработал свою собственную технику перевода, уходя от буквализма и сохраняя дух исходного произведения. Эстетика творчества американского романтика Э. По, нашедшая отклик в сердцах старших символистов, позволила еще более отточить мастерство поэтического перевода, что способствовало межтекстовому и межкультурному диалогу.

Ключевые слова: В. Я. Брюсов, техника перевода, кристаллизация перевода, межкультурный диалог, Серебряный век, Э. По.

Summary. The article examines the evolution of translation techniques, the departure from the paraphrastic technique, overcoming the resistance of the original text material, the evolution of V. Ya. Bryusov as a translator. The author of the article shows how the technique and skill of translation are honed in the process of scrupulous work, attentive and zealous attitude to their work. In the process of research into the topic, it is proved that the poet, in the process of working on numerous translations, developed his own translation technique, moving away from literalism and preserving the spirit of the original work. The aesthetics of the work of the American romantic E. Poe, which resonated in the hearts of senior symbolists, made it possible to further hone the skills of poetic translation, which contributed to intertextual and intercultural dialogue.

Key words: V. Ya. Bryusov, translation technique, crystallization of translation techniques, cross-cultural dialogue, Silver Age, E. Poe.

Наиболее ярким представителем поэтов-переводчиков среди символистов был В. Я. Брюсов. Отличительной чертой его переводов является точность перевода. Это стало возможным благодаря стремлению мастера художественного слова к скрупулезной работе над оригиналом, выбранного им текста. Многие исследователи отмечают тот факт, что подход Брюсова к работе над переводом проявлялся в крайней сосредоточенности и тщательности, что, конечно, и отличает дилетанта от профессионала, в любой профессии.

Помимо того, что Брюсов владел многими языками, он был превосходно эрудирован. Прежде чем приступить к работе над переводом, он знакомился не только с биографией и произведениями автора, но и с культурой, историей народа, к которому принадлежал автор [2].

В процессе работы над многочисленными переводами Брюсов разработал свою собственную теорию перевода, что наглядно свидетельствует об эволюции его техники перевода, а также о кристаллизации самой переводческой стратегии. Стремление к буквализму,

дословности, максимальному приближению к тексту автора, а также сохранению всего самого важного – это именно то, что делает В. Брюсова эталоном мастера поэтического перевода. Для достижения своей цели ему постоянно приходилось бороться и преодолевать сопротивление материала.

Статья В. Брюсова «Фиалки в тигеле» посвящена теории перевода. В период с 1894 по 1895 гг. выходят три выпуска сборника «Русские символисты». Они включали в себя собственные стихи Брюсова под разными псевдонимами и еще несколько стихотворений малоизвестных поэтов. В предисловии к первому выпуску «Русских символистов» Брюсов заявил о намерении создать в России школу символической поэзии, передающей «тонкие, едва уловимые настроения» [3].

Кристаллизация переводческой стратегии В. Брюсова происходила в творческом соперничестве с К. Д. Бальмонтом. В период с 1894 по 1905 гг. Брюсов и Бальмонт активно вели диалог в переписке и в творчестве. Стихотворение «Ворон» Э. По является турнирным. В 1880-е гг. творчество американского романтика и его эстетическая теория начинают оказывать влияние на литературу и искусство, что нашло особое отражение в сердцах старших символистов. Не случайно именно Э. По В. Брюсовым, К. Бальмонтом и Д. Мережковским был назван предтечей русского символизма [1]. У В. Брюсова есть целый сборник переводов стихотворений Э. По.

Именно в этот период было сделано значительное число переводов на русский язык поэтических произведений Э. По. Русские символисты открыли в поэзии Эдгара По новый способ поэтического видения мира, близкий их собственному. Творчество понималась символистами как «тайнопись неизреченного». Поэт, по их убеждению, должен владеть искусством намека и иносказания. Поэтическое слово не статично, а подвижно и многозначно. Слово – это символ, посредством которого поэт-переводчик воплощает задуманное автором текста-оригинала.

Брюсов, работая над переводами поэзии Э. По, отточил стратегию своей переводческой практики, мастерски усвоил искусство стилевой отделки стиха. Перевод поэтических произведений представляет проблему, так как требует переосмысления, личностного толкования оригинального текста поэтом-переводчиком. Перевод на русский язык баллады Э. По «Ворон» является одним из значимых этапов кристаллизации переводческой стратегии В. Брюсова.

Первый перевод баллады был сделан С. Андреевским. Он был опубликован впервые в 1878 г. в «Вестнике Европы». Как отмечает Е. К. Нестерова [4], этот перевод был пересказом сюжета, нежели истинным переводом. Позднее в 1878 г. вышел перевод «Ворона» Л. Пальмина, в 1880 г. – И. Кондратьева, в 1886 г. – Л. Оболенского. Переводчики того периода стремились приблизить стихотворение американского автора к привычным поэтическим формам русского читателя, что уничтожало индивидуальность американского поэта. В 1880–90-х гг. старшие символисты увидели в Эдгаре

По своего предшественника со свойственной им самим эстетикой восприятия действительности.

В переводе В. Я. Брюсова эти строки звучат так:

*И не вздрогнет, не взлетит он, все сидит он, все сидит он,
Словно демон в дреме мрачной,
Взгляд навек вонзив мне в грудь,
Свет от лампы вниз струится, тень от ворона ложится,
И в тени зловещей птицы суждено душе тонуть...
Никогда из мрака душу, осужденную тонуть,
Не вернуть, о, не вернуть!* [6] (Брюсов В. Я. «Ворон»).

Перевод, выполненный В. Брюсовым, пессимистичен, он отражает дух текста-оригинала, чувство безысходности. Ворон Брюсова – вестник мрака. У русских поэтов-символистов ворон – вестник «теневого», inferнального мира. В своем переводе Брюсов подчеркивает враждебность ворона по отношению к герою. Ворон вонзает в героя мрачный взгляд, подобный шпаге. Душа героя тонет во мраке, который принес с собой ворон.

В переводе Брюсова ворон несет в себе тьму кромешную. Часто поэзия созвучна музыке, поэтому «...союз поэзии с музыкой в общепринятом смысле открывает широчайшее поле для поэтического развития» [5]. Э. По воспринимал «музыкальность» шире. Под музыкальностью он понимал звуковую организацию произведения, включая ритм, поэтический размер, метрику, рифму, строфику, рефрен, ассонанс, или аллитерацию. Все эти элементы он ставил в зависимость друг от друга и подчинял общей задаче – достижению музыкального и в то же время семантического эффекта.

В 1895 г. В. Брюсов делает первый набросок перевода первой строфы «Ворона». Это вольный перевод, многие образы переданы не точно, либо потеряны, некоторые добавлены. Это происходило от того, что Брюсов стремился передать размер и рифмовку, переводимого им поэтического произведения, избирая основным элементом формальную организацию стихотворения, жертвуя при этом некоторыми идеями, символами и образами. Брюсов делает акцент на поединке ворона с героем баллады, в котором герой проигрывает духовный поединок с вороном, попадает под власть мрака. Перевод Брюсова точен, близок оригинальному тексту.

Процесс эволюции техники перевода В. Я. Брюсова проходил в творческих соревнованиях с другими поэтами-переводчиками, что в итоге способствовало кристаллизации уникальной техники перевода поэтических произведений, формированию принципов перевода поэзии, пониманию смысла и цели творчества.

Список использованных источников

1. Забаева Э. Ю. Эдгар По и старшие символисты. М.: Издательство государственного областного университета, 2011. – 229 с.
2. Колобаева Л. А. Русский символизм. М.: Издательство МГУ, 2000. – С. 109.
3. Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 2008.

– С. 42.

4. Нестерова Е. К. Русские переводы стихотворения Э. А. По «Ворон» // Тетради переводчика. – 1974. – Вып. 11. – С. 22–36.

5. По Э. Поэтический принцип // Эстетика американского романтизма. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 139.

6. Переводы баллады «Ворон» – XX век. Меланж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2010/10/03/8208> (дата обращения 07.02.2022).

УДК 811.111. '25: 004.9

ФЕНОМЕН «EASTER EGG» В ВИДЕОИГРАХ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. Ю. Фадеева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, Волгоград

Д. Д. Кальнов,

обучающийся магистратуры, кафедра теории и практики перевода и лингвистики

Аннотация. В рамках данной статьи рассматривается аспект перевода «пасхальных яиц» в видеоиграх как скрытого сообщения разработчика игрокам. Анализируются приемы перевода с учетом лингвокультурных особенностей целевой аудитории в языковой паре «английский – русский».

Ключевые слова: видеоигры, перевод, лингвокультурные особенности, транскреация.

Summary. This article examines the translation aspect of Easter eggs in videogames as a hidden message from the developers to the players. Translation techniques are analyzed, while taking into account the linguocultural peculiarities of the target audience in the English – Russian language pair.

Key words: videogames, translation, cultural features, transcreation.

В условиях конкурентной борьбы за пользователей разработчики игр изобрели уникальный способ общения с игроками – «пасхальные яйца» (англ. Easter eggs) или скрытые сообщения, шутки и секретные функции, вставленные в игру для вознаграждения любопытных игроков. Согласно словарному определению, *Easter egg* представляет собой «скрытый компонент в коммерческом программном обеспечении» [6]. «Пасхальные яйца» или «пасхальные отсылки» рассматриваются как форма шутливого поощрения особо внимательных пользователей и способ защиты авторских прав разработчика.

Этимология понятия объясняется американской и британской традицией «охоты за яйцами», которую принято устраивать накануне Пасхи в форме поиска спрятанных на местности яиц. В видеоиграх содержание «пасхального яйца», как правило, выбивается из общей концепции, является внешней ссылкой и выполняет скорее коммуникативную функцию с юмористическим эффектом [8 с. 3].

Цель настоящего исследования – выделить наиболее оптимальный

прием перевода текстовых фрагментов «пасхальных отсылок» в видеоиграх с английского на русский язык. Объектом исследования выступает вербальный контент игр World of Warcraft, Fallout: New Vegas, Cyberpunk 2077, Max Payne в языковой паре «английский – русский», предметом – приемы передачи «пасхальных отсылок» в русскоязычных версиях игры.

Видеоигра является жанром компьютерного дискурса, который характеризуется иллюстративностью, дистантностью, гипертекстуальностью, мультимедийностью и устно-письменным характером коммуникации [4]. Под видеоигрой понимается виртуальное мультимедийное игровое пространство со сложной семиотикой, содержащее сюжетные элементы разной степени значимости. Отсылкам в видеоиграх присуща трансцендентность, поскольку они выходят за рамки обыденного текста программного обеспечения, именно данное свойство определяет феномен «пасхальных яиц» [1, 8].

Первой «пасхальной отсылкой» в видеоигре принято считать секрет из игры «Moonlander» компании Atari 1973 года, в которой игроку необходимо высадиться на Луне. В качестве «сюрприза» на лунной поверхности можно было найти ресторан McDonald's, который служил рекламным целям [7].

Подобные отсылки чаще всего создаются, чтобы развлечь игрока, предоставить ему возможность отдохнуть от прохождения сюжетной линии и насладиться юмором автора. Для переводчика же передача отсылок становится сложной задачей. В первую очередь «пасхальное яйцо» нужно заметить. Такие факторы, как различия в языковой культуре и обычаях, интерпретации юмора или известных феноменов поп-культуры разнятся в разных странах и культурах. Если же при переводе видеоигры удалось обнаружить скрытую ссылку на другое произведение, видеоигру или кинофильм, перед переводчиком возникает проблема перевода этой отсылки на другой язык, для другого рынка с отличающейся аудиторией – и, что самое важное, с сохранением задумки разработчиков оригинала.

В многопользовательской онлайн-игре «World of Warcraft», выпущенной студией Blizzard Entertainment в 2004 году, есть персонаж по имени Yogg-Saron, который является отсылкой к имени древнего бога Йогг-Сотота из работ Говарда Лавкрафта. Если переводчик знаком с работами данного автора, он поймёт, как следует переводить его реплики, которые могут быть похожи на оригинал, и помогут передать некоторые поведенческие черты через диалоги [2, с. 100].

Нередко «пасхальные яйца» отправляют к сюжетам известных кинофильмов, книг или других игр. В «World of Warcraft» большое количество «пасхальных отсылок» содержится в названиях достижений и именах персонажей. Добавленное в игру «Shadowlands» достижение «To 'Ghast, Two Curios» отсылается к фильму 2003 года – «2 Fast 2 Furious». В российском прокате фильм вышел под названием «Двойной форсаж», но в игре на русском языке достижение называется «Жуткая парочка», из-за чего

отсылка оказалась полностью утерянной.

Другой отсылкой на известную франшизу, встречающейся в рамках дополнения «Shadowlands», является достижение «Grand Theft Shadehound». Описание достижения гласит: «Украдите 50 темных гончих у верных Утробе всадников в Утробе». Исходя из названия и описания достижения становится понятно, что создатели игры ссылаются на популярную серию компьютерных игр «Grand Theft Auto», большая часть игрового процесса которой заключается в угоне автомобилей. В данном примере переводчикам удалось заметить отсылку, и на русский язык достижение переведено как «Великий угон темных гончих».

Иногда разработчики целенаправленно добавляют отсылки, которые доступны только при соблюдении определенных условий игры. Например, в «Fallout: New Vegas», разработанной компанией Obsidian Entertainment и выпущенной Bethesda Softworks в 2010 году, при создании главного героя игрок может выбрать особую черту персонажа «Дикая Пустошь». Эта черта добавляет в игру большое количество отсылок и имеет следующее описание: «Дикая пустошь влечёт самых странных и даже безумных обитателей постапокалиптической Америки. Не для слабых духом и не для слишком серьёзных». При наличии данной черты ведущий на радио «Нью-Вегас» произнесёт: «Держи нос по ветру, Нью-Вегас» (англ. Stay classy, New Vegas), что отсылает к фирменной фразе «You stay classy, San Diego!» телеведущего Рона Бургунди, главного персонажа фильма 2004 года «Телеведущий: Легенда о Роне Бургунди». Переводчикам удалось заметить данную отсылку и использовать соответствие, предложенное автором перевода оригинального фильма С. Визгуновым.

На первом месте по частотности в «Fallout: New Vegas» определенно стоят отсылки к фильмам и скетчам комик-группы Монти Пайтон. При наличии черты персонажа «Дикая Пустошь» в лагере Сёрчлайт, в подвале разбитой церкви, на столе в ящике с надписью «Возьми, потяни и считай до 5 3», будут лежать три гранаты с названием «Holy Frag Grenade» / «святая осколочная граната». С помощью такой гранаты рыцари Короля Артура уничтожали свирепого кролика-убийцу. Надпись на ящике «Pull pin and count to 5 3» также отсылает к фильму «Монти Пайтон и Священный Грааль», в котором фигурировала идентичная инструкция по применению гранаты. На русском языке отсылку удалось сохранить с помощью названия предмета и надписи на ящике, предложенными в переводе фильма.

Стоит отметить, что переводчикам не всегда удаётся успешно заметить отсылки и адаптировать их на русский язык. Например, в рамках главы «Бейсбольная бита» из видеоигры «Max Payne», разработанной финской компанией Remedy Entertainment и изданной Gathering of Developers в 2001 году, встречается отсылка к фильму 1972 года «Крёстный отец». Реплика «Peace, man. Relax, you know you are a real news item? "Armed and dangerous". I'm going to make you an offer you can't refuse. I've always wanted to say that» выступает аллюзией на знаменитую фразу Аль Пачино

«Я сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться», что в свою очередь является цитатой из романа французского классика Оноре де Бальзака «Отец Горио».

На русский язык реплика переведена неточно: «Спокойно, Макс, расслабься. Ты знаешь, что все новости только и говорят, что о тебе? “Вооружен и очень опасен!”». Я собираюсь сделать тебе исключительно заманчивое предложение. Давно мечтал произнести эту фразу». Переводчикам из компании «Логрус» не удалось распознать данную отсылку, вследствие чего замысел авторов оригинальной игры утерян [9].

Некоторые «пасхальные яйца» представляют собой особую сложность для перевода на другой язык. Большое количество заданий в рамках сюжета игры «Cyberpunk 2077» являются отсылками к названиям музыкальных композиций [5]. Этот факт особенно важен в контексте игры: одним из главных персонажей основного сюжета является Джонни Сильверхенд – во вселенной игры – известный рокер. Названия этих миссий отсылают к знаменитым композициям, зачастую намекая на контекст задания. Названия песен передаются в оригинальном виде в отличие от названий фильмов и художественных произведений. На русском языке отсылки сохранить не удалось:

- «(Don't Fear) The Reaper» (песня группы Blue Öyster Cult) переведено как «Легенда Найт-Сити»;
- «For Whom The Bell Tolls» (песня группы Metallica) переведено как «Как в старые добрые времена»;
- «Knockin' on Heaven's Door» (песня группы Guns N' Roses) переведено как «Последнее танго в Найт-Сити»;
- «A Day In The Life» (песня группы The Beatles) – переведено как «Кто не с нами».

Анализ эмпирического материала показал, что наиболее оптимальным приемом передачи лингвокультурного феномена «Easter egg» в переводе видеоигр является транскреация, в основе которой – интертекстуальность отсылок к произведению из аналогичной парадигмы. Переводчик воссоздает контент на языке перевода для новой пользовательской аудитории, при этом сохраняя лингвокультурную специфику оригинального произведения.

Список использованных источников

1. Богданова К. В. Виды и особенности интертекстуальных включений в современных англоязычных ролевых видеоиграх [Электронный ресурс] // МНКО. – 2017. – № 2 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-i-osobennosti-intertekstualnyh-vklyucheny-v-sovremennyh-angloyazychnyh-rolevyh-videoigrah> (дата обращения: 16.01.2024).
2. Зеленко К. Р. Особенности перевода компьютерных игр с учетом специфики данного вида перевода [Электронный ресурс] // Научный журнал. – 2017. – № 6-2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-kompyuternyh-igr-s-uchetom-spetsifiki-dannogo-vida-perevoda> (дата обращения: 16.01.2024).
3. Пуказов Н. С. Перевод видеоигр в парадигме аудиовизуального перевода

[Электронный ресурс] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2022. – № 20. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54248908> (дата обращения: 18.01.2024).

4. Селютин А. А. Дискурс видеоигр: к вопросу о терминологии [Электронный ресурс] // Вестник ЧелГУ. – 2022. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-videoigr-k-voprosu-o-terminologii> (дата обращения: 20.01.2024).

5. Cyberpunk 2077, CD Projekt RED. – 2020, The Most Games, СофтКлуб.

6. Easter egg. Merriam-Webster.com Dictionary [Electronic Resource] // Mode of access: URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/Easter%20egg> (дата обращения 18.01.2024).

7. Kate Willært The true first easter egg: Ready player one was wrong [Electronic Resource] // Mode of access: URL: <https://www.acriticalhit.com/the-true-first-easter-egg-ready-player-one-was-wrong/> (дата обращения 18.01.2024).

8. Mago Zdenko Easter Eggs in Digital Games as a Form of Textual Transcendence (Case Study). 2019. – P. 48–57.

9. Max Payne, Remedy Entertainment. – 2001, Логрус.

УДК 81` 347.78.034 и 808.5

ОШИБКИ ПЕРЕВОДА В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ: ТИПОЛОГИЯ И ПРИЧИНЫ

И. Н. Филиппова,

доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Государственный университет просвещения, Москва

Аннотация. В статье представлены результаты анализа допущенных студентами-переводчиками ошибок с точки зрения типологии и детерминации. Выявлена корреляция качества студенческих переводов с динамикой образовательной нагрузки по учебным планам 2016-2021 гг. Представлены новые типы ошибок, приобретающие характер тенденции к снижению переводческой компетенции. Предложены дидактические средства оптимизации качества подготовки студентов-переводчиков.

Ключевые слова: качество перевода, переводческая компетенция, языковая компетенция, ошибки перевода, языковая норма, речевая норма.

Summary. In the article we present the results of the analysis of mistakes made by translation students from the point of view of typology and determination. We have identified a correlation between the quality of student transfers and the dynamics of the educational load according to the curricula of 2016-2021. We have introduced new types of errors that are becoming a trend towards a decrease in translation competence. We have proposed didactic means to optimize the quality of translation students' training.

Key words: translation quality, translation competence, language competence, translation errors, language norm, speech norm.

В кратких рамках статьи мы рассмотрим лишь те ошибки, которые носят массовый характер: они не представляют единичные неудачи, они тенденциозны, стабильно икратно проявляются – как отклонения от нормативного уровня адекватности. Они допущены в работах студентов-переводчиков 3 курса в ходе освоения образовательной программы по дисциплине «Практический курс перевода второго иностранного языка

(немецкого)» (далее ПКП-2) на базе Государственного университета просвещения, за 2022-2024 уч. гг.

Подготовка переводчиков – миссия сложная, на базе второго иностранного языка – из разряда невыполнимых. К такому печальному выводу приводит опыт последних 5 лет работы в вузе по профилю «Перевод и переводоведение (английский язык + немецкий или французский языки)» направления 45.03.02 – лингвистика. Учебный план предусматривает «Практический курс второго иностранного языка» (далее ПКИЯ-2) со второго курса, т.е. ПКП-2 начинается с 3 семестра изучения немецкого как второго иностранного, на втором году освоения ИЯ-2. Это крайне малый запас прочности для адекватной работы. Формально на финише программы бакалавриата требования к уровню владения и уровню переводческих компетенций едины к ИЯ-1 и ИЯ-2, что крайне маловероятно и априори недостижимо в связи с колоссальной разницей аудиторных часов на эти дисциплины (см. табл. 1).

Табл. 1 – Академическая нагрузка по практике ИЯ-1, ИЯ-2 и переводоведению в учебных планах 2015–2021 гг.

цикл	дисциплины	аудиторные часы по учебному плану				
		2015 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2021 г.
практический курс иностранного языка	ПКИЯ-1	2052	2124	2016	2016	2016
	ПКИЯ-2	1440	1440	1368	1404	1296
переводоведение	Теория перевода	180	144	144	144	144
	Типология переводческих трансформаций	108	108	108	108	108
	Актуальные проблемы перевода	108	108	108	108	108
	Стилистические аспекты перевода	144	144	144	144	108
практика перевода	ПКП-1	720	720	720	684	540
	ПКП-2	396	468	432	432	396

За 2015–2021 гг. объем нагрузки на дисциплины переводоведения (далее П): «Теория перевода», «Типология переводческих трансформаций», «Актуальные проблемы перевода», «Стилистические аспекты перевода» – и ПКИЯ-1 изменился незначительно, в то время как объем ПКИЯ-2 и ПКП-1 и ПКП-2 претерпел весьма заметные сокращения (см. рис. 1).

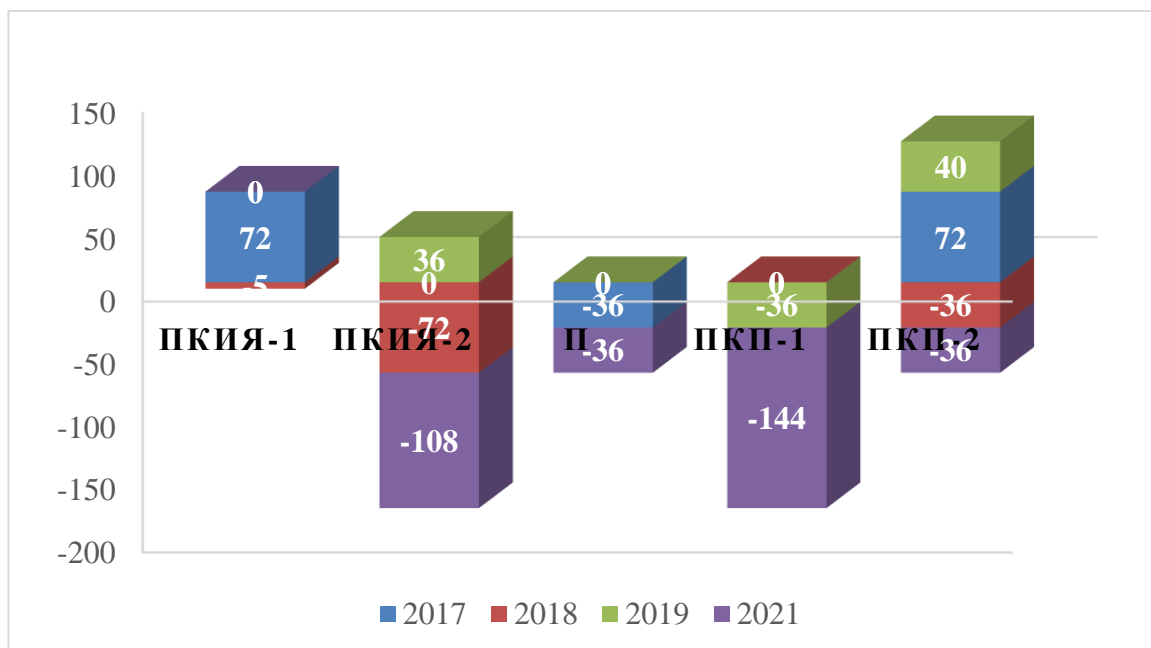

Рис. 1 – Динамика академической нагрузки по учебным планам

По нашему стойкому убеждению, эти обстоятельства во многом обусловили падение качества учебного перевода, особенно на базе ИЯ-2 (см. рис. 2), а работа уподобилась задаче из старого отечественного фильма «Весна на Заречной улице»: «Что такое ничего, и как из него сделать что-то?» [2]

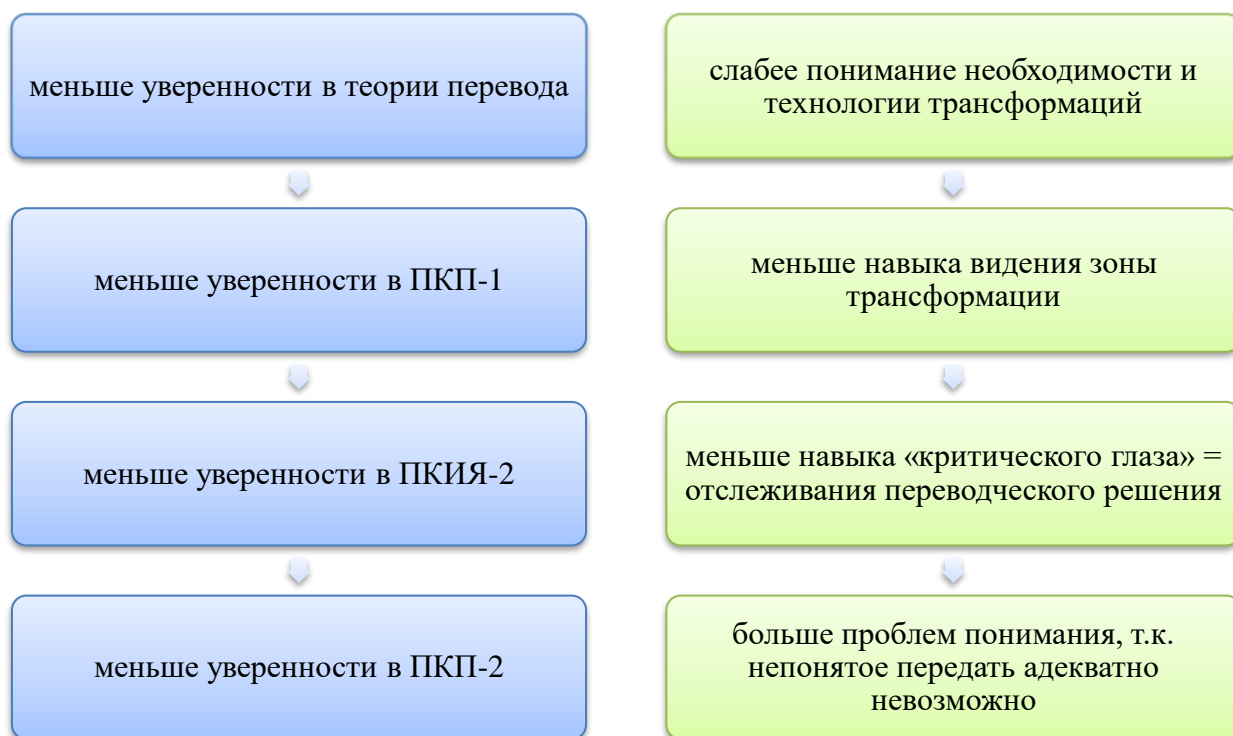

Рис. 2 – Влияние динамики учебной программы на формируемые навыки

Краткие рамки статьи не позволяют вместить отсылки ко всем языковым и переводческим ошибкам, раскрывающим низкий уровень владения ИЯ-2 и низкий уровень сформированности переводческих

компетенций. В ошибках студентов обнаруживаются разнообразные несовершенства, не совместимые с традиционными требованиями к переводу и переводчику [6, с. 231–233]. Выявляются многочисленные отступления от элементарной (=формальной) логики. В учебных переводах обнаруживаются нарушения языкового узуса, вызванные не только негативной интерференцией иноязычной практики (активируемой в процессе освоения ИЯ-1 и ИЯ-2. Низкая языковая компетенция [5, с. 142; 7] (ИЯ-2) в связи с недостатком речевой практики на языке оригинала (ИЯ-2), оказывает парализующее воздействие на собственно переводческую компетенцию и провоцирует отказ от полноценной работы. Это наглядно демонстрируют примеры, мизерная доля которых представлена ниже (см. табл. 2).

Табл. 2 – Примеры ошибок в учебных переводах

оригинал	адекватные варианты перевода	неадекватные учебные переводы
Sie liegt seit Wochen krank im Bett und <i>kann nicht leben und nicht sterben.</i>	между жизнью и смертью	ни рыба ни мясо / не может ни встать, ни сесть / ни жить, ни умереть / не может встать / ни живая, ни мертвая
Dieser Roman des bekannten Schriftstellers <i>ist dem Leben abgelauscht.</i>	роман основан на реальных событиях	автор ... ушел из жизни / роман ... написан на основе жизненных событий / Ø нулевая передача
Die Reformregierung will mit dem <i>Abbau des Überlebten</i> im Land beginnen.	устранить / преодолеть пережитки прошлого	начать демонтаж того, что уцелело / начать демонтаж старых зданий / избавить страну от остатков старости / начать деградацию выжившего / начать сокращение оставшихся в живых
Germanistik <i>auf absteigendem Ast</i>	германистика в упадке, идет ко дну	на нисходящей ветви / на нисходящей ветке / на спаде / на нисходящем пути / на пути вниз / изучение немецкого языка в обратном порядке / Ø нулевая передача
"Wohin steuert die Germanistik?" Unter <i>diesem Motto</i> suchen internationale Germanisten vom 18. bis 21. Februar in Berlin nach neuem Schwung für ihre Wissenschaft.	ответ на этот вопрос ищут	под таким девизом / под этим лозунгом
Unter diesem Motto suchen <i>internationale Germanisten</i> vom 18. bis 21. Februar in Berlin nach neuem Schwung für ihre Wissenschaft.	германисты со всего мира	международные германисты / интернациональные ученые / международные немецкие ученые / немецкие ученые / международные и немецкие студенты / международные специалисты по изучению

		Германии
... der Widerstand der alten Kräfte gegen Neuerungen ist leider sehr stark	старых кадров / преподавателей	старых сил / старого устоявшегося / старых устоев / старых взглядов / старого

С точки зрения типологии ошибок в наблюдаемых фактах очевидны широко известные и подробно описанные в литературе отклонения от оптимального качества:

- искажения: *ist dem Leben abgelauscht* – автор ... ушел из жизни;
- неясности: *kann nicht leben und nicht sterben* – ни рыба, ни мясо; *Abbau des Überlebten* – начать деградацию выжившего / начать сокращение оставшихся в живых;
- неточности: *der alten Kräfte* – старых взглядов / старого;
- нарушения речевой нормы (узуса): *ist dem Leben abgelauscht* – роман ... написан на основе жизненных событий; *kann nicht leben und nicht sterben* - ни живая, ни мертвая;
- отказ от трансформации: *unter diesem Motto* – под таким девизом / под этим лозунгом;
- отказ от передачи (потеря части информации).

Примечательно, что в вариантах, представленных студентами, частотны гибридные ошибки, имеющие двойственную природу и могущие быть типологизированы по разным основаниям. Они, как и фундаментальные понятия перевода [9, с. 48], не получили однозначной трактовки, кроме наиболее общего термина «маркеры неаутентичности» [3, с. 8]. Так, неточность граничит со стилистическим несоответствием, возникающим вследствие потери образности *auf absteigendem Ast*. Буквализм, метко обозначенный К. И. Чуковским как «неточная точность» [11, с. 52], синкретичен с отказом от трансформации: *die alten Kräfte* (в значении 'Lehrkräfte'); *internationale Germanisten* – международные германисты. Неясность и нарушение узуса, доходящие до полной смысловой ошибки *Abbau des Überlebten* – начать деградацию выжившего / начать сокращение оставшихся в живых, создают сложный синтез, превращающий его в неразрешимую задачу.

Переносить полноту ответственности за наблюдаемое снижение качества переводческой компетенции на студентов не считаем правильной стратегией. В связи с этим от категорических оценок «бессрочная умственная забастовка» Т. Толстой и Р. Р. Чайковского [10, с. 84] откажемся. Очевидно, полезнее пересмотреть формы работы и наметить меры компенсационного порядка. Таковыми считаем: работу на принципах «перемежающегося обучения» [5, с. 72] по совершенствованию навыка речевой нормы – риторические задания (построение синонимических рядов и антонимических пар, упражнения на дифференциацию паронимов, конвенциональное продолжение фразы и свободное речепроизводство по заданной теме [1, с. 30-37], переформулирование как иное языковое [12] и широкое коммуникативное видение [8], коррекция ошибок), по развитию

языковой компетенции ИЯ-2 – языковой тренинг (привлечение к внеаудиторным заданиям дополнительных материалов из открытых ресурсов сети и библиотек, отработка частотных соответствий по тематическим блокам, освоение реалий и прецедентных текстов), по развитию лингвокультурной компетенции (расширение запаса фоновых знаний). Дополнительным средством полагаем развитие внеаудиторной активности [1, с. 16–19]: совмещение технологий Blended Learning с парной и групповой работой – через общий доступ к материалам сетевых дисков и сайтов.

Подводя итоги, отметим, что описываемая ситуация вполне соответствует идее М. Ю. Лермонтова «... Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно» [4]. Однако, по-видимому, настало время оттолкнуться от дна и прилагать усилия к тому, чтобы решать выявленные проблемы в имеющихся условиях – реального дефицита аудиторной работы и снижения языковой компетенции. Значимую помощь может оказать междисциплинарная согласованность рабочих программ ПКП-1 и ПКП-2, когда соответствующие навыки перевода и языковая компетенция развиваются на базе ИЯ-1 и ИЯ-2 параллельно (или синхронно), с привлечением сходных технологий майнд-фитнеса и переводческого тренинга.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Устный перевод. Немецкий язык. Курс для начинающих. СПб: Союз, 2003. – 314 с.
2. Весна на Заречной улице (1956) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ok.ru/video/254417373762> (дата обращения: 30.01.2024).
3. Кошкин Р. К. Особенности нормативной девиации в переводном дискурсе (на материале военно-технических переводов с английского языка на русский): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. – 19 с.
4. Михаил Лермонтов А. О. Смирновой. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/37023/a-o-smirnovoi> (дата обращения: 30.01.2024).
5. Миньяр-Белоручев Р. К. Методический словарь. Толковый словарь терминов методики обучения языкам. М.: Стелла, 1996. – 144 с.
6. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2018. – 318 с.
7. Нелюбин Л. Л. Основы лингводидактической архитектоники курса перевода // Вестник Орловского государственного университета. – Орел: Изд-во ОГУ, 2012. – № 6 (26). – С. 119–124.
8. Филиппова И. Н. О широком коммуникативном видении переводчика // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 6 (12). – С. 126–130.
9. Филиппова И. Н. Дискуссионные вопросы теории и методологии перевода // Теория и практика перевода в диахронии и современной научной парадигме: Коллективная монография. – М.: ГУП, 2023. – С. 47–71.
10. Чайковский Р. Р. Эксплицитные переводческие ошибки // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – Т. 2. – № 6. – С. 84–87.
11. Чуковский К. И. Высокое искусство. М.: Советский писатель, 1988. – 342 с.
12. Ярцев Ю. А. Искусство и практика перевода. Иное видение при переводе

технических текстов с русского на английский. Диверсификация приемов перевода. Таблица и примеры. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. – 300 с.

УДК 002.2(470.344)+811.512.111

ЧУВАШКИЕ БИБЛИОНИМЫ КОНЦА XIX В. В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Э. В. Фомин,

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары

Аннотация. Работа посвящена изучению названий чувашских книг дооктябрьского периода. Материалом исследования послужила генеральная совокупность библионимов рубежа XIX–XX вв. В работе используются количественно-качественные методы. Чувашская литература дооктябрьского периода по преимуществу переводная. Именно через перевод русских текстов происходило освоение инокультурного опыта литературного использования языка. При этом книги в половине случаев сохраняли оригинальные русские названия. Другая половина библионимов имела русско-чувашские или чувашско-русские параллельные заглавия. Собственно чувашские названия встречаются в редких случаях. Доминирование русских библионимов обусловлено утилитарным назначением чувашских текстов, использованием русского в качестве метаязыка чувашеведения.

Ключевые слова: чувашская книга, библионим, чувашско-русские языковые контакты.

Summary. The work is devoted to the study of Chuvash biblionyms of the pre-October period. The research material was the general set of biblionyms at the turn of the 19th–20th centuries. The work uses quantitative and qualitative methods. Chuvash literature of the pre-October period was predominantly translated. Through the translation of Russian texts, foreign cultural experience in the literary use of language was mastered. At the same time, books in half of the cases retained their original Russian titles. The other half of the biblionyms had Russian-Chuvash or Chuvash-Russian parallel titles. Actually, Chuvash names were found in rare cases. The dominance of Russian names is due to the utilitarian purpose of Chuvash texts and the use of Russian as a metalanguage.

Keywords: Chuvash book, biblionym, Chuvash-Russian language contacts.

Актуальность темы. В истории чувашского литературного языка, в основе основ имеющего переводную сущность [2, с. 33–34], интересным представляется подход к оформлению библионимов. Книги в большинстве своем назывались по-русски. Реже они именовались параллельно на русском и чувашском языках. Собственно чувашские названия являются исключением. Настоящая работа посвящена выявлению причин, объясняющих сложившуюся ситуацию с чувашскими библионимами рубежа XIX–XX столетий.

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили названия книг, изданных на чувашском языке в конце XIX – начале XX столетий. Список библионимов составлен на базе библиографического указателя «Чувашская книга до 1917 года» [4]. Выводы работы строятся на основе количественно-качественных методов

исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Чувашский литературный язык сложился во второй половине XIX в. Его основу составили переводы значительного числа текстов преимущественно с русского языка. Главным образом переводилась богослужebная литература, требовавшая сверхответственного отношения к слову, что позволило за сравнительно короткий период времени создать развитый литературный язык [2, с. 17; 3, с. 68].

В дооктябрьский период было издано всего 1300 чувашских книг, из которых 749 названий, включая двуязычные, на чувашском языке (57 %) (подробнее см.: 3, с. 80).

Генеральная совокупность чувашских библионимов дооктябрьского периода включает 604 единицы. В языковом отношении их можно разделить на четыре пласта (см. табл. 1).

Таблица 1 – Лингвистическая типология библионимов

Названия	Количество книг	Доля, в %
русские	300	49,7
русско-чувашские	220	36,4
чувашско-русские	53	8,8
чувашские	31	5,1
Всего	604	100,0

Библионимы с чувашским компонентом (русско-чувашские, чувашско-русские и чувашские) составляют 304 единицы (50,3 %). Для ср.: библионимов с русским компонентом (русских, русско-чувашских и чувашско-русских) – 573 (94,9 %).

Русские названия книг. Исключительно русские названия чувашских книг исторически обусловлены: во-первых, исходный язык текстов, как правило, русский, и в сохранении оригинального названия прослеживается прямая преемственность первичных и вторичных текстов; во-вторых, поскольку назначение чувашской книги признавалось утилитарным, не было необходимости переводить названия на чувашский язык, они имели лишь вспомогательное назначение и служили ориентиром для национальной интеллигенции, на качественном уровне владевшей русским литературным языком. В то время чувашская книга ставила целью христианское просвещение, поскольку существовала угроза перехода чувашей в ислам [1, с. 183–195]. Кроме того, надо полагать, русские названия чувашских книг формально позволяли пройти цензурные ограничения.

Другая причина сохранения русского библионима в чувашском издании кроется в издательской деятельности, практиковавшей оригинальное название дополнять указанием на язык перевода. Таких библионимов насчитывается 53 единицы, например: «Господа нашего Иисуса Христа святое евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на чувашском языке» (1890), «Восемь поучений на чувашском языке,

извлеченных из Троицких листов» (1893), «Наглядный арифметический задачник на чувашском языке для начальных училищ» (1908). Однако подход не всегда выдерживался последовательно, ср.: «Поучение об истинной вере на чувашском языке» = «Тён çинчен каласа кăртартнă сăмах» (1896), «Избранные жития святых на чувашском языке» = «Хăш-хăш святойсен пураñaçсем» (1905), «Первая книга для чтения после букваря на чувашском языке» = «Букварь хыççăн вуламалли кёнеке» (1912). Иначе говоря, указание на чувашский язык в русском названии книги скорее всего является технической информацией для не владеющих языком.

Русско-чувашские названия книг – второй по объему пласт чувашского библионимикона той эпохи. Он представлен 220 названиями (36,4 %). Чувашский компонент заглавия обеспечивает плавный переход к тексту на нерусском языке. Такого рода библионимы непосредственно обращены к чувашскому читателю (слушателю), в отличие от исключительно русских названий.

Чувашско-русские названия книг. По сравнению с предыдущим отличие данного пласта на первый взгляд формальное – в порядке следования названий на конкретном языке. В сущности, это лишь вариант предыдущего биномиального подхода. В то же время заметим, что первый компонент, чувашский, усиливает значение чувашского языка, а второй, русский, в данном случае имеет вспомогательное значение.

Согласно исследованиям, показатель тождественности первых и вторичных библионимов дооктябрьской эпохи составляет 0,83 от максимального возможного выражения, равного единице. (Методика вычислений: полное соответствие названий оценивается в одну единицу, неполное соответствие – в 0,5 единицы. Сумма делится на общее количество названий. Чем выше показатель, тем ближе среднее семантическое тождество библионимов. В идеале смысловая соотнесенность разноязычных библионимов переводной книги должна равняться единице.) Примеры значительной трансформации библионимов см. в табл. 2.

Таблица 2 – Случаи иной трактовки библионима в переводе

Название 1	Название 2	Буквальный перевод названия 2	Тождественный перевод названия 1
О сохранении здоровья	Хамър сывлăха хамър епле астуса тăрасси çинчен вĕрентекен сăмахсем	Поучения о том, как необходимо заботиться о сохранении своего здоровья	Сывлăха сыхласси çинчен
Человек, который заблудился: о том, как пьяница стал трезвенником	Аташса кайнă сын	Заблудившийся человек	Аташса кайнă сын: ёскёç урăлла пураñaма пуçлани çинчен
Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки	Малтанхи чăваш кёнеки	Первая чувашская книга	Вырăс азбукине хушса чăвашсене валли хатĕрленĕ букварь

Название 1	Название 2	Буквальный перевод названия 2	Тождественный перевод названия 1
Брошюра для чуваш о том, как спастись от холеры	Епле халертан хӓтӓлмалли	От какой холеры спасение (sic!)	Чӓвашене халертан епле хӓтӓлмалли ҫинчен каласа паракан брошюра

Казалось бы, русские библионимы той эпохи, подлежащие переводу, достаточно простые, и их чувашские аналоги должны быть точными. Однако у переводчиков не было необходимости подбора адекватного чувашского названия, поскольку библионимы носили всего лишь факультативное, вспомогательное значение. Ко всему прочему, более свободное формулирование второго библионима производилось в допустимых пределах и не нарушало смысловой нагрузки текста.

Чувашские названия книг. Исключительно чувашских библионимов насчитывается 31 единица. В их числе значатся издания как переводные, так и оригинальные. Выбор только чувашских названий книг в условиях угнетенной национальной культуры, имевшей место в эпоху Российской империи, – нетипичное явление.

Выводы. Сохранение оригинальных русских названий книг при переводе на чувашский язык в дооктябрьский период диктовалось утилитарным назначением издаваемой литературы. Актуальные русские названия позволяли сохранить прямую связь с исходным текстом.

В социолингвистическом плане в русских названиях чувашских книг выражается его подчиненный статус. Интересным представляется, что уже тогда в качестве метаязыка чувашеведения широко использовался русский.

Исключительно русские названия книг, изданных на чувашском языке, нарушают гармонию книжной культуры. В современных условиях переводные названия приводятся в финальном разделе книг в выходных сведениях.

Список использованных источников

1. Иванов В. И. Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения: моногр. Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. – 383 с.
2. Фомин Э. В. Научный стиль чувашского языка конца XIX – начала XX веков: моногр. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 131 с.
3. Фомин Э. В. Чувашская книга XVIII – начала XX веков = XVIII–XX ёмёр пусламӓшӓнчи чӓваш кӓнеки: моногр. Чуваш. гос. ин-т культуры и искусств. – Чебоксары: Пегас, 2013. – 138 с.
4. Чувашская книга до 1917 года: ретроспективный библиографический указатель литературы. – 2-е изд., испр. и доп. – Чебоксары, 2001. – 199 с.

УДК 811.112.2

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ЛИТЕРАТУРНЫХ АНТРОПОНИМОВ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. КАНЕТТИ И К. ХОФФЕРА*****Е. М. Шастина,****доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии,
Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского)
федерального университета, Елабуга*

Аннотация. Исследуется особенности функционирования литературных антропонимов в произведениях австрийских писателей Элиаса Канетти – «Недреманное ухо. 50 характеров» (*Der Ohrenzeuge. 50 Charaktere*) и Клауса Хоффера – «У бирешей» (*Bei den Bieresch*) в переводческом аспекте. Проведен сопоставительный анализ текстов обоих авторов на языке оригинала и вариантов их перевода на русский язык, выполненных С. Власовым и Г. Потаповой. Доказано, что вымышленный ономастикон представляет значительные сложности для переводчика, поскольку помимо художественной номинации отражает многомерность литературного текста. В результате исследования были выявлены основные способы перевода окказиональных ономастических единиц с немецкого языка на русский.

Ключевые слова: художественный перевод, Элиас Канетти, Клаус Хоффер, литературный антропоним, окказиональный ономастикон.

Abstract. The peculiarities of literary anthroponyms functioning in the works *Earwitness: Fifty Characters* (*Der Ohrenzeuge. 50 Charaktere*) by the Austrian writer Elias Canetti and *Among the Bieresch* (*Bei den Bieresch*) by Klaus Hoffer are studied in the translation aspect. A comparative analysis of the texts by both authors in the original language and the versions of their translation into Russian made by S. Vlasov and G. Potapova is carried out. It has been proved that the fictional onomasticon is of significant difficulty for the translator since in addition to the artistic nomination it reflects the multidimensionality of the literary text. As a result of the study, the main methods of occasional onomastic units translation from German into Russian are identified.

Key words: literary translation, Elias Canetti, Klaus Hoffer, literary anthroponym, occasional onomasticon.

Творчество современных австрийских писателей – Элиаса Канетти (Elias Canetti, 1904–1994) и Клауса Хоффера (Klaus Hoffer, р. 1942) обнаруживает ряд «пересечений», которые можно проследить, в частности, на примере того, как оба автора используют в своих произведениях словесные образы, созданные при помощи окказиональных онимов.

Априори, что литературные антропонимы в книге миниатюр Канетти «Недреманное ухо. 50 характеров» (*Der Ohrenzeuge. 50 Charaktere*, 1974) [8] и в романе Хоффера «У бирешей» (*Bei den Bieresch*, 1979/1983) [9] представляют собой окказиональный ономастикон, который является характерной чертой идиостиля обоих авторов. Ранее предпринятая попытка изучения данного пласта лексики в произведениях Канетти и Хоффера не касалась переводческого аспекта [7].

В настоящей статье произведения Канетти и Хоффера впервые рассматриваются на материале их переводов на русский язык, выполненных С. Власовым («Недреманное ухо. 50 характеров» [2] и Г. Потаповой («У бирешей») [6], этим объясняется новизна предпринятого исследования. Актуальность выбранной темы, обусловлена, с одной стороны,

значимостью обоих авторов для австрийской литературы, с другой стороны, сложностью переводческой проблемы, связанной с функционированием окказиональных онимов. Цель настоящей статьи состоит в выявлении способов перевода окказиональных ономастических единиц с немецкого языка на русский.

В заголовках обоих произведений присутствуют лексические единицы, которые выполняют функцию идентификации действующих лиц. В качестве таковых у Канетти выступают типизированные характеры современного общества, «отягощенные» различного рода пороками, привязанностями и привычками, например, *Der Ohrenzeuge* [8, S. 42] – имя одного из пятидесяти характеров, так зовут «слухача», для которого, как и для Канетти, акустическое восприятие мира важнее визуального и вербального. Переводчик прибегает к языковой игре, трансформирует устойчивое в русском языке выражение «недреманное око» в «недреманное ухо», заменяет им дословное выражение «слышавший что-либо собственными ушами» [1, с. 168], именует в духе Канетти центрального персонажа: «*Der Ohrenzeuge bemüht sich nicht hinzusehen, dafür hört er um so besser*» [8, S. 42] / «Недреманное Ухо не утруждает себя глядением, но зато и слышит он – лучше некуда» [2, с. 234].

В романе Хоффера в заголовок вынесено название представителей древнего рода – бирешей, проживающих в отдаленной провинции Австрии, граничащей с Венгрией. Этноним «*Bieresch*» входит в разряд безэквивалентной лексики, переводчик использует транслитерацию, сохраняя таким образом национально-специфический колорит, погружая читателя в пространство бирешей с их обычаями и традициями.

Семантическое наполнение отдельных антропонимов у Канетти достаточно прозрачно, например, *Der Blinde* – Слепой, *Der Verlierer* – Теряльщик, *Die Schuldige* – Виноватая, *Die Versuchte* – Искушаемая, *Die Erfundene* – Придуманная и др., в ряде случаев переводчик прибегает к транслитерации, данный прием используется, когда речь идет об окказиональных онимах – авторских находках Канетти, например, *Die Archäokratin* [8, S. 59] (однокоренные слова *der Archäologe*, *die Archäologie*, *archäologisch* указывают на происхождение слова) – Археократка (ироническое именование человека, «играющего» в историю, которая немыслима без древних артефактов): «Археократка не мирится на меньшем, чем тысячелетия, и умеет ими обзавестись» [2, с. 237]. *Der Maestro* (производное от *der Maestro*) – Маэстрозо олицетворяет собой безграничную власть в образе дирижера – вершителя судеб: «*Er erhebt den Stock und alles verstummt: er erfüllt die Luft mit abgemessenen Zeichen*» [8, S. 86] / «Он возносит трость, и все смолкает, а он заполняет воздушное пространство размеренными знаками» [2, с. 246].

Как правило, вымышленный ономастикон представлен у Канетти сложными словами – из пятидесяти имен больше половины образованы при помощи словосложения, «сцепления уже известных» слов [4, с. 194],

аналогичным способом путем калькирования создаются окказионализмы и на русском языке, например, *Der Namenlecker* – Имялиз, *Die Selbstschenkerin* – Своеподарочница, *Der Tränenwärmer* – Слезогрей, *Der Ruhmprüfer* – Славощуп, *Der Gottprotz* – Боготряс, *Die Sternklare* – Звездосветная и др. В отдельных наименованиях переводчик прибегает к лексико-грамматической трансформации, делая поправку на русский узус, поскольку в русском языке при переводе немецких композитов чаще употребляются словосочетания, например: *Die Königskünderin* – Возгласительница Королей, *Der Schöheitsmolch* – Любитель Красот, *Die Silbenreine* – Хрустальные Уста, *Der Papiersäufer* – Бумажный Пьяница и др.

Во всех приведенных примерах переводчик учитывает гендерную принадлежность именуемых характеров. Нейтрализация категории рода наблюдается только при переводе следующих заголовков: *Der Wortfrühe* – Поспеш-Словечко и *Der Nimmermuß* – Чёрта-с-два, однако в контексте литературной миниатюры они сохраняют род немецкого онима. Переводчику удается при помощи метафоризации передать стилистическую окраску окказиональных онимов, несмотря на расхождение языковой системы и языковой нормы русского и немецкого языков.

Семантическое наполнение отдельных онимов является своеобразной головоломкой для переводчика, которая может быть решена только при тщательном погружении в контекст литературной миниатюры. С. Власов демонстрирует оригинальные переводческие решения, например, один из характеров – *Der Hinterbringer* (разглашатель чужих тайн, сплетник, доносчик) становится Переносчиком, который «не в силах держать при себе что-либо, что может кого-то обидеть» [2, с. 227], это персонаж, злоупотребляющий доверием окружающих, говоря сегодняшним языком, «токсичный» тип, общение с которым не доставляет окружающим удовольствия, напротив, люди избегают его. При этом возникают невольные ассоциации, которые усиливают отрицательную коннотацию, поскольку «переносчик», согласно словарю С. И. Ожегова, «тот, кто переносит, передает что-нибудь», например, комар – переносчик малярии» [3, с. 448]. Таким образом, оним получает вторичное значение, «возникшее в результате семантической трансформации первого значения» [5, с. 82], в котором превалирует отрицательная коннотация. Характер по имени Скопидомок, в тексте оригинала представляет собой словослияние компонентов устойчивого словосочетания – *Hab und Gut* (все имущество) – *Die Habundgut* [8, S. 19]. В Словаре русского языка С. И. Ожегова, слово «скопидом/ка» является разговорным вариантом для обозначения «человека, бережливого до скупости» [3, с. 644]. Переводчику удастся сохранить «коммуникативный эффект» от высказывания благодаря семантическому перераспределению: Скопидомок «любит видеть свое добро разом» [2, с. 229], то есть обладать всем, что у неё есть: «*Sie gibt ihrem Geld zu essen, damit es nicht eingeht*» [8, S. 19] / «Она подкармливает свои капиталы, чтобы те не исхудали» [2, с. 229]. Имя собственное *Der*

Demutsahne, являющееся также композитом, состоит из слов die Demut (покорность, смирение) и der Ahn (предок, родоначальник, прародитель) и может быть дословно переведено как Прародитель Смирения. С. Власов отдает предпочтение словосочетанию с прилагательным «смиренный» (проникнутый смирением), как известно, словосочетание «путь смирения», как правило, встречается в текстах религиозной тематики и означает выбор верующих, которые стремятся к преодолению гордыни на пути к Богу. Смиренный путь ходит «чуть пригнувшись, демонстрируя свою готовность склониться под любое ярмо» [2, с. 241] / «Er geht etwas gebückt und kündigt so seine Bereitschaft an, jedes Joch zu tragen» [8, S. 71]. Не менее интересным представляется перевод слова Бессултанница (Die Sultansüchtige) [8, S. 73]. Сложное слово состоит из существительных Der Sultan (султан) и die Süchtige (одержимая болезненной страстью), дословный перевод – «Одержимая страстью к султану» указывает на продолжительность действия, она пребывает в состоянии одержимости. Переводческое решение С. Власова фиксирует законченность действия, лишившись своего покровителя, Бессултанница находится в постоянном поиске султана, она представляет его «на пути к ней» [2, с. 243].

Клаус Хоффер заимствует у своего предшественника способ художественной номинации, при помощи литературных антропонимов создает окказиональные онимы. Если у Канетти вымышленные онимы необходимы для характеристики эпохи, то у Хоффера окказиональные имена отражают проблему вербальной коммуникации. Герои постмодернистского романа Хоффера ведут бесконечные диалоги, философствуют по поводу самых разных вещей, в том числе, касаются проблемы языка. Так, в заглавии отдельных глав романа отражена проблема имени: «Легенда об именах» или «Красивое имя, ранняя печаль». Этимология отдельных онимов понятна, когда она связана с «делами» героев, например, Ворватый (Kleiner Diebstahl) – Г. Потапова использует слово «Ворватый» для обозначения степени этого порока, что в тексте оригинала передается при помощи прилагательного «маленький» – Маленький Вор или Ворватый являются удачными, на наш взгляд, аналогами. У Ворватого есть еще несколько имен – Зеркало (Spiegel) и Слюды-кусочек-домой-приволок (Katzensilber-auf-dem-Weg-von-ihm). Как следует из примеров, переводчик использует различные приемы – от дословного перевода до аналоговой замены. Из примеров следует, что двойными именами герои «награждаются» за их поступки или по каким-то другим внешним признакам. Г. Потапова создает путем словосложения неологизм Крестоклюв для прозвища героя по имени Единогород -gekreuzter Schnabel за форму головы, которого за голубизну глаз называют также Берлинской лазурью (Berlinerblau). В «Легенде об именах» даются объяснения многочисленным трансформациям онимов. Биреши занимаются словотворчеством, создают сложные имена, руководствуясь единственной целью «вытряхнуть смысл слова из его вместилища, затем образно

выражаясь – переделать сосуд на свой лад и влить в него новый смысл» [6, с. 51]. Подобному алгоритму следует переводчик, создавая имена собственные типа: «Рыба-что-не-умеет-плавать», «Острый-и-быстрый», «Вода-бегущая-домой», «Отойди», «Малый светильник», «Найденный-и-не-потерянный», «Уравнивающая несправедливость», «Слома голову», «Едва начал» и др. Таким образом, «говорящие имена» в романе Хоффера, помимо художественной номинации, выполняют текстообразующую функцию, легенда об именах, которые сложили биреши, является тому ярким подтверждением.

Литературные антропонимы как тип художественной номинации реализуется у Канетти и Хоффера в так называемой окказиональной ономастике. Вымышленный ономастикон как основа идиостиля писателя, несомненно, относится к трудностям перевода, требует от переводчика, помимо, лингвистической, также литературоведческую подготовку, поскольку «расшифровать» антропоним можно лишь, погрузившись в контекст, детально изучив особенности поэтики переводимого автора. Арсенал переводческих средств, задействованный в процессе перевода данного пласта лексики достаточно обширен – от прямой подстановки до глубинной трансформации.

Список использованных источников

1. БНРС – Большой немецко-русский словарь: В 2-х т. / Сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др.; Под рук. О. И. Москальской. – М.: Рус.яз., 1980. Т. 1. – 760 с; Т. 2. – 656 с.
2. Канетти Э. Из книги: «Недреманное ухо. 50 характеров»: перевод С. Власова // Человек нашего столетия: пер. с нем./сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова; коммент. Р. Г. Каралашвили. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 216–249.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов; Под ред. докт филол. наук. проф. Н. Ю. Шведовой. – 14-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1983. – 816 с.
4. Павлова А. В., Светозарова Н. Д. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: справочник. СПб.: Антология, 2015. – 480 с.
5. Солодуб Ю. П. Теория и практика художественного перевода: учеб пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.
6. Хоффер К. У бирешей: Роман. перевод с нем. и прим. Г. Потаповой. – СПб: Симпозиум, 2017. – 396 с.
7. Шастина Е. М. Функционирование литературных антропонимов в произведениях Э. Канетти и К. Хоффера / Е. М. Шастина, Ю. К. Казакова // Научный диалог. – 2020. – № 1. – С. 257–269.
8. Canetti E. Der Ohrenzeuge. Fünfzig Charaktere. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. – 99 S.
9. Hoffer K. Bei den Bieresch. Halbwegs. Der große Potlatsch. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. – 384 S.

УДК: 81.25

ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЯ «ВИРТУАЛЬНО-ИГРОВОЙ ДИСКУРС» И ЕГО ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ИГРЫ «OVERWATCH»)**А. В. Шварцвальд¹⁸,***обучающаяся магистратуры, кафедры филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Ялта*

Аннотация: В статье исследуется понятие «виртуально-игровой дискурс». Уделяется внимание его функциональности, сферам его функционирования и особенностям его перевода на примере локализации видеоигры «Overwatch». В статье отмечается значимость локализации и перевода игрового контента с учетом культурных и ментальных особенностей конкретной страны. Приведены примеры различных трансформаций, применяемых при переводе в рамках локализации.

Ключевые слова: дискурс, виртуально-игровой дискурс, способы перевода, локализация.

Abstract: This article examines the concept of «virtual gaming discourse». Attention is given to its functionality, areas of operation, and the peculiarities of its translation using the example of localizing the videogame *Overwatch*. The article emphasizes the significance of localization and translation of gaming content, considering the cultural and mental characteristics of a specific country. Examples of lexical, grammatical, and syntactic transformations applied in the process of localization are also provided.

Keywords: discourse, virtual gaming discourse, methods of translation, localization.

Свершившийся в XX веке технологический прорыв навсегда преобразил образы жизни людей по всему миру. Цифровизация всё более вытесняет традиционные способы обработки, хранения и передачи информации. Однако всякая отрасль человеческой жизни была бы немислимой без осуществления коммуникации между людьми. Именно взаимодействие между индивидуумами заложило основу для развития человечества в прошлом, оно же продолжает быть двигателем общества и по сей день. Коммуникация, как коррелирующие с ней понятия «текст» и «дискурс» [3], так же подверглись процессу цифровой трансформации. Наибольший вклад в изменение восприятия понятия «общение» в современности внесло появление Всемирной паутины. Интернет был запущен в США в 60-х годах в качестве экспериментальной информационной сети и быстро стал неотъемлемой частью жизни людей, создав мощную глобальную информационную инфраструктуру.

Развитие и распространение цифровых технологий не только изменило существовавшие ранее виды человеческой деятельности, но и привело к появлению новых. Так, в конце прошлого столетия появился совершенно новый способ досуга – компьютерные игры. На данный момент рынок видеоигр является молодым и, по оценкам экспертов, достаточно перспективным. Он так же является одним из самых быстрорастущих в индустрии развлечений. Спрос на компьютерные игры постоянно растёт, а

¹⁸ Научный руководитель: к. пед. н., доцент А. А. Глузман

вместе с ним и количество игроков. Согласно данным исследования, проводившегося в 2018 году «NewZoo» с участием людей из 28 стран мира, в мире насчитывалось 2.3 миллиарда игроков [8]. По данным подобного исследования в 2019 году эксперты насчитали уже более 2.5 миллиарда игроков. Совершенно естественно, что с появлением видеоигр их потребителям понадобились термины для обозначения новых явлений и предметов. Это способствовало появлению игрового сленга и соответствующего дискурса. Однако только благодаря распространению Интернета в 2000-х годах и появлению онлайн-игр начинает формироваться понятие о виртуально-игровом дискурсе.

Прежде чем перейти к понятию «виртуально-игровой дискурс», обратимся к определению общего термина «дискурс». В современной лингвистике не существует общепризнанного и однозначного определения данного термина [4]. Например, Т. В. Матвеева в «Полном словаре лингвистических терминов» определяет дискурс как «связную речь в совокупности с нелингвистическими обстоятельствами её протекания, речь во взаимосвязи с живой жизнью» [2]. По В. Е. Чернявской, дискурс «...обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим всё то, что существенно для порождения данного высказывания/текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом» [7, с. 135]. Из указанных выше данных можно заключить, что дискурс в качестве коммуникативного явления можно описать как связующее звено между вербальным общением и конкретным текстом, который возникает в процессе общения. Дискурс – это когнитивный процесс, связанный с производством речи, а текст – это конечный результат данного процесса, принимающий конкретную форму [5].

Текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности, рассматривается как «виртуальный дискурс» [1, с. 8]. Развитие цифровых технологий привело к появлению таких понятий, как «виртуальный дискурс», «компьютерный дискурс», «цифровой дискурс», «электронный дискурс», «Интернет-дискурс». По мнению О. В. Лутовиновой, данные понятия не являются тождественными. Если «компьютерный дискурс» и «электронный дискурс» можно назвать синонимичными понятиями, то «Интернет-дискурс» предполагает конкретно коммуникацию в сети Интернет; «сетевой дискурс» же предполагает общение как в глобальной, так и в локальных сетях. Упомянутые ранее виды дискурса «в качестве отличительной особенности содержат указание на то или иное средство связи, которое обуславливает создаваемую коммуникативную среду» [1, с. 8]. Виртуальный дискурс охватывает не только модифицированный канал коммуникации, но также индивидуальные аспекты, лежащие в основе виртуальной реальности. Виртуальный дискурс представляет собой текст, внедренный в контекст виртуальной реальности, обладающий рядом характеристик, таких как актуальность, автономность, интерактивность,

погруженность, и являющийся формой символической реальности, созданной на основе компьютерных технологий и реализующей принцип обратной связи в целях операций с информацией и коммуникации [6, с. 12]. Виртуальный дискурс демонстрирует все многообразие функциональных целей, свойственных дискурсу в реальном мире. Стоит отметить, что важными чертами виртуального дискурса с психологической точки зрения являются: отсутствие невербальных сигналов, анонимность, возможность выбора собеседника.

Виртуально-игровой дискурс обладает теми же свойствами, что и виртуальный дискурс, однако сфера его функционирования ограничена видеоиграми. В первую очередь, речь о непосредственном общении между пользователями онлайн-игр во внутриигровой среде. Так же виртуально-игровой дискурс встречается в тематических видеороликах (гайды, летсплеи, нарезки и т.п.), СМИ, периодических изданиях, на форумах, стримах (трансляциях игрового процесса для аудитории) и т. д.

Виртуально-игровой дискурс можно разделить на две больших категории: письменный и устный. Хотя это разделение весьма условно, ведь одной из отличительных черт коммуникации в игровой среде является краткость, которая реализует функцию сокращения времени говорящего/пишущего игрока. Важной составляющей большинства современных онлайн-игр является осведомлённость игроков о всех происходящих в матче действиях. «Сыгранные» команды, участники которых в процессе игры постоянно обмениваются информацией («дают коллы», «коллят») о своих действиях и намерениях, а также о местоположении врагов, получают тактическое преимущество. Именно поэтому границы письменного и устного вариантов виртуально-игрового дискурса со временем стираются и становятся менее различимыми, ведь каждый год создатели игр делают их динамичнее, для того чтобы удержать внимание игроков, не давать им заскучать, и как можно дольше получать от них прибыль.

Стремительный рост прибыли разработчиков в индустрии видеоигр связан не только с постоянным улучшением технических возможностей для разработки инновационных продуктов, но и с процессом их локализации. Правильно переведённый, адаптированный с учётом культурных традиций продукт проще распространять на конкретные целевые аудитории, что помогает увеличить общий доход от реализации выпущенного проекта. Одним из примеров продуктов, созданных для того, чтобы подходить для распространения по всему миру, является онлайн-шутер «Overwatch». Игра является таковой благодаря тому факту, что разработчики создали персонажей различного пола, возраста, происхождения и профессий так, чтобы каждый игрок мог ассоциировать себя с подходящим героем. Однако более важным фактором успешного распространения видеоигры мы считаем тот факт, что продукт имеет 15 вариантов локализации (английский, русский, корейский, китайский (традиционный, упрощённый),

французский, немецкий, итальянский, испанский (европейский, латиноамериканский), японский, польский, португальский, тайский).

В процессе локализации и для создания действительно ориентированного на пользователя продукта важно учитывать культурные, исторические особенности конкретной страны, а также особенности менталитета населения. Однако при локализации видеоигр важно так же учитывать характер самого продукта: его текст будет содержать элементы виртуально-игрового дискурса и игровых сленговых единиц, а их грамотный перевод имеет большое значение для целевой аудитории. Дословно переведённая лексема может показаться игроку неуместной, что имеет шанс наложить негативный отпечаток на его мнение о продукте. При русской локализации игры «Overwatch» и переводе элементов виртуально-игрового дискурса, в частности, были применены следующие виды лексических, грамматических, синтаксических трансформаций и способы перевода:

1. Калькирование: call mech – вызов мехи, light gun – световой пистолет, fusion cannons – атомные пушки, fire strike – огненный удар, void accelerator – акселератор пустоты.

2. Транскрипция и транслитерация: carnage – карнаж, barrier – барьер, annihilation – аннигиляция, hyperspheres – гиперсферы, gg – гг.

3. Эквивалент: monkey business – мартышкин труд; all bark and no bite – собака лает, караван идет; it's all gone to the dogs – ну и пёс с ним; you're in the doghouse – собака бывает кусачей (в данных примерах переводчик предпочёл сохранению анималистического компонента вместо сохранения исходной семантики).

4. Опускание реалий иноязычной культуры, включение элементов, присущих русскоязычной культуре: «say "bacon" one more time» – «это кто ещё кусок сала?»; «anyone want some BBQ?» – «кому шашлычков?» (сало и шашлыки являются традиционно более близкими русскоговорящему населению, чем бекон и барбекю); «can't I guide your way tonight» – «где же, где же Новый год? Нет уже терпения!» (английская версия реплики является отсылкой к рождественской песне об олене Рудольфе; на русский язык фраза локализована цитатой из стихотворения Анны Островской «Новый год уже в пути!», с сохранением «праздничного» компонента, но с полной утерей оригинальной семантики); «I've got nothing to hide» – «себя от надоевшей славы спрятав...» (перевод реплики является цитатой из произведения В. С. Высоцкого), just start hammering – куй пока горячо.

5. Синтаксическое уподобление: throws an immobilizing trap – размещает обездвиживающую ловушку; for the Motherland – за Родину, I was born to rule – я рождена, чтобы править; fires 3 shots at once, in a triangle pattern – выпускает три снаряда разом в треугольной конфигурации.

6. Опускание: becomes a copy of the targeted enemy hero – становится копией вражеского героя; throws a fan of 3 projectiles in an arc – бросает три сюрикэна веером; unsheathes a deadly melee weapon – смертоносное оружие

ближнего боя; launches a deadly Dragon Spirit that devastates enemies it passes through – выпускает Дух Дракона, уничтожающий противников на своём пути.

7. Добавление семантических компонентов: channels a beam for a few seconds – проецирует луч энергии в течение нескольких секунд; drops bombs on death – умирая, роняет взведённые гранаты; short-range spread weapon – оружие с небольшим радиусом стрельбы и значительным разбросом дроби; provides your team with a view of the enemy's location – позволяет участникам команды видеть местоположение противников.

Таким образом, можно сделать вывод что при переводе виртуально-игрового дискурса в рамках локализации наиболее часто применяются калькирование, транскрипция, опущения и добавления семантических компонентов. Так же при локализации важно опущение реалий иноязычной культуры и замена их на реалии культуры целевой аудитории продукта. При профессиональной локализации видеоигры необходимо помнить не только об особенностях конкретной страны и специфике менталитета населения, но учитывать и тот факт, что контент создаётся для геймеров – людей, привыкших иметь дело с игровым сленгом в рамках виртуально-игрового дискурса. Сам виртуально-игровой дискурс функционирует не только во внутриигровой среде, но и в различных тематических контекстах (СМИ, форумы и т.п.). Природа виртуально-игрового дискурса делает его перспективным направлением для изучения в рамках лингвистики, в частности, теории и практики перевода.

Список использованных источников

1. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дис. д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. – 40 с.
2. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
3. Патюкова Р. В. Дискурс – коммуникация – текст: к вопросу о корреляциях и системных характеристиках // Научная мысль Кавказа – 2010. – № 4 (64).
4. Речицкая С. В. Понятие «дискурс» в современной лингвистике // Философия и наука в культурах Запада и Востока: сборник статей по материалам II Всероссийской научной конференции с международным участием (6–7 июня 2018 г.) – Томск, 2018. – С. 107–108.
5. Хурматуллин А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки – Казань, 2009. – С. 31–37.
6. Часовский П. В. Социопсихолингвистический анализ компьютерно-игрового дискурса: автореф. дис. канд. филол. наук. Челябинск, 2020. – 23 с.
7. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.– 248 с.
8. Wijman T. Newzoo's 2018 Report: Insights Into the \$137.9 Billion Global Games Market [Electronic Resource]. – Access mode: URL: <https://newzoo.com/insights/articles/the-global-games-market-will-generate-152-1-billion-in-2019-as-the-u-s-overtakes-china-as-the-biggest-market/> (access date: 21.12.2023).

УДК 378.147

3 + 1: КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ НА МЛАДШЕМ ЭТАПЕ В ПРОГРАММАХ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В СВЕТЕ ИМЕЮЩИХСЯ ПРОБЛЕМ*Д. Н. Шленнев,**доцент кафедры романо-германских языков, перевода, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, Высшая школа перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова*

Аннотация. Произведя обзор основных сегодняшних проблем и препятствий в реализации программ переводческой подготовки, автор пытается наметить 4 основных направления работы на младшем этапе.

Ключевые слова: переводческая подготовка, проблемы, языковая подготовка, когнитивное развитие, недостающие компетенции, начальный этап.

Summary. After listing some of the today's major challenges in translator training programs the author proposes to outline four main lines of action for teachers during the first years of university study.

Key words: translator training, challenges, language learning, cognitive development, missing skills, missing competences, first years of study.

I. В настоящей статье, продолжающей темы, затронутые в [3, 4, 5, 6], хотелось бы поделиться соображениями о четырех направлениях работы, которые представляются ключевыми в нынешних условиях. Речь пойдет о младшем этапе подготовки переводчиков на бакалавриате и специалитете, т.е. о 1-2 курсах – до начала полноценно-переводческих дисциплин. Три направления соотнесены с конкретными дисциплинами. Одно из них было по определению актуальным всегда, другие два особую значимость, по видимому, приобретают сегодня. Четвёртое же направление (обозначенное как «+1») – это своего рода сверхзадача для нас всех.

II. Будучи преподавателем перевода и преподавателем французского языка старшего этапа, я не только отчетливо вижу обозначенные проблемы, но и сталкиваюсь с их последствиями для освоения профессии как таковой. Проблемы эти прекрасно всем видны на любом этапе; но при обучении профессиональному переводу они лихо трансформируются в препятствия для освоения той самой профессии, которая как-никак указана в дипломе. Вместе с тем в очередной раз подчеркну: принадлежность к старшему этапу не есть вопрос из серии «кто главнее» и т.п. и не означает априорное право раздавать всем подряд ценные указания и приказы (чем преподаватель перевода порой способен грешить. Лишь один пример: коллеги-переводчики как-то составили список «тем», которые якобы необходимо освоить на практике языка. Любому, кто преподавал язык, неисполнимость этого пожелания была очевидна с первого взгляда. Более того, переводчик как раз должен быть способен находить информацию по различным «темам» самостоятельно; обучение же такой подготовке к переводу и самой ее необходимости – это миссия преподавателя перевода).

III. Итак, обозначим тезисно проблемы. Откровений не будет:

0) Системная проблема: непотребное состояние современной системы образования, финансовая и бюрократическая удавка на шее университетов и преподавателей. На уровне отдельных вузов возможны лишь попытки смягчить удары сверху или, напротив, их усилить. Тут нужен иной разговор – далеко не в рамках подобной статьи, и решение может быть лишь системным. Но не назвать здесь эту проблему нельзя, ибо она страшным – обратимым ли? – образом усугубляет все прочие.

Перейдем к конкретным проблемам. Разумеется, предельно обобщать не стоит, но названные явления определенно прослеживаются в массе – с той или иной степенью интенсивности.

1) Недостаточное владение студентами лингвистическими компетенциями – на уровне системы языка (грамотность). Для обучения переводу это смертельно. Профессиональное владение языком – необходимая презумпция для перевода; должное владение на соответствующем этапе обучения уровне – для овладения профессией. Казалось бы, тут легче всего призвать к ответу преподавателей языка младшего этапа (решение самое простое, «стрелочник» найден), но не будем торопиться: ниже нас ждет дополнение к сказанному.

2) Здесь же отметим и проблемы с грамотностью на родном языке, что для перевода не менее (на самом деле даже более) смертельно. Если сравнить с данными по стране, то, вероятно, наша ситуация – не худшая. Но для нас грамотность – профессиональное требование.

3) Проблема когнитивного характера: комплекс из фрагментарности мышления, неустановления логических связей и невысокой концентрации внимания. Это – сегодня уже общепризнанное – явление ведет к проблеме, описанной далее.

4) Недостаточно развитые дискурсивные / коммуникативные компетенции – максимально обобщенно назовём этот комплекс проблем так. Здесь мы видим сразу ряд явлений, о которых было неоднократно говорено, и не только переводчиками. Проблема с осмыслением текстов и производством осмысленных текстов и протяженных высказываний как целостных, связных – логичных (в частности, обладающих внутренней логикой) – и стилистически корректно оформленных единиц. Речемыслительная деятельность трансформируется в «речебезмыслительную» [1], а коммуникация – в «квазикоммуникацию», что стало всеобщей проблемой [2]. Действительно, пп. 3 и 4 – явные поколенческие проблемы, веяние времени, и начинать разговор тут нужно со школы (и переосмысления ЕГЭ?).

Попытка переложить решение этой проблемы на преподавателей иностранного языка младшего этапа обречена на провал (в т.ч. и потому, что на разных отделениях по-разному обстоит дело с владением иностранными языками: так, французские отделения традиционно полны «нулевигов» – работа над языком только начинается). При этом очевидно, что и при таком раскладе делать на начальном этапе что-то надо.

5) Далее идет странная проблема, самое существование которой, казалось бы, вступает в противоречие со ставшей уже классической критикой в адрес ЕГЭ (зацикленность на натаскивании в противовес обучению мыслить). Мы с коллегами все чаще говорим о странной неспособности студентов усвоить необходимый материал: овладеть должным образом активной лексикой и грамматикой (если говорить о практике языка), узуальными конструкциями (характерно и для практики языка, и для некоторых аспектов перевода), усвоить собственно содержательную часть и изложить оную с должным использованием активного лингвистического материала... Казалось бы, раз вы так привыкли с «этим вашим ЕГЭ» всё учить, выучить-то что-то возможно. Но не мнимо ли это противоречие? Ибо тут как раз необходимо не пустое выучивание, а освоение с пониманием. А именно этого, вероятно, и не происходит: лингвистический материал превращается в какие-то шлакоблоки, которые кто-то, глядишь, и «выучит» (механически утрамбуем в голове?), но без осмысления того, как эти конструкции работают, без их осмысленной отработки в речи, и в результате этот «кто-то» попросту их толком не понимает и не может адекватно использовать.

Порой (не в пример чаще, чем хотелось бы) возможна страннейшая вещь: студенты вроде бы готовили задания, тратили на них время (а порой еще – в силу, например, повторяемости конструкций, клишированности разбираемого материала – неоднократно возвращались к данным аспектам, к тем же или аналогичным конструкциям), но с почти нулевым усвоением материала. И это уже своего рода рекорд антипродуктивности.

Студенты как бы лишены самого понимания того, как нужно и чему нужно учиться. В чем должна заключаться нормальная подготовка к занятиям. А формальное выполнение задания будто бы сопровождается отключением осмыслительного процесса.

Эта проблема, как и ранее названные, захватила и старшие курсы. Должен признаться, что с непривычки я в свое время потратил очень много времени на то, чтобы разглядеть и осознать ее – даже лучше сказать признать – как таковую, настолько она не укладывалась в голове.

б) Разумеется, говоря о неделании, нельзя не упомянуть и лень, и отсутствие всякой реальной мотивации, и попросту нежелание работать. Тут ничего нового. Раньше это лечилось с помощью отсева. Сегодня... см. первую – системную – проблему. Результат: масштабы стали иными. И теперь это явление способно дать (и активно дает) метастазы.

IV. Итак, заявленные 3+1 направления работы. Боюсь, добиться улучшения благодаря одной-единственной дисциплине невозможно. Давайте попытаемся распределить и при этом объединить усилия.

1. Понятно, что лингвистические компетенции, связанные с иностранным языком, должны развиваться на занятиях по практике языка. И если нет базиса, владения (овладения) системой языка – всё дальнейшее бессмысленно. Нет перевода без языка. Если студент не может построить

синтаксически корректную фразу (а часто не может), о переводе следует забыть. Все остальное накладывается на базис.

Поэтому, с одной стороны, не стоит требовать от преподавателя практики языка неисполнимого или слишком сложно реализуемого. Но основы нам необходимы! (И какая бы дидактическая мода ни царила на прогрессивном дворе, давайте думать о том, что эффективно: без дрилла (где следует) нельзя – это автоматизация речевых умений, необходимая не просто коммуниканту, но профессиональному переводчику; детальные пересказы – нужны; известно, что не очень-то славятся результатами в сфере изучения языков те, кто перехватывают через край с «коммуникативным подходом», и т.д. Если задачу можно решить просто и эффективно, ее и следует решать просто и эффективно)

С другой стороны, может быть, необходимо какое-то переосмысление программы. Я неоднократно беседовал с уважаемыми коллегами – специалистами по младшему этапу. Они в этом вопросе куда более компетентны. Повторю здесь их мысли, высказанные в частных беседах: раз есть проблема с усвоением материала – атрофия способности к усвоению материала – может, стоит как-то его сократить. За счет, например, количества «тем». Но уж как следует прорабатывать оставленное, прививая нашим студентам – не в ущерб при этом лингвистической стороне – навык правильно учиться, обучая их учиться.

Я также задумался о введении курса «переводческой языковой подготовки», преподаваемого переводчиком (см. [6]). Это тоже участие в решении проблем. Но такая дисциплина не может начинаться раньше 2-го, а то и 3-го курса – т.е. тут уже нужен лингвистический задел.

2. Необходим курс родной речи, как бы он ни назывался в том или ином учебном плане.

Во-первых, здесь необходимо вести работу над повышением уровня грамотности. Эта часть, пожалуй, очевидна.

Во-вторых, именно на подобном курсе уместно вести активную работу по развитию дискурсивных компетенций, речемыслительной деятельности... Понятно, что такая работа неизбежна и необходима и на практике иностранного языка – когда это можно и в допустимых пределах (ср. резюме). Но на курсе русской речи на младшем этапе мы можем априори поставить этот вопрос в центре внимания. Это тем более важно, что подобные компетенции как таковые не завязаны изначально на том или ином языке. Следовательно, эффективнее и проще начать их развивать в рамках не просто одноязычной коммуникации, но коммуникации на родном языке. Тогда в дальнейшем иноязычные аспекты будут добавляться к имеющемуся базису, наслаиваться на него.

3. И, наконец, необходим курс некоей пропедевтической переводческой подготовки (см. подробнее [4, с. 291–293]). В некоторых вузах он имеется. В рамках такого курса можно развивать компетенции, задействованные переводчиком до начала акта перевода. Это прежде всего

переводческий анализ, переводческие упражнения, не требующие перехода на другой язык, в т.ч. реферирование и аннотирование.

Иными словами, здесь тоже идет развитие дискурсивных компетенций, но уже направленных непосредственно на перевод.

Отмечу, что реферирование, аннотирование, изложение смысла текста... уместны и приветствуются на курсе родной речи: меняется соус, под которым они подаются, но механика в целом та же.

Приведу один печальный пример. На курсе теории перевода я давал задание по реферированию весьма объемной книги, состоящей из нескольких глав (каждая глава реферруется отдельно; и источник, и резюме – на русском языке). Лучшие за все это время (или одни из лучших) работы были выполнены иностранцами – бельгийскими студентами-стажерами, для которых и источник, и их собственный текст были на иностранном (!) языке. Да, у них были лингвистические ошибки, шероховатости в узусе. Но они умели выполнять подобную работу, имели к ней привычку еще со школьных лет – изначально обучившись выполнять подобные задания на родном языке.

+ 1. Про четвертую задачу – общую сверхзадачу – пришлось мимоходом сказать выше. Она не привязана как таковая к конкретным дисциплинам и заключается в том, чтобы с самого начала всем нам формировать у наших студентов привычку, умение, навык правильно учиться, правильно работать над осваиваемым материалом.

V. В заключение же сделаю ремарку пессимистическую. Не уверен, что без решения общей – системной – проблемы мы достигнем результатов выдающихся. Мягко говоря.

Список использованных источников

1. Петрова О. В. Пир Дракулы, или еще раз о «речебезмыслительной» деятельности переводчика // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2015. – Т. 10. – № 3. – С. 68–75.

2. Петрова О.В. Трудно извлекать смысл из текста, особенно если его там нет // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2021. – Т. 14. – № 7. – С. 125–132.

3. Шлепнев Д. Н. Преподаватель перевода и преподаватель языка: ожидания, предложения, мнения, требования // Проблемы перевода и переводоведения: Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Выпуск 13. – Нижний Новгород: Изд-во ГОУ НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2010. – С. 192–204.

4. Шлепнев Д. Н. С чего же все-таки начинать переводческую подготовку: некоторые соображения // Специальный и художественный перевод: теория, методология, практика: сборник научных трудов; под общей ред. А. Г. Гудманяна, С. И. Сидоренко. – Киев: Аграр Медиа Групп, 2020. – С. 287–294.

5. Шлепнев Д. Н. О некоторых целях и принципах, которые полезно осознавать начинающему преподавателю перевода // Когнитивные исследования языка. – 2021. – 3 (46). – С. 917–921.

6. Шлепнев Д. Н. Курс переводческой языковой подготовки (некоторые соображения) // Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира: Сборник тезисов Второй Международной научной конференции, Нижний Новгород, 04–05 декабря 2021 года; Отв. редактор Р. М. Шамилов. – Нижний Новгород:

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2022. – С. 127–129.

УДК 821.111 : 82-312.1

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ЭСТЕТИЗМА РОМАНА О. УАЛЬДА
«ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»**

О. Б. Элькан,

доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры общественных дисциплин и истории искусств, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица, Санкт-

Петербург

Н. К. Норец,

к.э.н., доцент кафедры теории и практики перевода Института филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Согласно философии О. Уальда красота и эстетические ценности превосходят проблемы морального и социального характера. В романе «Портрет Дориана Грея» автор выражает духовные и физические противоречия человеческой сущности. Произведение О. Уальда показывает, что гипертрофированное желание следовать идеям эстетизма, не считаясь с какими либо моральными принципами, уже не является собственно эстетизмом.

Ключевые слова: философия, эстетизм, роман, О. Уальд, Портрет Дориана Грея

Summary. According to the philosophy of O. Wilde, beauty and aesthetic values surpass moral and social problems. In the novel “The Picture of Dorian Gray,” the author expresses the spiritual and physical contradictions of human nature. The work of O. Wilde shows that the exaggerated desire to follow the ideas of aestheticism, regardless of any moral principles, is no longer aestheticism itself.

Key words: philosophy, aestheticism, novel, O. Wilde, The Picture of Dorian Gray

Философские основы эстетизма были сформулированы в восемнадцатом веке И. Кантом, который говорил о независимости искусства. Искусство должно существовать ради него самого, для собственной красоты. Художник мог не заботиться о нравственности или полезности своего произведения, и даже о реакции окружающих на его творение. Идею эстетизма поддержали Гете в Германии и Томас Карлайл в Англии [1].

Бенжамен Констан впервые использовал фразу L'Art Pour l' Art (искусство ради искусства) в 1804 году, Виктор Кузен популяризировал эти слова, ставшие ключевыми для эстетизма в 1890-х годах. Французские писатели, такие как Теофиль Готье и Шарль-Пьер Бодлер также внесли значительный вклад в развитие эстетизма [1].

Оскар Уайльд не был основоположником идеи эстетизма, однако он являлся несомненным лидером в их продвижении в Англии конца XIX века. Будучи студентом колледжа, Уайльд попал под влияние произведений английского поэта и критика Алджернона Чарльза Суинбёрна и американского писателя Эдгара Аллана По. Английский эссеист Патер,

сторонник "искусства ради искусства" помог сформировать гуманистические взгляды Уайльда, согласно которым он больше был озабочен внутренним миром человека, его личностью, а не такими народными движениями того времени, как индустриализм и капитализм. Искусство не должно было стать руководством для социального, политического и даже морального движения [2].

Как и Бодлер, Уайльд защищал свободу личности от моральных ограничений и дискриминации общества. Эта точка зрения противоречила настроениям английского викторианского общества, для которого искусство было прежде всего примером духовного и морального развития человеческой души [2].

Оскар Уайльд – истинный защитник красоты, которому на протяжении своей литературной деятельности пришлось на себе почувствовать славу и насмешки общества, взлеты и падения, которые он был вынужден преодолевать. Однако, несмотря ни на что, он всегда оставался верен идеям эстетизма и считал, что красота является единственной и конечной целью любого искусства. Те, что смогли найти смысл своего существования в красоте, являются избранными.

Красота сама по себе не выражает ничего, и одновременно с этим выражает весь мир, весь смысл человеческого бытия. Она является источником и основой для всех произведений писателя. «Для меня красота является чудом из чудес. Только мелкие люди не судят о других по внешнему виду» [6].

Уайльд также поднимает вопросы противоречия. Он утверждает, что в искусстве нет такого понятия, как абсолютная истина. В этом вопросе проявляется его согласие с мнением Уитмена. В «Песни о себе» Уитмен пишет: «Should I contradict myself? / Very well then I contradict myself, / (I am large, I contain multitudes)» [7].

Его единственный роман «Портрет Дориана Грея» отмечает видение автора на искусство и красоту. Роман впервые был опубликован в 1890 году, и сразу после выхода в свет подвергся нападению критиков, которые посчитали высказывания Уайльда безнравственными и аморальными. В романе автор раскрывает связь между искусством и реальностью, выделяя непростую взаимосвязь между этикой и эстетикой. Писатель считал, что красота и эстетические ценности превосходят проблемы морального и социального характера. В романе Уайльд выражает духовные и физические противоречия человеческой сущности: красивые люди – нравственные люди; уродливые – соответственно безнравственные.

«Портрет Дориана Грея» принято считать явным призывом к жизни в соответствии с эстетическими ценностями. Отчасти это связано с расцветом эстетического движения викторианской Англии на момент публикации романа, а также с взглядами на принципы данной философии самого Уайльда. Эстетическое движение, которое совпало с промышленной революцией в конце девятнадцатого века, подчеркнуло художественный

аспект работы человека, занятого в производстве различных товаров массового потребления, от мебели до автомобилей. Оскар Уайльд, однако, считал, что принципы эстетической философии выходят за пределы производства простых товаров [8].

В своем изложении эстетизма, Уайльд применяет философию в более универсальном смысле, подчеркивая положительное влияние эстетизма на жизнь человека. Он осуждает людей, которые выступают в качестве метафорических «машин» массового производства, запрограммированных мыслить и вести себя в соответствии с идеями общества и правилами приличия, не позволяя себе действовать свободно в попытках достичь личного счастья.

В своем произведении Оскар Уайльд говорит о том, что настоящее искусство не должно принимать участие в формировании социальных и моральных принципов общества: «всякое искусство бесполезно» [6].

Искусство должно быть красивым и приятным для окружающих, но его дальнейшее влияние на человеческую личность являлось бы ошибкой. Наблюдая красоту искусства, человек исполняет замысел природы – получать удовольствие от жизни. Это возможно только через признание бесполезности красоты. В своем единственном романе, Уайльд использует жизненный путь главного героя, чтобы проиллюстрировать внутренний разрыв между общепринятыми моральными ценностями общества и идеями эстетизма, а также, чтобы определить недостатки обеих философий, в случае слишком строго следования их принципам.

После первой публикации романа, в ответ на обвинения критиков в свой адрес, Уайльд публикует дополнительные шесть глав и свое знаменитое предисловие, которое в последствие станет своеобразным манифестом эстетизма.

Роман «Портрет Дориана Грея» считается произведением классической готической фантастики и отождествляется с темой Фауста в немецкой литературе. Подобно легенде о докторе Фаусте, который заключил сделку с дьяволом, обменяв свою душу на безграничные знания, главный герой романа предает моральную целостность своей души ради завышенных амбиций, успеха и власти. Роль Мефистофеля в романе играет Лорд Генри, слова которого звучат как голос искушения и соблазна.

Лорд Генри проповедует философию эстетизма с необычайной элегантностью и изяществом. Часто и сам читатель попадает под пленительное очарование его слов. Через образ лорда Генри, Уайльд сетует на душную природу викторианского общества того времени, на мораль, требующую самоотречения и отказа от наиболее привлекательных сторон жизни. Лорд Генри как бы предупреждает читателя о том, что для достижения признания в тогдашнем социуме, человеку необходимо находиться в состоянии постоянной борьбы с собственными желаниями и даже отречься от себя самого. На первый взгляд, может показаться, что подобная философия, декларируемая лордом Генри и самим Уайльдом,

приводит его последователей к выводу, что жизнь Дориана Грея является эталоном правильного поведения человека. Однако, это не совсем так.

Противники чисто эстетического образа жизни ссылаются на то, что потворство своим желанием и сиюминутным порывам неизбежно приводит к безнравственности. Так называемые добродетели полностью эстетического образа жизни сомнительны и зыбки. Деграция Дориана Грея, являющегося воплощением необузданного эстетизма, иллюстрирует аморальность такого существования и отчетливо демонстрирует свои последствия [8].

Было бы ошибкой интерпретировать идею романа об эстетизме в качестве неоспоримого руководства к действию, автор использует жизнь Дориана, чтобы предупредить своих читателей о враждебности истинного эстетизма к морали и необратимым последствиям, к которым может привести бесконтрольное следование заповедям философии эстетизма.

Эстетизм часто приравнивают к безнравственности, что приводит к неустойчивой философии данного течения, принципы которого могут быть неправильно истолкованы. «Портрет Дориана Грея» показывает, что гипертрофированное желание следовать идеям эстетизма, не считаясь с какими либо моральными принципами, уже не является собственно эстетизмом.

Таким образом, главный герой романа, Дориан Грей опровергает правильность слепого поклонения идеям эстетизма, показывая своим примером к чему может привести безнравственность красивой жизни. Дориан Грей воплощает в себе эстетический образ жизни в действии, целью которого является стремление к познанию красоты во всех ее аморальных проявлениях. Подобное поведение приводит его к стремительному саморазрушению, к деграции личности и опустошению собственной души. Он умирает несчастным, с осознанием собственной ничтожности и – чувством глубокого отвращения к самому себе. «Портрет Дориана Грея» – это поучительная история, иллюстрирующая опасность следования эстетической философии, не имея при этом должного благоразумия и чувства меры.

Сам Уайльд признает в своем письме в вестнике Сент Джеймс, что Дориан Грей – это история «с моралью». А мораль такова: «All excess, as well as all renunciation, brings its own punishment...» [9]. Весь избыток, а также отречение от всего, приносит свое собственное наказание. Чрезмерное следование своим желаниям может стать губительным для человеческой души.

Список использованных источников

1. Аникин Г. В., Михальская Н. П. История английской литературы. – М.: Академия, 2007. – 480 с.
2. Артамонова С. Н. “Блестящий Оскар”, или Парадоксы О. Уайльда // Библиофил. Люди, рукописи, книги. Тайны и открытия. – М., 1999. – 121 с.
3. Богданова И. М. Лингвистические средства выражения идеи гедонизма в

романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» // Прагматика философского текста: материалы всерос. конф., Судак, пос. Новый Свет, 16–19 сентября 2019 г. – С. 20-21.

4. Лобанович А. В. Специфика воплощения образа Мефистофеля в мировой художественной традиции (на примере романов М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и О. Уайльда «Портрет Дориана Грея») // Чтения имени А. С. Дембовецкого: 755-летию Могилева посвящается. Сборник статей I Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Могилев, 07 октября 2022 года. Том Часть 1. – С. 516-519.

5. Маркова А. И., Меркулова М. Г. Творческая рецепция гендерной оппозиции "маскулинность - феминность" О. Уайльда в пьесе Т. Стоппарда "Изобретение любви" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 6.

6. Мещерякова А. В. Структура романа О. Уайльда "Портрет Дориана Грея" в свете философии Платона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 7-2(37). – С. 139-143.

7. Соколянский М. Г. Оскар Уайльд: Очерк творчества. – К.: Лыбидь, 1990. – 200 с.

8. Уайльд О. Портрет Дориана Грея / Оскар Уайльд. – М.: Азбука-классика, 2013. – 210 с.

9. Holland M. Hart-Davis R. The Complete Letters of Oscar Wilde / Merlin Holland, Rupert Hart-Davis. - New York: Henry Holt, 2000. – 436 p.

10. Whitman W. Song of Myself /Walt Whitman [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://whitmanarchive.org/published/LG/1891/poems/27> (дата обращения: 19.01.2024)

УДК 81'42

КОЛОРЕМЫ ГОРЫ ЧАТЫРДАГ В «КРЫМСКИХ СОНЕТАХ» АДАМА МИЦКЕВИЧА И ИХ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Т. А. Ященко,

доктор филологических наук, профессор, Симферополь

Аннотация. Целью исследования является определение роли колорема в создании мифопоэтического образа горы Чатырдаг в «Крымских сонетах» А. Мицкевича. В результате дискурсивного анализа оригинальных текстов четырех сонетов, их подстрочников, выполненных П. А. Вяземским, и ряда поэтических вариантов перевода на русский язык делаются выводы об их онтологической и метафорической функции. Обосновывается целесообразность дискурсивного подхода к анализу текста.

Ключевые слова: А. Мицкевич, «Крымские сонеты», П. А. Вяземский, дискурсивный анализ, колорема, Чатырдаг, межкультурная коммуникация

Summary. This research reveals the role of colour designation words in creating the mythopoetic image of The Chatyr-Dag Mount in Adam Mickiewicz' *Sonety Krymskie*. The discursive analysis of four original sonnets and their interlinear translations by P. A. Vyazemsky as well as a number of their Russian poetic translations allows to draw a conclusion about their ontological and metaphoric function. The expedience of discursive approach to the text analysis is substantiated.

Key words: A. Mickiewicz, *Sonety Krymskie*, P. A. Vyazemsky, discursive analysis, colour designation word, The Chatyr-Dag Mount, cross-cultural interaction.

«Крымские сонеты» Адама Мицкевича и разнообразие их переводов на русский язык, естественно, привлекают внимание в аспекте дискурсологии. При исследовании колорема используется понятие «семантический регистр» (Н. И. Толстой, Т. И. Вендина), что дает

возможность проследить их функционирование как в онтологическом, так и в метафорическом регистрах. [1] Актуальным для исследования оказалось также разграничение эксплицитного и имплицитного цветообозначения (Н. Б. Бахилина, Р. М. Фрумкина).

Новизна нашего подхода к изучению «Крымских сонетов» заключается в следующем: 1) использование выполненного П. А. Вяземским текста подстрочника поэтического цикла, который был представлен в первом издании «Крымских сонетов» [2]; 2) анализ прозаических текстов авторских «Пояснений» к сонетам. 3) реализация дискурсивного подхода к вариантам перевода. Прозаический перевод П. А. Вяземского познакомил русских читателей с польским поэтом и открыл путь для последующих поэтических переводов 20-ых годов 19 в. (А. Илличевский, В. Щастный, И. Козлов, В. Любич-Романович и др.).

Основным материалом для нашего исследования послужили следующие источники: 1) Мицкевич Адам «Крымские сонеты» в переводе Святослава Свяцкого [3]; Оригинальный текст сонетов в этой книге воспроизведен по польскому изданию; 2) Вяземский П. А. [2]; 3) переводы русских поэтов 19–21 вв.

Как было показано в нашей предыдущей публикации [5], в данном поэтическом цикле особое место занимают горы: они упоминаются в 10 сонетах из 18. Известно, что горы обладают несомненной притягательной силой для поэтов-романтиков. А. Мицкевич, выросший среди равнин Польши и Литвы, под влиянием путешествия по Крыму и очарованный его восточным колоритом, создает свой поэтический микрокосмос, в котором центральное место занимают именно горы и море.

Вопросы о связи «Крымских сонетов» с философией и эстетикой романтизма, а также об увлечении польского поэта восточными произведениями Гете и Байрона в периоды жизни в Вильно и Ковно подробно рассматриваются в работах профессора А. Фабяновского [6]. Материалы авторских Пояснений к «Крымским сонетам» свидетельствуют об изучении поэтом трудов ориенталиста О. И. Сенковского и «Истории персидской поэтической речи» И. Гаммера, а также о том, что уже после возвращения из Крыма, в Москве, А. Мицкевичем было прочитано «Путешествие по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола. Но в то же время не следует забывать и об интересе А. Мицкевича к мифологическим пластам славянских культур.

Крым, отраженный в языковом сознании поэта-романтика, в значительной мере соотносится с общей мифопоэтической моделью мира, в которой своеобразным центром является Мировая гора. Она часто воспринимается как образ мира, модель Вселенной, в которой присутствуют все основные элементы и параметры космического устройства (А. Н. Афанасьев, А. А. Потебня, А. Ф. Лосев, В. Н. Топоров и др.).

Среди представленных в сонетах поэтических образов крымских гор и скал доминирует мифопоэтический образ Чатырдага. Именно эта гора в

восприятию А.Мицкевича соответствует представлениям о Мировой горе, с ее основными характеристиками: а) центральное расположение в определенном пространстве; б) через нее проходит земная ось, о чем свидетельствует положение Полярной звезды; в) гора создана Высшими силами; это обитель добрых и злых духов.

Чатырдаг предстает перед читателем в четырех сонетах: Сонет V «Вид гор из степей Козлова», сонет XI «Алушта днем», сонет XII «Алушта ночью» и сонет XIII «Чатырдаг». Не случайна, на наш взгляд, сама последовательность расположения произведений.

Первое впечатление от Чатырдага, как и от Крымского полуострова, воплощено в сонете «Вид гор из степей Козлова». Обратимся к авторским прозаическим Пояснениям по поводу расположения и высоты этой горы: «Самая высокая вершина в хребте Крымских гор на южном берегу полуострова. Видимая с разных сторон почти за 200 верст, она похожа на огромную синюю тучу» [3, с. 159]. Заметим, что в первой фразе комментария допущена фактическая погрешность: самой высокой горой Крыма является Роман-Кош (1545 м.), а высота Чатырдага несколько меньше: 1527 м. Но особая роль именно этой горы в общем восприятии Крыма столь значима для поэта, что он называет ее самой высокой. А вот способность Чатырдага быть видимым из разных частей Крымского полуострова вполне соответствует не только мифопоэтической модели мира, но и реальности.

Обращаясь непосредственно к роли колором, принимаем во внимание тот факт, что цвет горы определяется не только состоянием атмосферы и временем суток, но и ракурсом взгляда, и личностными особенностями наблюдателя (Н. Б. Бахилина, Р. М. Фрумкина, А. Вежбицкая). Первое восприятие Чатырдага связано с нахождением от него на значительном расстоянии (из степей Козлова, то есть из западной части Крыма, из района Евпатории), к тому же на закате. В авторском Пояснении к сонету представлена колорема горы, основанная на сравнении: «она похожа на огромную синюю тучу» [3, с. 59]. В поэтическом тексте колористическое восприятие дается посредством символических образов: «Tam? czy Allah postawił ścianą **morze lodu**? / Czy aniołom tron odlał z **zamrożonej chmury**?» [3, с. 20]. См. перевод С. Свяцкого: «Там... Эти **глыбы льда**... Аллах ли их воздвиг – /Сковал для ангелов из **мерзлой тучи** троны?» [3, с. 21]. Цвет видимого склона горы непосредственно не указан; но даются колористические номинации фантастического видения в метафорическом регистре, что позволяет определить цвет склона как беловато-синий.

Более всего воображение Пилигрима поражает картина вершины горы: «Na szczycie jaka **luna! pożar Carogrodu!** / Czy Allah, gdy noc chylała rozciągnęła bury, / Dla światów żeglujących po morzu natury / Tę latarnię zawiesił śród niebios obwođu?» [3, с. 20].

Приведем подстрочный перевод П. А. Вяземского: «Какое **зарев** на вершине! Будто **пожар Царьграда!** Не Алла ли, когда ночь раскинула

темный покров, Засветил для миров, плавающих по морю природы, Те светильники среди небесного уруга!» [2]. Колористическая характеристика вершины горы на закате строится на основе альтернативных символических сравнений: трагическая картина пожара Царьграда или спасительные деяния Господа.

Среди поэтических переводов широко известен принадлежащий перу О. И. Румера: «Какой там **блеск** вверху! **Пылает ли Царьград**, / Иль то Аллах зажег маяк на горной круче, / Чтобы указывать пути в ночи дремучей / Мирам, которые во мгле небес кружат?».

В авторском Пояснении дается природное объяснение фантастического явления, поразившего Пилигрима, где колористическое впечатление передается посредством метафорического сравнения: «В отраженных лучах заходящего солнца вершина Чатырдага стоит несколько мгновений, будто обхваченная пламенем» [3, с. 59].

Современник А. Мицкевича и П. А. Вяземского, поэт И. И. Козлов, чья книга «Сонеты Крымские. Переводы и подражания Ивана Козлова» была издана в Санкт-Петербурге в 1829 г., дает такой перевод начальной строфы: «**Что за луна?** Взгляни, громада / **Пылает, как пожар Царьграда!** / Иль для миров во тьме ночной, / Плывающих по морю Природы, / Сам Алла мощною рукой / Так озарил небесны своды?».

Заслуживает особого внимания перевод польского слова *luna* как *луна*. На первый взгляд, может показаться, что в переводе И. И. Козлова отмечается явление межъязыковой омонимии: польская лексема *luna* с прямым значением «заревое» переведена на русский язык лексемой *луна* с прямым значением «небесное светило, спутник Земли». На самом деле перевод правильный. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, помимо диалектного значения слова луна «зарница, отблеск на небе», приводятся сходные значения в ряде западнославянских и южнославянских языков [4, т. 2, с. 533].

В сонете «Алушта днем» отражено не только другое время суток, но и представлен другой ракурс восприятия Чатырдага: поэт смотрит на него из Алуштинской долины, которая в авторских Пояснениях характеризуется как «один из самых восхитительных уголков Крыма» [3, с. 63]. Летняя Алушта пронизана солнечным блеском. Этот сонет, пожалуй, более других богат разнообразием колором. Но мы не встречаем здесь непосредственно описания Чатырдага. Можно только предположить, что первая строка сонета «Już góra z piersi **mgliste** otrząsa chylaty», соотносится с ним, а не с горой Демерджи, тоже возвышающейся над Алуштой: В подстрочнике П. А. Вяземского: «Уже гора отрясает **мглистые** покровы...» [2]. Метафорическое представление ночного тумана сохраняется, как и в переводе С. Свяцкого: «Халаты **мглистые** стряхнула с плеч гора» [3]. Заметим, что в ряде переводов 19 в. эта метафора утрачена.

Образ Чатырдага на закате летнего дня предстает перед читателем в сонете «Алушта ночью», для которого характерно космогоническое и

мистическое восприятие горы, проявляющееся и в соответствующих символических образах (*лампада миров*), и в метафорических колоремах (*пурпурные струи, блески метеора*): «Rzeźwią się wiatry, dzienna wolniej posucha, / Na barki Czatyrdahu spada **lampa światów**, / Rozbija się, rozlewa **strumienie szkarłatów** / I gaśnie» [3].

Подстрочник П. А. Вяземского: «Свежеет ветер, дневной зной утихает; на рамена Чатырдага падает лампада миров, разбивается, разливает пурпурные струи и гаснет» [2].

Наступившая темнота озаряется блеском метеора: «Usypiam pod skrzydłami ciszy i **ciemnoty**: / Wtem budzą mię rażące **meteoru błyski**, / Niebo, ziemię i góry oblał **potop złoty!**» [3]. Подстрочник Вяземского: «Засыпаю под крылами тишины и **сумрака**; вот будят меня поражающие блески метеора; небеса, дол и горы облил **потоп золота**» [2].

Перевод И. И. Козлова, весьма близкий к оригиналу, включает сходные колоремы: «На темный Чатырдаг пала ль **миров лампада** – Разбилась, **пурпур льет** и гаснет. – **Черной** мглой Одеты гор хребты, в долине мрак глухой». Доминирующие в этом сонете контрастные колоремы *черный, золотой, пурпурный* выразительно передают впечатление от южной летней ночи.

Сонет «Чатырдаг», как и сонет «Вид гор из степей Козлова», пронизан идеей сакрализации Горы. Сравнение Чатырдага со стражем неба Гавриилом развивается в последующих сравнениях с доминированием колорем в метафорическом регистре: «Ciemny las twoim płaszczem, a janczary strachu / Twój turban z chmur haftują błyskawic potoki» [3]. Подстрочник Вяземского: «**Темный** лес твой плащ, и янычары ужаса вышивают **струями молний** твою чалму, сотканную из облаков» [2]. В переводе И. И. Козлова колоремы аналогичны или семантически схожи с оригиналом: «Твой плащ широкий – лес **дремучий**; Из облак выткана чалма И шита **молнии струями**».

Особого внимания, на наш взгляд заслуживает перевод И. Бунина, в котором колорема *темный* при описании плаща заменена колоремой *зеленый*: «Зеленый плащ твой – лес, и тучи – твой тюрбан...». Насколько нам известно, только в переводе И. А. Бунина авторской колореме «темный» соответствует русская «зеленый». Смеем предположить, что эта замена не является случайной: колорема «зеленый» в данном случае выступает как символ ислама. Многие исследователи отмечают важность темы Востока и ислама в творчестве И. А. Бунина (О. Михайлов, С. Б. Джимбинов, Н. В. Яблоновская, М. Билык и др.). Вспомним, что в стихотворении «Зеленый стяг» воспевается зеленое знамя Магомета, а символика зеленого цвета пронизывает также стихотворение «Потомки Пророка». Таким образом, символическое использование «неправильной» колоремы в тексте перевода может быть обусловлено особенностью мировосприятия поэта-переводчика.

Список использованных источников

1. Вендина Т. И Языковое сознание и методы его исследования / Т. И. Вендина // Вестник МГУ. – Сер. 19. – № 4. – С. 15–33.
2. Вяземский П. А. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского: Т. 1-12 / П. А. Вяземский. – СПб: изд. гр. С. Д. Шереметева, 1878-1896.
3. Мицкевич А. Крымские сонеты в переводе Святослава Свяцкого (Adam Mickiewicz. Sonety Krymskie) / А. Мицкевич. – СПб.: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2017. – 96 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. П. Трубочёва; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1986-1987; Т. 2. – С. 533.
5. Яценко Т. А. Образное представление концепта Гора в «Крымских сонетах» Адама Мицкевича / Т. А. Яценко // Диалог культур. Восточнославянские языки в контакте с польским и др. европейскими языками / Bydgoszcz – Simferopol, 2013. – С. 310–319.
6. Fabianowski A. Wielokulturność Sonetów Krymskich Adama Mickiewicza / A. Fabianowski // Dni Adama Mickiewicza na Krymie. Krymsko-polskie zeszyty naukowe. – Т. 1. – Simferopol: Universum, 2004. – S. 18–25.

СОДЕРЖАНИЕ

Абдульмянова Д. Р., Леванчук К. М.	
Специфика англо-русского перевода политической метафоры (на материале публичных выступлений Д. Трампа).....	3
Абдульмянова Д. Р., Любашев Н. А.	
Специфика процесса локализации видеоигр.....	7
Абдульмянова Д. Р., Миконяти М.	
К вопросу о классификации переводческих трудностей в устном последовательном переводе.....	11
Абдульмянова Д. Р., Пиксаева В. В.	
Метафора как средство убеждения в англоязычном и русскоязычном политическом дискурсе.....	17
Баканова М. В.	
Анализ способов передачи синтаксических выразительных средств в произведении Д. Киза «Цветы для Элджернона» на русский язык.....	23
Бармина Е. А., Тарасевич А. Р.	
Особенности идиостиля Иосифа Бродского и их реализация при переводе на английский язык.....	28
Бармина Е. А., Чеченева О. А.	
Речевой портрет персонажа как переводческая проблема (на материале романа Д. Митчелла «Облачный атлас»).....	33
Беджанян К. Г.	
Перевод стихотворения В. Брюсова «Мерный шум колёс» на английский язык.....	37
Болдова Т. А.	
Карикатуры на иностранном языке: в обучении языку и переводу.....	41
Велилаева Л. Р., Асанова Э. А.	
Понятие феминизма, происхождение и его толкование в современной гуманитарной науке.....	46
Велилаева Л. Р., Болтабоева У. Ю.	
Современные проблемы перевода художественной литературы.....	52
Вихриева И. В.	
Тексты фольклора как носители русского культурного кода на занятиях по русскому языку как иностранному.....	56
Воротникова А. Э.	
Русалки versus ундины: особенности перевода стихотворения С. Плат «Lorelei».....	63
Глухенькая Л. Н.	
Языковая игра в детской поэзии Кэрол Энн Даффи – как понять и как переводить?.....	68
Голубкова О. Н.	
Принципы методологической состоятельности выпускной квалификационной работы по переводу.....	74

Горшкова В. Е., Коростелева В. Е. Классификации видов перевода в свете современного переводоведения...	78
Гришаева Е. Б. Политическая и идеологическая роль перевода.....	84
Губочкина Л. Ю. Роль антропоморфных персонажей в тексте художественного перевода...	89
Демидова О. Р. Музыка города: перевод с языка звуков на язык образов.....	92
Джапарова Э. К., Зейтуллаев Э. С. Лингвистические и культурные особенности использования терминологии в британском английском и русском языках.....	96
Джапарова Э. К., Чурлу А. М. Термины английского языка и особенности их перевода.....	100
Диброва Е. В., Пичушкова М. Д. Особенности передачи оноματοпозитизмов при переводе Манхвы с корейского на русский язык на примере Вебтуна «Лериана. Невеста герцога по контракту».....	104
Дронякина Н. В. Репрезентация образа современной женщины в новеллах Анны Гавальда и способы его перевода на русский язык.....	109
Ермоленко О. В., Лукашева Н. Н. Специфика машинного перевода текстов юридической направленности.....	114
Жукова Е. Ф., Жуков К. В. Пословицы и поговорки в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и способы их перевода на английский язык.....	118
Зеленцова М. Г., Козлова А. Т. Специфика понятийного аппарата переводчика при локализации продуктов разного типа.....	124
Зеленцова М. Г., Табакова У. И. О некоторых трудностях при переводе подкастов.....	129
Зиба В. С. Некоторые особенности перевода универсального понятия красота в текстах художественной литературы (на материале русского и французского языков).....	135
Злобин А. Н, Федькина Т. А. Проблемы перевода дисциплин в документах высшего образования РФ и ФРГ.....	138
Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Роль контекста при переводе лексики: методический аспект.....	141
Исхакова К. А. Искусство перевода в виртуальную эпоху.....	146
Кхан Гулафшан Салам Sign language recognition: bridging communities.....	149

Каменская И. Б.

Изофункциональность комического как критерий адекватности перевода.....156

Карпухина В. Н.

Аксиологические доминанты советской публицистики в переводе.....161

Катышева В. А.

Опыт анализа метафорических блендов на материале сварочной терминологии на английском и русском языках.....165

Кибкало Р. И.

Лингвопереводческая специфика средств интенсификации высказывания в научно-популярном дискурсе.....171

Кирпикова В. В.

Проблемы передачи внутрilingвистических значений при переводе современной прозы.....176

Кислицына Н. Н., Москвичева О. А.

Особенности передачи образности в поэтических текстах при переводе (лингво-когнитивный аспект).....180

Косолапова Т. В.

Создание глоссария как один из этапов предпереводческого анализа научно-популярного текста.....185

Курбанова Н. М.

Способы перевода лайфстайл-образов (англо-русский перевод).....189

Куракова И. А.

Образ персонажа-подростка как объект общелингвистического анализа (на материале романа «Проклятые» Ч. Паланика).....194

Ледникова И. К.

Компонентный анализ коллокаций с лексемами conflict и sanctions и их перевод на русский язык в контексте информационно-психологической войны.....199

Лекомцева И. А., Абдульманова Е. К., Вьюнова А. Х.

Имена «пустых денотатов» и методы исследования их значений: лингвокультурологический и переводческий аспекты.....207

Лукинова М. Ю., Асанова М. Р.

Языковые средства создания образа Хейзел в романе «Виноваты звёзды» Джона Грина.....210

Лукинова М. Ю., Бабенко К. В.

Особенности передачи саспенса в процессе перевода современной литературы жанра триллер (на материале романа Дж. Макмахон «Люди зимы»).....219

Лукинова М. Ю., Бахолдина О. А.

Перевод диалогической речи как способ передачи языковой природы образа (на примере графического романа «Мато»).....224

Лукинова М. Ю., Мамедлаева А. Ф.

Анализ перевода языковой игры с английского на русский (на материале американского телесериала «Симпсоны»).....229

Лукинова М. Ю., Потапова М. А.

Особенности локализации компьютерных игр (на материале игр «Phasmophobia», «Horizon zero dawn» и «The last of us»).....234

Лучникова А. В.

Роль преподавателя английского языка на занятиях со студентами иностранцами в неязыковом вузе в условиях многонациональных групп.....238

Мартынюк К. С.

Типы переводнических трансформаций при переводе стилистических средств.....243

Масленникова Е. М.

Роман “Евгений Онегин” на английском языке: особенности переводческого прочтения.....249

Медведева М. С.

Фразеологизмы как эффективное средство речевого воздействия в политическом дискурсе.....256

Милостивая А. И., Умарова Д. А. к.

Туристические достопримечательности Австрии в немецком медианарративе (опыт имагологического переводческого анализа).....262

Михеев А. Е., Плотникова Е. А.

Единственный роман Дж. Д. Сэлинджера: трудности перевода на русский язык.....266

Му Цзянмин

Геймификация образовательного процесса при обучении китайскому языку.....270

Назарова И. Г., Станевич С. В., Медведева Н. Г.

Стихотворение Р. М. Рильке «Автопортрет»: история создания, проблемы перевода.....274

Нецветаева Ю. С., Куницына Е. Ю.

Время культуры «СВО» в зеркале дискурсивных медиапрактик: переводческий аспект.....278

Норец М. В., Остапенко И. В., Магалайш же Соуза Остапенко С.

Особенности сатиры как литературного жанра.....283

Петлина К. А., Банах Л. С.

Переводческие удачи и потери при передаче символических образов в стихотворении Одиссеаса Элитиса «Эгейскому морю».....286

Петрова М. Г., Чэнь Цзыяо

Использование кейс-метода на курсах китайского языка.....291

Петрова О. В.

Теоретические и прикладные аспекты перевода: взаимосвязь и взаимовлияние.....297

Пишкова Е. Ю., Лиджиева А. М.

Специфика перевода метафоры в текстах публицистического стиля (на основе новостных СМИ).....302

Резеньков В. Е.

Ассимиляция, апроприация, перевод, трансфер: основания выбора стратегии межкультурного взаимодействия.....307

Рейнова А. В.

Способы образования авторских неологизмов в романе Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь» и их перевод на русский язык.....311

Сафарова З. А.-Г., Аметова Э. А.

Художественные особенности романа Грэма Грина «Наёмный убийца».....315

Светайлов Б. В.

Способы достижения эквивалентности в переводе хеджинговых конструкций с разноструктурных языков на русский (на материале научной статьи по экономике).....322

Серебрякова С. В., Щуринов Ю. С.

Лингвопрагматические особенности полемики о закрытии АЭС (на материале немецких СМИ).....327

Сидельникова Е. А., Романенко Е. В.

Сравнительно-сопоставительный анализ семантики пословиц и их перевода из русского, английского и немецкого культурных фондов.....331

Силин В. В.

Приемы и правила решения переводческих проблем.....339

Скидан О. Г.

Стилизация разговорной речи в романе Энн Пэтчетт «Голландский дом»: переводческий аспект.....346

Солоха Д. М.

Особенности перевода на немецкий язык безэквивалентной лексики на примере «Семейной хроники» С. Т. Аксакова.....351

Старухина А. А., Карпухина В. Н.

Семантическая модуляция кардиологической терминологии при переводе с английского на русский язык.....355

Стрельцов А. А.

Возможность перевода геральдического описания герба в драматическом произведении.....359

Татевосян Р. В.

Лермонтов о власти слова (стихотворения “К Д.” и “Есть речи – значенье” на армянском).....363

Трофимова В. С., Трофимова Т. Н.

Перевод «Проповедей» шотландца Хью Блера А. П. Буниной (1829): цензура, продвижение, резонанс.....371

Тюков В. С. Китайская народная сказка как средство воспитания детей школьного возраста.....	376
Уланова Е. Н., Горшкова В. Е. Дидактика перевода в свете интерпретативной теории перевода.....	381
Устиновская А. А. Эволюция техники перевода на примере переводческой стратегии В. Брюсова.....	386
Фадеева М. Ю., Кальнов Д. Д. Феномен «Easter egg» в видеоиграх: переводческий аспект.....	389
Филиппова И. Н. Ошибки перевода в практике обучения: типология и причины.....	393
Фомин Э. В. Чувашские библионимы конца XIX в. в аспекте переводоведения.....	399
Шастина Е. М. Проблема перевода литературных антропонимов в произведениях Э. Канетти и К. Хоффера.....	403
Шварцвальд А. В. Особенности понятия «виртуально-игровой дискурс» и его перевода с английского на русский язык (на примере игры «Overwatch»).....	408
Шлепнев Д. Н. 3 + 1: ключевые направления работы на младшем этапе в программах подготовки переводчиков в свете имеющихся проблем.....	413
Элькан О. Б., Норец Н. К. Философские основы эстетизма романа О. Уальда «Портрет Дориана Грея».....	418
Яценко Т. А. Колоремы горы Чатырдаг в «Крымских сонетах» Адама Мицкевича и их переводах на русский язык.....	422

Научное издание

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы VIII международной научно-практической конференции

*Симферополь
25 – 26 апреля 2024 года*

Верстка Н. К. Норец

В авторской редакции

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 22,23. Тираж 100 экз. Заказ № 11А/15.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru